МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ

БАДЕНСКИЙ РОМАН

А. О. Смирнова-Россет

Баденский роман

Москва
Берлин
2019

УДК 82
ББК 83.3(2)
С50

Смирнова-Россет, А. О.

С50 Баденский роман / А. О. Смирнова-Россет. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 462 с.

ISBN 978-5-4475-2821-8

В издание вошли мемуарные записи фрейлины русского императорского двора Александры Осиповны Смирновой-Россет (1809–1882 гг.). Перу этой незаурядной женщины, являвшейся другом и собеседницей А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и других известных современников, принадлежат откровенные, порой язвительные, но, безусловно, имеющие большую историческую ценность картины прошлого из жизни русского общества первой половины XIX века. «Баденский роман» – это в некотором роде воспоминания Александры Осиповны о безвозвратно ушедших молодых годах, о ее одиночестве и непростом душевном состоянии в периоды беременности.

Помимо основного текста в издание вошли фрагменты других вариантов «Баденского романа».

Завершают книгу отрывочные заметки из записной книжки А. О. Смирновой-Россет.

УДК 82
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-4475-2821-8

Основной текст

О память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

После моих вторых родов я была очень больна. Доктора послали за границу. В Берлине знаменитый врач д-р Горн сказал, что расстройство моих нерв, страшные бессонницы и *idées fixes* зависели от расстройства моей печени и приказал мне пить Мариенбадские воды. Я встретила там много русских, между прочим в<еликого> к<нязя> Михаила Павловича, и почувствовала большое облегчение. Зиму мы должны были провести в Париже, потому что я хотела лечиться омеопатией. Между тем в Берлине я сделалась беременна, и берлинский акушер советовал мне провести последние месяцы в Баден-Бадене. В Дармштадте я уговорилась с знаменитой акушеркой M-me Heidenreich von Syboldt. После несчастных родов английской принцессы Ellen на герцогиню Кентскую напал такой страх, что она решилась выписать M-me Heidenreich в Лондон, и она приняла ныне царствующую королеву Викторию.

В Дармштадте я нашла старую приятельницу, жену французского министра M-me Lagrené, рожденную Дубенскую, бывшую фрейлину в<еликой> княгини Марии Николаевны. Они жили очень счастливо: она кормила свою старшую дочь Gabrielle, она очень умно подчинялась всем желаниям мужа, который получил классическое образование у иезуитов, и первым делом его и первая забота – перевести ее в римско-католическую церковь. Это меня, воспитанницу отца Михайла Наумова, столько же удивило, сколько огорчило, что, впрочем, не изменило наших дружеских отношений, и до сих пор присутствующих. M-me Heidenreich сказала мне, что она советует мне взять десять ванн в Баден-Бадене, где был хороший д-р Гугорт. Последний советовал нам взять квартеру на пригорке, в доме *г-жи Chezey,* читательницы многих романов во вкусе Каролины Пихлер и Коцебу. Она была очень образованная и начитанная дама.

Комната моя была завалена пеленками, фланелью, и я дошивала последний *wrapper*[1] для ожидаемого гостя. Шесть недель был последний срок. Я никого не знала в Бадене и никого не искала. Человек отворил дверь, и вошла, к моей радости, графиня Юлия Строганова.

– Chère Comtesse, quelle surprise et comme je suis contente de vous voir!

– C’est bien réciproque, chère amie. Sans vous demander la permission je vous amène notre petit ami Mr Nicolas Kisseleff, premier secrétaire de l’ambassade de Russie à Paris, au reste il est l’ami de tout le monde, il est si bon et si aimable que tout le monde l’aime.

– Ma chambre est si encombrée, que je dois vous faire une place auprès de moi – и, обратившись к Киселеву, сказала ему:

– Charmée de faire votre connaissance.

Je déchirais de la flanelle.

– Comme vous êtes impatiente, Madame[2].

– Mais on déchire toujours la flanelle.

Nos yeux se sont rencontrés et tout les deux nous avons légèrement rougi.

La Comtesse a dit: «Oh, elle sait tout, c’est elle qui a fait les layettes de ses deux jolies jumelles; elle joue parfaitement bien du Piano et passe des heures à jouer à 4 mains avec son ami le Prince Odoéffsky, la musique classique de Beethoven. Elle chante d’une petite voix douce et toujours juste des romances».

– Chère C<omte>sse, à vous entendre je possède tous les talents – et ils sont très médiocres, je vous assure, Monsieur.

– Mme a des jumelles? Puis-je les voir, j’aime tous les enfants.

– Mr, est-il marié?[3]

---

[1] Зд. пеленку *(англ.)*.

[2] Дорогая графиня, какой сюрприз и как я рада вас видеть. – Взаимно, дорогой друг. Без вашего позволения я привожу вам нашего доброго друга, г. Николая Киселева, первого секретаря русского посольства в Париже; к тому же он всеобщий друг, он так добр и любезен, что все его любят. – Моя комната так загромождена, что я должна просить вас сесть возле меня... Очень рада с вами познакомиться.
Я разрывала фланель.
– Как вы нетерпеливы, мадам.

[3] – Но фланель всегда рвут.
Наши глаза встретились, и мы оба слегка покраснели.

Il rougit et me dit: «Quand on n'est qu'un pauvre employé sans fortune, on ne peut pas se donner cette position».

– Certainement, j'en suis très fière.

J 'ai apporté Oly dans mes bras et Dikinson apportait Adini.

– Quelle imprudence, Mme, dans votre état! – et il la prit dans les bras; nos yeux se rencontrèrent et nous avons encore plus rougi.

– Il est vrai qu elle est bien soigné pauvres petites.

Oly me dit: «Lola, wer ist dieser Herr?» – «Kisseleff». – *«Kilivoff».* Et Adini dit: «Kilivoff».

La Comtesse s'est levée pour partir et je lui ai assuré que la colline de Dome Chezey me fatiguait et que nous déménageons aujourd'hui dans la maison Durcholz et que je serai aussi plus près d'elle et de Cléopâtra Troubetzkoy[4]. Je me tournais vers Kisseleff et lui dit: «Et vous, où logez-vous, Kisseleff?» (chose qui ne se dit pas à première vue).

– In «Die Rose», Madame.

Dites, je vous prie, à Cleopatra que je dine chez elle, elle peut inviter qui elle veut excepté cet odieux Platonoff qui habite au-dessus de vous.

Là-dessus il ouvrait la porte à la Comtesse, me salua avec l'aisance d'un homme de bonne compagnie, et je fit la réflexion

---

Графиня сказала: «О, она знает все, это она сделала все приданое для своих хорошеньких двойняшек; она прекрасно играет на фортепиано и целыми часами играет в четыре руки со своим другом, князем Одоевским, классическую музыку Бетховена. Она поет романсы нежным голоском и всегда верно».

– Дорогая графиня, послушать вас, то я обладаю всеми талантами, – они очень посредственные, уверяю вас, мсье.

– У мадам есть близнецы? Можно мне их посмотреть? Я люблю всех детей.

– Мсье женат?

[4] Он покраснел и сказал мне: «Когда ты лишь бедный чиновник без состояния, ты не можешь себе этого позволить». – Конечно. Я этим очень горжусь.

Я принесла на руках Оли, а Дикинсон несла Адини.

– Какая неосторожность, мадам, в вашем положении! – И он взял ее на руки; наши глаза встретились, и мы снова покраснели.

– Это правда, она прекрасно заботится о бедных малютках.

Оли сказала мне: «Лола, кто этот господин?» *(нем.)* – Киселев. – *Киливов.* И Адини сказала: «Киливов».

Графиня встала, чтобы уйти, и я сообщила ей, что холм, где расположен дом Шези, меня утомляет, что мы переезжаем сегодня в дом Дурхгольц и что я буду гораздо ближе к ней и Клеопатре Трубецкой.

qu'il aimait les enfants parce qu'il en avait, et sa rougeur me le prouvait. Après avoir commandé la voiture pour les enfants et un véhicule pour transporter nos coffres, j'allais voir notre nouveau logement. Il parait que Dame Durcholz qui m'y attendait en fiacre me prenait pour une très grande Dame[5]; il y avait un canapé remboursé comme de raison de noyaux de pêche, couverte d'une panne d'un bleu indécis et parsemé de fleurs jaunes, et huit fauteuils, également tendus de cette même panne, des rideaux de mousseline blanche, dans ma chambre à coucher deux lits, une commode, une table de toilette et deux chaises, puis une chambre vide et puis celle des enfants, et puis un coin pour les coffres et les vases étrusques et les voltaires. Bade était très modeste dans ce temps-là.

Mme Durcholz m'a présenté Lisette, la cuisinière, me garantissant que c'était un cordon bleu, et puis une servante pour faire le gros ouvrage. Ma femme de chambre Лиза, крепостная пьяная тварь, dormait dans la chambre de passage. Elle prisait du tabac Russe vert, ce que l'on appelait дьявольское зелье dans le temps du царь Иван Вас<ильевич> IV. Quant à Сашка, valet de chambre, posant on ne s'est donné la peine de savoir où il reposait, après avoir pris le dernier petit coup avec la belle Аида[6].

---

[5] Я повернулась к Киселеву и сказала ему: «А вы где живете, Киселев?» (как не говорят при первой встрече).
– В «Розе», мадам.
– Скажите, пожалуйста, Клеопатре, что я у нее обедаю; она может пригласить, кого захочет, кроме этого противного Платонова, который живет над вами.
Затем он отворил дверь графине, поклонился мне с непринужденностью человека хорошего общества, и у меня осталось впечатление, что он любит детей, потому что сам их имеет – и краска на его лице это мне доказывала. Приказав подать экипаж для детей и повозку для перевозки наших сундуков, я пошла смотреть нашу новую квартиру. Кажется, мадам Дурхгольц, ожидавшая меня там в фиакре, приняла меня за очень знатную даму;

[6] там был диван, конечно, набитый камнями, обтянутый бархатом неопределенного синего цвета, с желтыми цветами по нему, и восемь кресел, обитых этим же бархатом, занавески из белого муслина; в моей спальне две кровати, комод, туалетный стол и два стула; потом пустая комната, а затем детская и еще угол для сундуков, ночных ваз и вольтеровских кресел. Баден был очень скромным в то время.
Мадам Дурхгольц представила мне Лизетту, кухарку, заверяя меня, что она искусная повариха, и еще одну служанку для черной работы. Моя горничная Лиза <...> спала в проходной. Она нюхала зеленый русский табак, то, что во времена царя Ивана Васильевича IV называли Дьявольское зелье. Что же

Je trouvais chez Cleopatra Николай Алексеевич Муханов и Николай Дмитриевич Киселев, qui rougit en me voyant entrer.

– Ma chère, mais où est Smirnoff?

– Comme vous êtes drôle, Cleopatra, de demander où il est – comme de raison, à la roulette et puis il arrivera haletant avec des mains qui ont l'air de ramasser toutes les chemineés de Bade.

Je vis que Kisseleff me regardait d'un air scrutateur.

– Вот, вот он, – s'écria Муханов, – летит, летит как пух из уст Эола, верно выиграл.

Aussitôt entré, il se jetta au cou de Kisseleff[7].

– Хорош же ты, брат – здесь, и не был у нас! Сашенька, мой двоюродный брат Киселев.

– Я уже с ним познакомилась, графиня Строганова привела его сегодня утром ко мне.

– Я, любезный друг, пью воды, не ищу знакомств и не читаю «Bade-Blatt».

Je ne sais pas, comment Cléopâtra a manigancé, Kisseleff était mon voisin de table; elle m'a fait remarquer que Platonoff perchait sur son balcon, – je me suis retournée et lui ai montré le poing en disant à Kisseleff: «Il n'y a rien de plus révoltant que les airs désespérés d'un homme qui vous poursuit et celui-là est au nombre des plus répugnants, avec les cheveux qui débordent ses larges narines», такой противный.

– Я с вами согласен и теперь буду его просто звать *le nez fourré.*

– Comme nous voisinerons, у нас заведутся семейные шутки, как у меня с Пушкиным, Жуковским и Вяземским.

Обед, состоящий из трех блюд и земляничного компота, <кончился>. Я слыхала, что Н<иколай> М<ихайлович> сказал

до размещения лакея Сашки, то не давали себе труда знать, где он почивал, хватив последний глоточек с прекрасной Аидой.

[7] У Клеопатры я нашла Николая Алексеевича Муханова и Николая Дмитриевича Киселева, который покраснел, увидев, что я вхожу.
– Моя дорогая, но где же Смирнов?
– Какая вы чудачка, Клеопатра, спрашиваете, где он. Разумеется, на рулетке, а потом он придет, задыхаясь, с такими руками, будто он приводил в порядок все трубы в Бадене.
Я увидела, что Киселев смотрел на меня испытующе.
– Вот, вот он, – воскликнул Муханов <...>. Едва войдя, он бросился обнимать Киселева.

Киселеву: «Приходи к нам», и затем j’ai tendu la main à Kisseleff, il a rougi, s’est troublé et a couru dans sa modeste chambre du rez-de-chaussée[8].

Je suis rentrée aussi, mon mari était satisfait du logement, et une seconde après je vois entrer notre voisin de droite[9].

– Послушай, братец, вообрази себе, что этот дурак Платонов вздумал влюбиться в жену, даже схватил ее за руку и хотел поцеловать; я хочу вызвать его на дуэль.

– Какая скотина, кто он и как смеет так поступать как только крепостные лакеи? Но из-за этого не стоит с ним драться на дуэли. Я думаю, он не знает, как взводить курок, и я заметил, что он не из храброго десятка. Он иногда заходил ко мне и любил пускаться в политику, что мне очень надоедает, и чуть я прикрикну на него, он тотчас на попятный.

– Где ты обедаешь?

– У Клеопатры или у Строгановых.

– Ну так лучше обедай почаще у нас, жена говорит, что хозяйка сейчас рекомендует нашу кухарку и, видишь ли, я в 12 часов ухожу на рулетку и прихожу к обеду в 5 часов. В 7 опять ухожу на рулетку до половины 12-го, так ты, пожалуйста, сиди у жены и гуляй с ней.

Мы оба так вспыхнули, что я ушла в детскую.

– Сашенька, где ты?

Я вернулась с детьми: «Я ходила туда узнать, хороша ли каша». Киселев выхватил опять Олю и сказал: «Как ты, брат, позволяешь жене носить детей в ее положении?».

– Kilivoff, willst du mit uns spielen? Kilivoff, willst du mit uns spielen?

– Ja, ja, Kinder, aber jetzt müssen Sie zu Bett gehen[10].

---

[8] «Баде-Блатт».
Не знаю, как это устроила Клеопатра, но Киселев был моим соседом за столом; она обратила мое внимание на Платонова, торчавшего на своем балконе – я обернулась, показала ему кулак, сказав Киселеву: «Нет ничего возмутительнее отчаявшегося вида преследующего вас мужчины, а этот, с волосами, торчащими из его широких ноздрей – из самых омерзительных <...> *«нос на меху».* Когда мы будем соседями <...> я пожала руку Киселеву, он покраснел, смутился и побежал в свою скромную комнату в первом этаже.

[9] Я тоже вернулась, мой муж был доволен квартирой, а через секунду я увидела, что входит наш сосед справа.

Отец потрепал их по щекам и, как было 7 часов, он поспешил на рулетку.

Je ne sais pas, Madame, si mon compagnonage ne vous sera très désagréable – en tout cas, comme cousin, j'espère que vous me direz sans façon quand vous aurez assez de ma société.

– Mais pourquoi croyez vous que vous m'ennuierez? Je ne déteste pas la solitude, car je vois peu de monde à P<eters>bourg, mais j'aime à causer avec des gens qui se passent de cartes où des conversations lestes et de mauvais goût; et pour commencer allons faire un tour sur la terrasse et prolongeons jusqu'à la fontaine où il fait plus frais.

– Oh, comme votre démarche me convient, nous marchons d'un pas si égal, je ne puis jamais marcher avec mon mari, il dodine et c'est fatiguant.

– Очень рад, что хоть этим могу вам оказать услугу.

– Quelle humilité! Qui est. ce vieux qui vous salue?[11]

– C'est un Espagnol qui s'appelle Los Rios, c'est un ami intime de Donoso Cortez qu'il a remplacé comme ambassadeur à Paris, mais pour peu de temps.

– Donoso Cortez, c'est celui qui a écrit «L'ère des Césars»?

– Oui, et beaucoup d'autres oeuvres philosophiques très remarquables. Los Rios, il faut que je vous présente à Mme Smirnoff, ma cousine.

– Mme Semiantkovska, si j'étais Roi, j'aurais défendu aux femmes dans votre état de se montrer au public. Voyez un peu de quoi vous avez l'air, votre robe est plus courte devant que derrière, avec vos

---

[10] Киливов, хочешь с нами поиграть? Киливов, хочешь с нами поиграть? – Да, да, дети, но теперь вам пора в постель *(нем.).*

[11] Не знаю, мадам, не будет ли вам мое общество неприятно – во всяком случае, как кузен, я надеюсь, что вы скажете мне без церемоний, когда я вам надоем.

– Но почему вы думаете, что мне будет с вами скучно? Я не против одиночества, так как в Петербурге вижу мало людей, но я люблю поболтать с людьми, которые обходятся без карт или разговоров, легкомысленных и дурного тона. А для начала прогуляемся на террасу и дойдем до фонтана, где прохладнее.

– О, как мне нравится ваша походка, мы идем таким ровным шагом: я не могу никогда ходить с мужем, он переваливается с боку на бок, и это утомительно.

– <...>

– Какая скромность! Кто этот старик, который вам кланяется?

souliers, qui ont l'air de bateaux, vous soulevez la poussière et votre mantelet en dentelle noir ne déguise pas votre difformité.

– C'est au moins singulier d'entrer ainsi en connaissance, je suis bien aisée que vous ne soyez pas Roi et je me permets de promener ma difformité[12].

– Je suis de l'avis de Los Rios, ne vous en déplaire, Mme, et quand je serai marié, j'éviterai les promenades publiques.

– Puisque vous êtes de l'avis de Los Rios, vous pouvez vous dessaisir de me promener.

– Mme Semiantkovska, vous aurez tort, car mon petit ami Kisseleff est très habitué à promener des femmes dans votre état.

– Kisseleff, pourquoi rougissez-vous? Et pourquoi faites vous des signes à Los Rios?

Silence obstiné. Arrivés à la fontaine je lui dis: «A présent, je ne doute pas que vous avez une maîtresse et des enfants. Vous vous taisez, c'est vrai? Mais enfin cela ne me regarde pas, et maintenant rentrons.

Nous sommes rentrés en silence.

– Il fait si beau, qu'on a conscience de rentrer, je me serais assise sur le banc devant la maison, mais Platonoff a le rage de m'espionner, et d'ailleurs j'ai faim»[13]. Сашка, принеси чай и скажи, чтобы мне сделали яичницу.

---

[12] – Это испанец по имени Лос Риос, он близкий друг Донозо Кортеца, которого ненадолго заменил в качестве посла в Париже.
– Донозо Кортец – это автор «Эры Цезарей»?
– Да, и многих других весьма замечательных философских трудов. Лос Риос, позвольте вас представить моей кузине г-же Смирновой.
– Мадам Семянтковска, если бы я был король, я запретил бы женщинам в вашем положении показываться публично. Посмотрите, какой у вас вид: ваше платье спереди короче, чем сзади, вы поднимаете пыль вашими башмаками, похожими на лодки, а ваша накидка из черных кружев не скрывает вашего уродства.
– Это по меньшей мере странный способ знакомиться, я очень рада, что вы не король, и я могу позволить себе прогуливать мое безобразие.

[13] Я согласен с Лос Риосом, не в обиду будь вам сказано, мадам, и когда я женюсь, я буду избегать публичных прогулок.
– Ну, если вы согласны с Лос Риосом, то можете освободить себя от прогулок со мной.
– Мадам Семянтковска, вы будете неправы, ибо мой дружок Киселев вполне привык прогуливать женщин в вашем положении.
– Киселев, почему вы краснеете? И почему делаете знаки Лос Риосу? Упорное молчание. Когда мы пришли к фонтану, я ему сказала: «Теперь я не сомневаюсь,

– Approchez ce fauteuil près de la fenêtre et puis un autre afin que j'étende mes pieds qui brûlent; vous pourrez vous asseoir sur l'autre fauteuil – et je lançais mes bateaux au milieu de la chambre. Il se leva pour les rapporter. Il faisait une soirée tarde, calmante, la lune éclairait les collines qui protègent la. vallée, la petite Moury ronronnait sur les cailloux. Il prit une chaise et s'assit à coté de moi. Nous nous taisions.

– Aimez vous les bruits du silence?

– Beaucoup, – c'est une feuille qui tombe, c'est un oiseau qui affleure l'eau, de son aile, c'est l'aboiment lointain d'un chien, tout cela a un charme du mystérieux.

– C'est vrai, et on ne sait pas s'expliquer le charme du mystère.

– C'est que le mystère est plein de secrets qu'on enterre dans son coeur quand on n'ose pas en parler[14].

– Herr von Kisseleff, Sie sind sehr ästetisch. Connaissez-vous des vers de Heine qui dit:

Die Damen waren ästetisch,
Die Herren mit zartem Gefühl.

– Je ne connais rien de Heine, mais je suis, comme lui, mit zartem Gefühl.

– Heine déteste les femmes savantes et comme Mme de Staël pose et porte toujours un turban, il l'appelle «Sultane de la poésie».

– «Sultane de la poésie» est charmante. Heine a raison, il n'y a rien de plus odieux que les bas bleus.

– Voulez vous de l'omelette?

что у вас есть любовница и дети. Вы молчите, это правда? Впрочем, это не мое дело, а теперь вернемся». Мы возвратились молча.

– Такая прекрасная погода, что жаль возвращаться. Я села бы на скамейке перед домом, но Платонов имеет страсть шпионить за мной, и я голодна.

[14] – Придвиньте это кресло к окну, и еще другое, чтобы я могла вытянуть мои горящие ноги. Вы можете сесть на другое кресло – и я швырнула мои «лодки» на середину комнаты. Он встал, чтоб поднять их. Был поздний, успокаивающий вечер, луна освещала высившиеся над долиной холмы, речонка Мури журчала по камням. Он взял стул и сел подле меня. Мы молчали.

– Вы любите звуки тишины?

– Очень – падающий лист, птица, задевшая воду крылом, далекий лай собаки, у всего этого есть таинственное очарование.

– Это правда, и очарование тайны трудно объяснить.

– Потому что тайна полна секретов, которые хоронят в сердце, когда не осмеливаются о них сказать.

– Je vous remercie, je ne mange pas pour deux.

– Alors prenez du thé.

– Je suis sujet aux insomnies et le thé m'empêchera de fermer l'oeil[15].

– Je vous ferai un boisson délicieux, je mettrai deux petites cuillères dans un verre d'eau, c'est aussi refraîchissant que calmant.

– C'est délicieux.

– C'est le Comte Fiquelmont qui m'a enseigné cela, il est un des plus connus homéopathes. La théine et la caféine sont des remèdes homéopathiques. Les médecins français sont des tisaniers rien ne fatigue l'estomac comme leurs tisanes, aussi je crois que je passerai aussi à l'homéopathie.

Après cela un long silence, que j'ai interrompu en lui disant: «Bonsoir, mon compagnon, il est temps d'aller dormir, à demain». Nous nous sommes amicalement serrés la main.

Je suis allée bénir les enfants et puis je me vais coucher en faisant la réflexion que tant d'intimité pouvait devenir dangereuse[16].

---

[15] – Господин Киселев, вы очень эстетичны *(нем.).* Знаете ли вы стихи Гейне, сказавшего: Полны эстетизма мужчины, / У дам возвышенный взгляд.
– Я вообще не знаю Гейне, но у меня, как у него, нежная душа.
– Гейне ненавидит ученых женщин, и так как мадам де Сталь рисуется и носит всегда тюрбан, он называет ее султаншей поэзии.
– Султанша поэзии, это прелестно. Гейне прав, нет ничего противнее синих чулок.
– Хотите яичницы?
– Благодарю, я не могу есть за двоих.
– Тогда чаю.
– Я подвержен бессоннице, а чай не даст мне сомкнуть глаз.

[16] – Я сделаю вам восхитительное питье, положу две ложечки на стакан воды, это освежает и успокаивает.
– Это превосходно.
– Меня научил этому граф Фикельмон, он один из самых известных гомеопатов. Теин и кофеин – гомеопатические средства. Французские врачи лечат микстурами, ничто так не утомляет желудок, как их микстуры, я думаю поэтому, что я тоже перейду к томеопатии.
Наступившее потом долгое молчание я прервала, сказав ему: «До свидания, мой компаньон, пора спать, до завтра». Мы обменялись дружескими рукопожатиями.
Я пошла благословить детей и отправилась спать, подумав, что такая близость может стать опасной.

Le lendemain après avoir déjeuné avec mon mari, je suis allée chez Cléopâtre. En sortant de là je jettais un bout de pahitos dans la fenêtre de mon voisin, et je continuais ma promenade jusqu'aux Bains de Stephanie[17]. У самого входа я встретила Киселева.

– Ах как рано, зачем вы пришли, не дождавшись меня?

– Я пришла заказать себе номер, мне надобно взять 8 ванн, это приказано Mme Heidenreich. Признаюсь, сесть в ванну после какого-нибудь жирного немца противно. Не знаю, заметили ли вы, что у них указательный палец всегда красный, всегда замасленный бутербродом, и сердоликовое кольцо?

– Какой номер вы оставили?

– 21-й.

– Это мой. В моей чистоте вы не можете сомневаться, а так как вы пойдете после меня, то я велю бадемейстеру при себе вымыть ее порядочно и влить воду. Сколько градусов?

– 27. Я буду очень благодарна, потому что моя Лиза никогда не умеет приготовить ванну. Впрочем, я уже выписываю новую девушку по рекомендации Mme Durcholz. А теперь пойдемте, походим по Лихтентальской аллее. Надеюсь, что вы обедаете у нас. Оба Медема и Фифи Голицын у нас обедают, и будут ленивые щи и, конечно, к ним пирожки.

Мы вернулись в час и отправились в детскую. Киселев сел с ними на подостланное одеяло.

– Vous jouez si bien avec les enfants, que je suis persuadée que c'est une affaire d'habitude, et Cleopatra me confirme dans cette opinion.

– Si jamais vous renouerez ces attaques, vous m'obligerez de dire à Smirnoff que je me dédis de mon rôle de compagnon.

Après avoir déjeuné, je me suis étendue sur mon canapé, car j'avais besoin de faire un petit sommeil.

– Voulez-vous que je chasse les mouches qui vous empêchent?

– Je vous serai très reconnaissante.

Au bout de quelques minutes je sens une mouche qui se promène sur mes levres; je passe et c'est sa main. Très confus, il me dit: «Злодейка муха села на ваш ротик».

---

[17] На другой день, позавтракав с мужем, я пошла к Клеопатре. Выходя оттуда, я бросила окурок пахитоски в окно моего соседа и продолжала свою прогулку до Ванн Стефании.

– Совсем не муха, прошу не сметь меня тревожить.

Après un quart d'heure de sommeil, je me suis assise à la fenêtre, je travaillais à une bourse[18].

– Pendant que vous dormiez, je vous observais et me suis demandé de quelle origine vous pouviez être avec vos traits si réguliers et votre nom de fille est Italien. A P<eters>bourg je vivais beaucoup dans la société de Pouchkine, c'est devant moi qu'il a écrit ses vers:

Своенравная Россети
В прихотливой красоте
Все сердца пленила эти
И те, те, те, те.

– Je ne savais pas qu'il a écrit ces vers. Je ne suis au fond d'aucune nationalité, je suis ce que les Anglais appellent *mongrel,* c. a. d. помесь. Mon père était Français, mon parrain le Duc de Richelieu l'appelait toujours «mon cher chevalier de Rossett». Ma grand-mère maternelle était une Princesse Tsitsianoff et mon grand-père était un Allemand, Herr von Lohrer. Je ne sais pas pourquoi on estropie mon nom[19].

---

[18] – Вы так хорошо играете с детьми, и я убеждена, что это для вас привычное дело. И Клеопатра укрепляет меня в этом мнении.
– Если вы будете снова возобновлять эти атаки, то заставите меня сказать Смирнову, что я отказываюсь от роли компаньона.
После завтрака я улеглась на свою кушетку, потому что мне нужно было немного поспать.
– Хотите ли, чтобы я отгонял мух, которые вам мешают?
– Буду очень признательна.
Через несколько минут я чувствую, что муха прогуливается по моим губам; я трогаю – и это его рука. Очень смущенный, он говорит мне: <...>
Поспав четверть часа, я села у окна, я вышивала кошелек.

[19] – Пока вы спали, я наблюдал за вами и спрашивал себя, какого вы можете быть происхождения – с вашими столь правильными чертами и итальянской девичьей фамилией. В Петербурге я часто бывал в обществе Пушкина, и он при мне написал свои стихи: <...>
– Я не знала, что он написал эти стихи. Я в сущности не принадлежу ни к какой национальности, я то, что англичане называют помесь. Мой отец был француз, мой крестный отец, герцог Ришелье, всегда называл его: «Мой дорогой шевалье де Россет». Моя бабушка по материнской линии была княжна Цицианова, а мой дед был немец, господин фон Лорер. Я не знаю, почему искажают мою фамилию.

– Dictez-moi le mot «помесь» en Anglais, j’étonnerais Nicolas Pahlen, frère de notre ambassadeur, et Greville, le premier secrétaire de l’Ambassade Anglaise qui me donne les leçons d’anglais.

– Savez-vous comment j’appelle votre ambassadeur que je ne connais d’ailleurs que de vue? *La Statue de Commandeur.* Cette placidité froide et calme, quand il prend, il donne d’abord une petite tape à sa boite, bouchant un peu, comme affinant <нрзб>: je suis sûre qu’il n’oubliait pas un petit coup à sa chère boite en commandant une charge de cavalerie.

– Quel talent d’observation vous avez et encore vous dites si bien. Je suis sûr que vous étiez une très belle enfant.

– J’étais affreuse[20], у меня были изрыжа черные, как смоль, волоса, короткий лоб, весь покрытый пушком, мне завязывали его золотым позументом, который я почти беспрестанно снимала, и маменька мне говорила: «Ты будешь точно обезьяна», mais j’amusais tout le monde par mes drôleries, toujours sérieuses[21]. J’ai un portrait en miniature que mon cher Татась a peint lui-même; comme Maman était toujours grosse, c’est lui qui s’occupait le plus de moi et je l’aimais aussi plus que Maman que j’appelait Lola, tout comme Oly m’appelle Lola. A Paris je vous montrerai ce portrait. C’est une drôle et laide petite figure. Je veux aussi faire faire à Paris les portraits en miniature de mes petites, vous m’indiquerez un peintre, n’est-ce pas?

– A Paris? Venez-vous réellement à Paris?

---

[20] – Продиктуйте мне слово «помесь» по-английски, я удивлю Николая Палена, брата нашего посланника, и Гревиля, первого секретаря английского посольства, который дает мне уроки английского.
– Знаете ли вы, как я называю вашего посланника, которого, впрочем, знаю только с виду? *Статуя Командора*. Эта холодная и спокойная невозмутимость, а когда он нюхает табак, он сперва легонько стукает по табакерке, немного приминая, словно размельчая <...>, я уверена, что он не забывал постукивать по своей дорогой табакерке, даже давая команду кавалерийской атаки.
– Какой у вас талант наблюдательности и как вы хорошо говорите. Уверен, что вы были прелестным ребенком.
– Я была ужасна.
[21] Но я всех забавляла своими шалостями, всегда серьезными.

– Certainement, je vous ai déjà dit que je voulais consulter Hannemann[22].

– Ах, какое счастье для меня, я буду еще раз как в родной семье, хотя у меня в посольстве все друзья. Я надеюсь, что и там я буду у вас домашним человеком. Я не думаю, что вы увлекаетесь французским обществом.

– Конечно, нет. Я довольно жила в нашем свете, так что мне очень надоело то, что называют le monde par excellence[23]. И кто дал право называть себя светом самому пошлому обществу?

– Я совершенно с вами согласен, во мне остались все мои московские первые впечатления, там более простоты, чем в Петербурге.

– Я уверена, что даже первые детские впечатления оставляют неизгладимые следы в нашей душе, сердце и уме, и это помимо нашей воли.

– Знаете ли вы, что это рассуждение совершенно философское? Когда вы успели передумать столько?

– Когда? Да в придворной жизни, а потом три года, прожитых замужем, когда коснулась действительность жизни; огорчение и болезнь, всегда меня взманят думать и передумать; это гораздо поучительнее, чем много читать; впрочем, я-таки читаю, хотя немного. Летом же я более гуляю, катаюсь и ничего не делаю, хожу в нашей подмосковной Спасском: по крестьянам и с ними болтаю; они меня часто поражают своим здравым умом и меткостью наблюдений.

– Я помню Спасское, там был большой круг перед домом, на котором мы с Н<иколаем> М<ихайловичем> резвились, друг друга называли: Ютомсита и влезали на какую-то беседку в китайском вкусе, а слезая, всегда падали.

---

[22] У меня есть миниатюрный портрет, который мой дорогой Татась написал сам; так как мама всегда была беременна, он более всех занимался мною, и я любила его больше, чем маму, я называла ее Лола, так же как Оли зовет меня Лола. В Париже я покажу вам этот портрет. Забавное и уродливое личико. Я тоже хочу заказать в Париже миниатюрные портреты моих малюток, вы порекомендуете мне художника, неправда ли?
– В Париже? Вы действительно едете в Париж?
– Конечно, я вам уже сказала, что хочу посоветоваться с Ганнеманом.

[23] собственно светом.

– А я себя называла Соссита, а брата Клементия Тлемита. Представьте себе, что я помню 1812 год. Я родилась 6 марта 1809 года, а он: родился 10 месяцев спустя, а потом все были погодки: Иосиф, Аркадий и, Александр-Карл.

– Comment, votre père n'attendait pas six semaines?

– Si vous n'êtes pas marié, comment savez vous qu'il faut attendre six semaines?

– On n'a pas besoin d'être marié pour cela, tout le monde le sait[24]. Вы родились 6 марта 1809 года, а я 1 марта 1800 года.

– Знаете ли, что 6 марта – сорока двух мучеников во Америи, от этого я всегда больнее весной, тоскую и хандрю.

– Пожалуйста, расскажите мне свое детство, вы так хорошо рассказываете, мне многие это говорили в Петер<бурге>.

– Пожалуй, но как может это вас интересовать?

– Напротив, это меня очень интересует, я чувствую какую-то потребность вживаться в вашу жизнь с детства до дня нашего знакомства.

– Шуточка рассказать 27-летнюю жизнь. Видите ли, я позже узнала от дяди Николая Ив<ановича> Лорера, что отец мой, le chevalier de Rossett, не был эмигрант. Его отец был вольтерианец и женился на mlle La Harpe, швейцарке, сестре того La Harpe, который был наставником имп<ератора> Александра. Она перешла в римскую церковь и была une bigotte, по-нашему – ханжа; когда его отец умер, он был наследник порядочного именья в Руссильоне, на границе с Швейцарией. Мать его всем завладела, и когда, 15-ти лет, он с ней спорил, она дала ему пощечину. Он так рассердился, что оставил отеческий кров и отправился с сумкой в Вену. Венский университет очень славился; в Вене он встретил богатого родственника из рода князя Кантемира, который, вероятно, поддержал его способом существования и советовал ему сделаться драгоманом Порты. Там он получал большое жалованье, вероятно был знаком со всеми иностранными послами и через три года он отправился в Одессу и поступил в Черноморскую гребную флотилию, которой командовал необычный, почтенный и маститый старец, граф Мордвинов.

---

[24] – Как, ваш отец не ожидал шесть недель?
– Если вы не женаты, откуда вы знаете, что надо ждать шесть недель?
– Для этого не нужно быть женатым, это все знают.

– Что такое Черноморская гребная флотилия?

– Просто большие катера или шлюпки, которые ходят только по берегам. Теперь уже это заменил наш флот, но тогда против турецких кораблей мы ходили в море по берегам, и то с одной или двумя пушками.

– Как я, однако, очужбинился в Дерпте и за границей, и ничего не знаю об России. Это только возможно в России, т. е. в Петербурге.

– Киселев, если вы очужбинились, то, по крайней мере, создаете новые глаголы, которых я прежде не слыхала от своих литературных друзей.

– Но, пожалуйста, продолжайте.

– Что отец встретил частную протекцию в Вене, я заключаю из того, что он гулял по бульвару с Ришелье, а я бегала перед ними и спросила раз: «Татась, qui est le Prince Tantemil?», а он мне отвечал: «Cela ne te regarde pas, va jouer avec ton ballon»[25]. Дома я играла с старшим братом, который был шалун, et pour donner plus de poids à mes paroles, je lui disais[26]: «Вы босой салун», он отвечал: «Я совсем не босий, а ты ходишь как качька, переваливаешься, потому что такая толстая».

– Что такое качька?

– По-малороссийски это утка. «Это ницего, тетя Маса говорит, что у меня видны одни даза, а я с ней поеду в Плибук».

– La logique est charmante.

– Charmante, mais n'est-il pas le temps d'aller se laver les pattes avant diner?

– Heureusement il y a encore une heure, et je vous prie de continuer votre récit[27], а я буду все записывать.

– Тогда уж вы лучше купите у Маркса тетрадь, и я вам буду диктовать.

– Завтра же заведу эту тетрадь.

– В 1812 году был в Одессе снег и падал хлопьями, я тотчас спросила: «Татась, comment on appelle plumes blanches

[25] кто князь Тантемиль? <...> Это тебя не касается, играй со своим мячом.

[26] и чтоб придать больше веса своим словам, я ему говорила.

[27] – Прелестная логика. – Прелестная, но не пора ли мыть руки к обеду? – К счастью есть еще час, и я прошу вас продолжать ваш рассказ.

et d’où viennent-elles?» – «C’est de la neige, mon enfant, cela vient du ciel, c’est le bon Dieu qui les envoie.

– Vous ne vous doutiez pas que vous faisiez la même observation qu’Hérodote.

– Aussi ai-je lu avec un vif plaisir qu Hérodote appelle des plumes, comme aussi que Voronège est le nom qu’il a donné à cette ville en apparence que l’oiseau, noir qui s’appelait vorona.

– Hérodote est surtout charmant à lire en grec.

– Je ne l’ai lu qu’en Français, mais avec beaucoup de plaisir»[28]. Против нашего Карантинного дома, – потому что отец мой был инспектор карантина, – была землянка, она покрылась снегом, и высокую ветку с желтеньким цветочком хлестало беспощадно. Я сказала: «Татась cette têtue plante me fait tant de truc, ordonnez qu’on me la donne avec la lacine, je la plante dans un tas, elle aura chaud»[29]. On m’apporta la pauvre petite plante que j’ai presque rôtie à la cheminée. Nous avons une cheminée anglaise. Le matin en me réveillant j’ai appris le sort de ma pauvre plante et pour me consoler Papa a fait mettre des marguerites dans un petit joli pôt et pour combler de bonheur il m a donné un arrosoir peint en vert et m’a ordonné de n’arroser que le soir et le matin, mais trop de zèle a fait que je l’ai tant arrosé qu’elles sont fanées, ce qui a provoqué des larmes si amères que le Duc pour me consoler m’a donné un perroquet. Попка, que j’appelais Татка, faisait mon bonheur jusqu’à jour ou j’ai voulu lui prendre des pistaches, il m’a mordu jusqu’à sang; mes cris d’aigle ont fait qu’on a enchaîné la patte de Татка. У меня была постоянная перемежающаяся лихорадка, и тогда мне давали вначале ревень; раз ревень не подействовал, то отец сказал: «Il faudra ajouter de la Jalape, cela donne des coliques, c est cruel, mais que faire?» Я разревелась и закричала: «C’est cruel, c’est affreux: de donner de la Jalape à une pauvre

---

[28] как называются белые перья и откуда они? – Это снег, дитя мое, он падает с неба, это бог их посылает.

– Вы и не подозревали, что Геродот сделал такое же наблюдение.

– И я с живым удовольствием прочла, что Геродот называет его перьями и что название Воронеж он дал этому городу, видимо, от черной птицы, которая называется ворона.

– Геродота особенно хорошо читать по-гречески.

– Я читала его только по-французски, но с большим удовольствием.

[29] Это упрямое растение такое ловкое, прикажите, чтобы его принесли мне вместе с корнем, я их посажу вместе, ему будет тепло.

enfant de trois ans!»[30] Alors on a demandé au médecin Antonio Rizzi ce qu'il faut faire, il a décidé que vers le soir il fallait me donner un lavement de savon et de l'eau; quand on a apporté le fatal instrument, j'ai crié comme une perdue, le Duc et mon Père me tenaient et маменька l'a appliqué, comme de raison, toute cette partie sans résultat; alors on m'a prié de garder le contenu tant que je pouvais, et qu'alors tout sera fini, j'ai promis d'être sage et de tenir parole, mais au moment où ils me lâchèrent, tout le contenu les a couvert de saletés; Papa m'a donné une tape sur le derrière, et puis ils ont essuyé et il dit: «C'est si joli qu'il est impossible de s'empêcher de l'embrasser». Donc j'ai dit: «Je sais que sois une tlès jolie pute de fille».

– Oh, la sale petite fille, qui t'a dit cela?

– J'ai vu moi-même dans le cheval de glass.

– Quel cheval – glas? (Cela s'appelle ainsi en Anglais)[31].

– Tatas, attestez-vous cela en Flainçais.

– Une psyché.

---

[30] Мне принесли бедное растеньице, и я его почти спалила в печке. У нас была английская печка. Проснувшись утром, я узнала о судьбе моего бедного растеньица. Чтобы меня утешить, отец приказал посадить маргаритки в хорошенький горшочек и в довершение счастья подарил мне выкрашенную в зеленый цвет лейку, приказав, чтобы я поливала только утром и вечером; но в избытке усердия я поливала столько, что они завяли. Это вызвало такие горькие слезы, что герцог в утешение подарил мне попугая. Попка, которого я называла Татка, радовал меня до того дня, когда я захотела отнять у него фисташки, он укусил меня до крови; вследствие моих отчаянных криков Татке надели на лапку цепочку. <...> Нужно добавить слабительный корень, это вызывает колики, это жестоко, но что делать? <...> Это жестоко, это ужасно, давать слабительный, корень бедному трехлетнему ребенку.

[31] Тогда спросили у доктора Антонио Рицци, что делать, он решил, что к вечеру надо сделать мне клизму из воды с мылом; когда принесли роковой прибор, я закричала благим матом, герцог и отец меня держали, а маменька, конечно, сделала все, как надо, но без результата; тогда меня попросили удержать содержимое насколько возможно, и что тогда все будет кончено, я обещала быть умницей и держать слово, но как только они меня отпустили, все содержимое покрыло их; папа шлепнул меня по попке, потом они вытерлись и он сказал: «Это так мило, что невозможно не поцеловать ее». Тогда я сказала: «я знаю, что должна быть очень хорошенькая».

– Ах ты, девчонка, кто тебе это сказал?

– Я сама видела в большом зеркале.

– Что за зеркало? (Это так называется по-английски).

– Oui, une soir que le Duc a fait venil poul le Mr Thomas avec mes jolis cahiers et mes clayons. Tatas, je vous dilai à l'oleille une soir, le Duc admire beaucoup Lola, voyez comme il a lougi.

– Richelieu, entendez-vous ce que dit cette petite coquine?

– Oui, je suis une Totus totius, je sais et vois tout.

– Ах, какая маленькая сплетница!

– Но ведь тут же я была наказана: когда ставили клистир, я так била ногами, что сломала крестик.

– Какой крестик?

– Papa a été converti par le Duc, et l'abbé Nicole, célèbre Jésuite, fondateur du lycée d'Odessa, qui était d'une grande nécessité pour l'éducation de la noblesse, parce qu'il n'y avait ni l'université de Kieff, ni celui de Харьков. Jugez des difficultés qu'on avait dans tout le midi de la Russie[32].

– Ну, а крестик?

– Quand Papa s'est converti, le Duc lui a donné un crucifix, qui était suspendu à son chevet, et nous n'avions que nos croix de baptême, faites d'or de ducat que le Duc faisait faire lui-même pour ses chers крестники. Clément et moi, nous avions l'ambition d'avoir aussi des crucifixes à nos chevets. Un jour le Duc est entré et nous a trouvés rouges et ronflés: nous avions demandé au cocher de nous donner de brins de paille et мы пыхтели, потому что не могли связать накрест эти соломинки. Le Duc est entré. «Que faites-vous là, mes chers petits amis?»

– Litchenka, ne dites lien à Tatacb, nous sommes allés en seclet avec 'Î'iemita à l'éculie et le cocher nous a donné de la paille[33].

---

[32] – Татась, назовите это по-французски.
– Трюмо.
– Да, однажды вечером, когда герцог послал г. Тома с моими хорошенькими тетрадками и карандашами. Татась, я вам скажу вечером на ушко, герцогу очень нравится Лола, посмотрите, как он покраснел, (Зд. и далее местами передается детское произн.).
– Ришелье, слышите, что говорит эта маленькая плутовка?
– Да, я всякой дырке гвоздик, я знаю и вижу все. <...>
Папа был обращен в другую веру герцогом и аббатом Николь, знаменитым иезуитом, основателем одесского лицея. Он был крайне необходим для образования дворянства, ибо тогда не было ни киевского, ни харьковского университета. Судите сами о трудностях в этом отношении на всем юге России.

[33] Когда папа был обращен, герцог дал ему крестик, который висел у него в изголовье, а у нас были только крестильные крестики, сделанные из золота,

Le Duc a été si touché, qu'il nous a donné deux crucifixes en jonc, il y avait des petites boutons, и мы считали, у кого больше. Comme de raison, ces croix étaient sur les tables, les chaises et sous les meubles, mais le jour de la bagarre le mien a été difformé, et Papa a dit que pour me punir, je l'aurai au pied de mon lit, pour me rappeler ma méchanceté; je n'ai pas pu dormir[34].

– Mais ne pleurez donc pas, c'est passé depuis si longtemps.

– Oui, mais cela m'a fait tant de peine alors.

– Comme ce souvenir du coeur est touchant, lavez vos yeux, car il est temps de dîner.

On a trouvé les щи très bons, ainsi que les пирожки, ces deux plats étaient fabriqués par Eilandt, la bonne d'Oly. Le boeuf et les pommes de terre frites étaient de la fabrique de Lisette, puis le pastet, la salade et un Kirschenkuchen. Le café servi, on a ouvert toutes les fenêtres et on fumait, Paul Medem fumait le fin cigare Allemand, Alexandre me contait un méritant souvenir de ses voyages fréquents en Orient[35]. Il avait comme Paul fait de fortes études à l'université de Göttinguen, alors le plus renommé en Allemagne, et n'ayant aucune ambition, il avait adopté la carrière de voyageur; c'était le seul ami de mon mari vraiment distingué, il l'aimait beaucoup pour sa droiture et sa loyauté et à la chancellerie

---

герцог сам их заказал для своих дорогих крестников. Клементий и я очень хотели тоже иметь крестики у изголовья. Однажды герцог, войдя, застал нас красными и пыхтящими: мы попросили у кучера соломинок и <...>. Входит герцог. «Что вы здесь делаете, мои дорогие маленькие друзья?»
– Лишенька, не говорите ничего Татасю, мы по секлету пошли с Тлемитой в конюшню и кучер нам дал соломы.

[34] Герцог был так тронут, что подарил нам два крестика из тростника, на них были маленькие шишечки <...> Конечно, эти крестики валялись на столах, стульях и под мебелью, но в день суматохи мой сломался, и папа, чтобы меня наказать, сказал, что он будет в ногах моей кровати, чтобы напоминать мне о моей злости; я не могла спать.

[35] – Но не плачьте, ведь это было так давно.
– Да, но тогда это мне причинило столько горя.
– Как трогательна эта память сердца, утрите глаза, ведь пора обедать.
Щи нашли очень хорошими, как и пирожки, эти два блюда приготовила Эйландт, Олийа няня. Мясо и жареная картошка были приготовлены Лизеттой, потом был паштет, салат и вишневый пирог *(нем.)*. Когда подали кофе, открыли все окна и курили. Поль Медем курил тонкую немецкую сигару, Александр рассказывал мне интересный эпизод из своих частых путешествий по Востоку.

du C<om>te de Nesselrode il était toujours son champion; le vieux Gersdorff était un joueur et fumait le gros cigare comme de Rode. Kisseleff et Théodore Golitzin ne fumaient pas. Voilà que Kisseleff dit tout d'un coup à mon mari:

– Smirnoff, comment avez-vous pu permettre à votre femme de fumer?

– Mon cher, après ses secondes couches elle est tombée malade de nerfs, ne faisait rien, s'ennuyuait à mort, elle avait le spleen, et c'est moi qui lui ai proposé de fumer pour se distraire.

– Je souffre aussi de тоска et c'est pour cela que je prends les eaux de Vichy, ce qui me fait du bien pour l'hiver qui n'est plus beau à Paris qu'à P<eters>bourg, le soleil ne le visite pas souvent[36].

– Mais Alexandrine a aussi fait une cure à Marienbad qui lui a fait beaucoup de bien, mais l'habitude de fumer lui est restée, le pahitos est un compagnon très agréable et c'est une ambassadrice d'Autriche, la C<omte>sse Fiquelmont qui l'a mise à la mode à P<eters>bourg.

– Les maris n'en font jamais d'autre, à peine mariés, au lieu de former un cercle d'amis à leurs femmes, ils gardent leurs habitudes de garçon, s'absentent le soir, Madame s'ennuie, on la trouve seule vis-à-vis de sa lampe, un beau jour – adieu, bonjour – Mme pour se désennuyer prend un ami qui devient son amant.

– Kisseleff, vous avez tort de dire qu'on prend si facilement un amant. Je suis presque toujours entourée d'hommes – Joukoffsky, Wiasemsky, Pouchkine, Pletneff et quelques étrangers et je peux vous assurer que jamais je n'entends un mot équivoque d'aucun d'eux.

---

[36] Он, как и Поль, прошел серьезный курс в Геттингенском университете, тогда самом популярном в Германии, и, не имея никакого честолюбия, избрал поприще путешественника; это единственный поистине благовоспитанный друг моего мужа, он очень любил его за прямоту и честность, а в канцелярии графа Нессельроде он всегда был для него первым. Старик Герсдорф был игрок и курил толстую сигару, как и де Роде. Киселев и Федор Голицын не курили. И вот что Киселев вдруг спросил у моего мужа:
– Смирнов, как ты мог позволить жене курить?
– Мой дорогой, после ее вторых родов у нее была нервная болезнь, она ничего не делала, смертельно скучала, у нее был сплин, и я же посоветовал ей курить, чтобы рассеяться.
– Я тоже страдаю тоской, поэтому-то я принимаю воды Виши, что помогает мне для зимы, не лучшей в Париже, чем в Петербурге, солнце бывает там редко.

– Madame, on ne parle jamais des personnes présentes, mais c'est malheureusement bien souvent le cas[37].

– Savez-vous, Kisseleff, que Pouchkine trouve P<eters>bourg si strict et si vertueux qu'il prétend que cela ne peut pas durer et qu'il y aura un jour un débâcle terrible.

– Tant pis, je serai bien fâché si notre capitale devenait un jour un cloaque comme Paris.

Alexandre Medem me parla de ses voyages, je lui fis la remarque que sa pipe en merisier est un souvenir pour moi, qu'à Odessa il se trouvait un jour soit des Turcs où des Persans, et qu'après dîner mon Père leur faisait les pipes de la longueur qui convenait à leur rang et que c'était moi qui était chargée de présenter la petite pastille d'aloés, dorée et parfumée. Je lui dis aussi que mon mari, selon le désir de l'Empereur, avait passé au Ministère de l'intérieur et avait été Gouverneur de Kalouga[38].

---

[37] – Но Александрина тоже лечилась в Мариенбаде, и это ей помогло, но привычка курить у нее осталась; пахитоска – очень приятный товарищ, и это жена австрийского посланника, графиня Фикельмон, ввела ее в моду в Петербурге.
– Мужья всегда таковы: едва женившись, вместо того, чтобы создать для своих жен дружеский круг, они сохраняют свои холостяцкие привычки, по вечерам отсутствуют, мадам скучает, ее можно найти одну в обществе своей лампы, а в один прекрасный день – прощай, здравствуй – мадам, чтобы не скучать, берет себе друга, который становится ее любовником.
– Вы неправы, Киселев, говоря, что так легко берут любовников. Я была почти всегда окружена мужчинами – Жуковский, Вяземский, Пушкин, Плетнев, несколько иностранцев – и ни от кого из них никогда не слышала двусмысленного слова.
– Мадам, о присутствующих не говорят, но, к несчастью, это частый случай.

[38] – Знаете, Киселев, Пушкин находит Петербург столь строгим и добродетельным, что, по его мнению, это не может так продолжаться и однажды наступит ужасный крах.
– Тем хуже, мне будет досадно, если наша столица станет когда-нибудь такой клоакой, как Париж.
Александр Медем рассказывал мне о своих путешествиях, я заметила ему, что его вишневая трубка заставила меня вспомнить, как в Одессе были однажды не то турки, не то персы, и после обеда мой отец предлагал им трубки – такой длины, какая соответствовала их рангу, а мне было поручено подносить палочку алоэ, позолоченную и надушенную. Я сказала ему также, что по желанию императора мой муж перешел в Министерство внутренних дел и был губернатором в Калуге.

– Mon cher Smirnoff, Mme vient de m'apprendre que vous avez été Gouverneur à Kalouga, ce poste convenait bien plus à votre caractère franc et loyal, et d'ailleurs comme propriétaire dans différents gouvernements, l'intérieur de la Russie vous était bien plus connu qu'à la généralité des gens auxquels on confie ce poste important.

– Oui, mon cher, j'ai été gouverneur et je n'ai eu que plaies et bosses, vu la confusion qui règne dans nos affaires; l'administratif est certainement en opposition avec tribunaux – гражданская и уголовная палата; mais c'est si ennuyeux, mon cher, que je ne veux pas ennuyer le monde et puis je veux faire un tour et puis j'irai à la roulette[39].

– Смирнов, вот ты управляешь своим имением, а я так поручил своему брату Михаилу Александровичу, тем более, что все пойдет по сыновьям, – dit Fifi Golitzin[40], – какая у него милая жена и как они счастливы!

– Луиза Трофимовна – одна из моих лучших приятельниц, она умна, проста, не светская, несмотря, что ее балуют попрежнему при дворе и в свете. Пойдем же, походим вместе.

Мы сели у фонтана и нашли там баронессу Нидергаузен, она сидела на лавочке и как будто караулила кого-то и к нам обратилась: «Je vous conseille d'attendre ici, vous allez voir l'amante de Lord Byron, l'illustre beauté la Guiccioli»[41].

– Отчего эти немки всегда говорят «l'amante»[42]? Красноносый Герсдорф подцепил во Франкфурте какую-то шлюху,

---

[39] – Дорогой Смирнов, мадам только что сказала мне, что вы были губернатором в Калуге, этот пост как нельзя более подходит к вашему характеру, открытому и честному, а кроме того как владелец имений в разных губерниях вы лучше знаете внутренние дела России, чем большинство людей, которым доверяют этот важный пост.
– Да, мой милый, я был губернатором и не вылезал из ссор, из-за неразберихи, царящей в наших делах; администратор всегда, конечно, в оппозиции с судебными органами – гражданской и уголовной палатой; но это так скучно, мой милый, что мне не хочется утомлять всех, и потом я хочу прогуляться, а потом пойду на рулетку.

[40] сказал Фифи Голицын.

[41] Я вам советую подождать здесь, вы увидите возлюбленную лорда Байрона, знаменитую красавицу Гвиччиоли.

[42] возлюбленная.

преуродливую, и тоже называет ее: «mon amante la Baronne de Schliessen»[43], а я прибавил: «Шлюхен шляпен».

L'amante прошла, старая и совершенно рыжая и предурная.

Когда мы воротились домой, купали детей, и Киселев просил позволения идти со мной в детскую. Они радовались, плескались и нас обливали и даже не хотели ложиться спать. Возвратившись, он сказал мне: «Какие вы счастливые! Вероятно, вас так купали при Ришелье».

– Не помню, но очень вероятно. Летом на хуторе нас всякий вечер купали в море.

– Что такое хутор?

– В Одессе дома с садами называют хуторами, а в Бессарабии *куяльниками.* А какое это слово, я не знаю – вероятно, турецкое, а может быть, и бессарабское. Там народ называют царанами, они люди добрые и хорошие рабочие. Ведь там весь народ – пришельцы из Курска, Полтавы, Харькова, реже великорусом, булгары. Эти очень смирные и не пьют. Екатерина поселила немецких колонистов, они живут особняком и все принадлежат к разным сектам.

– Я убеждаюсь все более и более, что я ваш ученик, это все новые для меня сведения, и я очень благодарен вам, но позвольте попросить вас продолжать рассказ о вашем детстве; за обедом, глядя на вас, прислушиваясь к гармонии вашего голоса, я старался разгадать ваш разнообразный характер, comme drôlerie, sérieux et à trois avec le sentiment religieux qui s'éveille[44].

– Ведь в этом была своя доля обезьянства. Маменька часто мне говорила: «Ты обезьяна».

– Что такое обезьяна?

– Обезьяна – предурной зверек, и весь покрыт волосами.

– Ну, а он говорит?

– Нет. А я была холосенькая обезьяна, котолая говолит, и болтала без умолку и всех их забавляла. Я ужасно любила отца и все целовала его бородавку. «Tatas, j'aime tant votre petite tache rose», но, увы, в 6 лет я увидела на его колене черное пятно, il est mort de la peste. Mon cher Père, il m'a appellé sur le seuil

---

[43] моя возлюбленная баронесса Шлиссен.

[44] тут плутовство, серьезность и вместе с тем пробуждается религиозное чувство.

de sa chambre à coucher, il brûlait tant que ses jambes étaient découvertes et j'ai vu son bubon noir comme du charbon. Maman soutenait sa tête. Il m'a dit: «Tu est l'aînée de mes enfants, tu est mon enfant la plus chérie, je te confie tes frères, soutiens-les, donne leur de bons conseils, je ne suis pas inquiet sur votre avenir, le Duc m'a promis de vous recommander à l'Empereur et à l'Impératrice-mère, qui est une sainte et digne femme[45]. Quand on a reçu une bonne éducation, on est sûr de faire honnêtement sa manière dans la vie. Je vous laisse peu de fortune, ce peu a été honnêtement acquis, le Duc le sait et c'est placé par lui, et plus j'ai Adamovka qui vous appartiendra». Je pleurais et suppliais Papa de me permettre de l'embrasser une dernière fois. Il m'a dit: «C'est impossible, chère enfant, je vous, bénis et c'est Maman qui vous embrassera».

– Vous pleurez encore, il est vrai que c'est ainsi touchant de voir le Père sur son lit de mort, qui recommande ses autres enfants à une enfant de 6 ans.

– Papa peut être content de son enfant chérie, car après mes enfants, ce que j'aime le plus au monde ce sont mes frères et j'ai toujours fait pour eux ce que mes faibles moyens m'ont permis, matériellement parlant, mais depuis mon mariage, leur sort, sans être brillant, au moins est très assuré, car mon mari est très généreux et ils lui sont aussi dévoués que reconnaissants. Ils ont la meilleure réputation au monde, Arcadie est surnommé dans la famille «философ практической жизни», Charles – «человек благоволений»[46].

---

[45] Татась, я так люблю ваше маленькое розовое пятно <...> он умер от чумы. Мой дорогой отец, он позвал меня на порог своей спальни, он горел так, что его ноги были открыты, и я увидела его бубон, черный, как уголь. Мама поддерживала его голову. Он сказал мне: «Ты старшая из моих детей, ты мое самое любимое дитя, я вверяю тебе твоих братьев, поддерживай их, давай им добрые советы; я не тревожусь за ваше будущее, герцог обещал мне рекомендовать вас императору и императрице-матери, этой святой и достойной женщине.

[46] Когда получают хорошее воспитание, можно быть уверенным, что честно проложишь себе дорогу в жизни. Я не оставляю вам большого состояния, но это немногое добыто честно, герцог это знает и он это хорошо поместил, а кроме того, у меня есть Адамовка, которая будет вашей». Я плакала и умоляла папу позволить мне поцеловать его в последний раз. Он сказал мне: «Это невозможно, дорогое дитя, я вас благословляю, а мама вас поцелует».

– Comment cela se fait-il qu’un de vos frères s’appelle Charles?

– Il a été tenu sur les fonds de baptême par la Reine Caroline de Naples. La pauvre vieille a été si fatiguée des insolences de Murat, la flotte de l’Amiral Bentinc croisait dans les eaux de Naples; Acton, son premier ministre et, dit-on, son mari, l’a sauvée; elle est arrivée à Vienne, l’Empereur Alexandre lui ayant promis protection; quoiqu’il n’y avait pas vestiges de porte en Autriche, mais comme elle a dû passer par la Valachie, on a jugé plus prudent de lui faire subir la quarantaine, et c’est dans notre maison qu elle dormait, et je ne sais pas où nous avons logé. Je crois, dans une petite maison que Papa avait bâtie[47] на Дерибасовской улице. Comme de raison mon Père, nommé inspecteur, de cet important emploi, venait prendre les ordres; elle a appris que ma mère venait d’accoucher d’un fils et a proposé d’être sa marraine et a désiré qu’il porte son nom et Alexandre auss[48]. От такой чести не отказываются. Королеву заменила M-me Ribas. Вообразите, что я помню ее платье, розовое атласное с черной кружевной тюник, розовые marabout[49] на голове и бриллианты. А крестным Отцом, конечно, был герцог. Королева прислала собственноручное письмо и *склаваж,*

– Вы и сейчас плачете. Это действительно очень трогательно – видеть отца на смертном одре, поручающего шестилетнему ребенку остальных своих детей.

– Папа может быть доволен своим любимым ребенком: после моих детей я больше всего на свете люблю моих братьев, и всегда делала для них все, что было в моих слабых силах. А после моего замужества их судьба если не блестящая, то, по крайней мере, упрочилась, так как мой муж очень щедр, и они ему так же преданы, как и признательны. У них наилучшая репутация в свете, у Аркадия семейное прозвище <...>, у Карла <...>

[47] – Как случилось, что одного из ваших братьев зовут Карл?

– Он получил это имя как крестник королевы Каролины Неаполитанской. Бедная старушка была измучена дерзостями Мюрата, флот адмирала Бентинга курсировал в неаполитанских водах. Актон, ее премьер-министр и, говорят, ее муж, спас ее, она приехала в Вену, и император Александр обещал ей свое покровительство. Ввиду того, что в Австрии не было никакого порта, а она должна была ехать через Валахию, решили, что разумнее, чтобы она прошла карантин, и она ночевала в нашем доме, я не знаю, где мы жили. Думаю, что в построенном папой маленьком доме <...>

[48] Конечно, мой отец, назначенный на важную должность инспектора, явился за распоряжениями; она узнала, что моя мать только что разрешилась сыном, предложила стать его крестной и пожелала, чтобы он носил ее имя и также Александра.

[49] перья марабу.

так называли цепочки, перевязанные бриллиантами, и фермуар, тоже бриллиантовый, с ее шифром. Все приезжали смотреть это украшение; а брату – бриллиантовый крест с весьма крупными камнями. Она изъявила желание видеть меня и Клему. Герцог нас учил кланяться ей, меня одели в красное онгуринское платье, завили барашком и надели серьги с крошечным супфирчиком, подарок Дюка, а Клему одели в белые панталоны и красную курточку, обшитую золотым позументиком. Мы так низко и хорошо кланялись, что герцог сказал: «Vous voyez, Madame, que mes pefits élèves me font honneur»[50]. Королева была очень старая, нарумяненная, в зеленом бархатном платье и покрыта бриллиантами, а на шее очень крупный жемчуг, с которым я играла, когда она нас обоих посадила на колени. При ней были две очень нарядные дамы, тоже старые и нарумяненные.

– А кто был Рибас?

– Он был адмиралом русского флота. Говорили, что он был простой генуэзский матрос, но Суворов ему писал: «Eccelentissimo Doria, credo il tempo da finire con questo bastione a Turchki»[51]. В насмешку ли он его называл «Eccelentissimo», или же он знал, что Ribas был побочный сын генуэзского *Doria*? Это я знала от дяди Н. И. Лорера.

Когда отец был при смерти, нас отвезли к приятельнице маменьки, гречанке Попандопуло. У них было много детей, большой сад, мы там резвились и не понимали, что судьба наша решается; я одна иногда призадумывалась, вспоминая черное страшное пятно, но из дома пришла женщина Татьяна и взяла с нас мерки и сказала, что все будет черное, а на другой день нас повезут домой. Приехала бабушка, тетушка, в доме была мертвая тишина; с папеньки сняли парик, его лоб был прекрасный; я просила позволить поцеловать руку дорогого отца, но меня не допустили.

Похороны были большие, весь город провожал тело умершего уважаемого и любимого сослуживца. Герцог ехал верхом, я одна сидела с бабушкой в карете. Через несколько дней все разъехались, и маменька в глубоком трауре сидела у камина

---

[50] Вы видите, мадам, что мои маленькие ученики делают мне честь.

[51] Ваше превосходительство Дориа, полагаю, что настало время покончить с этой турецкой крепостью *(ит.)*.

еще в Карантинном доме. Так как у нее было много забот по делам и процесс с каким-то гадким графом Капниси, который завладел землей отца в Крыму – эту землю отец получил еще при графе Мордвинове, рядом с Байдарской долиной, данной Мордвинову, – то генерал Форстер рекомендовал взять к нам гувернантку. Она была швейцарка из города Шафгаузен, Амалья Ив<ановна> Шредер.

Эта добрая старушка была сущий клад. Потом мы переехали в собственный дом на Дерибасовской улице. Я спала с маменькой, а братья все в большой комнате с Амальей Ивановной. Сада не было, а большой двор, на котором была кухня, все службы и людская. Летом маменька взяла меня с собой в Адамовку, к ней приходил какой-то жид и говорил о ревизской сказке. Тогда, после 12 года, делали перепись, а я воображала, что жид точно рассказывал ей что-нибудь.

Милая Адамовка, как я ее помню! Когда ехали туда, всегда спрашивали, как прикажете ехать – на Андреевское или Янгакраки, это название также, должно быть, турецкое. Дом в один этаж, под домом погреб для слива молока. Маменька всегда сама снимала сливки деревянной ложкой для кофия. Мебели были простого дерева, выкрашенные светло-желтой краской и маленькие букеты роз по ним, и у меня был свой стул и диван, все это было подарено Ришелье. Он говорил, что тогда во Франции была мода на такую мебель. Над домом был пригорок, на котором отец развел фруктовый сад, груши, и яблоки всех сортов, ему удалось даже развести ягоды. По левую сторону дома была черная мутная речка Тилигул, а за ней были ветлы, а за ними был огород. По правую сторону были рядом белые хаты крестьян, из первой избы была наша нянька Марийка, бабенка. В 5-ти верстах от дома был ключ, тем заключалось наше поместье.

Адамовку отец получил за взятие Очакова, там было 5000 десятин земли, ни кола, ни двора, от этого он и назвал этот клочок земли Адамовкой, купил или залучил хохлов, потому что край селился двояким образом. Рядом с Адамовкой было имение одесского коменданта, шотландца Фомы Александровича Кобле, которого называли Кобинькой. Его сестра была замужем за адмиралом Мордвиновым.

А на сегодня довольно, Николай Дмитриевич, сядемте у окна подышать свежим воздухом.

Я сбросила свои туфли, он встал, чтобы их поднять.

– Не трудитесь, я часто хожу не только без них, но босая, это мне не в диковинку, у бабушки мы бегали босые, в одних рубашках и от этого были здоровы.

– A juger par votre petite main, vos pieds devaient être très petits et très jolis.

– Oui, ils étaient très étroits et Pouchkine me disait qu'ils avaient de la physionomie. Mais quelle heure est-il?

– Il est 11 heures et demie.

– Oh, je suis fatiguée et vous aussi, je suppose, пора идти спать, до свиданья завтра.

На другой день утром я в 7 часов слышу его голос: «Mme Smirnoff!» Растворив немного дверь, я говорю: «Qu'est ce qu'il y a?»

– Il y a, Madame, que vous êtes d'une imprudence impardonnable, j'ai trouvé dans ma chambre un bout de cigarette et ce misérable Juif Haber s'est arrivé me dire que vous m'avez jeté un billet là.

– Le grand malheur qu'un misérable semi-peau comme Haber fasse des remarques sur moi, cela m'est parfaitement égal.

– Si cela vous est égal, je tiens beaucoup à votre réputation, ma cousine[52].

Vers midi il m'a donné le bras et nous sommes allés vers l'allée de Lichtenthal. Il a cueilli une marguerite et m'a prié de l'assembler. Arrivée à beaucoup, je l'ai puni et la lui ai lancée à la figure.

---

[52] – Судя по вашей маленькой руке, у вас должны быть очень маленькие и хорошенькие ножки.
– Да, они очень узкие, и Пушкин говорил мне, что у них есть своя физиономия. Но который час?
– Половина двенадцатого.
– О, я устала, и вы тоже, я полагаю <...>
...я говорю: «Что там?»
– Вы, мадам, совершили непростительную неосторожность: я нашел в своей комнате окурок сигареты, и этот несчастный еврей Габер явился, утверждая, что вы бросили с ним мне записку.
– Вот беда, что такой жалкий полукровка, как Габер, отпускает замечания на мой счет, мне это совершенно все равно.
– Если вам это все равно, то я очень забочусь о вашей репутации, кузина.

– Спасибо, cette marguerite ira rejoindre le bout de cigarette que j’ai précisément serrée dans mon calepin, les voilà.

En rentrant, après avoir fait une visite aux enfants qui dînaient, je suis rentrée et me suis étendue pour faire un petit sommeil, en lui faisant promettre qu’il respecterait mon sommeil. Il ne tient pas compte et je le menaçais de lui faire fermer ma porte. A mon réveil, il m’a prié de lui conter encore sur mon enfance, et j’ai repris mon récit sur ma grande-rnère en Russe[53].

– На станции Водяное, которая так значится на карте Новороссийского края, жила моя бабушка Екатерина Евсеевна Лорер (рожденная княжна Цицианова). Она давно была вдова, определила сыновей на службу, а дочерей, кроме меньшой, Веры Ивановны, повыдала замуж, как она выражалась. Тогда эта деревушка называлась Грамаклеей, и речка, которая там протекает, тоже называлась Грамаклеей. За дворовым строением был ключ, который бежал по кремням, там переезжали вброд, что случалось редко, если бабушка не едет к двоюродной сестре Елисавете Сергеевне Шклоревич, или та не заедет в Грамаклею. Елисавета Сергеевна была сестра княгини Анны Сер<геевны> Кудашевой, но они были в ссоре, потому что Кудашева считала, что Шклоревич был не пара для княжны Баратовой. Но и бабушка и Елисавета Сергеевна не ставили ни в грош кудашевское княжество и говорили, что столбовой дворянин Шклоревич гораздо выше, как и прусский дворянин Лорер, а что в Грузии Кудашевы ездили у них на запятках.

Странно, что я вела самую кочующую жизнь, едва удавалось прожить два года на одном месте. Не могу себе представить, какие перемены произошли в этом краю, и сохранил ли он эту прелесть, которая мне так любезна. В самых красивых местах за границей мне всегда вспоминалась моя милая Грамаклея,

---

[53] Около полудня он дал мне руку и мы пошли к Лихтентальской аллее. Он сорвал маргаритку и предложил мне их собирать. Когда их стало много, я его наказала и бросила ее ему в лицо.
– <...> эта маргаритка присоединится к окурку сигареты, который я тщательно спрятал в свою записную книжку, вот они.
Вернувшись и навестив детей, которые обедали, я улеглась, чтобы немного соснуть, взяв с него слово, что он будет уважать мой сон. Он не принял это во внимание, и я пригрозила, что укажу ему на дверь. Когда я проснулась, он попросил меня рассказывать ему еще о моем детстве, и я возобновила свой рассказ о моей бабушке по-русски.

и мне казалось, что всего лучше в этой бедной деревушке (там тогда было 150 душ на 5000 десятин земли).

Я уверена, что настроение души, склад ума, наклонности, еще не сложившиеся в привычки, зависят от первых детских впечатлений. Я никогда не любила сад или салон. Дитя любит более всего свободу, ему условное не нравится; как бы ни был убран сад, ребенка тянет за решетку, в поле, где природа сама убирает в вечно разнообразный наряд.

– Знаете ли, что это описание прелестно?

– Молчите, не перебивайте, вы охотник на комплименты, дамский кавалер и Сердечкин, как выражаются губернские барышни.

– Слушаюсь и готов.

– В Грамаклее в 1816 году не имели понятия о том, что такое сад – и им обязана Грамаклея Ришелье. Он проезжал мимо и видел, что бабушка сидела à l'ombra della casa[54], как говорят в Италии, и сказал ей: «Катрин Евсеевна, зачем вы не сажал деревья?» – «Батюшка Дюк, где же мне их достать?» – «Я вам буду присылать из Одесса».

Через две недели пришли два воза корней, и Батист, садовник Дюка, их посадил вдоль речки Водяной. Они прекрасно прижились, и говорят, что вышел в самом деле прекрасный сад. Деревья не пользовались теми условиями, которые составляют вид. Лицом к большой дороге стоит господский дом в один этаж, вымазанный желтой краской, а крыша железная, черная; перед домом палисадник, сложенный из булыжника; в нем росла заячья капуста (valériana), барская спесь и голубые и розовые повилики, очень душистые; рядом с домом был сарай, крытый в старновку.

– Что такое старновка?

– Старновка – солома, стриженая вгладь. На этот сарай вечером прилетали журавли. При самом захождении солнца самец поднимал одну из своих красных лапок и трещал несколько минут своим длинным, красным же носом. «Журавли богу молятся, – говорили дети и люди, – пора ужинать». Против дома была станция (ее содержала бабушка), т. е. белая большая хата, также тщательно вымазанная. Речка, которая

[54] в тени дома *(ит.)*.

протекала вдоль сада, была темная, глубокая и катилась так медленно, что казалась недвижной среди тростника. В ней раз утонул человек – не было конца рассказам об нем: то видели круги на воде, когда он выплывал ночью при луне и зазывал запоздалых косарей и девок. Самое замечательное в Грамаклее, конечно, была невозмущаемая тишина, которая в ней царствовала, особенно когда в деревушке замолкал лай собак, водворялась синяя бархатная ночь, звезды зажигались вдруг с незаметной быстротой. Все окна были открыты, воздух был теплый (tiède), неподвижный, везде безмолвие и лень, казалось, что и за пределами Грамаклеи точно то же, и всегда и везде то же. Когда подавали ужин, бабушка садилась за стол, набожно перекрестившись, возле нее шурин ее Карл Иванович, потом мы, ее внучата, с нашей доброй Амальей Ив<ановной>. Тетушка Вера Ив<ановна> всегда запаздывала и подвергалась не совсем благосклонным замечаниям бабушки о столичном воспитании в Москве у дедушки Дмитрия Евсеевича Цицианова.

– Дмитрий Ев<сеевич> Цицианов, я его помню, он почти всякий день езжал к моему отцу.

– А вы знаете ли, как он объявил вашему отцу о кончине вашего брата? «Ну, я, брат, от Ростопчина, твой Алексаша убит, мой Дмитрий смертельно ранен и моя княгиня уж пустилась по церквям, я ей говорю: “Вы хнычете оттого, что богомольны, и забываете слова ап. Павла, что мы все там увидимся”».

– Quelle belle consolation, ma pauvre mère n’a jamais pu se remettre de ce terrible coup, si santa a graduellement décliné et à 7 ans j’ai eu le malheur de la perdre.

– Pauvre Киса! Comme je sympathise avec votre orphelinage; je sais aussi ce qu’est l’orphelinage[55].

Мы друг другу пожали руки.

– Тетушка Вера Ив<ановна> рисовала à la sepia копии с Мадонн Рафаэля и играла на фортепиано, которое бабушка называла *Porto Franco*. Эти два слова ничего не представляли ее

[55] – Хорошо утешение, моя бедная мать никогда не смогла оправиться от этого ужасного удара, ее здоровье постепенно пошатнулось, и в 7 лет я имел несчастье ее потерять.
– Бедный Киса! Как я сочувствую вашему сиротству, я тоже знаю, что это такое.

понятиям. Сфера ее мышления ограничивалась очень простой сердечной молитвой, заботой по полевому и домашнему хозяйству и воспоминанием знатных господ, которых она знала. Она говорила с особой важностью о какой-то старой Кочубейше, а кто она была, я не знаю. Бабушку как будто раздражало то, что выходило из круга ее обыденной жизни, она, кажется, была в полном смысле русский консерватор, враг чуждых приемов и обычаев. Она не любила иностранные языки, и когда, бывало, Амалья Ив<ановна> засадит меня и братьев за немецкие слова, она говорила: На что это детей мучить – вот я так век прожила без языков, и за немцем была замужем. Хороший человек был покойный ваш дед, все его уважали в Херсоне, и место имел хорошее, был вице-губернатором, но только наживаться не хотел. Раз к нему приехал *Щенсна-Потоцкий* и просил его заняться его процессом; покойник его кончил в два года, Потоцкий так был рад, что предложил ему 2000 душ, но он отказался от них: «Я исполнил свой долг, мне платит государь, а ежели вам угодно сделать мне что-нибудь приятное, у меня нет часов. В Херсоне они не нужны, но так как я выслужил себе право на пенсию, то хочу выйти в отставку и поселиться в имении жены; у нее был маленький капитал, она купила 5000 десятин земли при реке и при ключе и построила маленький домик – в деревне часы мне будут очень нужны». Потоцкий прислал ему золотые часы в 380 р., «а як он, голубчик, скончался, и закатилось мое солнце, я их остановила на том часе и поховала», т. е. спрятала.

– Как все это трогательно!

– Dans toute cette existence, si simple, il y a de l'idylle, tant comme «Старосветские помещики» de Gogol[56].

– De Gogol? Qui est Gogol?

– Ах, Киса, mais dans quel monde vivez-vous?

– Que voulez-vous, les Russes qui vivent à Paris, ne parlent que chiffres. Chiffres ou maladies[57].

---

[56] – Во всем этом существовании, столь простом, есть что-то идиллическое, как в «Старосветских помещиках» Гоголя.

[57] – Гоголя? Кто это Гоголь?
– Ах, Киса, на каком свете вы живете?
– Что вы хотите, русские, живущие в Париже, говорят только о цифрах. Цифрах и болезнях.

– Гоголь – автор романа «Мертвые души» и малороссийских сказок. Пушкин от них в восторге. Еще есть комедия под названием «Городничий», в ней выставлены на вид наши взяточничества. Ее не решались допустить для представления, но государь приказал выдать ему четыре тысячи и поставить ее. Сам приехал в театр, постоянно аплодировал и смеялся. В партере были все первые чины, многие в душе морщились, но ваш брат Павел Дмитриевич, граф Нессельрод и двое Горчаковых веселились от души, за ними не водятся эти грешки. Автора усиленно вызывали, но он скрылся. Я могу вам дать все его сочинения, у меня есть несколько его писем. Вот что: диктовать целый день – монотонно, то мы будем иногда читать.

– Отлично, только продолжайте о вашей бабушке.

– Она говорила еще, что когда род Цициановых с царем Вахтангом приехал в Россию и поступил в подданство, то их отцу даны были на юге земли и 500 душ. Дмитрий Евсеевич был флигель-адъютантом Потемкина и женился на Варваре Егоровне Грузинской, за которой взял 8000 душ, дом, занимавший полквартала, потому что церковь Рождества в Кудрине была в их саду. Это мне после рассказывала тетушка Елисавета Дмитриевна. Старшая сестра бабушки получила землю под Балтой и была вдова Гангеблова. Другая была за Шмаковым, еще одна за Чепелевским, а последняя за грузином Бонгескулом. «И так я, душенька, осталась без состояния, но господь помог, сыновья на службе, а дочерей пристроила – Катя замужем за Артемием Ефимовичем Вороновским и живет в Пондике, Лиза за Каховым и живет под Соколами в Каховке. А твоя маменька была замужем за Осипом Ив<ановичем> Россет. Умный, хороший был человек, а у Дюка правая <рука>, все его любили и уважали, ему дали имение под Одессой за Очаков, тоже в Бессарабии и в Крыму землю. Уж не знаю, куда они девались. Он, кажется, продал, построил дом в городе и завел хутор. А теперь, душенька, все пойдет даром, потому что твоя мать вышла замуж за полковника Арнольди».

Такие разговоры мы слышали часто. И тут бабушка вздыхала и замолкала надолго. Потом, как бы опомнившись, начинала пересчитывать сыновей. «Вот Александр служил в уланах, всё кампании делал, а теперь в отставке и женился на Корсаковой, у нее большое имение там где-то под Петерб<ургом>, но она

все по-французски, и теперь она в Италии, и всё пишут, что лучше, чем у нас. А, по-моему, жили бы у себя в Гарнях, чего им там недостает? Николай теперь служит в Варшаве, он мот и балагур, а Митю я жду сюда. Женился он в Курске на княжне Волконской, племяннице безносого Прозоровского, который командует корпусом; оно бы хорошо, да имения нет никакого, совсем бедная девушка и воспитывалась в Екатерининском институте, и, верно, пустякам и все по-французски». У бабушки странным образом сливались понятия о настоящей аристократии и о чиновной знати. Однажды у нее остановился князь Федор Голицын и спрашивал ее о ее детях – она позвала Дмитрия Ив<ановича> и сказала: «Пересчитывай их». Он начал: «Сестра Екатерина за Вороновским». – «Не с того конца начал: сестра Надежда замужем за генералом Арнольди...». Голицын мне говорил, что она была такая оригиналка, что он нигде не проводил приятнее время, как у нее. И государь ее знал.

Утром рано Гашка мыла полы песком и мылом, и два раза в неделю вощила всю мебель красного дерева, и так терла тряпкой столы, что в них можно было глядеться, но если чуть что не так, то бабушка Гашку била по щекам.

– Как, собственноручно била Гашку?

– Еще бы, чему вы удивляетесь? Да, я чай, и ее били по щекам, когда она была маленькая. Но я раз видела ужасную вещь в передней. Бабушка меня послала туда, я прибежала в ужасе и сказала ей, что в передней сидит мужик-козел, и ноги у него в ящике, и слезно просила, чтобы его отослали в деревню. – «Дурня, то мужик наказан, и ему надели рогатину, а ноги в стульях». Бабушка тотчас велела снять с него это ярмо и велела спрятать эти пытки в амбар.

– Неужели это еще и теперь продолжается?

– О нет! Уже в четвертом году император Александр строго запретил продавать людей по одиночке. Фрейлина Олимпиада Петровна Шишкина мне говорила, что когда она вышла из Смольного монастыря, то на рынке ей купили девку за 8 р. Государь приказал продавать семьями, а теперь и это запрещено – продают имение с крестьянами.

Иногда Амалья Ив<ановна> вступалась за воспитание и французский язык; как представительница западного образования она считала себя обязанной промолвить словечко

в пользу этого воспитания. Но бабушка, всегда ласковая с ней, не обращала внимания и продолжала порицать все иностранное. Добрая старушка Амалья Ив<ановна> была идеал иностранок, которые тогда приезжали в Россию и за весьма дешевую цену передавали иногда скудные познания, но вознаграждали недостаток знаний примером истинных добродетелей, любви и преданности к детям и дому, который принимал их гостеприимно и радушно.

Бабушка сидела всегда почти у порога своей конторы, так что она могла видеть les 4 coins cardinaux[58] своего маленького царства. С утра одета в белый канифасовый капот и большую пелеринку, в белом чепце в очках, она вязала чулки, сидела в собственном деревянном кресле у столика, на котором стояла ее табакерка и носовой платок. Я сидела на деревянной скамейке у ее ног и была у нее на побегушках. Когда бабушка выезжала на так называемых поповских дрожках...

– Что такое поповские дрожки? Я в Петерб<урге> езжал на паре.

– Поповские дрожки – двухместная линейка, в них сидишь боком. Тогда приказчик Роман ехал верхом на рыжей худой лошади, сам же он надевал долгополый синий сертук домашнего изделия и чоботы. Когда бабушка брала меня с собой, я сидела с ней рядом без шляпки, без пелеринки. Амалию Ив<ановну> это приводило в ужас, и она кричала: «Ach, mein Gott, Sie bringt ein Sonnenstich»[59]. Но когда было слишком жарко, я подползала под фартук и возвращалась, припеченная солнцем и предовольная. Жизнь была незатейливая, слава Богу. Когда приезжали на почту важные господа, генералы или петербургская знать, их просили отужинать, даже переночевать в доме. Для капитанов и мелких помещиков была чистая комната на станции. Раз приехала прямо к дому какая-то графиня, такая бесцеремонность немного смутила бабушку, однако ее приняли; с графиней была девочка, у которой была большая кукла с серыми злыми глазами; мне казалось, что она на нас смотрела с презрением. Может быть, что серые злые глаза были не у куклы, но у столичной девочки.

---

[58] четыре стороны.

[59] Ах, Боже мой, у нее будет солнечный удар *(нем.)*.

Бабушка не имела знакомства по соседству, она терпеть не могла Кашперовых и Бредихиных и говорила: «Що воны думают, що я пойду к ним, гордятся, что у них по 500 душ!» К ней ездила ее внучатная племянница Марья Павловна Кулябка, рожденная Ворожейкина, и всегда с гостинцем. Но приезд Елисаветы Сергеевны Шклоревич был истинным праздником для всего дома. Улька, бедная девушка, которая жила в Грамаклее, объявляла нам, что мы можем делать, что хотим, потому что обе старушки в гостиной, куда подали варенье, дыни, арбузы и всякие сладости. Они друг другу говорили «вы» и все сплетничали насчет Кудашевых: «Представьте, Екатерина Евсеевна, что я сестру три года не видела, зачем мне ехать в Виску, она хвалится, что у нее 1000 душ». – «А я, Елисавета Сергеевна, всего раз была у нее, она все говорит, що в ней дом со столбами, а уж зато какая нечистота, везде пыль. Князь, – какой он князь, мы это знаем, – в зеленом бархатном халате и с собольим воротником. Одно у них хорошо – бублики да сырники».

– Что такое бублики?

– То же, что у нас баранки, но только они гораздо вкуснее.

«Зато в мене сосиски и сальные свечи лучше, и вся дворовая птица откормлена как нельзя лучше. Уж такой пасхи ни у кого нет, как у вас и у меня. А варенье у нее все на меду, и она без стыда им потчует. Яйцы у нее красные, а у нас писанки».

– Что такое писанки?

– Девки красят их зеленью и делают по ним разводы краской. «Да, я могу похвастать своим вареньем; не забудьте сказать Роману, чтобы он в Николаеве купил 5 ф<унтов> сахару, я свой издержала для вашего варенья».

Однажды Елисавета Сергеевна просила бабушку отпустить к ней тетушку Веру Ив<ановну> и меня, на что она, конечно, согласилась. Амалья Ивановна тотчас выбрала мне белье и платье, и мы уселись в дормез, висящий превысоко, который качался, как люлька. Когда подъехали к броду, пошли толки, как совершить этот подвиг, точно как будто никогда никто через него не проезжал. Ничипорка решил, что опасности нет, и дормез пошел прыгать по камням. Елисавета Сергеевна все время крестилась, и, наконец, мы поехали по самой гладкой дороге, мимо полей пшеницы, проса и маку. Сеяный мак светло-лилового цвета и очень красив.

– Какое это имя Ничипорка?

– Это исковерканное имя Никифора. У нас был человек, которого· звали Элпидифор, а звачка его была Пожидорка. Есть св. Феопемпт, а зовут его Фопем.

Баратовка меня поразила своим великолепием. Церковь была большая, дверь была открыта, звонили на приезд барыни, вошли помолиться, и меня удивила позолота. У Андрея Первозванного, куда бабушка ездила в воскресенье, не было позолоты, и образ Андрея Первозванного был престрашный: совершенно казак, с большими усами и пикой. Бабушка всегда нас поднимала и прикладывала.

– Quelle dévotion peut-on avoir pour une image pareille, je ne comprends pas.

– On a cependant de la dévotion pour les peintures noires qui ornent nos églises de Moscou.

– Certainement, et je le comprends, il y a une espèce de beauté étrange dans ces peintures noircies, et que la dévotion a recouvertes d'or et de pierres, précieuses.

– C'est peut-être une affaire de sentiment et de souvenir, qui sait, si ma pauvre grand-mère n'y a pas eu de grandes consolations afin la mort de mon grand-père, et cette consolation lui a été accordée auprès de cette affreuse peinture. L'église est à 7 werstes de Грамаклея et atteler est toujours une affaire dans un petit établissement[60], и в такой глуши.

– Так вы знали бедность?

– Еще бы! Я знала бедность и лишения до замужества, но об этом после.

– Так что теперь вы вполне счастливы?

– Разве счастье только в богатстве?

– Зачем вы вздохнули?

---

60 – Не понимаю, какое благоговение может быть к подобному образу.
– Благоговеют же перед черными иконами, украшающими наши московские церкви.
– Конечно, и я это понимаю, есть некая странная красота в этих почерневших иконах, которые благочестие покрыло золотом и драгоценными камнями.
– Это, может быть, дело чувства и воспоминаний, и кто знает, что было бы, если бы моя бедная бабушка не имела бы утешений после смерти моего деда, а утешение к ней приходило перед этой ужасной иконой. Церковь в 7 верстах от Грамаклеи, а запрягать – это всегда целое дело в таком маленьком селении.

– Так... А вы зачем вздохнули?

– Coeur qui soupire n'a pas ce qu'il désire.

– Je répéterai après vous, coeur qui soupire n'a pas ce qu'il désire[61]. И дом в Баратовке был больше грамаклеевского. Елисавета Сергеевна объявила, что на другой день мы поедем на именины к ее соседям Требинским. С вечера приказано было Ничипорке осмотреть карету и заготовить абрикосы в гостинец. Кто не жил в губернии, не знает, что за магическое слово именины. Вы, верно, помните, как Пушкин описывает именины:

Заря багряною рукою
Выводит за собою
Веселый праздник именин.

Но ведь он это взял у Ломоносова:

Уже заря багряною рукою
С зеркальных спокойных вод
Выводит за собою...

далее не помню.

– Comme c'est beau[62] – с зеркальных спокойных вод, и какая у вас память!

– Наш учитель словесности был Петр Александрович Плетнев, который теперь учителем при царских детях. Пушкин ничего не печатал без его одобрения, у него такой верный эстетический вкус. А как хороши стихи Ломоносова на грозу:

Гремит! Благоговей, сын персти,
Се ветхий деньми с небеси
Перуны сеют по земли.

Есть еще его стихи, которые я никак не могу припомнить:

Где был ты? Как в стройном чине
Прекрасный сей украсил свет?

---

[61] Сердце, которое вздыхает, не имеет того, чего желает.
– Я повторю за вами, сердце, которое вздыхает, не имеет того, чего желает.

[62] Как это прекрасно.

– Ничего-то я не знаю, и когда-нибудь я запасусь русской литературой и займусь ею.

– Однако который час?

– Только 10-ть часов, и вы, пожалуйста, доскажите вашу поездку в гости.

– Мы тронулись рысцой, но на седьмой версте, на маленьком косогоре, карета опрокинулась, и все вскрикнули, кучер лежал без памяти, форейтор стоял у лошадей; к счастью, проходили крестьяне, и нас начали вытаскивать: сперва тетушку Веру Ив<ановну>, потом девку, которая всей тяжестью лежала на мне, а я носом очутилась в корзине абрикосов, которые, конечно, ела. Елисавету Сергеевну, которая была очень высока, с трудом вытащили. Наконец подняли экипаж; так как кучер очнулся, то мы шагом поплелись домой, и сконфуженный экипаж явился у подъезда к удивлению собравшейся дворни. Елисавета Сер<геевна> охнула, когда увидала на моем лице шишки радужных цветов, которые она тоже называла гуглями, как Пульхерия Ив<ановна>, и у нее тоже были всевозможные снадобья. Она велела настругать кору с ивняка и прикладывать на больные места. Меня положили в постель и баловали страшным образом, т. е. всякую минуту давали что-нибудь скушать. «Екатерина Евсеевна дала дитя на руки, и привезут ее изуродованную!». Через три дня надобно было вернуться, остались только желтые пятна. Я прямо побежала к своей Амалье Ив<ановне>, а Улька проводила Елисавету Сергеевну в гостиную и объявила нам, что ждут дядю Александра Ив<ановича> и Марью Ив<ановну>. Им приготовили большую спальню и гостиную, потому что Дмитрий Ив<анович> еще ждет отставку в Курске.

Оставались они недолго, Марья Ив<ановна> за столом говорила своему человеку Никите: «Неправда ли, Никита, что церковь св. Петра гораздо более и лучше нашей Казанской в Питере?»

– Помилуйте, Марья Ив<ановна>, в нее можно поместить 10 Казанских.

– Что ты брешешь (т. е. лжешь), грубый дурак, як ты смеешь разговаривать при господах?!

Александр Ив<анович> делал знаки жене молчать и начинал хвалить жареного поросенка, индейку с начинкой и соления

Малашки. После обеда Марья Ив<ановна> выходила в сад и играла на флейте, такая была мода:

Ma Fanchette est charmante
Dans sa simplicité,
Je sais bien sa servante
En toute une beauté[63].

Fanchette était très complaisante, toutes les romances françaises sont dans ce goût. C'est comme «Ah, mon Dieu, Mr Denis», qui fait rire toute la salle, et en dit que c'est plein d'équivoques[64]. Ну, что в этом веселого? Вот когда Жуковский начнет рассказывать свои анекдоты о том, что готовится для Вольтера, я смеюсь, хотя он двадцать раз их повторит. Я вам расскажу один анекдот.

– Что за радость сквернословить?

– Совсем не сквернословить.

– Ну, так мерзословить – такому хорошенькому и маленькому ротику.

– Совсем не так вы выражаетесь. Жуковский говорит: уста размалеваны богом любви.

– Я воображаю, сколько стихов написали вам наши поэты.

– Есть, но более шутовские Вяземского. Я жила рядом с ними на Морской и была больна. Он мне написал:

Как жаль, что расклеилась клетка,
В которой ici-bas[65] тоскует колибри

– Когда я буду камергером, а это неминуемо, то сделаю золотую клетку, посажу вас в нее и запру вас своим камергерским ключом.

– А кто вам сказал, что я туда сяду?

---

[63] Мила моя Фаншетта / В своей простоте, / Ее служанку знаю я / Во всей ее красе.

[64] Фаншетта была весьма снисходительна, все французские романсы в этом вкусе. Это как «Ах, боже мой, мсье Дени», от которого весь зал смеется и говорят, что он полон двусмысленностей.

[65] В этом мире.

– Кто? La petite souris[66].

– Кстати о мышах. Я их смертельно боюсь, а у нас их гибель. Оля их тоже боится.

– Я приеду с Михайлой и заколочу все дырочки.

– Еще Вяземский мне писал:

Моей соседке, с Венерой однодомке,
Та царствует на дне морском.

А это в квартире на Морской. Впрочем, у меня есть альбом, в котором есть стихи, и также коллекция шутовских писем Жуковского и письма Гоголя.

– À juger d'après votre petite main, votre pied doit être très petit, avez-vous une paire de pantoufles?

– Oui, j'en ai une d'avant mon mariage. Лиза, принеси красные туфли с черным мехом.

– Dieu, que c'est mignon, il n'y a que trois de mes doigts qui y entrent. Donnez-les moi.

– Prenez-les, mais elles n'entreront pas dans votre calepin.

– Oh, je prévois que vous me donnez beaucoup de trésors, et à Paris je ferai faire une caisse en bois de cyprès.

– Merci de cyprès, voulez-vous déjà m'enterrer?[67]

– Quelle idée, je vous prédis une longue vie, vous êtes d'une nature si saine, vous ne vous recrachez presque pas, jamais vous ne crachez, c'est un de vos grands charmes aussi, et puis il n'y a jamais aucune odeur autour de vous, que celle du pahitos que vous avez rendue agréable.

---

[66] Маленькая мышка.

[67] – Судя по вашей маленькой ручке, у вас должна быть очень маленькая нога, есть у вас пара домашних туфель?
– Да, они были у меня еще до моего замужества. <...>
– Боже, какие крошечные, туда войдут только три моих пальца. Подарите их мне.
– Возьмите, но они не войдут в вашу записную книжку.
– О, я предвижу, что вы мне дарите так много сокровищ, и в Париже я закажу кипарисовый ящик.
– Спасибо за кипарис, вы хотите уже меня похоронить?

– Ну уж, пошел строить комплименты. Cela me rappelle qu'une fois j'ai enquêté 1000 roubles à Joukoffsky, qui m'a écrit[68]:

> дано в час добрый без процентов
> взаймы ей тысячу рублей.

Сологуб me les a volés et je ne sais pas ce qu'ils sont devenus[69].

Однако, который час?

– Половина двенадцатого.

– Пора спать. Ах, какие у вас прекрасные часы! Покажите. – И взяла их в руки.

– Это часы отца, мне их дал Павел Дмитриевич. Ничего-то у нас не осталось от огромного состояния.

Он вспыхнул и поспешил домой.

На другой день утром, в осьмом часу, мы друг другу кивнули дружески, я пошла к нему навстречу и узнала, что у него очень дурной кофий.

– Так что же вы не завтракали у нас?

– Николай Михайлович найдет, что это уж чересчур нецеремонно.

– Ничуть не бывало, он будет очень рад и <будет> рассказывать про свои похождения на рулетке, а я выучу Михайлу варить вам кофий, Эйландт ему покажет всю процедуру.

Кофий оказался очень хорош, а Николай Михайлович начал «impair», «rouge», «noir», «le jeu est fait», «rien ne va plus»[70], гадкая Mme de Lage десять раз прошла по красной, я же ставил на черную и продулся.

– Я, право, братец, не понимаю, как ты можешь летом выносить эту душную и, извини, вонючую атмосферу. Лето – дар божий, летом запасаемся здоровьем на зиму.

---

[68] Что за мысль, я предсказываю вам долгую жизнь, у вас такая здоровая натура, вы почти никогда не плюете, никогда не брызгаете, это тоже одно из ваших очарований и потом вокруг вас всегда один лишь запах пахитос, который вы сделали столь привлекательным <...> Это мне напоминает, как я однажды взяла у Жуковского взаймы тысячу рублей, и он мне написал.

[69] Сологуб у меня их украл, и я не знаю, куда они делись.

[70] «Нечет», «красное», «черное», «игра сделана», «ставок более нет».

– Я, славу Богу, и так здоров. Что дети, здоровы? Прощайте, иду на рулетку, я жду сюда Александра Долгорукова, у него есть martingale[71].

– Что такое martingale? Это, кажется, для лошадей?

– Нет, да вам нечего толковать, вы ничего не понимаете.

– Это все хорошо, но я думаю, что вы не все рассказали о Грамаклее, а так как я принес тетрадь от Marx, то и жду диктовки.

– Что бишь я хотела еще вам рассказать? Вяземский все меня дразнит, что я часто говорю *что бишь* и вместо намедни – намнесь, так что я уже не говорю более намнесь.

После отъезда Александра Ив<ановича> приехал дядя Дмитрий с женой, весьма застенчивой, милой и доброй женщиной; она так смиренно <подошла> к руке бабушки, что совершенно ее обворожила, и они живут припеваючи. Из Пондика приехала тетушка Дунюшка, она была менее красива, но была очень милая и тихая. Раз вечером пришли сказать, что на станции капитан-лейтенант Вантос Ив<анович> Драгневич просит позволения представиться, у него сломалась ось в бричке и потребуется следующий день на починку.

– Позвать его ужинать, а ночевать пусть ночует на станции! Что вы смеетесь?

– Странное созвучие: Вантос и Драгневич.

– Что тут смешного, Вантос по-французски Batiste, а Драгневич – серб. У меня есть троюродный брат Штерич, есть и Перич, и Норич и Божевич, далее Пенцевич. Ничего-то вы не знаете. Екатерина переселила много сербов под Екатеринослав, в Славяносербскую колонию, там, кажется, есть какие-то воды. Доложили об Вантосе, вошел очень смуглый, курчавый и плотный господин, он расшаркался и подошел к руке бабушки и благодарил за честь. За ужином уплетал порядком и все хвалил ее кулеш. Кулеш это вода с луком и маленькими галушками, право очень хорошо, как это ни кажется странным; к жареной индейке подано было соленье такое, что объяденье, вареники с ежевикой, и тем заключилась трапеза. Когда он уходил, бабушка пригласила его к обеду, в случае, <если>

[71] Зд.: удваивание ставки при проигрыше.

экипаж еще в починке. Вантос ne s'est pas fait prier[72], пришел рано утром, встретил Дунюшку и погулял с ней в саду, потом обедал. Что было за обедом, не помню, le menu n'était pas varié, mais toujours très bon[73]. После обеда Сидорка, который к обеду надевал *чоботы,* т. е. сапоги, принес гитару на голубой ленте, и Вантос пел: *«Тише, ласточка болтлива»* и еще *«Ах, Саша, как не стыдно сердце взять и не отдать».* При последних словах он, вероятно, взглянул на Дунюшку, потому что на другой день просил руки бедной Дунюшки.

– Почему же бедной?

– Вот вы увидите. Бабушка так рассердилась, сказала, что ни за что не отдаст дочери за неизвестного ей человека, да кто он из виткиля, т. е. откуда, у нее все дочери за людьми известными, и щоб вин убирався со своей бричкой и гитарой.

Увы, Дунюшка пошла тайком на станцию, села в бричку Вантоса, в Херсоне они обвенчались, свидетелем и посаженым отцом был честный друг нашего семейства Дубницкий. Оттуда она писала, но от бабушки не получила ответа. Вот до какого срама я дожила, – говорила она, заливаясь слезами, а бедная Дунюшка помешалась и умерла в чахотке. Вантос из бедного достатка поставил ей памятник, разбитую урну на камне, перестал играть на гитаре и проводил все свои дни у этой бедной одинокой гробницы. Он тоже, как все моряки, был очень набожный, часто приобщался. Mais, Киса, vous pleurez?

– C'est que c'est si touchant, cette douleureuse silence près de cette tombe solitaire où reposait cet être si pure[74].

– Почувствовав свой конец, притащился к памятнику с гитарой, громко запел ей вечную память, и так громко, что сбежались соседи, а последнее его слово было: «Дунюшка, спешу к тебе, мой друг». Дубницкий похоронил его возле нее и с ним гитару на голубой ленте. Для этого было продана его бричка и его бедные пожитки, он сообщил их кончину бабушке.

– Нет, я вашу бабушку разлюбил.

---

[72] Не заставил себя долго просить.

[73] Меню не менялось, но всегда было очень вкусно.

[74] Но вы плачете, Киса?
– Потому что это так трогает, такое страдальческое молчание у этой одинокой могилы, где покоится столь чистое существо.

– Зачем? Бедная бабушка иначе не могла поступать, она так была воспитана. Она писала маменьке, в Усмань уже: «Господь успокоил душу нашей Дунюшки и Вантоса, а нам за них остается молиться». Бабушка была вспыльчивая; мне гораздо позже рассказывал дядя Николай Ив<анович>, что он у нее гостил и нашел раз, что она очень грустная. – «Маменька, что вы такие грустные?» – «Душенька, я вспомнила, что я раз послала твоего отца в поле, он не так исполнил мою комиссию и воротился кофий пить, я рассердилась и велела ему идти к немцам – он был такой кроткий, ничего не сказал и пошел к ним, мне так стало его жалко, что я велела туда перенести наш кофий».

Я помню, что маменька в Усмани раз очень смутилась. Она писала бабушке и начала письмо так: «Почтеннейшая матушка». Бабушка рассердилась и отослала ей письмо, и продиктовала тетушке Вере Ив<ановне>: «Ты, Надька, совсем зазналась. Матери пишут: “Милостивая государыня и почтеннейшая матушка”».

– Да где этот Усмань? И зачем вы там жили?

– Усмань – уездный город Тамбовской губернии. Мы там жили, когда маменька вышла вторично замуж за безногого полковника Арнольди. Это еще впереди. Когда-то я увижу Грамаклею, Пондик, Одессу и все милые места? Иногда вечером, играя перед домом, когда ласточки, возвращаясь домой под крышу, так низко летели, что поднимали пыль, и нам казалось, что можно их поймать. Чумаки – это то же, что у нас извозчики, – погоняли коротеньким хлыстиком своих белых волов, лениво крича: «Цоб цобе», т. е. пошел. Они ходят в белых рубахах, покрытых смолой, из предосторожности от насекомых, и курят люльку, т. е. коротенькую трубку. Бабушка всегда им высылала не горелку, но арбузы, дыни и хлебы. Не устали вы? Я немного отдохну; пойдем, сядем на ту лавочку, где сидит Беверлей.

– Хорошо, да кто такой Беверлей?

– Это тот старичок, который подбирает навоз руками в корзинку; он приходит к нам обедать, c’est le grand ami des enfants, et puis il y a un homme qu’on appelle «der alte Mann aus Tegenau», et puis «der Blinde auf dem Lage»; elle jouait avec les enfants de ce malheureux et achetait des joujoux pour eux chez «très joli chapeau».

– Quel cercle de connaissances! Qui est «très joli chapeau»?[75]

– C'est une fille très laide qui a un cramladen, elle ne sait que cela en français et les compliments sur leurs chapeaux.

En rentrant je lui dis: «Je vais encore voir les enfants». Eylandt berçait encore Oly qui s'endort toujours difficilement, Adini dormait d'un sommeil profond. Il l'a longtemps regardée et me dit: «Quel beau front elle a, cette enfant, c'est comme si sa pensée était concentrée et qu'elle était dans un monde meilleur».

– Ах, что за ужас вы говорите, comment parler de mort près du berceau d'un enfant!

– Je n'ai pas dit mort. J'ai dit: un monde meilleur; que Dieu veuille vous épargner la douleur de perdre un enfant, il me semble que cela doit briser le coeur.

– Ne parlons pas de ces choses, я, пожалуй, не засну.

– А я так почти совсем не сплю, mais je ne me plains pas – j'ai de beaux yeux noirs à Paris, auxquels je pense[76].

– Je vous ai bien dit que vous avez un attachement à Paris, puisque votre pruderie n'admet pas que je lui donne le vrai nom.

– Que Dieu me préserve d'abuser de la confiance quelle me témoigné, son mari est un ami à moi et me permet de passer toutes mes soirées avec elle, elle n'a pas d'enfants et quoique son mari soit excellent, elle n'est pas heureuse – tandis que vous êtes très heureuse.

– Certainement, j'ai pas d'autres plaintes que ce vilain jeu; autrement je n'ai absolument rien à redire. Bonsoir et tâchez

---

[75] Это большой друг детей, а потом есть человек, которого называют «старик из Тегенау» *(нем.),* и еще «слепой на месте» *(нем.),* она играла с детьми этого бедняка и покупала им игрушки у «очень хорошенькой шляпки».
– Какой круг знакомых! Кто это «очень хорошенькая шляпка»?

[76] – Это очень некрасивая девушка, у которой кондитерская лавка, она только это и знает по-французски и комплименты их шляпкам.
На обратном пути я говорю ему: «Пойду еще взглянуть на детей». Эйландт еще укачивала Оли, которая всегда засыпает с трудом, Адини спала глубоким сном. Он долго смотрел на нее и сказал мне: «Какой прекрасный лоб у этого ребенка, кажется, что она глубоко задумалась и находится в лучшем мире».
– <...> как можно говорить о смерти у колыбели младенца!
– Я не сказал смерть, я сказал лучший мир; храни вас боже испытать горе потерн ребенка, мне кажется, что это должно разбить сердце.
– Не будем говорить о таких вещах <...>
– <...> но я не жалуюсь – у меня есть в Париже черные глаза, о которых я думаю.

de moins penser à vos yeux de Paris et de dormir. Et à propos, ou plutôt à propos de bottes, où dîne Михайла?

– Ah, pauvre homme, il cuit quelque chose à la cuisine de Cléopâtra.

– Dites-lui de venir dîner avec les bonnes, il reste toujours assez pour les deux grands repas[77].

– Je vous serai bien reconnaissant, et vous demanderai la permission d'imiter le meuble le plus indispensable quand on prend les eaux.

– Ах, бедный Киса, у нас есть лишний, мой путешественный, il n'a qu'à le prendre, je vous en fait cadeau, vous pourrez le mettre dans la boîte en cyprès.

– Ну, зачем опять шалить?

– Il faut vous dire que Joukoffsky dîne tous les samedi chez les Wielhorski; le dîner est soigné et Жук мне писал, что обед с макаронными ушками на бульоне. Une fois après un dîner copieux il est entré dans le lieu et 'a trouvé près du grand fauteuil une modeste petite chaise et en rentrant chez le Comte il lui dit: «А этот маленький у тебя по особым поручениям, вероятно?»

– Mais quelles polissonneries impardonnables vous dites et vous laissez dire.

– Vous êtes comme mon mari, qui se scandalise de chaque mot[78].

---

77 – Я вам уже говорила, что у вас есть в Париже привязанность, – поскольку ваша стыдливость не позволяет мне назвать ее настоящим именем.
– Сохрани меня Боже злоупотребить доверием, которое она мне оказывает, ее муж мой друг и разрешает мне проводить с ней все мои вечера, у нее нет детей, и как ни хорош ее муж, она несчастлива – тогда как вы очень счастливы.
– Конечно, я могу жаловаться только на эту дикую игру, нет никакого другого предмета для порицания. До свидания и постарайтесь поменьше думать о парижских глазах и спать. А кстати, или, скорее, некстати, где обедает Михайла?
– Этот бедняга, он варит что-то на кухне у Клеопатры.
– Скажите ему, пусть приходит обедать с нянями, остается всегда достаточно для двух обедов.

78 – Я буду вам очень признателен и попрошу позволения скопировать предмет столь необходимый, когда принимают воды.
– <...> можете его взять, я вам его дарю, и вы можете положить его в кипарисовый ларец.
– <...>
– Надо вам сказать, что Жуковский по субботам обедает у Вьельгорских; обед очень тщательно приготовленный и <...>. Однажды после обильного обеда он

– Il a parfaitement raison[79].

На другой день мы гуляли, и когда пришли домой, отправились к детям. Киселев сел на пол и с ними возился; потом я легла отдохнуть, и ему незачем было мух гонять, я вспомнила, что в России их ловят в стакан. Проснувшись, он меня спросил, какое впечатление на нас, детей, произвела чума.

– Ах, эта страшная чума, я ее очень хорошо помню. Маменька всегда сидела в комнате окнами на двор, герцог обходил весь город и сам спрашивал о состоянии здоровья в домах. Однажды он спросил матушку, когда она видела д-ра Антонио Рицци. Она сказала: «Avant-hier il était assis dans ce voltaire». – «Faites vite emporter ce meuble. En faisant l'opération de bubon, il s'est blessé et il est mort de la peste ce matin; c'est une grande perte pourvu que nous n'en avons pas de plus doul ureuses, je vous recommande comme médecin Carouso, c'est un Grec très habile»[80]. Мы сидели в зале, где я играла с попкой и считала проезд страшных дрог, на которых везли трупы чумных. Колодники в засмоленных рубахах гремели цепями, с ними шли караульные. Трупы бросали в море, потому что недоставало способов их жечь. Когда папенька возвращался из карантина, первым нашим движением, конечно, было броситься ему на шею, но он поспешно шел в комнату, где его обливали уксусом, обкуривали, и тогда он нас брал на руки, целовал и с нами входил к матушке; он целовал ее в лоб, а она целовала его руку. Чума все еще не уменьшалась, и герцог столько же был озабочен, как и Татася, потому что наша армия была под Измаилом; все распоряжения Ришелье были самые благоразумные; полк, который квартировал в Одессе, был выведен в поле, город был оцеплен так, что никто из него не мог выйти. Все эти иностранцы,

---

входит в. одно место и находит рядом с большим креслом маленький скромный стульчик. Вернувшись к графу, он ему говорит: <...>

– Но какие непростительные вольности вы говорите и позволяете себе говорить.

– Вы точно мой муж, который негодует при каждом слове.

[79] – Он совершенно прав.

[80] Позавчера он сидел в этом вольтеровском кресле.

– Прикажите скорее вынести эту мебель. Оперируя бубон, он поранился и сегодня утром умер от чумы; это большая потеря, только бы не было у нас еще более чувствительных; я рекомендую вам в качестве врача Карузо, он очень искусный грек.

которые помогали Дюку, точно подвизались, как будто для своего отечества. Мне это все рассказывал дядя Николай Ив<анович>. Вокруг герцога собрались лучшие эмигранты, его двоюродный брат Rastignac, Rochechoir, Mortemart, le marquis de la Maisonfort, le Comte de Castelnau, le Comte d'Olonne, le Comte d'Alainville, le Comte de St. Priest. Когда император послал Ришелье генерал-губернатором в Одессу, он ему сказал: «Mon cher Duc, chargez-vous de cette contrée, vous savez comme j'aimais ma grand-mère, c'est un legs qu'elle m'a laissé. Etablissez surtout le commerce, les propriétaires ne savent que faire de son bléd, Odessa pourrait devenir un port, vous avez des pleins pouvoir». – «Sire, j'accepte avec reconnaissances vos bienfaits et je me mettrai tout le soin possible à mériter votre confiance; il n'y a qu'une chose que je ne pourrai jamais faire – c'est de tirer mon épée contre un Français». – «Allez, mon cher Duc, je vous connais, je ne perds pas courage et j'ai bon espoir que nous rentrerons ensemble en France»[81].

После кончины отца для меня было другое огорчение. В 1814 г. назначен был генерал-губернатором граф Ланжерон; я помню прощальный вечер у герцога в его саду. Маменька была еще в глубоком трауре, она взяла меня и Осю с Амальей Ив<ановной>. Этот вечер был очень грустный, луна освещала тускло тот уголок, в котором мы сидели, а я Ришеньку просила жениться на ней, маменька плакала, и увезти нас всех с ним.

– C'est impossible, mon enfant, je dois rentrer en France, servir mon Roi et mon pays, j'y retrouverai mes saurs, mes neveux, tout ce qui m'est cher encore sur cette terre, et la Maman doit s'occuper de ses affaires, de son procès avec Kapnisse, elle aura les conseils de conseilleur Дубницкий, du Comte Подгоричанинов et de Худобашев. Опять вы смеетесь! Артемий Макарович Худобашев был

[81] Растиньяк, Рошешуар, Мортемар, маркиз де ля Мезонфор, граф Кастельно, граф д'Олони, граф д'Аленвиль, граф де Сен-При. <...> «Дорогой герцог, поручаю вам этот край: вы знаете, как я любил мою бабку, она мне его завещала. Развивайте особенно торговлю, помещики не знают, что им делать со своим зерном, Одесса могла бы стать портом, я даю вам широкие полномочия». – «Государь, я с благодарностью принимаю ваши благодеяния и приложу все возможные старания, чтобы оправдать ваше доверие; только одного я никогда не смог бы сделать – обнажить шпагу против француза». – «Ступайте, дорогой герцог, я вас знаю, не теряю мужества и от души надеюсь, что мы еще встретимся во Франции».

прекрасный человек, и когда мы оставались одни в Одессе или на хуторе и были какие-нибудь затруднения, то Амалья Ив<ановна> тотчас посылала за ним. Затруднения были всегда от повара Дмитрия, который был горький пьяница и часто оставлял нас без обеда. Тогда его отводили в полицию, и Амалья Ив<ановна> стряпала ç Мосейкой-поваренком, варили наскоро суп, картофель, салат, и остатки того, что шеф не успел бросить в помойную яму.

Возвращаюсь к празднику. Ося начал засыпать, я тоже устала, и маменька нас отослала на хутор. По дороге горели смоляные бочки, от дыма и треска лошади испугались и нас понесли. Амалья Ив<ановна> спустила все стекла и кричала: «Mein Gott, mei Gott, erbarme dich unsern, ach, die lieben Kinderchen!»[82]. К дому был довольно крутой спуск, дворник, пьяный Яким и его пьяная супруга Гапка выскочили на крик их дочери Приськи, схватили лошадей под уздцы и довели нас благополучно к самому подъезду, где Яким отпустил несколько ругательств кучеру. Амалья Ив<ановна> написала маменьке записочку, велела осмотреть карету и отослала в город. Еще перед отъездом Дюка в Одессу приехал, не знаю зачем, граф Бенигсен, женатый на польке Андржейкович, и герцог просил маменьку дать им завтрак в нашем саду. Полька задавала себе ужасный тон; тут же был еще генерал Будревич, тоже из генералов 12-го года, не скажу – героев, потому что Бенигсен был в числе убийц императора Павла; русские, к чести их сказать, струсили, но немцу это было нипочем, они своих королей чуть не жарили на сковороде, он выхватил табакерку у Зубова, несчастному царю показалось, что это был Зубов, и он ему сказал: «Zouboff, c'est la boîte que je vous ai donnée»[83]. От этого Ришелье и не хотел видеть Бенигсена; он приехал вечером еще раз с нами проститься и просил Амалью Ив<ановну> нас никогда не оставлять – как будто предчувствуя, что мы со временем почти лишимся матери.

---

[82] – Это невозможно, дитя мое, я должен вернуться во Францию, служить моему королю и моей стране, я вновь обрету там моих сестер и моих племянников – все, что мне дорого на этом свете, а твоя мама должна заниматься своими делами и своим процессом с Капнисой, ее советчиками будут советник <...> «Боже мой. Боже мой, смилуйся над нами, ах, дорогие деточки!» *(нем.).*
[83] Зубов, эту табакерку я вам подарил.

– Как много интересного вы знаете!

– Да ведь все это говорилось и делалось передо мной, а многое, как я вам сказала, я узнала частью от Николая Ив<ановича>, а частью от Ланжерона. Первым делом этого смешного господина было сделать предложение маменьке. Он мне во дворце сказал у княгини Репниной-Волконской: «Votre mère a eu tort d’avoir épousé ce diable boiteux Arnoldi, je vous aurais laissé ma fortune, car je n’ai jamais eu d’enfants de mes femmes légitimes; ma première femme, Mlle de la Vanssalière n’en a pas eu, la révolution nous a séparé, je n’en ai pas eu de la veuve Кашинцов née princesse Troubetzkoy, je n’avais pas le sou, elle était aussi laide que riche. Je lui ai dit: “Comment donc” et d’Andrat. Mais j’ai eu Andrat d’une maîtresse». – «Mais, – lui dis-je, – je ne savais pas qu’on pouvait avoir des enfants sans se marier». Ceci a provoqué un rire général.

– Est-ce possible que vous l’ayez vraiment ignoré?

– Mais d’ou l’aurais-je su, à l’Institut on ne parlait pas à des choses semblables. Nous avions des servantes qui étaient de Воспитательный дом. L’Impératrice les aimait et les gâtait, au moindre mécontentement elles se mettaient à genoux aussitôt qu’elle entrait до самой швейцарской в коридоре. Elle disait: «Ces pauvres filles n’ont pas de parents» et nous étions persuadées quelles étaient des orphelines[84].

– Ай да Марья Феодоровна, как она вас воспитала! Не удивляюсь, что из ее рук вышло такое чистое и доброе существо.

---

[84] Ваша мать совершила ошибку, выйдя замуж за этого хромого черта Арнольди, я оставил бы вам мое состояние, так как у меня никогда не было детей от законных жен; их не было у моей первой жены, мадемуазель де ля Вансальер, революция нас разлучила; я не имел их и от вдовы Кашинцовой, рожденной княжны Трубецкой; у меня не было ни гроша, она же была столь же некрасива, как богата. Я сказал ей: «“Ну как же!” и об Андро. Но Андро я имел от любовницы». – «Но, – сказала я ему, – я не знала, что можно иметь детей, не будучи женатым». Это вызвало всеобщий смех.
– Возможно ли, чтобы вы действительно этого не знали?
– Да откуда я могла бы это знать, в институте не говорили о таких вещах. У нас были служанки из Воспитательного дома. Императрица их очень любила и баловала, при малейшем неудовольствии они бросались на колени, как только она входила <...>. Она говорила: «Эти бедные девочки не имеют родителей», и мы были убеждены, что они сиротки.

– Если во мне есть что-нибудь доброе, то, конечно, я обязана этим моему институтскому воспитанию et que sont nos soi-disant mérites devant Dieu![85]

Рано весной Амалья Ив<ановна> укладывала наш чайный синий фаянсовый сервиз английского изделия, и мы проводили лето и даже позднюю осень на хуторе. У нас был высокий широкоплечий садовник *Чудной,* он поливал цветник перед домом, и вдруг уходил, – хохлы очень часто в бегах, а потом возвращаются, – еще был приземистый рыжий мужичок по имени Скачко, который вечером ходил с нами удить бычков. Это очень мелкая костлявая рыбка, но очень вкусная. Мы их приносили домой и жарили на сковороде с сметаной, но конечно, Амалья Ив<ановна> ее очищала сама для нас. Из саду продавали ягоды, вишни и черешни; черешня полурозовая и полужелтая; часть готовилась впрок на соленье и варенье, груши и яблоки сушили на солнце. В Одессе была такая жара, что в 10-ть часов закрывали все ставни, поливали полы водой, мы ходили почти в одних рубашках, и невозможно было учиться до четырех или пяти часов. На хуторе все было построено рукой отца: виноградники, деревья и розовые кусты; конечно, нужна была усиленная поливка, и колесо колодца постоянно приводил в движение Скачко. У Батиста в огороде была всякая зелень. Сморчки и дикая спаржа росли везде, и мы ходили их собирать. Дочь Якима и Гапки Приська везде бродила за нами и вечно стояла на крыльце. Эта девчонка была престранная. Ситцевое платье надето было на рубашку, она ходила всегда босая, волосы были светло-желтые и глаза тоже желтые, совершенно кошачьи. Так как ее нежные родители мало пеклись о Приське, то она ела пасклён, говорят, что это яд, но она вертела корень своими грязными руками и приговаривала: «Свиньям горько, а нам солодко». Но Амалья Ив<ановна> посылала ей с нашего стола и запретила ей есть пасклён.

– Что такое пасклён?

– C’est une plante solanée, comme la pomme de terre, voilà tout ce que j’en sais[86].

[85] И что наши так называемые заслуги перед Богом!

[86] Это паслёновое растение того же рода, как картофель, вот все, что я о нем знаю.

– Каким же образом вы узнали о том, что ваша матушка вышла замуж?

– Она поехала погостить у Кудашевых в Виске весной, а мы переехали на хутор. Однажды вечером приехал важный господин и объявил, что матушка вышла замуж за его брата, полковника Арнольди, и что они вместе приедут через несколько дней. Этот господин был Петр Кар<лович> Арнольди, очень добрый и кроткий господин.

В доме тотчас начались приготовления, чистка по всем углам, хотя и без того было очень чисто; тоже осмотрели наши туалеты и решили, что мы должны принять маменьку радостно и празднично. По истечении срока мы ждали их с самого утра, даже не ходили в сад и только бегали перед домом. Их не было ни к обеду, ни к ужину; брат Иосиф и я, мы объявили, что будем их ждать. Наконец в 10-ть часов подъехала карета, вышла маменька, а за ней, о ужас, господин на деревяшке. Ося закричал: «Боюсь, боюсь!» и его отнес Петр Кар<лович> к старой няне Авдотье. За ужином обратили весьма мало <внимания> на меня и Амалью Ив<ановну>, меня отослали, и я слышала, как старушка плакала и вздыхала, когда ложилась спать. Утром она строго запретила шуметь и бегать по дому. Мы присмирели и хотя ничего не говорили, наши сердца чувствовали, что в нашей жизни совершилась грустная перемена.

Что-то не клеилось, и несколько дней спустя началась укладка не на шутку; приходили подводы за вещами, и не помню, как маменька уехала с безногим. Мы ходили все к Батисту говорить о покойном отце, и он нас утешал тем, что говорил: «Oui, mes chers petits, vous irez chez votre Бабушка, oh, la brave Dame, elle sera très contente de vous prendre». Потом нам подвезли большую четвероместную карету, и мы потащились на долгих в Грамаклею. Амалья Ив<ановна>, видимо, была этим обрадована и все приговаривала: «Kinderchen, ihre Бабушка wird sich freuen»[87]. Так и вышло: обе старушки заплакали, когда свиделись, долго шептались и смотрели на нас с сожалением. «Бегайте, шумите, играйте», – говорила бабушка. К ужину даже зажарили поросенка, что делалось только в особых случаях.

[87] Да, мои дорогие малютки, вы поедете к вашей бабушке, о, это почтенная дама, она охотно вас возьмет. <...> Детки, как обрадуется ваша бабушка *(нем.)*.

Я не помню, сколько времени мы тут оставались, – знаю, что время проходило незаметно и приятно, не помню Елисаветы Сергеевны, вероятно, она умерла, потому что тетинька Вера Ив<ановна> вышла замуж за капитана Мазараки и ей досталась Баратовка. Ульки тоже не было.

Жизнь бабушки была вроде Пульхерии Ивановны и разнообразилась одними хозяйственными заботами. Иногда пересыпали из сита в сито мак и просо, кукурузу, иногда пересматривали белье из кладовой. Гашка, Марийка и Гапка выносили все на двор, выбивали, хлопали, переворачивали и опять вносили в кладовую. Старая Малашка, у которой указательный палец был как веретено, приходила с рапортом, что пуховики надо перепороть, вымыть и перечистить, что если дыни не посолить, то их бросить свиньям и пр. пр. Главный же момент был, когда Роман приходил с почты с деньгами и его появлением заключался день. Бабушка запирала деньги, потом ужинали и расходились уже по спальням, где спали все мирным и сладким сном безупречной совести и хорошего здоровья. Тут не помню, как мы переехали в жидовское местечко Златополь, где квартировала тогда батарея нашего отчима. Тут был большой или, вернее, длинный дом в один этаж против церкви; он примыкал к большому запущенному саду и к большому двору, в котором были амбары, конюшни и все службы. Местечко и дом принадлежали помещику Высоцкому, и все состояние было потемкинское: Высоцкая была одна из Энгельгардтовых племянниц. Вся семья нашего пьяницы-повара Дмитрия была куплена моим покойным отцом за три тысячи рублей в Москве у этого Высоцкого. Убранство комнат было вроде моего теперешнего жилья, мебели обиты дрянным старым ситцем, печи были зеленые изразцовые и многие с лежанками, с тех пор я не видела подобных печей. Вы, верно, видели в Царском, в Прусских комнатах, то, что называют голландскими печами – на зеленых ножках белые с голубыми разводами печки?

– Я всего раз был в Царском, и то пришел туда пешком с Пушкиным и Соболевским; мы прошлись по двору, и Пушкин мне сказал: «Вот в этих комнатах внизу я и Жуковский, мы проводим всякий вечер у фрейлины Россет очень приятно».

– Я вам после расскажу про мое фрейлинство, потому что надобно соблюдать порядок в рассказе, и то уже мы беспрестанно делаем фугато.

– А вы любите фугато в музыке?

– Конечно, но ведь есть фугато и в жизни.

– Это фугато еще приятнее!

– Понимаю, с парижскими глазами. Вот вы и вздохнули!

– Ничего, продолжайте.

– Все строение было деревенское и приходило в ветхость. В Златополе жизнь была совсем другая, утром мы учились с Амальей Ив<ановной> в задних комнатах, два раза в неделю я брала уроки на клавесине у какого-то старика и получила отвращение к музыке, особенно к сонатине Плейеля, и до взрослых лет не любила музыки. Потом мы гуляли по грязным, скучным улицам, набитым оборванными жидами с пейсиками и в грязных стоптанных туфлях. Нас одевали к обеду, потому что собиралось офицерство. Тут всегда были братья Ивана Кар<ловича> и его адъютант Михаил Михай<лович> Гамалея. На нас решительно никто не обращал внимания; отчима мы боялись, как огня. Хотя мы, старшие, менее подвергались его нерасположению, мы знали, что бедный Карлинька подвергался его побоям и его часто приносили расплаканного к Амалье Ив<ановне>. Добрая старушка его ласкала, успокаивала, сама часто плакала, и ей же потом за это доставалось. Однако Иван Кар<лович> иногда любил похвастать своим чадолюбием. В Ново-Миргороде была ярмарка, он туда отправился и привез нам подарки: мне большую куклу, какие-то странные клетчатые варшавские башмаки. На беду он купил толстую книгу, которая называлась «Энциклопедия для детей». Эта энциклопедия сделалась предметом нашей антипатии и мучения. Нам никто ничего не толковал, и энциклопедия, которая, по мнению Ивана Кар<ловича>, заключала неисчерпаемый запас знаний, оставалась для нас мертвой буквой. Нам гораздо более нравилась черная сафьянная Библия Амальи Ив<ановны> с закладками, но она так была озабочена присмотром за порядком в доме и нашей чистотой, что не имела времени рассказывать нам истории наших прародителей. Нас было пятеро на ее руках, при детской еще Марийка. Марийка чинила белье, пела песни и убегала на кухню по целым часам.

Но в один прекрасный день все зашевелилось в Златополе, в доме началась укладка, на дворе выстроились экипажи, поправленные и подчищенные, по всем комнатам стояли сундуки. Приехали бабушка и тетушка Вера с нами проститься. Амалье Ив<ановне> было не до нас, энциклопедию уложили, и мы рыскали по дому из угла в угол. Дом набился жидами-факторами, выносили сундуки, люди, подпоясанные кушаками, метались, как угорелые. Кучера запрягали лошадей. Послышался выстрел, батареи потянулись на площадь, и священник служил молебен. Вестовой вез как трофей деревяшку Ивана Кар<ловича>, за ним и мы шагом потащились в поход. (Отсюда – Журнал матери.)

– Вот как вы исколесили всю Россию!

– Да, еще когда маменька хлопотала по делам, она меня брала с собою в Крым по делу с Капниси; мы ехали по зыбучему песку шагом и где-то остановились, я просила ее походить со мной, и вдруг мы услыхали страшный крик и только успели вбежать в дом, как Пожидор вошел бледный и сказал, что бык бросился на проходящего и распорол ему брюхо. К счастию, случился доктор, человека спасли, а быка убили. «Я, матушка Надежда Ив<ановна>, боялся, что вы с барышней ему попались!» Она была такая кроткая, что люди ее очень любили.

– А вы кроткая?

– О нет, я очень вспыльчива, но я думаю, что наши люди довольно счастливы.

В эту минуту вошел Михайла и сказал: «Чувствительно благодарен вам, что вы позволили мне обедать с вашими почтенными нянюшками. Деточки все время лепечут вокруг нас и так полюбили моего Николая Дмит<риевича>. Уж как я рад, он у вас в родной семье».

– Il ment, il ne peut pas vous souffrir et dit: «От мужа да все летит к вам». En attendant je vais boucher les trous de souris. Ce qui a provoqué la joie d'Oly qui les craignait autant que moi.

Михайла a pris des leçons pour faire le café de son maître[88]. Он запасся конфоркой в Питере и варит ему яйцо в смятку.

---

[88] Он врет, он не может вас выносить и говорит: <...> Пока же я иду заткнуть мышиные норы. Это вызвало радость Оли, которая боится их так же, как я. <...> Брал уроки варки кофе для своего хозяина.

– Киса, il y a un poète comique à P<eters)bourg, c'est Jean Мятлев, qui dit, что от английского комфорта в России осталась одна конфорка, il m'adressa presque tous les jours des vers comiques. L'Empereur aimait beaucoup les bals masqués, il était toujours suivi d'Orloff, le chef de la gendarmerie et prévenait les masques de ne pas présenter des suppliques. Un jour l'idée m'est venue d'essayer d'intriguer le monde. Je me suis fait faire un domino rose et je ne suis pas parvenue à parler amour et surtout aux hommes que j'ai approchés. Alors je me suis dit en voyant que l'Empereur avait l'air ennuyé de l'intriguer. Je me suis approchée d'Orloff et lui ai dit qui j'étais et que je voulais amuser l'Empereur. «Вот очень любезная маска, государь, только плохо говорит по-французски».

«Voter Majestant, permendent de vous raconter ме малёр, мон пер эте комендент дан ларме дан Кавказ, ма мер вдова авек боку des enfants». – «Да ты уж лучше говори по-русски, и, судя по твоему домино, ты не бедная», – «Се мадам Тумански, une Dame тут был qui m'a доне cette domino, et m'a dit: il faut парлер en Français, sans cela on croira que vous êtes mauvais жанр[89], а что это такое, не знаю, у нас в Саратове не разбирают».

– Так вы из Саратова сюда прибыли?

– Ма мер, elle disait toujours – ах, боже мой, elle не се pas le Français, как мне воспитать детей, alors un Mr a dit: але а Петербург et prier l'Empereur, il est si bon. Вот мы поехали на долгих и остановились dans се Сретенской трактир, et toute suite. Mme Тумански est arrivée et je suis venue vous prier de mettre mes frères dans les corps de cadettes et ma soeur dans

[89]– В Петербурге есть комический поэт, Жан Мятлев, который говорит <...>, он почти каждый день писал мне комические стихи. Император очень любил балы-маскарады, за ним всегда следовал Орлов, шеф жандармов, и предупреждал масок, чтобы они не подавали прошений. Однажды мне пришла мысль попробовать заинтриговать общество. Я заказала себе розовое домино, но мне не удалось поговорить о любви, особенно с мужчинами, к которым я подходила. Тогда, видя, что у государя скучающий вид, я решила его поинтриговать. Я подошла к Орлову, сказала, кто я, и что я хочу позабавить императора. <...> (Зд. и далее искаженная французская речь): Ваше величество, позвольте мне рассказать вам о своих несчастьях, мой отец был комендантом в Кавказской армии, моя мать – вдова, имеющая много детей. Тут была одна дама, госпожа Туманская, которая дала мне это домино и сказала мне: «Надобно говорить по-французски, а иначе подумают, что вы дурного тона».

le Патриотический. Mon frère est au Caucase aussi dans le régiment Апшеронский пехотный полк. Vous саве, avait ете Суворовский пехотный полк et avant Фанагорийский. – «Так ты все это знаешь?» – «Comment donc, le городничий де Углич Белелюбский a raconté tout cela. Alors, votre Majesté, où ce que je dois présenter la supplique, je vu les мужики dans la rue se nettent à genoux avec la бумага sur la тет». – «Нет, тебе надобно подать просьбу через Орлова. Хочешь ли, я тебя представлю нашим модным дамам?» – «Ах, же вуз en prie». – «Voilà la Comtesse Zavadovski»[90]. – «Ах, comme elle est бель, comme elle est et сет мусье avec le не крючком est son mari?» – «Non, c'est Mr Losanoff, son mari est très bel homme. Et cette Dame c'est la Comtesse Borch» – «Ах, ель не pas jolie, mais Mme Toumansky, son amie, m'a dit qu'elle a beaucoup d'esprit et très bonne». – «C'est vrai, elle s'occupe des salles d'asyle». – «Ну уж это я не знаю, что такое». – «Cette petite Dame qui est entourée d'hommes c'est la femme qui a le plus de succès, c'est la P<rinces>se Worontzoff, elle a beaucoup d'esprit, elle dance d'une manière très gracieuse». – «Et сет мусье par-derrière avec la голубая лента?» – «C'est son mari». – «Et сет мусье, un тре joli figure?» – «C'est Jean Tolstoy qui est secrétaire d'Ambassade en Italie». – «Ах, Боже мой, что скажут в Саратове, что я затесалась в такое общество, все графы и· италианский посланник; j'en avais assez».

Я вырвалась из руки государя, который очень смеялся et j'ai dit à Orloff: «De grace, ne dites pas qui je suis». Le lendemain à la soirée, l'Empereur m'a demandé, si j'allais aux bals masqués[91].

---

[90] – «Моя мать, она всегда говорила – ах, боже мой, она не знает французского, как мне воспитать детей, тогда один господин говорит: поезжайте в Петербург и просите императора, он так добр <...> и так далее. Мадам Тумански пришла и я пришла вас просить поместить моих братьев в кадетский корпус, а мою сестру в Патриотический. Мой брат на Кавказе, тоже в Апшеронском полку. Вы знаете, это был раньше Суворовский пехотный полк, а до этого Фанагорийский». <...> «Как же, городничий Углича Белелюбский рассказал все это. Тогда, ваше величество, скажите, куда я должна подать, просьбу, я видела, как мужики на улице бросаются на колени с бумагой на голове». <...> «Ах, прошу вас». – «Это графиня Завадовская».

[91] – Ах, какая красивая, какая красивая, а этот господин с носом крючком – это ее муж? – Нет, это г. Лозанов, ее муж очень красивый мужчина. А эта дама – графиня Борх. – Ах, она некрасива, но г-жа Туманская, ее приятельница, сказала мне, что она очень добра и умна. – Это правда, она занимается

– Jamais, je ne comprends pas qu'on puisse parler amusant et sentiment à un être qu'on voit pour la première fois, c'est d'ailleurs pénible de déguiser sa voix et de tutoyer.

– Vous avez raison; cela m'a amusé pendant quelques soirées, mais j'y vais plus rarement, mais hier soir j'ai été très amusé par une masque en domino rose, qui venait de Saratoff et s'obstinait à parler Français, elle devait me présenter une supplique pour placer ses frères au corps de cadets et une soeur à l'Institut patriotique, mais je n'ai pas reçu rien et Orloff ne sait pas qui elle est.

– Государь, вы недогадливы, ведь это была я.

A cette occasion Мятлев m'écrit:

J'ai été hier dans le masquérade,
Там был домино роз,
В который влюбилась вся Европа,
Но были также des Dames
Comme il ne faut pas[92] – жопа.

Я заметила, что вам скучно, в первый раз в жизни попробовала интриговать, оказалось неудачным, и мне пришла мысль вас развлечь.

– Да откуда ты знала Апшеронский полк и даже его историю?

богадельнями. – <...> – Эта маленькая дама, окруженная мужчинами, это женщина, более всех пользующаяся успехом; это княгиня Воронцова, она очень умна и танцует в весьма грациозной манере.
– А этот господин сзади с голубой лентой? – Это ее муж. – А этот господин с очень красивым лицом? – Это Иван Толстой, секретарь посольства в Италии – <...> с меня достаточно.
<...> и сказала Орлову: «Прошу вас, не говорите, кто я». На следующий день вечером император спросил меня, хожу ли я на балы-маскарады.

[92] – Никогда, я не понимаю, как можно забавно и с чувством говорить с существом, которое видишь впервые, и кроме того очень тягостно менять свой голос и говорить на ты.
– Ты права; это меня забавляло несколько вечеров, но я хожу туда очень редко, однако вчера вечером меня весьма позабавила маска в розовом домино, которая приехала из Саратова и настойчиво пыталась говорить по-французски; она должна была подать мне просьбу о том, чтобы поместить ее братьев в кадетские корпуса, а сестру в Патриотический институт, но я ничего не получил, и Орлов не знает, кто она. <...>
По этому случаю Мятлев мне написал: Я был вчера в маскараде / <...> не порядочные дамы.

– Старший брат мой теперь на Кавказе в этом полку. А в Ревеле я знала капитана Яковлева, который так отличился, кажется, под Остроленкой при переходе по мосту.

– Да, несчастный, – и государь тяжело вздохнул. Эта польская кампания, сначала такая неудачная, стоила государю много вздохов и слез.

– Слез государю?

– Да, слез. Когда он читал поименный список убитых гвардейских офицеров, которых знал пажами или кадетами. И как он был тронут, когда выехал навстречу Суворову, которого Паскевич послал курьером; когда Суворов, увидя его, закричал: «Варшава взята, все кончилось благополучно!», государь вышел из коляски, стал на колени и молился, потом отвез Суворова в Китайский домик, где ожидала его беременная жена, и затем уже в Александровский дворец. Радостная весть раздалась в несколько <минут>. Мы сидели за столом и побежали в Александровский. Пушкин жил в доме Китаевой, я сказала его человеку, что Варшава взята; в кабинете императрицы государь разбирал письма и раздавал их по рукам, обратился ко мне и сказал: «Michel me fait le plug grand éloge de votre frère l’artilleur, il a reçu le sabre d’honneur»[93] и дал мне записочку Оси на клочке бумаги: «Штурм продолжался три дня. Аркадя был в большой опасности: остался один с фейерверкером при пушке, лошади и люди все убиты, мимо него пронесся гусарский полк и врезался в город, изрублено множество, но это положило конец делу. Прощай, любезный друг Сашенька, до скорого свиданья, наконец. Где Клема? Карлиньку поцелуй, я завидую ему».

Пушкин прислал мне свои стихи и карандашом написал:

От вас узнал я плен Варшавы,
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

Quand je trouverai le 4-me vers, je vous l’avouerai[94]. Но четвертый стих никогда не явился.

---

[93] Мишель очень хвалит мне вашего брата артиллериста, он получил саблю «за храбрость».

[94] Когда я найду 4-й стих, я вам его сообщу.

– Вот как судьба вас с детства сближала с тем, что у нас было лучшего или замечательного в России. Скажите откровенно, стихи их льстили ли, или вы оставались равнодушною?

– Ничуть не льстили. Поэтам нужен идеал, и они, не знаю почему, нашли его во мне. Лучшего не было под рукою. У меня есть альбом, который в день моего рождения мне подарила Сонюшка Карамзина, а Пушкин принес и сказал, что я должна писать свои мемуары и, шутка, писать их вроде St. Simon, которые вам, конечно, известны.

– Да, я их читал с удовольствием.

– Cet album a provoqué des vers de Pouchkine, qui m'ont donné la réputation d'être méchante. Je ne sais pas, si vous connaissez les contes de Pouchkine, il les écrivait dans la maison Kitaeff. J'arrivais à peu près à 11 heures, quand je n'étais pas de service, et je montais avec sa femme dans son cabinet de travail[95]. У него было ужасно жарко, он любил жару. Всякое утро он брал холодную ванну и тотчас одевался, кроме галстуха. Кудрявые волоса еще были мокры. Он писал свои сказки, перемарывал так, что трудно будет разобрать его помарки. Возле него стояла вазочка зеленого крыжовника и стакан самой холодной воды от Лебедя, это лучшая вода в Царском, и когда мы входили, он тотчас начинал читать, а мы делали свои замечания.

Раз я ему сказала: «Нет, Пушкин, этот стих нехорош. Вот, например, стих так мил:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Так и видно, что он едет подбоченясь». Он разразился смехом и сказал: «J'ai toujours trouvé que les femmes sont les meilleurs critiques»[96].

– А как вы удачно выражаетесь по-русски и хорошо владеете русским языком! Откуда это вам далось?

---

[95] Этот альбом вызвал стихи Пушкина, создавшие мне репутацию злючки. Я не знаю, известны ли вам сказки Пушкина, он писал их в доме Китаевой. Я приходила около 11 часов, когда не дежурила, и поднималась вместе с его женой в его рабочий кабинет.

[96] Я всегда находил, что женщины – лучшие критики.

– Нас в институте наказывали за то, что не говорим по-французски. Делай, что хочешь, а от отечественного языка не отучишь. Мысль ложится сама без спроса. Плетнев рассказывал нам какой-нибудь исторический факт, и тут при нем же мы должны были писать, – он говорил, что мой слог лучше, потому что очень прост.

– Dites-moi, je vous prie, a-t-on fait un bon portrait de vous?

– Il y a un agréable de Sokoloff, quand j'était promise et puis à Berlin mon mari a fait peindre mon portrait par un certain Rhémy, dont il n'est pas trop content, il dit que c'est léché[97].

– S'il est ici, faites-le déballer.

– Demain, j'ai encore des objets qui je veux revoir, les oeuvres de Gogol, ses lettres et quelques toilettes.

– Vous deviez avoir un succès fou à Berlin, à côté de ces fades beautés allemandes.

– D'abord j'avais déjà passé quelques mois à Berlin, après mes premières couches et j'avais eu des lettres de recommendation de l'Impératrice pour le Roi et pour sa tante, la Princesse Antoine Radziwill, de sorte que je connaissais tout le monde.

– Et qui vous faisait la cour?

– Personne et tout le monde.

– Excusez du peu[98].

– Mais c'est vrai, et vous prouvez que personne ne l'a faisait sérieusement. Il y avait seulement un jeune homme, le Comte Guillaume Pourtalès, très beau garçon, mais peu intelligent – je ne sais ce qui l'a pris un jour. C'était à un bal costumé chez le Duc

---

[97] – Скажите мне, пожалуйста, написан ли с вас хороший портрет?
– Есть прекрасный Соколова, когда я была обручена, а потом в Берлине мой муж заказал мой портрет некоему Реми, которым он был не очень доволен, он говорит, что он прилизанный.

[98] – Если он здесь, велите его распаковать.
– Завтра, у меня еще есть предметы, на которые я хотела бы снова взглянуть, сочинения Гоголя, его письма и некоторые туалетные принадлежности.
– Вы должны были иметь безумный успех в Берлине, рядом с этими пресными немецкими красавицами.
– Сперва я уже провела несколько месяцев в Берлине после моих первых родов, и у меня были рекомендательные письма от императрицы к королю и к ее тетке, княгине Антуан Радзивилл, так что я знала весь свет.
– И кто за вами волочился?
– Никто и все.
– Ну вот еще!

Charles de Mecklenbourg-Strelitz – comme il prenait soins de mes mantelets, je lui dis: «Comte Pourtalès, donnez-moi mon boa». – «Cherchez-le vous-même, – me dit cet insolent, – je ne suis pas votre domestique». – «Tant mieux, et je vous défends de venir me déranger le matin, je préfère lire l'histoire de Menzel avec Wolff». – «Vous n'aurez pas la peine de donner des défenses, car depuis longtemps je me propose de vous laisser libre d'évoluer votre esprit».

– Mais c'est un malappris!

– C'est ce que je lui ai dit aussi. Mais son frère aîné Albert est encore plus insolent. Figurez-vous que j'étais en costume chinois dans un ballet qui s'appelait «La lampe merveilleuse». Ce costume me convenait, car j'était déjà grosse. Albert faisait le rôle de mon époux, il ne s'est pas fait même présenter.

– Ce costume devait vous aller[99].

– Je crois, vu que tout le monde me l'a dit, c'était encore avant la brouille avec Guillaume, on me portait sur un palanquin, все большие ростом – Фицлебен, Graf Rode, Pourtalès et Kanitz, erster Dragoner Regiment, un ami de mes enfants; comme il n'y a pas beaucoup de promenades autour de la capitale Prussienne, j'allais à Charlottenbourg et Kanitz avait un singe qui amusait beaucoup les petites; elles m'ont supplié de leur en acheter un et je leur ai acheté un singe en bois qui est leur joet favorite.

Mon costume a provoqué un haro parmi les dames Berlinoises, parce qu'il m'a coûté 100 Thaler – j'ai fabriqué ma coiffure parasol

---

[99] – Но это правда, и доказывает, что никто не принимал этого всерьез. Там был только один молодой человек, граф Гильом Пурталес, очень красивый мальчик – но неумный – я не знаю, что с ним случилось. На костюмированном бале у герцога Карла Мекленбург-Стрелицкого, так как он взял на себя заботу о моих накидках, я ему сказала: «Граф Пурталес, дайте мне мое боа». – «Ищите его сами, – сказал мне этот дерзкий, – я вам не слуга». – «Тем лучше, я вам запрещаю приходить тревожить меня по утрам, я предпочитаю читать с Вольфом историю Менцеля». – «Не трудитесь запрещать мне, я давно уже намерен предоставить вам возможность свободно развивать ваш ум».
– Но это невежа!
– Именно это я ему и сказала. Но его старший брат Альберт еще более дерзок. Представьте себе, я была в китайском костюме в балете под названием «Волшебная лампа». Костюм мне подходил, потому что я была уже беременна. Альберт исполнял роль моего супруга, он даже не представился.
– Этот костюм должен был вам идти.

moi-même, et le coiffeur a très haut relevé les cheveux. Il m'est arrivé une drôle de chose à Berlin. Un matin le domestique m'annonce: «Господин Танке с супругой и дочерью». – «Скажи, что я их не знаю». Il revient et me dit[100]: «Они приехали на несколько времени, были у Ивана Петровича Озерова и получили приглашение на бал к посланнику». – «Проси». Figurez-vous ma terreur: trois caricatures. Le Papa, rosi, comme il sortait d'une penderie chaude[101], с огромным крестом на шее и с утра в белом галстуке, мамаша в каком-то полинялом шелковом платье с ним под руку, а дочь, уродина, завитая à l'enfant[102], декольте и мелкий жемчуг коринкой вокруг шеи, платье темно-лиловое, коротенькое, и панталончики с прошивками и кружевами, белые лайковые перчатки во всю руку. «Имею честь вам представить нашу единственную дочь, для ее воспитания мы ничего не щадили, она знает русскую словесность в совершенстве, играет на фортепиано и прекрасно танцует; теперь пришло время ее выдавать замуж, и мы даем вечера в собственном доме на Васильевском острове». Je me suis rappelée que le Comte Sollohoub aime beaucoup la seconde société et m'a dit que les soirées de Хавские faisaient son bonheur[103], лампы текут, разносят яблоки и арбузы, на семечки падают и <нрзб>, а за ужином рыба заливная и подленький винегрет.

– Что такое подленький винегрет?

– Это остатки холодной говядины, телятины внутри, а снаружи горкой соленые огурцы, свекла рядами, cela fait une petite

---

[100] – Да я думаю, судя по тому, что все мне это говорили; это было еще до ссоры с Гильомом, меня несли на паланкине, все большие ростом – Фицлебен, граф Роде, Пурталес и Каниц, первого драгунского полка, друг моих детей; так как вокруг прусской столицы нет хороших мест для прогулок, я ездила в Шарлоттенбург, а у Каница была обезьяна, очень забавлявшая малюток, они просили меня купить им тоже, и я им купила деревянную обезьянку, это их любимая игрушка.

Мой костюм вызвал негодование берлинских дам, потому что он стоил мне 100 талеров – я сама изобрела прическу – зонтик, а парикмахер очень высоко поднял волосы. В Берлине со мною случилась забавная история. Однажды утром слуга мне объявляет: <...> Он возвращается и говорит мне: <...>

[101] Представьте себе мой ужас: три карикатуры. Папа, разрумянившийся, как будто вышел из горячей сушильни.

[102] Как ребенок.

[103] Я вспомнила, что граф Сологуб очень любит общество второго сорта и говорил мне, что вечера у Хавских его любимые.

pyramide. Me rappelant donc de Sollohoub, je dis au Père Tanke[104]: «Мне кажется, что у нас общий знакомый есть, граф Александр Ив<анович> Сологуб». – «Как же-с, мы имеем честь быть в знакомстве с этим почтенным мужем, он с Сашенькой всегда танцует мазурку, и это с совершенным польским манером». – «Извините, мне надобно идти со двора». – «До свиданья на бале у посланника. Позвольте только спросить вас, где бы нам можно приятно провести лето?» – «Советую вам нигде не заживаться, поезжайте на разные воды, Мариенбад, Карлсбад, где всегда найдете русских, и наконец в Баден-Баден, где я проведу лето».

– De sorte que j'aurai le plaisir de voir les Tanke, c'est surtout Сашенька qui m'intéresse[105], и как она смеет носить то же имя, что вы?

– Ах, батюшка Миколай Митрич! Календарь святых для всех доступен. Подождите, что далее будет. Вечером я отправилась к Рибопьеру и – о ужас! – la Trinité Tanke в том же костюме. Рибопьер подлетел ко мне и говорит: «Comment est-ce qu'Oseroff a pu m'affubler de ces caricatures et que vais-je en faire?»[106] Но внимание его было отвлечено тем, что какой-то русский офицер сошел с ума, вошел в церковь, надел ризы и служил обедню. От него с трудом избавились; я между тем просила кого-то вальсировать с Сашенькой, но тут уж был совершенный реприманд, как говорит Гоголь: она на цыпочках выделывала такие штуки и не в такт, что кавалер должен был ее оставить, не кончив круга. На этом бале в каком-то кадриле танцевала M-me Kanitz, рожденная Шлиппенбах, сестра Röschen Oseroff. Утром я шла по Unter den Linden и встретила барона Зендена, он мне говорил, что принц Карл ехал в Петербург, на спуске у Таурогена его удивила быстрота, с которой он выехал на мост над глубоким оврагом; за ним ехал его адъютант Каниц; он обернулся, видел фонари, а потом все исчезло. Его поразило страшное безмолвие, он вышел из коляски, опустился в овраг,

---

104 Получается маленькая пирамида. Итак, вспомнив о Сологубе, я сказала папаше Танке.

105 Так что я буду иметь удовольствие видеть Танке, особенно меня интересует Сашенька.

106 Троица Танке <...> «Как мог Озеров навязать мне этих карикатур и что мне с ними делать»?

звал и никого не дозвался: кучер, форейтор и камердинер лежали в обмороке, а Каниц был убит сундуком, который упал на него. Принц не решился далее ехать и возвратился с этим грустным известием. Озерова поехала к сестре объявить ей это несчастие. Она еще спала, комната и весь гардероб еще не были прибраны – вы можете себе представить положение молодой вдовы, они были очень счастливы. Через несколько дней открыли его духовное завещание; он все то, что имел, оставил жене, и вместе с завещанием был пакет, на котором было написано: «À ouvrir après ma mort, prédiction de Mme Le Normand à Paris l’année 15: Vous mourrez d’un accident en fuyant vers le Nord avec un Prince».

Тютчев мне говорил, что покойный император тоже посетил Mme Le Normand, та держала огромные карты и сказала ему: «Vous mourrez loin de votre capitale: après vous viendra un règne long et glorieux, mais dont le fin sera troublée», потом она смешала карты и сказала: «Et à présent je ne vois plus que flammes et fumée»[107].

– Очень странно, но мы пока будем наслаждаться царствованием нашего государя, и Бог один знает, доживем ли мы до другого; я, по крайней мере, этого не желаю.

– Перед отъездом в Крым покойный государь провел час у известного тогда монаха Авеля, который, говорят, имел дар предвидения, и будто он сказал ему, что он умрет не в столице. Говорят, что государь был очень грустен, на полдороге оставил коляску и долго смотрел на Петербург, вероятно, вспоминая счастливое детство и молодость, и все горести и испытания, перенесенные им там; со слезами в глазах он сказал своему любимому кучеру Илье «Пошел!» и тот его довез до Таганрога.

– Неужели один кучер вез во всю дорогу?

– Да, конечно, да ведь они всегда ночуют и днем отдыхают за обедом. Илья Ив<анович> возит иногда государыню, его дочь за каким-то полковником и получила хорошее воспитание.

---

[107] Вскрыть после моей смерти, предсказание мадам Ленорман в Париже в 15 году: Вы умрете от несчастного случая, направляясь к северу с одним принцем. <...> Вы умрете вдали от вашей столицы, после вас наступит долгое и славное царствование, но в конце оно будет омрачено <...> А теперь я вижу только пламя и дым.

Тело императора привезли казаки, оно было поставлено на несколько недель в Казанском соборе, туда возили и нас, институток, в черных передниках. Казаки на свой счет сделали серебряный иконостас.

– Разве они его особенно любили?

– Нет, не более другого войска, но им досталась честь везти своего государя, с которым они выносили тяготу и воз дня. Имп<ератрица> Елисавета Алексеевна написала письмо императрице-матери: «Chère Maman, notre Ange est au ciel et je végète sur la terre», вы, верно, видели кольца с этой надписью.

– Да, Павел Дмитриевич никогда его не снимает, il avait une sorte d'admiration et d'adoration pour l'Empereur[108].

– A présent je vous dirai que ma pauvre mère pendant son veuvage a refusé à Comte Ржевуцкой qu'on appelait «l'arabe», parce qu'il était très brun et avait voyagé en Orient, s'était même baigné dans I'Iordanie et prétend qu'il avait une croûte de sel; et puis elle a refusé votre frère. L'Empereur lui avait donné une commission diplomatique à Vienne, lui ayant trouvé des moyens extraordinaires et lui a dit d'aller ensuite à Odessa pour en ramener le Duc de Richelieu. Il s'intéressait d'elle et n'a jamais pu vaincre son obstination[109].

– Странная судьба одному брату любить мать, а меньшому – не знаю, как назвать то чувство, которое я к вам питаю, любви вы не допускаете.

– Дружбы нежное волненье. Любовь проходит, а дружба, основанная на взаимном уважении, вековечна.

– Дай Бог, чтобы это было так, но у меня предчувствие, что вы меня страшно огорчите.

– Ну, а если вы меня огорчите, что тогда?

– Пора спать, Александра Осиповна, уж поздно.

---

108 Дорогая мама, наш ангел на небесах, а я прозябаю на земле <...> у него какое-то восхищение и обожание императора.

109 А теперь скажу вам, что моя бедная мать во время своего вдовства отказала графу Ржевуцкому, которого звали арабом, ибо он был очень смуглым и совершил путешествие на Восток, купался даже в Иордани и утверждает, что покрылся соляной коркой; а потом она отказала вашему брату. Император дал ему дипломатическое поручение в Вену, предоставив ему исключительные средства, и велел ему потом ехать в Одессу, чтобы ободрить герцога Ришелье. Он увлекся ею, но не смог преодолеть ее упорства.

– Отправляйтесь мечтать о своих парижских глазах.

На другой день открыли сундук, в котором нашли мои портреты. Киселев выкладывал вещи. Тут был альбом с портретом императора Александра, а в нем портреты красным и черным карандашом Соколова.

– А, здравствуйте, князь Дмитрий Евсеевич! Боже, какое сходство с матушкой и та же прическа. Это старшая дочь дедушки, хотите, я вам его подарю?

– А это кто?

– Это Вера Ив<ановна>, а эта, курносая, Марья Ивановна Лорер, la тетя Мася, с которой я все хотела ехать в Плиблук. А это дядя Александр Ив<анович>.

– Quelle figure fine et aristocratique!

– Вот несколько строк старинного почерка Дубницкого и стихи Ильи Ив<ановича> Капниста. Крестик, сложенный из красной и серебряной бумаги, – souvenir de ma bonne femme de chambre Марья Савельевна.

– Comme c'est touchant.

– Pauvre femme, elle est morte d'un cancer intérieur, en partant pour l'Italie, je l'ai recommandée au Comte Michel Wielhorski, qui l'a placée à l'hôpital Marie et on lui donnait la morphine tant qu'elle voulait, pour amortir les affreuses souffrances. Elle m'attendait en disant: «Хоть раз мне мою голубушку Александру Осиповну увидать». En revenant à P<eters>bourg ma première pensée a été d'envoyer à l'hôpital, elle était morte. Dieu a eu pitié de ces affreuses souffrances, on dit, les plus fortes qui existent[110]. Вот сочинения Гоголя, письма, китайский костюм и молитвенник.

---

[110] – Какое тонкое и аристократическое лицо! <...> сувенир от моей доброй горничной <...>

– Как это трогательно.

– Бедная женщина, она умерла от рака внутренностей; уезжая в Италию, я поручила ее графу Михаилу Виельгорскому, который поместил ее в Мариинский госпиталь, и ей давали морфин, сколько она хотела, чтобы смягчить ужасные страдания. Она меня ждала, говоря <...> По возвращении в Петербург моя первая мысль была послать в госпиталь – она уже умерла. Бог сжалился над этими ужасными страданиями, говорят, самыми сильными, какие есть.

– Видно, что вы часто по нему молились, есть слова, почти вымаранные и как будто следы слез. У меня даже нет молитвенника, я с Михайлой молюсь: Отче наш, Богородицу и Верую, по желанию матушки.

– Я с радостью подарю вам свой молитвенник. Утренние молитвы я все знаю наизусть, а вечером вы мне приносите молитвенник, и я вам их прочту.

– Не знаю, как вас благодарить, а особенно за обещание со мной молиться. А с Ник<олаем> Мих<айловичем> вы молитесь?

– Он очень набожен, но с утра в ажитациях, так что его поймать нельзя.

– Да, странный он человек, вечно волнуется и ссорится, и при добром и благородном сердце в канцелярии нажил себе врагов. Попадись ему поляк или немец, он им не дает покоя, сколько раз оскорблял Гильфердинга и Кудрявцева, самых честных и благородных наших сослуживцев.

– Киса, je vous avoue, que je n'aime pas Paul Medem, votre ami, il traite mon mari comme s'il était un bête, vous savez qu'il est très intelligent sans être brillant dans un salon.

– Certainement, mais c'est qu'à la chancellerie, emportés tous les deux, ils ont en plus d'une querelle et c'est toujours moi qui me chargeais d'éloigner le danger d'un duel[111].

– А вот и альбом и стихи Пушкина:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила <ум свободный> взгляд холодный
<И пламень сердца благородный>
Простое сердце, ум свободный
И как дитя была (проста) добра.
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

18 марта 1832 г.

Et de cela on a conclu que j'écrivais mes mémoires, mais jusqu'à la dictée que je vous ai faite, je n'ai jamais écrit une ligne.

---

[111] Я уверяю вас, что не люблю вашего друга Поля Медема, он обходится с моим мужем как с дураком, а между тем, вы знаете, что он очень умен, хотя и не блистает в салоне.
– Конечно, но оба вспыльчивые, в канцелярии они не раз ссорились, и это я всегда брал на себя труд устранить опасность дуэли.

– «И как дитя была проста», c'est là votre plus grand charme, vous avez l'air de ne pas vous douter de votre beauté, de votre intelligence et de la séduction de votre organe, vous modulez en parlant.

– Mais voilà des vers de Wiasemsky, de Pletneff et de Lermontoff.

– Je ne connaissais pas le nom de ce nouveau poète.

– Sophie Karamsine m'a dit un jour que Lermontoff était blessé, que je ne lui avais jamais rien dit sur ces vers[112]. L'album était toujours sur une petite table dans mon salon. Il est venu un matin, ne m'a pas trouvée, il est monté, a ouvert l'album et a écrit ces vers:

В простосердечии невежды
Короче знать вас я хотел,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас хочу сказать вам много,
Но молча вы глядите строго
И я в смущении молчу.
Что делать? – речью неискусной
Занять вас мне не дано.
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

– C'est vrai, vous avez souvent le regard si sérieux, qu'on dirait que votre esprit est traversé par quelques idées bien noires.

– Il l'est véritablement, j'ai des idées fixes, si elles n'y sont pas constantes, elles y sont cependant. J'avais les nerfs très affaiblis après mes secondes couches. Jean Oseroff a eu l'imprudence de me dire que tant que les enfants étaient en nourrice, il était poursuivi par l'angoisse et la peur de leur faire du mal[113].

---

[112] И из этого заключили, что я писала свои мемуары, но до того, как я вам диктовала, я никогда не написала ни строчки.
– <...>, в этом главное ваше очарование, у вас такой вид, будто вы и не подозреваете о вашей красоте, вашем уме и обольстительности вашего голоса; говоря, вы модулируете.
– А вот стихи Вяземского, Плетнева и Лермонтова.
– Я не знал имени этого нового поэта.
– Софи Карамзина сказала мне однажды, что Лермонтов был задет тем, что я никогда ничего не говорила ему об этих стихах.

[113] Альбом был всегда на столике в моем салоне. Он пришел один раз утром, не застал меня, поднялся, открыл альбом и написал эти стихи: <...>.
– Это правда, у вас часто такой серьезный взгляд, можно сказать, что ваш ум поглощен очень черными мыслями.
– Это очень правдоподобно, у меня есть навязчивые идеи, хоть и не постоянно, но они тем не менее бывают. У меня очень ослабели нервы после вторых

Меня этот рассказ так поразил, что эти страшные мысли ко мне привились, и только здесь, в Бадене, они меня более не тревожат.

– Отчего именно здесь, в Бадене?

– Мы с вами проводим дни, болтаем, вы меня заставляете рассказывать мою жизнь, *et un clou chasse l'autre*[114].

– Я душевно рад, что мое любопытство разогнало ваши грустные idées fixes[115]. Я совсем не знал, что у нас новый поэт, Лермонтов. Кто он?

– Он гусарский офицер, выражение его лица очень грустное, а вместе с этим он ведет рассеянную жизнь. У него религиозная струна очень поразительна. Есть его стихи «Ветка Палестины», которых я не знаю, но вот его другие стихи, тоже религиозного содержания, под названием «Ангел»:

По небу полуночи Ангел летел
И тихую песню он пел.
Он пел о блаженстве духов
Под кущею райских садов,
О Боге великом он пел,
И песнь его непритворна была,
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И долго томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

– Что за прелесть! Да у Пушкина нет ничего выше этого.

– У Пушкина тоже есть глубокое религиозное <чувство>, но оно высказывается иначе и как будто вскользь. У Лермонтова есть еще другие стихи:

Молитва

В минуту жизни трудную,
Стеснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучьи слов святых
С души как бремя скатится
И верится, и плачется
И так душе легко, легко.

родов. Жак Озеров имел неосторожность сказать мне, что пока дети были грудными, его преследовали тревога и страх повредить им.

[114] Клин клином вышибает.

[115] Навязчивые идеи.

Зачем у вас навернулись слезы на глаза, Киса?

– Кто не испытал трудных минут в жизни; сколько раз мне случалось и до сей поры громко говорить наедине: «Маменька, маменька, зачем ты меня так рано оставила?» Ах, сердце матери – ничем не заменимое сокровище.

– Хотя мы разлюбили маменьку, когда она вышла замуж, но когда ее не стало и я вышла из института, не раз я говорила то же самое, что вырывается у вас из глубины так рано осиротевшего сердца.

Оба мы вздохнули. В эту минуту вошла Клеопатра с двоюродной сестрой, баронессой Икскюль, рожденной Вокорико. Аника сейчас сказала: «Il parait qu'on est le ménage ici».

– Vous dites toujours des bêtises; j'ai fait ouvrir cette caisse, parce que le trou de débarras est humide et j'y ai des objets qui peuvent se gâter[116].

– Ma chère, ouvrez votre caisse de bijoux, on dit que Smirnoff vous en a donné superbes diamants.

– Oui, il y en a de très jolis, les beaux sont réservés pour personnes plus riches que nous. Mais vous en avez des superbes.

– Mais où ils sont – quand j'ai manqué périr entre Sicile et Livourno, j'ai tout perdu, excepté ce que j'avais dans mon sac de voyage, c. a. d. ma parure de turquoises. Figurez-vous qu'il faisait très clair, la mer était calme, et on ne sait pas comment les deux bateaux à vapeur se sont rencontrés. Le choc a été terrible, un cri s'est élevé, nous avons comme sur le pont en chemin de nuit, on s'est couvert des chawls et des manteaux comme on a pu. Un matelot m'a pris par le bras et m'a jété sur un autre bateau plus grand, je cherchait la petite fille de 7 ans que j'avais adoptée en Sicile. Heureusement Iskull l'avait emmenée avec lui, la seule bonne chose qu'il a jamais faite. Quand je me suis tournée, il n'y avait plus des vertiges de notre bateau à vapeur[117]. On nous a déposé

---

116 Кажется, здесь супружеская чета.
– Вы всегда говорите глупости; я приказал открыть этот ящик, потому что дыра в чулане сырая, а там есть вещи, которые могут испортиться.

117 – Моя дорогая, откройте вашу шкатулку с украшениями, говорят, что Смирнов подарил вам великолепные бриллианты.
– Да, там есть очень красивые, самые лучшие сохранены для более богатых людей, чем мы. Но и у вас есть прекрасные.

à Livourno, où le consul Russe nous a donné des passeports, un banquier que je connaissais, nous a fourni les moyens d'arriver ici. Déjà pourquoi Iskull a été sauvé, je ne sais pas, c'est pour continuer à nous tourmenter.

En attendant, on admirait mes bijoux, on les essayait. On m'a annoncé Agrippine Mansouroff.

– Comme je suis contente de vous savoir enfin arrivée, ma chère amie, mais comme Zina a grandi et comme elle a bonne mine; il faut que je la mène chez les enfants.

La joie était extreme entre 70 Wilhelmstrasse et 14 Unter den Linden. En rentrant j'ai dit: «Madame Mansouroff, permettez-moi de vous présenter la Princesse Cléopâtra Troubetzkoy et sa cousine Mme Iskull et Mr Kisseleff, premier secrétaire de l'ambassade de Russie à Paris, c'est un cousin germain de mon mari»[118].

Nous avons parlé de Berlin, Ribeaupierre a enfin consenti au mariage d'Aglaé avec le baron Senden, on espère qu'il permettra celui de Sophie avec Васильем Кутузовым.

Les Oseroff sont allés à Moscou pour faire faire connaissance à Röschen. Les vieux Pourtalès sont en Suisse, les fils sont à Berlin.

– Ne me parlez pas de ces deux insolents personnages, avant de quitter Berlin, je suis allée remercier la Comtesse pour ses bontés,

---

– Но где они – когда я чуть не погибла между Сицилией и Ливорно, я потеряла все, кроме того, что было в моей дорожной сумке, т. е. моей бирюзовой парюры. Представьте себе, что было очень ясно, море было спокойно, и неизвестно как два парохода столкнулись. Удар был ужасный, поднялся крик, мы столпились на палубе в ночном пути, покрылись шалями и пальто, кто как мог. Матрос взял меня за руку и перебросил на другой, больший пароход; я искала семилетнюю девочку, удочеренную мною в Сицилии. К счастью, Икскюль взял ее с собой – единственное сделанное им доброе дело. Когда я обернулась, от нашего парохода не осталось и следа.

[118] Нас доставили в Ливорно, где русский консул дал нам паспорта, один знакомый мне банкир снабдил нас средствами для приезда сюда. Я до сих пор не знаю, как спасся Икскюль, наверное чтобы продолжать нас мучить.

Между тем восхищались моими украшениями и примеряли их. Мне доложили об Агриппине Мансуровой.

– Как я рада, что вы, наконец, приехали, мой дорогой друг, но как выросла Зина и какой у нее здоровый вид; нужно отвести ее к детям.

Была необыкновенная радость между Вильгельмштрассе 70 и Унтерденлинден 14. Воротившись, я сказала: «Мадам Мансурова, позвольте вам представить княгиню Клеопатру Трубецкую и ее кузину мадам Икскюль и г-на Киселева, первого секретаря русского посольства в Париже, это двоюродный брат моего мужа».

Guillaume n'y était pas, Mr Albert a de suite filé et je me suis plainte à elle de la conduite de ses fils. Très embarassée, elle m'a dit: «Vous savez qu'Albert est très bizarre, il fuit le monde et a le projet d'aller à Rome et de se faire artiste, c'est tout comme après son retour d'Amérique il a voulu se faire colon. Il n'en sera rien, j'espère, et il reste dans la diplomatie».

– Ma chère, est-il possible que vous n'ayez pas remarqué qu'Albert était fou amoureux de vous? Il a dit à sa mère: «Si je lui dis un mot, je suis perdu, je sais son mari»[119]. Je ne sais pas si vous est revenu qu'ils ont en plus d'une querelle au club. «Je l'enlève avec les enfants et je vais en Amérique».

– Oh! Mr Albert, vous comptez sur votre hâte, vous croyez qu'il était si facile de m'enlever avec mes enfants!

– C'est un fou, et je ne regrette pas de n'avoir pas fait sa connaissance.

En parlant, Agrippine m'a observé que mes deux Valaques lui déplaisent.

– Que voulez-vous, ma chère, Cléopâtra est très malheureuse, je l'ai beaucoup vue à P<eters>bourg chez la P<rince>sse Nesselrode, elle s'est mariée jeune, adorait son mari qui est mort à Odessa où il était l'inspecteur de la quarantaine. Elle avait un enfant de six ans, la guerre de Turquie l'a ruinée, elle est allée à P<eters>bourg, où elle a vécu chez sa cousine M-me Boulgakoff avec une pension de 5000 fr. Cet enfant adoré est mort de la scarlatine, elle m'a priée de lui envoyer un buste de son Сережечка[120].

---

[119] Мы говорили о Берлине: Рибопьер согласился, наконец, на брак Аглаи с бароном Зенденом, надеются, что он позволит и брак Софи с Васильем Кутузовым. Озеровы поехали в Москву, чтоб познакомиться с Розхен. Старики Пурталес в Швейцарии, сыновья в Берлине.
– Не говорите мне об этих двух дерзких личностях. Перед отъездом из Берлина я пошла поблагодарить графиню за ее доброту, Гильома не было, г-н Альберт сейчас же сбежал, и я пожаловалась ей на поведение ее сыновей. Очень смущенная, она мне сказала: «Вы знаете, что Альберт очень странен, он избегает света и хочет ехать в Рим, чтобы стать артистом; это так же, как вернувшись из Америки, он хотел сделаться колоном. Я надеюсь, что ничего этого не будет и он останется дипломатом».
– Моя дорогая, возможно ли, чтоб вы не заметили, что Альберт был до безумия влюблен в вас? Он сказал своей матери: «Если я скажу ей хоть слово, я пропал, я знаю ее мужа».
[120] Не знаю, дошло ли до вас, что они не раз ссорились из-за этого в клубе. «Я увезу ее с детьми и уеду в Америку».

– Mort a 6 ans, ah, ma chère, si nous avions le malheur de perdre notre chère Zina, je crois que nous en perdions l'esprit.

Se tournant vers Cleopatra elle lui dit: «Je crois que nous sommes parentes quoiqu'éloignées, vous me permettez de venir vous voir» et me dit: «Ma chère, prenez garde au cousin – celui-là me semble vous adorer, il suit des yeux vos moindres mouvements, c'est bien différent du sentiment des Pourtalès».

– Il n'y a pas de danger, chère amie, il a d'autres affections plus solides à Paris, à ce que dit Cleopatra, qui le connaît très intimement. Après la guerre de 1830 le Général a été chargé de regler les affaires des principautés. Le nom de Troubetzkoy l'a frappé, il s'est de suite occupé des propriétés de Cléopâtra, ce qui lui donne à présent 50 000 fr. de rente[121].

Après son départ j'ai dit à ces dames que je m'avais donnée la parole de ne jamais voyager dans la Méditerranée. En quittant Rome je suis allée à Naples où j'ai passé trois semaines, je suis allée à Sorrento et j'ai voulu aller voir la grotte bleue, mais le bateau était si ballant que j'y ai renoncé; après il était décidé que je devais partir. Dans le port les petites embarcations où les gamins dansaient la saltarella, dansaient plus qu'eaux. Le Général Peroffsky me dit:

– О, г. Альберт, вы рассчитываете на вашу поспешность, вы думаете, что так легко увезти меня с моими детьми! – Это сумасшедший, и я не жалею, что не познакомилась с ним.

Говоря, Агриппина заметила мне, что ей не нравятся обе мои валашки.

– Что вы хотите, моя дорогая, Клеопатра очень несчастна, я часто виделась с ней в Петербурге у графини Нессельроде; она вышла замуж молодой, обожала своего мужа, который умер в Одессе, где был инспектором карантина. У нее остался шестилетний ребенок, турецкая война ее разорила, она поехала в Петербург, где жила у своей кузины г-жи Булгаковой с пенсией в 5000 фр. Этот обожаемый ребенок умер от скарлатины, она меня просила прислать ей бюст ее Сережечки.

[121] – Умер в 6 лет, ах, моя дорогая, если бы мы имели несчастье потерять нашу дорогую Зину, думаю, что мы сошли бы с ума.

Повернувшись к Клеопатре, она сказала ей: «Я думаю, что мы родственницы, хотя и отдаленные, вы позволите мне вас навестить», а мне сказала: «Моя дорогая, берегитесь кузена – он, мне кажется, вас обожает, он следит глазами за малейшим вашим движением, это совсем не то, что чувство Пурталесов».

– Нет никакой опасности, дорогой друг, у него есть более основательные привязанности в Париже, по словам Клеопатры, близко его знающей. После войны 1830 г. генералу было поручено уладить дела в княжествах. Имя Трубецкого его поразило, он сейчас же занялся имениями Клеопатры, что дает ей теперь 50 000 фр. ренты.

«Prenez garde, je crois que la tournée sera mauvaise». Il y avait sur ce bateau la Comtesse Pourtalès avec sa petite fille d'adoption Aminka, avec laquelle mes enfants jouaient sur le pont, le colonel Steiger, commandant des troupes du Pape, un ami à elle. Le soir venu, j'ai établi la gouvernante de mes enfants, qui souffre mort et passion en mer, dans la voiture, j'avais Oly avec moi dans le coupé; à mesure que nous avancions, on raffermissait nos voitures, un jeune garçon venait de temps en temps changer la bassine de Mlle Overbeck. Le colonel Steiger montait avec peine pour me dire ce qui se passait en bas. Je m'étais dépouillée de tout ce que j'avais de chaud pour couvrir Oly, parce que les vogues passaient pardessus les voitures; elle dormait, je suis descendue et je trouvai la bonne Russe qui me dit[122]: «Зачем вы, сударыня, поехали морем, запрудили чужое море русскими костями». – «Бог милостив, Надежда Степановна, молитесь». – «Да, кто в море не бывал, тот Богу не молился». En remontant le Colonel Steiger me dit: «Je ne puis pas vous cacher que nous sommes en danger, le capitaine Arnoud est excellent, il est attaché au gouvernail, le pilote aussi». Le garçon nous dit: «Le danger est dans la rencontre que nous pouvons faire du bateau qui sort de Civitavecchia, le brouillard est si épais qu'on ne voit pas à deux pas. Mais ne craignez rien, j'ai vu périr le Pollux, j'ai vu périr la Salamandra et un 3-me dont j'ai oublié le nom et me voilà pourtant sain et sauf».

– Kisseleff, ne pleurez donc pas! Mme Smirnoff est là en pleine santé.

---

[122] После его ухода я сказала этим дамам, что дала себе слово никогда не ездить по Средиземному· морю. Покинув Рим, я поехала в Неаполь, где провела три недели, поехала в Сорренто, где хотела видеть голубой грот, но лодка так качалась, что я отказалась от этого; потом было решено, что я должна уезжать. В порту маленькие лодчонки, где мальчишки танцевали сальтареллу, плясали больше, чем воды. Генерал Перовский сказал мне: «Берегитесь, я думаю, что путешествие будет дурным». На этом судне была графиня Пурталес со своей приемной внучкой Аминкой, с которой мои дети играли на палубе, и полковник Штайгер, командующий папскими войсками, ее друг. Когда наступил вечер, я устроила гувернантку моих детей, смертельно страдавшую от морской болезни, в экипаже, а Олю с собой в купе; по мере нашего продвижения закрепляли наши экипажи, время от времени приходил юноша сменить тазик м-ль Овербек. Полковник Штайгер с трудом поднялся, чтобы сказать мне, что происходит внизу. Я сняла с себя все, что на мне было теплого, чтобы укрыть Олю, потому что волны захлестывали экипажи; она спала, я спустилась и нашла русскую няню, сказавшую мне.

– Princesse, vous êtes insupportable, vous interrompez Mme.

– Alors j'ai demandé au garçon: «Comment on sauve?» Il me dit: «Avec le plus grand sang-froid, d'abord on attachera sur une planche vos enfants avec des cordes»[123]. «Quelle horreur je veux être attachée avec eux». – «C'est impossible, votre poids fera chavirer la planche». Mes cheveux se dressaient sur ma tête, j'étais dans des angoisses affreuses. Heureusement le garçon est venu me dire: «Bonne nouvelle, il pleut, le vent est abattu et nous ne sommes pas loin du port». Il faisait jour quand nous sommes entrés dans une espèce de carré, où notre coquille de noix dansait encore; on nous a à la lettre jetés dans un petit bateau qui conduisait à la terre ferme. La pauvre Mlle Overbeck était à moitié évanouie, je l'ai couchée et fait venir un médecin, qui lui a donné un calomel, car elle avait encore de fortes nausées et faisait venir du sang. Le lendemain j'ai continué la route vers Rome en poste et nous avons diné à Ostia, ce lieu décrit avec tant de charme par Pline le Jeune, je crois. Il en reste un petit étang d'eau croupissante, remplie de grenouilles et de crapauds, qui coassent d'une manière épouvantable. On dit, que l'Imp<ératrice> Анна Ивановна aimait le coassement des grenouilles et qu'elle a eu fait mettre dans un étang dans sa terre de Монастино près du P<eters>bourg.

Les Dames sont parties et mon mari est entré en disant: «Это что за выставка портретов и вещей?» – «Я боялась, что в чулане отсыреют вещи, и хотела вынуть некоторые детские игрушки и китайское платье».

– Как тебе нравится портрет жены? Мне кажется que c'est léché.

---

[123] Поднявшись наверх, полковник Штайгер сказал мне: «Не могу скрыть от вас, что мы в опасности, Арну – превосходный капитан, он привязан к штурвалу, рулевой тоже». Гарсон сказал нам: «Опасность в возможности встретиться с судном, идущим из Чивита-Веккиа, туман такой густой, что в двух шагах ничего не видать. Но не бойтесь, я видел, как погибал "Поллукс", как погибала "Саламандра" и еще третье судно, названия которого я не помню, – и вот он я, жив и здоров».
– Киселев, не плачьте! Мадам Смирнова в полном здравии.
– Княгиня, вы невыносимы, вы перебиваете мадам.
– Тогда я спросила гарсона: «Как спасаются?» Он мне сказал: «С полным хладнокровием, сначала привяжут тогда ваших детей веревками к доске».

– Peut-être, mais c’est très ressemblant, je le préfère à celui en aquarelle[124]. А ты зачем ранее обыкновенного вернулся?

– Я зашел взять еще франков 500. Долгорукий приехал с женой, тебе это приятно будет, Сашенька, ты ее часто видела во Франкфурте.

– Ничуть не приятно, я терпеть не могу ее аффектацию – а я тебе скажу, что приехала Agrippine Мансурова, ее муж поехал с государем в Калиш, а твой приятель Икскюль обретается в Бадене и все играет с красноносым Герсдорфом. Сегодня обедают здесь Клеопатра и Голицын, ровно в пять часов.

Как всегда, были ленивые щи, пирожки, битки с жареным картофелем, а потом папара Клеопатры. Киселев сидел возле меня и сказал: «Вот и я делаю соляную горку, как вы, а то Н<иколай> М<ихайлович> ест с ножа и потом лезет с ним в солонку Mme Дургольц».

– Я завтра выложу плоские солонки, я терпеть не могу, когда опрокидывают соль.

– Что ты говоришь, Киселев?

– Я говорю, что солонка похожа на лоханку.

– Нельзя ли еще щей?

– Нет, я куплю завтра еще суповую чашку, в эту входит ровно четыре тарелки.

– Kisseleff comment trouvez-vous la папара?

– C’est délicieux, quoiqu’en peu gras et je crains que cela ne me donne le fer-chaud.

---

124 «Какой ужас, я хочу чтобы меня привязали с ними». – «Это невозможно, ваш вес перевернет доску». Волосы у меня встали дыбом, я была в ужасной тревоге. К счастью, гарсон пришел сказать мне: «Добрые вести, ветер утих, идет дождь, и мы недалеко от порта». Было светло, когда мы вошли в некое подобие бухточки, где наше суденышко продолжало еще бросать из стороны в сторону: нас буквально бросили в маленькую лодку, доставившую нас на твердую землю. Бедная м-ль Овербек была почти без сознания, я уложила ее и пригласила доктора, который дал ей каломель, потому что у нее продолжалась сильная рвота, и пустил кровь. На следующий день я продолжила свой путь к Риму на почтовых и мы обедали в Остии. Эти места описаны с таким очарованием, кажется, Плинием Младшим. Там и сейчас есть небольшой пруд со стоячей водой, полной жаб и лягушек, которые квакают ужасающим образом. Говорят, что императрица Анна Ивановна любила кваканье лягушек и что она их поместила в пруд ь своем имении Монастино близ Петербурга.
Дамы ушли, а мой муж вошел, говоря <...> что он прилизанный.
– Может быть, но очень похож, я предпочитаю его акварельному.

– Je vous en guérirai avec un peu de charbon mêlé de т<нрзб>, Arnoldi appelle cela лага et ne fait que roter après dîner, он пьет клюквенный морс, ходит и поет: «Все на свете можно, только осторожно».

– Comment n'avez-vous pas conscience de parler ainsi de votre bienfaiteur?

– Il est joli le bienfaiteur, je me plaindrai à l'Empereur, si vous me faisiez à le recevoir; allez-y vous-même puisque vous avez le besoin преклониться перед генеральством.

– Kisseleff, j'apprendrai votre Михайла de faire la papara et vous pourrez en régaler votre Caroline Delvalle[125].

– Princesse, cette Caroline Delvalle ou Delmar n'existe que dans votre imagination Valaque[126].

– А ты, братец, обзавелся, очень хорошо сделал.

Затем хозяин преспокойно захрапел на диване. Голицын и Клеопатра указали на него рукой и ушли.

– Однако такая бесцеремонность непозволительна – мне хочется вас громко поцеловать.

– Не смейте, как вы смеете мне говорить, что хотите меня поцеловать; он спит при Плетневе и Жуковском, но им и в голову не приходит меня целовать.

– Да я ведь двоюродный брат.

– La belle raison, je n'embrasse que mes enfants, je n'aime pas les baisoteries, j'aime mes frères, mais nous bornons à nous aimer sans les preuves extérieures[127].

---

[125] – Киселев, как вы находите папару?
– Это восхитительно, хотя немного жирно, и я боюсь, чтобы это не наделало мне изжоги.
– Я вас от нее вылечу, дав немного угля, смешанного с <нрзб> Арнольди называет это лага и всегда срыгивает после обеда <...>
– Как тебе не совестно говорить так о своем благодетеле?
– Хорош благодетель, я пожалуюсь императору, если ты будешь заставлять меня его принимать; делай это сам, если у тебя такая нужда преклониться перед генеральством.
– Киселев, я выучу вашего Михайлу готовить папару, и вы сможете потчевать ею вашу Каролину Дельваль.

[126] – Княгиня, эта Каролина Дельваль или Дельмар существует только в вашем валашском воображении.

[127] – Хорош довод, я целую только моих детей, я не люблю чмоканья. Я люблю своих братьев, но с нас достаточно любить друг друга без внешних доказательств.

– А я ласкового расположения.

– Ну, и ласкайте ваших детей.

– Еще! Я рассержусь и уйду совсем к Олечке Долгорукой.

– Rival du nez fourré, quelle gloire![128]

– Кстати, я у них завтра обедаю и хочу у нее попросить ее щипцы. Посмотрите, у вас конец пальца закоптел, и это вам не стыдно?

– Ничуть.

Часто мы сидели друг против друга, молчали и как будто мысленно спрашивали себя, зачем нас неумолимая судьба разлучила, когда мы могли так ласково и спокойно проводить дни вместе. Четвероугольный стол нас <следующий лист утрачен>.

– L'avez-vous toujours appelé Gougou?

– Seulement une fois pour adoucir le refus – je vous disais que j'ai fait une petite odeur, il a froncé le nez, je crois que cela suffisait pour faire évaporer l'amour le plus violent.

– Croyez-vous que si cette petite incongruité vous arrivait, cela m'empêcherait de vous porter le sentiment que vous me permettez d'avoir pour vous?

– Qu'en savez-vous?

– Mais d'où vous vient cette singulière disposition?

– C'est le résultat de mes premières et terribles couches, et cela me joue des tours très désagréables.

– Racontez-moi ces terribles couches.

– Voyez-vous, nous demeurions aux îles, mon mari allait à la chancellerie, et je n'avais personne pour me faire marcher[129].

---

[128] – Соперник носа на меху, какая слава!

[129] – Вы всегда называли его Гугу?

– Только раз, чтобы смягчить отказ, – я говорила вам, что испустила небольшой запах, он сморщил нос – я думаю, что этого достаточно, чтобы самая жестокая страсть испарилась.

– Вы полагаете, что случись с вами эта маленькая неловкость, это помешало бы мне питать к вам то чувство, которое вы мне позволяете?

– Как знать?

– Но отчего происходит с вами это странное свойство?

– Это результат моих первых и ужасных родов, и это выкидывает со мной очень неприятные штуки.

– Расскажите мне об этих ужасных родах.

– Видите ли, мы жили на островах, мой муж уходил в канцелярию, и у меня не было никого, кто бы заставлял меня ходить.

J'étais très lourde et souvent en marchant j'avais comme des évanouissements, je m'effrayais les en vain, mon accoucheur Scholz m'a saigné deux fois du bras gauche – voyez la marque – je retranchais ma manche.

– Quel beau bras vous avez, c'est comme moulé, ne rougissez pas.

– Nous sommes rentrés en ville, et trois semaines après j'ai dit à la sage femme qui demeurait déjà chez nous: «Ах, как у меня болит спина», elle me fit le lit et me dit: «Пора рожать». Elle était jeune et gaie, une des meilleures élèves de Scholz. Les douleurs étaient fréquentes, mais rien que des fausses douleurs. Vers le soir elle a fait venir Scholz, qui a dit qu'il fallait encore attendre. Vers le matin on a essayé de me faire marcher, mais le poids extrême a fait que je tombais, alors Scholz a essayé de faire sortir l'enfant avec ce que l'on appelle en russe *ложки*, mais il n'est pas parvenu à les introduire, il a fait chercher le grand Сутгоф, qui était très malade; il est venu, un petit vieillard dont je ne me rappelle pas le nom. Mon mari était dans tout les états, mes frères étaient dans la maison. À la cour on a appris que je souffrais depuis 50 heures sans succès, sans dormir ni manger. Chose étrange, l'idée de la mort ne m'est pas venue un instant. À la perspective tous mes amis se promenaient des allées, se demandant: «Что родила и жива ли?» L'Impératrice venait d'accoucher très heureusement de son dernier enfant, le G<rand> D<uc> Michel, et cet ange m'a envoyé son accoucheur le Dr Leighthon, un Anglais que je connaissais. Il est venu me visiter, tâté le pouls et a dit: «Il n'y a pas de temps à perdre». On m'a couchée au travers du lit, Persan, le médecin du votre Ministère, serrait ma tête, Arndt, le médecin envoyé par l'Empereur, les hanches, Cholz et le petit vieux – les genoux. Et le vieux Leigthon qui avait un polype dans le nez, a fait la perforation, c. a. d. qu'il a brisé la tête de l'enfant. J'ai demandé seulement si je pourrais crier, car en général je ne fais que gémir pendant les plus fortes douleurs. Il a tiré avec tout de force que j'ai vu un petit corps ensanglanté et j'ai eu la force de dire encore à Leigthon: «L'enfant ne crie pas». – «Il est faible, mais ne vous inquiétez pas». Mes frères et mon mari, n'entendant plus les cris, ont cru que j'étais morte et sont venus à la porte. Hélas,

le pauvre être était trop beau, trop grand. Si Leigthon l’avait retiré par morceaux, je n’aurais pas eu une déchirure du périnée[130].

– Нет, более не говорите, это слишком ужасно. Если бы это случилось с моей женой, которую любил бы, то жил бы возле нее монахом.

– Доктора этого хотели, но оказалось, что мне нужно было еще иметь детей, и я очень рада своим милым двойняшкам. Обезображенный труп моего сына похоронили в Донском монастыре под именем младенца Смирнова. Карамзин имел несчастье похоронить своего старшего сына Андрея и на его памятнике написал:

Покойся, милый прах,
До радостного утра.

---

[130] Я была очень грузна, и, идя, я как будто теряла сознание, я боялась этого напрасно, мой акушер Шольц два раза пускал мне кровь из левой руки – видите след, – я подняла рукав.
– Какая у вас красивая рука, как точеная. Не краснейте.
– Мы вернулись в город, и спустя три недели я сказала повивальной бабке, которая уже жила у нас: <...> она постелила мне постель и сказала: <…> Она была молодая и веселая, одна из лучших воспитанниц Шольца. Схватки были частые, но только ложные. К вечеру она пригласила Шольца, который сказал, что нужно еще ждать. К утру попытались заставить меня походить, но из-за большого веса я упала, тогда Шольц попробовал извлечь младенца с помощью того, что по-русски называют ложки, но ему не удалось их ввести. Он послал за великим Сутгофом, который был очень болен; пришел маленький старичок, имя которого я не помню. Мой муж был в сильном волнении, братья находились в доме. При дворе узнали, что я безуспешно страдаю уже 50 часов без еды и сна. Странное дело – мысль о смерти не приходила мне ни на минуту. В ожидании все мои друзья прогуливались по аллеям, задаваясь вопросом: <...> Императрица только что очень счастливо разрешилась своим последним ребенком, великим князем Михаилом, и этот ангел послал мне своего акушера доктора Лейтона, англичанина, которого я знала. Он пришел меня навестить, пощупал пульс и сказал: «Нельзя терять время». Меня уложили на кровать, Персан, врач вашего министерства, сжимал мою голову, Арндт, врач, присланный императором, бедра, Шольц и маленький старичок – колени. И старый Лейтон, у которого был полип в носу, сделал перфорацию, т. е. раздробил голову младенца. Я спросила только, могу ли я кричать, потому что вообще я только стонала во время самых сильных мук. Он с силой вытащил, так, что увидела маленькое окровавленное тело, и у меня хватило сил спросить еще у Лейтона: «Младенец не кричит». – «Он очень слаб, но вы не беспокойтесь». Мои братья и муж, не слыша более криков, подумали, что я умерла, и подошли к двери. Увы, бедное создание было слишком прекрасно, слишком большое. Если бы Лейтон извлек его по кускам, у меня не разорвалась бы промежность.

– C’est charmant[131], младенцам, конечно, воскресение мертвых будет радостным утром, а для нас, грешных, радостное утро страшнее.

– Вот вы увидите, что сказано в одной из вечерних молитв...

В эту минуту заехала графиня Строганова, и мы поехали в «Фаворит». Дорога была гладкая, мы ехали рысцой, он сел против меня, жаворонки и всякая птица пела, летала над нами. В Фаворите мы походили, но солнце начало заходить за тучи, и мы отправились в Баден. По дороге мы поравнялись с коляской, в которой сидели три дамы. Поравнявшись с ними, наш кучер вздумал их обогнать, я только успела сказать: «Comme je déteste quand les cochers veulent dépasser»[132], как услыхали страшный крик. Коляску опрокинуло в глубокую канаву. Кучер несчастных дам отпрягал с отвратительным хладнокровием лошадей. Графиня была почти в обмороке. Киселев держал меня за руку и успокаивал, – что было делать? Он решил, что отвезет нас ко мне, а сам поедет за Гугортом, который с нашей коляской поедет за дамами. Когда я с графиней вошла домой, она мне сказала: «Vous voyez combien mon petit ami Kisseleff est bon et quel souci il a eu d’aller de suite chercher le médecin pour les personnes qu’il ne connaît pas, il est capable du plus grand dévouement».

– Je n’en doute pas, chère comtesse. En attendant je vais prendre une goutte d’Aconit, c’est bon contre les frayeurs[133].

Eylandt мне приложила влажное полотенце к животу – слава богу, дитя шевелилось. Через полчаса вернулся Киселев с коляской и сказал графине: «Je suis rassuré sur le compte de Mme Smirnoff, permettez-moi de vous reconduire, il fait sombre et les cochers de Baden ne méritaient pas de confiance», а мне сделал знак рукой, что зайдет.

---

[131] – Это мило.

[132] Как я ненавижу, когда кучера стараются обогнать.

[133] Вы видите, как добр мой дружок Киселев и с какой заботой он сейчас же пошел искать врача для неизвестных ему людей; он способен на величайшую преданность.
– Я в этом не сомневаюсь, милая графиня. Пока же я приму каплю аконита, это хорошо при испуге.

– Je troublais pour vous, une frayeur dans votre état peut être fatale, amener soit des couches prématurées, soit une fausse couche.

– Soyez sans crainte, Kissinka, j'ai pris de l'Aconit et Eylandt s'est aperçue du mouvement de l'enfant en appliquant des linges mouillés. L'intérêt que vous m'avez témoigné me prouve que vraiment entre nous est une amitié, c'est pour la vie et jusqu'à notre mort, n'est ce pas?

– Vous attendez une réponse, on dirait que vous ne le savez pas.

– À demain, cher ami, je n'ai pas la force de vous voir ce soir.

Le lendemain à 7 heures' j'entends la voix: «Mme Smirnoff, vous êtes d'une l'impudence impardonnable, je passais derrière le petit pont et j'ai vu le plus beau spectacle du monde»[134].

– Pas de détails.

– Mon Dieu, quelle chevelure!

– Vous aurez le temps de l'admirer à Paris.

J'étais rouge et confuse et n'avais pas eu la tentative de les rejeter.

– Croyez-vous que quelqu'un a passé avant moi?

– Qui voulez-vous qui passe à 7 heures, a moins que ce ne soit le vieux Beverley qui est très occupé de ses ordures.

– Tant mieux.

À midi nous sommes allés à la terrasse. Los Rios causait avec une dame très forte, vêtue d'une robe rose comme une jeune fillette.

– Ah, bonjour, mme Semiantkovska et mon petit ami Kisseleff. Mon cher ami, je crains bien qu'un beau matin ou un beau soir vous ne soyez obligé de soigner votre compagne[135].

---

[134] Я успокоился насчет г-жи Смирновой, позвольте мне вас проводить. Стемнело, а кучерам в Бадене нельзя доверять <...>
– Я тревожился за вас, испуг в вашем положении может стать роковым, вызвать преждевременные роды или ложные схватки.
– Не бойтесь, Кисинька, я приняла аконит, а Эйландт заметила движение ребенка, когда прикладывала мне влажные полотенца. Ваше внимание ко мне доказывает, что между нами истинная дружба, это на всю жизнь и до самой смерти, неправда ли?
– Вы ждете ответа, будто вы его не знаете.
– До завтра, милый друг, у меня нет сил повидаться с вами сегодня вечером. На следующий день в 7 часов утра я слышу голос: «Г-жа Смирнова, вы непростительно нескромны, я проходил за мостиком и видел самое прекрасное зрелище на свете».
[135] – Без подробностей!
– Боже, какая шевелюра!

– Finissez vos plaisanteries, Los Rios. Qui est la dame avec laquelle vous causeraiez?

– C'est la Princesse Léonie de Bethune, qui tout Paris connaît et craint et qu'on appelle la Capitaine Léonidas, elle mène sa mère tombant l'enfance et c'est une femme de beaucoup de mérite.

Nous repassâmes et nous rencontrâmes Olga Dolgorouky, à laquelle Platonoff donna le bras. Pantalon bleu et veste de chasse verte a boutons d'or.

– Киса, посмотрите, каким фордыбаком он ходит!

– Что такое фордыбак?

– Это в лексиконе Шишкова, это Пушкин говорил. Фордыбак – un faisseur de sans l'escient, а щелкопер – un freluquet. Platonoff s'est arrivé de me dire un jour que vous êtez un freluquet de Paris.

– Mais quand donc, il ne vient donc plus[136].

– Раз еще забрался как-то утром до вашего прихода, но Сашка его просто выгнал. У Шишкова есть название для модных дам – Толпега, Пушкин так называет княгиню Голицыну, рожденную Апраксину. Она очень плотная и очень модничает, по-французски она – Mme Tolpège, а Труперта – старая кокетка. У него биллиард – шарокат, а кий – шаротер. Жуковский мне рассказывал, что покойный государь часто приходил пить чай

– У вас будет время восхищаться ею в Париже.

Я покраснела, смутилась и не пыталась их отбросить.

– Как вы думаете, прошел кто-нибудь до меня?

– Ну, кто же, по-вашему, ходит в 7 часов, разве только старик Беверлей, который поглощен своими нечистотами.

– Тем лучше.

В полдень мы пошли на террасу. Лос Риос разговаривал с весьма крупной дамой, одетой, как молоденькая девочка, в розовое платье.

– А, здравствуйте, г-жа Семянтковска и мой дружок Киселев. Друг мой, я опасаюсь, что в одно прекрасное утро или вечер вам не пришлось бы позаботиться о вашей спутнице.

[136] – Оставьте ваши шутки, Лос Риос. Кто эта дама, с которой вы говорили?

– Это княгиня Леони де Бетюн, ее знает и боится весь Париж, называют ее капитан Леонидас. Она водит свою мать, впавшую в детство, и это очень достойная женщина.

Мы пошли назад и встретили Ольгу Долгорукую под руку с Платоновым. Синие панталоны и зеленая охотничья куртка с золотыми пуговицами <...> хвастун без умысла, а щелкопер – ветрогон. Платонов однажды явился сказать мне, что вы – парижский ветрогон.

– Но когда же, ведь он более не ходит?

к Карамзиным, у них есть старый слуга, еще крепостной первой жены Карамзина, Протасовой. Лука в передней сидел на столе, нимало не смущаясь приходом царя, и мелом кроил панталоны, мелком обозначая. Он говорил: «Карамзин, видишь что-то длинное и думаешь, что это летописи на столбцах». С тех пор у нас принято вместо панталоны говорить летописи; вот и у Шубина и у nez fourré[137] белые летописи. Жук или Бык, как я его часто зову, еще рассказывал, что у них был скворец, который очень часто беспрестанно повторял: Христос воскрес, но вдруг ошибся, забегал по клетке и кричит во всю глотку: Востиквас; у нас принято говорить, когда кто-нибудь в конфузе, что с ним или с ней делается востиквас.

– Tout cela est charmant et très amusant. Какой же я был дурак и медведь, мог попасть в ваш приятный кружок так легко через Пушкина и Соболевского, а вертелся в кружке канцелярских друзей; ma seule vraie distraction c'était les petits dîners intimes chez le comte Nesselrode.

– Comment cela se fait-il que je ne vous y ai jamais rencontré; il est vrai que je n'y venais que le soir et cela presque tous les jours.

– Mais je fuyais ce qui s'appelle le monde. Je vous ai vue une fois aux Français, vous aviez une robe verte et une couture rouge – et vous aviez l'air profondément ennuyée.

– Je crois bien, personne ne venait dans notre loge, on évitait les discussions et de plus j'ai toujours mal à la tête au théâtre.

– А если бы я, дурак, с вами познакомился, то сидел бы у вас в ложе. А теперь-таки предлагаю вам место в Conservatoire; нас четверо – отсутствующий путешествует в Италии, Michel Sabanski et moi, permettez-moi donc de vous offrir une place.

– J'accepte avec reconnaissance, mais à condition que je payerai ma place.

---

137 Мехового носа <...>
– Все это мило и весьма забавно. <...> моим единственным истинным развлечением были интимные обеды в узком кругу у графа Нессельроде.
– Как случилось, что я вас никогда там не встречала; правда, я там бывала только вечером, но почти ежедневно.
– Но я избегал того, что зовется светом. Я видел вас однажды во Французском театре, вы были в зеленом платье с красным шитьем и, казалось, глубоко скучали.

– Mais elle est payée par le voyageur, il y a un inconvénient: on est à l'étroit et les banquettes sont très dures.

– Je ne suis pas prude et mon athedron ne craint pas les banquettes dures.

– Rentrons pour bavarder à la maison; savez-vous que Муханов m'a dit que la comtesse Nesselrode vient ici faire un cours d'herbes chez Gougart[138].

– Quelle agréable nouvelle vous me donnez!

Là-dessus Сашка m'a annoncé: «Княгиня Ливен».

– Ma chère mme Smirnoff, j'ai eu le plaisir de faire votre connaissance avant mes malheurs. Vous savez comme j'aime les enfants, j'ai rencontré à la terrasse vos deux jolies petites et en apprenant qu'elles étaient à vous, je me promenais des manières très agréables avec elles, il y en a qui balbutie à une manière charmante.

– Vous êtes bien aimable, chère princesse, et vous trouvez chez moi quelqu'un qui s'amuse aussi avec mes petites.

Elle salue assez froidement Kisseleff et l'on annonça Mr de Bacourt qu'elle m'a présenté comme une ancienne connaissance à elle a Londres: «C'est un Français qui n'a rien de français, très calme et très aimable en même temps».

Restés seuls, Kisseleff me dit[139]: «Так как вы хотели диктовать с порядком, то и должны мне продиктовать, как вы оставили свою бабушку».

---

[138] Я думаю! Никто не входил в нашу ложу во избежание споров, а кроме того, в театре у меня всегда болит голова. <...> Мишель Сабанский и я, позвольте же мне предложить вам место.
– Принимаю с благодарностью, но при условии, что я за него заплачу.
– Но оно оплачено путешествующим. Есть одно неудобство: там тесно, а банкетки очень жесткие.
– Я не стыдлива, а мой афедрон не боится жестких банкеток.
– Вернемся домой поболтать. Знаете, Муханов сказал мне, что сюда приезжает графиня Нессельроде, чтобы пройти у Гугорта курс лечения травами?

[139] – Какую прекрасную новость вы мне сообщаете!
Затем Сашка доложил мне: <...>
– Моя милая г-жа Смирнова, я имела удовольствие познакомиться с вами еще до моих несчастий. Вы знаете, как я люблю детей, я встретила на террасе ваших хорошеньких малюток и, узнав, что они ваши, с удовольствием погуляла с ними; одна из них прелестно лепечет.

– Мы все плакали, конечно; Карлиньку у нее оставили, ему было только 7 лет. Меня и в институте три месяца мучила лихорадка; я совсем о ней забыла, наелась клубники, вечером сделался такой озноб и жар, меня свезли в лазарет, на другой день д<окто>р из предосторожности оставил меня, а на другой день лихорадка воротилась; наконец императрица велела написать о моей болезни маменьке, она написала, что после рвотного мне нужно дать хины, и после трех приемов я была здорова и отправилась в классы. Государыня приезжала всякую неделю, и первым делом было посещение госпиталя. У нас были нанковые капоты и зеленые драдедамовые платки. Какой-то эрцгерцог австрийский желал видеть заведения государыни и был в мое время у нас. С ним была большая свита в очень красивых мундирах, как я позже узнала – в венгерских. Я сидела на первой лавочке, сидела по росту, возле меня Сашенька Балугьянская, которую звали Галочкой, а меня Черникой; по той же линии сидела княжна Stéphanie Radziwill, у которой было громадное состояние чуть ли не 150 000 душ и везде замки. Ее мать, Théophilie Моравская, была очень мила, ее отец отдал за какого-то Стефаньского; она очень понравилась Доминику Радзивилл, и он ее купил за 20 000 злотых у Стефаньского. Радзивилл во время войны формировал конный полк, что положило начало разорению этого огромного состояния. Когда он умер, император Александр очень любил, чтобы его сослуживцы женились на знатных и богатых, и предложил княгине Радзивилл выйти замуж за генерала-адъютанта Александра Ив<ановича> Чернышева. Selon moi, il était affreux, il y avait quelque chose de si apprêté en lui. Il l'a ennuiée et fatiguée de nuits de ses hauts faits militaires, ils approchaient de Vilna, il lui dit: «Quand j'ai pris Cassel», elle lui dit: «Ah, Mr, prenons Vilna

---

– Вы очень любезны, милая княгиня. Вы найдете у меня кое-кого, кто тоже забавляется с моими малютками.
Она довольно холодно поздоровалась с Киселевым. Доложили о г. Бакуре, которого она представила мне как своего старого знакомого по Лондону: «Это француз, в котором нет ничего французского, спокойный и вместе очень любезный».
Когда мы остались одни, Киселев мне сказал.

et n’en parlons plus»[140]. Arrivée à P<eters>bourg elle dit à l’Empereur: «Sire, est-ce-qu’une femme a le droit se divorcer de son mari, s’il la tient à petit feu?» – «Certainement». – «Et bien, Tchernicheff me tient à force de m’ennuyer». Là-dessus, elle l’a planté là et elle est partie pour Varsovie.

– Mais le divorce, est-il si facile en Russie?

– Pas du tout, mais ils étaient de religions différentes et je crois qu’ils ne se sont mariés que dans une Eglise, laquelle je n’en sais rien. A Varsovie elle a eu une liaison avec un cousin de mon mari, Сергей Дмитриевич Безобразов, et on a eu un fils, je ne sais pas de qui elle avait une fille qui s’appelait Félicie Аустинович. À cause de l’inconduite de la mère et le peu d’affection qu’elle avait pour Stéphanie, l’Impératrice l’a pris à 6 ans à l’Institut. Les tuteurs ont fixé 14 000 roubles pour sa dépense à l’Institut parce qu’elle portait un linge moins grossier que les autres, des tabliers, des gants et des pèlerines en percale[141]. C’était la plus aimable enfant du monde, bonne et généreuse, toujours gaie et insouciante. Elle apprenait seulement ce qui ne l’ennuyait pas. Elle avait des petites manies, par exemple elle prétendait que Pletneff lui attachait ses manches mieux que qui que ce soit. Je couchais à côté d’elle au petit dortoir, et quand l’Inspectrice dormait, nous faisions toujours un petit bout de conversation avec elle; on faisait des plans pour le lendemain, nous dînions toujours chez la supérieure, après ma fièvre les médecins avaient exigé que je sois mieux nourrie et que je dorme jusqu’à 7 ½. Quand nous avions la leçon du Prêtre, les catholiques

---

140 По-моему, он был ужасен, в нем было что-то очень неестественное. Он утомлял ее и докучал ей по ночам рассказами о своих воинских подвигах. Они подъезжали к Вильне и он сказал ей: «Когда я взял Кассель...», она сказала: «Ах, мсье, возьмем Вильну и не будем более об этом говорить».

141 Приехав в Петербург, она сказала императору: «Государь, имеет ли женщина право развестись с мужем, если он ее мучает?» – «Конечно», – «Ну так Чернышев меня замучил скукой». Потом она его бросила там и уехала в Варшаву.

– Но разве в России так легок развод?

– Совсем нет, но они исповедывали разные религии и, думаю, венчались только в одной церкви, не знаю, какой. В Варшаве у нее была связь с кузеном моего мужа <...> и у них был сын. Я не знаю, от кого у нее дочь по имени Фелиция Аустинович. Из-за недостойного поведения матери и ее равнодушия к Стефани императрица взяла ее в 6 лет в институт. Опекуны назначили на ее содержание в институте 14 000 р. Поэтому она носила не такое грубое белье, как все прочие, фартуки, перчатки и пелерины из перкаля.

avaient un Dominicain et la leçon se donnait chez Maman Breitkopf et la chapelle était derrière la salle à manger. La fille aînée de Mme Breitkopf avait été mariée à Василий Николаевич Зиновьев, un homme très pieux et de grand mérite. Il venait tous les Dimanches dans notre Eglise et plaçait sa nombreuse famille devant lui[142]. Trois filles et un fils de son premier mariage avec Mlle Дубенски, fille du Prêtre de l'Impératrice Catherine, avaient entre eux une très belle fortune, ceux-là ne venaient pas, mais le fils aîné Степан Васильевич avait 18 ans, il s'est mis en tête de me faire des compliments quand il me rencontrait chez Mlle Wallace. Maman s'était beaucoup liée avec elle et lui disait toujours: «Le sort de Sachinka me préoccupe tant, je voudrais qu'elle se marie d'une manière brillante». Mlle Wallace recevait Etienne Zinovieff croyant que ce serait un parti pour moi. Pauvre Maman n'avait que 34 ans, touts ces bons diamants, ses chawls, tout avait disparu, elle n'avait plus qu'un chawl vert de fabrication Anglaise et une robe de soie, et chaque fois qu'elle venait me voir, c'était le même costume. Elle demeurait quelque part près de la Tauride; un jour elle a donné à blasphémer le seul souvenir de Pape, une très belle montre en or, mais il l'a enlevé à mon frère.

– Как ужасно было ваше сиротство, у меня сердце сжимается.

– Figurez-vous qu'à l'Institut un jour on est venu à me dire[143]: «В прихожей начальницы спрашивает вас женщина Татьяна».

---

[142] Это было дитя самое прелестное на свете, доброе и великодушное, всегда веселое и беззаботное. Она учила только то, что не было ей скучно. У нее были некоторые причуды, например, она утверждала, что Плетнев привязан к ней больше, чем кто-либо другой. Я спала рядом с ней в малом дортуаре, и когда инспектриса спала, нам всегда удавалось поболтать; строили планы на завтра. Мы всегда обедали у начальницы, после моей лихорадки врачи требовали, чтобы я лучше питалась и спала до половины восьмого. Когда у нас бывал урок священника, у католиков был доминиканец, а урок происходил у мамà Брейткопф, часовня была позади столовой. Старшая дочь г-жи Брейткопф была замужем за человеком очень благочестивым и больших достоинств. Он каждое воскресенье приходил в нашу церковь и помещал впереди себя свое многочисленное семейство.

[143] Из них очень хорошее состояние было у трех дочерей и сына от его первого брака с Дубенской, дочерью священника императрицы Екатерины. Эти не приходили, но старший сын, Степан Васильевич, которому было 18 лет, забрал себе в голову делать мне комплименты, встречая меня у мадемуазель Уоллес. Маменька была с ней тесно связана и всегда ей говорила: «Меня так занимает судьба Сашеньки, я хотела бы чтобы она блестяще вышла замуж».

J'entre, et cette femme me baise la main en me disant[144]: «Голубушка барышня, я бы вас не узнала, как вы выросли и похорошели, как я рада вас видеть!» – «Ах, Танька, и я бы вас не узнала, и я очень рада видеть». «Отчего же вы мне говорите вы?» – «Нам запрещено говорить ты казенным воспитанницам, которые нам служат; только солдатам можно говорить ты». – «А где же братцы?» – «Трое в Пажеском корпусе, а Карлинька еще у бабушки» – «Бог с ней, с Надеждой Ив<ановной>, зачем это она вышла за этого безногого; ведь я всегда была вольная одесская мещанка и нанималась у вашего папеньки. Вот истинно был как отец для людей! В Усмани я отошла, полковник меня не отпускал, потому што в пашпорте он записал как крепостную. Я пошла к Гаккебушу – он просил исправника дать мне другой пачпорт и поручился за меня. Иван Кар<лович> разругал исправника как собаку. Амалья Ив<ановна> и Гаккебуш мне дали деньги, чтоб доехать до Одессы, а там Фома Александрович Кобле мне выдал пачпорт и выдал деньги на дорогу до Петербурга и письмо к генеральше Мордвиновой; я вышла замуж за хорошего человека, он служит дворецким в знатном доме на хорошем жалованье, а я делаю шляпки и наколки, как я всегда делала для вашей маменьки. Какая была красавица, бывало в улицах на нее заглядывались. Вот я вам принесла гостинцу, фунт кофию и звездочки – c'est une espèce de gâteau de Savoie. N'est-ce pas que c'est touchant, elle est allée voir mes frères. Ma Tante Lohrer voyageait, et ce n'est que ma Tante Tsitsianoff et les Demoiselles Циргольц qui venaient me voir de temps en temps. Le Dimanche[145] за решеткой.

Мадемуазель Уоллес принимала Этьена Зиновьева, думая, что это будет партия для меня. Бедной маменьке было всего 34 года, все эти прекрасные бриллианты, ее шали, все исчезло, у нее осталась только зеленая шаль английского производства и шелковое платье, и всякий раз, навещая меня, она была в одном и том же. Она жила где-то возле Крыма, однажды она отдала на поругание единственную память о папе, очень красивые золотые часы, но он их отнял у моего брата <...>
– Представьте себе, один раз в институте приходят мне сказать.

[144] Я вхожу, эта женщина целует мне руку, говоря.

[145] Это вроде савойских пирожков. Неправда ли это трогательно? Она пошла повидать моих братьев. Моя тетка Лорер путешествовала, и лишь тетка Цицианова и барышни Циргольц время от времени меня навещали. Воскресенье.

– За какой решеткой?

– В воскресенье после обедни те, которые ожидали родных, ходили по зале, а родные сидели за решеткой и девицы подходили к ним. Ко мне приезжал Илья Ив<анович> Чепелевский, такой противный, в зеленом мундире с желтыми лампасами, и бренчал саблей. Я никогда не ходила в залу, за мной приходили с известием, что приехал мой дядя Чепелевский, но я отвечала: «Скажите, что я в лазарете».

– Отчего же он был противный?

– Уж право не знаю, у него нос был a la Bourbon, и он смотрел каким-то победителем сердито, и притом я помнила, что бабушка говорила, что он бранчлив.

– А Зиновьев вам нравился, и вы его любили?

– Любила? Да это слово у нас не употреблялось, а говорили «обожать». Например, маленькие обожали девиц большого класса.

– Да ведь, кажется, обожать – гораздо более. Вот я, например, не только люблю, но обожаю свои парижские глаза. Ну, а вы обожали Зиновьева?

– И никогда не думала об нем, кроме в воскресенье у Mlle Wallace. У него было приятное лицо, он был высокого роста, белокурый, его серые глаза улыбались. Вяземский написал стихи какой-то саратовской красавице Клушиной:

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурных глаз
И своенравная уловка etc, etc.

Но вся история с Степаном Васильевичем недолго продолжалась: его гувернер Mr Marconet заметил, что его ученик начал лениться, задумывался, и решили, что его благородие будет у своей бабушки в те часы, в которые нет девиц.

Однако зимой, когда не очень было холодно, мы катались с снежной горки на салазках, и он нас спускал, потому что был сильнее братьев. У них под Петерб<ургом> именье Копорье, и их звали «копорские мужики», когда сердились.

– И с тех пор вы не видели копорского мужика?

– Раз или два вскользь, потому что после выпуска была с визитом у его отца, который вовсе не желал, чтобы его сын женился на бедной девушке, а сыновьям он из своих экономий

каждому оставил 25 000 р. ассигнациями. Зиновьев вовсе не жил как русские господа, спустя рукава, он жил очень скромно, всегда откладывал часть детям и держал их строго, кутежа и карт они не знали. Степан Вас<ильевич> женился очень рано на девице Жомини, дочери вероломного старика. S’il nous a rendu des services comme Moreau, il n’en était pas moins traître. Je connais Mme de Courval qui réjoit une pension de 25 000 р., c’est une femme impossible, je l’ai retrouvée à Berlin, nous étions invitées à une grande soirée, et je lui faisais la remarque que ma robe était chiffonnée. Savez-vous ce que cette odieuse femme m’a répondu? «Je vous la donne en quatre, jetez-vous votre langue aux chiens, comme le dit Mme de Sévigné»[146].

– Какая память! Знаете ли, что Наполеон говорил о ее письмах: «C’est comme de la neige, cela fond et il n’en reste rien».

– Savez-vous ce qu’elle m’a dit: «Ma chère, c’est la mode d’avoir l’air ventru». Какая свинья! Napoléon est tort, Mme de Sévigné était une femme de grand mérite, elle lisait Descartes avec ses tourbillons, il y a un peu d’exagération dans son amour maternel pour Mr de Guignon, elle savait vivre à la campagne, elle aimait la nature, s’occupait de ses maisons et s’étonnait que son domestique Joseph n’aimait pas à faner, т. е. ворочать сено, а это нелегко.

Savez-vous que le pauvre Duc de Richelieu devait épouser une charmante personne Mlle de Simiano qui était la fille de Mr de Guignon, cela remontait à la mère de Chantal, amie de St. François de Sales. La révolution les a séparés, Mlle de Simiano s’est sauvée en Suisse, belle, jeune, sans le soin, elle était environnée de dangers. Un honnête homme, Mr de Vance, lui a offert une protection, il l’a épousée, elle en a eu deux enfants et elle est morte et le pauvre Richelieu ne s’est jamais marié; il est plus que probable qu’il n’a jamais su où elle à été enterrée et ici je vous dirai une chose qu’on connaissait dans notre famille[147].

[146] Если он оказал нам услуги, как Моро, он от этого не перестает быть изменником. Я знала мадам де Курваль, которая получала пенсию в 25 000 р. Это невозможная женщина. Я снова встретила ее в Берлине, мы были приглашены на большой вечер, и я заметила ей, что мое платье измялось. Знаете, что эта гнусная женщина ответила? «Напрасно вы из кожи лезете, чтобы понравиться, как говорит мадам де Севинье».

[147] «Это как снег, тает и ничего не остается».

Kantemir étant ambassadeur de Russie en Angleterre est venu en France, il s'est pris d'une affection pleine de respect pour Marie Antoinette. Sa jeunesse, sa beauté, les habitudès frivoles et famillières de la cour de Vienne ont fait son malheur et surtout son amitié pour Polignac.

– Les Polignac ont porté malheur aussi au pauvre Charles X. On a accusé Pozzo et jusqu'à mon ami Paul Medem d'avoir spéculé à la bourse lors de cette terrible catastrophe – mais c'est complètement faux. Je puis vous l'assurer, je connais les détails, neanmoins tous les légitimistes le répandent.

– Michel Wielhorsky m'a raconté une très jolie chose. Marie Antoinnette aimait passionément la danse, elle dansait soit avec le beau Dilton les quadrilles et autres danses à la mode, le Père Jourdain etc, mais elle ne valsait qu'avec un Suédois, le beau Fersen. Un jour après avoir fait un tour de plus, elle s'arrête étouffée, prend la main de Fersen et lui dit: «Voyez comme il bat»[148].

– Знаете, что она мне сказала: «Моя милая, модно выглядеть пузатой <...> Наполеон неправ, мадам де Севинье – очень достойная женщина, она читала Декарта с его вихрями, ее материнская любовь к г. Гиньону была несколько преувеличенной, она умела жить в деревне, любила природу, занималась своими домами и удивлялась, что ее слуга Жозеф не любил ворочать сено <...>.

Знаете ли, что бедный герцог Ришелье должен был жениться на прелестной мадемуазель Симиано, дочери г. Гиньона, они происходили от матушки Шанталь, друга св. Франциска Сальского. Революция их разлучила, мадемуазель де Симиано спаслась в Швейцарию. Красивая, юная, оставшаяся без попечения, она была окружена опасностями. Один честный человек, г. де Ванс, предложил ей свое покровительство, женился на ней, у нее было от него двое детей, и она скончалась – а бедный Ришелье никогда не женился; скорее всего он так и не узнал, где ее похоронили. А теперь я вам расскажу об одном факте, который был известен в нашей семье.

[148] Кантемир, будучи русским посланником в Англии, приехал во Францию и проникся полной уважения привязанностью к Марии Антуанетте. Ее молодость, красота, легкое и свободное обращение, принятое при Венском дворе, и особенно ее дружба с Полиньяком были причиной ее несчастья.

– Полиньяки принесли несчастье и бедному Карлу X. Обвиняли Поццо и даже моего друга Поля Медема в том, что они спекулировали на бирже во время этой ужасной катастрофы – но это совершенная ложь, могу вас в этом уверить, я знаю подробности, однако все легитимисты это распространяют.

– Мишель Вьельгорский рассказал мне хорошенькую историю. Мария Антуанетта страстно любила танцы, она танцевала кадриль и другие модные танцы, Пер Журден и т. п., с красавцем Дилтоном, но вальс только со шведом,

Le Roi, qui était à côté, lui dit d'un air fin et très calme: «Madame, on vous aurait cru sur parole».

– C'est charmant, comme c'est le mot d'un vrai gentilhomme de l'époque et se dire que c'est un cordonnier comme Philippe que le remplace. Et quels ministres – des Thiers, des Guizots...

– L'Empereur ne peut pas souffrir Guizot, il l'appelle «ce pédant maître d'école» et Thiers – «un fanfaron». Il lit «Le Journal des Débats», ce qu'on lui marque en crayon rouge et dit: «Le Journal des Débats dit beaucoup de mal de moi, c'est une preuve que j'ai bien fait».

– Je ne sais pas si vous connaissez un mot bien mordant de Royer Collard sur Guizot?

– Non.

– Quelqu'un disait devant lui – on dit que vous avez dit que Guizot n'était qu'un austère intriguant. Ai-je dit austère?

– Mais je croyais que cet huguenot était très austère.

– Détrompez-vous donc, on dit qu'il ne peut pas se passer de femmes[149].

– Ах, какой гадкий, старый; au reste l'Impératrice m'a dit que les vieux sont en général plus vilains que les jeunes. Quand Lieven a momentanément remplacé le Comte Nesselrode, après la soirée je me trouvais dans l'antichambre; il pleuvait à verse et la voiture de Lieven n'était pas avancée; il s'impatientait. Je lui dis: «Venez avec

---

красавцем Ферзеном. Однажды, после лишнего тура, она останавливается, задыхаясь, берет руку Ферзена и говорит ему: «Посмотрите, как оно бьется».

[149] Король, находившийся рядом, говорит ей лукаво и весьма спокойно: «Мадам, вам поверили бы на слово».

– Это мило, это слова истинного джентльмена того времени. И подумать только, что на его месте этот сапожник Филипп. А каковы министры – все эти Тьеры, Гизо...

– Император терпеть не может Гизо, он называет его «этот школьный учитель-педант», а Тьера – «фанфарон». Он читает «Журналь де Деба», то, что ему отмечают красным карандашом, и говорит «Журналь де Деба говорит обо мне много дурного – это доказывает, что я хорошо поступил».

– Не знаю, известны ли вам очень едкие слова Руайе Коллара о Гизо?

– Нет.

– Кто-то при нем говорил: «Говорят, будто вы сказали, что Гизо – всего лишь строгий интриган». – «Разве я сказал строгий?»

– Но я полагаю, что этот гугенот очень строг.

– Не обманывайтесь на его счет, говорят, что он не может обойтись без женщин.

moi», vu que tous deux nous logions en Grand palais sous la colonnade. Nous n'étions pas à mi-route qu'il passe son bras autour de ma taille – je me remue, un instant après il veut m'embrasser, гадкий, куровый старик! Je baisse la glace et lui dis: «Descendez, Mr, et en tout cas demain l'Impératrice saura votre conduite». Il cessa, mais arrivés dans le corridor, il me poursuivit jusqu'à ma chambre. J'étais tremblante, je lui fermais la porte au nez en lui criant: «Vieille bête, vieux cochon!» Le lendemain je suis allée de bonne heure le dire à l'Impératrice qui m'a dit: «Une fois pour toutes et même quand vous serez mariée, ne prenez jamais personne dans votre voiture» et je ne l'ai jamais fait[150].

Le soir elle a dit a Lieven: «J'ai appris que votre voiture a tardé et Mlle vous a ramené; elle a gagné à notre petite loterie un grand portefeuille de Ministre et vous – des boucles d'oreilles en diamants, vous devez troquer par reconnaissance. Какой скот, ведь не дал серег, старый скряга. Je crois qu'il n'est pas austère»[151].

– А про Ришелье вы хотели сказать.

– Кантемир и Ришелье после трагической смерти короля и королевы хотели спасти несчастного ребенка, который был поручен Самсону, менее ужасному из его сторожей. Кантемир выкупил его за большую сумму у Самсона. У него был ребенок больной, белокурый и весь покрытый вшами; ночью тайком они его вывезли, скакали верхом проселками; его держал на руках то Ришелье, то его верный Батист, и довезли в Голландию

[150] Впрочем императрица сказала мне, что старики вообще более гадки, чем молодые. Когда Ливен на короткое время заменил графа Нессельроде, я после вечера находилась в прихожей, шел проливной дождь, а карета Ливена не подъезжала. Он терял терпение. Я ему сказала: «Поедемте со мной», так как мы оба жили в Большом дворце под колоннадой. Мы не проехали и половины пути, как он обвивает рукой мою талию, я отодвигаюсь; через минуту он хочет меня обнять и поцеловать <...> Я опускаю стекло и говорю ему: «Выходите, мсье, а завтра императрица непременно узнает о вашем поведении». Он прекратил, но когда мы оказались в коридоре, он следовал за мной до моей комнаты. Я вся дрожала, захлопнула дверь перед его носом, крича ему: «Старая скотина, старая свинья!» На следующий день я с утра пошла сказать о нем императрице, которая мне сказала: «Раз навсегда, и даже когда вы будете замужем, не берите никого в свой экипаж» – и я этого никогда не делала.

[151] Вечером она сказала Ливену: «Я узнала, что ваша карета опоздала и мадемуазель вас привезла; она выиграла в нашей лотерее большой министерский портфель, а вы – бриллиантовые серьги, вы должны в знак благодарности обменяться с ней» <...> Он, я думаю, не строг.

и поручили его жене нашего посланника, князя Голицына, женатого на известной своим умом и знаниями графине Шметтау. У нее были сын и дочь, она воспитала le grand Dauphin[152], и на ком он женился, неизвестно. Дело в том, что les Comtes de Normandie[153] не сказка. Кантемир купил все Петито за 10 000 фр. потому что знал, что в числе их портрет Marie Antoinette, и глаз ребенка. Он вручил их княгине Голицыной, а в Эрмитаже находятся прочие Петито.

Вот вам, Кисенька, un sens d'état[154], теперь пойдем походим по террасе, а вечером прочтем «Ревизора».

– Ja, gnädigste Frau, mit blaisir[155].

– Киса, vous savez que les петербургские немцы ont créé un langage russe à eux, т. е. пожалуешь das kommen ausmachen, et puis, мы выпил чай mit Bulcken und сухарик, а потом es sehst sehr schon aus, очень хорошо выглядит.

На террасе мы встретили опять Долгорукую с фордыбаком. Клеопатра шла перед нами с Беарном, мы на нее указали Бакуру. Пошли к «très jolie chapeau», где Оля царапнула Адину и Eilandt дала знать ее маленькой попо, решено было ее наказать. Вдруг я слышу, что девица Бетюн говорит: «Los Rios, qui est cette Dame?» – «C'est Mme Semiantkovska avec son cousin Mr Kisseleff, premier secrétaire de l'ambassade de Russie à Paris».

– J'ai vu leur nom dans le «Bade-Blatt», ils n'ont pas le de, gens de peu, je suppose?

– Les Russes des meilleures familles n'ont pas le de, elle a été Dame d'honneur de l'Impératrice, et son mari est fort riche, ils ont le meilleur logement de Bade.

– Ma mère, on peut laisser une carte, elle n'engage à rien les connaissances des eaux[156].

---

[152] Великого дофина.

[153] Графы Нормандские.

[154] Государственный ум.

[155] Да, уважаемая госпожа, с удовольствием *(нем.)*. (Имитируется немецкое произношение французских слов.).

[156] Вы знаете, что петербургские немцы создали свой русский язык <…> «Лос Риос, кто эта дама?» – «Это мадам Семянтковская со своим кузеном Киселевым, первым секретарем русского посольства в Париже».
– Я видела их имена в «Баде-Блатт», – у них нет частицы «де», малозначительные люди, я полагаю?

– Ах, Киса, как я рада, от убытка бог избавил, надеюсь. Пойдем домой.

Дома я услыхала плач в детской: Эйландт оставила на полу утюг, не слишком горячий, слава богу. Оля обожглась, Кисс прибежал на крик, мы приложили прованского масла и ваты, ее простили, и она успокоилась, а он пошел обедать к Долгоруким и Н<иколай> М<ихайлович> тоже. Я звала Клеопатру, но она предпочла обедать с Бакуром. В 6-ть часов, запыхавшись, прибежал мой собеседник, и тотчас в детскую, еще перевязал Олю, и их уложили спать. А мы сели рядом читать «Ревизора». Вдруг я чувствую его руку за спиной.

– Киса, parce que nous lisons et que vous devez aussi jouer, pourquoi vous passiez votre bras derrière mon dos?

– C’est qu’à Dorpat Moyer lisait les tragédies de Schiller et Goethe avec sa femme et passait son bras autour de sa taille.

– Belle raison, je ne suis pas Catinka Moyer et vous n’êtes pas der alte Professor Moyer.

– Alors dites-moi où je dois le mettre, ce n’est pas sur votre Samovar, comme vous appelez votre ventre?

– И то правда. – Nous avons ris comme des foux. – Prenez garde, ne faites pas comme les petits enfants[157].

– Ma parole d’honneur, c’est à mourir de rire, et je croyais que le public ne se fatigue jamais. Какая пошлость все французские комедии и водевили, в сравнении с этим.

– Savez-vous que vous avez très bien lu le rôle de Хлестаков, surtout quand il dit: «Сударыня, как бы я желал быть этот платочек».

– У русских из лучших семей нет частицы «де», она была фрейлиной императрицы, а ее муж очень богат, у них лучшая квартира в Бадене.

– Матушка, можно оставить карточку, эти знакомства на водах ни к чему не обязывают.

[157] – Киса, ведь мы читаем, а вы должны еще играть – почему же вы заложили руку мне за спину?

– А потому, что в Дерпте Мойер читал трагедии Шиллера и Гете со своей женой и обнимал ее рукой за талию.

– Прекрасная причина! Я не Катенька Мойер, а вы не старый профессор Мойер.

– Тогда скажите мне, куда мне ее девать, – не на ваш же самовар, как вы называете ваш живот.

<...> Мы смеялись как сумасшедшие. – Берегитесь, чтобы с вами не случилось то, что бывает с маленькими детьми.

– Permettez-moi de donner le Ревизор à Михайла, il faut associer ce bon. serviteur à notre existence. Он читает по складам.

– Киса, comme vous voulez connaître tous les détails de ma vie, il faudra qu'un jour vous me racontiez aussi votre vie[158] с начала и до нашей первой: встречи.

– Хорошо, а теперь диктуйте.

– В Усмани однажды вечером снег падал хлопьями, вдруг внизу послышался шум и в комнату вошел в шубе господин среднего роста. Иван Кар<лович> бросился к нему на шею и вскрикнул: «Брат Александр, как я рад тебя видеть, вот моя жена и ее дети, а вот и наши Саша, а Катя спит». Александр Кар<лович> нас обласкал. В течение недели он заметил наше жалкое положение. Он был в Тамбове председателем Уголовной палаты, был женат на Молчановой, у которой было хорошее состояние. В течение месяца он лишился осьми человек детей, которые умерли скарлатиной, и горе свело его жену в гроб.

– Боже, что за ужас!

– Неправда ли? Он был несколько лет вдов. У него были необыкновенно густые черные брови, из-под которых выглядывали добрые серые глаза, он был свеж и бодр. Он сказал маменьке, что нам нужно посерьезнее учиться и предложил погостить у него в Тамбове. Мы туда поехали, он нас познакомил с генералом Недоброво. Это был один из гатчинских фаворитов императора Павла, который ему дал 2000 душ, частью в Моршанском, а частью в Кирсановском уезде. У Недоброва было три дочери – Екатерина, Надежда и Варвара Васильевна. Последнюю он обожал, она была похожа на его жену, которая скончалась скоро после родов и оставила неутешного мужа. Он сидел по целым часам на балконе и Варя возле него. Сыновей у него не было, и он хотел делать добро своим соседям.

---

[158] Честное слово, можно помереть со смеху, и я полагал, что публике никогда не наскучит <...>
– Знаете ли, что вы очень хорошо прочли роль Хлестакова, особенно когда он говорит <...>
– Позвольте мне дать «Ревизора» Михайле, нужно приобщить этого доброго слугу к нашему существованию <...>
– Киса, так как вы хотите знать все подробности моей жизни, нужно, чтобы когда-нибудь и вы мне рассказали свою жизнь <...>

Нанял ученого немца-гувернера, а его жена была гувернанткою его дочерей. У него воспитывался племянник и три Баратынских. Старший был Ираклий Абрамович, они были сироты или почти. Их мать, рожденная Черепанова, необыкновенно умная женщина, одна из лучших воспитанниц Смольного института, монастыря, была помешана. Старший сын Евгений был камерпажом и проводил воскресение у дяди сенатора Баратынского, попросил у него денег, тот отказал, и несчастный Евгений украл у него фамильную табакерку, украшенную бриллиантами. Дядя на него пожаловался, его разжаловали в солдаты и отослали в Гельсингфорс. Он встретил там графа Владимира Пушкина, тоже сосланного по 14-му числу. Тот его познакомил с семейством Шернваль, он влюбился в Аврору Карловну и написал ей стихи:

Выдь, дохни нам упоеньем.
Соименница зари,
Всех румяным появленьем
Оживи и озари.
Сердце юноши <ему было 18 лет>...

не помню, но конец прекрасный:

Для кого она выводит
Солнце счастья за собой.

– А я скажу, что вывели солнце счастья для бедного Кисы, который не верил счастью до вашего появления.

– Будь посему, да для обоюдного разочарования.

Оба мы немножко вздохнули.

– Вот нас отдали Недоброву. Я училась с Варей, у которой была комната, заваленная игрушками, куклами всех ростов, самовары, чайные и столовые сервизы. Нас учили танцевать. Мальчики жили с гувернером в другом доме. В восемь часов все собирались в большой зале, Василий Александрович читал вслух молитвы и потом садились пить чай. Стол был завален хлебом с маслом и разным печением, все поедалось молодежью. После экономии в Усмани мы наслаждались довольством. В час обедали, после бегали в прекрасном саду и в лесу. Это было в Васильевке Моршанского уезда, а в Вельможку, Кирсановское имение, ездили в крытых линейках раз

в месяц – там был пикник и всякое угощение. После двух часов опять учились до 7 часов, а в 7 часов танцевали. Александр Карлович прекрасно танцевал казачка, у Недоброва был маленький оркестр, они тоже пели на крылосе в великолепной Васильевской церкви. Все всенощные и обедни соблюдались. Александр Карлович танцевал всегда с Катериной Васильевной, она была красавица, была прекрасно воспитана, и он на ней женился. Старик любил смотреть на наши танцы, ему казалось, что никто лучше не плясал русскую, как его Варя; а я танцевала мателот с Левушкой Баратынским. Ему было 15 лет, а мне 10, и он мне раз сказал: «Mlle Sachinka promettez-moi que vous vous mariez avec moi». J'étais très flattée, figurez-vous[159]. Он женился где-то на юге России, и с тех пор я его не видела.

Я вам описываю наше счастливое пребывание у Недоброва в доказательство, что не все наши помещики ведут пошлую жизнь. Это воспоминание осталось как праздник в нашей грустной жизни, но через несколько месяцев мы опять очутились в грязном Усмане. Нам обрадовалась добрая: Амалья Ив<ановна>. У маменьки очень болела голова, она меня заставляла, шить по канве, что было очень скучно, и наказывала меня в угол за леность, бранила за то, что я говорю по-малороссийски, а сама делала те же ошибки. Тут воспоминания мои прерываются, и я не помню, как мы очутились в Грамаклее. Я подъехала в дормезе с маменькой, бабушка у ворот заслоняла рукой глаза.

– А зачем не зонтиком?

– А где было его взять? Это покупалось в Одессе, а туда было сто верст, и бабушка перестала туда ездить после смерти отца; я узнала от Татьяны, что полковницу и ее супруга никто не принял в Одессе, и они со срамом уехали.

На сегодня, кажется, довольно. Пойдем к детям, а потом я прочту некоторые молитвы.

Я села с книгой, а он стал на колени. Слезы лились градом, так что пол был ими залит. Его особенно поразила молитва Иоанна Златоуста.

---

[159] «Мадемуазель Сашенька, обещайте мне, что выйдете за меня замуж». Представьте, я была очень польщена.

После молитвы он обернулся ко мне, лицо его обливалось слезами, я обтерла эти благодетельные слезы своим платком и сказала ему: «Киса, comme vous êtes ému».

– Ah, cette prière me rappelle qu'à trois ans déjà je priais à genoux auprès de ma mère et je répétais chaque mot, mais le soir elle se bornait à me faire prier le Notre Père и Богородицу. Les prières que vous m'avez lu sont vraiment comme une soeur bienfaisante qui calmera les orages qui s'élevaient dans· mon âme[160].

– Eh bien, tous les soirs nous ferons notre prière ensemble. Quand mes·filles se marieront, je leur recommanderai de faire toujours les prières avec leurs, maris; je suis sûre que rien n'assure mieux le bonheur que cette prière en commun, et selon St. Jean Crysostome, si l'un a à confesser quelque chose, il se rappellera de ces mots: даждь ми исповедание грехов моих.

Nous nous sommes serrés la main, et très ému il est parti avec son livre·de prières.

Le lendemain vers midi il est entré en me disant que depuis qu'il était à Bade, il n'avait encore si bien dormi: six heures de suite. Михайла était dans le ravissement et lui a dit: «Теперь я вижу, что она барыня хорошая, коли с вами Богу молится, дай ей Бог за это здоровья и детушкам ее. Ведь и они, голубки, молятся, я видел, как агличанка их заставляет».

– Certainement qu'elles prient, Киса, tous les soirs et tous les matins[161].

---

[160] Как вы взволнованы.
– Ах, эта молитва напоминает мне, что трех лет я уже молился рядом с моей матушкой и повторял каждое слово, но вечером она заставляла меня читать только Отче наш и Богородицу. Молитвы, которые вы мне прочли, поистине как благодетельная монахиня, которая успокоит бури, поднимающиеся в моей душе.

[161] – Хорошо, мы каждый вечер будем молиться вместе. Когда мои дочери выйдут замуж, я им посоветую всегда молиться вместе с мужьями; я уверена, что ничто так не укрепляет счастье, как эта общая молитва, а по словам св. Иоанна Златоуста, если кто исповедуется в чем, он вспомнит эти слова: <...>.
Мы пожали друг другу руку, и он, очень взволнованный, ушел со своим молитвенником.
На другой день около полудня он вошел, говоря, что ни разу еще не спал так хорошо, с тех пор, как он в Бадене – шесть часов сряду. Михайло был в восторге и сказал ему: <...>
– Конечно, они молятся, Киса, каждый вечер и каждое утро.

– Je dirai ce soir de m'avertir, c'est si touchant.

Là-dessus Bacourt est entré en nous disant que la comtesse Nesselrode était arrivée et que nous dînions tous chez elle. Nous y sommes allés, elle logeait dans la maison Herz, sur la terrasse. Los Rios, cet implacable Los Rios nous a dit: «Où allez-vous?» – «Chez la comtesse Nesselrode». – «Prenez garde, n'allez pas y accoucher». Léonidas en robe rose lui dit: «La comtesse Nesselrode c'est la femme de Ministre des affaires étrangères, n'est-ce pas?»

Aussitôt qu'elle m'a apperçue, elle dit: «Ah, voilà ma chère petite perruche et mon petit ami Kisseleff» – et nous tendit la main – «mais où est donc mon bon Smirnoff?»

– Il est à la roulette, chère comtesse, depuis midi jusqu'à 5 heures et depuis 7 heures jusqu'à près de minuit, et je suis confiée à son cousin que voilà.

– Ma chère, je vous connais assez pour ne rien craindre de ces tête-à-tête permanents, mais je crains pour mon petit ami Kisseleff[162].

– Il n'y a pas de danger pour lui, chère Comtesse, il a de beaux yeux noirs à Paris auxquels il pense et me le répète tous les jours.

– Ma chère, ces beaux yeux noirs, c'est vous.

Мы оба покраснели до ушей.

– Cléopâtra dit qu'il a une maîtresse à Paris et deux enfants. Voyez comme il a rougi.

– Tout ce conte a été inventé par l'imagination de Cléopâtra.

– Je ne savais pas que Cleopatra est ici, je l'aurai invitée à dîner.

– La Princesse Lieven est ici et Agrippine Mansouroff.

---

[162] – Я скажу, чтобы меня предупредили сегодня вечером, это так трогательно.
Затем вошел Бакур, говоря, что приехала графиня Нессельроде, и все мы у нее обедаем. Мы пошли туда, она жила в доме Герца на террасе. Лос Риос, этот непримиримый Лос Риос сказал нам: «Куда вы идете?» – «К графине Нессельроде». – «Берегитесь, не ходите туда рожать». Леонидас в розовом платье сказала ему: «Графиня Нессельроде, это жена министра иностранных дел, неправда ли?»
Едва увидев меня, она сказала: «А, вот и моя милая маленькая попугайка и мой дружок Киселев» – и пожала нам руку. – «Но где же мой добрый Смирнов?»
– Он на рулетке, дорогая графиня, с полудня до 5 часов и с 7 часов почти до полуночи, а я доверена его кузену, который перед вами.
– Моя милая, вас я довольно знаю, чтобы не опасаться этих постоянных тет-а-тетов, но я боюсь за моего маленького друга Киселева.

– J’en suis bien aise, je n’ai pas vu la pauvre Lieven depuis son départ précipité de P<eters>bourg. Figurez-vous, Kisseleff, qu’elle avait deux fils béaux comme le jour et très intelligents, ils ont eu la scarlatine et se remettaient déjà, le Dr avait prescrit un régime très sévère, rien que de bouillon avec une rôtie de pain, elle déjeunait auprès d’eux, ne les quittait pas d’un instant – ces pauvres enfants n’ont demandé qu’une bouche de poulet froid – c’est ce qui est très indigeste, dit-on – elle n’a pu résister, le soir une peine violente s’est délivrée et trois jours après, on enterrait ces beaux enfants, elle a fui de P<eters>bourg. Comment est-elle?

– Elle n’en parle pas et ne parle pas de P<eters>bourg. Elle vient le matin jouer avec mes petites et les comble de joujoux, elle s’ennuie et poursuit Bacourt pour lui tenir compagnie et rouler avec lui dans l’allée de Lichtenthal. Donneznous des nouvelles du Comte et de tous les vôtres, Où est Hélène? Où est Marie? Que fait Dmitri?

– Nesselrode est aux îles, il a un nouveau jardinier qui fait merveilles, les camélies sont plus beau que jamais; dans la saison des bals le jardinier les vend, la moitié du gain est Dour lui et l’autre pour l’entretien de la serre. Il a des plantes nouvelles, des orchidées, qui ont des formes bizarres et répandent une odeur délicieuse. Hélène est chez les vieux Хребтович à Бешенковичи, le ménage va très bien, Marie et son long Seebach s’adorent, ils sont en Saxe pour faire connaissance avec la famille de son mari[163]. Dmitri

[163] – Для него нет никакой опасности, милая графиня, у него в Париже есть черные глаза, о которых он думает и повторяет это мне каждый день.
– Моя милая, эти прекрасные черные глаза, ведь это вы. <...>
– Клеопатра говорит, что у него в Париже любовница и двое детей. Смотрите, как он покраснел.
– Вся эта сказка изобретена воображением Клеопатры.
– Я не знала, что Клеопатра здесь, я пригласила бы ее на обед.
– Здесь княгиня Ливен и Агриппина Мансурова.
– Это мне очень приятно. Я не видела бедную Ливен со времени ее поспешного отъезда из Петербурга. Представьте, Киселев, у нее было два сына, прекрасные как день и очень умные, у них была скарлатина, и они уже поправлялись. Доктор предписал очень строгий режим: только бульон с поджаренным хлебом. Она завтракала возле них, не покидала их ни на минуту, эти бедные дети просили только кусочек холодной курицы – а это, говорят, очень вредно для пищеварения – она не смогла устоять, вечером началась ужасная боль и спустя три дня этих прелестных детей хоронили. Как она?
– Она не говорит ни об этом, ни о Петербурге; она приходит по утрам играть с моими малютками и забрасывает их игрушками; она скучает и добивается

et Сверчков étudient très bien avec Badales. Ma soeur est à Царское avec mes deux jolies nièces – Pauline surtout est jolie et Marie est si spirituelle, elle avait toujours ésperé qu'une d'elles épouserait Smirnoff, à Florence il était comme l'enfant de la maison.

– Je crois qu'il aurait mieux fait de les épouser que moi, Mr Сверчков l'aurait empêché de jouer, l'aurait corrigé de ses travers d'esprit et de ses mauvaises façons, il mange d'une manière si sale, il a les mains toujours crasseuses et les ongles en deuil.

– J'ai aussi remarqué cela, Nesselrode ne l'aime pas à cause des querelles qu'il a à la chancellerie; Nesselrode est avant tout homme de paix, à ma prière il l'a invité à dîner et n'a plus voulu l'inviter à cause de sa manie pas appétissante de manger. Bien né et riche, je ne sais d'où il a pris ces façons[164].

– Malheureusement il a eu des gouverneurs qui le faisait apprendre, mais il n'a eu aucune éducation; sa mère était à en juger sur les cahiers qu'elle a laissé, les tableaux quelle a achetés en voyageant et beaucoup d'objets d'art, entre autres un service de vieille Venise qui est un vrai bijou et un objet d'art...

– Kisseleff, elle sait tout, elle lit tout, c'est elle qui m'indique des livres, des articles de la Revue des deux Mondes.

от Бакура, чтобы он составлял ей компанию и гулял с ней по Лихтентальской аллее. Расскажите мне, что нового у графа и всех ваших. Где Елена? Где Мари? Что делает Дмитрий?

– Нессельроде на островах, у него новый садовник, который творит чудеса, камелии прекрасны, как никогда; в сезон балов садовник их продает, половина выручки его, а другая на устройство оранжереи. Есть новые растения, орхидеи причудливых форм с восхитительным ароматом. Елена у стариков Хребтовичей в Бешенковичах, ее семейная жизнь идет очень хорошо, Мари и ее длинный Зеебах обожают друг друга, они поехали в Саксонию, чтобы познакомиться с семьей ее мужа.

[164] Дмитрий и Сверчков очень хорошо учатся с Бадалесом. Моя сестра и две мои хорошенькие племянницы в Царском – особенно хороша Полина, а Мари так остроумна. Она всегда надеялась, что одна из них выйдет замуж за Смирнова, во Флоренции он был у них как дома.

– Думаю, что ему лучше было бы жениться на них, чем на мне. Г. Сверчков помешал бы ему играть, исправил бы его странности и дурные манеры, он ест так неопрятно, руки у него всегда грязные и траур под ногтями.

– Я это тоже заметила. Нессельроде не любит его из-за его ссор в канцелярии; Нессельроде прежде всего – мирный человек; он пригласил его к обеду по моей просьбе и не хотел более этого делать из-за его неаппетитной манеры есть. Из хорошей семьи и богатый – не знаю, откуда у него такие манеры.

– Oui, mais Madame est mon maître de littérature Russe, un Docteur en ethnologie et en médecine, et souvent elle me donne des remèdes homéopathiques. Comme nous passons nos journées ensemble, elle me dicte ses mémoires et cela depuis l'âge de trois ans.

– Oui, chère Comtesse, c'est vrai, Kisseleff est un questionneur infatigable, mais je crois qu'il est temps de rentrer; il faut que je préviens mon mari qu'il faut se déranger et s'habiller pour dîner avec vous et commander un véhicule[165].

En sortant je dis à Киса: «J'ai vu deux jolis vases chez le brocanteur, je veux en acheter pour mettre des bouquets de ces roses de Bade, que vous m'apportez et qui sont dans des verres indignes de leur beauté».

Très embarassé. il me dit: «La Comtesse a deviné que mes beaux yeux de Paris c'était vous. C'est une manière détournée que j'ai pris pour vous déclarer mon amour».

– Киса, je vous ai déjà dit que ce nom ne devait pas se prononcer entre nous.

– Ну, так я буду обожать, как вас обожали в институте.

Пришли домой, я послала за коляской. – «Сашка, подай другой галстук и панталоны» – «Да у нас только одна пара из Берлина, я уж барину говорил, он говорит, что закажет все в Париже. И рубашки у нас все разорванные».

---

[165] К несчастью, у него были гувернеры, учившие его, но он не получил никакого воспитания, его мать, судя по оставленным ею тетрадям выписок, по картинам, которые она покупала во время путешествий, и многочисленным предметам искусства – среди них старый венецианский сервиз, истинная драгоценность и произведение искусства...
– Киселев, она знает все, она читает все, это она указывает мне книги и статьи в «Revue des deux Mondes».
– О, ведь мадам – мой учитель русской литературы, доктор этнографии и медицины, а часто она мне дает гомеопатические средства. Так как мы проводим вместе целые дни, она диктует мне свои мемуары, причем с трехлетнего возраста.
– Да, дорогая графиня, это правда. Киселев – неутомимый выспрашиватель. Однако по-моему пора возвращаться, мне нужно предупредить мужа, чтобы он привел себя в порядок и оделся к обеду у вас, а также заказать экипаж.

– Киса, que dites-vous de cette négligence! Allez-vous habiller. Je vais faire ma toilette aussi, et mon mari est rentré[166].

– Вымой руки, вычисти ногти, мы все обедаем у графини Нессельроде, и оденься, коляска сейчас будет.

Он напомадился так, что почти текло, вымыл руки и ключиком часов вычистил ногти. Киселев вошел: «Вот ты, братец, теперь похож на порядочного человека». – «Да отвяжись ты от меня со своими советами».

– Графиня Нессельроде тоже заметила, что ты ешь с ножа и часто неглижируешься, она удивляется, что ты, человек хорошей фамилии и богатый, с тех пор как женился, совсем переменился.

Поехали молча. Графиня тотчас ему сказала: «Mon cher Smirnoff, vous savez que j'ai beaucoup d'amitié pour vous, j'ai appris avec regret que vous passez vos journées à la roulette; vous êtes riche, mais le jeu est une passion fatale qui amène la ruine de la fortune et ce qui perd la santé du corps, cette exaltation est bien mauvaise».

– Mme la Comtesse, je joue très petit jeu, je mets 100 ou 200 fr. et souvent je mets cet enjeu avec Alexandre Dolgorouky marié à la Boulgakoff.

– Je n'ai pas d'idée de la roulette, mais j'irai exprès pour voir vôtre jeu.

– Chère Comtesse, je viens d'observer que vous n'avez pas de fauteuil, en rentrant je vous ferai part de mes richesses, j'en ai quatre remboursés, il est vrai, de noyaux de pêches, mais ils sont assez commodes et je n'ai vraiment pas besoin de plus de deux.

– Mais, ma chère, je vous assure que je puis m'en passer et tout d'abord je viendrai souvent chez vous. Nesselrode m'a cédé Тимофей et vous aurez un bon dîner[167].

---

[166] – Выходя, я сказала Кисе: «Я видела две хорошенькие вазы у старьевщика, я хочу их купить, чтобы ставить те букеты баденских роз, что вы мне приносите, а они стоят в стаканах, недостойных их красоты».
Очень взволнованный, он сказал мне: «Графиня догадалась, что мои прекрасные парижские глаза это вы. Я прибег к этому окольному пути, чтобы признаться вам в любви».
– Киса, я вам уже сказала, что между нами не должно произносить это слово. <...>
– Киса, что вы скажете об этой небрежности! Идите одеваться, я сейчас тоже оденусь, а вот вернулся мой муж.

– J'espère que vous viendrez dîner chez nous, Kisseleff peut vous confirmer que notre Lisette est un cordon bleu et avec l'aide d'une de mes bonnes, nous avons des plats Russes.

– Oui, Mme nous gâte, nous avons две перемены – суп, des битки avec des pommes de terre rôtis à l'oignon.

– C'est un de nos plats favoris avec Nesselrode.

Après un excellent dîner, la Comtesse se mit à fumer un papiros.

– Vous voyez, ma chère, que je suis à la mode, comme vous ne fumez que le pahitos, je vous ai apporté une jolie embouchure.

– C'est charmant et je la conserverai comme le précieux souvenir, mais je ne sais vraiment pas fumer autrement que je ne le fais. Le vertueux Kisseleff ne fume pas du tout et me fait des reproches sur cette habitude.

– Nesselrode ne fume pas non plus.

– Le Comte est un des hommes les plus heureux, c'est l'homme de la modération en toute chose, il aime les fleurs, la musique, il fait sa promenade à cheval, il aime un bon dîner avec des amis, il fait sa partie le soir et à 11 heures il gagne son lit après une journée passant comme celle d'un sage. Il n'est pas seulement un ministre des affaires étrangères, c'est un homme d'Etat que l'Empereur Alexandre a laissé à son frère bien-aimé, et en pensant à lui les vers d'Anacréon sur le grillon me reviennent.

– Ma chère, j'ignorait que vous aviez ce sentiment pour Nesselrode, il en sera très flatté. Malheureusement je parle très mal le Russe et ne comprendrai pas les vers dont vous me parlez.

---

[167] «Мой милый Смирнов, вы знаете, как дружески я к вам отношусь, я с огорчением узнала, что вы проводите дни на рулетке; вы богаты, но игра – это роковая страсть, приводящая к гибели состояний и тяжело отражающаяся на здоровье. Это возбуждение очень дурно.
– Г-жа графиня, я играю по маленькой, ставлю 100 или 200 франков, а часто делаю эту ставку вместе с Александром Долгоруким, что женат на Булгаковой.
– Я не представляю себе, что такое рулетка, но нарочно пойду посмотреть вашу игру.
– Дорогая графиня, я только что заметила, что у вас нет кресла; вернувшись, я доложу вам о своих богатствах; у меня есть четыре кресла, набитых, правда, персиковыми косточками, но достаточно удобные, а мне, право, не нужно более двух.
– Но, моя милая, уверяю вас, что могу без них обойтись, а затем я буду часто у вас бывать. Нессельроде уступил мне Тимофея, и у вас будет хороший обед.

– Kisseleff vous les traduira au fur et à mesure, et vos nièces les apprendront par coeur[168].

Кузнечик

О счастливец, о кузнечик,
На деревьях на высоких
Каплею росы напьешься,
И как царь ты распеваешь <...>
Музам чистым ты любезен,
Ты любезен Аполлону,
Дар его – твой звонкий голос.
Ты и старости не знаешь,
О мудрец, всегда поющий,
Сын, жилец земли невинный,
Безболезненный, бескровный,
Ты почти богам подобен.

Перевод *Гнедича*

– C'est charmant, et comme Kisseleff traduit vite.

– C'est qu'il sait très bien le Grec, ayant fait les études à l'université de Dorpat.

– Voyez quelle modestie, je ne savais pas cela.

---

168 – Я надеюсь, что вы придете к нам обедать. Киселев может подтвердить вам, что наша Лизетта – искусная кухарка, и с помощью одной из моих нянь мы имеем русские блюда.
Да, мадам нас балует, у нас бывает <...> битки с картофелем, зажаренным с луком.
– Это одно из любимых блюд у нас с Нессельроде.
После превосходного обеда графиня закурила папиросу.
– Вы видите, дорогая, что я следую моде; так как вы курите только папиросы, я вам принесла хорошенький мундштук.
– Как это мило, я сохраню его как драгоценный сувенир, но, по правде, я не умею курить иначе, чем обычно это делаю. Добродетельный Киселев вообще не курит и упрекает меня за эту привычку.
– Нессельроде тоже не курит.
– Граф – один из самых счастливых людей, он умерен во всем, он любит цветы, музыку, он совершает верховые прогулки, любит хорошо пообедать с друзьями, развлекается вечером, и в 11 часов ложится в постель после дня, который провел как мудрец. Он не только министр иностранных дел, это государственный деятель, которого император Александр оставил своему любимому брату. Когда я думаю о нем, мне вспоминаются стихи Анакреона о кузнечике.
– Моя милая, я не знала; что вы так относитесь к Нессельроде, он будет очень польщен. К несчастью, я очень плохо говорю по-русски и не пойму стихов, о которых вы мне говорите.
– Киселев будет их вам постепенно переводить, а ваши племянницы выучат их наизусть.

– Je dois cela à mon frère Paul, comme je n’avais aucune fortune, il m’a dit que je devais gagner mon pain. Les circonstances en ont fait un soldat; à 15 ans il était dans la milice de Borodino, vous connaissez sa valeur, et moi je suis devenu un diplomate.

– Mon cher, je puis vous assurer que Nesselrode a une très haute opinion de vous, et je vous prédis une belle carrière[169].

Là-dessus Bacourt s’est retiré.

– J’aime beaucoup Bacourt, mais j’aime à laver notre linge en famille.

– Chère Comtesse, et que fait l’aimable propriétaire du Palais Michel?

– Vous savez, que ni Nesselrode, ni moi, nous n’y mettons jamais les pieds. Le G<rand> Duc est toujours très aimable à lui, elle donne des petits dîners où elle voudrait bien l’inviter, mais après ce qui s’est passé entre nous, Nesselrode ne se laissera jamais prendre.

– Moi aussi j’ai rompu avec cette belle dame. Il s’est établi une guerre sourde entre nous depuis ma sortie de l’Institut. Comme c’est le Grand Duc qui a payé mon éducation, l’Impératrice-Mère a voulu me placer comme Demoiselle d’honneur auprès d’elle. Madame la Princesse en a dit que je n’étais pas d’assez bonne naissance et ma bonne étoile m’a placée auprès de ma bienfaitrice l’Impératrice. L’Empereur a cru que j’étais d’origine Valaque, où qu’il y a une masse de Rossett, Rosetti et Roset dans ce pays. Or mon Père était le chevalier de Rossett[170]. Quand Monsieur mon mari m’a fait

---

[169] – Это мило и как быстро Киселев переводит.
– Потому что он очень хорошо знает греческий, так как учился в Дерптском университете.
– Какая скромность, я не знала этого.
– Я обязан этим моему брату Павлу. Так как у меня не было состояния, он сказал мне, что я должен зарабатывать свой хлеб. Обстоятельства сделали из него солдата, в 15 лет он был в ополчении при Бородино, вы знаете его доблесть; а я – я стал дипломатом.
– Милый мой, могу вас заверить, что Нессельроде очень высокого мнения о вас, и я предсказываю вам прекрасную карьеру.

[170] Затем Бакур удалился.
– Я очень люблю Бакура, но предпочитаю не выносить сора из избы.
– Милая графиня, а что поделывает любезный владелец Михайловского дворца?
– Вы знаете, что ни Нессельроде, ни я никогда там не бываем. Великий князь всегда очень мил с ним, она дает маленькие обеды, куда очень хотела бы его

l'honneur de me demander en mariage, il a cru à sa famille, mon nom couvrira l'obscurité de sa naissance – je me préoccupais très peu de ma naissance, mais mon frère Clément et Joseph le lancier en font veiller; Clément lit tout au monde, et un jour il finit le volumineux ouvrage du Cardinal Fleury, où il trouva que la mère de Cardinal était Augustine Princesse de Rossett, que Auguste Comte de Rossett était Evêque de Grenoble et a été guillotiné pendant la révolution. Que ces Rossetts avaient leurs propriétés dans le Dauphiné où se trouvait le château domanial et qu'ils avaient des cousins germains, les chevaliers de Rossett, propriétaires dans le Roussillon, et la mère de mon Père était une Demoiselle La Harpe, soeur du précepteur de l'Empereur Alexandre. Ma Grand-mère maternelle était une Princesse Цицианова – elle demeurait dans une petite terre, où il y avait une station. Un jour l'Empereur Alexandre a dîné chez elle, a causé avec elle et quand elle le remerciait de l'honneur qu'il lui a fait, il lui a dit[171]: «Екатерина Евсеевна, не я вам сделал честь, а вы: в России еще были дикие кочующие народы, а род Цициановых уже царствовал». Ma Grand-mère appartenait aux six familles régnantes: les Orbeliane, les Bagratione, les Amirasoroff, les Davidoff, les Baratoff et les Eristoff.

приглашать, но после того, что между нами произошло, Нессельроде никогда не позволит себе принять приглашение.

– Я тоже порвала с этой прекрасной дамой с самого моего выпуска из Института. Поскольку за мое образование платил великий князь, императрица-мать хотела поместить меня к ней фрейлиной. Госпожа княгиня на это сказала, что я недостаточно хорошего рода, и моя счастливая звезда привела меня к моей благодетельнице императрице. Император думал, что я происхожу из Валахии, где много Россеттов, Россетти и Росетов.

[171] Но мой отец был шевалье де Россетт. Когда г. мой муж сделал мне честь своим предложением, он думал о своей семье – мое имя покроет его темное происхождение. Я мало занималась своей родословной, но мой брат Клементий и Иосиф, улан, заставляют этим дорожить. Клементий читает все на свете, и однажды он закончил обширный труд кардинала Флери, где нашел, что мать кардинала была Огюстина, принцесса де Россетт, что граф Огюст де Россет был епископом в Гренобле и во время революции гильотинирован. Что земли этих Россетов были в Дофинэ, где находился родовой замок, и что у них были двоюродные братья, шевалье де Россет, помещики в Руссильоне, а мать моего отца была девица Лагарп, сестра воспитателя императора Александра. Моя бабушка по матери была княгиня Цицианова – она жила в маленьком имении, где была станция. Однажды император Александр обедал у нее, беседовал с ней, и когда она благодарила его за оказанную честь, он ей сказал:

– Comme elle sait tout cela!

– Ma Grand-mère, chez laquelle j’ai souvent demeuré, racontait tout cela devant moi. Quant à Papa, le Duc de Richelieu, mon parrain, ne l’appelait jamais que mon cher chevalier. Mais j’ai encore une parente que je ne puis pas m’expliquer. L’année 37, je crois, le domestique m’a annoncé: «Королева Португальская». Je lui dis: «Проси», et chose étrange, je n’en fus nullement étonnée. Une petite Dame, très brune haute en couleur et tout frisée à l’enfant est entrée et me dit: «Comme il y a longtemps, ma chère cousine, que je n’ai eu le plaisir de vous voir»! «Effectivement il y a longtemps que je n’ai pas eu le plaisir de vous voir». Là-dessus nous nous sommes embrassées. Il y avait deux Dames avec elle et un homme qui était habillé à peu près comme un nigaud de la cour, il avait l’air frotté d’huile et ses souroils s’étendaient jusqu’aux oreilles. Elle lui dit: «Christopher, qu’avez-vous apporté à ma cousine?» Alors je lui dis: «Christopher, je vous ai déjà vu, je ne sais où, mais quelque part dans le Nord très haut». La Reine me dit: «Oh, Christopher ne nous quitte jamais». Elle m’a dit qu elle regrettait beaucoup de n’avoir trouver l’Empereur, qu’il avait rendu de très grands services au Roi Don Pedro, que les Bragances avaient soulevé une tempête dans leur petit pays, ils voulaient toujours établir leur droit sur le trône de Portugal, mais que les Brogues étaient plus anciens, et m’a prié de transmettre ses remerîments. Christopher a fait porter une caisse d’oranges, 40 livres de café d’Arabie et 40 bouteilles de vin d’Oporto, donc celui avec lequel nous communions[172].

---

[172] Моя бабушка принадлежала к шести царствовавшим семьям: Орбелиани, Багратиони, Амиразоровы, Давыдовы, Баратовы и Эрнстовы.

– Как она все это знает!

– Моя бабушка, у которой я часто живала, рассказывала все это при мне. Что же до папы, то герцог Ришелье, мой крестный, всегда называл его не иначе как дорогой шевалье. Но у меня есть еще родство, которое я не умею себе объяснить. В 37 году, я думаю, слуга мне докладывает: «Королева Португальская». Я ему говорю: «Проси», и, странное дело, я нисколько не удивилась. Входит маленькая дама, очень яркая брюнетка и вся завитая, как дитя, и говорит мне: «Как давно, милая кузина, я не имела удовольствия вас видеть». – «Действительно давно я не имела удовольствия вас видеть». Потом мы расцеловались: с ней были две дамы и мужчина, одетый почти как придворный шут, казалось, что он намазан маслом, а брови его тянулись до ушей. Она сказала ему: «Кристофер, что вы принесли моей кузине?» Тогда я ему сказала: «Кристофер, я вас уже видела – не знаю, когда и где, но где-то далеко на севере». Королева сказала мне: «О, Кристофер никогда нас не покидает».

– Что ты врешь или бредишь, каким образом португальская королева тебе может быть родня?

– Во-первых, прошу быть учтивее, я не вру, ее приезд меня так мало интересовал, что я даже тебе это не сказала.

– Il y a une chose étrange dans ma mémoire, chère Comtesse, il y a des choses que j'oublie complètement pendant les années et puis elles me reviennent tout d'un coup, je ne sais pas pourquoi. Quand l'Empereur est revenu, je lui ai transmis la connaissance de ma cousine de Portugal, il a beaucoup ri en me disant: «D'où vous vient cette illustre parenté?» Je lui ai dit que je n'en savais rien. «Mais comment ne lui avez-vous pas demandé cela?» – «Je ne sais pas, cela ne m'intéressait pas».

Quand je lui ai dit que je me rappelais de Christopher je ne sais où et quand, mais dans le Nord, elle m'a dit: «Il faut croire, ma cousine, que le Portugal était dans le Nord avant le Grand Déluge»! Car je déteste la chaleur, elle m'a engagée à venir la voir et m'a dit: «Notre pays est très petit, mais c'est le plus beau pays du monde, les fruits y sont d'une beauté remarquable, mais le pays est pauvre».

– C'est très étrange, – me dit la Comtesse et Муханов goûta[173].

– A présent quand Wiasemsky dira à votre frère Clément qu'il est Jérôme Paturot à la recherche d'une position sociale, je lui lirai l'histoire de votre famille. En attendant, il est tard et je demande

---

Она сказала мне, как сожалеет, что не застала императора, что он оказал весьма важные услуги королю дон Педро, что Брагансы подняли бурю в их маленькой стране, все время стремясь утвердить свое право на португальский престол, но что Броги – более древний род. И просила меня передать ее благодарность. Кристофер приказал принести ящик апельсинов, 40 фунтов арабского кофе и 40 бутылок портвейна – того самого, каким мы причащаемся.

[173] У меня очень странная память, милая графиня, – есть вещи, которые я со временем совершенно забываю, а потом они внезапно снова приходят мне на ум, не знаю почему. Когда император вернулся, я рассказала ему о знакомстве с моей португальской кузиной, он очень смеялся, говоря мне: «Откуда же столь знатное родство?» Я сказала ему, что сама этого не знаю. «Но отчего же вы не спросили у нее?!» – «Не знаю, меня это не интересовало». Когда я ей сказала, что помню Кристофера, не знаю где и когда, но на севере, она мне сказала: «Надо полагать, кузина, что до великого потопа Португалия была на севере». Так как я ненавижу жару, она пригласила меня приехать ее повидать и сказала мне: «Наша страна очень мала, но это прекраснейшая страна в мире, плоды там замечательной красоты, но страна бедна».
– Это очень странно, – сказала графиня, а Муханов наслаждался.

la permission de donner mon bras à la cousine de la Reine de Portugal[174], а у нас есть с вами тоже une cousine – Анисья Федоровна Вельяминова-Зернова.

– Я ее знаю, она очень умная, но любит немного сие выказывать. Она с душком, и я ее называю Anisette de Bordeau.

Киселев шел рядом, немного надувшись. Так мы дошли до дома и распростились; но я Сашку послала за Кисой, мы опять помолились богу и уснули. На другой день он пришел, помирая со смеху.

– Представьте, что la Trinité de Tanke est ici[175]. Я шел к старому дворцу и вдруг слышу голос, который говорит сентиментально: «Здравствуй, Эхо – скажите, пожалуйста, как он отвечает», – сказали папаша и мамаша, а потом Сашенька. «Скажи, да что-нибудь поумнее». И Сашенька начала: «О ты, пространством бесконечный...» Je suis sûr que ce trio vous cherchera et vous trouvera.

– Le malheur ne sera pas grand, je les recevrai. Vous savez que la Comtesse Nesselrode dîne ici, et j'ai commandé un dîner qui vous plaira. Ленивые щи, подливка à qui le veut, les petits pâtés, un boeuf bouilli avec légumes. Des битки с жареным картофелем и лучком, pour rôti une vieille poule, elles ont l'air d'être toutes vieilles à Bade, la salade avec betteraves, я люблю свеклу, et une Gampot comme disent les Allemands aux fraises des bois[176]. Les vases seraient remplis de vins que vous apportez et je réclame Михайла, Сашка ne souffira pas.

– Je m'en vais lui annoncer cela, il sert souvent à l'Ambassade, quand il y a un grand dîner и очень навострился. A présent je crois que vous pouvez me continuer votre dictée ur l'Institut de Ste Catherine, fondé par Ste Marie. Она, эта государыня, точно святая

---

[174] Теперь, когда Вяземский скажет вашему брату Климентию, что он Жером Патюро в поисках положения в обществе, я прочту ему историю вашей семьи. Пока же поздно, и я прошу позволения предложить руку кузине португальской королевы.

[175] Здесь: троица Танке.

[176] Я уверен, что эта троица будет вас искать и найдет.
– Невелика беда, я их приму. Вы знаете, что графиня Нессельроде обедает здесь, и я заказала обед, который вам понравится. <...>, кто захочет пирожки, беф-буйе с овощами <...>, на жаркое старая курица (они в Бадене все на вид старые), салат из свеклы <...> и гампот, как говорят немцы, из свежей земляники.

женщина, и я всегда за нее молюсь большим поминовением, которое вы для меня списали этой милой маленькой ручкой, которая строчит маленькие буквы.

– Eh bien, quand j'étais encore dans la petite classe, l'Impératrice est venue un jour nous dire que dans huit jours il y aura une grande soirée et qu'elle veut que nous entendions chanter Mme Catalani, et que l'Empereur Alexandre nous ferait l'honneur de venir à cette soirée. Вы можете себе представить нашу радость и хлопоты, которые поднялись во все свободные часы, нас заставляли делать la révérence à trois temps[177], всех нас завили барашками, злая кастелянша Штатникова, которую мы называли серый волк, приходила вечером с Шмиткен, вытащила старые пожелтевшие коленкоровые платья, перешивали, примеряли красные атласные кушаки; потом пошла примерка козловых башмаков, будничные были опойковые. Большой класс был иначе одет, волосы зачесаны под большой гребень, букли по моде и белые пояса. Они сидели за решеткой направо, а мы налево. Освещение было сальными свечами, но их было много, и нам казалось, как a giorno[178]. Для царской фамилии зала была отделена решеткой, послышался троекратный звонок и вошла императрица со своей свитой, при ней фрейлина княжна Елисавета Григорьевна Полянская, сестра Варвары Григорьевны Лорер и княжна Прасковья Александровна Хилкова, камергер, необыкновенно красивый князь Андрей Павлович Гагарин, старик барон Альбединген, которого придворные лакеи называли Либедин; так как они всё коверкают, то Рибопьера называли Любопер. И Mme Catalani, высокая, плотная, смуглая женщина в оранжевом платье, и пунцовая роза на голове. Потом два звонка, и в залу влетело прелестное существо. – «Ах, mesdames, что за прелесть, что такое?» Дамы

---

[177] кувшины будут наполнены винами, которые вы приносите, и я приглашу Михайлу, Сашки будет недостаточно.
– Пойду ему объявить об этом, он часто служит в посольстве, когда бывает большой обед <...> Теперь, я думаю, вы можете продолжить вашу диктовку об институте св. Екатерины, основанном св. Марией. <...>
– Ну, хорошо, когда я была еще в младшем классе, императрица пришла однажды сказать нам, что через восемь дней будет большой вечер и что она желает, чтобы мы послушали, как поет г-жа Каталани, и что император Александр сделает нам честь, придя на этот вечер <...> реверанс в три приема.
[178] как днем *(ит.)*.

сказали: «Это великая княгиня Александра Федоровна». Она была в светло-голубом креповом платье, букеты маленьких роз по обеим сторонам платья, такие же в волосах, на затылке три крошечные букли, vous savez, ce sont les petits cheveux qui se revêtent souvent[179], на шее – крупный жемчуг. Она не шла, а скользила как-то по паркету, за ней бежал великий князь с пелериной в руке и кричал ей вслед: «Charlotte, Charlotte, vçus prendrez froid»[180].

Императрица ее тотчас обняла и ее обласкала. Потом еще звонок, и вошла маленькая сухая дама в сером шелковом платье и белом чепчике, отчего еще более выдавались красные пятна на ее некрасивом лице. «Où est la petite Radziwill»[181] – и сказала несколько слов Stéphanie. За решеткой она произвела мало аффекта, и мы сказали: «Mesdames, какая противная! точно старая гувернантка. Кто такое?» – «Это государыня Елисавета Алексеевна». Наконец три громких звонка и вошел сам император, за ним граф Милорадович. Императрица пошла к нему навстречу, он поцеловал почтительно ее руку, по своей привычке провел рукой по волосам, и вместе они пошли за решетку. Государь стал возле своей любимицы Александры Федоровны. Не знаю, кто аккомпанировал, Каталани встала и пропела «Sul margine del rio», c'est une très jolie romance et puis un air de bravoure «La placida campagna». Je vous chanterai «Sul margine». L'Empereur avait une grande admiration pour Mme Catalani, l'estimait beaucoup à cause de sa conduite morale et sa bienfaisance[182]. За решеткой подавали чай, мороженое, а когда разъехались, то нам дали чай с молоком и булкой и пирожки с медовым вареньем, но которые казались нам объяденьем. Вы можете себе представить, что мы более недели говорили о нашем празднике, и все решили, что надобно обожать Александру Федоровну. Ах, Киса, что я вижу, Бетюна идет с матерью и с лакеем.

---

[179] вы знаете, это маленькие волосы, которые часто так убираются.
[180] Шарлотта, Шарлотта, вы простудитесь!
[181] Где маленькая Радзивилл?
[182] «На берегу реки», это очень красивый романс, и потом бравурную арию «Тихая деревня». Я спою вам «На берегу». Император очень восхищался г-жей Каталани, весьма уважал ее за нравственное поведение и ее благотворительность.

– Вот не было печали, а черти накачали. Не принимайте!

– Да ведь сегодня не приму, она придет завтра, она как мухи в басне Крылова – их выгонят в одно окно, они влетят в другое.

Сашка громко закричал: «Княгиня Бетюна с дочерью».

– Comme c'est aimable, chère Princesse, de m'avoir prévenue[183].

Усадили мать на диване, а дочь на кресле; я им представила Киселева с его атрибутами, т. е. генеалогией в 600 лет.

– Mais quel beau salon vous avez, cela ferait une jolie salle de danse.

– Oh, mais si vous aimez la danse, je serai charmée de vous procurer ce plaisir. Bade n'offre pas beaucoup de distractions.

– Oh, ce serait charmant, à Paris je danse presque tous les jours, ma pauvre mère scandalant, mais que voulez-vous, c'est tout naturel a mon âge.

– Скверная девка, ей 40 лет!

– Que dit Monsieur votre cousin?

– Il dit qu'il ne comprenne pas le plaisir de danser, il n'aime que l'Opéra.

– Chacun a son goût, Mon Dieu, combien je regrette de n'avoir pas fait votre connaissance plus tôt, j'aurais eu peut-être deux bals au lieu d'un.

– La grande difficulté ce sont les danseurs; je ne connais ici que le banquier Meyer et son commis Pavarin qui danse, dit-on, et le Baron Lotzbeck, celui-là est un valseur connu[184].

---

183 – Как это любезно, милая княгиня, предупредить меня.

184 Но какая у вас прекрасная гостиная, из нее вышел бы красивый танцевальный зал.

– О, но если вы любите танцы, я буду счастлива предоставить вам это удовольствие. В Бадене немного развлечений.

– О, как это было бы мило, в Париже я танцую почти всякий день, возмущая мою бедную матушку. Но что вы хотите, это естественно в моем возрасте <...>

– Что говорит г. ваш кузен?

– Он говорит, что не понимает, какое удовольствие в танцах. Он любит только оперу.

– У всякого свой вкус. Боже мой, как мне жаль, что я не познакомилась с вами ранее, может быть, у меня были два бала, а не один.

– Большое затруднение с танцорами; я знаю здесь только банкира Мейера и его служащего Паварина, который, говорят, танцует, и барона Лотцбека, этот известный вальсер.

– Je puis vous fournir un danseur, c’est un employé, homme de frac, il vous portera sa carte.

– Je suis étonné que vous n’ayez pas le de avant votre nom de famille.

– Les Russes ne l’ont pas. Avant mon mariage je l’avais, mais encore comme russifiée ce n’était pas l’usage de le mettre, et je l’ai effacé par ma parenté.

– Il y a cependant des Russes qui le mettent.

– C’est un ridicule aux yeux de leurs compatriotes. À propos de bal, je demande qu’il commence de bonne heure, disons 9, et soit fini à minuit.

– Oh, jusqu’à deux heures!

– Bien, à la condition, que je me retire. Et la Princesse Lobanoff à laquelle je vais envoyer une invitation à Carlsruhe, fera les honneurs, tous que vous pouvez là désirer. Elle viendra avec ses trois filles et m’amènera d’officiers de la garde Grand Ducale, le Baron Gader, Ouria et Saratoga[185].

– N’oubliez pas mon cousin, le prince Emile de Hesse et son frère avec l’aide de camp olivâtre.

– Certainement le Prince Georges vous voulez dire, l’aide de camp danse peut-être.

– Comment il y a des Princes de sang royale, je ne me doutais pas qu’il eût si bonne compagnie à Bade. A quand donc le bal?

– Il me faut cinq ou six jours pour ouvrager un peut ce salon, avoir une réponse de Carlsruhe et commander d’avance les rafraîchissements; les Allemandes sont si lents. L’orchestre sera

---

[185] – Я могу вам доставить одного танцора, это чиновник, он занесет вам свою карточку.
– Я удивлена, что в вашей фамилии нет частицы де.
– У русских ее нет: до замужества я ее имела, но русифицируясь, не имеют обыкновения ее употреблять, и я ее устранила в моей родне.
– Есть, однако, русские, ставящие ее.
– Это смешно в глазах их соотечественников. Насчет бала, я хочу, чтобы он начался спозаранку, скажем в 9, и окончился в полночь.
– О, до двух часов!
– Хорошо, но при условии, что я удалюсь. И княгиня-Лобанова, которой я пошлю приглашение в Карлсруэ, окажет честь, все, кого вы можете там пожелать. Она приедет со своими тремя дочерьми и привезет мне офицеров гвардии великого герцогства, барона Гадера, Урию и Саратогу.

dans l'antichambre, un buffet est impossible, il faudra porter les rafraîchissements, les glaces, le champagne etc.

Là-dessus la pauvre mère qui n'a dit rien, s'est levée et elles sont parties[186].

– Ах, какая скверенавка, и я не знаю, заметили ли вы, что она все нюхает свои пальцы?

– Нет, но, Киса, нам будет очень весело на этом бале, все баденские карикатуры явятся, Madame Zea Bermudes, ex-Grand Correchidor de Madrid avec l'épingle en diamant à la cravatte depuis le matin. Vous savez, qu'ils jouent dès le matin à l'hombre avec Antonini[187] и пьют шоколад и запивают холодной водой, и так все утро у них проходит.

– Где вы подцепили это знакомство?

– Antonini était Ministre de Naples à Berlin, et puis je l'ai surtout vu a Marienbad, vous n'avez pas d'idée des folies de votre belle-soeur et d'une hongroise Princesse Andraszy avec Antonini, on le mettait en Marie à partner et puis on le faisait basculer, son parler Italien est très drôle, il zézaye, il prenait des bains de boue et disait que cela le rendait tout sain. Un jour votre belle-soeur a tant ri, qu'Antonini s'est cru obligé de mettre à ses piers un verre.

– Ах, какая шалунья, не понимаю, что в ее лета и при ее обстоятельствах можно забавляться.

– Elle allait tous les deux jours à mi-route de Carlsbad Katzenellenbogen pour ouvrager les affaires avec votre frère, un jour elle me dit: «Ma chère, il n'est plus beau, il a l'air d'un vieux Turc rase

[186] – Не забывайте моего кузена, принца Эмиля Гессенского, и его брата со смуглым адъютантом.
– Вы, конечно, хотите сказать – принца Георга. Адъютант, возможно, танцует.
– Как, здесь есть принцы королевской крови? Я не подозревала, что в Бадене такое хорошее общество. Когда же бал?
– Мне надобно пять или шесть дней, чтобы отделать немного эту гостиную, получить ответ из Карлсруэ и заранее заказать освежающие напитки; немцы так медлительны. Оркестр будет в передней, устраивать буфет невозможно, надо разносить освежающие, мороженое, шампанское и пр..
Затем бедная мать, не проронившая ни слова, встала и они ушли.

[187] экс-великий коррехидор Мадрида с брильянтовой булавкой в галстуке с утра. Вы знаете, что они с утра играют в ломбер с Антонини.

et figurez-vous qu'il m'a montré les portraits des enfants qu'il a de Mme Baliano. Je trouve que c'est de trop»[188]

– Sophie a le coeur bon, mais elle est étendue, elle oublie qu'elle a brisé le coeur de mon frère. Il en a eu un fils beau comme le jour ou plutôt comme son père, il l'a laissé avec sa mère à Кременчуг, pour avoir le temps de leur préparer un logement à Boucharest quand il a été nommé управляющим княжествами. A force de gâteries, de soins mal entendus, le pauvre enfant est tombé malade, elle s'est mise en route avec lui; il l'attendait avec une impatience fébrile, il est venu à la rencontre et n'a trouvé qu'un cercueil avec les restes de cet être chéri, il a ouvert le cercueil dans l'espoir de trouver quelques traces de cet être chéri; hélas, il n'y avait que le crâne et une jambe. Il ne lui a jamais pardonné cela, et c'est alors que la liaison avec Mme Baliano a commencé. Il aime cette femme et surtout les enfants[189]. Киселевы все очень чадолюбивы, это было всегда, из рода в род.

– Киса, il faudra que vous achetiez du papier pour faire les invitations; les intimes n'auront que les invitations verbales.

– Quelle heure est-il?

---

[188] – Антонини был неаполитанским посланником в Берлине, а потом я его видала в Мариенбаде. Вы не можете вообразить все сумасбродства с Антонини вашей невестки и венгерской княгини Андраши, его ставили партнером к Марии, потом его заставляли кувыркаться, его итальянский очень дурен, он сюсюкает; он принимал грязевые ванны и говорил, что это его оздоровляет. Однажды ваша невестка так смеялась, что Антонини счел себя обязанным поставить у ее ног стакан. <...>
– Она каждые два дня ездила в Каценеленбоген, на полдороге от Карлсбада, улаживать дела с вашим братом. Однажды она мне сказала: «Моя милая, он более не красив, выглядит бритым старым турком, и представьте себе, показал мне портреты детей от г-жи Балиано. Я нахожу, что это слишком».

[189] – У Софи доброе сердце, но она необуздана, она забывает, что разбила сердце моего брата. У него был сын от нее, прекрасный как день или, вернее, как его отец; он оставил его с матерью в Кременчуге, чтобы иметь время приготовить им квартиру в Бухаресте, когда его назначили управляющим княжествами. Из-за баловства, неразумного ухода бедный ребенок заболел, она пустилась с ним в дорогу; он ожидал с лихорадочным нетерпением, поехал им навстречу и нашел только гроб с останками этого дорогого существа; он открыл гроб в надежде их увидеть, увы, там был лишь череп и одна нога. Он никогда не простил ей этого, и тогда началась его связь с г-жей Балиано; он любит эту женщину и особенно детей.

– Près de quatre heures[190]. Можно еще болтать или лучше диктуйте про институт.

Меня по обычаю поместили в четвертушки будущего девятого выпуска. В дортуаре стояли высокие пюпитры вразброд, возле меня сидела Курень, очень милая и хорошенькая девочка, может быть она была дочь Куреня одесского, который пропал без вести на войне. Пропажи без вести очень страшная вещь. Надеюсь, что ни вы, ни я не пропадем без вести. Может вы для меня пропадете без вести, если не будете писать ко мне, и я к вам.

– Ну, это уже совсем несбыточно.

– Всякое бывает, чем черт не шутит.

– Машеньку и Клеопатру Попандопуло я часто встречала в коридорах. Они были в большом классе, очень хорошо учились. Машенька получила второй шифр, а Клеопатра золотую медаль. Они очень грустили по Одессе. У нас дежурили пепиньерки: шведка Эрпинд, Розанова, прегадкая, задавала себе ужасный тон, потому что ее сестра была третья жена Николая Васильевича Зиновьева, и Марья Ивановна Шлейн, une protegée de madame Архарова (она меня очень любила и баловала, ей присылали мои гостинцы, да и она от Архаровых привозила мне всякую всячину).

Начали привозить детей всякого возраста и роста; когда набралось до ста пятидесяти, начались экзамены и сортировка. Меня поместили в первое отделение, и маленькие сидели на первых скамейках, а большие на задних. На нашей лавке ближе к окну старшая Боборыкина, потом Машенька Бартоломей, дочь хорошего доктора, женатого на польке, они жили на углу Фонтанки и Пантелеймоновского. Леонилка была красавица, но неряха, у нее передник был всегда грязный, как у стряпухи, и ее звали «блинщица». Подле Бартоломей сидела Нагель, внучка madame Нагель, у которой некоторые девицы брали уроки музыки. Она была злая, косая и жадная, всегда захватывала лишнюю порцию, и ее звали «жид Косулевич», потом Сашенька Балугьянская, которую прозвали «Галкой», а меня «Черненькая».

---

[190] – Киса, вам нужно купить бумаги для приглашений, близкие будут приглашены только устно.

На другую сторону улицы (улица – это довольно широкое пространство, где ходили дамы, чтобы видеть, что делается во всех углах), так по ту сторону улицы сидела Стефани, которая так обрусела, что просила нас звать ее Степкой, подле нее Киса Леонтьева, милая, красивая Наташа Кайданова, Тарасова и Катахрова. Катахрова была дочь генерала, ужасно жадная и вечно ходила между лавок и просила: «Mesdames, дайте кусочек». На лавках сидели Лиза Кайданова, Ширковы, Бороздины, Исакова, Шторх и Крупетьева, которая ничему не училась, но хорошо пела. Она в своем пюпитре воспитывала мышей, а в саду возилась с котятами. У ней было восемь на руках, и всем она давала имена, я помню, что одну, пеструю, она называла «Литература». На верхних скамьях сидели Эйлер, белокурая красавица, Копьева, очень миленькая и чистенькая, рыжая, и Погожева – предурная, ее прозвали «Поганка». С другой стороны Арсеньева, племянница фрейлины Екатерины Ивановны Арсеньевой. Ее брат Павел, честнейший человек, был одним из восьми кавалеров в<еликого> к<нязя> Николая и Михаила Павловичей. Я его видела в Москве у тетушки Цициановой, старик был прекрасной и почтенной наружности. В нижнем коридоре жили еще Mathilde de Meron, которая учила петь, и графиня Rosalie Chaillet.

В Смольном гораздо более верили в черта, чем у нас, и раз кто-то закричал: «Mesdames, черт идет!» и все, даже белые, вскочили. У нас говорили, что по коридору ходили «понимашки». Что вы смеетесь?

– Не смотрите на меня своими черными глазами, они доводят меня до безумия.

– Поделом вам, ведь вы смеетесь над «понимашками». Это название выдумала Фаминцына из седьмого выпуска для духов, посещавших наши коридоры. Всегда заранее знали, когда они появятся, и говорили: «Mesdames, не ходите поздно по коридору, сегодня будут бегать «понимашки». Крупеникова рассказывала, что она видела глаза «понимашек», что они были зеленые и большие, как луна, «понимашки» играли на полу и пристально на нее смотрели, и что раз, когда мы пошли ужинать, она видела их ноги мимо церкви, и что они за ней бежали по мертвецкой лестнице. Она закричала нам: «Mesdames,

я видела только одни голые ноги “понимашек”». Мы все ринулись в столовую с криком, почти повалили классных дам.

– Вы были милые, невинные шалуньи и порядочные трусихи.

– Я и теперь боюсь спать в темной комнате и проходить в коридорах. Во дворце с Стефани всегда бегом проходили через Георгиевскую залу. Из восьмого выпуска не оставалось никого, кроме пепиньерок Потоцких, Pélagie и Delia, которых я, конечно, обожала. Delia была русская красавица с лукавенькими черными глазками. Pélagie, старшая, была очень смуглая, стройная, как пальма, очень близорукая и всегда грустила. Они были дочери известного Жана Потоцкого, который писал страшные романы. «Les trois pendus»[191] я читала.

В последний год восьмого выпуска все первое отделение поставили на колени за то, что они читали «Les petits émigrés»[192], самую невинную книгу. Они от нас скрывали, но мы им кричали в коридоре: «Какой стыд, последний год, а наказаны за непослушание как маленькие дети». Когда мы были в большом классе, к Кайдановым ездила старая незамужняя тетка, она им привозила очень жирные пирожки с говядиной и разные сласти. Один раз она им привезла роман в восьми томах, который назывался «Emma Courtenay ou la chapelle d'Ayton». Они его давали другим, Стефани и мне первой. Alexandrine Зубова никогда не вкушала запрещенного плода, и другие святоши: Аралова, Люба Хилкова тоже не читали. Роман читался по крайней мере шесть месяцев. Наконец произошла катастрофа, на Эмму возводят страшную клевету, Auguste Horby дерется на дуэли, Эмма умирает с разбитым сердцем. Я прихожу в класс и нахожу Стефани в слезах. Она мне сообщает, что Огюст умер. Весь класс отвечает рыданиями, равнодушные говорят: «Какие дуры! Огюст никогда не существовал».

Представьте себе, что митрополит московский сказал мне совершенно то же, когда я ему посоветовала прочитать «Шинель» и «Смерть Акакия Акакиевича»: «Поберегите свои слезы, еще много придется вам их пролить о своих и чужих грехах».

Мы решили, что нужно носить траур по обоим героям романа. При горловой боли заставляли надевать узкую тесьму

[191] «Трое повешенных».
[192] Маленькие эмигранты.

от башмаков. Представьте себе, тридцать человек надели ее. Классная дама спросила, что значит, что почти у всех болит горло? Открылась правда. Начальница пришла сказать, что мы будем неделю без фартуков и что напишут императрице. Тетке Кайдановых запретили в течение месяца возить им пирожки.

В мое время праздновали 25-летний юбилей нашего института. Императрица приехала после обеда с в<еликим> к<нязем> Михаилом Павловичем, пели какие-то куплеты и стихи, вечером у нас был большой бал. Начальница, инспектрисы, все дамы классные в синих платьях, это мундир их, сидели рядом и некоторые учители. Мы были в коленкоровых передниках и танцевали до 10-ти часов. Ужин состоял из тартин с горьким маслом и сыром, чаю с молоком и пирожков с вареньем.

– Но как же это вас так дурно кормили, когда государыня обо всем заботилась?

– Эконом и кухарка крали так искусно, что начальница не могла их поймать и уличить. Потом случилось большое несчастье в нашем бедном институте, Maman Breitkopf умерла, в три дня милой и умной начальницы не стало. В коридорах ходили на цыпочках, в классах говорили шепотом и молились о ее спасении. Когда она скончалась, нас повели прощаться с ней, ее милые дочери покрыли ее гроб цветами и сидели молча, обливаясь слезами, у ее изголовья. Папа Брейткопф умер прежде нее. Mlle Nagel, la Comtesse Rosalie Chaillet, Mathilde Meron, Mlle Genthe, инспектриса большого класса, все горевали об этой потере. После ее похорон императрица вошла к нам и нас рекомендовала новой начальнице Амалье Яковлевне Кремпин. Ее рекомендовала начальница Смольного, умная генеральша Адлерберг. Мы с первой минуты невзлюбили Кремпину и не хотели звать ее Maman, и между нами звали ее Кремпулька. При ней мы перешли в большой класс, т. е. надели вместо коричневых платьев зеленые. Инспектором нашего класса был Карл Федорович Герман; он был заподозрен в либеральных мыслях, когда читал политическую экономию, но государыня сказала: «Il est instruit en toutes choses, et je ne crains pas ces idées liberales pour mes petites filles»[193]. Германа мы терпеть

---

[193] Он очень хорошо образован, а эти либеральные идеи не страшны моим маленьким девочкам.

не могли, он вздумал философствовать у нас, например, говорил: «Mesdemoiselles, qui parle? L'homme seul parle»[194], и тут мы, как попугаи, повторяли его же слова.

Императрица была в постоянной переписке с европейскими учеными и вводила в своих заведениях новые системы Песталоцци и Ланкастера. Тогда была мода на головные вычисления, и нам дали Винберга, он заставлял нас в такт громко сложить, а потом вычитать, мы сделали из него шута, и его заменил косой Буссе, который вдобавок шепелявил, и с ним урок проходил в насмешках и шутках. Я никогда не могла понять дроби, этой мудрости мы учились у Слонецкого, который говорил вместо: «Скажите, пожалуйста, г-жи девицы» – «Скажите, балета, г-жи двицы». Я ровно ничего не делала по этой части, что и было причиной, что я не получила первый шифр. Плетнев преподавал новейшую историю, тоже российскую. Аббат Deloche – физику, ботанику, вообще натуральную историю и маленький курс астрономии. Меня более всего интересовал его урок, и если были затруднения, он всегда говорил: «Allons, voyons-nous», указывая на меня. Стефани, которая ровно ничего не делала, всегда очень хорошо училась у Делоша. Je connaissais parfaitement le système de Linné, le grand botaniste Suédois. Ce système est fondé sur les cotylédons et les acotylédons, il y a 21 classe. Le système de Tournefort a été très désuet. Nous faisions des expérimente avec lui, nous avions une machine pneumatique, une machine électrique et des bouteilles de Leiden. Nous expliquions les miroirs plans et les miroirs convexes, cela s'appelle la catoptrique et la dioptrique, les figures de la congélation, les tables de Terrailles, les Mongolfieres et les inventions de Galvani, un savant Italien. En astronomie – les chutes et les parallaxes des astres. Chez Deloche je comprenais très bien et je faisais les calcules, я делала кубы и корни, quand il fallait expliquer les deux forces découvertes par un savant Anglais – la force centripète et la force centrifuge[195].

---

[194] Девицы, кто говорит? Один лишь человек говорит.

[195] Я прекрасно знала систему Линнея, великого шведского ботаника. Эта система основана на котиледонах и акотиледонах, их 21 класс. Система Турнефора уже очень устарела. Мы с ним делали опыты, у нас была пневматическая и электрическая машина и лейденские банки. Мы объясняли плоские и выпуклые зеркала – это называется катоптрика и диоптрика, фигуры

– Вот вы какая ученая, Александра Осиповна, а я ничего этого не знаю.

– Я вам советую, Киса, прочесть Бюффона и заняться физикой. В Париже вам укажут книги, но, кажется, пора готовиться к трапезе. Я вынула солонки, но ложечек нет, но, по крайней мере, это чище, чем горки.

Н<иколай> М<ихайлович> вернулся, приоделся, потом пришел Киселев и графиня. За обедом я ей сказала: Vous savez, chère Comtesse, que je ne vais plus au Palais Michel, elle m’en a fait de toutes les couleurs. J’étais très souffrante après mes secondes couches, mais je sortais de temps en temps, elle m’invitait à déjeuner et se plaignait que l’Anglaise de la petite Anne la soignait très mal et me demandait, si j’étais contente de la mienne. Un jour Mme Henderson est venue me dire que son beau-frère Forman lui proposait d’entrer chez la G<rande> Duchesse Hélène, que les appointements seraient bien plus élevés, et comme elle avait trois petites filles, cela lui serait très avantageux. Malgré le cruel embarras où cela me mettait, je lui dis que si cela pouvait lui convenir, je la priais seulement de me donner le temps de chercher deux bonnes pour mes jumelles. Je l’ai prévenue que la petite Grande Duchesse était très malade, que les médecins n’espéraient pas[196] la conserver, que la Maman était très avare et que je conseillait à Forman de demander une pension de 1000 rbls à quoi elle a consenti. Le soir l’Impératrice assistait à une soirée à l’Institut

---

замерзания, таблицы Терайля, Монгольфьеры и изобретения Гальвани, итальянского ученого. По астрономии – падения и параллаксы звезд. У Делоша я очень хорошо понимала и считала, я делала кубы и корни, когда нужно было объяснить две силы, открытые английским ученым – центростремительную и центробежную.

[196] Вы знаете, милая графиня, что я более не бываю в Михайловском дворце, она меня очень обидела. После моих вторых родов я была очень больна, но время от времени выезжала. Она пригласила меня на завтрак и жаловалась, что англичанка маленькой Анны очень плохо за ней ходит, и спросила меня, довольна ли я своей. Однажды г-жа Гендерсон приходит сказать мне, что ее зять Форман предлагает ей поступить к в<еликой> княгине Елене, что жалованье будет гораздо больше, а так как у нее три маленькие дочки, это было бы ей очень выгодно. Несмотря на ужасное затруднение, которое при этом для меня возникало, я сказала, что если это ей подходит, то я прошу только дать мне время подыскать двух нянь для моих двойняшек. Я предупредила ее, что маленькая великая княгиня была очень больна, что доктора не надеялись

de Ste Catherine. L'Empereur s'est approché de moi et me dit: «J'appris que la G<rande> Duchesse Hélène veut vous enlever la bonne de vos enfants. Si nous qui pouvons payer bien plus, nous allons débaucher les domestiques, ce serait impardonnable et vous ne devez pas céder». J'était d'une humeur de dogue et enchantée des paroles de l'Empereur. Voilà que l'Impératrice m'appela et me dit: «Черненькая, soyez bonne, Hélène est si inquiète pour sa petite, elle a déjà perdu une enfant, cédez-lui votre bonne». – «Puisque vous le désirez, votre Majesté, je le ferais, mais je mets pour condition qu'en cas de mort la bonne ait 1000 fr. de pension. Elle est si avare que ce sera une punition pour elle». – «Ma chère, on dit que je suis avare aussi». – «Je sais par expérience que c'est une calomnie. Quant à elle qu'a-t-elle fait[197] des 18 millions du Grand Duc, elle ne fait que voyages, tout en se portant bien, c'est pour faire parade, de son soi-disant esprit et de ses connaissances à l'étranger. Elle n'est guidée que par la vanité la plus mesquine. Elle a fait chasser les 60 invalides du Grand Duc, qui soignaient son petit Arsenal, et c'est l'Empereur qui les paye et les a placés – les uns à Tchesma et d'autres à Pavlovsky, à Montmartre.» – «Tout cela est vrai, ma chère».

Cette femme n'est heureuse que quand elle peut humulier quelqu'un. Elle s'est mis en tête d'amuser l'Empereur, soi-disant Impératrice ne savait que danser et faire danser. Elle imagine un bal costumé et m'a donnée le rôle de la folie, je devais entrer en gambadant et appelant ma suite. A la répétition en robe de matin il m'était impossible de lui donner un échantillon de mon savoir faire – elle m'expedie le G<rand> Duc, ce pauvre G<rand> Duc, pour

---

[197] ее сохранить, что маменька очень скупа и что я советовала бы Форману просить пенсию в 1000 руб., на что она согласилась. Вечером императрица присутствовала на вечере в Екатерининском институте. Император подошел ко мне и сказал: «Я узнал, что великая княгиня Елена хочет отнять у вас няню ваших детей. Нам, имеющим возможность платить гораздо больше, было бы непростительно начать переманивать слуг, и вы не должны уступать». Я была раздражена, но в восхищении от слов императора. Но тут императрица обратилась ко мне, сказав: «Черненькая, будьте доброй, Елена так тревожится о своей малютке, она уже потеряла одного ребенка, уступите ей свою няню». – «Я это сделаю, ваше величество, так как вы этого желаете, но при условии, что в случае смерти ребенка няня получит 1000 руб. пенсии. Она так скупа, что это будет для нее наказанием». – «Милая моя, говорят, что и я скупа». – «Я по опыту знаю, что это клевета. А что до нее, то что

me supplier de me prêter de bonne grâce. Je lui fait dire qu'elle soit tranquille, qu'en costume et sous le rouge je me tirerait d'affaire[198]. En attendant, j'ai fait venir le eostumeur du théâtre avec des gravures et me fabriquais le costume de la folie avec des dandelions rouges et jaunes et le bonnet frigien, le tout avec des sonnettes et une perruque blonde, des souliers rouges à talons. Quand je suis entrée en courant, je n'ai dit que les bêtises sur la folie et les plaisirs qu'elle procure et j'ai appelé mes suivantes, les femmes toutes les blondes en toilettes bleues ont exécuté la danse à la musique de Gluck. A mon entrée l'Impératrice a dit: «Qu'est-ce que c'est et qui est-ce? Mon Dieu, c'est Черненькая». – «Oui, c'est moi, Mme». Mais voyez un peu ce qui a suivi et n'a fait rire que du bout des lèvres le public: Крылов, Юсупов et le long Panin en tricot, des couronnes de roses sur la tête étaient affreux et je ne conçois pas que des hommes se laissent faire ces sottes bêtises. J'ai appris que le Comte Nesselrode a été indigné qu'on lui osait proposer d'y prendre part.

– Certainement. Votre dîner est excellent, chère amie[199].

---

[198] она сделала с 18-ю миллионами великого князя? Она только ездила, хотя прекрасно себя чувствовала – и лишь для того, чтобы выставить за границей напоказ свой так называемый ум и знакомства. Ею всегда руководит самое мелкое тщеславие. Она прогнала 60 инвалидов великого князя, смотревших за его маленьким арсеналом, – и это император платит им и устроил их – одних в Чесму, других в Павловск, на Монмартр. – «Все это правда, моя милая».
Эта женщина счастлива лишь тогда, когда может кого-нибудь унизить. Она вбила себе в голову забавлять императора, так называемая императрица умеет лишь танцевать ***и*** заставлять танцевать. Она задумала костюмированный бал и дала мне роль глупости, я должна была войти, приплясывая и призывая свою свиту. На репетиции в утреннем платье я не могла показать ей образец моего уменья – она отправила ко мне вел. князя, бедного вел. князя, чтобы упросить меня пойти ей навстречу. Я велела ему сказать, что она может быть спокойна, что в костюме и гриме я справлюсь с делом.

[199] Пока же я пригласила театрального костюмера с гравюрами и сделала себе костюм с красными и желтыми одуванчиками и фригийским колпаком, все это с колокольчиками и светлым париком, туфли красные на каблуках. Войдя бегом, я говорила только глупости о безумии и удовольствиях, которые оно доставляет, и звала свою свиту – женщины, все блондинки, в голубых туалетах, они исполнили танец на музыку Глюка. При моем появлении императрица сказала: «Что это такое и кто это? Господи, это же Черненькая». – «Да, это я, мадам». Но смотрите, что последовало и заставило публику смеяться только кончиками губ: Крылов, Юсупов и длинный Панин в трико, с венками из роз на голове были ужасны, и я не постигаю, как люди позволяют

Après le dîner on a ouvert les fenêtres, on fumait, mon mari s'agitait et je lui ai proposé d'aller faire son petit sommeil dans l'autre chambre, et puis il a filé à la roulette.

Restés seuls, je dis à la Comtesse que la Grande Duchesse a donné un grand bal à la fin de la saison. Plusieurs dames sont venues me voir en me parlant de leurs toilettes et me demandaient ce que je mettrai. – «Mais je ne suis pas invitée». – «Impossible, ma chère, c'est une erreur de ездовой.» – «Cela m'est égal, je ne suis pas invitée»! Mais je dis a Anette Bariatinsky, sa très humble amie, que le lui jouerai un tour. J'ai expédié un billet au Grand Dqc en lui disant que j'avais quelque chose de très important à lui dire, il arriva le matin du jour du grand bal. «Monseigneur, il y a un grand bal chez vous et je n'ai pas d'invitation». Très embarassé il me dit: «Ma chère Mme Smirnoff, vous savez que je ne me mêle pas de ces choses, la Grande Duchesse fait les invitations». – «Je le sais, Monseigneur, mais c'est d'une farce claire à la ville entière que nos relations d'amitié ne sont pas ce qu'elles devraient être, et c'est aussi injurieux pour moi que pour vous. Je dois avoir une invitation, ou bien renoncer au plaisir de vous inviter aux petites soirées que vous aimiez, quand vous venez sans épaulettes, fumez avec nous en petit comité, et renoncer aux soirées que vous donne la Princesse Wiasemsky».

Dans la journée j'ai reçu mon invitation. J'y suis allée, j'ai passé devant elle sans la saluer et suis allée droit a l'Impératrice, et lui a conté l'affaire, elle m'a approuvée; elle est venue s'asseoir près de l'Impératrice évidemment pour voir ce que je ferai, je n'y fait aucune attention. Je suis partie de bal sans la saluer, et depuis je n'ai plus mis le pied dans ce palais. J'ai dit a mon mari de ne pas oser m'inscrire et que s'il le ferait, je rayerai mon nom. Il a le rage de s'inscrire, je crois que s'il y avait 100 Grandes Duchesses il irait partout. Je suis allée au Palais Michel, et j'ai vu qu'il n'avait mis mon nom.

– Ай да Александра Осиповна!

– Ma chère, vous avez très bien fait[200].

себе делать такие глупости. Я узнала, что граф Нессельроде был оскорблен, когда ему осмелились предложить принять в этом участие.

– Конечно. Ваш обед восхитителен, милый друг.

[200] После обеда открыли окна, курили; мой муж волновался, и я предложила ему соснуть в другой комнате, а потом он побежал на рулетку.

Là-dessus Comtesse est partie, nous sommes allés voir prier les enfants. À genoux, les mains jointes, comme deux petites colombes, elles répétaient:

Gente Jesus, meak and mild,
Look upon a little child,
Pity my simplicity,
Permit me to come to thou.

Je lui ai traduit cette touchante prière, il était très ému et me dit[201]: «Мне кажется, что эта невинная молитва омывает наши грехи и как фимиам возносится прямо к Творцу и Спасителю». Потом мы помолились и расстались.

Когда мы остались одни, я сказала графине, что великая княгиня давала большой бал в конце сезона. Многие дамы приходили меня повидать, рассказывали о своих туалетах и спрашивали, что я надену. – «Но я не приглашена». – «Не может быть, моя милая, это ошибка ездового». – «Это мне все равно, я не приглашена». Но я сказала Аннете Барятинской, ее смиренной приятельнице, что сыграю с ней штуку. Я послала великому князю записку, говоря, что должна сказать ему что-то весьма важное. Он приехал утром в день большого бала. «Ваше высочество, у вас большой бал, а я не приглашена». Очень смущенный, он мне сказал: «Дорогая г-жа Смирнова, вы знаете, что я в это не вмешиваюсь, приглашает великая княгиня». – «Я это знаю, монсеньор, но ведь всему городу ясно, что наши дружеские отношения уже не те, какими должны быть, и это оскорбительно и для меня и для вас. Я должна иметь приглашение или же отказаться от удовольствия приглашать вас на маленькие вечера, которые вы любите – когда вы приходите без эполет, курите в нашем тесном кругу, отказаться и от вечеров, которые дает вам княгиня Вяземская».
Днем я получила свое приглашение. Я поехала туда, прошла мимо нее не здороваясь, подошла прямо к императрице и рассказала ей все дело; она меня одобрила. Она подошла и села возле императрицы, очевидно, чтобы посмотреть, что я буду делать. Я не обратила на это никакого внимания. Я ушла с бала, не простившись с нею, и с тех пор ни ногой в этот дворец, Я сказала мужу, чтобы он не смел расписываться за меня и что если он это сделает, я вычеркну свое имя. У него страсть расписываться, я думаю, что если бы было 100 великих княгинь, он поехал бы повсюду. Я поехала в Михайловский дворец и видела, что он не внес мое имя. <...>
– Дорогая, вы очень хорошо сделали.
[201] Затем графиня ушла, мы пошли посмотреть, как молятся дети. На коленях, сложив ручки, они как две голубки повторяли: Добрый Боже, мягкий, кроткий, / Глянь на малое дитя, / Пожалей мою невинность, / Допусти меня к себе *(англ.).*
Я перевела ему эту трогательную молитву, он был очень взволнован и сказал мне:

На другой день в 12 часов я диктовала об институте. Год перед нашим выпуском у нас отстроилась квартира для священника, и к нам был назначен новый законоучитель Василий Михайлович Наумов. Он был из лучших учеников московского митрополита Филарета, когда он был ректором Петербургской духовной академии. Литургию мы знали наизусть, потому что пели на крылосах, книгу «Молитвослов» придворного священника мы знали наизусть, это не что иное, как выписки из книги «Премудрости Соломона» и «Экклезиаста», но надобно было выучить Филаретов катехизис и толкования, кроме того – толкования на притчи и вообще евангельскую историю. Наумов был молод и красив, светло-голубые ясные глаза, черные, как смоль, волосы и маленькая бородка. Он ходил в коричневой рясе, а на груди золотой крест на зеленой ленте. Некоторые девицы вздумали его обожать и ходили несколько раз в коридор просить его благословения; он это заметил и строго запретил это излишнее проявление чувств. В первый раз он приготовил нас к серьезной исповеди и важному делу приобщения; мы провели почти всю неделю в молчании, а после исповеди легли молча в постели. После обедни, как обыкновенно, приехала императрица и поздравляла нас с причастием св<ятых> тайн; в этот день мы пили чай с вареньем и просфорой.

– Ах, что это за императрица и что за попечение о детях!

– Наконец пришел день экзамена, в 10 часов императрица приехала, с ней князь Александр Николаевич Голицын, и нас экзаменовали у священника, в час мы обедали, а государыня завтракала, в 2 часа начался опять экзамен и продолжался до 7-ми. Потом было еще три экзамена у других учителей – а потом и публичный, на котором из уважения к государыне были два митрополита – Серафим Петерб<ургский> и Московский Филарет. Киса, il faut que vous lisiez les sermons de Philarète, il y a de magnifiques, surtout celui sur le silence. Plusieurs sont traduits par Александр Скарлатин Стурдза, c’est homme qui louche et qui est si laid, je l’a vu chez Cleopatra, c’est aussi un Valaque, qui a émigré lors du mouvement soulevé par Ipsilanti dans les principautés, mouvement qui a si mal réussi. Il a été fait prisonnier par les Autrichiens.

– Dites plutôt – ces autres chiens.

– Киса, vous plaisantez toujours[202].

Был также католический епископ Сестренцевич, иностранные послы и родственники, под конец танцевали Fandango, испанский танец, и тем заключился наш последний экзамен. Это было на масленой неделе. Я вам не сказал, что при Кремпульке образовались две партии, русская и немецкая. Герман и она мешались во все, и даже в уроки священника; но он их порядком отбрил, затем она вымещала свою злобу на Плетневе. Несколько лет спустя имп. Александра Федоровна взяла меня с собой на экзамен в институт в пятницу на масленице. Священник начал вопросом: «Что такое сырная неделя?» – «Неделя приготовления к Великому посту, т. е. покаяния». – «Как же ее встречают в свете?».

Императрица, обратившись к начальнице, сказала: «Ce sont des pierres dans mon jardin», та сейчас же, подлянка, сказала: «Il a assez examiné». – «Non, non, je vous en prie».

Pletneff m’a fait cadeau pour mon jour de naissance, там есть Илья Муромец, Никита Добрынин, который сидел сиднем на дубе 40 лет, и Соловей-разбойник, и княжна Макобитая из роду армянского, мы так называли княжну Абамелек, которая за Ираклием Баратынским и пресмыкается перед Аленкой.

Tu peux me tutoyer et m’appeler par mon nom, mais pas m’embrasser. Et maintenant il faut écrire les invitations, puis j’irai chercher de la percale rouge pour les rideaux, il faut s’assurer que le plafond est assez solide pour le lustre du Conversazion et commander l’éclairage tout autour de la salle[203].

---

[202] нужно вам прочесть проповеди Филарета, есть превосходные, особенно та, что о молчании. Многие из них перевел Александр Скарлатин Стурдза, этот человек косой и так уродлив, я видела его у Клеопатры. Он тоже валах, эмигрировал со времени волнений, поднятых Ипсиланти в княжествах, волнений столь безуспешных. Его заключили **в** тюрьму австрийцы.
– Скажите лучше – эти собаки (непереводимая игра слов).
– Киса, вы всегда шутите.

[203] Это камешки в мой огород <...> Он достаточно экзаменовал. – Нет, нет, прошу вас.
Плетнев сделал мне подарок ко дню рождения <...> Ты можешь говорить мне ты и звать меня по имени, но не целовать меня. А теперь надобно писать приглашения, потом я пойду искать красный перкаль для занавесок, нужно убедиться, что потолок достаточно крепок для люстры из «Конверсацион» и заказать освещение вокруг всего зала.

– Все это я сделаю с Михайлой, я знаю наверное, что люстра будет безопасна; когда выживали мышей, Михайла говорил, что там очень крепкие стропила.

– Ну, пиши приглашения.

A Monsieur de Bacourt, ex-ministre de France en Amérique, d'où il a rapporté un estomac délabré que le réduit au régime de la poule au riz.

A Monsieur le Baron Antonini, ex-ministre de Naples à Berlin.

A Mr et M-me Zea Bermudes, ministre d'Espagne.

A Mr l'éx-Grand Corregidor de Madrid.

A Mr Platonoff avec son nez fourré et toute la fourrure en général[204].

– Что вы тут пишете?

– Приглашения на бал.

– Какой бал?

– На наш, для Бетюны.

– Стоит тратить деньги на такой вздор!

– Я сделал счеты, все с угощеньем и музыкой будет стоить 500 фр.

– Шутка! Во всяком случае, слуга покорный, я пойду ночевать у Герсдорфа.

– 500 франков, а сколько тысяч ты просадишь на рулетке?

– Деньги мои, и я имею право тратить, как хочу.

– Что ты меня все попрекаешь, что я бедна. Ведь ты женился для положения в свете, а Пушкин мне говорил, что ты своими манерами и спором портишь мое положение. Ecrivez, Киса.

A Monsieur le Baron de Letzbok, à Mr le Banquier Meyer, il est prié d'amener Mr Pavarin, on dansera; à Madame la Princesse Lobanoff avec ses filles les Princesses de Cuba.

– Опять шалости, и весьма неприличные, что за страсть.

– Mais c'est ne pas de moi, c'est la Comtesse Worontzoff – Dachkoff, leur cousine, qui dit cela, вот она так шалунья: elle

---

[204] Господину Бакуру, экс-посланнику Франции в Америке, откуда он вывез расстроенный желудок, который держит его на режиме курицы с рисом.
Господину барону Антонини, экс-посланнику Неаполя в Берлине.
Г. и г-же Зеа Бермудес, испанскому послу.
Г. экс-Великому коррехидору Мадрида.
Г. Платонову с его мохнатым носом и всеми мехами вообще.

nomme le ministre de la guerre Gavnachovsky et cela tout haut quand il dîne chez eux; elle a pris ce mot de Marie Zonine qui l'a dit à Cambanis.

Elle l'a emprunté à la Marquise de Bellissino qui est remarquable pour les coq-a-l'âne et ses brioches. Elle dit p<ar> e<xemple>: Le bonheur n'habite pas plus sous les nombrils dorés au lieu sous l'abri, pour sandwich elle dit les cuites Suisses, pour steeplechase – les six petits souris. Il y a deux Mrs de Nadaillon qui se ressemblent à tel point qu'on ne sait jamais auquel on s'adresse. Un jour quelqu'un disait devant elle: «Comme ces Messieurs de Nadaillon se ressemblent»[205]. «Oui, – dit elle, – et surtout Isidore». On est parti d'un éclat de rire.

– Sais-tu, ce n'est pas si bête, il y avait un qui était le type pour elle.

– У тебя все в извинительном падеже.

– A son Altesse le Prince Emile de Hesse-Darmstadt, à son Altesse le Prince George de Hesse, il est prié d'amener son aide de camp, la Princesse Lobanoff est priée d'amener avec elle autant de danseurs que possible de Carlsruhe, le Baron Queller, Monsieur Ouria et Sarasaga. Et les Дышки et Douchki?

– Не нужно, они меня не звали на пикник, где фордыбак вздумал с Олечкой танцевать в белых штанах, споткнулся и встал зеленый с одной стороны.

– Ils ne m'ont pas invité non plus et si ce n'était les pirouettes je n'y mettrais plus les pieds, je ne sais pas qui est le plus odieux, Шурочка avec le nez de son Papa ou le garçon. Par exemple, tu crois

---

[205] Пишите, Киса. Господину барону Летцбоку, г. банкиру Мейеру, просят привести с собой г. Паварина, будут танцевать; госпоже княгине Лобановой с ее дочерьми, княгинями Куба. <...> Но это же не я, это графиня Воронцова-Дашкова, их кузина, говорит так, вот она так шалунья: она называет военного министра Гавнаховский, и вслух, когда он обедает у них; она взяла это слово у Мари Зониной, сказавшей его Камбанису.
Она заимствовала его у маркизы Беллисино, знаменитой своей нескладицей и своими бриошами. Она, например, говорит: «Счастье не живет теперь более под золочеными пупками», вместо «под золоченым кровом», вместо «сэндвич» она говорит «швейцарские варенья», вместо «стиплчез» – «шесть маленьких мышей». Есть два гг. Надайон, до того похожие, что никогда не знаешь, к которому обращаешься. Однажды кто-то говорил при ней: «Как похожи эти господа Надайон».

que je te laisserai aller à Carlsruhe pour une chose dont je ne me servirais jamais? Ce serait un jour interminable[206].

– Tu es un ange, merci pour ces paroles.

– Le Baron de Gersdorf faut-il?

– Non, puisque ton mari va passer la soirée et la nuit dans cette tanière.

– Le protégé de Léonidas a déposé sa carte, Mr Duval, secrétaire général de la comission centrale de la délimitation du Rhin entre la France et l'Allemagne[207]. Вот, кажется, все и вся. Пойдем походим, а потом будем читать «Мертвые души», ты будешь все время смеяться.

На террасе мы услыхали крик. Забияка Оли расцарапала Адину в кровь, та, бедняжка, бросилась Дикинсон на шею, Эйландт ударила Олю, и я приказала ее поставить в угол до моего прихода, а Адине купила игрушку у très joli chapeau[208], где произошел шкандал и куда сбежались княгиня Ливен и гр<афиня> Нессельроде, даже Los Rios. Когда мы пришли домой, услыхали крик в детской. Эйландт неосторожно оставила, к счастью, не слишком горячий утюг на полу, Оля подошла и села на него. Когда она нас увидела, закричала: «Киливов, бобо», он приложил прованского масла и ваты, та успокоилась. Эйландт ее взяла на руки покачать, но она еще плакала, мы ей сделали другую перевязку, и она заснула. На другой день княгиня

[206] «Да, – сказала она, – и особенно Исидор». Все покатились со смеху.
– Знаешь, это не так глупо, один из них был для нее образцом.
– Его высочеству принцу Эмилию Гессен-Дармштадтскому, его высочеству принцу Георгу Гессенкскому, его просят привести своего адъютанта, княгиню Лобанову просят привести с собой из Карлсруэ сколько возможно танцоров, барону Квелеру, господину Урину и Сарасага. А Дышки и Душки? <...>
– Они меня тоже не пригласили, и если бы это не сочли уверткой, я бы туда больше ни ногой. Не знаю, кто противнее – Шурочка с носом своего папы или мальчик. Ты, например, думаешь, что я позволю тебе ехать в Карлсруэ за вещью, которой я никогда не воспользуюсь? Это был бы нескончаемый день.

[207] – Ты ангел, спасибо за эти слова.
– А барона Герсдорфа нужно?
– Нет, потому что твой муж проведет вечер и ночь в этой берлоге.
– Протеже Леонидас оставил свою карточку: г. Дюваль, генеральный секретарь центральной разграничительной комиссии по Рейну между Францией и Германией.

[208] Очень хорошенькой шляпки.

Ливен ей принесла eine Wasserpumpe[209], которая их обеих восхитила. А Киселев вынул из кармана фарфоровую куклу и ванну. Графиня Нессельроде тоже пришла. Эти две женщины, на вид сухие и гордые, страстно любили детей. Княгиня покупала для бедных, грязных девчонок игрушки, пряники и одевала, обувала их.

Когда мы помолились, он мне сказал: «Я дома еще перечитываю молитвы и не могу налюбоваться богатством славянского языка и сравниваю его с греческим».

– Да ведь перевод как Евангелия, так и молитв подстрочный. Хомяков говорил, что духовные писатели самые лучшие, как, например, Филарет и одесский епископ Иннокентий.

– Кто такой Хомяков?

– Ах, боже, как ты отстал от всего русского. Алексей Степанович Хомяков, премилейший человек. Я с ним познакомилась у Карамзиных. Он делал кампанию 30-го года в Турции в качестве уланского офицера. Маленького роста, курчавый, весьма смуглый, глаза у него выражали какую-то невыразимую, но неоскорбительную насмешку. Он не был кос, но то, что называют: один глаз на вас, а другой в Арзамас. Он болтает неумолкаемо. Он тоже религиозный поэт, у него есть прелестные стихи под названием «Галилейские рыбаки».

– А тебе он писал стихи?

– Написал, но я их не помню, он тоже коверкал мое имя и начинает так: «От роз ее название», далее не помню. Андрей Николаевич написал тогда предлинную и прескучную поэму под названием «Тивериада» и сделался предметом его насмешек. У княгини Зинаиды Волконской, которая вывезла гипсовые слепки статуй из Рима, был тоже Бельведерский Аполлон – c'est un chef d'oeuvre de l'art grec et, chose étrange, je trouve que le profil rappelle celui de Mouravieff. Раз на вечере у Волконской Муравьев разбил его, и Пушкин его назвал «Бельведерский Митрофан».

Тогда у Карамзиных вечером собирались то, что мы называем les jeunes gens distingués. Distingués me rappelle que le Dr Mianovsky dit de la Grande Duchesse Марья Николаевна:

---

[209] Водяной насос *(нем.)*.

«Elle est fine et distinguée»[210]. Il est drôle sans le vouloir, il entendait toujours parler de Bacourt chez la Princesse Leonille Wittgenstein, et un jour il demande, qui est ce Mr Бакуров dont on parle tant.

– Бакуров est adopté et je le mettrai dans l'invitation, mais qui étaient ces jeunes gens distingués?

– Алексей Владимирович Веневитинов, Титов, très ennuyeux, surtout quand il mettait son chapeau sous la chaise, Александр Ив<анович> Кошелев, affreux et des mains ignobles точно красные лягушки, le Prince Odoeffsky, Павел Александрыч Муханов, avec qui Sophie Karamsine flirtait et Mr Smirnoff.

– Flirtait, quelle est cette expression?

– Une coquetterie innocente s'appelle en Anglais flirtation. Это запишите для Палена и Гревеница.

– Et toi, est-ce-que tu flirtais avec Smirnoff?

– Pas du tout, вот нашел с кем кокетничать. En fait des Dames, il y avait tous les soirs les trois Comtesses Tiesenhausen, les nièces de Pahlen, Mme Karamsine s'était liée à Reval avec la mère de ces Dames[211]. Elles étaient très belles, mais trop longues de jambes, et Joukoffsky a dit d'elles: «Они очень хороши, но жаль, что нижний этаж вверх просится».

Он разразился смехом: «Ceci est charmant, c'est si finement dit».

---

[210] это шедевр греческого искусства и, странное дело, я нахожу, что профиль напоминает профиль Муравьева. <...> изысканные молодые люди. Изысканные напоминает мне то, что д-р Мяновский сказал о великой княжне <...> «Она тонка и изысканна»

[211] Он, не желая того, очень забавен: он слышал, как у княгини Леониллы Витгенштейн всегда говорили о Бакуре и один раз он спрашивает, кто этот г. <...>, о котором так много говорят.

<...> и я это помещу в приглашении, но кто были эти изысканные молодые люди?

– <...>, очень скучный, особенно когда ставил свою шляпу под стул, <...>, ужасный, с мерзкими руками <...>, князь Одоевский <...>, с которым флиртовала Софи Карамзина, и г. Смирнов.

– Флиртовала, что это за выражение?

– Невинное кокетство называется по-английски флирт <...>

– А ты, ты флиртовала со Смирновым?

– Ничего подобного <...>. Что касается дам, там всякий вечер бывали три графини Тизенгаузен, племянницы Палена. Г-жа Карамзина была дружна с их матерью в Ревеле.

– L’aînée a épousé le commandant de P<eters>bourg, un gros homme très lourd et très ennuyeux, il n’est pas riche et quand la Grande Duchesse Marie s’est mariée avec le Duc de Leuchtenberg, elle a été nommée Dame d’honneur auprès d’elle, la Grande Duchesse l’a prise en grippe parce quelle disait Pitsbourg et peut-être toutes les personnes de nos provinces de la Baltique parlent ainsi[212].

– Так у вас шло веселие в гостиной Карамзиных?

– Да, но я не всякий вечер там бывала, я более из дворца ездила к графине Нессельроде.

– А я-то, медведь, сидел или у Пушкина бывал, видел, как они играют, Пушкин меня гладил по голове и говорил: «Ты паинька, в карты не играешь и любовниц не водишь». На этих вечерах был Мицкевич, большой приятель Пушкина. Он и Соболевский тоже не играли. Однажды, очень поздно, мы втроем вышли, направляясь домой, подошли к недостроенному дому, и Мицкевич пропал. Мы его звали, ответа не было. Мы полагали, что он зашел за угол по надобности, и пошли домой. Я в Почтамтскую, где жил в трех комнатах с Михайлой. На другой день Мицкевич нам рассказал, что рано утром пришли работники и его разбудили на самой опасной высоте дома. Они его спустили в кадке на веревке. С ним был припадок сомнамбулизма, и он не может себе растолковать, как он туда забрался.

– У нас в институте была тоже сомнамбула, она вставала и снимала папильотки у девиц, дама классная ее подстерегла, и ей подстилали мокрую простыню у кровати, что ее будило, и эти припадки исчезли.

– Мицкевич теперь в Париже, и ты можешь его встретить у Софьи Станиславовны. У нее собирается вся польская эмиграция, и я у нее редко бываю.

---

[212] Они были очень красивы, но с слишком длинными ногами, и Жуковский сказал о них: <...>. «Это прелестно, это так остроумно сказано».
Старшая вышла замуж за петербургского коменданта, толстого человека, очень тупого и скучного. Он небогат, и когда великая княжна Мария вышла замуж за герцога Лейхтенбергского, ее назначили к ней фрейлиной. Великая княжна ее невзлюбила, потому что она говорила Питсбург, но, вероятно, все люди из наших балтийских губерний так говорят.

– Жуковский просил меня познакомиться с Николаем Ив<ановичем> Тургеневым.

– Я у них тоже не могу быть, да и повода нет.

– Я очень хорошо знаю и часто вижу его брата Александра, он очень дружен с Жуковским. Однажды на вечере императрицы государь мне сказал: «Vous voyez beaucoup Tourgeneff, c'est un ennemi de notre famille». – «Votre Majesté, croyez-vous, que si j'en était persuadée et s'il s'était jamais avéré de dire un mot contre vous, je l'aurais reçu? C'est un homme excellent et par conséquence c'est un bavard très amusant. Un jour il disait devant Joukoffsky: "J'ai cherché Dieu dans la nature, dans les temples..."» – «И все ты врешь, – сказал Жуковский, – никогда и нигде ты его не искал». – «Да, – me dit l'Empereu[213], – Жуковский уговорился с ним ехать за границу, наставник моего сына едет с этим либералом». Я Жуковского предупредила, он пошел к императрице, которая всегда улаживает его промахи, и тем дело кончилось. Он страдал сильным геморроем и поехал в Швейцарию со своим другом, безруким Рейтерном, который прекрасно пишет левой рукой акварели. Он ему выхлопотал пенсию. Ах, Киска, я забыла тебе сказать то, что никому никогда не говорила. Жуковский хотел на мне жениться.

– Et tu as préféré Smirnoff?[214]

– Аттанде-с, аттанде-с, Смирнов тогда не показывался на нашем горизонте и преспокойно веселился во Флоренции. Жуковский вечно шутит. Я ходила вокруг озера и слышу издали голос: он был у Греческого мостика и кричит мне: «Принцесса моего сердца, я сделан генералом, хотите ли быть со мной генеральшей?» – «Сама генеральша прежде вас: фрейлины 8-го класса». В этот день Плетнев приехал давать урок в<еликим> князьям, и мы его пригласили с нами обедать. После обеда он мне вдруг говорит: «Вы начинаете скучать во дворце, не пора ли вам выйти замуж?» – «За кого? Разве

---

213 Вы часто видаете Тургенева, это враг нашего семейства.
– Неужели вы думаете, ваше величество, что если бы я была в этом уверена и если бы подтвердилось хоть одно его слово против вас, то я принимала бы его? Это прекрасный человек и, соответственно, очень забавный болтун. Однажды он говорил при Жуковском: «Я искал Бога в природе, в храмах...» <...> – сказал мне император

214 – И ты предпочла Смирнова?

за камер-лакея. Кроме уродов, вроде флигель-адъютанта Элпидифора Антиоховича Зурова или Юрьевича, мы никого не видим». – «А Василий Андреевич? Он мне дал поручение с вами поговорить». – Что вы, Петр Александрович, Жуковский тоже старая баба. Я его очень люблю, с ним весело, но мысль, что он может жениться, мне никогда не приходила в голову. Да я не хочу выходить замуж, а что мне скучно, так я скучаю, недаром Пушкин говорит:

Что ж делать, бес,
Вся тварь земная скучает.

Потом уж я была замужем, по обыкновению сидела с работой у лампы, пришел Жуковский и болтали до 11 часов; уходя, он мне сказал: «Вот видите, как мы приятно провели вечер, это могло быть всякий день, а вы не захотели».

– Бедный Жуковский!

– Не жалейте его, он женился на дочери Рейтерна и очень с ней счастлив, несмотря, что ей 20 лет, а ему 55. Жаль только, что она страдает нервами. У меня есть его комические письма, я прочту их тебе. Ах ты, замухрышка! – и провела рукой по его милому лицу.

Однако надобно продолжать диктовку об институте. Наконец настал день выпуска, у нас была обедня, молебен с коленопреклонением, в последний день мы пили чай с булкой, а в 12 часов послышался звонок и вошла в рекреационную залу императрица. Мы все стояли в ряд, сперва 6 шифров золотыми буквами «М» с короной на белой муаре ленте и красной по краям.

– А кто скажет «вы», тот платит штраф. Я тебя поцелую в лоб.

– Подлец, а как ты смел коснуться моих губ?

– Ce n’est pas ma faute, c’est la faute de nos dispositions géométriques.

– Pour te punir, je vous dis que je n’admets pas de dispositions géométriques. Puis venaient les médailles d’or. Мы так смастерили, что Стефани получила вторую золотую; она до смерти боялась импер<атрицы>, которая часто приезжала в класс, спрашивала, кто лучше учится и ведет себя, и всегда кончала: «Et la petite Radziwill?» Бедняжка смотрела на нас

умоляющими глазами, и мы говорили ей: «Elle se donne beaucoup de soin et apprend surtout très bien chez l'abbé Deloche»[215]. Затем 6 серебряных медалей, а потом поклоны.

– Что такое поклоны?

– Подходили к императрице, делали глубокий révérence[216], она давала целовать руку. Последний был бедной Трембицкой, которая не хотела подходить, но ее императрица подозвала и сказала: «Mon chère enfant, si Dieu ne vous a pas donné les moyens de bien apprendre, vous avez un bon coeur, vous connaissez les prières, et je suis sûre que vous soutenez bien votre vielle mère, vous avez 250 roubles comme toutes celles qui sont pauvres, et je payerai les voyages de retour»[217].

Девицы уже были все в городских платьях, за императрицей унтер-офицер Белокуров и Митин несли корзинку, в которой были евангелия в два столбца, издание Библейского общества, она собственноручно каждой дала евангелие и советовала читать всякий день одну главу, всю книгу по ряду. Уезжая, она сказала: «La petite Rossette et Euler doivent rester à l'Institut jusqu'à nouvel ordre»[218]. Мы еще раз благодарили государыню. Когда она уехала, пошли прощания и слезы тех многих девиц, которые знали, что в бедных деревушках их ждет скука и разочарование.

– Что такое Библейское общество?

– Покойный государь не был религиозен, так его учил мой дяденька La Harpe, но его знакомство с madame Krudener в Париже в 1815 году внушило наклонность к протестантству. Когда он был в Англии, где его принимали с энтузиазмом, он просил Ливена познакомить его с квакерами под предлогом осушения болот под Петербургом. Он пригласил Daniel Wheler,

---

[215] – Это не моя вина, в этом виновато наше геометрическое расположение.
– Чтобы тебя наказать, говорю тебе, что не признаю геометрических расположений. Потом шли золотые медали. <...> А маленькая Радзивилл? <...> Она очень старательна и лучше всего учится у аббата Делоша.

[216] Реверанс.

[217] Мое милое дитя, если Бог не дал вам способностей к ученью, то у вас доброе сердце, вы знаете молитвы, и я уверена, что вы сможете поддержать вашу престарелую матушку. Вы получаете 250 рублей, как все те, кто бедны, и я оплачу возвратную дорогу.

[218] Пусть маленькая Россет и Эйлер останутся в институте до нового распоряжения.

Веннинга и Питта с женой поселиться в Петербурге. Питт и его жена жили во дворце, и я их еще там застала. Тогда многие увлекались крайним протестантизмом, как и сам государь, и во дворце жил слепой Родион Александрович Кошелев, весьма умный и замечательный человек, как говорили. В Москве еще при Екатерине господствовал мартинизм: Лопухин, знаменитый Репнин, который был в Польше, Камынин, а в особенности Новиков и Тургенев, отец Александра, Николая и Сергея, тоже принадлежали к этой секте. Веннинг сделал много добра, он занялся тюрьмами, выучился по-русски, всегда был при ссылке преступников в Сибирь. Священник им читал XV главу из евангелия о блудном сыне. Купцы и благодетельные люди посылали им на дорогу калачи, сайки и пироги. Несчастные шли закованные пешком в Сибирь и останавливались по этапам. Во всех станциях есть этапные избы с железными решетками, где они ночуют, а мужики обязаны их кормить. Наш добрый народ их называет несчастными.

– Как это название верно.

– Крестьяне им дают на дорогу хлеб, а кто и копейку. Пушкин мне рассказывал, что под Нижним он встретил этапных. С ними шла девушка не в оковах, у нас женщин не заковывают. Она была чудной красоты и укрывалась от солнца широким листом капусты. «А ты, красавица, зачем?» Она весело отвечала: «Убила незаконнорожденную дочь пяти лет и мать за то, что напрасно журила». Пушкин оцепенел от ужаса.

Знаешь ли, что Пушкин всегда тоскует весной. Плетнев сказал: «Ты все повторяешь: грустно, тоска, ничего не пишешь и не читаешь». – «Любезный друг, – отвечал он, – вот уж год, что я, кроме евангелия, ничего не читаю». Я тебе советую всякое утро читать главу из евангелия, ты увидишь, как это приятно.

– Очень буду благодарен, но диктуй.

– Да, да, что бишь я сказала. Да, я оставалась недели три в институте, спала, сколько хотела, звонка уже не боялась, нас оставалось кажется, 20-ть, за которыми родные не успели приехать, между прочим была Нагель и Крупетьева, которая пела и нас забавляла, я вышивала что-то по канве, а более сидела у mlle Wallace, читала с ней английскую историю Лингарда и чистила свою канарейку. Мы ходили в казенных платьях, но раз утром меня позвали к начальнице, сняли с меня мерку

и сшили мне черное платье, черный чепчик с шлейфом, белые плерезы и черный вуаль: мы носили траур по Елизавете Алексеевне. Она скончалась в Белеве, куда вдовствующая государыня поспешила, но не застала ее в живых. Потом ее похоронили в Петропавловской крепости без всяких церемоний. Стефани в день выпуска уже поехала во дворец, а нас представили государю и государыне в Зимнем дворце. Государь был еще бледен и худ, но я его еще прежде видела при нашем выпуске, когда мы пели прощальные стихи сочинения Плетнева на музыку Кавоса:

Расстаемся, расстаемся
Мы с приютом детских лет.
Мы судьбе, зовущей в свет,
Безвозвратно отдаемся.

Был у нас другой хранитель,
Он уж взят на небеса.
Небеса его обитель....

далее не помню. Помню, что государь был тронут, девицы пели сквозь слезы, и государыня уехала, чтобы скрыть слезы свои.

Комнаты еще не были готовы в Зимнем дворце, притом половину покойного государя как в Зимнем, так и в Царском заперли. Мы жили в Аничковском дворце, в третьем этаже, конечно, фрейлин. Бывшая гувернантка M-me Вильсон называла их чердачницами. Нам, т. е. Эйлер и мне, дали три комнаты, она спала за перегородкой, а я по ту сторону перегородки, потом была гостиная, мы имели клавикорды и играли в четыре руки. C'étaient la plupart du temps les sonates de Hummel, ses concerts et Dussek; elle dessinait très bien des fleurs et moi je brodais, ma tante Lohrer m'avait prêté des livres, entre autres «La syrène d'Orly», je ne sais plus de qui, et puis les romans de Mme Susa, «Eugène de Rotelain», traduit, je crois, par Joukoffsky. De mes fenêtres je pouvais plonger dans le cabinet de l'Impératrice, elle mangeait quelque chose d'une petit panier et me fit signe de descendre. Я бегом спустилась и она мне сказала: «Avez-vous jamais mangé des frais hors de saison?» – «Jamais, votre Majesté, à l'Institut on nous donnait des pommes et de la черника, quand on apportait cela sur des barques, avec un творог, tout à fait aigre». – «Asseyez-vous là et racontez-moi ce que vous faisiez à l'Institut».

Elle s'en amusait beaucoup, dans ce moment l'Empereur est entré en disant: «Nous voilà retenons encore. Wellington a été

envoyé par le Roi d’Angleterre pour me complimenter»[219]. Он был очень смуглый, худой, глаза черные и дерзкие, волоса тоже как смоль черные. Он, не женируясь, проходил в двери прежде государя. Моден сказал: «Mais c’est Mr de Vilainton»[220]. Он оставался три дня, а потом императорская фамилия, кроме имп. Марии Федоровны, поехала в Царское Село. Эйлер и я, мы ехали с девушками в четвероместной карете, трава чуть пробивалась из густой грязи, вороны каркали, все было грустно, по дороге стояла сосна, я вспомнила стихи

Уединенная сосна,
Товарищ угрюмый и печальный
Юности моей

– И я иногда повторял эти стихи и был как уединенная сосна в Петербурге и в Париже, но здесь нашел то, что искал и сказал: «ευρĕκα».

– Графиня Ростопчина дала кольцо Андрею Карамзину с этим словом.

В Царском мне и Эйлер дали комнаты внизу, у нас был камер-лакей, истопник и мужик. Эти мужики исправляют грязную работу. Истопник Широков мел комнаты, а потом курил придворным куреньем. Он так вонял ногами, что я ему раз сказала: «Широков, не курите, мы отворим окошко». Он мне очень хладнокровно отвечал: «Я знаю, ваше превосходительство, что я всю карьеру потерял от моих ног. Я служил во внутренних покоях у государя. Он был очень доволен моей службой, но заметил мою беду и послал меня к доктору. Он велел мне ноги мыть водкой, я начал пить и теперь буду вечно истопником».

---

[219] Это были большей частью сонаты Гуммеля, его концерты и Дюссек; она очень хорошо рисовала цветы, а я вышивала, моя тетушка Лорер дала мне книги, между ними «Сирена из Орли», уж не знаю чья, а потом романы г-жи Суза, «Эжен Ротлен», переведенный, думаю, Жуковским. Из моих окон я могла заглядывать в кабинет императрицы, она что-то ела из корзинки и сделала мне знак спуститься <...> «Вы когда-нибудь ели ягоды не в сезон?» – Никогда, ваше величество, в институте нам давали яблоки и чернику, когда их доставляли на барках, с совершенно кислым творогом.
– Присядьте там и расскажите мне, что вы делали в институте.
Она очень забавлялась, в этот момент вошел император со словами: «Мы еще задерживаемся. Английский король прислал Веллингтона меня поздравить».
[220] «Ног это г. Дурной тон» (непереводимая игра слов).

Cette histoire a fait le bonheur de Pouchkine, il demandait toujours[221]: «А где же Широков?» Но Широкова отставили и послали на прачечный двор, так он может обкуривать прачек. Всякий день приходил старичок камер-гоф-фурьер со шпагой. Я его раз спросила, давно ли он служит. – «Еще при матушке государыне Екатерине. В этих комнатах жил князь Потемкин-Таврический. Я был уже лакеем, когда красавец фаворит Ланской убился; он прекрасно ездил верхом, у Лебедя хотел перескочить, лошадь споткнулась, и его принесли под колоннаду без чувств. Послали за доктором, открыли кровь, не пошла. Государыня чуть не помешалась, велела запрячь карету и поехала в Петербург, всех перепугала; но потом справилась и утешилась с другим любовником. Ланского похоронили в Софии, в церкви».

Мы еще не были фрейлины, но дежурили. Старшая была графиня Софья Моден. Наш кружок был самый маленький: Моден с дочерью, доктор – шотландец Крейтон, Эйлер и я. Великая княжна Ольга Николаевна жила внизу со своей няней, больной Форман, которую она называла Schai me, большая Мара. C'est la plus belle enfant au monde, императрица ввела белокурую Эйлер к ней и сказала: «Oly, voici mes nouvelles D<emoise>lles d'honneur», она нас назвала «беленькая» и «черненькая», и до сих пор императрица меня называет «черненькая». Тогда производили следствие над виновными 14-го числа, а государь принимал дела от Аракчеева.

Утром мы гуляли и катались с импер<атрицей> в дежурный день. Один раз я прыгала по замерзшим лужам, вдруг отворяется окно, и государь мне кричит: «C'est joli, c'est comme cela qu'on prend froid. Allez-vous d'échauffer et laver vos pieds avec de l'eau de vie». Когда меня разувала девушка, он взошел и сказал: «Je suis venu voir si vous m'avez obéi[222]». Покажи-ка свою ногу. «А, да у тебя очень хорошенькая ножка». Я сгорела от стыда.

Мы обедали вдвоем. Один раз затесался к нам Арнольди, упрекал меня, что я ему не пишу, ел с большим аппетитом, мы

---

221 Эта история приводила в восторг Пушкина, он всегда спрашивал:

222 Это было самое красивое дитя на свете <...> «Оли, вот мои новые фрейлины» <...> «Это мило, вот так-то и простужаются. Подите согрейтесь и вымойте ноги водкой» <...> «Я пришел посмотреть, послушалась ли ты меня».

с ним мало говорили, и я ему объявила, что нам не велено принимать к обеду. Скот! До замужества я его не видела.

– Raconte-moi, comme tu a fait la connaissance de cousin.

– Ce sera plus tard, душенька, c’est si ennuyeux[223]. Вечером Моден читал какой-то роман вслух. Императрица вязала шнурочек на рогатке. Добрый Крейтон засыпал и отправлялся к Сопикову и Храповицкому. Это у Гоголя в «Мертвых душах», мы не дошли еще до этого. Вдруг слышался ровный и мерный шаг государя, он приходил бледный, в сюртуке Измайловского полка без эполет. Императрица ему говорила: «Comme tu as l’air fatiguée»[224] – «Да, поработать с Алексей Андреевичем – не шутка». Он работал иногда до двух часов. Я видела, что поваренки ставили на конфорку ужин. Они мне сказали, что он почти ничего не ел. В тот день, когда произнесен был суд на обвиненными 14 числа, приехал старый князь Лопухин и прочел государю весь лист. Государь купал в канавке своего терьера и бросал ему платок. Камердинер пришел ему сказать, что приехал князь Лопухин. Он сказал, что он направится в свой кабинет, а за ним Гусар. Я взяла платок и сдуру отдала его камердинеру.

Потом мы поехали говеть на Страстной в Петербург. Имп. Мария Феодоровна тоже говела. У нас в Аничкове служил протоиерей Музовский, который был законоучитель в<еликой> к<нягини> Александры Федоровны, а духовник был старый протоиерей Криницкий. Мы все были в белом, тут был весь штат нового двора – адъютанты Владимир Федорович Адлерберг, Василий Алексеевич Перовский, Александр Александрович Кавелин, все люди и конюхи, которые были при государе 14-го числа. Прежде подошла к причастию Мария Феодоровна, потом моя государыня, государь на руках нес меньших детей. Это было так трогательно, что я расплакалась; потом государь приобщался, он во всю обедню пел с певчими. У него необыкновенное ухо. На Страстной неделе были утром часы и вечером. Наследник и Мария Николаевна присутствовали. Государь очень любил «Вкусите и видите», музыку Sarti.

[223] – Расскажи мне, как ты познакомилась с кузеном.
– Потом, душенька, это так скучно.

[224] Какой у тебя усталый вид.

Sarti приехал в Россию по вызову имп. Елисаветы Петровны, которая очень любила музыку. Ты, может быть, не знаешь, что она влюбилась в придворного певчего Кирилла Разумовского и вышла за него замуж, но не имела детей, а княжна Тараканова просто авантюрьерка, которая выдавала себя за ее дочь. Дядя мой Николай Ив<анович> Лорер попался тоже, как почти все офицеры 2-го корпуса, которым командовал Павел Дмитриевич Киселев. Его выпускали гулять в маленький дворик у Алексеевского равелина, он видел черный крест и спросил у солдатика, кто там похоронен. – «Княжна Тараканова. Было наводнение и она погибла, ну так жаль ее могилку, мы по временам и ставим ей новый крест, но не велено выставлять имя». Кирилла Разумовский был честный хохол, у него было свидетельство, что он венчан с Елисаветой Петровной, но так как не было прямых наследников, то, во избежание какого-нибудь беспорядка, он в присутствии Воронцова и третьего лица разорвал этот акт и сжег его. Николай Ив<анович> мне рассказывал, что Разумовский сохранил все свои привычки за обедом со своей прислугой как с челядью. Он уезжал очень поздно от государыни, и раз нашел, что его лакей Гришунька крепко спит, а шубы нет. – «А где же шуба?» Тот хватился: «Ваше сиятельство, ее вкрали, только не говорите камердинеру, он мне житья не даст». – «Не бойся, не скажу». Хоть и было холодно, сиятельный поехал домой. Когда камердинер спросил: «Грицко, а где же шуба?» – «Про то граф знае». А когда он спрашивал графа, тот отвечал: «Про то Грицко знае».

– C’est charmant.

– Oui, c’est charmant, comme tout ce qui est petite Russie, c’est toujours original au moins et comme les chansons sont jolies! Гоголь me citait souvent celles que je ne connaissais pas[225]:

Увяли лози
При дорози,
С инесеньким свитом
Ходи казак по улици
В свитлой белой кошуленци.

[225] – Это прелестно.
– Да, это прелестно, как все малороссийское, это всегда по меньшей мере оригинально, а как прекрасны песни! Гоголь часто приводил мне те, которых я не знала:

– Ведь род Киселей казацкий, и я, право, хочу записаться в хохлы, казаки те же хохлы.

– Конечно. Гоголь удивительно как читает стихи и вообще великий актер; он очень любил русскую песню:

> Пантелей государь ходит по двору,
> Вахрамеич государь по широкому,
> Шапка на нем соболья.

Il dit cela avec une expression très expressive[226]. В Рождество в Малороссии обычай колядовать, т. е. Христа славить по вечерам, одна из этих коляд говорит:

> Небеса растворились
> И все ангелы поклонились.

Гоголь ne connaissait pas Щепкин qui est aussi petit Russien, mais de Курск[227], там черкасы и ходят тоже с чубами. Он был крепостной графа Волкенштейна, который очень любил театр, он заметил, что маленький Мишка умен и проворен, и отдал его учиться у дьяка, тот, конечно, начал с псалмов. Однажды Щепкин его спросил: «Для чего эти точки и запятые?» Тот его ударил по голове: «Ах ты, дурень, не знаешь! Щоб дух переводить» После Щепкин играл на домашнем театре Волкенштейна при курском дворянстве. Гоголь встретил Щепкина на Никольской в лавке Ферапонтова, узнал по выговору, что он хохол, и Гоголь ему сказал: «Гей, чи живи, чи здорови вси родичи гарбузови?» Тут они сошлись и остались навсегда друзьями, и, конечно, никто лучше Щепкина не играл в его комедиях.

В Малороссии жена – хозяин и хозяйка дома, что и выражается в одной песне:

> Мужик сияв жито,
> Жинка каже: мак.
> Нехай так, нехай так,
> Нехай жито буде мак.

> Мужик поймав щуку,
> Жинка каже: рак,
> Нехай так, нехай так,
> Нехай щука буде рак.

---

[226] Он говорил это очень выразительно.
[227] не знал Щепкина, который тоже малоросс, но из Курска.

– Что такое нехай и жито?

– Жито – пшеница, а нехай – пусть будет так. Есть и заунывные, я пропою:

Не ходы, Грицю, тай на вечерницю,
На той вечерници дивки чаровници.

– Ах, какой милый голосок, точно птичка-чаровничка!

– Щепкин очень хорошо рассказывал один анекдот. В Малороссии нескончаемые степи, пастухи (там их называют овчарами, потому что они стерегут огромные стада овец), испанских овец развел некто Вазар, выписанный тоже Ришелье. Эти пастухи живут очень далеко один от другого, и месяц за месяцем проходит, они в своих шалашах спят, когда подпасок сторожит стадо. В города они редко ходят. Однажды один овчар встретил другого. «Здорово, Грицко!» – «Здорово, Сидорко!» – «Пора богу молиться, помандруем в город (т. е. пойдем)». – «Помандруем» – и пошли. Но Грицко говорит: «Иди ув перед, я забув свою тавлинку (т. е. табакерку)». Тот и пошел в город, видит, что народ идет в церковь и звонят. Он спросил у старухи, указывая на колокольню: «Що се таке?» – «Дурень, то ж звинилочка». Вошел в церковь, видит плащаницу и спрашивает: «Що се таке, длинная, протяглая?» – «Дурень, а то ж Христос, неж ты не знаешь, що жиды Христа распяли?» – «Ах, они, бисовы дети!» Вышел из церкви, пошел в шинок и начал пить. Грицко пришел и видит, что он заливается горькими слезами. «Що ты плачешь?» – «Пий, говорю тоби, жиды Христа распяли!» – «Ах, воны, бисовы дети, а кого же возьмут за Христа?» – «Николая Чудотворца». – «А що вин – хорош?» – «Хорош, тильки з москалями дюже руку тяме». Это Котляревский рассказывал у генерал-губернатора князя Репнина за обедом.

Государь был очень недоволен оренбургскими казаками, которые бунтовали (их послали на Кавказ) и спросил Репнина, не может ли он указать ему верного есаула из днепровских казаков, чтобы их отвезти туда. Государь с ним говорил, и тот ему сказал: «Будь покоен, государь, не сослужим таку службу, як твои москали». Это слово неприятно поразило государя и доказало, как сильно нерасположение хохлов к кацапам, т. е. бородатым. Вот ты – кацап с своими бакенами, но ты добренький кацап.

– Скажи, пожалуйста, вы часто ссорились и бранились в институте?

– Там не позволено было говорить дура, а говорили противная, а самое ужасное было, если скажут – не забудьте, что вы сделали пушку при учителе.

– Неужели вы не знали настоящего названия этого грешка?

– Вероятно, знали, но так было принято. Не знаю, как это случилось, но бедная Шторх сделала пушку и так сконфузилась, что сказала: «Право, это не я». – «Да я вас и не обвиняю, г-жа Шторх». Мы все покраснели. «Mesdames, какой стыд».

Плетнев нам читал «Онегина», и когда он говорил «и панталоны, фрак, жилет», все шопотом сказали: «Mesdames, какой, однако, Пушкин индеса»[228]. Ты знаешь, что государь, только что воцарился, вызвал Пушкина в Москву и сказал ему, что он надеется, что он переменит свой образ мыслей и взялся быть его цензором. Государь цензуровал «Графа Нулина». У Пушкина сказано: «урыльник». Государь вычеркнул и написал «будильник». Это восхитило Пушкина. «C'est la remarque de gentilhomme»[229]. «А где нам до будильника, я в Болдине завел горшок из-под каши и сам его полоскал с мылом, не посылать же в Нижний за этрусской вазой». Государь тоже цензуровал последние главы «Онегина».

– Все это не при мне писано.

– Я очень удивилась, когда раз вечером мне принесли пакет от государя, он хотел знать мое мнение о его заметках. Конечно, я была того же мнения и сохранила пакет, il y a cette magnifique paraphe[230] и в его почерке виден весь человек, т. е. повелитель. А теперь довольно, я устала.

Сашка объявил, что господин Танке с супругой и дочерью желают засвидетельствовать свое почтение. – «Проси». Они вошли, все в том же костюме. Я встала и просила их сесть.

– Мы непременно хотели вас благодарить за указание Баден-Бадена: место очаровательное. Мы ходили в старый замок, эхо там удивительное, повторяло слово в слово стихи Сашеньки. Я в первый раз в жизни слыхал эхо.

---

228 От *фр.* indécent – непристойный.

229 Это замечание джентльмена.

230 там этот великолепный росчерк.

– Да, оно точно удивительное. Позвольте вас познакомить с господином Киселевым, первым секретарем русского посольства в Париже.

– Я, кажется, имел удовольствие вас видеть у старого замка и удивился памяти вашей дочери. Она почти всю оду «Бог» Державина знает наизусть.

– Очень приятно с вами познакомиться. Мы для единственной нашей дочери ничего не щадили и по нашим средствам доставили ей воспитание. Теперь мы едем в Россию, как ни мило и приятно за границей, но душу тянет в родную землю. Наконец, пора устроить судьбу нашей дорогой Сашеньки, все, что наше, ей принадлежит. Мы ей уступим весь дом, и нам, старым людям, довольно двух комнат. Если Господь продлит наши дни и благословит ее брак, моя старушка будет няньчить ее детей.

– Ах, папенька, я не хочу с вами расставаться.

– Мы не расстанемся, друг мой, но судьба девушек выходить замуж и основать новую семью.

– Вы совершенно правы, и надеюсь, что найдете ей супруга по сердцу и достойного человека.

– Конечно. Но где же ваш супруг?

– Он гуляет, я ему передам ваше желание его встретить.

После этого они ушли.

– Киса, что ты смеешься?

– Смеюсь и удивляюсь, что ты умеешь говорить с людьми их языком.

– Вот и у Танковых своя душевная поэзия, они очень счастливы и, вероятно, в своей скромной доле она будет счастливее меня, они не видят, что их Сашенька дурна и смешна, Константин Аксаков поехал в Киев и на последней станции Бровары он слышал песню, которую и записал. Девушка утешала своего возлюбленного, за которого не могла выйти замуж. Песня длинная, но конец прекрасный:

Чи моя недоля,
Чи твое несчастье.

– Comme c’est joli, je puis dire aussi

Чи моя недоля,
Чи твое несчастье.

Dis-moi franchement, m’aurais-tu épousé pauvre comme je suis?

– Sans hésiter, si je t'avais connu comme je te connais à présent. Quand on s'aime, la pauvreté materielle n'existe pas à ligne de compte.

– Tu le crois, à P<eters>bourg je n'avais donc que quatre mille roubles gagne. Mon frère Paul m'a équipé, ainsi que Михайлу, m'a donné une pelisse, loué et payé d'avance mon logement et l'a fait tous les ans, mais il n'a jamais voulu me donner de l'argent et m'a dit: «Приучайся к лишениям, не делай долгов, я начал как ты, довольствовался жалованьем, а теперь живу по чину, но одним жалованьем».

– Je n'aurais pas été si pauvre, on donne aux D<emois>elles d'honneur 12 000 rb. papier приданого et l'Impératrice donne подвенечное платье et la robe du lendemain, la mienne était en dentelle russe sur du rose et un chapeau rose. J'aurais dépensé 6000 roubles pour le linge et toilettes. Павел Дмитриевич t'aurait fourni la vaisselle et un logement de 5 pièces на Фурштатской. La grande dépense c'est les couches, mais il est plus que probable que je n'aurais pas eu le malheur d'avoir un trop grand enfant. Pour un ou deux ans de gêne, je ne me serais pas bêtement gêné avec le Diable boiteux, j'aurais tout dit à l'Empereur, mes frères auraient eu Adamovka et l'intérêts de son capital. J'aurais demandé à l'Empereur de te nommer comme agent diplomatique à Odessa, à cause de commerce il y a des consuls de toutes les nations et nous aurions passé notre temps entre Odessa et Adamovka.

– И будем ездить на Янгакраки, parce que je compte avoir des enfants avec toi[231], ты будешь моя жинка, будешь растить,

---

[231] Как это мило, я тоже могу сказать <...> Скажи мне откровенно, вышла ли бы ты замуж за меня, бедняка?
– Без колебаний, если бы знала тебя, как теперь знаю. Когда любят друг друга, бедность не идет в расчет.
– Поверишь ли, в Петербурге у меня было всего четыре тысячи рублей жалованья. Мой брат Павел экипировал меня и Михайлу, подарил мне шубу, снял и оплатил заранее мою квартиру и делал это каждый год, но он никогда не желал давать мне деньги и говорил мне: <...>
– Я была бы не так бедна; фрейлинам дают 12 000 руб. асс. приданого, а императрица дарит <...> и туалет на следующий день: мое было из русских кружев на розовом с розовой шляпой. Я истратила бы 6000 руб. на белье и туалеты. <...> снабдил бы тебя посудой и квартирой из 5 комнат на Фурштатской. Большой расход это роды, но вполне возможно, что я не имела бы несчастья родить слишком большое дитя. Через год или два стеснений я

делать, что хочешь, а я буду повторять: нехай так, нехай так, нехай Киса будет дурак.

– Tu m'aime so ganz fertig – а это не будёт, не будет.

– Qui dit cela?

– Langeron. Il est distrait et parle haut quand il est tout seul. Comme l'Empereur était mécontent de Wittgenstein, il s'associait de confier l'armée à un autre, mais le choix n'etait pas encore fait. Le soir Langeron se promenait dans sa tente et son aide de camp Трегубов на Одесской Га entendu dire: «Генерал-фельдмаршал всех российских войск граф Ланжерон, ma foi, cela sonne bien, mais не будёт, не будёт». Le lendemain Дибич a été nommé, l'Empereur a appris ce que disait Langeron et lui a dit: «Mon cher Langeron, не будёшь, не будёшь. Дибич est plus aîné. Je vous envoyé à venir à P<eters>bourg où nous aurons le plaisir de vous voir souvent». A Odessa il avait des distractions les plus amusantes. Pouchkine m'a raconté qu'un jour il donnait un grand dîner au négoce d'Odessa, et comme il n'a aucun ordre, et vit au-delà de sa fortune, il leur disait: «Si l'Empereur n'augmente pas mes gages, je n'aurai pas de quoi donner les côtelettes à ces canailles-là». Un fou rire a accueilli ces paroles[232].

не стеснялась бы так глупо хромого черта, я все сказала бы императору, мои братья получили бы Адамовку и проценты с ее капитала. Я попросила бы императора назначить тебя дипломатическим агентом в Одессе (в связи с торговлей там есть консулы из всех стран) и мы проводили бы время между Одессой и Адамовкой.

– <...> а так как я рассчитываю иметь с тобой детей <...>

[232] – Ты любишь меня так совершенно *(нем.)* <...>

– Кто это говорит?

– Ланжерон. Он рассеян и говорит вслух, когда один. Так как император был недоволен Витгенштейном, он задумал поручить армию другому, но выбор не был еще сделан. Вечером Ланжерон прогуливался по своей палатке и его адъютант <...> слышал, как он говорил: <...> право, хорошо звучит, но не будёт не будёт. На другой день был назначен Дибич. Император узнал, что говорил Ланжерон, и сказал ему: «Мой милый Ланжерон, не будёшь, не будёшь». Дибич старше. Я посылаю тебя в Петербург, где мы будем иметь удовольствие часто тебя видеть. В Одессе у него были самые забавные случаи рассеянности. Пушкин рассказывал мне, что он однажды давал большой обед одесским коммерсантам, а так как он человек беспорядочный и жил сверх своих средств, он им говорил: «Если император не увеличит мое жалованье, у меня не будет средств кормить котлетами этих каналий». Эти слова были встречены громким хохотом.

– Mais j'ai cru que Pouchkine n'a été que du temps de Worontzoff.

– Il est resté encore, mais peu de temps, de Langeron. Ты знаешь ли, что он сказал об Одессе – зимой грязища, а летом песочница. Его Воронцов не любил, потому что он был дружен с Раевским, qui n'était que trop bien avec sa femme; il a expédié Pouchkine à Bessarabie lui ordonnant de faire un rapport sur les déserts de la саранча. Ces affreuses sauterelles qui dans l'espace d'une heure dévorent les plus belles récoltes, la terre se couvre d'une croûte noire et pesante, parce qu elles crèvent, on dit qu'après tout c'est un bon engrais. Pouchkine a fait son rapport[233]: «Саранча сидела, сидела, все съела и улетела».

– Какой плут, я этого не знал.

– Он называл графиню Воронцову «La Comtesse de Бельветрило». Тогда в Одессе случился скандал, там жила генеральша Лотерн, рожденная Брюс, красивая шведка. Старик Сухтелен, наш посланник, очень любил хорошеньких девушек. Он женил своего адъютанта финляндца Лотерна на этой Брюс. Брунов в нее влюбился, а муж ее не любил шутить и сказал Брунову: «Я развожусь с женой, ты должен на ней жениться». Тот начал отнекиваться, но Лотерн показал ему пистолеты, что вовсе ему не понравилось: он хотел сделать карьеру. Когда кончилась война в 1830 году, государь хотел послать безграмотного Алексея Федоровича Орлова в Адрианополь. Воронцов, зная Орлова, предложил ему взять Брунова для редакции знаменитого договора в Ункияр Скилесси.

– Это я все знаю наизусть по канцелярским архивам.

– Мне еще рассказывали Попандопуло анекдот Ланжерона. Какая-то мадам Tropoli приехала просить его помочь ей в процессе по имению под Балтой. Он очень любил свою моську и начал в рассеянности гладить Tropoli по подбородку, повторяя «Моська, о моська!» – «Mr le Comte, mais je ne suis pas Моська

[233] – Но я думал, что Пушкин был только во времена Воронцова.
– Он оставался еще недолго при Ланжероне. <...> который был чересчур хорош с его женой: он отправил Пушкина в Бессарабию, приказав ему сделать доклад об опустошениях саранчи – этих ужасных насекомых, которые за час уничтожают самый лучший урожай, земля покрывается черной, тяжелой коркой, потому что они дохнут; говорят, что в сущности это хорошее удобрение. Пушкин сделал свой доклад:

et je vous prie de faire attention à mon affaire». – «Oui, oui, cela s’arrangera, о Моська, о Моська». L’Empereur Alexandre a logé chez lui et couchait dans son cabinet de travail, celui-là avait l’habitude de l’enfermer et de prendre la clef. Après dîner l’Empereur avait l’habitude de faire un sommeil d’une demi-heure et plus, il se reveille et veut sortir, ni, ni, no, no, il n’y avait pas de sonnette, le vieux fou avait oublié l’Empereur et se promenait tranquillement. Il rentre enfin, ouvre la porte et dit: «Et que faites-vous ici, votre Majesté?» Comme de raison, cela a fini par des rires. Il a épousé la fille d’un banquier Mlle Brimmer, très belle, mais une créature sans éducation et sans manières. Le G<rand> Duc Michel lui dit: «Où avez-vous pêché cela?» – «Pardi, Monseigneur, où pêche-t-on si ce n’est dans la mer Noire». Elle lui rendait la vie dure dans P<eters>bourg et le gênait dans ses rapports – он всякий день ко мне таскался, узнавал, кто был на вечере и заходил к фрейлинам Пущиной и Беклешовой – две петые дуры. У Пущиной была моська, на которую она была похожа. Это были приятельницы Ланжерона, он их усадит в свою наемную дребезжалку и говорит: «Elle sera heureuse avec ces deux ennuyeuses, il n’y a que la лежанка qui lui manque». Elle détestait la Princesse Moustache Golitzin parce que Langeron y allait souvent et qu’elle ne lui avait pas fait sa visite; la Moustache ne sortait jamais, elle jouait avec d’invités intimes en Whist, elle avait une position exceptionelle, à son jour de naissance toute la famille KmpériaMe allait la féliciter и нам всем приказано было туда ездить, le Grand Duc Michel disait: «Elle répète toujours: ces maudits Français m’ont dérangé des nerfs», elle a fui de Paris en moment de terreur[234].

[234] Г. граф, но я не Моська и прошу вас обратить внимание на мое дело. – Да, да, это уладится <...> Император Александр жил у него и спал в его кабинете, а тот имел привычку запирать его и брать с собой ключ. После обеда император имел обыкновение вздремнуть полчаса и более, он просыпается и хочет выйти, ни-ни, но-но, сонетки нет, старый сумасшедший забыл про императора и спокойно прогуливается. Он, наконец, возвращается, открывает дверь и говорит: «А что вы здесь делаете, ваше величество?» Разумеется, все это кончилось смехом. Он женился на дочери банкира, мадемуазель Бриммер, очень красивой, но без всякого образования и манер. Великий князь Михаил сказал ему: «Где вы это выловили?» «Черт возьми, монсеньор, где же ловят, как не в Черном море». Она создала ему тяжелую жизнь в Петербурге и мешала его отношениям с людьми – <...>: «Она будет счастлива с этими двумя скучными дамами, ей не хватает только лежанки». Она ненавидела княгиню Мусташ

– Да что ей – сто лет?

– Конечно. Вечером был бал и мерзейший ужин, crème foutue avec de la vanille et l’on disait: «Moustache a fait sa barbe ce matin»[235]. Который час?

– Скоро пять, пойдем руки мыть.

Благоверный пришел и Киселев, мы обедали втроем.

– Nicolas, Tanke ont beaucoup regretté de n’avoir pas pu[236] засвидетельствовать свое почтение.

– Вот еще, навязала мне Танке и какую-то Бетюну.

– Не беспокойся, Танке уедут сегодня, а я отнесу твои и мои карточки Бетюнам.

– А у меня нет с собой карточек.

– Это ничего, я напишу на бумажке avec le regret de n’avoir trouvé la Princesse.

Мы обедали втроем, rouge, noir, pair, impair, passe, rouge gagne, le jeu est fait, rien ne va plus[237]. Знаете ли, что martingale отличает, мы сегодня вечером ее подобьем, а утром только колем на карточке.

– А я тебе советую всегда только колоть, оно вернее.

– Опять пошел с советами.

– Не забудь, что ты обещал графине Нессельроде не ставить более ста фр<анков>.

– Она не понимает игры. Отчего сегодня перловый суп, а не щи?

– Нельзя же всякий день щи, зато будут пирожки с капустой.

Голицыну, потому что Ланжерон часто у нее бывал, а та не отдавала ему визитов; Мусташ никогда не выезжала, она играла с интимными гостями в вист, у нее было исключительное положение, в ее именины вся императорская фамилия ездила ее поздравлять <...>, великий князь Михаил говорил: «Она всегда повторяет: эти проклятые французы расстроили мне нервы», она бежала из Парижа во время террора.

[235] проклятый крем с ванилью, и говорили: «Мусташ брилась сегодня утром».

[236] – Николай, Танке очень сожалели; что не смогли <...>

[237] с сожалением; что не застали княгиню. <...> красное, черное, чет, нечет, прошлое, красное выигрывает, игра сделана, ставок больше нет.

– Знаете ли, А<лександра> О<сиповна>, что le boeuf bouilli est une des choses les plus difficiles à faire et celui-là est très bien réussi et les lentilles sont excellentes[238].

– А по-моему это дрянь, мне подавай или котлету или битки.

– Ты на своих игорных вечерах надоел со своими котлетами. Ферзен жалуется, что твой ужин прегадкий, и все одно и то же. Стоил ли держать Rousselet?

– А мне что за дело! Я очень жалею нашего старого русского повара, его суп с клецками, говядину с гарниром – это Сашенька выдумала, что надобно взять француза.

– C'est l'usage à P<eters>bourg et quand on tient comme vous à tenir maison, il faut bien s'y soumettre[239].

После жаркого с салатом и компота Он улегся и заснул. Мы с Кисой молчали. Он мне шепотом сказал: «Поцелуй меня». – «Ты с ума сошел, этого не будет, не будет».

Проснувшись, Н<иколай> М<ихайлович> пробормотал что-то и поминай как звали до 12 часов. Мы еще рассматривали альбом.

– Кто этот толстый генерал с шишкой на лбу?

– Это брат императрицы Марии Феодоровны, он заведует les poms et chaussées, а великий князь Михаил Пав<лович> называет его mon oncle le grand pontife[240].

– А это кто?

– А это великий князь в Мариенбаде в штатском платье.

– Расскажи мне, как ты познакомилась со Смирновым.

– Тебе все нужно знать, что прескучно и совсем не интересно. Мать Долгорукова Дышки приехала с дочерью в Питер, чтобы там пристроить свою некрасивую дочь, и наняла, кажется, дом Копылова. Тогда было такое заведение, что без фрейлинства не было бала. Она как-то познакомилась с нашими чердаками, дала легкий пробный вечер. Тут я впервые узрела тоненького белокурого господина в белых «летописях»,

---

[238] отварная говядина – одна из самых трудных вещей, а эта очень хорошо удалась и суп великолепен.

[239] – Так принято в Петербурге, и когда живешь домом, как ты, надобно его хорошо поддерживать.

[240] путями сообщения, <...> мой дядя первосвященник (игра слов: pontife – первосвященник, pont – мост).

зеленой veste de chasse et une rose à la boutonnière[241]. Это было весной. Он вертелся в вальсе как юла и беспрестанно ко мне подлетал pour un tour de valse[242]. Я танцевала с Рудольфом Кантакузином, которого знала в детстве. Его отец командовал какими-то казаками в Одессе. Я ему сказала: «Qui est ce Mr qui sans m'avoir été présenté veut me déranger, cela m'amuse». – «C'est un Mr Smirnoff qui vient d'arriver de Florence, il est dans la diplomatie». Когда он опять подошел, Рудольф ему сказал: «Mr, mademoiselle Rossett est fatiguée et je réclame aussi ma part de danser»[243]. Потом я его потеряла из виду и забыла о его существовании. Зимой я была нездорова. Арендт сказал, что у меня печень действует на нервы и советовал мне ехать в Ревель и купаться в море. Карамзиных я уж хорошо знала, они жили против Владимирской церкви. Что ты вздыхаешь, и это не в первый раз?

– Ничего. Я тебе уж сказал, что мне суждено вздыхать очень часто и, пожалуйста, не спрашивай.

– Я у них обедала, после обеда пришел Фирс Голицын, которого мы называли дергалка, у него сильный тик в шее. 14 числа по календарю Фирса и его взяли в этот день, полагая, что он принадлежал к числу декабристов. Где ты был?

– В Петербурге, но ничего не видел, но продолжай.

– Пришел Пушкин, которого я прежде видела у Elise Хитровой на маленьком вечере. Тогда Fiquelmont женился на ее старшей дочери Dolly, т. е. просто Дарье, давала большие вечера. Elise гнусила, всегда была очень décolletée[244], чесала свои черные волосы à l'enfant[245] под гребень и делала вечерние визиты в белом платье, тюлевом шарфе, белых лайковых перчатках, коротеньких pour faire valoir un beau bras, très blanc и носила на руке часы на георгиевской ленте: «C'est la montre

---

241 охотничьей куртке и с розой в петлице.

242 На тур вальса.

243 «Кто этот господин, который, не будучи мне представленным, желает меня беспокоить, это меня забавляет».
– Это некий г. Смирнов, он только что приехал из Флоренции, он дипломат <...> «Мсье, мадемуазель Россет устала, и я тоже требую своей очереди с ней танцевать».

244 Декольтирована.

245 по-детски.

de mon père le maréchal Koutouzoff»[246]. Утром она была в черном, а вечером в белом в знак траура по Хитрову, второму мужу, которого она обожала, а первого, графа Тизенгаузена, она совсем не любила. Она очень любила Пушкина, и он ее. Она премилейшая персона. Ваш Пушкин после бала написал стихи:

Нынче Лиза en gala
У австрийского посла.
Не по-прежнему мила,
Но по-прежнему гола.

Она вовсе не оскорбилась. К ней ходил тоже Филипп Филиппыч Вигель, который вечно всех ругал, а особенно Пушкина, потому что Пушкин говорил, что рифма к Вигель – портной Фригель и что Вигель – черт знает что. А Соболевский еще лучше его характеризовал:

Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
Как жалка судьба твоя:
По-немецки ты – швейнигель,
А по-русски ты свинья.

– Так мой приятель Сергей Александрыч пописывает стихи?

– Как же, у меня их целая коллекция, он и мне написал стихи:

Не за черные очи,
Не за пышные плечи,
А за умные речи
Обожаю я вас.

– Я в Париже увижу эти пышные плечи, я уж их угадываю по этим соблазнительным рукам, когда раскроется рукав.

– Ах, не увидишь, ты не ездишь на балы.

– Ты даже простонародные слова употребляешь, нарочно поеду на бал, да, вероятно, увижу их у посла за обедом.

– Вот еще стихи Соболевского на Marie Zeebach:

Лев Карлович Зеебах,
Женившись на уроде,
Живет себе на хлебах
У графа Нессельроде.

---

[246] чтобы можно было оценить красивую, очень белую руку <...> «Это часы моего отца, маршала Кутузова».

– Est-ce que Madame est vraiment si laide?

– Elle a le front très bombé, elle est très fatte et elle minaude ce qui la rend ridicule. Elle a la gorge si faite qu'on l'appelle «огромные сфинксы», allusion aux sphinx apportés d'Egypte par le Бельведерский Митрофан, qu'on a placé vis-à-vis de l'Academie des arts et on a eu la bêtise d écrire «огромные сфинксы» etc.

Il y a un comte Kochoubey qui a l'air plus sale qu'il ne l'est, c'est un homme très instruit et de grande vertu; Sobolevsky a fait des vers sur lui[247]:

Подбородок в саже,
Сажа в подбородке.
Что может быть гаже
Графа Безбородки.

– А знакомство с Н<иколаем> М<ихайловичем>?

– Подожди, батюшка, я теперь кончу с Соболевским. Барон Александр Казимирович поехал в Москву и прибрал ее и Соболевский написал стихи:

Везомый парой, а не паром,
Москву изъездил Мейендорф.
Он ей сказал про соль и торф.
Поверила Москва-столица
Церквей что сорок сороков,
А эти сорок сороков
Лишь только ноль и единица
К числу бессчетных дураков.

Мейендорфа очень занимал кружок славян.

– Что такое кружок славян?

– К числу московских славян принадлежит Хомяков, семейство Аксаковых, Самарин и профессора Погодин и Шевырев, они против западного просвещения и не любят Петра Великого.

– Неужели они хотят допетровской Руси?

– Нет, не совсем, но они против насилия Петра, ведь он все-таки вводил просвещение из-под палки. Они носят архалуки, вместо шляп мурмолки, все они православные. Их в глазах

[247] – А что, мадам действительно так уродлива?
– У нее очень выпуклый лоб, она очень тщеславна и жеманится, что делает ее смешной. У нее так устроена шея, что ее называют <...>, имея в виду сфинксов, которых привез из Египта <...>, которых установили напротив Академии художеств и имели глупость написать <...> и т. д. Есть такой граф Кочубей, который выглядит грязнее, чем он есть, это очень образованный и добродетельный человек; Соболевский написал на него стихи:

государя очернил подлец московский генерал-губернатор Закревский, которого называют даже в Петербурге Чурбан-паша – он говорит, что эти славяне – либералы, а они, напротив, говорят, что в России немыслимо другое правление, как монархическое. Ils sont cependant niconiques, parce qu'il démanda la liberté de la presse[248]. Так как Самарин древнего столбового рода и богаче других, Мейендорф его прозвал: le Prince Royal des Slaves[249]. Под Новый год брат мой Клементий был у Василия Ив<ановича> Мещерского, кто-то сказал: «Que font les Slaves dans ce moment?» Клема отвечал: «Ils cherchent midi à 14 heures».

– C'est charmant[250].

– Московский митрополит, говорят, собирается переделать весь мир на славянский лад.

– Так и он острит?

– Да еще как, но потом он все тушует каким-нибудь серьезным и назидательным словом.

– Однако, сударыня боярыня, извольте продолжать о знакомстве с Н<иколаем> М<ихайловичем>.

– Да, где бишь я остановилась? Да, Пушкин вынул тетрадь в лист и начал читать свою лучшую поэму «Полтаву». Он читал так плохо и вяло, что много красот я только после оценила, c'est magnifique, так прекрасно описание украинской ночи, любовь молодой красавицы, дочери Кочубея, к старому Мазепе, от которого ее отец погибает на плахе. Одним словом, c'est un chef-d'oeuvre. Je n'ai pas les oeuvres de Pouchkine avec moi, tu les trouveras dans notre maison. Il a voulu que je dise mon opinion, et j'ai bêtement dit que c'était très bien. Le soir j'ai appris que Madame Karamsine allait passer l'été à Rheval, et l'ai prié de me prendre avec elle; comme de raison, elle a tout de suite consenti. On m'a donné 2000 roubles et une voiture à quatre places[251]. Мы поехали

[248] Они, однако, никонианцы, потому что он потребовал свободы печати.
[249] Принц крови у славян.
[250] Что в эту минуту делают славяне? <...> Ищут вчерашнего дня. – Это мило.
[251] это великолепно <...> это шедевр. У меня нет с собой сочинений Пушкина, ты найдешь их у нас в доме. Он хотел, чтобы я сказала мое мнение, и я глупо сказала, что это очень хорошо. Вечером я узнала, что госпожа Карамзина едет на лето в Ревель, и просила ее взять меня с собой; разумеется, она сейчас же согласилась. Мне дали 2000 рублей и четырехместную карету.

на почтовых. Дорога очень хорошая, началась Эстляндия, станция Пунгерн и, наконец, Ревель. Мы прямо подъехали на дачу Клеманса, так называемый Сахарный завод. Утром Катерина Андреевна ходила гулять к развалинам Brigitten Closter, или по полям к деревне барона Делинсгаузена. Старший сын Андрюша страдал глазами, и Сонюшка и я, мы ему читали «L'Histoire des Croisades»[252], но вдруг его мать запретила мне к нему ходить. Бедный мальчик влюбился в меня и д-р Винклер сказал, что это вредно для его здоровья. Я, конечно, ничего не понимала. У них был гувернер француз Mr Thibaut, который занимался с Александром и Николенькой. Меньшой Володька был прескверный мальчишка, меня просила Катерина Андреевна гулять с ним и сестрой его Лизой, премилой и кроткой девочкой, он всячески старался ее обидеть словом или делом. Раз нам встретился в уединенном месте прегадкий человек, небритый, в халате и босой, и просил милостыню. Я его спросила, он отвечал: «Я – бродяга». Я испугалась, схватила Лизаньку за руку и побежала домой. Вяземский просил меня ему писать, я написала, что в Ревеле мне приятно, но что есть бродяга, которого я боюсь. С тех пор Вяземский все шутил на этот счет. Жуковский говорит, что русская шутка только тем и хороша, что повторяется.

Общество было очень приятное. Всякий вечер бывала Марья Христофоровна Шевич, сестра кн. Ливен, с дочерью Alexandrine, предурной собой, молчаливой, но in petto[253] она была остра и насмешница, бывал адмирал Спафарьев, который меня очень полюбил и называл «милая особка».

– J'adopte[254] «милая особка».

Был всякий вечер граф Евграф Комаровский, qui avait le rage de faire des réflexions sur toute chose и Alexandrine Schevitch его называла «le comte Commentaire». Вдруг явился мой троюродный брат Евгений Штерич и с ним Н<иколай> М<ихайлович>. Старуха Шевич предобрая, любит оказывать свою протекцию всем. Она их представила Катерине Андреевне и всякий день Commentaire предлагал играть aux demandes et réponses.

---

252 «Историю крестовых походов».
253 в душе *(ит.)*.
254 Принимаю.

Я терпеть не могу jeux d’esprit. Je n’ai pas du tout à-propos. Alexandrine aux вопрос Комаровского: «Qu’aimez vous la nuit – une promenade à cheval ou avec un compagnon?» – la réponse a charmé tout le monde: «C’est selon la bête avec laquelle on la fait».

– C est vraiment très spirituel, jouons aux questions et réponses – qu’aimiezvous mieux d’une promenade à cheval ou avec un compagnon?

– A cheval, Monsieur, mais je suis condamnée à la faire avec[255] Мураська altro Киска.

– Откуда у тебя берутся такие слова, ах ты, моя муза, хоть я не поэт. Мураська vient de Mosca et qu’y a-t-il de plus fidèle qu’un chien[256].

– Откуда эти слова? Вот откуда.

– За это я поцелую тебя в лоб.

– А зачем в губы? Дрянь, я сказала, что не хочу.

– Que veux tu, c’est à cause de nos proportions géométriques.

– Que je n’entende plus parler de ces proportions inconvenables[257]. Клеопатра уж мне советовала реже тебя видеть.

– А ты уж обрадовалась, поставишь бедного Кису в архив на верхнюю полку.

– Ах ты, канцелярская крыса. Вот мое знакомство с Н<иколаем> М<ихайловичем> где началось; через два или три года, в 1830 г., императрица советовала мне выйти замуж. Ей говорила Александра Петровна Волконская, дочь министра двора князя Петра Михайловича, что она его знала во Флоренции и очень его хвалила. С другой стороны, Катерина Андреевна мне сказала, что пора решиться, и он просит позволения со мной говорить, но я согласилась с тем, чтобы он спросил просто «Oui» ou «Non», вертелось на языке «Non», а сказала

---

[255] у которого была страсть рассуждать по любому поводу, и Александрина Шевич <...> «граф Комментарий». <...> «Комментарий» <...> в вопросы и ответы. <...> умственные игры. Я отвечаю совсем некстати.
«Что вы предпочитаете ночью: прогулку верхом или со спутником». Ответ очаровал все общество: «Зависит от животного, с которым ее совершаешь».
– Это действительно очень остроумно, давай играть в вопросы и ответы: что вы предпочитаете – прогулку верхом или со спутником?
– Верхом, мсье, но я обречена совершать ее с Мураськой, иначе Киской.

[256] Мураська происходит от Моська, а что вернее собаки?

[257] Что ж ты хочешь, причина в наших геометрических пропорциях.
– Чтоб я более не слышала об этих неприличных пропорциях.

«Oui»[258] – и даже не дала руки, а он полетел в Москву, где и сказал родным: «мое имя покроет неизвестность ее происхождения». Московская роденька выдумала, что отец мой был чуть ли не танцмейстер; невежды не знали, что отец Рибопьера убирал волосы Екатерины и что Chateaubriand делал в Англии салат и тем добывал насущный хлеб. Свадьба была грустная: у него посаженой матерью была его старая тетка Любовь Ивановна Безобразова и граф Толстой, женатый на ее дочери, у меня князь Петр Михайлович Волконский и гр. Нессельроде. Братья мои были шаферами. Я тотчас сделалась беременна, меня рвало целый день беспощадно. Я ела всякую дрянь, щи, кашу гречневую и редьку с конопляным маслом и готовила la layette[259]. После родов нас послали в Берлин, и доктора советовали для укрепления ехать в Пирмонт, где железные сильные воды. Мы поехали зимой в четвероместной карете на полозьях – Н<иколай> М<ихайлович>, его сестра, горбатая, но очень милая, добрая и приятная. Он храпел, а я с ней играла в пикет. Мы остановились в Берлине. Импер<атрица> мне дала письма к королю и ее тетке, княгине Радзивилл. Elle était une cousine de Roi[260]. Радзивилл тотчас меня поместил в живые картины, кажется, цыганкой. Я часто обедала у короля и была на его маленьких балах. Все было очень просто. В мою бытность умерла Elise, единственная дочь их. В нее был страстно влюблен принц Вильгельм, но король не хотел слышать об этом. Старший сын его был бездетен, и не было надежды на наследство. Принца послали в Россию, потому что он более других сестер любил нашу милую Александру Федоровну, а потом его женили на Веймарской принцессе Августе, меньшой сестре принцессы Клерич. Мы жили 50 Unter den Linden, и всякий день у нас обедали Озеровы. Röschen за столом лобызала Озерова и говорила:

Lieber Mann,
Sei nicht böse
Mit deiner Rose[261].

---

258 «Да» или «Нет».
259 детское приданое.
260 Она была кузина короля.
261 Дорогой муж, не сердись на свою Розу *(нем.)*.

В Берлине я писала Вяземскому, que notre voyage dans les pays civilisés valait bien à une marche dans le désert: nous avions trouvé pour cité des bains comme ceux de nos paysans et pour nourriture des pommes de terre froides et un peu de sel. Il m'a répondu[262]: «Ай да Александра Денисовна! Точь-в-точь в папеньку Дениса Васильевича Фонвизина!» Он путешествовал во Францию и очень дельно критиковал правительство и фр<анцузские> обычаи. Он был в Montpellier à l'ouverture des états quand on votait l'entretien du Roi, вернулся в Россию и напечатал свое путешествие. Он остановился у одной старушки и написал: «Старушка предобрая, но личико презлостное».

– C'est si drôle[263]! И ты будешь старушка предобрая, а личико тоже будет презлостное.

– Нехай так, нехай так. А теперь довольно, мы сегодня трапезуем у графини Нессельроде, и пора готовиться к обеду.

Воспоминание издали

В веселой резвости мила,
В тоске задумчивой милее.
Нет, вы не знаете ее,
Вы, кто на балах с ней встречались,
Кто ей безмолвно поклонялись,
Все удивление свое
В дар принося уму живому,
Непринужденной простоте
И своенравной красоте,
И глазок взору огневому.
Вы, кто слыхали, кто делили
Ее беседу, кто забыли
Забот и дел своих житье,
Внимая ей в гостиных светских!..
Кто сутно ее любил,
Кто в ней лишь внешний блеск ценил,
Кто первый пыл мечтаний детских
Ей без сознанья посвятил.
И чувств высоких луч святой
В ее душе не угадали.
И вы, степенные друзья,
Вы, тесный круг ее избранных,
Вы, разум в ней боготворя,
Любя в ней волю мыслей странных,
Вы мните знать ее вполне?..
Вы мните – в скромной глубине
Ее души необъясненной
Для вас нет тайны сокровенной?..
Но вам являлась ли она,
Раздумья тайного полна,
В тоске тревожной и смятенной,
Когда в разуверенья час
Она клянет тщету земную,
Обманы сердца, жизнь пустую,
Когда с прелестных черных глаз
Слеза жемчужная струится,

[262] что наше путешествие в цивилизованные страны стоит похода в пустыню: вместо помещения мы нашли бани как у наших крестьян, а вместо пищи – холодный картофель с солью. Он мне ответил:

[263] Монпелье при открытии штатов, когда голосовали вопрос о содержании для короля <...> Это забавно!

Нет – те ее не понимали,
Те искру нежности живой
Где обретет она покой?
Ее я помню в дни такие,
Как хороша она была!
Как дружба к ней меня влекла,
Как сердце взрывы роковые
Я сердцем чутким стерегла!
Нет! Не улыбки к ней пристали,
Когда мечта ее стремится
В мир лучший, в мир ее родной,
Но вздох возвышенной печали.
Нет! Не на сборищах людских
И не в нарядах дорогих
Она самой собой бывает...
Кто хочет знать всю цену ей.
Тот изучай страданье в ней,
Когда душа ее страдает!

Графиня Ростопчина, село Анна, апрель 1839 г.

«Est-elle jolie? Je n’en sais rien. Car comment analyser cette figure mutine, pleine d’esprit, dont un regard est une saillie, dont un sourire est une remarque. Gentille et mignonne, gracieuse et piquante, on la regarde en riant et on vient à se laisser captiver par son charme. Son esprit tout en jouie estfinement observateur, elle voit tout, et chaque observation prend le caractère d’une épigramme qui surgit d’une profondeur. Ses manières ont je ne sais quoi de pénétrant quoiqu’il y ait de la nonchalance dans son attitude. Elle est trop mobile pour n’être pas quelquefois inégale, mais ce léger défaut semble une grace de plus, car on aime à déchiffrer ce qui a pour un moment obscursi ce joli front. Elle a un tact particulier et un esprit d’analyse fort remarquable. On dirait que son imagination est kaléidoscopique, et de petits brins de quelque chose elle sait faire un tout lumineux et brillant. Il y a des moments où sa figure pleine de vie et d’intelligence semble rayonner. Elle met de l’esprit à tout ce qu’elle fait, à ces occupations les plus banales, c’est ainsi que si elle nuance une broderie – on voit au choix des couleurs un goût exquis, une imagination sans écart. Si elle s’occupe d’une simple couture, ces petits points si symétriques et bien rangés indiquent un esprit d’ordre et de régularité. Jolie mère des deux jolies jumelles qui semblent deux jolies empreintes d’un petit modèle charmant. Devinez.

Julie Stroganoff. Franzensbad, ce 11 août 1835»[264]

---

264 Красива ли она? Не знаю. Ибо как анализировать это шаловливое лицо, полное ума, взгляд которого – острота, улыбка – замечание. Миловидная и милая, грациозная и пикантная, на нее смотрят с улыбкой и сейчас же подпадают ее очарованию. Ее ум, такой радостный, тонко наблюдателен, она видит все, и каждое ее наблюдение носит характер эпиграммы, возникшей

Другая предо мной дорога,
В походный дом сажусь.
Как жаль привычного порога,
Дышать бы здешней мне
прохладой
И уноситься по Неве
Иль там, где блещущей громадой
Кружится все, кружиться б мне.
Нет, нет! С баронной феодальной
Как жаль свою покинуть Русь!
Страшна не даль и не тревога,
Тоски немецкой не боюсь.
Я сяду чинно и печально
Прослушать сказку о былом.
Ко мне дойдут, как песнь, былины,
Где русских гуслей слышен звон,
Как чудеса у нас творили
Царь Берендей иль князь Гвидон.

Плетнев, 26 декабря 1832 г.

На Музу и меня напали вы врасплох.
Ни сердце, ни мой ум, еще насморком сжатый,
Не приготовлены в прощальный час утраты
Поднесть вам грустный стих и задушевный вздох.
Не знаю, что сказать, не зная, не умея
Мысль наскоро одеть, убрать и расцветить,
Дать образ таинству, которым тихо зрею,
И чувство в мерный стих живьем заколотить.
В экспромтах никогда я не был парень ловкий,
Влюблялся иногда экспромтом – спора нет,
(И, кажется, вы в том дать можете ответ),
Но пел всегда моих красавиц с подготовкой.
Мне грустно, больно мне, мне душно на груди
И сердце налилось слезами, будто чаша,
При мысли той, что завтра вы – не наша,
Что долгая нас ждет разлука впереди.
Вот если эту скорбь глубокую, живую,
Хотите вы назвать поэзией: будь так!

из глубины. В ее манерах есть что-то трогательное, хотя в поведении какая-то небрежность. Она слишком подвижна, чтобы не быть иногда неровной, но этот легкий недостаток кажется еще большей прелестью, потому что хочется узнать, что на мгновение омрачило это хорошенькое чело. У нее особенный такт и замечательно аналитический ум. Говорят, что ее воображение калейдоскопично, и из маленьких кусочков она умеет составить яркое и блистательное целое. Бывают минуты, когда ее лицо, полное жизни и ума, как будто светится. Она вкладывает ум во все, что делает, в самые банальные занятия, поэтому если она оттеняет вышивку, то виден в выборе цветов изысканный вкус, безупречное воображение. Когда она занимается простым шитьем, эти маленькие, столь симметричные и ровные стежки указывают на дух порядка и правильности. Красивая мать двух прелестных двойняшек, как будто слепков с прекрасного образа. Угадайте. *Юлия Строганова, Франценсбад, 2 августа 1835*

Примите вы ее, как сердца дань немую
И преданных вам чувств простой и верный знак.

Полночь, января 17-го 1833. Вяземский

– Ces vers de Wiasemsky sont charmants[265]. «Дать образ таинству, которым тихо зрею» – это так хорошо выражает мое чувство. Не таю ли я в глубине души то, что вы не позволяете выражать?

– И совсем не нужно выражать. Это не первые стихи Вяземского. В Павловске в 1830 году, когда моя императрица уехала в Одессу, она меня поручила госуд<арыне> Марии Феодоровне, мне кто-то дал стихи Вяземского, я помню только один стих: «И голос слаще Торкватовых октав». Я не знала его и не знаю, где он слышал мой голос, а помню, что едва проснувшись, я восхищалась пеньем иволги, просыпалась ровно в 8 часов, отворяла окно, потом мылась с ног до головы холодной водой, сама чесалась и гадкая раскольница Прасковья Михайловна меня одевала. Тогда жила во дворце Лунина, княжна Репнина со своей гувернанткой m-me Wilson, она вышла замуж за Кушелева-Безбородко, и Ярцева, всегда в старом черном салопе. Мы ее терпеть не могли. Она была дочь конюшенного офицера и задавала себе тон. Тогда явился пресмешной господин Миклашевский, он привез французские моды, из него в<еликий> князь Константин Павлович сделал шута и советовал ему ехать в Петерб<ург>. Фирс Голицын садился на лодку с косой в руке и пел: «Le temps fait passer l'amour», а потом Миклашевский с крыльями сидел у руля и Голицын пел: «L'amour fait passer le temps»[266]. Эти фарсы делались рано утром. Когда моя государыня поехала в Одессу, я была поручена имп. Марии Феодоровне, и с ней была как старшая Софья Гавриловна Моден и Урусова, эту цацу привезли с коронации из Москвы.

– Нет, это не по порядку, скажи что-нибудь еще о своей государыне.

– На Страстной неделе государыня мне прислала желтый репсовый хвост, серебром вышитый, и палевое платье, шитое серебром. В день ее именин 21 апреля мне выдали жалованье

---

[265] Эти стихи Вяземского прелестны.
[266] «Время изгоняет любовь» <...> «Любовь заставляет бежать время».

вперед, я купила белые атласные башмаки, перчатки и пунцовую розу, я и хотела и не знала, как приладить пунцовую розу. Наконец была готова и со страхом отправилась в большую залу, уже наполненную дамами трех первых классов. Там нашла Стефани и села возле нее. Et pour Euler et pour moi c'était une contenance[267], подошла к несчастным грузинским царевнам, которых видала у Цициановых. Они были в своем костюме и очень нарумяненные, с ними никто не говорил и над ними очень глупо смеялись. Они очень обрадовались и мне сказали: «А что князь и княгиня, как поживают?» Тут был царевич Порнан, настоящее имя его Варнофосор, у них сохранились библейские имена, одна из царевен была Саломея.

Тут я увидела в первый раз фрейлину Жеребцову, невесту Алексея Федоровича Орлова. Она очень гордо на всех смотрела, глаза как плошки и совсем не хороша. Перед Стефани стоял высокий старый генерал Костецкий, он был очень храбрый, влюблен в Стефани и через ее девушку дал ей знать, что у него есть имение под Конотопом в Киевской губ<ернии>, и мы его прозвали Конотопским, и в<еликий> к<нязь> Михаил Пав<лович> его звал Конотопским.

Наконец дверь отворилась, скороходы курили амбре (городничиха знала об этом амбре). Потом пошли камер-гоффурьер, гоф-фурьеры в красных мундирах, шитых золотом на воротниках, en culottes courtes et bas de soie et l'épée au côté, потом младшие камер-юнкеры попарно, uniformes comme des cuirasses de tortue, le reste de même et l'épée au côté. Tu seras comme cela, quand tu iras à P<eters>bourg et on te fera gentilhomme de la chambre[268].

– Да я совсем не хочу ехать, если ты останешься в Париже.

– Хочешь, не хочешь, а это будет, а Павла Дмитриевича сделают графом, уж об этом давно поговаривают, и вот почему. Когда он так хорошо кончил дела в княжествах, султан предложил ему титул бея, который он, конечно, не принял. Он сказал государю, что привез отчет и прибавил: «Позвольте лучше

---

[267] И для Эйлер и для меня это было прилично.

[268] в коротких штанах, шелковых чулках, со шпагой на боку <...> в мундирах, как панцирь черепахи, остальное так же и шпага на боку. Ты будешь так же одет, когда поедешь в Петербург и тебя сделают камергером.

вам передать его содержание, вам скучно будет его читать». – «Нет, подай мне отчет, я читаю губернаторские отчеты и знаю, что в них часто ложь, ты всегда брату говорил правду». Через несколько дней государь ему сказал: «Я с удовольствием читаю твой отчет. Я вижу, что ты там кое-что сделал для несчастных крестьян». – «Государь, я сделал, что мог. С одной стороны бояр надобно было по головке гладить, а с другой их подтягивать». – «Конечно, пора и нам заняться нашими крестьянами, пора подумать, что им крепость в тягость. Я то и дело слышу, что помещика высекли, где задушили или застрелили. Поручаю тебе заняться этим делом. Не торопись и возьми в редакторы, кого ты знаешь подельнее. Я тебя назначаю министром государственных имуществ. Was sagen Sie davon, mein gnädigster?

– Ich sage, dass Sie mir Freude machen, meine vielgeliebte Buhle.

– Вот как, это рифма к «Der König in Thule».

Es war ein König in Thule,
Gar treu bis an Grabe in seiner Buhle[269],

а это ты не будешь.

– Чем обижать меня, изволь продолжать о выходе в церковь.

– Государь вел под руку государыню, она была в синем бархатном платье, шитом золотом. На голове диадема, с яхонтами на шее и серьги – тоже яхонтовые; ничто так не выражает ее походку, как то, что Пушкин говорит о дочери Кочубея:

Как тополь киевских высот
Она стройна. Ее движенья,
Как лебедя пустынных вод,
Напоминают плавный ход.

Царская пара кланялась, а как моя царица кланяется – просто чудо. За ними шла вдовствующая императрица с в<еликим> к<нязем> Михаилом Павловичем, его супруга

---

[269] Что вы об этом скажете, милостивый государь?
– Скажу, что вы меня радуете, многолюбимая возлюбленная.
– <...> к «Король в Фуле»: Король жил в Фуле дальной / И верен до могилы возлюбленной своей *(нем.)*.

в торжественные дни не любила являться, потому что ходила прескверно на своих каблучках, и потом все разъехались.

Есть белая зала, в которой назначено собираться в известные дни званым персонам обоего пола. Один раз в этой заде никого не было, потому что не было для них назначения. Этот шут Мятлев был там один. Государь его спросил: «А ты что здесь делаешь?» – «Ваше величество, я знатная персона обоего пола». Государь рассмеялся и сказал ему: «Иди за нами». Вот я вспомнила описание украинской ночи:

Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не может воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.

– Я не знаю, что такое Белая Церковь.

– Белая Церковь принадлежит теперь графине Браницкой, она тоже племянница Потемкина, клялась ему, что никогда не перейдет в римскую церковь, а дети ее по мужу крещены.

– Как талант Пушкина созрел, я выше этих стихов ничего не знаю.

– Однако пора собираться к обеду.

У графини Нессельроде обедала Клеопатра, Н. А. Муханов и мы. Я ей сказала, что когда я была в Венеции, там была в<еликая> к<няжна> Мария Николаевна, я у нее часто была, и она меня спросила: «Ma chère, est-ce que vous aimez Hélène?» – «Je ne puis pas la souffrir» – «Pauvre maman, vous savez comme elle est toujours bonne pour elle, m’écrit: “A mon dernier Anitchkoff je me suis assise auprès d’Hélène, qui ne voulait pas danser, elle s’est mis à bâiller, quand je me suis levée, elle s’est mise à causer avec Catiche Saltykoff avec beaucoup d’animation – je sais que je suis bête, mais je le suis moins que Catiche”. Pauvre Maman qui est si humble». – «Mais, Madame, l’Impératrice a mille fois plus d’esprit qu’elle et bien plus de connaissance, mais elle n’a fait pas prude. Tandis que cette vilaine se fait lire à haute voix quand elle se prépare à recevoir quelque personnage d’esprit, mais je vous assure qu’elle fait peu de dupes; c’est une ingrate créature».

Là-dessus Kisseleff dit tout d’un coup à la Comtesse que je lui dicte mes mémoires pour remplir nos heures de midi à cinq et que nous faisons une lecture d’auteurs Russes le soir.

– Ma chère, comme je voudrais lire ces mémoires, je suis sûre qu'ils sont très intéressants[270].

– Et Kisseleff en revanche ne raconte jamais rien sur lui-même; je crois qu'il y a des petits mystères dans sa vie.

– C'est vrai, mon cher, je sais que mes parents ont connu les vôtres, mais jamais vous ne m'avez rien dit sur eux; voyons, rassemblez vos souvenirs.

– Mes souvenirs sont tristes. Ma mère n'a jamais pu se consoler de la mort de mon frère aîné Alexandre qui a été tué l'année 6 dans la guerre avec les Turcs. Il était un homme très distingué et ses talents militaires l'auront probablement avancé comme Maréchal. Ma mère n'a jamais pu se consoler de cette perte, mon frère Serge a fait un mariage qui ne lui convenait pas ce qui l'a éloigné de la famille, mon frère Paul a fait, comme vous savez, toutes les campagnes et toutes les affections de ma mère sont concentrées sur moi. Elle était très pieuse et faisait les prières à genoux. A trois ans je répétait à genoux les prières après elle; quand elle priait pour le repos des morts en prononçant le nom d'Alexandre, elle fondait en larmes. Un jour elle me dit: «Николенька, мне недолго жить». A ces mots je me suis jeté à son cou en lui disant: «Милая мама, пожалуйста, не умирайте, с кем я буду Богу молиться и кто мне будет рассказывать хорошенькие сказки. Няня уж уехала».

– Comme c'est touchant, cette naïveté de l'enfance, qui croit arrêter les décrets de Dieu[271].

---

[270] Милая моя, любите ли вы Елену? – Я ее терпеть не могу. – Бедная мама, вы знаете, как она всегда добра к ней, пишет мне: «Когда я последний раз была в Аничковом, я сидела возле Елены, которая не хотела танцевать, она стала зевать, когда же я встала, она с большим воодушевлением принялась болтать с Катиш Салтыковой – я знаю, что я глупа, но менее глупа, чем Катиш». Бедная мама, она так смиренна. – Но, мадам, императрица в тысячу раз умнее ее и образованнее, но она не строила из себя недотрогу. А эта мерзавка заставляет читать себе вслух, когда готовится принять какого-нибудь умного человека, но я уверяю вас, что она мало кого дурачит; это неблагодарное создание.
Потом Киселев вдруг сказал графине, что я диктую ему свои мемуары, чтобы занять часы от полудня до пяти и что вечером мы читаем русских писателей.
– Моя, милая, как я хотела бы прочитать эти мемуары, я уверена, что они очень интересны.
[271] – А Киселев со своей стороны никогда ничего не рассказывает мне о себе; я думаю, что в его жизни есть маленькие тайны.

– Ты будешь молиться с папой, а Михайла будет тебе рассказывать сказки, он мне обещал никогда тебя не оставлять; я ему сказала: «Когда ты будешь стар и устанешь, то приищи ему хорошего слугу»; он мне сказал: «Нет, сударыня, я никогда не оставлю Николая Дмитрича, пусть он мне закроет глаза».

Tout le monde était visiblement ému, lui encore plus s'est arrêté pour calmer son émotion.

– Ma mère a ajouté: «Николенька, обещай мне, что ты будешь приобщаться святых тайн хоть раз в год, а когда будешь большой, то чаще, и пиши Павлуше только эти простые слова: имел счастие исповедоваться и приобщаться и чувствую большое облегчение и умиление. Ты это забудешь, но я это напишу Павлуше, которого я не увижу, которому я тебя поручаю, когда умрет папа». Je me suis jeté à son cou en lui disant: «Мама, я никогда не забуду, что вы мне сказали, и буду писать Павлуше». Quand cette chère mère est morte, je me suis jeté sur son corps en répétant: – «Мама, милая, дорогая мама, я никогда не забуду, что вы мне сказали», je ne pouvais me détacher de ce cercueil, et mon Père a jugé prudent de ne pas me prendre à son enterrement. Je ne serais probablement jeté dans la fosse, je n'en serais pas mort, mais j'aurais pu me faire mal. Ma mère a désiré à être enterrée dans une de nos terres Сретенское. Mon Père n'a survécu à ma mère que trois ans, quand j'ai eu dix ans, il m'a donné un excellent gouverneur Français, et avant de mourir, il m'a confié à ma Tante Ouroussoff

---

– Это правда, милый мой, я знаю, что мои родители были знакомы с вашими, но вы никогда ничего мне о них не рассказали; ну-ка, соберите ваши воспоминания.

– Мои воспоминания печальны. Моя мать не могла утешиться после смерти моего старшего брата Александра, убитого в 6-м году в турецкой войне. Он весьма выдающийся человек и благодаря своим военным талантам стал бы, возможно, маршалом. Моя мать не могла утешиться после этой потери, мой брат Сергей женился неподходящим образом, ибо его брак удалил его от семьи, мой брат Павел, как вам известно, проделал все походы, и все привязанности моей матери сосредоточились на мне. Она была очень благочестива и молилась на коленях. В три года я повторял на коленях за ней молитвы; когда она молилась за упокой умерших, произнося имя Александра, она обливалась слезами. Однажды она мне сказала; <...>. При этих словах я бросился ей на шею, говоря: <...>

– Как это трогательно, эта наивность детства, верящего, что может остановить волю божию.

née Татищев, soeur de ma mère, je ne m'y plaisais pas du tout. La paix conclue, mon frère Paul est venu à Moscou et m'a dit que comme je n'avait aucune fortune, je devais faire ma carrière, qu'à notre temps il fallait faire des études. Le sort en avait fait un soldat à l'âge de 15 ans, il était dans la milice à Borodino avec le Prince Pierre Wiasemsky. Ils ont étudié ensemble et ne faisaient pas grande chose, et c'est plus tard qu'il a fait lui-même son éducation. Je savais très bien le latin, et il a dit qu'il voulait que j'étudie le Grec, il a trouvé un très bon maître au Греческое подворье et m'a dit: «A 18 ans tu iras faire des études classiques à Dorpat, c'est la meilleure Université». J'y suis allé avec Jasikoff qui avait des lettres de recommandation pour le professeur Moyer. Le reste vous est connu, Madame[272].

J'était très émue de ce touchant récit, il me prit les deux mains et me dit: «Et vous, Madame, pourquoi avez-vous les larmes aux yeux?»

– Moi aussi, je n'ai pas vu enterrer ma grand-mère ni ma mère.

Муханов était à côté de moi et était aussi ému, Mon mari a dit: «Mon Père est mort au Caucase, il y avait une incendie dans la maison, mon Père avait une caisse en fer, où se trouvait son argent, elle se clouait au plancher, dans sa précipitation il l'a arraché

---

[272] Все были заметно тронуты, он, еще более взволнованный, остановился, чтобы успокоиться.

Моя мать прибавила: <...>. Я бросился к ней на шею, говоря <...> Когда эта дорогая матушка скончалась, я бросился на ее тело, повторяя <...>, я не мог оторваться от этого гроба, и мой отец счел благоразумным не брать меня на ее похороны. Может быть, я и не бросился бы в могилу, не умер бы, но мог заболеть. Моя мать желала быть похороненной в одном из наших имений, Сретенское. Мой отец пережил мою мать лишь на три года, когда мне было десять лет, он дал мне прекрасного гувернера француза, а перед смертью доверил меня моей тетке Урусовой, рожденной Татищевой, сестре моей матери, мне там совсем не нравилось. После заключения мира мой брат Павел приехал в Москву и сказал мне, что так как у меня нет никакого состояния, я должен делать карьеру, что в наше время надобно учиться. Судьба сделала из него солдата в 15 лет, он был в ополчении при Бородино с князем Петром Вяземским. Они учились вместе, но мало что делали, уже позднее он сам пополнил свое образование. Я очень хорошо знал латынь, а он сказал, что желал бы, чтобы я изучил греческий, он нашел очень хорошего учителя <...> и сказал мне: «В 18 лет ты поедешь в Дерпт для изучения классических наук, это лучший университет». Я поехал туда с Языковым, у которого были рекомендательные письма к профессору Мойеру. Остальное вам известно, мадам.

du plancher, cet effort lui a coûté la vie; quand j'ai ouvert la caisse, elle était vide, sa maîtresse Mme Stodel avait volé les 20 000 fr. qui s'y trouvaient»[273].

Муханов me dit: «Никакого такту нет, отец умер, а он говорит о его любовнице». Я покраснела и сказала: «Mme Stodel n'a jamais été sa maîtresse, Авдотья Ивановна me l'a dit, c'était une invention de Маланья Ив<ановна>, l'économe de la maison» et je lui a fait un signe.

– Heureusement mon cousin Николай Ив<анович> Воейков, aide de camp de Ермолов m'a prêté de quoi faire l'enterrement et m'a aussi fourni le moyen de retourner.

– Mon cher Smirnoff, je regrette beaucoup que votre Père vous ait donné le mauvais exemple d'avoir une maîtresse dans la maison, et j'espère que vous ne suivrez pas son exemple.

– Certainement non, les moeurs étaient si différentes alors.

Il est allé à la roulette et je suis rentrée avec mon cher compagnon. Je lui dis en marchant: «Savez-vous qu'à Berlin il avait pour maîtresse Mlle Hagen, une charmante actrice. Ils l'avaient divisée avec ce vieux pécheur Ribeaupierre, que les domestiques du palais appellent Любопёр et l'Empereur ne l'appelle jamais que Любопёр»[274].

– Et cela vous était indifférent?

---

[273] Меня очень взволновал этот трогательный рассказ, он взял обе мои руки и сказал мне: «А у вас, мадам, почему слезы на глазах?»
– Я тоже не видела похорон ни моей бабушки, ни матери. <...> сидел рядом со мной и тоже был взволнован. Мой муж сказал: «Мой отец умер на Кавказе, у него в доме был пожар, а у отца был железный ящик, где лежали деньги, он был прибит к полу. В поспешности он оторвал его от пола, это усилие стоило ему жизни; когда я открыл ящик, он был пуст, его любовница мадам Штодель украла 20 000 фр., которые там находились».

[274] сказал мне: <...> «Мадам Штодель никогда не была его любовницей, <...> мне о ней сказала, это выдумка <...>, экономки», и я ему сделала знак.
– К счастью, мой кузен <...>, адъютант Ермолова, ссудил мне денег на похороны и дал мне средства вернуться.
– Милый Смирнов, я весьма сожалею, что ваш отец подал вам дурной пример иметь любовницу в своем доме, и надеюсь, что вы ему не последуете.
– Конечно нет, нравы были совсем другие тогда.
Он пошел на рулетку, а я вернулась со своим милым товарищем. По дороге я ему сказала: «Знаете ли, что в Берлине его любовницей была прелестная актриса мадемуазель Хаген. Он делил ее с этим старым греховодником Рибопьером, которого слуги во дворце всегда называют Любопёр и император не называет его иначе как Любопёр».

– J'étais contente, parce que j'avait au moins de repos, d'ailleurs Scholz lui a défendu de faire ces saletés quand j'étais grosse et il exige qu'après les couches que j'attende un repos au moins deux ans.

– Est-il possible que Smirnoff ne savait pas que le but de la matière attiré, c'était un péché de coucher avec sa femme, l'éducation de l'enfant commence dans le sein de sa mère.

– Un Prêtre m'a aussi dit cela, il dit que les moeurs mettent si mauvaises parce qu'on n'observait pas cette règle, et vous, d'où le savez-vous?

– Le Docteur Gall, le phrénologue, est le médecin de l'ambassade. Il m'aime beaucoup et nous avons de longues conversations philosophiques avec lui; c'est un philosophe chrétien comme mon ami Los Rios.

– Avez-vous étudié Hegel? Les Slaves de Moscou s'en occupent beaucoup[275].

– J'ai suivi le cours philologique et philosophique à Dorpat, mais je suis tenu à Stéphen et l'honnête Schelling. Dorpat a été une grande école pour moi, c'est là que j'ai commencé à comprendre la musique. Chez Moyer j'ai entendu pour la première fois les jolies romances de Weinrauch.

– Je les connais, il n'y en a que six, mais ce sont des perles, Joukoffsky les aime beaucoup, je connais une D<emoise>lle Klebek, amie de ce vilain gros Kiel, le général. Joukoffsky aime surtout

Land meiner seligsten Cefühle
Vom seiner Tugend

et puis «Drang nach Osten» et moi j'aime «In meine Siedlung armen Hirte».

---

[275] И это было вам безразлично?
– Я была довольна, потому что имела, по крайней мере, покой, впрочем Шольц запретил ему эти гадости во время моей беременности и требует, чтобы после родов я имела отдых хотя бы на два года.
– Неужели Смирнов не знал, что когда цель достигнута, это грех – спать со своей женой, воспитание ребенка начинается во чреве матери.
– То же мне говорил один священник, он сказал, что нравы становятся так дурны, потому что не соблюдают это правило. А вы-то откуда это знаете?
– Доктор Галль, френолог – врач посольства. Он очень любит меня и мы ведем с ним долгие философические беседы; это христианский философ, как мой друг Лос Риос.
– Изучали ли вы Гегеля? Московские славяне много им занимаются.

– Je les aime toutes, c’est aussi chez Moyer que mon goût pour la peinture s’est développé, il avait les paysages de Friedrich, ils ne sont pas à comparer avec paysages de Ruisdale que j’ai vus plus tard à l’Ermitage, mais il règne une douce mélancolie dans ceux de Friedrich[276].

– Joukoffsky a des Friedrich, «La cimetière des Juifs», il pèse vraiment de la mélancolie, il y manque cette digne croix qui nous réconcilie avec la mort. Raconte-moi comment tu as quitté Dorpat.

– Je me suis séparé avec tristesse de cet asyle, je me suis séparé de mon meilleur ami Jasykoff, je suis le premier auquel il a lu ses premiers opus en poésie – il s’est dirigé vers Moscou, et moi et mon fidèle Михайла, nous sommes partis pour P<eters>bourg. Je n’y connaissais personne, n’était-ce l’avoisiner de mon frère, je serais resté comme dans un désert. C’est grâce à Языков que j’ai fait la connaissance de Pouchkine. Comme mon frère m’a recommandé au Comte Nesselrode qui a toujours été plein de bonté pour moi. Грибоедов était un ami de notre famille, il a voulu m’emmener avec lui en Perse, mais le Comte Nesselrode lui a dit de prendre Maltzoff et lui a dit: «Je réserve mon petit Kisseleff pour une grande ambassade, nommément Rome, il connaît parfaitement le Français, il a du tact, il est d’une nature aimable et saura se faire des amis partout»[277].

---

[276] Я прошел филологический и философский курсы в Дерпте, но я склоняюсь к Стефену и честному Шеллингу. Дерпт был для меня большой школой, именно там я начал понимать музыку. У Мойера я впервые слышал прекрасные романсы Вайнрауха.

– Я их знаю, их всего шесть, но это перлы, Жуковский их очень любит, я знала мадемуазель Клебек, подругу этого толстого грубияна Киля, генерала; Жуковский особенно любит «Страна моих святых чувств...» и потом «Стремление на Восток», а я люблю «В моем селеньи бедных пастухов».

– Я их все люблю. У Мойера же развился и мой вкус к живописи, у него были пейзажи Фридриха, их нельзя сравнить с пейзажами Рюисдаля, которые я позднее видел в Эрмитаже, но в пейзажах Фридриха царит нежная меланхолия.

[277] – У Жуковского есть картины Фридриха, «Еврейское кладбище», она истинно подавляет меланхолией, в ней не хватает того достойного креста, который примиряет нас со смертью. Расскажи мне, как ты покинул Дерпт.

– Я с печалью расставался с этим убежищем, я разлучался с моим лучшим другом Языковым, мне первому он прочел свое первые поэтические сочинения – он направлялся в Москву, а я с моим верным Михайлой ехал в Петербург. Я никого там не знал, и если бы не соседство моего брата, жил бы как в пустыне. Именно благодаря Языкову я познакомился с Пушкиным. Мой брат рекомендовал меня графу Нессельроде, который всегда был добр ко мне. <...>

– Quele bonheur que tu ne seras pas allé en Perse, tu aurais pu être tué et je ne t’avais pas connu.

– Sans aucun doute, je n’aurais pas agi comme Мальцов, je me serais fait hacher auprès de Грибоедов, d’abord parce que je l’aimais et puis c’était mourir à son poste comme une sentinelle.

– Ну, слава Богу, что моя Киска жива и ее все лелеют в местечке Парижах.

– Хорошо местечко, в нем три Петербурга поместятся. Кто его прозвал «местечко Парижах»?

– Mon oncle Николай Ив<анович> Лорер m’a dit que quand nos troupes arrivaient à Paris, l’ordre a été donné d’entrer dans les meilleurs uniformes et de ne faire entrer les trains de bagages que le soir. Il voit un grand attroupement dans les Champs Elysées ou les boulevards, je ne sais pas; il s’approche et à son grand étonnement il voit[278]: хохлы в засмоленных рубахах курят люльку, а волы лежат у телег. Il leur crie: «З виткиля?» – «С Золотоноши, это в Полтавской губернии». – «Да як же вы прийшли сюда?» – «Казали возити пшеницю за армией, да так и пишли до Берлина, это в Неметчине, потим казали: ходи домой, а потом опять – нет, возите».

был друг нашей семьи и хотел взять меня с собой в Персию, но граф Нессельроде велел ему взять Мальцова и сказал ему; «Я берегу моего маленького Киселева для большого посольства, а именно в Рим, он превосходно знает французский, у него есть такт, природная любезность, и он везде сумеет приобрести друзей».

[278] – Какое счастье, что ты не поехал в Персию, ты мог быть убит и я не узнала бы тебя.

– Без всякого сомнения, я не вел бы себя как <...>; я дал бы себя зарубить рядом с Грибоедовым, прежде всего потому что я его любил, а потом потому, что это значило бы умереть на посту как часовой. <...>

Мой дядя <...> говорил мне, что когда наши войска вошли в Париж, было приказано вступать в лучших мундирах, а обозы вводить только вечером. Он видит на Елисейских полях или на бульварах, не знаю, большое скопление народа, подходит и к своему великому изумлению видит: <...>. Он им кричит: <...>.

Вариант 3
Биография Александры Осиповны Чаграновой

Отъезд за границу после вторых родов.
Пребывание в Мариенбаде. А. Дурново, вел. кн. Михаил Павлович, С. С. Киселева[279]

Генерал Киселев обладал выдающимся умом, красивой внешностью, золотым сердцем. Он происходил из весьма знатного рода; в 12-м году, когда наступала победоносная армия великого полководца Наполеона, ему было 16 лет; русский народ поднялся как один человек, чтобы освободить страну от позора иноземной пяты, попирающей землю Святой Руси, – и до сих пор говорят: Святая Русь. Император прибыл в Москву, истинную столицу нашей обширной империи до Петра Великого. В этом прекрасном городе Москве было до 340 церквей. Он сражался под стенами своего Кремля с татарами и поляками и всегда побеждал в обороне – ибо сражался для защиты православной религии. Генерал Киселев, как я уже говорила, в возрасте 16 лет записался в армию добровольцем вместе со своим другом князем Петром Вяземским и кузеном Авраамом Норовым. Все трое были в знаменитом Бородинском сражении, в Смоленской губернии, в 80 верстах от Москвы. Битва генералов, или Бородинская, вывела из строя 50 генералов и 200 000 солдат. Отец Тьер и особенно г. де Сегюр сообщили печальнейшие подробности этого несчастного похода современного Кира. Он перешел Нарев у Ковно с 700 000 человек, имея более 200 000 храбрых французов, состарившихся под неизменно победоносными знаменами Франции. После своего пребывания в Москве он оставил там только разрушения и развалины. Все выехали оттуда и находилось там лишь 8000 жителей. Спускаясь с Воробьевых гор, он вступил на Драгомилов мост и ожидал, что найдет там купцов с ключами от города и хлебом-солью, символом гостеприимства – обычай, и поныне еще сохраняющийся у нас. Он нашел лишь собак, завывающих в поисках куска. 8000 раненых при Бородине

[279] Здесь и далее (до с. 315) курсивом выделено краткое содержание опущенного текста.

переполняли многочисленные московские больницы; все институты, богадельни были наполнены ранеными и обмороженными; молодому Норову ампутировали ногу. Зима, этот бич войны, установилась с 4/16 сентября. Это было деяние Бога-мстителя. Из Москвы Наполеон пустился в обратный путь. Его армия, уже весьма расстроенная, была разбита при Малоярославце генералами Дохтуровым и Неверовским. Калуга, увидев его, выступила с образом Святой Девы этого города, сопровождаемым многочисленным духовенством, собрала также другие города уезда и около 100 000 человек всех классов; им выпало счастье нести этот драгоценный образ, единственный образ в мире, где Святая Дева представлена одна, с книгой в руках; это уникальное изображение.

Западные историки никогда не верили, что император Александр, в высшей степени мягкий и гуманный, позволил Наполеону вернуться тем же путем и что он посылал ему хлеб для прокормления остатка его армии, состоявшей не более, чем из 200 000 человек.

Был момент, когда предполагали, что он пойдет на Петербург; его разведка и аванпосты уже ознакомились с местностью до Клина по дороге к нашей столице, отстоящей от Москвы на 650 верст. Генерал Виктор герцог де Беллина тщетно пытался захватить Петербург, потому что наш храбрый и знающий Витгенштейн всякий раз его победоносно отбрасывал, ему помогал маркиз Паулуччи и способствовала измена прусского генерала Йорка. В Петербурге готовились к бегству в Финляндию, экипажи были готовы. Растерянность была всеобщая, особенно после известий, которые привез из нашей армии генерал Мишо.

Генерал Киселев, тогда уже капитан, проделал всю кампанию; бесстрашный, он избег всех опасностей на поле битвы при Лейпциге, и на высотах Монмартра император прикрепил ему аксельбанты флигель-адъютанта. Заметив, что он так же умен, как и храбр, он отправил его с весьма деликатной миссией к австрийскому императору.

А я много знаю об этой замечательной семье. Я знала от Пушкина, что у него был брат по имени Сергей, который женился на хорошенькой московской барышне из семьи Ушаковых. Они жили на Арбате. Эти барышни говорили такие словечки,

что «святых выноси». Я не знала, что у него был и третий брат и что этот брат должен был решить мою судьбу.

Именно во Франценсбаде я особенно близко сошлась с графиней Юлией Строгановой, женой графа Григория Строганова. После того, как он был послом в Константинополе, ему доверили этот пост в Испании. Графиня Юлия была прежде замужем за графом д'Альмейда, португальским посланником. У нее не было детей. Строганов страстно влюбился и женился на ней после смерти своей жены. Но он увез ее от мужа, которого она не любила, и женился на ней только в Дрездене. У него была дочь от одной француженки, гризетки или модистки. Эта молодая особа была очаровательна, умна, хорошо воспитана; у нее были большие синие глаза, нежные и пикантные, и графиня выдала ее замуж за г. Полетику, человека очень хорошего рода, да еще с прекрасным состоянием. Идалии не было во Франценсбаде. Мой муж играл в карты с графом, своим врачом, полковником Лахманом, польским евреем, женатым на одной из Потоцких. Г. Смирнов нашел повод сцепиться с этим несчастным Лахманом. Строганов уладил дело и отказал Лахману от дома. Графиня, которую все называли Жюльеттой, сказала мне, что она едет в Баден, где будет много русских, и между прочим графиня Строганова, г-жа Киселева, братья Мухановы, и что мы будем там как в своей семье. Я была уже в Бадене, когда там умирал генерал Мердер, местность мне очень понравилась. Я обладаю редким для русской счастьем любить природу, цветы, птицы меня радовали. У меня всегда была собачка, которую я любила, как любят человеческое существо. Кроме моих детей, которых я обожала, моя собачка Бьюти скрашивала ужасное сердечное одиночество, в котором я жила.

Баден, вилла Шези. Клеопатра Трубецкая, ее история. Знакомство с Н. Д. Киселевым, переезд в дом Дурхгольц

На другой день в 10 часов я уже была в этом дорогом мне доме, где, сама не знаю как, начался Роман моей жизни. Все долгие 7 месяцев я страстно его любила, а он меня обожал. Моей несчастливой звезде я обязана тем, что не узнала этого тогда. Это случилось только за три дня до того, как он уехал в качестве курьера, чтобы сообщить императору о министерстве Тьера. Он принимал ванны и пил воды Виши.

Баденские знакомые: друг Киселева Федор Голицын, Павел и Александр Медемы. Намерение провести зиму в Париже. Н. Д. Киселев

Он был среднего роста, с очень красивыми черными волосами, прекрасно подстриженные бакенбарды окаймляли овальное лицо, глаза были нежные и смеющиеся. Они напоминали мне слова г-жи Вонсович Вяземскому в портрете (было можно писать портреты своих поклонников): «Арман улыбается как редко кто...». Рот у него был маленький, губы пропорциональные, зубы белые как жемчуг, тонко вырезанные уши. Он был всегда в черном, носил очень тонкое белое белье и черный галстук; никаких украшений, ничего, кроме перламутровых пуговиц на сорочке и очень простых золотых запонок.

Однажды, когда я говорила ему о прекрасном вкусе, который нахожу в его внешности, и восхищалась его запонками, я держала его руку и заметила, как переменились его красивые глаза: в них словно заблистал радостный свет.

– Возьмите эти запонки; этот подарок не разорит меня: это русские пятачки, которые я приказал позолотить.

Уезжая из Бадена, он мне их отдал, я их носила в России, это вошло в моду и позднее я подарила их моей старшей дочери.

Обеды в Бадене у Строгановых и у Смирновой. Беседа о курении табака

Мой муж уходил з полдень играть на рулетке, возвращался к обеду в 5 часов, вновь уходил в 7 часов до полуночи, когда колокольчик возвещал закрытие игрального зала. Киселев уходил и приходил, он часто бывал у Клеопатры, где я находила его всегда веселым, с смеющимися глазами, говорившими мне нечто большее, чем обычное ласковое приветствие. Я встречала там графа Гектора де Беарна, собиравшегося на ней жениться, и Бакура, болтали и смеялись. Кисс, как мы его называли, после отъезда графини Юлии каждый день обедал у нас. У меня была очень хорошая кухарка, это была буржуазная кухня, очень здоровая. Он обыкновенно восхищался этими обедами в узком кругу, аккуратно сервированными на фаянсовой посуде. Из Берлина я привезла чашки хорошего фарфора с выпуклыми кистями винограда и виноградными листьями

и полированный оловянный чайничек. Он сказал мне: «Как же вы не привезли русский самоварчик?» – «Когда я ездила одна, у меня был тульский самоварчик, но когда путешествуешь с детьми, то возишь с собой географические карты, как выражается Рибопьер: пеленка сушится то у одного окна, то у другого, и желтые рисунки очень приятны. “Моя дорогая, – говорил мне Рибопьер, – я проехал от Неаполя всю Европу с этими знаками отличия”».

– Ну, а во мне всегда живет москвич, русский чай хорош только на воде, вскипевшей в самоваре; я ем одно яйцо всмятку, а потом чай без молока и поджаренный хлеб с маслом.

– Вы как князь Михаил Цицианов, двоюродный брат моей тетки Цициановой.

– Цицианов, ведь это грузин?

– Да, моя бабушка была Цицианова.

– И моя тоже, она была Грузинская.

– О, Грузинские – и вы, и я, мы оба царской крови. Император иногда мне говорил: «Александра Осиповна, и в вас течет царская кровь». Вот поэтому и вы, и я столь аристократичны и, кроме того, с такой человечностью относимся к нашим слугам и крестьянам. Бьюсь об заклад, что вы обращаетесь с вашим старым Михайлой как с другом.

– Ну, теперь, когда мы разместились на троне, вы рассказываете так хорошо, так мило и забавно...

– Ну! Гречневая каша сама себя хвалит, я знаю, что очень хорошо рассказываю. Жуковский, Пушкин, Тургенев Александр всегда просили меня рассказывать. Возвращаясь к Цицианову, скажу, что он был очень странный человек и оригинал, и все это весьма по-грузински. Встречаю я его один раз во Франценсбаде идущим посреди улицы, неся свой запас хлеба. Я кричу ему: «Князь, зачем вы ходите посреди улицы, здесь на солнышке гораздо лучше». Он мне отвечает: «А мне доктор запретил гулять в тени и на солнце, так я хожу посреди; я это сказал этому дураку” Конради, он хватился за лоб и сказал: “Was für eine kluge Idee»[280]. Приходите пить чай, я купаюсь только в Каролинен, водку не пью, а чай мне позволен. Как можно чай пить в поганой Неметчине! Вот я приеду в Москву, из дилижанса

---

[280] Что за умная мысль *(нем.).*

прямо в баню, а потом сажусь за самовар, горячий калач, густые сливки и сайка на столе; я живу с сестрами, и наконец ложусь в постель.

– Какая у вас болезнь?

– Препоганая: у меня idée fixe[281]. Я все думаю, что убью себя, то есть боюсь, что хочу это сделать.

– Представьте, что и я тоже, мне лучше после Мариенбада.

– Как же у вас появились такие ужасные idées fixes и почему вы так несчастливы? У меня тоже есть одна idée fixe с тех пор, как я в Бадене, но она так нежна.

– Какая же, скажите мне!

– А, это уж нет! Вы узнаете ее в Париже, когда приедете советоваться с Ганнеманом. Я думаю тоже перейти к гомеопатии, микстуры французских врачей вредят моему желудку. Расскажите мне о вашем пребывании в Берлине.

– О, я там очень забавлялась, так как провела там три месяца, и из-за Стефани для меня всегда был открыт дом Радзивиллов. Были только праздники, концерты и живые картины, и я во всем участвовала.

– Ну, конечно, по сравнению с этими немками ваше совершенно итальянское лицо и ваш профиль производили, должно быть, очаровательное и новое впечатление. Но кто эта Стефани, о которой вы часто говорите?

– Подождите, пока я кончу о своих успехах в Берлине. Я каталась там как сыр в масле. Смирнов уходил с утра в канцелярию, потом в клуб и приходил к обеду, а я каталась с детьми и часто ездила в Шарлоттенбург, там стоял Драгунский полк, и Каниц очень любил детей, у него была обезьяна, и дети, садясь в карету, говорили: Каниц, Вау Вау.

– А кто же вам строил куры в Берлине?

– Никто и все.

– Вот как! Все, ну уж простите!

– Принц Вильгельм был моим лучшим другом, это любимый брат императрицы, и я знала о его страсти к Элизе Радзивилл, так несчастливо окончившейся ее смертью во время моего первого пребывания в Берлине.

---

281 Навязчивая идея.

– Знаете ли вы, – сказал он мне, – я полагаю, что истинная, святая любовь всегда кончается несчастливо; как будто Бог хотел бы оторвать нас от этого мира. Не думаете ли вы так?

Он сказал это печально.

– Думаю, что я ничего об этом не знаю; я люблю только моих братьев и моих друзей. Это не любовь.

– Нет! Но продолжайте о вашем Берлине.

– Подождите, пора обедать; я иду мыть руки и вы тоже. Заметили ли вы, что он возвращается с рулетки с грязными руками, под ногтями траур, не моет их, и шарики, которые он катает из хлеба, все черные. Я поздравляю его любовниц и охотно его им уступаю; он ревнив, но уверен, что я не наставлю ему рога; Жуковский говорил мне: ведь вы честный человек.

– Да, и очень честный, по несчастью для тех, которые вас знают. И в Бадене есть два сердца, вам преданные. До свиданья за обедом.

За обедом хозяин рассказывал, сколько раз он ставил то на черную, то на красную, и г-жа де Лаге играла с ним пополам и прочее.

– А вы, мадам, посещаете рулетку?

– Одно это название мне противно. Воздух, которым там дышат, ужасен, а все эти лица, искаженные самыми дурными страстями, меня печалят.

– Ну, уж, пожалуйста, оставь свою мораль, – сказал муж.

Обед кончился, он принялся курить и храпеть в углу. Я сказала Киселеву: «Какой любезный компаньон!» Он пожал плечами.

– Плетнева, который был лишь учителем, так задевало это отсутствие приличий, а я ему говорила: «Петр Александрович, вы не думайте, что он только при вас ходит к Храповицкому, он и при Вяземском и Жуковском спит».

– Как это хорошо – к Храповицкому.

– Но вы никогда ничего не читали Гоголя.

– Где же я мог найти Гоголя, я от всего русского отстал.

– Ну, хорошо, я введу вас в курс нашей современной литературы; лучшую славу ее составляют: Гоголь в малороссийской прозе, Пушкин в поэзии и московский митрополит Филарет в религиозном красноречии. Ни Боссюэт, ни Буальдье не проповедывали никогда так, как он. Это мой большой друг.

– Какая странная смесь: двор, костюмированные балы, успехи в свете, кокетство и религия, привычка к религиозным обрядам – всему есть место в вашем сердце и вашей грациозной головке.

Клеопатра вошла с Бакуром, мы пошли бродить по променадам, он дал мне руку, чтобы взойти на холм, где находился мой друг слепой. Это был прекрасный человек, в расцвете сил; у него была жена и дети, для которых он честно работал. Когда на него обрушилось это великое несчастье, слепота, я давала ему маленькое пособие.

– Вы послушайте, как говорит этот человек, это так трогательно.

– Как дела, дорогой друг?

– Хорошо, дорогая, добрая, ваше превосходительство, моя милая жена стала прачкой, стало лучше, деточки имеют по утрам свежее молоко и хлеб, а вечером хороший суп. Я сижу здесь целый день, до захода солнца, сюда приходит моя дорогая с детьми, мы беремся за руки, она отводит меня домой, и мы спокойно спим. Ах, солнце, прекрасное теплое солнце, я никогда тебя не увижу более. Но там, наверху, я увижу бога, я так на это надеюсь.

Все были тронуты, и каждый положил ему кое-что в руку. Клеопатра, всегда нескромная, сказала, что у меня три друга: слепой, старый Беверлей, который собирает навоз на улицах, и старик из Гайнау, и что дети очень любят этих трех персонажей. Киселев нежно пожал мне руку и сказал мне: «Я надеюсь, что ваши прекрасные глаза будут видеть солнце до последнего вашего часа».

– И ваши добрые и смеющиеся глаза тоже, мой дорогой Кисс.

Он задрожал при этих словах, шедших из глубины моего сердца.

Я говорила себе: «Это ты, мой Николай, солнце моих глаз». Как я уже любила его, не догадываясь, что это не дружба.

Бакур шел рядом с Клеопатрой, подавшей руку своему Гектору Беарну; я обернулась, она показывала мне пальцем на Гектора, которого *я* хорошо знала по Петербургу: он делал мне знаки одобрения, касающиеся Киселева.

– Пойдем к «очень хорошенькой шляпке».

Они спросили меня, кто это «очень хорошенькая шляпка».

– Это мелочная лавка, где торгуют игрушками и конфетами, табаком, и колбасами, «хорошая колбаса – дар божий», как говорят в Берлине; она может сказать моим детям только «очень хорошенькая шляпка» и дарит им игрушек на пфенниг, когда бонны покупают им разные пустяки на гульден. Дети действительно очень хорошо убраны в своих шляпках из итальянской соломки с синей лентой, развевающейся по плечам, с их светлыми волосами, вьющимися от природы.

– Я надеюсь, что их не мучают папильотками, – сказал Кисс.

– О нет, их моют каждое утро и навивают на палец; это так привлекательно, курчавая головка.

– Как мне нравится, – сказал мне Киселев, – что у вас везде свои; бедняки. Я сам беден, но всегда берегу медные деньги для нищих. Г. де Мэстр так говорил. Вы видите, что я не так уж невежествен во французской литературе.

Он нежно пожал мне руку и сказал: «Я тоже нищий, и я прошу у вас немного дружбы».

– Киселев, уверяю вас, что очень вас люблю.

Очень тронутый, он поцеловал мне руку, пристально на меня глядя. Мне хотелось прижать его к сердцу и сказать ему, что он – идеал, по которому томилась моя душа.

Мы вернулись. Я поспешно отняла руку, которую он держал в своей, он опустился и оставался на коленях.

– Встаньте, подите туда, к окну.

Встреча с Лос Риосом на террасе: «Я запретил бы женщинам в вашем положении показываться на улицах»

Старый испанец был холост: у него был большой альбом, которым он увлекался точно как маленькие дети; он называл его «Баденские события»; в том году прогуливались вокруг, по всем променадам, и старый Беверлей двигался последним. Он освещал рисунки и не расставался со своим драгоценным альбомом, предназначенным только для близких друзей. Он позволил Киселеву показать мне его, рекомендуя хорошо о нем заботиться.

– Лос Риос – старый холостяк, он не понимает, что женщина никогда не бывает так хороша, как когда она становится матерью.

Вечер был грустный, маленькая Мур шуршала в своем каменном ложе, месяц сверху посылал бледные и нежные лучи на холм, где жил слепой.

Мои дети называли его Киливов. Я сказала: «Киливов, принесите кресло к окну и сядьте там».

Мы молчали.

– Может быть вы немного поиграли бы, чтобы закончить этот прекрасный вечер.

– Нет, я устала, я хочу растянуться, принесите стул, чтобы я могла положить отекшие ноги.

Он принес кресло. У меня было их четыре, и г-жа Дурхгольц сделала их по моему желанию; они были обтянуты синей кожей с коричневыми мушками по ней. Я положила ноги, он уложил мое платье. Я бросила туфли на другой конец комнаты, он сказал мне, поднимая их:

– Лос Риос был прав, где вы купили эти лодки?

– Конечно, у «очень хорошенькой шляпки».

– У вас должна быть очень маленькая ножка, ваши руки так малы.

– Да, они у меня очень маленькие и узкие, но стали шире после моих первых родов и особенно после вторых. Вы, может быть, не знаете, Киливов, что женщины с длинными и узкими ногами рожают трудно. К несчастью, это оправдалось на мне.

– Покажите мне ваши башмаки, которые вы носили в Берлине.

– Я не знаю, здесь ли они; позовите Лизу. Лиза, принеси мои красные туфли с черным мехом.

Он попытался надеть их мне, мы смеялись, как умалишенные: они не вошли даже на кончик ноги.

– Подарите их мне, пожалуйста, это будет сувенир.

– Возьмите.

– Спасибо, как вы добры, вы меня балуете. Это память на весь мой век.

– Как я люблю эти стихи Батюшкова:

О память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной.
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые
И нежное руки пожатье.

– Ну, я тоже люблю глаза, но черные глаза, как ваши, эти глаза находятся в Париже.

– Киливов, как это приятно быть столь близкими с друзьями, что нет нужды поддерживать разговор, любезничать; молчат, думают вслух; я не понимаю иных близких отношений – между друзьями, разумеется.

– Я согласен с вами, и именно поэтому я так люблю бывать у вас; вы так хорошо понимаете дружбу. Ну, так о чем вы молча думали сегодня вечером?

– Вот, говорила я себе, нужно еще родить, надо надеяться, что с заботами г-жи Гейденрайх фон Зибольдт я избегну происшествий двух моих последних родов.

– Вы много страдали?

– 72 часа во время первых моих родов, город был взволнован этим. Пушкин, Вяземский, Жуковский встречались весь день, чтобы спросить; «Что, родила ли? Только бы не умирало наше сокровище».

Он посмотрел на меня, глубоко взволнованный и удрученный.

Рассказ о тяжелых и неудачных первых родах

Через месяц император пришел меня навестить, у меня были Лиза Дальгейм и Александр Алопеус, которого Лиза очень любила, но он всегда созерцал меня; когда император вошел, они все ушли. Мой муж, которому всегда не хватало такта, остался. Император сказал ему: «Смирнов, поди к гостям в другую комнату» – и сказал мне: «Мой дорогой друг, я всемогущ, но не могу предписать тебе пластырь»; он сказал это смеясь и потом прибавил: «Врачи говорят, что тебе не следует иметь других детей; брак без детей очень печален; но ты религиозна, ты смиришься перед этим испытанием. Бедная наша Черненькая, как мне жаль тебя».

– Как мне жаль тебя, я повторю с ним, – сказал мне Киселев.

– Киливов, мой милый Киливов, вы забываете, что говорите мне ты.

– Нет, я повторяю слова нашего дорогого императора, он так велик, так добр, вы его очень любите, неправда ли?

– Я его обожаю, он муж моей дорогой Александры Федоровны, моей покровительницы, моей благодетельницы. А впрочем, почему бы двум друзьям не говорить друг другу ты, по-русски, конечно? Мы говорим по-русски ты нашим крестьянам, нашим слугам, но во французском ты, не знаю отчего, есть что-то столь интимное, что его говорят только тому, кого любят всеми силами души. Попытаемся, Киливов, говорить друг-другу ты по-русски.

– Нет, нет, это слишком опасно, пожалуй, я обмолвлюсь при чужих, это уж так, очень скоро приобретают эту нежную привычку. Скажите мне, говорили ли вы когда-нибудь вашему мужу ты по-французски?

– Никогда в жизни, я вышла за него замуж по желанию императрицы. И Алина Дурново, которая его знала, убеждала меня принять его предложение; я была столь же равнодушна к моему мужу, как она к своему, но дети заставили меня забыть все. Это так сладко иметь дитя, которое можно ласкать, особенно если можно его кормить. Он сделал мне предложение у Карамзиных, я сказала г-же Карамзиной: «Без чувствительных фраз, пусть он только спросит: да?» И я произнесла это роковое да.

– Почему роковое?

– Вы это знаете, сперва у меня было дружеское чувство к Смирнову, но недостаток достоинства у него меня ранил и огорчал, не говоря уже о более интимных отношениях, столь возмутительных, когда не любят любовью.

– О, как вы правы, тогда это пробуждает самое неблагородное в нас.

– Что пробуждает? Я никогда не испытывала ничего, кроме пробуждения отвращения.

– Вы – дитя, переполняющее меня восхищением и радостью.

Он взял мою руку в обе свои и долго держал ее, глядя на меня добрыми глазами, нежными и полными слез. Я отняла свою руку.

– Почему вы отнимаете эту ручку, такую нежную и красивую?

– Не можете же вы держать ее бесконечно.

– Почему бы и нет? Если бы вы разрешили, она была бы моя навеки, то есть то недолгое время, которое мы живем здесь, на земле, а в истинной вечности, в лоне божьем, ничто нас не разлучит.

– Киселев!

– Что?

– Как я люблю быть беременной!

Мне кажется, что вы слишком часто доставляете себе это удовольствие.

– Да, это поистине было бы удовольствие, если бы не надобно было пройти через...

– Через что?

– Вы знаете, что. Это так возмутительно, когда не любишь.

– Я ничего об этом не знаю, я не женат.

– Прекрасно, но я хорошо знаю, что имеют любовниц.

– Помилуйте, мадам, не говорите о вещах, недостойных исходить из ваших уст, я хотел сказать – прекрасных уст, но вы не любите комплиментов (что неправда, а только кокетство). О, женщины, женщины, как они подражают матери Еве!

– Возвращаясь к моей беременности, – как я люблю чувствовать движения этого маленького существа; если что-то острое, говоришь себе – это ножка или ручка, а если круглое – это головка. Постойте, вот он двигается, потрогайте.

– Боже сохрани! О, госпожа Смирнова, как вы любите играть с огнем. Если он не сожжет вас, он может сжечь других.

– После этого мы замолчали, он закрыл дверь в мою спальню.

– Я ее закрываю, потому что вы говорите громко, это может разбудить двух спящих ангелочков.

– Пойдемте взглянуть на них, пойдемте!

Обе малютки спали, одна в своей складной постельке, Оли на руках у Эйландт.

– Она не могла заснуть, она боялась мыши.

– Эйландт, я тебе говорю, Киливов видел мышь.

Я благословила их, трижды перекрестив.

– Можно мне тоже благословить их?

– Конечно, это будет благословение, которого им не дает нежно любящий их отец; возвращаясь с этой отвратительной рулетки, он говорит: «Надеюсь, дети в порядке?» – «Да».

Тогда он, помолившись, храпит, как солдат; я ложусь, он крестится и потом: «Добрый вечер, дорогая», к счастью, не целуя меня. Он суслит так противно, язык у него желтый, обложенный и пропахший этим ужасным запахом табака.

– Я не курю, ибо парижские черные глаза не любят запаха пахитос, которые курят другие, но сама она курит, это обожаемое существо с черными глазами.

– Киселев, она замужем?

– К несчастью, да, но она не любит своего противного мужа. Не подумайте, что я в связи с ней, я слишком уважаю ее, чтобы когда-либо сделать ее своей любовницей. Это существо чистое и целомудренное, простое как пятилетний ребенок, нравственно она похожа на вас, но она крупнее и красивее вас.

– Ого, ого! Ее бы, наверное, не обрадовало то, что вы – друг другой женщины.

– Она очень хорошо знает, что я ее обожаю и что я могу любить только ее. Поэтому подле вас я думаю лишь о ней и когда я возвращаюсь, так как я всегда сплю мало и нередко очень плохо, то я счастлив, ибо думаю о ней; мне кажется, что я слышу нежный и проникновенный голос, говорящий мне: «Николай, я люблю тебя, обожаю тебя, но я честна».

– Принесите мне мои часы, они на столе у моей кровати.

Он принес их, сказав мне: «Вы покрыли этот стол салфеткой».

– Да, я думаю! Я ненавижу пыль и грязь, я никогда не берусь за ручку двери, не прихватив ее своим платьем или носовым платком.

– Я заметил это и сказал себе: какая хорошая мысль, я буду делать, как она, ибо я тоже очень своеобразен.

– Агриппина Мансурова и Саша Трубецкая так же делают.

– Половина двенадцатого, – сказал он мне, – доброй ночи и до свидания, я не забуду этот хороший день и пойду думать о моих дорогих парижских глазах.

Я проводила его: «Я ненавижу встречи с этим противным евреем Габером, он шпионит за мной».

Клеопатра стояла у окна со своим Беарном, он целовал ее без стеснения. Они позвали Киселева. Он крикнул им: «Нет, сегодня вечером я слишком счастлив».

Я возвратилась, легла спать, тоже очень счастливая моим днем, и хорошо уснула, мысленно произнося «Киселев».

Но прекрасные, парижские черные глаза меня немного беспокоили. На другой день утром пришла Клеопатра и сказала мне: «Ну, моя дорогая, он признался вам в своей любви?»

– Ничего подобного, он любит черные глаза в Париже.

– Дорогая, эти глаза это вы, это был способ сказать вам о своей любви. Бедный Кисс, он без ума от вас.

– Клеопатра, вы – истинная валашка и всегда несетесь вскачь.

– Моя дорогая, счастье нужно ловить за волосы!

Потом вошел он.

– Киселев, – сказала я ему, – после этого хорошего дня я очень плохо спала.

– Я тоже, я думал о парижских черных глазах.

– Черт побери все на свете парижские глаза. Представьте себе, что, очень хорошо уснув, я была разбужена писком мыши, а ее противный хвост щекотал мне уши. Я встала и позвала мужа, храпевшего так, что могло проснуться все эхо в Бадене, а я, сама не знаю как, оказалась на комоде, продолжая его звать; подите посмотрите, насколько этот комод выше кровати. Я звала его около четверти часа, наконец, кричала ему: «Скотина, да проснись же!». Тогда возникла трудность, как спуститься, он совсем не знал, как это сделать; я велела разбудить Эйландт, умную женщину. Она придвинула стол и помогла мне потихоньку слезть на него, а потом на стул; она отодвинула мою кровать от стены; я так боялась за дитя. Тогда, чтобы меня успокоить, она принесла тряпки, намоченные в холодной воде, и сказала: «Слава богу, оно двигается». Он уже храпел, я легла и очень хорошо заснула.

У Киселева был растерянный вид.

– Я пришлю вам Михайлу, он заткнет все дырки.

– Но эти канальи пролезают под двери.

Он провел весь день со мной, наблюдая за мной как врач, каждый час щупая мне пульс. Он приказал позвать Гугорта, который нашел, что я здорова. В течение дня я предлагала рассказать о Берлине. Он ответил: «Нет, я слишком взволнован, чтобы что-нибудь понимать, а кроме того напоминать мне мои черные глаза слишком опасно. Отложим до завтра занимательные истории. Сегодня надо благодарить бога, что вы избежали ужасной опасности. Два столь дорогие существа в опасности!».

– Киселев, и что говорят парижские черные глаза?

– Клеопатра, почему вы смеетесь, глядя на Кисса? Уверяю вас, что речь не обо мне, а о красивой парижской женщине. И я в этом совершенно убеждена, Киливов, поскольку вы ездили в Лаго, я расскажу вам о моем дорогом московском митрополите.

– Да, да! И начните с этой минуты и до 7.

– Моя тетка Цицианова после смерти своего отца имела на своем попечении трех старых горничных из крепостных, которых ее мать освободила перед смертью. После ужасных унижений у скупой старухи г-жи Лопухиной, которая пригласила их жить к себе (она заставляла их есть рубец), тетинька написала старику Лутковскому, чтобы попросить у него убежища в Москве в его домике у Харитония в Огородниках. Лутковский приехал и устроил ее в этом маленьком приюте, где я так часто бывала. У нее было только 15 000 р. асс. и скопила мало-помалу тысячу франков, чтобы оплачивать расходы по дому. Бедная тетинька низверглась из богатства в нищету. Князь Александр Голицын сказал об этом императрице, которая говорила ему: «Мадам равна вам по рождению, в ее жилах королевская кровь, ибо она – потомок царя Давида», – как вы и я, Киселев.

Тетинька жила в первом этаже, очень низко, и лакеи не могли обещать уберечь ее от воров. Она решила поехать к Филарету и рассказала ему о своих горестях. – Но, я думаю, довольно. Он слушал меня с нежным вниманием, нас разделял квадратный стол – у Дурхгольц все было квадратное, по немецкому обычаю. Он протянул руки и скрестил их. Я сказала ему: «Какие у вас маленькие руки, просто женские, давайте измерим наши руки. У вас тоже один палец не форменный, у вас это большой палец, а у меня указательный. Ну, вытяните руки, мы их измерим».

Он вздрогнул и сказал мне: «Я так люблю видеть этот серьезный и сочувственный вид, с каким вы говорите о страданиях ваших родственников или друзей. Вы будете и мне сочувствовать, неправда ли, когда мои прекрасные парижские глаза закроют навсегда мое сердце?»

– Конечно. Ну так вот, Филарет сказал моей тетке своим прекрасным голосом: «Тебе негде держать мощей, отдай голову святой Анастасии в Страстной монастырь, а руку

Ефрема Сирина и другие мощи в Троицу. Ты тоскуешь дома, поезжай к Антонию и займись богадельней и странней, там бывает до 1000 странниц».

– А что это такое странняя?

– Странняя – это большой зал, где спят женщины, пришедшие в Троицу на богомолье, их тысячи, мужчин и женщин; есть ходоки, приходящие с далекого конца Сибири.

У тетеньки была уже Додо, воспитанница моей золовки, которая мне ее передала; ей платили 100 франков в месяц, а из нашей подмосковной муку, крупу, масло и овес для лошади кучера, которого держали за счет моего мужа. К счастью, три старушки уже умерли, а у Додо был жених.

Надо отдать справедливость тетиньке, она заботилась о Додо как мать, она нашла ей мужа, прекрасного человека, архитектора по фамилии Баулин. Тетинька, которая никогда у меня ничего не просила для себя, попросила для нее шубу, белье и два шелковых платья. Я вникаю в эти детали. Смирнов, очень великодушный, послал 10 000 франков. Тетинька, освободившись от этих старушек, поместила Каролину Ивановну Витич у своей приятельницы г-жи Ларионовой, а сама отправилась в Троицу.

У меня были ужасно расстроены нервы, постоянное расстройство желудка. Была очень сильная холера, и я тоже поехала в Троицу. У тетки были только четыре, маленьких комнаты, клетушки. Мне очень понравилось пребывание там, продлившееся 15 дней. Мой брат Лев Арнольди сделал нам сюрприз, приехав. Вдруг мы видим, идет, кто такой? Тетинька говорит мне: «Да это Лева». Он смертельно боялся холеры, говорил мне: «Что, у тебя бывают изжоги?» – «Разумеется, изжога, ты знаешь, Лева, это желчь переходит из печени в желудок». Он принимал царские капли датского короля.

– Какое забавное лекарство «капли датского короля», я думал, что эти капли делают из экстракта, который есть только в Копенгагене.

– И я тоже. Гончаров говорил, что когда наследник должен был остановиться на три дня в Копенгагене, он пошел повидать двух старых теток. Они держали в руках газету и плакали горькими слезами, говоря ему: «Наш наследник такой милый и веселый, и ему нужно провести три дня в таком поганом месте

с немцами». Это напоминает мне слова Алексиса де Токвиля, что родные, говоря о короле и королеве, плакали, потому что это были король и королева!

– Я знал прекрасные, столь нравственные труды Токвиля, я не знаком с ним лично, но вам нетрудно будет с ним познакомиться.

– Это единственный француз, которого еще было бы любопытно узнать.

Лев приехал и сказал нам: «А я прятался в сене, а Николай (его слуга) мне посоветовал куриться калганом».

– Что, – сказала ему тетинька, – разве ты беременная женщина?

Вы знаете, укладываются на этот калган, ужасную дрянь, и пахнут жжеными перьями; это чудовищное зловоние.

После того, как монах его уверил, что холера была только в этом ужасном доме, полном клопов, он поселился в гостинице. Утром он пришел весь бледный, говоря нам: «Я наверное умру холерой, я проглотил проклятого клопа. Николай уверяет, что это невозможно. Дайте скорее чаю, запить вкус клопа».

Тетинька пригласила меня говеть. За год до этого я ездила в Троицу и подошла к кресту; на мне было шелковое платье и розовая шляпка; и я заметила, что этот каналья Антоний принял наставительный вид, глядя на меня, а крестьяне проходили перед его глазами как ничто. И я сказала себе: «Да ты, брат, штукарь!».

Я сказала тетиньке, что не хочу исповедываться Антонию, что я знаю его скандальную историю с Ивановнами Мухановыми и письма, которые писали Филарету, не читавшему их и говорившему: «Я клевету презираю и верю честности Антония».

Я любила ночи в Троице. Ночи в Троице такие, какие, говорят, ночи в Руане.

– Я не знаю Руана, это довольно далеко от меня.

– Ночи были разные; когда я не спала, тетинька, я и кривоногая Аннушка, ее фактотум, предшествовала нам со свечой в фонаре, и мы шествовали среди мрачного молчания ночи до стен монастыря, где все было освещено и слышно было пение всенощной; иногда Филарет приезжал из Москвы, служба была еще торжественнее.

Тетинька останавливалась подле каждой свечи и по-католически приседала перед святыми, у Максима Грека она оставалась долее всех: «Ты знаешь, Сашенька, это большой подвижник». Пели восхитительно, только монахи – кто большим пострижением, а кто малым, и послушники носили книги от одного хора к другому; это старинный обычай, ибо книг было достаточно; после «Обретения» пели этот обожаемый гимн «Свете тихий», святые слова Серафима Восточного, а в этом промежутке Антоний раздавал совсем теплые просвиры. Я люблю это все, находишься среди крестьян, ведь у Бога все равные, есть такой прекрасный стих у недостойного этого создания Владимира: «И в стране, где нет пристрастия с вами рядом сяду я».

– Как это красиво, – сказал мне он, видимо, тронутый.

– Штатный служитель, это солдат, отставной ветеран, разносил этот хлеб. Один крестьянин смотрел на этот хлеб таким взглядом, который, казалось, говорил: «Как бы мне его хотелось». Я дала ему половину, он сказал мне: «Как тебя зовут, маточка?» – «Александра». – «А детки есть?» – «Есть». – «Ну, так я за тебя поставлю свечку и буду молиться об тебе». На другой день келарь проводил меня в трапезную, где были нарисованы только сцены из Нового Завета. Я сказала монаху, чтобы он объяснил, так как крестьянин ничего не знает. Когда мы были перед Лазарем и дурным богачом, он потянул меня за полу моего голубого шелкового домашнего платья, отделанного синим велюром (я не могла одеться), и сказал мне: «Ты смотри, молись, а то пойдешь к богачу».

Поскольку тетинька зависела от Антония, я, чтобы доставить ему удовольствие, исповедовалась у него, он кокетничал, сделал мне неприятные признания и делал масляные глаза. Я не причащалась, так как не считала это истинной исповедью. На обедне в большом соборе я испугалась. Я держалась у стольчиков, там можно сидеть, когда увидела женщину, у которой живот приподнимался и пот струился по лбу; это была кликуша, я отскочила и укрылась возле раки св. Сергия. Антоний не видел, что я не приняла святого причастия. Он любил подарки, и я ему подарила синюю чашку русского изделия. Я делала все это для бедной тетиньки. Она заложила свои

дрожки и старую лошадь, и мы поехали в Вифанию; я всегда хотела видеть Голубинского, но так с ним и не встретилась.

– Кто это Голубинский?

– Это философ, христианский по преимуществу, он написал, знаменитую книгу «О целесообразности», то есть о том, что все замыслы божии находятся в гармонии. Артур Стэнли рассуждает об этом в своей книге о восточной церкви и говорит молодому русскому: «Вы едете изучать немецкую философию, когда у вас в Троице есть величайший христианский философ, это Голубинский, и я еду в Москву познакомиться с ним».

– Господи, что только вы знаете, и я понимаю, сколько добрых и прекрасных книг я должен узнать и прочту; как я страшно очужбинился за границей.

– Но на сегодня довольно; а почему вы хотите все знать о моем прошлом?

– Ах, Александра Осиповна, мне это нужно, я вживаюсь в ваше прошлое, хочу прожить с вами это славное детское прошлое.

– Ну, хорошо, Киливов, – теперь я буду говорить Киселев, – хотите вживаться? Один монах по имени Мартын читал мне вечерние молитвы и потом мы возвращались, она спала почти так же плохо как я, и мы ложились спать; она говорила мне: «У меня так болит спина, что как будто на мне тяжесть Христова лежит на хребте». У нее у Троицы была приятельница, г-жа Теленева, и потом два знатока: Голубинский и отец Макарий, который был миссионером в Сибири и был на время у Троицы. Антошка, чтобы быть галантным, дал мне очень краткую биографию митрополита Платона, бывшего учителем императора Павла; он проповедовал при дворе так, что вызвал неудовольствие графа Панина, и его отослали.

Антоний принял мою исповедь, закончив словами: «От всего мог воздержаться, но только не от женского пола»; этот мерзкий смотрел на меня своими гадкими глазами: «Что делать, и я тоже».

– Как вы хорошо говорите по-русски, это слово «делать», как Михайла говорит иногда, это так народно.

– Вот уж мы мешаем французское с нижегородским. Возвращаюсь я из Троицы, слышу галоп лошадей и тут же я предстала перед Филаретом. Это маленькая фигурка, меньше вас

ростом, сидит со свечой в руке и с книгой, и летит во весь опор на шестерне в подворье к обедне. Лева уж опять зарылся в сено и отправился в Москву, он там служил в губернском правлении и был très à la mode[282]; его очень протежировала Марья Степановна Волкова, которую вся Москва называла Марья Пантелевна. И государь ее звал Пантелеймоновна. У меня была страшная тоска, и мне кто-то советовал позвать просвирню; она меня терла, и из меня так и лило желчью. Тетинька приехала и целый день со мной возилась; по утрам она меня заставляла повторять за ней молитву перед чудным резным изображением Спасителя. Пленный испанец умер в доме Смирновых и сказал: «Я ничем не могу заплатить за ваше милосердие», и дал им этот крест.

– Покажите мне его!

– Он всегда отдается княжне, он под стеклом.

Мандт мне сказал: «Это превосходно анатомически, но выражение его лица совершенно божественно». После молитвы я гуляла, и однажды она сказала мне в разговоре: «Ну, что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? У меня ужасно пусто в голове. Ну, посмотри на сад и опиши мне его». Я была в доме дяди Петра Петровича, я ей сказала: «Вот индианки...» и залилась слезами. – «Ах, как поразительно, ну плачь, это тебя облегчит». Она привезла меня к Новосильцевой – вы знаете, матери красавца Владимира, который был убит Черновым.

– Да, да, я был еще в Петербурге.

– Там мне нравилось, она пряла на прялке, я хотела тоже научиться, но не сумела. Это так мило: старая Омфала пряла у ног Филарета, спасшего ее от отчаяния. Однажды она мне сказала: «С Лобного места будет ход, поедем, милая, в ландо». Она велела запречь, я ей сказала: «Признайтесь, что это желание видеть нашего доброго Пастыря». Макарий ежедневно ее навещал, но моя несчастливая звезда лишила меня счастья видеть его. Тетинька рассказала мне, что один раз он вошел к ней, говоря: «Г-жа Новосильцева всегда говорит со мной по-французски; а что, русский – дурной тон?» «Что, что вы, отец Макарий», – закричала хозяйка, Мухановы Алексеевны и Софи Вольман. «Но они в Сибири у тунгусов, а ты что плачешь,

---

[282] Очень в моде.

Вольман?» – «Ах, отец Макарий, я воспитывала детей двоюродной сестры; у меня их отняли». – «Ты без детей, ну поезжай со мной в Сибирь».

– Ведь я католичка!

– Ну так что ж? Разве Спаситель был католик? Только сперва я даю тебе шесть недель, ты должна выучиться бабничать, и вместе займись омеопатией; где нам возиться с склянками. В Москве сделали богатый сбор, дали им шубы, и они отправились в Сибирь. Годовой сбор и расходы публикации поручила добрейшему священнику Лаврову в Леонтьевском переулке. Он так заикался, что я не могла с ним говорить, а странно, что он обедню служит, почти не заикаясь. Однако довольно!

– Нет, только 10 часов; однако не пора ли нам пить чай?

Принесли самовар, чашки, но сливок не нашли, поганые немцы все выпили с своим подлым кофием.

– Киселев, этот чай напоминает мне ужасного князя Петра Гагарина, женатого на восхитительной женщине, которую мы называли голубка: белокурая, беленькая, маленькая, она была выдана замуж своей гадкой матерью, урожденной Яковлевой, сестрой Ивана, которого вы любите; что до меня, то я его не терплю, у него нет сердца. Так вот Гагарин, рассказывая о событиях на Кавказе, всегда говорил: «Ну, и подали чай», и разевал свою большую глотку. Он живет теперь в отеле «Бориваж» и «Англетер» в Женеве. Он – сын четырех Гагариных, воспитывавшихся в Пажеском корпусе с моими братьями, их называли Кика, Кока, Шуга и Дидина. А вы что молчите? Зачем не рассказываете свое детство и юношество? Может быть и мне нужно вживаться в вашу прошлую невинную жизнь. Что вы знаете, что у меня на душе.

– Спасибо за эти слова, они делают меня таким счастливым, позвольте поцеловать вашу руку, а вы по старому обычаю меня в щеку поцелуйте.

– Этот обычай вышел из моды и, как говорится в детской песенке

Танцуйте, прыгайте, делайте реверанс,
А потом поцелуйте того, кого любите.
И когда вы любите, вы сделаете реверанс,
А потом вы поцелуете.

– Конечно, я как все.

– Какой противный чай! Не правда ли?

– Да, ну, а если вы полюбите меня?

– Ну, и поцелую.

– Через два дня я поехала к митрополиту; там была эта дура графиня Шереметева и г-жа Герхард, умная и добрая старушка, так же как г-жа Крузе, вдова адмирала. Говорили о религиозных трудах, обращение г-на Ратисбонна занимало наши салоны. «У самих жидов не обращают, а занимаются обращением чужих». Анета Шереметева сказала ему, что книга Ратисбонна о св. Дамиане возвышенна. Я сказала ему, что прочла ее и не нашла ничего возвышенного; святой уходит в основанный им монастырь и наполняет кувшины вином. Наш Спаситель наливал бокалы на празднестве, но монахи должны были поститься, а не угощаться добрым вином. Митрополит был моего мнения: «А вы, графиня, пришлите мне эту хваленую книгу». На другой день я получила от него собственноручное письмо, он растыкал по волосочкам все западное богословие. У меня с болезнями и переездами все терялось, я его отдала Евгению Ив. Попову.

– А какой прекрасный человек Попов, – сказал Киселев, – в Лондоне он утешал меня в моей скорби по черным глазам, и засмеялся.

– Я часто ездила к Филарету; по Садовой до прудов, на Трубе, в Екатерининский Институт за Кисой заезжала, и та была в восторге.

– Кто такой Киса? Ведь теперь Киса я!

– Вы все узнаете у парижских черных глаз.

– Послушайте, перестанем говорить о парижских глазах; я точно верила, что они там живут и вы вздыхаете по ним; я знаю теперь, что эта красивая и крупная дама это я; но ведь это то, что англичане называют filandering, т. е. это значит тратить сердце по-пустому.

– Что ж, я и этим доволен; кто малым недоволен, тому дают много.

Я подхватила: «Тому ничего не дают; это говорят детям».

– Благодарю вас за то, что имею хоть что-то. Вы добры и милосердны, я выпрашиваю немного дружбы, вы даете мне много.

– Вовсе нет, я не смею и не могу дать вам ничего, кроме нежной дружбы.

– И за это спасибо, я даже ручки не прошу.

– А за то, что вы паинька, вот она, и вдобавок по старому обычаю поцелую вас в лоб.

Его губы коснулись моих губ, мы покраснели, смутились и замолкли. Он сказал: «Как бьется мое сердце» – «И мое тоже».

– Теперь от Бога, Дьявола, Москвы, монастырей, Филарета и К° я унесу воспоминание об этом нежном и чистом поцелуе; беда в наших геометрических пропорциях, мои губы находились как раз под сокровищем, я и поступил как плут, я украл! Дай бог, чтобы меня не распяли! До свидания, ангел мой!

Кажется ясно; нет, мне следовало еще томиться 7 месяцев. На другой день утром мы пошли гулять, я чувствовала большую тягость.

Я сказала ему: «Бога ради, не говорите об этом никому, ни Клеопатре, ни даже Голицыну». Я долго не могла уснуть, я приняла белену, чтобы успокоиться; как всегда после волнения дитя много двигалось.

Я проснулась в восемь часов, открыли занавески, и я увидела, что он машет мне рукой. Утром я испытывала мучительные угрызения совести и велела никого не принимать. Клеопатра пришла сказать мне, что он в отчаянии. Я держалась стойко; вечером он бродил под моими окнами, то с одной стороны, то с другой.

– Киселев, что вы там делаете?

– Я – старый Беверлей, я выпрашиваю прощение.

– Идите просить его у меня на коленях. – Он вошел и опустился.

– Хотите ли крестом, простите меня. Как вы спали?

– Очень плохо, я даже приняла белену, чтобы успокоиться, ребенок много двигался; я так отяжелела, что мне трудно ворочаться на постели и простыни падают со всех сторон.

– Но муж должен вам помогать.

– Никогда, он говорит, что я всегда жалуюсь по пустякам.

– Да он просто скотина! Когда он умрет и мы поженимся, вы увидите, как я буду вам служить.

– Э, дорогой мой, он проживет сто лет, этого не будет.

– Теперь позвольте мне вам сказать, что сегодня утром ваши дети были в клубе у «очень хорошенькой шляпки». Оли говорила: «Я тебе говорю, Адини, он – Киливов», а другая утверждала, что папа и мама говорят «Киселев». Тогда Оли цапцарап, Адини со своей серьезностью повернулась к своей бонне и сказала ей: «Дикинсон, она плохая». Эйландт нашлепала Оли, которая ее тоже оцарапала. Тут уж все сбежались: Голицын, княгиня Ливен, даже Лос Риос.

– О, нужно наказать Оли.

– Да, но так как Эйландт не должна никогда бить ребенка, нужно запретить Оли посещать клуб «очень хорошенькой шляпки».

– Николай, вы всегда правы.

– Мой ангел, называя меня именем моего святого покровителя, вы радуете меня, ибо это означает полное прощение.

– Теперь, дорогой друг, позвольте мне представить вам мои условия для Парижа. Прежде всего ни слова Клеопатре и Фифи, и потом не портите мне зиму в Париже; эта сцена не должна повториться, никто не должен ничего знать, и не следует приходить слишком часто, чтобы не возбудить подозрений. И потом – ложа в Консерватории. Вот мои условия sine qua non!

– Быть по сему, Ваше Императорское Величество! Но знаете ли вы, что Консерватория весьма опасна, ложи очень узкие.

– Хорошо, мы поставим между нами сервировочный стол мадам Дурхгольц и потом посмотрим, растеряется ли дьявол.

– Ангел мой, можно мне поцеловать вашу ручку?

– Да, но сегодня вечером нельзя будет целовать бабушку Гюйон.

– Но перед моим отъездом?

– Увидим, не забегай вперед.

– Душенька, ведь это ты сказала ты.

– Это ничего!

– А будут россказни?

– Нет, ведь я дурно спала и утром проснулась с тяжелым чувством, как будто я сделала что-нибудь дурное; это было мучительное и, однако, приятное чувство.

– Приятное! Какое счастье! Но почему же мучительное?

– Не знаю, это неопределимо.

– А я, я не спал вообще, но я был так счастлив, я чувствовал все время эти свежие и румяные губы, лишь прикоснувшиеся к моим устам. Мне казалось, что вы тут, подле меня, говоря мне: «Николай, я твоя на всю жизнь» и что поцелуй был долгим, долгим как жизнь. Мой слуга сказал мне утром: «Вы, барин, все вертелись ночью; не ходите туда часто». – «Куда?» – «Да вы знаете».

– Ты хуже жида Габера, все шпионишь меня!

История о том, как Оли села на горячий утюг

Бакур пошел провести вечер у княгини Ливен с леди Уильям Рассел и лордом Стюартом Мэтьюзом, английским посланником в Вене, человеком столь же замечательного ума, как леди Уильям. Клеопатра была знакома с леди Уильям, а я знала ее только в старое время. Моя дочь Ольга была с ней очень дружна, несмотря на разницу в возрасте; я очень полюбила леди Артур, урожденную де Сейран, она была красива и обаятельна и легко сходилась как француженка и русская. Леди Уильям была против этого брака, но Артур настоял, и оказалось, что его женка стала любимицей его матери. Старуха с парализованной ногой развлекалась тем, что раскладывала свои бриллианты и помещала их у нее. Герцог Девонширский вел жалкое существование в своем лондонском дворце и видал только своего племянника Уитерли Рассела и патера Берри, друга своего отца. Он выдавал своему кузену или племяннику пенсию в 1000 фунтов, чтобы тот представлял его в Тевистоке на карнавале. После его смерти Уитерли унаследовал титул и колоссальное состояние герцогов Бедфордских.

Лорд Уильям прогуливался по променаду со своей любовницей, Уитерли было 15 лет, он был красив как день. Леди Уильям была глубоко несчастна – не от неверности своего мужа, но вследствие скандального поведения английского посла в Берлине. Еще утешеньицем была старуха-мать, женщина весьма заурядная, которая пила. Леди Уильям не любила протестантскую Германию, она предпочитала католическую Австрию. Ее возвышенная душа и большая образованность позволили ей понять ложность англиканизма и ужасную

пустоту протестантизма. Обратилась и она к католицизму потом. Леди Уильям была прежде всего светской женщиной, соответствуя высокому положению, которое она занимала в доме своего дяди, герцога Редфорда; его жена была всегда больна. Уильям Рассел принадлежал к роду молчаливых, приходя ко мне, он говорил «Доброе утро», усаживался напротив, я его занимала, он вставал и говорил мне: «А, вот и Гастингс» и уходил. Один раз я сказала себе: «Посмотрим, что он сделает, если я буду молчать». Он пришел на другой день, уселся напротив меня; после четверти часа молчания он ушел. Он был удовлетворен этим молчанием: беседа, говорят англичане, серебро, а молчание – золото.

Леди Уильям поселилась в Штутгарте, где познакомилась с Кернером, человеком большой набожности и великим магнетизером; он основал в Гельбронне психиатрическую больницу. Он говорил, что сумасшествие может излечиться только мытьем святой водой, молитвой и магнетизмом. С помощью «Seherin de Prévost»[283] он узнал великие секреты этой таинственной способности. Все читали книгу, переведенную на все языки.– Киселев, вам надо прочесть книгу Görres обо всех удивительных вещах, которые могут происходить с человеком или в человеке; особенно любопытна история Зондерлинга.

– Я прочту их, эти книги – не для того ли, что глаза мои упадут на те страницы, на которых останавливались ваши прекрасные глаза, и ваши ручки их переворачивали, ручки Сашеньки, которой я не осмеливаюсь сказать, что люблю ее, что она – мой кумир. Я ведь на вас Богу молюсь.

– Кстати о Сашеньке: мой дорогой папа всегда называл меня Шасенька, потому что я шепелявила и так звала себя сама.

– Меня всегда трогает, когда взрослый человек говорит «мой папа» или «моя дорогая мама»: это слова из памяти сердца. Николай Горчаков, человек столь порочный, что французское правительство потребовало у нашего посла его высылки, и тот тронул меня, когда говорил: «Я люблю папу и особенно мою дорогую мамочку».

---

[283] «Превостская ясновидящая» *(нем.).*

Рассказ А. О. Смирновой о своей наружности в детстве

– Какая смешанная кровь течет в ваших жилах, вы то, что англичане называют помесь; я никогда не был в Англии, но в Париже у меня есть близкий друг Чарлз Гревиль и Уссэ, брат того красавца – шалопая Альфреда Уссэ, которого вы знаете; я немного учился у них английскому языку. Гревиль рекомендовал мне учителя, с которым я читал Шекспира, и мог сравнивать с русским переводом Кетчера, лично знакомого мне по Москве.

– Послушайте, Николай, я вам рассказываю все, а вы ничего не говорите мне о своей жизни; мне тоже нужно вживаться в вашу жизнь, милый друг собачка.

– Как это хорошо: милый друг собачка; я буду твоей верной собачкой.

– Ах! Я еще забыла в моих условиях для Парижа: никогда не говорить мне ты ни по-русски, ни по-французски. Мы оставим это в уме.

– Хорошо, уговорились, если вы хотите что-нибудь еще оставить в уме, я это сделаю.

– И я тоже.

– Какое счастье, это останется до тех пор, пока мы не поженимся. Я вам, милостивая государыня, все расскажу про свою собачью образину.

– Вы это говорите как Жуковский, он говорил: «А, прелестная Иосифовна – потому что вы происходите от Иосифа Прекрасного, гневаетесь на меня, свиную образину».

– Нет, я не люблю, когда вы говорите «свинья» или «скотина», это излишества, которые вам наверное запрещали в институте, не нужно переходить границы ни в добром, ни в дурном.

– Вы правы, Гоголь говорил мне то же самое, он называл это «гнилые слова».

– Как это верно! Но продолжайте о вашем драгоценном детстве.

– Ну хорошо, мое детство было очень счастливым до второго брака мамы с Арнольди, гадким человеком, безнравственным и очень жестоким.

– Как вы вздыхаете, мой ангел. Это можно?

– Конечно. Я никогда не могла ей простить, что она больше любила этого хромого черта (он потерял ногу под Лейпцигом), чем моего папочку.

– Какая ты трогательная, – извините, ваше превосходительство.

– А ты какой любопытный, – извините, господин камер-юнкер двора его императорского Величества, императора всея России белыя, красныя, царя Казанского и Астраханского и Кота Сибирского.

– Но продолжайте, мадам, – это более почтенно, это учит нас всегда быть на страже у входа в наши непослушные сердца.

– Это с вашей стороны благоразумно. Берегитесь, чтобы не было реприманду или бульверсману, как говорил Иннокентий после революции 48 года, я его из-за этого слова невзлюбила. Филарет за все золото мира не сказал бы ни слова по-французски. Дарю вам анахронизм.

– Как вы хорошо изъясняетесь на всех языках, как вы хорошо рассказываете.

– Это напоминает мне «Утро делового человека» Гоголя. Дворецкий дает бал верхушке домашней челяди, и каждый должен доставить кавалера. Высокорожденная горничная говорит буфетчику: «Ах, Лаврентий Михайлович, как вы хорошо говорите, я вас всегда заслушаюсь» и в этот момент входит маленький слуга с узелком в руке, в фризовой шинели с воротничками. Все смеются и говорят: «А ты, московская ворона, откуда прилетела?» Опять смех и последнее слово Лаврентия Михайловича – «без инженерного офицера и бал не бал». Резкий звонок «Делового человека» рассеивает всю переднюю.

– О, этот Гоголь, как я буду наслаждаться этим чтением.

– Вы увидите его в Париже, он придет со мной повидаться.

– Бьюсь об заклад, что он вас любит и усердно за вами ухаживает.

Я разразилась смехом.

– Знайте, мсье, – и я приняла важный вид, – что я – неприступная, крепость.

– Как бы вы хорошо играли в комедии.

– Никогда, пытались меня заставить играть в комедии, и на сцене меня охватывала невероятная робость. Попробуйте сказать à Jean ou·Jacques: «я тебя обожаю, ты ангел, я тебя люблю»; это невозможная, нелепость.

Смерть отца А. О. Смирновой. Сплетня о том, что она – дочь герцога Ришелье

– Ах, мой друг, я заметила, что сироты почти всегда счастливее тех, кто обладает счастьем иметь добрых родителей. Свидетель я сама. Я часто думала, что сам Господь меня вел своей рукой и из бедной деревушки на самом юге России привел меня в палаты царей русских на самый север.

– Вы выражаетесь по-русски совершенно своеобразно, я никого не знаю, кто бы говорил, как вы.

– Душенька, это из-за предчувствия, что вам это доставит удовольствие.

– Ангел мой, вы наполняете меня радостью.

– Знаешь ли, Николай, Жуковский сказал мне, что самое восхитительное в любви то, что предшествует формальному объяснению. Ну, вы не объяснились мне, но я знаю, что вы меня любите, я это угадываю. Я больше не хочу, Николай, чтобы ты меня целовал, но нежности – не смертный грех, драгоценные слова, как говорят англичане.

– Что за новое слово для Николая?

– Так называли маленького Дондукова.

– А что касается до драгоценных слов, то я обращусь к Гревилю, он будет удивлен моими познаниями, а я скажу ему, что мне дала их красивейшая женщина в мире.

– Бакур сказал мне как-то, что очень скучал, когда был в Швейцарии, и взял учителя; старый Сухтелен ему сказал: «Э, мой дорогой, верьте мне, лучше всего взять любовницу».

– Увы, вы не моя любовница, и к счастью; но когда мы поженимся, вы научите меня всему, что знаете.

Ты и вы, эпитеты тоже перекрещивались, все – за исключением поцелуя, ибо это уж не смертный грех. Он проводил со мной почти весь день, это было очень естественно; часто приходил Платонов и тогда мы прибегали к церемониям и почтительному тону.

Однажды он мне сказал: «Как случилось, что Платонов так влюбился в вас?»

– Сейчас вам расскажу это. Смирнов был хорошо знаком с ним, и в Питере он обедал у нас, и слово за слово сделал мне свои признания. Это отвратительное создание, Елена Белосельская, была окружена поклонниками; эта женщина кокетничала с Григорием Волконским и Сутцо, и неизвестно, чья дочь ее вторая малютка – Григория или Сутцо. Я думаю, что Сутцо, потому что это прелестное дитя похоже на него как две капли воды. Платонов, часто бывавший в свете, был, как кузен, хорошо принят у нее; он любезен, у него очень доброе и не слишком некрасивое лицо – но я нахожу его ужасным с его мохнатыми ноздрями.

Киселев разразился смехом: «Мохнатые ноздри, только вы можете так сказать!»

– И вот по глупости он сделал ей формальное предложение; тогда эта рожа ответила ему с разгневанным видом: «Как бастард осмеливается домогаться моей любви!» А так как Платонов очень чувствителен к этому пункту, это ранило его в самое сердце. Между тем эта злючка уже устроила и совершила брак своей очаровательной сестры Мари с Григорием. Ей все нипочем, она в день свадьбы будет спать с Григорием и продолжит это потом, живя одновременно с Сутцо, это сука, потому что она не любит любовью своих любовников, она, как Като, любит только похоть и грязную болтовню. Так вот, Платонов сказал мне один раз в Питере: «Какой гнусный город этот Петербург, в нем не найдешь истинных друзей, которым можно доверить страдания своего сердца». Я ему сказала: «Но доверьте мне ваши горести». Муж, конечно, храпел после обеда. «Как вы добры и милосердны», – сказал он мне. Тогда он рассказал мне всю историю и сказал: «Я смертельно страдаю от страсти, я ее обожаю и ненавижу, не могу управлять этими двумя чувствами». – «Ну, что до этого, уезжайте, путешествуйте год или два, вы увидите, как излечитесь, а что пройдет, то будет мило». Я не сомневаюсь, что мой разговор с ним принес несчастные плоды. Вот он очутился в Бадене. Он был без ума от Малибран и следовал за ней повсюду. Он находился в Ливерпуле, когда она порвала себе вену. Вы знаете, что она пела настоящий романс, тот, который Шекспир слышал в чаще кустарника; молодая

девушка оплакивала своего возлюбленного, ломает руки, вскрикивая не в тон; я умею издавать эти крики отчаяния!

– Крикните! Довольно, довольно, – сказал он мне с ужасом, – где вы их слышали?

– В деревне, одна женщина прислала, т. е. задушила во сне своего ребенка, она сошла с ума. У нее были двойняшки, одна умерла, другую она задушила. Когда Малибран умерла, он сказал мне: «Позвольте мне заменить вами Малибран».

– Г. Платонов, это невозможно, ибо если я не довольно люблю моего, мужа, то никогда никого не полюблю.

– Я думаю, однако, что здесь в Бадене кто-то завладел вашим сердцем.

Я встала, выпрямилась во весь рост, говоря ему: «Сударь, уходите отсюда. Если вы хотите быть принятым в число моих друзей, то при условии не шпионить за моими мыслями и действиями».

– Ангел мой, это восхитительно, – и слова, и жесты.

– Вот он, дурак, пускай вздыхает как петух на насесте.

При этих словах он захохотал: «Где вы взяли эти выражения?»

– Это одна французская модистка, которая приходила ко мне с картонкой, усаживалась там и рассказывала мне галантные истории местных модисток; уверяю вас, что это было забавнее, чем разговор храпунов. Эта Гандольфи ненавидела г-жу Тардиф и говорила, что у нее, когда она носит желтую шляпу с пером цапли, вид петуха на насесте.

– Николай!

– Что?

– Это так хорошо, что мы смеемся сквозь слезы и плачем сквозь смех. И смех, и горе.

– По несчастью, более горя.

– Да уж этого с процентами у меня наберется миллионы. У тебя по крайней мере процентов нет!

– Это правда, а теперь пошли расти, а чего доброго, в Париже я наживу тоже миллионы.

– Однако, милостивая государыня, вы у меня в долгу с процентами, извольте-ка рассказывать про Грамаклею.

В Адамовке после смерти отца.
Саша просит Ришелье жениться на маменьке.
История Ришелье

– Если Ришелье держал вас на руках, я надеюсь, что вы не попадете в руки Жюмильока.

– О, никакой опасности, я слишком русская, чтобы любить иностранца, и вы знаете кого-то по имени Николай Дмитриевич Киселев. Ах, душенька, как я люблю тебя! Ай, вот он идет с рулетки, пойдем руки мыть.

За обедом он сказал моему мужу: «Ваша жена рассказала мне много интересного об Одессе и герцоге Ришелье. Она хочет познакомиться с его племянниками; я ее предупредил, что один из них – любитель компрометировать». Он ответил: «Дядя моей жены предложил мне продать Грамаклею, и я думаю, что ошибся, не купив ее».

– Конечно, – сказал ему Киселев, – будущее России на юге, а не в Москве, этой татарве.

– Как татарва!

И пошел кричать, махать руками. Я толкнула Кису под столом, чтобы прекратить эти крики. Потом обед окончился, он задремал за курением и пил. Отвращение, которое он нам внушал, было невыразимое; мы молчали, чтобы не прервать беседу глаз, более красноречивую, чем наслаждение речи. Проснувшись, он потянулся, зевнул, скверные его штаны были вечно расстегнуты. Когда он пошел на рулетку, Киселев мне сказал: «Бедная, бедная Шасенька, и ей надо терпеть все, что так возмущает ее стыдливость. Но ее Николай никогда не заставит ее от чего-либо страдать. А кроме того, если бы врачи запретили ему иметь детей, он жил бы как монах, не покидая ее ни ночью, ни днем; он поклонялся бы ей как Мадонне, как святому младенцу, какова она».

Мы молчали, я нежно смотрела на него и он тоже смотрел на меня своими красивыми улыбающимися глазами.

А. О. Россет никогда не была больше на юге.
Отказ императрицы взять ее с собой в поездку в Одессу.
Адамовка. Амалья Ивановна. Сватовство Ржевуцкого к матери.
Киевские контракты. Нравы Грамаклеи (как бабушка
била Гашку; мужик в рогатине). Намерение Николая I
освободить крестьян, его беседа об этом с П. Д. Киселевым.
Забота Николая I о кучерах, мерзнущих на морозе,
беседа его об этом со Смирновой

Он взял хризантему: «Погадайте!» Вышло: «Немного тебя люблю» и наконец – «совсем нет». Я швырнула оборванный цветок в лицо и сказала: «Это ромашка – когда у вас заболит желудок».

– Но у меня не болит желудок, не так, как у г-жи Смирновой, когда она беременна. Этот цветок я приобщу в свою сокровищницу.

– Да он отцвел!

– Ничего, он был в руках одной панночки, которую я люблю больше всего на свете. Вы видите, что ваши уроки приносят пользу.

– Отцветший цветок напоминает мне прелестные стихи Капниста:

Фиалка на заре родилась,
В час утренний развила цвет,
В полдень со стебелька свалилась,
А ввечеру фиалки нет.

Я нахожу эти стихи такими трогательными, они могли бы относиться к молодой девушке или молодой женщине, очень счастливой и которую смерть преждевременно унесла.

– Вот опять у вас растроганный вид. Мы вернулись.

– Киселев, пойдемте ко мне пить кофе, я тоже иногда угощаюсь. Он выпьет чай и украсит блюдце окурками, а потом чаем со сливками, мочит хлеб пальцами и выходят просто помои.

– Ах, какой вы забавный человек, как вы замечаете в людях смешное и так хорошо передразниваете!

После кофе он пошел к Клеопатре, где я встретила Анику Икскюль, урожденную Вокорико, и Николая Алексеевича Муханова. Я сказала ему: «Вы как тут без Владимира Алексеевича?»

– Владимира Алексеевича я посадил в Вену.

Братья обожали друг друга, не говорили друг другу ты и называли всегда по имени и отчеству. Через пять минут Аника говорила мне «дорогая», так же, как другая родственница Клеопатры г-жа Статиньяно. Одна из них сказала: «Какие маленькие дома в Бадене; как подумаю, какой красивый и большой дом был у нас в Бухаресте».

– Да, кузина, – сказала г-жа Статиньяно, – и мой дом.

[пропуск текста]

– Но где вы вызубрили греческий?

– У Авраама Сергеевича Норова.

– Норов, с деревянной ногой?

– Да, мой кузен.

– Как странно, что он никогда не хвастал, что у него такой знаменитый родиська. Император Павел сказал однажды à Jean de Paris, когда он был адъютантом: «дурак – с родисьчечной», ибо его мать была Гендрикова.

– Как, ведь это я отправлял его из Парижа с кухаркой, его любовницей.

– А знаете, Николай, что я видела, как у мыши появились мышата. Весной переносили наши железные кровати в сад и обливали доски кипятком, чтобы вывести клопов, а мы спали на полу на матрасах, потому что сенники стирали и меняли солому. Вот однажды утром я вижу, как бежит мышка, ищет угол; она казалась очень возбужденной – наверное повивальная бабка ее не предупредила; там она распласталась, запищала и явились три мышонка; она все подлизала и своих мышат, не больше ногтя моего мизинца, она обернула детей хвостом, чтобы их унести, но я имела жестокость сказать Авдотье: «Брось это в нужник». Крупеничка, которая проходила мимо, мне позавидовала и сказала: «Я бы спасла это драгоценное семейство, ведь звери чувствуют то же, что люди».

– Крупеничка, это то же, что крупа?

– Да! Это хорошо, вы запоминаете мои уроки.

– Еще бы, я всякое слово, движение, голос своей дорогой Шашьки помню. Это мило, г-жа Смирнова – повивальная бабка... у дамы Мыши.

– А вы знаете эту русскую поговорку: под полом сидит барыня с хвостом?

– Нет, я уже ничего не знаю по-русски, и в канцелярии Нессельроде рассуждали не о русских мышах, а об иностранных крысах, которые подтачивают Российское государство.

Ну, теперь про бабушку.

– Нет, нет, нужно кончить с императором Николаем, эти воспоминания так драгоценны для меня. Итак, один раз он возвращался во дворец, и на Морской, перед ним стала девочка 7 лет; все оборачивались и смеялись; он обернулся и увидел маленькую нищенку, сказавшую ему: «Дяденька, дай покататься». – «Держись только крепко». Он привез ее во дворец и в комнату императрицы. Она помирала со смеху и сказала ему: «Где вы нашли этого ребенка, нам нужно ею заняться». Малютка сказала, что ее мать бедна, работает в казармах Измайловского полка. Ее угостили блинами, она сказала императору: «Дядинька, у тебя блины лучше наших». Ей дали немного денег и отослали ее в санях императора. Якову приказали все узнать об ее матери и велеть ей прийти с девочкой во дворец. Оказалось, что старуха была честная женщина; у нас бабы от горя стареются к тридцати годам.

Однажды, когда он устанавливал Галахову все пенсии для полицейских служащих, обер-полицмейстер забыл ламповщиков. Эти несчастные, дрожавшие в рогожках сырыми и холодными ночами, говорили, что остается только просить пенсии; самый смелый сказал своим товарищам: «Я скажу; царь ходит в 10 часов по Невскому, я и подойду и скажу: так и так, зачем нас в обиду поставили?». Сказано-сделано. Император им сказал: «Хорошо, ребята, я завтра же скажу обер-полицеймейстеру». На другой день, когда пришел Галахов, он нахмурил брови, принял величественный вид и сказал ему своим звучным голосом Юпитера в гневе: «Милостивый государь, вы, кажется, мало думаете о других, но себя никогда не забываете».

– Государь!

– Нет, я знаю, что ты взяток не берешь; но есть другая честность, она называется справедливостию к подчиненным. Назначить 12 рублей ламповщикам.

Вечером он увидел во сне всех фонарщиков, сказавших ему: «Батюшка царь, ты наш отец и мать родная».

– Это великолепно, я полагаю, что вы – поклонница императора.

– Послушайте еще, что он сделал; он укорял одного карташку и сказал ему: «Про вас говорят, что вы все воры».

– Ваше Величество, мы не крадем, жалованье наше самое скудное, чем жить с семейством, мы получаем с домов, где 50-т, а где сто рублей. – «А с меня сколько?» «Как можно с вас получать?» – «Я ведь богаче и потому ты будешь получать 500 р.».

Оказалось, что это был известный Горлов, который написал очень дельную книгу о реформе в полиции.

– Ну, теперь про бабушку.

– Атанде-с, я тотчас кончу самый трогательный. Он любил ходить по Николаевскому мосту и молился у часовни Николая Чудотворца. – Ты какого Николая?

– Чудотворца.

– Я теперь буду ходить туда молиться о моем милом чудотворце, он оживил и поддержал мое увядающее сердце.

– Душа моя, ангел, как я люблю твое ты; мне чудится, что ты моя законная жена и ребенок мой.

– Он пошел и видит дроги, а на них желтый гроб с черным крестом; он перекрестился и спросил: «Из какой больницы». – «Из Обуховской». – «Кто?» – «Кажись, чиновник очень бедный». Он последовал за телом до знаменитого спуска, шедевра польского инженера Кербедса, он шел к кадетскому корпусу, народ пошел за ним, толпа дошла, говорят, до 8000 человек. У входа на кладбище священник ужаснулся; по бедным служат только литию. Поп был в изношенной черной ризе, закапанной воском. Тут Государь троекратно низко поклонился и сказал: «Братцы, я исполнил долг бедному брату, а вы помолитесь и посыпьте его прах землей». Все стали на колени и плакали от умиленья.

Как не плакать, видя подобные качества; он ими не кичился. Когда разразилась холера, народ возмутился, разорвал в клочки двух врачей; император послал Василия Перовского из Петергофа в Петербург, чтобы попытаться успокоить бедных крестьян. Доклад Перовского был катастрофический, он едва избежал смерти – потому что на нем обнаружили флакон одеколона. Мы были у императрицы, когда он вошел, говоря: «Дорогой друг, я вижу, что должен заплатить своей жизнью, я еду

с Орловым». Все встали, восклицая: «Ради бога, ваше величество, не ездите в Петербург. Перовский сумеет успокоить эти несчастные волнения». В эту минуту вошел Орлов со словами: «Ваше величество, коляска у подъезда». Императрица, с ее необыкновенной силой характера, ободряла его, благословляя, мы все были у подножки экипажа, крича ему: «Христос с вами, дорогой государь!» У него была мигрень и его тошнило всю дорогу. Прямо на Сенную. Сенная – это форум русских рабочих. Там было 8000 человек, он встал в коляске и сказал этой толпе, осмеливавшейся еще роптать в его присутствии: «Все на колени и молись!» Священник, который ушел ранее с крестом и был осыпан оскорблениями, вернулся с крестом в полном облачении и служил молебен. Потом он уехал. Спокойствие сохранялось в течение всего этого ужасного бедствия; холера не заразна, как думали прежде, но она эпидемична и об этом бедствии теряются в догадках. В Петергофе умер только один слуга. Я расскажу вам позднее, что происходило в военных поселениях.

Поездка в «Фаворит» и авария экипажа

Вечером я ему сказала: «Послушай, дорогой мой Николай, твои заботы сегодня вечером доказали мне, как ты меня любишь. Мы научились никогда не обманывать друг друга, говоря между собой; теперь я буду всегда говорить тебе ты, на всех возможных и невозможных языках».

– Спасибо, моя любимая, и за это я могу тебя поцеловать, неправда ли?

– Да, да, но только глаза и лоб, но не губы, тут тебе будет пощечина.

– Хорошо же, почоломкаемся.

Я поцеловала его в лоб, а он прижал губы к моим, говоря мне: «Какое счастье, эти розовые губы, этот очаровательный кончик и эти уголки губ, так тонко приподнятые, что придает им презрительный вид».

Я сказала ему: «А, да ты просто Соловей-разбойник!»

– Как это мило, Соловей-разбойник! Как вы это выдумали?

– Я не выдумала это, Плетнев сделал мне подарок ко дню рождения – собрание песен Кирши Данилова; там поют

про Никиту Добрынина, про Илью Муромца, который сиднем сидел 40 лет на дубе, и про Соловья-разбойника. Этот был храбрец, как ты; у Спаса к обедне звонят, по притворам благовестят и ку<...>тся[284], а так как ты не явился к песнопению и сказал мне вы, ты будешь наказан.

– Как? Ты меня поцелуешь девять раз в лоб и глаза, а я тебя, моя милая Саша, 10 раз в губы.

– За это вот тебе пощечина, – и махнула рукой.

– Ведь это в самом деле больно, и в наказанье я конфискую эту обожаемую ладонь такой розовой ручки, прижму ее к своему сердцу и губам. Скажи мне, била ли ты когда-нибудь своих служанок по щекам?

– Никогда. Ребенком я была очень вспыльчива, топала ногой и рвала свой носовой платок, не слушаясь Амалью Ивановну или маму. В институте мы, нижние, не смели сказать «дура» своим товаркам; говорили: «какая противная» или, лучше: «какая вы нехорошая». А в Зимнем дворце моя горничная Марья Савельевна в Новый год дала мне урок. Она меня раздевала, а я терпеть не могла, когда меня жмут внизу, расшнуровывая. Я ее ударила, она за это дала мне чувствительный шлепок и сказала: «Это вашему фрейлинскому превосходительству будет урок. Вечером одевайтесь, как хотите, с Лизой». Это был бал с мужиками, числом 40 000.

– Как бал с крестьянами? Как я, однако, далеко жил от света, я никогда не слыхал, что русский царь веселится со своим народом.

– Ну как же, видишь ли, у дам костюм был сарафан с повойником, для барышен – повязка. Надевали запонки из фальшивых камней, и вообще в этот вечер все надевали поддельные камни, потому что крестьяне могли украсть. В коридорах были войска, черные дворики.

– Ты, наверное, была очаровательна в этом костюме, во всех ты, душенька, <нарядах> хороша. Это поэма Богдановича, неправда ли? Психея ты моя! У языческой Психеи не было сердца, а у тебя сердце такое широкое, что ты всех любишь, всех и вся и все.

[284] Текст поврежден.

– Это хорошо сказано. А на том бале граф Ельский подал мне руку, и Ленский, побочный сын Томаса Любинского, оспаривал ее у Ельского, своего близкого друга. На этом-то бале Стефани решилась выйти замуж за Луи Витгенштейна. Иосиф был дежурным пажом при императрице, император предложил ей руку. Императрица играла в бостон с тремя скучными стариками, по чинам Лопухин, Куракин и Вилламов, ее окружали первый секретарь, камергеры и важные придворные; все это происходило в Георгиевском зале, где был трон. Мужиков туда впускали десятками за раз. Церковь была открыта, освещена, как днем, певчие и священники стояли перед царскими вратами, и кто хотел, просил отслужить молебен, полковая музыка гремела во всех залах: «Гром победы раздавайся» и «Славься сим, Екатерина! Славься, нежная к нам мать!» Эти молитвенные звуки сливались с земными звуками радости душевной.

– Лаврентий Михайлович, как вы хорошо говорите, я всегда вас заслушаюсь.

– То-то так, – Кочетова всегда так говорила. По углам стояли горки до потолка с кубками и блюдами, мужикам давали чай, но ложек не давали: когда кофишеньки рассердятся, они чашку чая выливали на четыре стороны и говорили. На этом бале Ося чуть не попал в беду; во все время он шел за своей богиней и нес над головой ее *боа марабу*; я шла во второй паре, он мне делал знаки; он пришел в такой азарт, что прошел мимо камер-юнгферы, не отдал ей ридикюль и стал снимать тесные башмаки с ноги импе<ратрицы>; она, голубушка, пококетничала и позволила ему поцеловать ее ножку; государь вошел, погрозил ему пальцем: «Пошел вон, Россет, тебя не будут более наряжать целый месяц» и прибавил: «Он так юн, ему 15 лет, он подражает Керубино». Ося это услыхал, прибежал ко мне и сказал: «Ах, Сашенька, спаси меня, что я сделал, но государь сказал “Он подражает Керубино”, расскажи, кто был Керубино». Я рассказала, он сказал: «Какой ужас, целый месяц не будут меня наряжать к ней». Михаил Павлович это узнал и посадил его под арест на Адмиралтейской площади. Я к нему ездила всякий день и возила ему обед, а солдатам раздавала сбитень. «Моя богиня ездит мимо Адмиралтейства, всегда мне кланяется и смеется, я просто с ума схожу, когда ее вижу».

– А моя богиня, позволь мне поцеловать твою ножку, разутую ножку, и поцеловать тебя в эти уста, обетованные богом любви, как тебе писал Жуковский.

– Сегодня ничего не позволю, а все в день отъезда твоего, мой милый, добрый и чистый ангел. Христос с тобой, вот половина 12-го. – До завтра.

Завтра, как и всегда, мы гуляли, он всегда давал мне руку, и в половине первого пришел ко мне; Клеопатру мы мало видели; он меня спросил, когда я начну брать ванны.

– Завтра в 12-ть часов; я должна взять восемь до родов, так приказал Гейденрайх. Признаюсь, эти ванны мне противны, может быть, прежде меня какой-нибудь жирный немец там мылся и выкупал свою поганую руку и указательный палец с сердоликовым перстнем. Ты заметил, что у них всегда палец в масле?

– А какой номер мы оставили?

– 21-й.

– Это мой, и вместо подлого немца будет этот подлец Киселев. Лиза, верно, не успела приготовить ванну, так я при себе заставлю бадемейстера ее хорошенько вымыть, и с термометром уверить, что точно 27 гр<адусов>.

– Я советую тебе взять свое белье.

– Спасибо за этот совет. Бог знает, кто вытирался простынями, как было в отеле Шредер в Гейдельберге.

– Представь себе, я один раз спала в такой конуре, служанка прыскала простыни водой изо рта, простыни, на которых спали какие-то свиньи, они воняли черным мылом и чем-то сильным. Немцы только кажутся чистыми, тоже и французы, а чисты только англичане да русские.

– Как русские?

– Да ведь русский мужик всякую субботу ходит в баню, парится, в снегу валяется и опять парится так, что всякая грязь исчезает на неделю. Ну, и господа русские чисты, а об хохлах уже нечего говорить, это самый чистоплотный народ, да еще сибиряки.

– Вы, сударыня, очень умно рассуждаете; а как вы узнали про сибиряков?

– Аркадия туда посылали осматривать форты; он там видел в Иркутске всех сосланных по 14-му числу. Я тебе в Париже

покажу его письма, очень интересные. При всем вашем невежестве вы научитесь кое-чему.

– А кто говорит «вы», будет наказан.

– Тогда поцелуйте мне руку.

– Нет, прекрасные глаза.

– Целуй, плутишка.

Он любил, когда трогали руками его лицо, когда я взъерошивала ему волосы, всегда так хорошо причесанные, и когда я ему говорила «Мудичка»; тогда он приносил гребешок и говорил мне: «Ну, душка, делай ряд». Когда эта церемония кончалась, он говорил мне: «Однако, Лаврентий Михайлович, начинай».

– Мы остановились на Осе.

– Да, но ведь я не знаю, сколько у тебя братьев.

– Родных четыре: Климанька, Ося, Аркаша и Карлинька, а сводных – Александр, Лева, Ваня был, был и Миша. Маменька после меня более всех любила этого Мишу, которого я никогда не видела; он умер пяти лет и был красавец, потом была сестра Катя, Ольга и теперь живет и замужем за князем Петром Оболенским; он очень беден, но они с горя полюбили друг друга. Арнольди женился на ее гувернантке, с ней прижил дочь, и бедную Ольгу обижали. Он [Оболенский] был адъютантом этого мерзавца и женился на ней. Ее тоже отдали в наш институт, она была очень хороша собой, неглупа, но ничему не училась, и после выпуска она жила у меня; но она была влюбчивой натуры и с Смирновым неприлично себя вела, меня шпионила, и я принуждена была отослать ее к отцу. Например, она ходила по Невскому с своей девушкой без спросу, и раз д’Андре мне сказал: «В свете говорят, что вы не заботитесь о вашей сестре; я встретил ее сегодня утром под руку с этим фитюлькой Озеровым, а в другой раз она была у вашего мужа, на котором были только кальсоны и расстегнутый, по его привычке, домашний халат; они смутились, когда я вошел. Вы должны отослать ее к отцу; роль гувернантки вам не подходит».

– Я знал д’Андро, это славный малый.

– Он был домашним человеком у меня, эта девочка, графиня Воронцова-Дашкова называла его «целомудренная барышня д’Андре». Это целомудрие мне было по душе, я нахожу,

что эта добродетель очень редка у женщин и в тысячу раз реже у мужчин. Вот ты – чистый человек.

Он немного смутился.

– Отчего ты смущаешься, сердце мое?

– Ты узнаешь это перед моим отъездом.

– Но скажи сейчас!

– Нет и нет, и не приставай; при тебе я забываю, что я грешный человек.

– Грешный?

– Да, я согрешил против чистоты и целомудрия. Не спрашивай далее, мой ангел.

– Знаешь ли, что Климу повели товарищи в гадкий дом, его вырвало и он взял рукомойник и вылил его на голову юной девки; это мне рассказывала тетинька Марья Ивановна, потому что я с братьями никогда не говорила об гадостях.

– Нет уж, за это я тебя поцелую очень целомудренно в лоб и глаза и поглажу твои атласные волоски.

– А ведь есть такие гадкие дамы, которые рассказывают все братьям, даже как они провели первую ночь. Варенька Арнольди никогда мне ничего не говорила. Мне кажется, что именно в семье нужно соблюдать чистоту и целомудрие. Ведь брак – это дело святое, а Прессансе писал или Вине сказал: семья состоит из троих: отца, матери и ребенка; это символ Троицы на земле.

– Кто это Вине?

– Он издавал газету «Le Semeur», которую Александр Тургенев привез в Москву. Хомяков и все славяне были от нее в восторге и выписали ее через Готье, который снабжал всех, у него были соглашения с цензурой.

– Я знал Готье, мой гувернер часто ходил к нему, это на Кузнецком мосту.

– Да. Вине был сыном крестьянина из Дидон Бюсси (?), убитого Дивонном. Есть черная табличка с этой скромной надписью: здесь был Вине. Тебе нужно прочесть его курс литературы. Заметьте особенно то, что он говорит о Вольтере, который, нападая на священников, защищал христианство. «Будет ужасная минута, – говорил он, – когда весь мир воскликнет: “Ответствуйте после смерти нашего Господа: что вы сделали с нашим Господом, куда вы его дели и что будет с миром без него?”» Вине умер в Веве в бедном доме Бланшар,

а его слабоумный сын жил потом со своей матерью, которая умерла от горя, а затем с одной крестьянкой в Тур де Пельц. Прессансе, его ученик, издает теперь «La Revue Chrétienne», ты должен подписаться, это стоит только 25 франков в год.

– Но, мой ангел, ты плачешь!

– Я тоже плачу и говорю себе: «И что ты будешь делать, если Николай, с его христианской душой, умрет?»

– Я тоже об этом думал. Ты – мой ангел и доставляешь мне мгновения нравственного восторга. Видишь ли, я люблю тебя, как самый страстный возлюбленный, но в твоем присутствии все, что во мне есть неблагородного, умолкает, и похищенный мной у тебя поцелуй, который ты мне простишь – клянусь тебе, что этот поцелуй был чист и целомудрен. В Париже я только пожму тебе руку. Ну, а теперь поплачем, эти слезы – наше прощение всему.

– Знаешь ли, друг мой, что я не могу причащаться без слез; в институте плакали на исповеди, а причащаясь, были серьезны и веселы. Когда я впервые причащалась в Аничковом дворце, я плакала; по обычаю все дамы были в синем, мужчины в мундирах с орденами; я люблю минуту, когда мужчины без шпаг, и их размещают в углу, за причастным столом. Когда открываются царские врата и священник говорит: «со страхом божиим», все падают ниц; тогда император повернулся к имп<ератрице>-матери и Александра Федоровна последовала за ним, но Марья Феодоровна указала ему на детей, наследнику было уже 7 лет, потом Марья Николаевна 5 лет и маленькая Адини была на руках своей кормилицы.

Император взял Оли и Адини на руки и поднес их к чаше. Это было так трогательно, что я залилась слезами и до сих пор всегда плачу, когда причащаюсь или смотрю, как причащаются другие. Гоголь, которому я об этом говорила, сказал мне: «Благодарите за это Бога, это слезы благодатные, это роса, освежающая уста малых наших братий».

– Вот ты и сейчас плачешь, сядь подле меня, поплачем вместе, я положу голову тебе на плечо, обними рукой мою талию, так, чтобы почувствовать, что мое сердце бьется только для тебя; положи твою руку на мое сердце, которое всегда билось и будет биться лишь для тебя, до самой смерти; у меня ужасное

предчувствие, что ты оставишь этот мир ранее меня, и я закрою твои глаза, столь чистые и сияющие.

Он делал все это, благодаря меня.

– Аркадий делал то же самое, когда у меня были неприятности при дворе, он говорил: «Не печалься, Сашенька, поверь, это так “пройдет, а что пройдет, то будет мило”». Послушай, милый друг, ты не знаешь ничего о новом поэте Лермонтове. Этот офицер гусарского полка в Царском; его талант проявился в момент смерти Пушкина, он написал великолепные стихи, выразившие крик отчаяния всей России.

– Но Пушкин не умер.

– Нет, но я рассказываю тебе последующие факты, я забежала вперед. Ах, какая дворняжка!

– Как это мило, дворняжка. В Ницце у меня была дворняжка, которую я спас, человек хотел ее утопить, когда она была щенком, она ушла в Петербурге к швейцару.

– Лермонтов был выслан на Кавказ. Но вот послушай.

По небу полуночи ангел летел
И чудную песню он пел.
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой,
Он пел о блаженстве безгрешных Духов
Под кущами райских садов.

И песнь его непритворна была,
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И долго томилась она,
Желанием чудным полна.
И звуков небес не могли заменить
Ей скучные песни земли.

– Боже, о боже, как это красиво, знаешь ли, ведь эта душа – это ты. Ты родилась для мира печали и слез, и радостей жизни почти не было в твоей короткой жизни.

– Конечно, но теперь с тобой я узнала всю цену жизни, печали нет места в душе, есть слезы, но это слезы радости сердечной. Ты радость дней моих, ты мой добрый гений! А за это можно стать на колена и молиться на тебя, как на Пречистую.

– Не богохульствуй, мой маленький Вольтер.

– Не впутывай это одиозное имя в нашу беседу. Я ненавижу смех этого кощунственного шута, как сказал де Мэстр.

– А ты любишь писания де Мэстра? Я люблю его письма к семье д’Акоста, а в его церкви есть что-то ложное. Самарин со мной согласен, что же до Гоголя, то он говорит, что его за «Вечера в Петербурге» надо повесить. Я же все их прочла и запретила.

– Ты права, мы всегда заодно.

– Лермонтов написал мне очень хорошие стихи в альбом Пушкина. Он пришел один раз утром, не застал меня и сказал швейцару: «Я пойду наверх подождать». Он открыл альбом и написал без <подготовки?> следующие стихи:

Без вас хочу сказать вам много,
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

– Это прелестно и так верно, вначале я тебя боялся; твой взгляд иногда так осуждает, реприман. А как Пушкин начал свои стихи?

– На первой странице он сказал: Записки А. О. Смирновой. Я не очень хорошо помню, в Париже ты их прочтешь. Не проси меня достать это здесь, Лиза может сломать застежку и стекло, которым покрыт маленький, очень дурно сделанный пейзаж. Вот эти стихи:

В пустыне пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила ум свободный
И сердца пламень благородный
И как дитя была проста.

– Как это верно: и как дитя была проста.

– Постой, не перебивай.

И как дитя была проста.
Смеялась над толпой странной?
Судила здраво и светло
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

– Я не люблю конец, есть люди, считающие тебя злой и язвительной. Ты должна писать свои мемуары, не заботясь о том, заденешь ли кого-нибудь – исключая императора и императрицы, о них нет вопроса; прежде всего они – твои благодетели, и потом они действительно так совершенны, что, говоря правду, ты скажешь о них только доброе. Что же касается двора и высшего общества, то есть самого развращенного, их надобно

хлестать и карать; в конце концов ты, как Сен-Симон, окунешь свое перо в желчь законного отвращения.

– Знаешь ли ты, что Гоголь говорил мне точно то же. Уверяю тебя, что императрица «как дитя проста». Когда-нибудь, когда мы вернемся к рассказам о дворе, я расскажу тебе об идеальных чертах этого ангельского создания. Как эти две великие души дополняют свою красоту, так хорошо подходя друг к другу. Он – дуб, она – тростник, который гнется и никогда не ломается.

– А теперь пожалуй мою дорогую бабушку, нашу дорогую бабушку, ябо кровь Грузинских и Цицишвили давно смешалась!

Мы приехали в Грамаклею, кажется.

– Да! И бабушка стояла у ворот, и заслоняла рукой солнце.

– Разве не было зонтиков?

– Откуда их было взять в такой глуши, и часов не было в деревне я все делали посолонь. У Дедушки были часы, но когда он умер, Бабушка их поховала, с. а. d. спрятала, и сказала: «щоб воны всегда стояли у той час как закатилось мое солнце». Ты видишь, что в ней была своя романтическая и поэтическая сторона.

– Да, эту бабушку я до смерти люблю, я бы ее посадил в рамочку.

– Николай, ты меня все время перебиваешь, Мятлев написал мне стихи, начинающиеся так:

Черненькую дамочку,
Что Музой у меня,
Я посадил бы в рамочку
И все глядел бы на нея.

А далее не помню.

– Ну теперь я тебе приказываю продолжать про бабушку; ты точно моя старая няня, как я ее любил!

Грамаклея, дом, сад, тишина

Дядинька мне сказал, что сад так разросся, что под тенью дремлющих акаций и черемухи можно прекрасно дремать.

– Как это красиво: дремлющих акаций; я не знаю черемухи.

– Ты забываешь прекрасные стихи Батюшкова.

Под сенью черемухи млечной
И дремлющих акаций
Спешу восстановить алтарь
И муз и граций.

– Душенька Батюшков, написал эти грандиозные стихи. Ты муза, ты олицетворенная грация. Знаешь ли, что у Батюшкова поэтически грациозные и часто меланхолические стихи, от которых тает сердце, например «Тень Патрокла».

– Э, мой Киса будет жить, как он. Ну же, ну, я продолжаю чтение записок Сен-Симона.

– Но, душенька, ты, должно быть, устала, читать утомительнее, чем болтать.

– Нет, могу тебя уверить, что это ничего, и хочу тебе сегодня сделать подарок; я тебе подарю станитовую юбку и наряжу себя в нее.

– Что это еще за выдумки? Как ты горазда на всякий вздор!

– Да это не я, это все-таки Гоголь. Это в какой-то сцене, кто-то получил наследство и читает духовное завещание старой тетки вслух. Щепкин удивительно играл эту сцену. «Подушка, это ничего, хоть она и перовая, это ничего, сто рублев, мерзавка, обещала 400, и станитовую юбку – ну, на что мне станитовая юбка, я вас спрашиваю, и подписала черт знает что – обмокни, обмокни, черт знает что такое, когда ее зовут Авдотья. Надо тут тягаться по судам; ничего не достанешь, скажут – твоя, мол, тетка была Авдотья, а ты выставил Обмокни, подложное духовное завещание etc.»

– Это помрешь со смеху, во что бы то ни стало куплю его сочинения, Павел должен прислать их с курьером. Ну, так давай мне мою станитовую юбку, я даже не знаю, что такое станит.

– Это красный камлот, такой, как капоты, которые выдавали в институте провинившимся барышням и называли их «постыдный капот». Маленькие говорили это старшим, упрекая, когда ссорились: «Не забудьте, что вы носили красный капот, вы страмница».

– Ну, а моя станитовая юбка?

– Подожди, подожди, ведь все надобно с толком, с расстановкой; вот она, Николай Дмитрии Киселев, второй секретарь Российского посольства в Вавилоне на Вене, подвиньтесь

и выставьте ваши дули, размалеванные суздальским писцом, и я их поцелую, а вы – мои, размалеванные Богом любви.

– Ангел мой, отчего такая восхитительная перемена? Я более не буду похищать твои поцелуи, ты вспомнила про мушек, эти мушки – это я; было так прекрасно красть их с целомудренных губок, и я надеюсь почувствовать твое дыхание, чистое, как дыхание ребенка.

– Если ты предпочитаешь, продолжай их красть, я иногда буду притворяться спящей.

Я под конец беременности засыпала несколько раз в день на диване, ему приказано было отгонять мух.

– Это правда, это лучше, чем иметь одну станитовую юбку каждый день, нужно скупо расходовать свое счастье, но в конце концов у меня будет одна длинная станитовая юбка. Подпиши же контракт «обмокни».

Мы написали на бумаге, и я подписала «Обмокни», а он – «наследник Авдотьи». А теперь ночная сказочница, продолжай чтение. Приказываю.– Хорошо, чтение начинается при Киске без прокур<ор>а и писцов.

Грамаклея: ужины, споры о западном воспитании;
дед и Щенсна-Потоцкий; рассказы бабушки о своем замужестве

<Рассказ о замужестве>: Когда мы вышли с Грузии, отцу моему дали земли здесь, в краю; мы жили в Санжарах, у рейтеровых казаков; там меня выдали замуж за Дедушку, у меня была короста (чесотка), и я была вымазана дегтем; спросили: «Катя, хочешь идти замуж за Немца», я сказала: «Как прикажете, батюшка и матушка». Нынче что выдумали, по любви выходить замуж, да еще с женихом чоломкаются до свадьбы.

Бог простит меня, Николаша, потому что, кроме этого я никогда не огорчала его, а жили мы 25 лет душа в душу, и детей у меня 21 душа. Бог их прибрал младенцами, слава Богу, а то как бы я могла их воспитать.

Рассказы бабушки о детях, об единственной ссоре с мужем

– Как это трогательно, она каялась в этом как в преступлении, бедная, добрая, старая бабушка; какая поистине младенческая душевная простота.

– Я думаю, мой возлюбленный Николай, что не буду больше тебе это рассказывать, чтобы ты не пропустил чай.

– Ангел мой, мне трудно не думать иногда с ужасом, что ты скажешь мне нечто такое скорбное, что разрушит мое и твое счастье на всю жизнь.

– Николай, ангел мой, это невозможно, я надеюсь жить: если это несчастье со мной случится, прижми меня к своему сердцу, чтобы унять эти черные мысли.

Мы оба заплакали.

Амалия Ивановна, выезды детей с бабушкой, приезд разных господ на станцию, барыня с девочкой и куклой

– Ангел мой, но это написано рукою мастера, я должен поцеловать эту хорошенькую ручку и этот маленький неформенный указательный палец.

Мы так занялись чтением, что не заметили, что муж мой вернулся, к счастью мы сидели на версту друг от друга. Он спросил меня, что мы читаем. Киселев отвечал: «Так как твоя жена очень хорошо рассказывает, я предложил ей попытаться писать, а теперь я целую ей руку и прощаюсь с вами».

– Ты лучше не уходи и обедай с нами.

– Очень рад, я тотчас приду.

После обеда опять чай со сливками и булками и храп. Киселев мне сказал: «Какое животное, мне хочется поцеловать тебя перед его носом; ништо им, таким подлецам. Какое счастье, что он вошел в минуту, когда я собирался тебя поцеловать. Ты будешь продолжать чтение сегодня вечером?».

– Да, но я пойду на минуту к Клеопатре, она должна привести Платонова к разуму, он шпионит за нами и рассказал Ольге Долгорукой, что мы влюблены друг в друга.

Мы вошли к Клеопатре и нашли ее в ярости, Гугорт смеялся.

Клеопатра вцепилась в курчавые волосы Гугорта и кричала: «Говорю вам, Гугорт, я гречанка и знаю лучше, чем ваш Меланхтон и ваш Ришелье, что говорят “O Dios”, а не “O Tios”». Кто были эти люди, я не знаю, черт бы их побрал; она вышла на балкон и кричала нашим знакомым как петух на насесте: «Господин Платонов, как говорят “O Dios?”» – «Княгиня, я не знаю греческого».

Я сказала: «Нужно нам всем пойти на террасу, чтобы обратиться к суждению Лос Риоса». Лос Риос сказал, что забыл греческий, но сцена должна была быть хороша, и он зарисует ее в свой альбом; не знаю, предавался ли он этому художественному разгулу. Вечер прошел в шутках; по возвращении Кисс сказал мне: «Слишком поздно для чтения».

– Конечно, нам есть чем заняться получше и сказать: знаешь ли, Николай, что роковая минута близится.

– Почему роковая, моя любимая? Ты увидишь, что все пройдет очень хорошо.

– Мне так хочется понежиться, сядь возле меня, обними меня и целуй, сколько хочешь.

– Ия люблю нежиться до смерти, Маменька моя, до тебя никто меня не нежил.

Он вздохнул: «Я так же любил свою мать, как ты свою».

– Вот ты ошибся, я всегда любила папеньку более маменьки, а когда она вышла за колченогого черта, я совсем не любила ее, я не могла ей простить, что она забыла, а Клема часто мне говорил: «Я иногда совсем ее не люблю, она все целует этого гадкого Арнольди», а позже она говорила: «Ты урода, у тебя волосы на лбу и никто на тебе не женится, и будешь скверной, злой девкой». Мне было восемь лет, когда этот богомерзкий человек хотел сделать очень гадкие вещи со мной. Ты понимаешь?

– Ах, какой ужас!

– Мы были тогда в Белгороде, маменька пошла служить молебен св. Иоасафу, а я играла одна на полу, когда он схватил меня, я закричала. Амалья Ив<ановна> прибежала, я ей все рассказала, и с той поры она меня стерегла и ни на минуту не оставляла меня одну с ним; она запретила говорить это маменьке; вот почему я не любила мать.

– Бедненькая Сашенька. Как рано пошли твои испытания.

– Мы никогда не говорили этому чудовищу «Папа», что очень обижало мою мать; мы называли его Иван Карлович

– Но что это за Арнольди? Итальянец?

– Да, они из очень хорошей итальянской семьи в Болонье, но они стали немцами из наших губерний. Так говорят в Петербурге, когда речь идет о прибалтийских губерниях, так же как о Польше и Литве говорят «привислянский край».

– Все-то ты знаешь, умница моя! Тебе должно быть скучно с Киской, он об России ничего не знает.

– Смотри, душа, положи руку на впадину желудка. Вот видишь, как мягко и пусто, значит брюхо опустилось, и дитя так и брыкает.

– Да, точно опустилось, а ниже боюсь тронуть, не хочу встревожить дитя. Когда же приедет Гейденрайх?

– Я жду ее через две недели, вместо Лизы у меня будет премиленькая девушка Мина Цюферг из Dorinlingen, а кормилица из Ахерна Тереза Радер.

– Как кормилица? Ты должна сама кормить, говорят, очень полезно и столь же необходимо ребенку, как и матери.

– Но где ты выудил эти сведения?

– Я читал книги по физиологии и психологии, а особенно много беседовал с великим философом Галлем; он, как физиолог, кроме того, рассказывал любопытные вещи и дал мне превосходные гигиенические указания; я скажу тебе об этом, когда мы поженимся, потому что все это неприлично.

– Я понимаю, я читала «Наставления женатому духовенству», а дал мне эту книгу наш дурак Иван Ефимыч из Спасского. Священник может сближаться с женой только 82 раза в год. Если ты прибавишь роды, беременность, кормление, то найдешь, что в течение трех лет священник спит с женой только 30 раз в год. И когда мы поженимся, мы будем поступать как они.

– Но я не знаю священников, и когда моя обожаемая Александрина будет мне принадлежать, я чаще буду доставлять себе блаженство – величайшее, когда любят, как я люблю тебя, безумно.

– Но, Николай, мы счастливы и без того, что ты зовешь блаженством.

– Ах, потому что мы не женаты; ты от этого не страдаешь, а я другое дело.

– Но если ты страдаешь, не нужно видеться так часто.

– Ты уж и обрадовалась, своего Киску поставить в архив на верхнюю полочку. Какой глупец я был, я постоянно слышал, как произносится твое имя; я бывал всегда у Пушкина на вечерах, где шла игра, я не играл, и Пушкин приглашал меня судить о его картах и его игре. Он говорил мне: «Ты паинька, ты, мой

голубчик, живи благоразумно, не трать сердца по-пустому и, может быть, будешь счастлив, когда женишься». Он при мне написал эти прелестные стихи о тебе. Он мелком написал:

Своенравная Россети
В прихотливой красоте
Все сердца пленяет эти
Те, те, те и те, те, те.

Смирнов тут был, играл напропалую, платил тотчас, а другие играли на мелок. Он играл с Дышкой, Платоновым и пр. Народу было всегда много.

Мне и в голову не приходило, что я могу с тобой познакомиться. Двор, большой свет, все это меня пугало. Не хвалясь, скажу, что был очень скромен и довольствовался 4000 фр. в год; у меня, однако, было положение в Министерстве, из всей канцелярии Нессельроде отличал особенно Гильфердинга и мою скромную персону, твоего Кисса; я часто обедал у него, и милая, добрая графиня любила беседовать со мной. Ах, какой скотиной я был, и это наложит печать на всю мою жизнь. Скажи мне, ты вышла бы замуж за меня, бедняка?

– Конечно, не колеблясь ни минуты, если бы знала тебя, как теперь.

– Но ты говоришь, что во дворце вы встречались только с вел. князем Михаилом и Жуковским.

– И тетушкой Лорер, туда-то и приходил Мальцев; она очень желала этого брака, потому что он был богат, и говорила мне: «И он будет помогать твоим братьям». Я ей сказала: «Евгений Стерич сказал мне, что он скуп, и у него такие масляные глаза, такие противные». Впрочем, он уехал с Грибоедовым к персам.

Рассказ Киселева о Грибоедове

– Но возвращаясь к моей печальной звезде, не пожелавшей, чтобы я тебя встретил, тебя, мою прекрасную и добрую звезду. Как перенесла бы ты бедность?

– Мой милый друг, только бедность и одиночество сердца делают нас нищими. К тому же я была не так бедна; фрейлинам дают 12 000 фр., я истратила бы на наше постельное белье и свои тряпки 6000 фр., а остальное – чтобы обставить наше

совсем маленькое жилище: я обошлась бы без горничной, я умею себя обслуживать сама, и я могла бы распоряжаться кухаркой с помощью поваренной книги моего собственного сочинения, по которой я приготовила бы тебе вкусный суп. Что до вина, которое ты пьешь, Лафит, ты получил бы твою бутылку на три дня; я же никогда не пью ничего, кроме чистой воды. Возвращаясь из своей канцелярии, ты находил бы наш маленький рай, свежий воздух, цветы на столе и три скромных блюда, умело сервированные и поданные вовремя. Я не курила бы эти ужасные пахитоски, которые ты ненавидишь, одним расходом меньше; я подсчитала, что трачу на курение 200 фр. в год, это не что иное, как кража у бедных. Никаких экипажей, кроме как на Рождество и Пасху, если бы я была беременна. Беременности – это большие расходы, и я бы их делала, как делала для моих маленьких двойняшек. А у меня тоже были бы двойняшки. Галль объяснил тебе, отчего бывают двойни?

– Да, но объяснение не для твоих ушей.

– Кроме того, я была бы не так бедна, а ты тем менее, ибо император придумал же место для Каменского, когда он женился на Наташе Бороздиной; они имели 20 000 фр. в год и прекрасно жили в Лондоне; но мы нажили бы большие капиталы.

– А моя карьера, я предпочел бы видеть тебя, окруженной почестями, и наконец госпожой посланницей.

– Киса, что все эти тщеславные расчеты по сравнению с утолением жажды сердца, ума, вкуса. Сохранив благодеяния имп<ератора> и императрицы, мы поехали бы в Адамовку, в маленький домик, построенный папой, эту милую Адамовку, которую я помню в мельчайших подробностях. Мы ее выкупили бы у этого гнусного грабителя Арнольди, Павел ссудил бы нам денег.

Представь себе, мой любимый, мы были бы одни и нам бы всегда этого было бы достаточно, ибо любовь не тратится никогда в пустых усилиях.

Увы, увы, твоя скромность, твоя несчастливая звезда помешала этому счастью. «Лови, лови, часы любви». Лишь в молодости улыбаются эти счастливые часы.

– Давай перестанем, мой милый ангел, строить воздушные замки.

Он поцеловал мой лоб, глаза и, сияя от счастья, руки и ноги. Он говорил мне: «Какую картину семейной жизни ты мне рисуешь, можно умереть от счастья; какой ты ангел, что так меня любишь. Полное, вечное одиночество в Адамовке, где погребены, но так живы в твоем обожаемом сердце воспоминания о твоих родителях. Будем же, моя возлюбленная, строить воздушные замки. Там будет пианино и вся твоя музыка, твои любимые картины; я снова возьмусь за рисование пейзажей, я научусь писать синее небо Одессы, которое видело твое рождение; когда я буду писать, ты будешь играть на пианино, от сонат Плейеля до Бетховена; мы никогда не будем разлучаться; когда я поеду в Одессу, мы поедем через Янгокраки, если будет трясти, ты этого не почувствуешь, я перенесу тебя на руках, мой нежный друг, моя обожаемая женушка; мы пойдем вместе посмотреть на статую Дюка, молиться в университетскую церковь, мы купим твои любимые апельсины из Яффы и Трапезунда. Одесса, какой рубеж античной и поэтической Греции. Мы купим дяде Николаю Грамаклею, будем видаться там с соседями, кроме Кашперовых и Бредихиных. Мы пойдем помолиться к Андрею Первозванному, я велю написать этого святого, который пугал тебя в детстве и может испугать наших детей. Наши дети, Александрина, боже, какое счастье; я люблю твоих троих, потому что они – твоя плоть и кровь, как же буду любить тех, кто будут твоя и моя кровь, смешавшиеся в: чистом и целомудренном объятии; это будут ангелы».

– Какая очаровательная картина, мой милый муженек, как ты хорошо завершил начатое мною. Но это не будет, не будет, как говорил мой бедный Ланжерон.

– А я говорю: будет, будет, как говорит твой Кисса.

– Нехай так, нехай так,
Нехай рыба буде рак!

– Ах, как это мило, это еще по-хохлацки.

– Да, конечно, все идет с моей родины, Малороссии. Видишь ли, там женщины верховодят, итак женщина говорит что-то, а мужчина покоряется ее голосу, и поют так:

Мужик сияв жито,
Жинка каже: мак.

Он отвечает:

Нехай так, нехай так,
Нехай жито буде мак.
Мужик поймав щуку,
Жинка каже: рак.
Нехай так, нехай так,
Нехай щука буде рак.

– Душенька, как хорош, ну, ты моя жинка будешь.

– Хорошо. Наша нехай так, нехай так, твоя Саша будет рак рыба.

– А что значит нехай и жито?

– Нехай – значит пусть будет, а жито это пшеница по-русски, то москали говорят. Москалей тоже зовут кацапами, т. е. бородатыми, козлами.

– А после этого говорят, что Россия однородна и что все сливается. Я чай, там народов не оберешься.

– Конечно, я начну с Севера: финляндцы, олонцы, очень своеобразный люд; сын Гильфердинга там собрал песни и анекдоты о Петре первом; он туда ездил на Марциальные воды. Однако я пойду лягу в постель, а потом тебя позову.

– Разве это можно?

– Да, я в Петерб<урге>, когда была больна, всегда принимала мужчин в постели – Хомякова, Аксакова, Шеншина, Самарина и пр. Что же в этом плохого? Поверь мне, мой друг, для чистых все чисто, плохо только для тех, кто самое чистое превращает в нечистое.

Он взошел и сказал: «Вхожу в алтарь и муз и граций, дай-ка лягу на постель твоего мужа; я воображаю, что я твой муж и что дитя, которое ты носишь, – мое, это твоя плоть и кровь, он возрос в твоем лоне, под воздействием нашей любви, столь чистой и целомудренной, он будет самым красивым из твоих детей».

– Киса, как я хотела бы разрешиться, пока ты здесь, не можешь ли ты продлить свой отпуск?

– Невозможно. Медем действительно болен и нуждается в лечении; я уже думал, какое счастье было бы, если бы я мог присутствовать при том, что ты называешь неумолимой минутой. Эйландт и я, мы были бы подле тебя. Это мне она передала бы драгоценное маленькое существо; я дал бы ему первый поцелуй, поцелуй, который освятил бы меня. Я об этом уже давно думал, вот как мы друг друга понимаем. Однако пора мне уходить. Дай себя обнять и поцеловать.

А. О. Смирнова неосторожно бросила в окно папиросу, сплетня о том, будто это любовная записка. Рассказ Смирнова об отце. Чума в Одессе. Меры, принятые Ришелье. Его персонал в Одессе в это время: Форстер, Кобле

Кобле был шотландец, не важного происхождения. Когда я уже была фрейлиной, он однажды приехал в Аничковский дворец и меня еще тогда называл масенькой Сашинька; он мне объявил, что на родине все перемерли: Бабушка, тетка Катерина Ива<новна>, Каховы, Форстер, а Гакебуш переведен был в Усмань, в Тамбовскую губернию. Бранил Арнольди собакой, «а я приехал повидаться с Мордвиновым, ты их знаешь, Сашенька, моя сестра за ним замужем, и я тоже хочу видеть мою любимую племянницу, она точно как сестра моя, очень хорошенькая, и вышла замуж за прекрасного человека, сенатора Столыпина; ты должна туда поехать с Марией Ивановной Лорер». Кобле тут мне много рассказал про себя и про наше семейство. «Бедный Николаша все еще в Сибири, ты не оставляй его, можешь у государя просить его простить». «Моя жена, – рассказывал он, – была дочь казацкого полковника Цыпленкова, который остановил Емельку Пугачева. Я приезжал туда по комиссии государыни Екатерины, увидал его дочь и влюбился, как кошка; отец мне сказал: "А Бог тебя знает, откуда черт тебя принес, и вера у тебя какая, ты и хреста не кладешь". Но его дочь меня очень полюбила и сказала: "Фома Александрович, вы такой добрый и ученый, и говорите по-английски, а я такая глупая и ни одной книжки не читала". Я ей отвечал: "Какой я ученый, я тоже никогда книжки не читал, только наши шотландские песни и сказки об мертвецах". Она сейчас говорила: "Как же вы неученый, вы генерал". Я ей сказал: "Моя дорогая, я генерал от моей храбрости" и сказал: "Я тебя буду увезти" и посадил ее перед собой на лошаденке и велел крепко держаться за гриву. Мы так скакали во весь дух 40 верст до первой станицы, где мы обвенчались; я был всегда честный человек, даже нецелул ее и ничего не делал до венца».

Вообразите, дорогой друг, мне было 18 лет и это слово «делал» не покидало меня; я сказала Александрине Зубовой:

«Моя милая, что делают, чтобы иметь детей?» Она сказала мне: «Ах, Сашенька, Делош нам не сказал, что нужно делать».

Киселев захохотал, говоря: «Хороша мысль, что аббат должен это знать».

– До моего замужества я ломала голову, чтобы это узнать. Увы, я слишком хорошо узнала ужасное проклятие бога за вину Евы и, как г-жа Тимирязева, я ненавидела Адама и Еву.

– Ангел мой, какое восхитительное воспитание дала вам Марья Феод<оровна>; она, голубушка, не знала, что из ее царских христианок выйдет чистая голубица для недостойного ее друга и будущего супруга.

– Каким возвышенным стилем вы пользуетесь, господин Киселев!

– Ты сказала, что это проклятие, это неверно. Господь в своем милосердии соединил величайшее из земных блаженств с актом зачатия ребенка. Этот акт очищается бременем беременности и трудом родов, в труде и скорби всякий родит, и скорбь и труд обратятся тебе в радость велию. Ты видишь, что я держу в памяти сущность Евангелия, а потом Галль развивал мне некоторые темные тексты. Это христианский философ.

– Не помню, как это все прекратилось; страшный 12-й год мы провели в Одессе, где отпевали Каменского, его заменил Чичагов; в память Каменского были розданы кольца и все их носили. В 1814 году произошла важная перемена, Ришелье уезжал и сдал Одессу, украшенную и многолюдную, Ланжерону, потом она перешла в руки Сабанеева, прекрасного, благородного ветерана наших войск; он недолго пожил и достойным преемником Ришелье, а папенька был опасно болен; на хуторе он сидел всегда на балконе, в халате из ангур<ской?> шали, я даже помню цвет, к нему ездили какие-то люди из Нахичевани, это там где-то на границе к Кавказу; подавали черный кофий с лимоном, и все курили длинные черешневые чубуки. Какой-то француз пел: «В моей табакерке хороший табак, а у тебя нет».

Все, что было лучшего в эмиграции, группировалось вокруг герцога, у нас были маркиз де ля Мезонфор, Мартиньяк, Рошешуар, Мортемар, граф де Сен-При; нужно еще мне с Сен-При повидаться в Париже, ты это устроишь, граф Кастельно и граф Д'Аллонвиль, который женился на дочери Ильи Васильевича Капниста; ему достались Трубайцы, а Абуховка у старшего брата

Василья Васильевича; он теперь губернатором в Москве, и Лева у него в губернском правлении советником. Ты, дружок, ничего не знаешь об этих гадких местах. Машина, которая двигает этим огромным государством, поддерживает его силу, очень сложна; но великому не вредит, когда карлик кусает его ногу.

– Как ты, моя жинка, любишь Россию!

– Ты знаешь, Константину Аксакову всегда говорят: твоя любовница Россия что-то съехала с рельсов, и у Гоголя одна любовница Россия. Я не люблю это слово любовница. Любовница мне представляется всегда какой-нибудь нечесанной Дуняшкой, которая валяется с каким-нибудь Митрошкой. Я предпочитаю слово maîtresse.

– И я тоже, это доказывает, что любящее сердце находит свою половинку в обожаемой женщине, как я например.

Болезнь и смерть отца, его предсмертное завещание Саше. Рассказ Киселева о смерти матери. Похороны отца

– Я не знаю, где отца похоронили. Соня, когда была в Одессе, искала его тело на всех кладбищах и не нашла его. У Бабушки он не был похоронен, может быть, в Адамовке; я поеду на юг и там узнаю, где любимые останки самого лучшего супруга, отца нежного, и над его могилой велю гравировать следующую эпитафию:

Покойся, милый прах,
До радостного утра.

– Как это красиво; если кто-нибудь из твоих детей умрет, ты сделаешь эту эпитафию.

– Это Карамзина – когда он потерял старшего сына Андрея, которого звали так же, как ныне живущего. Я напишу ее также и на твоей могиле. Я читала еще хорошенькую английскую надпись:

Она ушла в час или два,
Скорее, чем дети обычно,
И мы раздеваемся,
Чтобы следовать за Тобой.

Когда Гоголь был в Спасском, я была очень больна, и мы пошли в деревню поблизости, с другой стороны Москвы.

Это деревня <название нрзб> государственных крестьян, очень богатое торговое село. Мы пошли на кладбище, он остановился и вписал в свою тетрадь следующую надпись:

О гроб, мой дом.
О, дом мой, гроб.

– Как это хорошо и верно, в доме враги, как сказал Спаситель, враги мои – домашние мои, а в гробе есть истинный дом наш.

– Ах, этот Гоголь, неоцененный Гоголь, у него сердце гениальное и святое.

– Но теперь, моя душа, выбирайтесь из кладбищ.

После смерти отца. Население юга России. История земельных владений отца (Адамовка, Куяльник). Ришелье, его беседы с Александром I при посылке его на юг. Возвращение Ришелье во Францию. История продажи Куяльника и неудачного предприятия отца по продаже хлеба в Италию и Францию. Материальные потери отца. Отъезд Ришелье во Францию и прощальный праздник в Одессе. Шалости брата Клементия

Киселев так и покатился со смеху и сказал: «Бога ради, не печатай этого, это проказа, но все-таки неприлично».

– Ведь это уже дело цензора; сам государь будет цензуровать меня, как Пушкина; он наверно велит печатать toto quale[285].

– Как, государь цензурит Пушкина?

– Непременно, и всегда мне посылал то, что прошло через его цензуру. Я прошу вас верить мне, мсье, когда спрашиваете; я отдала ему конверт, содержавший 10 главу Онегина, а потом один раз он мне сам передал «Граф Нулин». Там, где сказано «в спальне стоял урыльник», император поставил «будильник»; это очень позабавило Пушкина. Он сказал мне: «Видно, что это большой человек, тот, что поставил будильник; где же нашей братии, сволочи, заводить будильники, я у себя посвятил для урыльника горшок из-под каши и велел его беречь как саксонский фарфор». «Нет, Пушкин, нашим Личардам гораздо милее Гжельская файанс».

[285] Все как есть *(лат.).*

– Гжель, знаешь ли, что у меня рядом с моей землей есть фарфор, такой же хороший, как Мейссенский; хочешь, я тебе подарю эту землю? У меня нет денег для фабричного дела, а Павлу нет времени и тоже нет денег.

– Пожалуй, я приму, потому что всякое даяние благо, исходящее от тебя, света моих очей.

– Ну, так эта земля твоя, да вот какая беда, я забыл, как зовут эту деревушку. Павел Дмит<риевич> ничего не взял из остатков большого имения, Сергей небось взял лучшую часть, т. е. Орловскую деревню, а Никошке, сказал, и это хорошо.

– Какой противный; однако я буду читать, потому что торжественный час родов близится, и я хочу кончить это писание, оно мне наскучило.

Продолжение рассказа о празднике в честь герцога Ришелье

– Душенька, как с тобой весело, все-то ты знаешь, все помнишь и так мило рассказываешь; еще у тебя одна странность: голос твой постоянно меняется, ты модулируешь своим обожаемым голосом, который запал мне в сердце с первого дня.

– Твоя невестка мне сказала еще в Бадене: «Дорогая, вы такая забавная, что, будь я императрицей, я держала бы вас весь день подле себя». И я ей ответила: «Но императрица тоже находит меня весьма забавной и видается со мной в десять раз больше, чем с другими фрейлинами. Император тоже забавляется, когда я присутствую на вечере. Почему же мне не быть веселой? У меня есть муж, о котором я забочусь не более, чем о старых шлепанцах, дети, которых я обожаю, я богата и у меня много друзей». После твоего отъезда Софья мне сказала: «У меня в Париже есть Николай, он без ума от вас». Я приняла гордый вид и сказала: «Думаю, что он будет принадлежать к числу моих друзей».

Возвращение с праздника Ришелье.
Авария экипажа на обратном пути. Дворник Яким и его семья.
Другие слуги в Адамовке

– Ну, а теперь подождем, я есть хочу.

– Да что ты хочешь, чего?

– Чего всегда, но сперва яичницу, дитя хочет есть. Иди и устрой это поскорее.

Принесли яичницу, я преисправно уплела и сказала: «А теперь подайте чаю», как Гагарин: «А ты, хочешь тоже чаю», у Гагарина всегда выходит чааю.

– Чааю, охотно.

Потом мы пошли пошататься на променад, он заглянул в рулетку и сказал, что Николай Михайлович пресерьезно занят, ставит на красную с мадам де Лаге, что все в поту, вонь страшная.

– Какой центр порока эта рулетка и как преступно поступают правительства, позволяя это; в Париже тоже есть игорные дома и там происходят отвратительные вещи; но по крайней мере полиция строго следит и преследует соблазнителей; но добродетельная Германия рассчитывает, кажется, на добродетель своих сограждан. Ты играешь в парижских салонах?

– Салоны, милое дело! Нога моя не ступает в салон, скука ужасная, я бываю только в официальном свете, и то как можно меньше.

– Что же ты делаешь по вечерам?

– Хожу в театр, в оперу и в клуб для иностранцев, но никогда не брал карты в руки. В парижских салонах не играют, игорный стол есть только у лорда Гренвиля, который никогда не разговаривает, он несколько вроде Уильяма Рассела. Г-жа Гренвиль и еще не знаю кто составляют его четыре робера в вист.

– Знаешь, Николай, нужно заставить мужа вступить в этот клуб.

– Я уже думал об этом, а то он будет торчать перед нами.

– То-то, ведь ты будешь приходить всякий вечер ко мне, как здесь.

– Увидим, увидим, моя душенька.

Встретили Лос Риоса, и он мне сказал: «Мадам Семянтковска, я приказываю вам родить завтра, чтобы сделать удовольствие Киселеву, он будет вашей повивальной бабкой; не в первый раз он будет играть эту роль», и с насмешливой улыбкой посмотрел на Киселева. Я ему сказала: «Киселев, почему вы волнуетесь, вы даже покраснели». – «Нисколько, мадам, это вам кажется. Пойдем читать».

– Лос Риос, – сказал он, – она пишет свои мемуары, начиная с детства. Это так прелестно и так хорошо написано по-русски.

– Она вам читает? И только? – Лос Риос, вы противный насмешник.

– Ну, пожалуйста, милейшая перина, продолжай чтение.

– Совсем не так. Адмирал Вонифатьев мне говорил: прекрасная особка.

– Ты и в Ревеле была и в Дерпте?

– Да, через Дерпт проезжала и там мы обедали, я не знала, что этот город был осчастливлен пребыванием двух знаменитых русских. Но в Саксонии не была, хотя и молода.

– Эту поговорку знаю.

– А знаешь ли ты письмо русских солдат из Саксонии, это мне сказал в Лондоне священник Попов:

Пишет, пишет король Прусский
Государыне французской
Мекленбургское письмо.

– Ах, как это мило; но я знаю другую песенку:

Однажды принц Оранский
Ехал через По
И девке Орлеанской
Отпустил боимо.

– Дальше не знаю, но, говорят, это неприлично.

– Ну, изволь же читать.

– Слушаюсь; ты заметил, что Михайла говорит: «Слусь»; Клементий рассказывает, что чиновники произносят слово Превосходительство – ваше Проходство, с каким-то услаждением, так что слюнки текут. А теперь за чтение.

Подарки Ришелье. Неаполитанская королева – крестная мать младшего брата Саши Александра-Карла. Дерибас и его супруга. Подарки неаполитанской королевы

– Где же эти вещи, у тебя?

– Какой у меня! Мерзавец Арнольди дал без зазрения совести при мне крест Ольге, Карл ему сказал: «Берите скловаж, генерал, а крест мой». Он ему сказал: «Молчи, дурак», а Карл ему отвечал: «Генерал, я капитан Преображенского полка

и полковой адъютант. Вы не смеете меня тыкать и называть дураком». И что же, Ришенька, этот любезный супруг помог Арлондию (солдаты его так называют) против бедного Карла. Я презираю его и всегда презирала. После моих вторых родов Смирнов пригласил эту деревянную ногу; я была еще очень больна, мы пили чай, при этом была его сестра, спор перешел в ссору, он осмелился мне сказать, что я – скотина; когда он ушел, его сестра, у которой в тысячу раз больше ума и душевного такта, была в отчаянии; пришел врач, а этот скот пригласил генерала; но я держалась стойко, не приняла его, сославшись на Шольца. Ах, как я ненавижу этого человека! И все оттого, что Арнольди генерал, у него делается от подлости дрожь в коленях, как говорит Пушкин. Он тебя в грош не ставит, потому что у тебя нет регалий. У тебя есть регалии?

– Нет, от убытка бог избавил.

Хутор Адамовка. Сад. Садовник Батист. Фрукты в саду

– И персики большие, как твой кулак. Ты любишь персики?

– Да, это мой любимый плод – персики де Монтрай и ле Шапель де Фонтенбло, я ими наслаждаюсь, т. е. я ем персик со сливками.

– И я тоже, как ты; я ем плод, а потом начинаю другой; странное дело, я не люблю лесных плодов, а зато малину со сливками я могла бы есть все время, люблю тоже клубнику; я люблю попользоваться насчет клубнички, как говорит Ноздрев в «Мертвых душах», а потом этот Ноздрев говорил, что было где-нибудь весело, музыка играет, штандарт скачет; из этого Самарин сделал глагол и говорил мне: «Вы были на бале, что там было штандартно?»

– А Ришечка говорит, что Шасечка ему всегда штандартна. Это вновь образованное слово, и Шишков должен его включить в число самых приятных и употребительных.

– Чтобы покончить с этими словами – Пушкин и я, мы составляли коллекцию переводов французских слов, или, точнее, эпитетов, так un mangeur de cours у Шишкова называется фордыбак; un faire la cour – щелкопер, элегантная, но несколько полная дама – топтыга; старая шельма – труперта, галоши – мокроступы, кий бильярд и шар – шарокат. Пушкин говорил,

что его любимый поэт – Тредьяковский, а после него – граф Хвостов; в доказательство изящества Тредьяковского он цитировал два стиха:

О лето, лето, тем ты мне не любовно,
Что ахти не грибовно.

И Хвостова:

Все знают, что на лире
Жуковский пел о Монплезире.
Соседство моря возносил
И у Гофмаршала просил
Себе светелочки просторной,
Милой и веселой и нехолодной.

А еще лучше были его стихи, сочиненные после бала, который давала Марья Антоновна Нарышкина, где барышни Лисянские пели с Пашковым:

Лисянские и Пашков там
Мешают странствовать ушам.

Это верх всего, а потом были локотники вместо кресел, и что-то насчет концов.

– Ты видела Марью Антоновну? Она была еще красива?

– Нет, ее портила в особенности кожа и цвет лица, кожа была жирная. У нее были великолепные плечи и лебединая шея, она никогда не носила ничего, кроме ожерелья из прекрасного тонкого жемчуга, которое подарил ей император Александр, серег, им же подаренных, и на лбу жемчужной подвески (то, что называется севинье). На ее прекрасных руках не было браслетов. Волосы ее были неизменно убраны тюрбаном, хотя она не была султанша мысли.

Гейне и его отзыв о г-же де Сталь.
Песенка М. И. Лорер о Фаншетте. История о том, как Ришелье и Кантемир спасли дофина. Сватовство к матери гр. Ржевуцкого, сватовство к ней П. Д. Киселева

А я тебе еще расскажу такой анекдот, что умрешь со смеху; это уж после, долго, долго после Ольга мне рассказала. В Англии мы познакомились с Бахметевым, который похож на татарина, и мы его называли Бахмет Хан. Он из Китая пробрался в Россию, пароход его высадил в Поти, где он оставался неделю прожить в этом мерзопакостном месте, где страшные лихорадки.

Дали в честь такого гостя бал, он танцевал с какой-то барыней, вероятно самой важной и недурной, она была вроде Марьи Антоновны Гоголя, он, может быть, ей сказал: «Сударыня, как я бы желал быть этим платочком»; она вдруг ему сказала: «Вы подлец и мерзавец, вы смотрите в мой декольте».

Киселев так и разразился смехом: «Это во вкусе Гоголя. А как и где это Марья Антоновна?»

– В «Ревизоре», городничий Амос Федорович Антонский, супруга его Марья Андреевна, потом другие персонажи, смотритель богоугодных заведений, школьный учитель, два обывателя Добчинский и Бобчинский, два короткопузика, судья Тяпкин-Ляпкин, почтмейстер, кажется, Земляника и Ревизор чиновник Хлестаков, большой щелкопер. Комедия начинается так: городничий говорит: «Господа, я собрал вас, чтобы сообщить вам пренеприятную новость, к нам приехал Ревизор, недаром снились мне сегодня две большие крысы, они пришли, понюхали и ушли». Щепкин мне рассказывал, что всего труднее ему было говорить «две большие крысы, пришли, понюхали и ушли», а потом в «Игроках», где он играет роль Утешительного. «Игроки» – это жуткая драма, завтракают, едят закуску, и Щепкин должен говорить: «икра того, а семга не того». Представь себе, что когда я в первый раз видела эту комедию на сцене и играли Щепкин, Садовский и Самарин, т. е. выдающиеся таланты, публика ни разу не захлопала, и даже в антрактах молчали. После представления Щепкин пришел ко мне пить чай, он был еще потный и в гриме. Я заметила ему насчет поведения публики, особенно партер был полон офицеров и молодых чиновников. Он ответил мне: «Да, публика с первого представления всегда такова, ведь эта пьеса касается до важных тайн души, вот секрет ее серьезного успеха». Возвращаясь к «Ревизору», Бобчинский и Добчинский, которые объявляют о господинчике, открывают, что это таинственный персонаж, что он не платит, смотрит, какую провизию дают проезжающим. Это они объявляют о прибытии ужасного Ревизора. Щепкин говорит Землянике: «У вас больные точно кузнецы, колпаки их точно как будто вылудили всю посуду», учителю: «Вы приходите всегда в неистовый азарт. Конечно, Александр Македонский был великий человек, но зачем же опять стулья ломать», купцам: «А вы, аршинники,

самоварники, поднесите ему лучшего чаю и рому, семгу, все, что у вас там есть, а не такой сор, как вы мне на именины приносите; я знаю, что вы уж накропали ему жалобу. Свистунов мне уж сказал, что вы писали к господину Фипоновому. Боже мой, а там выдрали бабу, скрыть это дело». Наконец, решается городничий ехать за Хлестаковым в гостиницу; половой оторопел, а хозяин совсем скрылся, и Хлестакова уговорили переехать с человеком его Осипом в дом городничего. Подали завтрак, икру, семгу, вина самые лучшие, лангарон из Петербурга, настойки, лососину, угрей, огромную кулебяку. Есть очень забавная сцена: накануне он просит свой обед, ему приносят помои, он ест несколько ложек и говорит: «Что это за мерзость, перья плавают, совсем есть нельзя», половой ему отвечает: «Хозяин говорит, что таким, которые не платят, и это хорошо, я пожалуй унесу». – «Ты, мерзавец, уже и обрадовался, Осип, возьми, доешь», Осип ему говорит: «Иван Александрович, уезжайте, право, а то беда будет, и к Папеньке придется идти пешком, а в Питере вы говорили: как удивятся, когда Иван Александрыч подъедет в коляске, тьфу ты, черт, и соседи – губернская дрянь, просто не посмеют подойти». Все представляются Хлестакову и он у всех занимает деньги, я, говорит, поистратился по дороге, все ссужают ему деньги, кто пять рублей, кто 15, купцы приносят провизию, городничий дает 100 рублей, и все. «Знаем мы тебя, петерб<ургская> штука». После знаменитого завтрака вино ударило в голову Хлестакова, он начинает ухаживать за Марьей Антоновной, берет стул, она жеманится и т. д., а затем он признается ей в любви, говоря: «как бы я желал быть этим платочком». Мать ревнует, и когда великий человек спит как убитый, все ходят на цыпочках, а две женщины разговаривают с Осипом, который ведет себя как истый крепостной. Барышня говорит ему: «Ах, какой твой барин душка». Перед сном Хлестаков хвастает своим положением: «Ко мне все посланники ездят, не говорю уже министры, это просто дрянь, я приказал готовиться к балу, я живу в 5-ом этаже и говорю кухарке: “Акулина”, что я заврался – говорю дворецкому: “Готовь все для итальянского посланника”. Наконец, он уезжает, обещая Амосу повышение и обещает жениться на барышне. Мамаша бранится с дочкой: он в меня влюблен, – говорит мать. “Ах, Маменька, право в меня,

и про платочек он мне сказал”. – “Врешь, он смотрел на меня, ты всегда так – чуть мужчина в комнату, ты уже воображаешь, что он в тебя влюблен”, а потом Марья Андреевна говорит: “Антоша, какую кавалерию, ты думаешь, надобно просить – красную или голубую? Конечно, красную”. – “Нет, Марья Андреевна, голубая выше”. – “У тебя, Антоша, все так, красная нам более пристанет и курить будут у нас, как у Ивана Алекс<андровича>: совершенный амбре”. Тогда наступает критический момент, входит жандарм и говорит: “приехал Ревизор”. Все остаются, окаменев, с разинутым ртом. Почтмейстер входит с письмом в руке и говорит Городничему: “Читайте”; письмо от Хлестакова, он дает прозвища всем, читают по очереди и каждый останавливается перед своим прозвищем, ему кричат: “нет, читайте: судья Тяпкин-Ляпкин совершенно свиное рыло, а барышня такая, что, пожалуй, сама попросится Кочубеиньки”.

Император, невзирая на всех своих подлых министров, приказал играть эту пьесу, велел включить ее в репертуар театра, заплатив ему <Гоголю> 4000 рублей за рукопись, которая находится в архиве Малого театра. На этом представлении император был в эполетах, партер блистал мундирами и орденами; министры и Павел в первую очередь должны были аплодировать, когда аплодировал государь, хлопавший, высовываясь из ложи наружу. Хохотали, а Павел больше других, так как ему не в чем было себя упрекнуть. Я не была на этом первом представлении, думаю, что я была в Берлине. Потом следует эпилог, который не играют и где автор говорит: “чему смеетесь, сами над собой смеетесь”, двое молодых людей прогуливаются по коридору, один говорит: “Мишель, ты туда?” – “Да, и я туда, пьеса смешна, но согласись, что это вульгарно”, по-французски, например, когда ковыряет себе в зубах, но все это мило, он валяется в халате, и это мило, это не то, что русский чурбан». Потом автор садится возле человека скромно одетого, после его дельных замечаний он говорит: «Бог с тобой, наша малознаемая Россия, сколько в тебе сокровищ!» И потом еще: вы говорите, что это все сказки, побасенки. Побасенки, побасенки, а вон залу потрясают рукоплескания, балконы стонут под тяжестью зрителей; а как он кончил первый том «Мертвых душ»? «Россия, ровным гладнем разметнулась ты

на полмира. Куда несешься ты? И, косясь, постораниваются другие государства, давая ей дорогу».

– Ангел мой, как ты хороша, и ты еще говорила, что не хочешь играть в комедии. Ты большая актриса, и публика хлопала бы тебе изо всех сил. Знаешь ли, что минутами ты кокетка и играешь комедию.

– Милый Ришенька, с тобой я не играю комедию, я люблю тебя с детским доверием, ты мой добрый ангел. А завтра я тебе сделаю пассаж без реприманду, при общем моем бульверсмане.

Жизнь в Одессе зимой после смерти отца.
Гувернантка Амалья Ивановна

– Ангел мой, позволь мне прервать тебя, я не знаю, чем больше восхищаться в твоем чтении – игрой ли твоего лица, модуляциями ли твоего голоса, графическим стилем или твоим почерком – ведь это точно бисер, и это все пишет эта крошечная ручка. Ты должна мне это подарить.

– Ведь я для тебя, друг мой милый, трудилась. Конечно, тебе и тетрадь в твои маленькие руки.

Домашний персонал. 1817 год, брак матери с Арнольди.
Отъезд детей в Грамаклею. Быт в бабушкином доме там.
Соседи. Поездка в гости к Е. С. Шклоревич

Я сидела между тетей и старухой, она для Грамаклеи надевала серый левантский капот и белый чепец с огромным белым бантом, у нее одной ноздри почти не было, что-то ведьмовское, хотя она была очень добрая.

– Ведьмовское – это очень хорошо, это ты изобрела, это хорошенькое прилагательное?

– Вовсе нет, ведьма играет в Малороссии очень большую роль, царица ведьм в Киеве, это то, что в России:

Баба-Яга, костяная нога,
Едет в ступе,
Пестом погоняет,
Помелом следы заметает.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» ты увидишь, что такое ведьма и Вий, один из злых духов хохлов.

– Я изумлен твоей памятью и твоим стилем!

– Что же ты хочешь, дорогие воспоминания детства запечатлеваются в наших сердцах, как будто вырезанные римским кинжалом. Говорят, что когда первые христиане благоговейно собрали останки св. Игнатия, на его сердце нашли инициалы нашего Спасителя. Мне кажется, что когда я умру, найдут инициалы папы, мамы, моих братьев, бабушки, детей и тех, кого я люблю больше всего на свете. До сих пор я никогда не любила, как любят в романах.

– А как любят в романах? Я никогда их не читаю.

– Ну, умирая от счастья и страдания.

Он на меня посмотрел с неизъяснимым чувством, и слеза почти брызнула из глаз его.

Поездка на именины к Требинским. Именины в деревне

– Как вы жестикулируете, говоря; можно подумать, что видишь вас в вашем восхитительном детстве.

– Я могу это сказать, мое детство действительно было восхитительным – до замужества маменьки. Уж теперь не так живут и не так воспитывают детей, Я жила в теплой атмосфере любви и чувства.

– Все это прекрасно сказано, прекрасно прочувствовано. Ах, Александра Осиповна, как Бог вас щедро наградил.

– Аксаков Иван негодовал однажды на меня, потому что я считала, что император Николай мог не только любить Вареньку Нелидову, но и сделать ее своей любовницей. Я ужасно разгневалась. Тут был Лева. Чтобы успокоиться, я села за фортепиано и сказала ему: «Молчите, я терпеть не могу эти разговоры», а так как он продолжал, я ему сказала: «Вон отсюда, вы, чурбан!» Тогда он написал мне стихи, начинавшиеся:

Вы примиряетесь легко,
Теперь я понял вашу мудрость,
Вашу веру...

Дальше не помню.

К вам в душу недостойно
Семя порчи занесло.
А сколько дивных сил
Господь вам в душу положил.

– Как хорошо сказал Аксаков – то, что я так плохо выразил. Я не поэт.

– Напротив, ты поэт, когда говоришь о г-же Зейц, о симфониях Бетховена; рифма дана не всем, в конце концов это лишь дар, который Господь в своем особом милосердии дает избранным. Я никогда не могла написать стиха и, тем не менее, никто лучше меня не знает различий между хореем и ямбом, и именно я готовила их для Плетнева. Увидевшись с Аксаковым, я ему сказала: «Иван Сергеевич, стихи очень хороши». Это его задело, тогда он написал другие, прочел их Леве три раза, и Лева мне их рассказал – сам поэт, он запоминал очень быстро. Аксаков думал меня испугать, говоря

...я забыл,
Что Дама вы блистательного света!

«Иван Сергеевич, – сказала я ему, – я оба стихотворения послала Плетневу, пусть он печатает в своем “Современнике”». – «Как оба, ведь вторых я вам не давал, это подлец Лев Иванович всему причиной». Они очень забавны, славяне.

– Но кто такие славяне?

– Клементий однажды под Новый год ужинал у Мещерского. Когда кто-то спросил, что делают славяне и где они собираются, сказал: «У наследного принца Самарина или у Аксаковых». «Славяне, – сказал Клементий, – ищут полудня в 14 часов[286], но не знаю, где».

– Мадам, время мыть руки к обеду. Сегодня я лишен счастья разделить его с вами: я обедаю у графини Нессельроде, моей начальницы.

– Как, она здесь? Но я думаю, что вы тоже ищете полдень в 14 часов, но сообщив мне эту добрую весть; она ведь и моя начальница, и вдвойне.

– Как вдвойне?

– Привет хорошо понимающему. Догадайтесь!

Он замолчал, остался еще минут десять молча, в каком-то немом созерцании, и сказал: «Какая вы кокетка. Я встречусь с вами у графини и если не очень устану, почитаю». Я еще подошла к окну, чтобы видеть того, кому принадлежало мое сердце,

---

[286] Французская поговорка, значит: ищут прошлогодний снег.

он с радостным видом сделал мне знак рукой, его взгляд говорил мне, что он меня понял. Я говорила себе: «Но почему же мой любимый молчит?»

Как только мы (Платонов и мой муж) кончили обедать (Клеопатра обедала у графини Нессельроде), как я пошла с мужем, к графине.

– А, вот она, моя милая маленькая попугайка, мы говорили только о вас, и я уверяю вас, что нет слов для выражения наших дружеских чувств, особенно Киселева; он говорит, что вы пишете мемуары, и что это прелестно, прочтите их мне когда-нибудь. Кстати, видите, я поступаю как все, курю бумажные сигареты с мундштуком, вот мундштук, который я вам привезла из Петербурга, и Киселев берется сделать такой же.

Потом мы говорили о Петербурге и я вернулась домой вместе с ним; усталая, я оступилась, он поддержал меня за руку, крепко ее сжимая, я ничего не сказала, и когда мы возвратились, я легла в постель и продолжала читать.

– Как я люблю вашу комнату, вашу белоснежную постель. Это так идет к вашей натуре, чистой как голубка, и когда вы читаете, вы выглядите как она.

– Киса, вы льстец, я ненавижу комплименты.

– Мадам, позвольте вас уверить, что у вас избыток дьявольского кокетства.

– Я не кокетка, а если бы была ею, тем лучше. Императрица всегда мне говорила: «Черненькая, будь же немножко кокетливой, как все». Ну что ж, если вы мне даете уроки кокетства, я воспользуюсь ими в Вавилоне на Сене, там лучше всего подражают Аспазиям и фарисеям.

– Но я не давал вам уроков кокетства.

– Как же, вы очень кокетливы, как самая красивая женщина.

– Вы хотите побудить меня сказать, вам комплимент – красивая, как вы.

– Киселев, мы теряем драгоценное время, нужно читать.

– Почему же, если можно болтать, это радует и развлекает. Я восхищаюсь вами, а вы отвлекаетесь от мыслей о родах.

– Да, признаться, рожать невесело, да что ж делать, не убежишь никуда. Нельзя поступить, как Авдотья, классная воспитанница. Один раз священник рассказывал об ужасах Страшного суда; в общем молчании, полном страшных образов

того, что будет с нами, непослушными и неблагодарными детьми, Авдотья вдруг сказала: «Я не боюсь, я залезу на дерево».

– Покажите, мне, как вы спите?

– А какое это имеет значение?

– Очень большое, я уверен, что каким-нибудь необычным образом, как вы вообще.

– Когда я беременна, особенно последние месяцы, я сплю на спине, одна рука под головой (хотя говорят, что это плохо), а другая под левой щекой. Теперь я больше не могу ворочаться, и обычно одна рука свешивается с постели, нам так приказывали спать в институте. Почему вы смеетесь? бьюсь об заклад, что вам пришли на ум какие-то дурные мысли, мужчины всегда грязны и грубы.

– Спасибо за комплимент. А, кстати, когда приедет ваша Гейденрайх?

– Через 15 дней, а вам что?

– Очень многое, я буду знать, когда кончатся ваши мучения, и Голицын, который будет здесь моим представителем, будет сообщать мне каждый день известия о вас. Это ясно?

– Да, это доказывает, что вы питаете ко мне такую же дружбу, как Гоголь и Самарин.

– Вечно Самарин, я его ненавижу.

– Вы неправы, ибо он добр, умен и очень меня любит, а ведь друзья наших друзей наши друзья. Вы это понимаете?

– Я понимаю, что нужно читать.

– Но для этого мне нужно усесться, а вы положите мне под спину подушку и принесите мне складной столик.

Мы оба были тронуты. Когда он поддерживал мою спину и поясницу, его рука дрожала. Наконец, я сказала: «Все хорошо, садитесь напротив».

Поездка в гости к Требинским. Авария по дороге. Возвращение в Грамаклею

Он взял мою руку и пристально посмотрел на меня: «Ах, Александра Осиповна, как мне грустно, – сказал он, – оттого, что вы не умеете смеяться и плакать все вместе».

– Ну что вы стоите, выпуча глаза,

Хотите прыгать, как коза?

– Это еще что?

– Вот что: после мира с Швецией (не знаю какой) адмирал Стадниц захотел увидеть первопрестольную Москву; там все всколыхнулось и сочинили песню:

Умы дамски помутились,
Как узнали, что шведский адмирал
Собирается в воксал.
С утра по французенкам пустились,
Чтоб нарядов накупить
И себя в них нарядить.
Дамы голос поднимают,
Кучеров своих ругают:
Всех в солдаты отдадим,
Коль минуту замедлим.
Бабка дочку посылает:
Поди, дура, не стыдись,
С адмиралом повертись.
Как все удивились, как адмирал,
Выпуча глаза, стал он прыгать, как коза.
Престарелые графини и уродливые княгини.
Разрумянив ветхи рожи
И собрав морщины с кожи,
Отправились домой.

Это хорошо? Это даже вроде Тредьяковского.

Долго держал он мою руку, я покраснела.

– Отчего вы краснеете, мадам, в этом нет ничего дерзкого, так предан может быть брат.

– Да, конечно, да. Прощайте же, мой близкий друг.

– Спасибо, вы ангел доброты для всех, отдыхайте с миром; что до меня, то я потерял покой и сон.

– После моих вторых родов у меня была тяжелая нервная болезнь и тогда было время, когда я 22 дня не сомкнула глаза. Помог мне Мандт, ночью я повторяла одну из наших великолепных утренних молитв. Хотите, я прочту вам ее наизусть, я их все так знаю, а также св. Иоанна, но у него я знаю наизусть даже первую главу. Попытайтесь сказать мне два или три стиха.

– Как вы хорошо произносите, не так как французы, не так как немцы; правда, что вам легко произносить th, говоря по-английски.

– Я тоже думаю, что у меня хорошее произношение; мне давал уроки молодой семинарист Дмитрий Христофорович Гумалик, которого я встретила в Павловске у Абрама Сергеевича Норова; я поправлялась от другой нервной болезни, и чтобы выкинуть из головы навязчивые идеи, принялась изучать греческий. Я спорила с Норовым, через 15 дней я прочла ему

Отче наш, через шесть недель Верую и бегло читала евангелие со словарем; у нас ведь совершенно подстрочный перевод, и потому самый лучший, а потом Лютеров. Но вот молитва, если хотите, могу вам ее списать. Имя того, кому господь внушил сам эту молитву, не указано.

Он стоял как вкопанный.

– Киселев, но вы ничего не говорите. Чувствуете ли вы всю восхитительную красоту этой молитвы; я искала ее в греческих псалтирях, но не нашла. Должно быть, она чисто славянская и может быть Феодосия Киево-Печерского.

– Как я не чувствую красоты, я глубоко ею тронут, а молчу, потому что чудную молитву пели ваши прекрасные уста, поднимались к небу ваши прекрасные глаза; вот почему я стоял как вкопанный.

– Послушайте, если вы будете делать мне пошлые комплименты, я дам вам пощечину.

– Дайте, дайте, пожалуйста.

– Ну, вот добрая пощечина, чтобы ваша щека запомнила, что госпожа Смирнова, дама приятная во всех отношениях, не терпит лести.

– Я уверен, что дама приятная во всех отношениях – Гоголя.

– Конечно, есть просто приятная дама, и потом другая.

– Добрый вечер, мадам, я жду своей пощечины.

– Я пошутила.

– Но я не шучу, вы у меня в долгу и я вас посажу в тюрьму моего сердца.

– Тюрьма сердца – это очень мило; так у вас там тесно?

– И темно, и светло, это зависит от взглядов некоторых черных глаз, знакомых мне по Парижу.

– Вот звонкая пощечина.

– И чтобы отомстить, я поцелую вам руку. А завтра я не буду мыть эту щеку, вы уж лучше ударьте и другую щеку, а то они будут завидовать друг другу. Прощайте, прощайте, бегу домой со своими сокровищами. До свидания. Завтра, вторая была еще больнее. Дайте мне взглянуть на вас, вы приняли ваш королевский вид.

Прогулка по Лихтентальской аллее, встреча с любовницей Байрона Гвиччиоли. Продолжение рассказа о детстве: пребывание в Златополе, общество в доме Арнольди. И. К. Арнольди, его отношение к детям. Поход батареи Арнольди в Усмань

Очень часто я приходила домой и находила и княгиню Ливен и Киселева в детской на полу: они играли с детьми и приносили всякой день игрушки; раз княгиня принесла им фонтанчик, и их приводило в восторг, когда они говорили: «es macht Kilivoff, das Wasser tauscht und macht gegenfall»[287]. Он нянчил Адиньку, а княгиня Олю. Графиня Нессельрод тоже их баловала и перед отъездом Киселева просила его прислать хорошенький чайный сервиз севрского фарфора с подносом и всем, что нужно. Он выбрал белый с позолотой и незабудками; у них уже был крошечный самовар, и они приглашали очень серьезно княгиню Ливен пить чай, купили у Гауфа сухарей, расставили чашки на полу, и мы все сели на полу, я одна на стуле; что я особенно люблю, это серьезность, с которой дети все делают, – Оли и особенно Адини. «Можно сказать, что это королева присутствует на банкете», – сказал Киселев. Кто бы мог подумать, что кн. Ливен, бывшая посланница, сухая, бездушная княгиня, так могла любить своих и чужих детей; на улице, встречая девчонок, она им покупала лакомства и игрушки. Très joli chapeau сделала карьеру, разбогатела и приобрела лавку. Что касается графини Нессельрод, она была полна души и сердца. Ее никто не понимал; увидят в моих записках, какое сокровище была эта внешне гранд-дама. Как она любила Киселева и говорила всегда ему при мне: «Киселев, вы любимец Нессельроде и мой из всей канцелярии, Смирнов же – только мой, ибо Нессельроде считает его менее способным, чем вы». Граф был неправ, потому что Смирнов столь же способный и владел в совершенстве французским. У графини Нессельрод был веселый, громкий, детский смех, а это лучший знак доброго сердца и высокой души. Княгиня Ливен только улыбалась; она в Петербурге потеряла двух сыновей, одного 14-ти лет, другого 12-ти лет.

---

[287] Киливов это делает, вода меняется и течет обратно *(нем.)*.

После своего завтрака он пришел ко мне. Он пришел, а я продолжала чтение, лежа на диване.

– Но, Кис, мне нужно подняться, дайте мне руку, нет, лучше подсуньте руку, вот так, спасибо.

Он вспыхнул и строго посмотрел на меня.

– Мадам, это вопреки вам сегодня, но, Боже мой, как вы любите играть с огнем!

– Глупости, сколько раз Пушкин оказывал мне эту услугу, когда приходил составить мне компанию с Шамфором, Риваролем и Вольтером, **у** меня тогда была убийственная тоска после вторых родов.

– Как, вы загрязняли ваше воображение Вольтером?

– Я читала только «Кандида» один раз и не говорила вместе с доктором Панглосом, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Вольтер меня просто забавляет.

– В добрый час, я рад, что вы так хорошо судите об этом кощунственном шуте, как говорит Жозеф де Местр.

– Когда у вас в Париже есть время читать?

– Мне нечего делать после двух часов работы днем, в три я ухожу, иду на час в клуб, возвращаюсь в 5 часов, читаю до обеда, после обеда иду в театр, в концерт или на официальный вечер, а возвратясь, читаю, в 11 часов я сплю.

– Киселев, а до того, как вы завели себе любовницу, где вы проводили вечера?

– Как вам не стыдно говорить с мужчиной о таких вещах! Я знаю, что вы говорили с Фифи о его дамах и он сообщал вам подробности, которые должны были заставить вас краснеть. Ему досталось от меня за это.

– Но в Питере все знают, кто кого содержит – не стесняются таких пустяков. Вы изображаете из себя святого, а я уверена, что вы содержите любовницу.

Он покраснел.

– Или актрису.

Он вспыхнул.

– Ага, это актриса, вы мне ее покажете в Париже.

– Госпожа Смирнова, прекратите эти разговоры, недостойные порядочной личности; если это продолжится, я уйду и более не вернусь.

– Ах, какое несчастье, вот нашли, чем меня пугать, туда вам и дорога, к Долгоруким.

– О, я убежден, что вы больше знаете о наших «лодках», об «очень хорошенькой шляпке», чем обо мне.

– Я скажу вам теперь кое-что очень милое, что рассказал мне Константин Аксаков: «Ах уж это мне комильфо, тогда только и будет комильфо, когда не будет комильфо».

– Это прелестно, и кажется, что со всем своим комильфо Петербург – клоака.

Отъезд в Усмань. Семья тетки Вороновской.
Муж тетки Евдокии Вантос Драгневич, сербы
на русской службе. Замужество и смерть Евдокии.
Упоминание о «Журнале походу» матери

– А вам совестно говорить на чужом языке, у вас свой родной и самый лучший во всем мире.

– Это сущая правда, прекрасная особка.

– То-то-то, знаешь на что. Ведь Николай Пав<лович>, который все чудесно делает, чудесно говорит по-русски и всегда со мной говорит по-русски, и Пушкин-сочинитель тоже. Пушкин ненавидел, когда объявляли о нем «сочинитель», потому что большой свет стыдился полковника Нефеда Пушкина, он очень красивый и очень глупый; он говорил на французском по-нижегородски и, танцуя контрданс, говорил: «Цепь связывает кавалеров, дамы счастливы, кавалеры несчастны».

– Слушаюсь, буду говорить по-хохлацки; вообще я уже решился не быть кацапом, а велю переменить свою метрику и запишусь в Одессе; это тем легче, потому что воевода Кисель бил турок в Священной земле вашего отечества; и в гербу у нас стоит палатка и разбитая чалма; я вам покажу свой герб в Париже. А у вас что в гербу?

– У нас были три розы, но мерзавец Арнольди уничтожил все документы и герб, и вместо трех роз у нас три унылые елки. Да, с этим подлецом мы приуныли. Мою фамилию коверкали, иногда звали Россети, или Розети, никогда Россет, кроме государя; он знал мое происхождение. И Хомяков написал мне стихи, которые начинаются так: «От роз ее название», не помню дальше.

– Но, боже мой, вся Россия воспела вас.

– Да, воспоем славу Ахилла, и я истинно была как Ахилл неуязвима до пяты, пока не приехала в Баден, но я встретила кое-кого, кто поразил ахиллесову пяту. <утрачены 4 строки текста>.

– Я обедаю у графини Нессельроде, но я прервала тет-а-тет Елены и Париса; надеюсь, что когда-нибудь они будут Филемоном и Бавкидой, если бог даст им жизни.

– Мерси, г-жа Бавкида была горбата.

– А я, – сказал Киселев, – буду обожать мою Елену с ее горбом до конца моих дней.

– Я вижу, – сказал Бакур, – что здесь посвятили себя любви и даже читают ее историю.

– Нет, мсье, я читаю воспоминания о моем детстве, интересующие Киселева, ибо он сам – большой ребенок.

– Я покидаю вас, чтобы побриться, ибо неумолимая княгиня Ливен хочет кататься со мной.

– А теперь мемории дамы, приятной во всех отношениях.

– Нет, просто приятной дамы.

– Нет, нет. Молчи, с благоговением, собака. Когда Жук путешествовал с наследником, в каком-то уездном городе городничий в церкви начал <текст утрачен> ками простой народ <утрачены три строки текста> со всех сторон, поравнявшись с каретой Жуковского, он ему сказал: «Накройтесь, ваша жизнь слишком драгоценна». Ну так я вам говорю: с благоговением, собака.

– Этот анекдот так характерен; а теперь я вас процитирую: собака пришла с благоговением, но честное слово, это напрасно.

Продолжение рассказа о переезде в Усмань. Полтава

Хохлы делятся на три разряда: о курских говорят: вони так соби, черниговцы – завзятые, а полтавские – из-под монумента, это сказал мне князь Манвелов, его мать была последняя из Палиев, и он рассказывал мне всю Палиевщину. Алексей Васильевич Капнист женат на последней из рода Полу-Ботка, а ее дочь вышла за Белуху-Кохановского.

У хохлов, как у швейцарцев, обычай брать фамилию жены. В Швейцарии, например, говорят Mr Huber-Sabadia, а у хохлов – Гоголь-Яновский, Куколь-Яснопольский. Кстати (или некстати) Куколь сочинил трагедию «Рука Всевышнего отечество спасла», и Клементий говорил: «Ну, просто бы сказали “Иван Сусанин”, а то надобно говорить: “Еду в руку Всевышнего”».

– Вы говорите: кстати или некстати. Все, что вы говорите, всегда кстати. Понравится ли это Клементию, что вы и я всегда будем в дланях Всевышнего. Вот, что мне напоминает мой славянский язык.

Я тут его спросила: «Киселев, причащаетесь ли вы каждый год?»

– Да, конечно, моя мать перед смертью, держа меня на коленях, сказала мне: «Николенька, обещай мне, что ты хоть раз в год будешь приобщаться святых тайн». Я был еще такой ребенок, что Павел заставил меня позднее сдержать это слово, и когда мы выполняли свой долг, мы записывали день и число.

– Когда я была в Париже в 1877 году, я поехала к отцу Прилежаеву и увидела прекрасное кресло, вышитое шелками; он мне сказал, что ему граф Киселев подарил в знак памяти. Прилежаев писал его духовное завещание, и граф ему сказал: «А это кресло примите в знак памяти». – «Я ему заметил, что так как я писал духовное завещание и буду его подписывать, то не могу его принять». «Так напишите, оставлю церкви». «Но в церковь я не мог поставить, потому что тут пастушка пасет овец, а не пастырь». Духовное завещание его самое трогательное, Григорию Семеновичу, камердинеру, который был при нем 20 лет, 150 000 франков, прочим людям кому 5-ть, кому 2000 ф., бедным тоже чать.

– Что вы мне говорите о завещании, завещание детям, и мне было им сказано. Перед смертью граф мне сказал, когда он еще был на ногах: «Батюшка, я всякий день ветшаю, и всего больнее для меня то, что я не могу стоять в церкви». Я полагал, что он не хотел садиться перед народом и сказал ему: у нас в алтаре есть покойное кресло. – Нет, мне горестно то, что я не могу стоять в церкви, для царя земного я стаивал четыре и пять часов, а для царя небесного хочу в последний раз постоять хоть час. Я заметила, что еще при отце Васильеве, когда он выходил

с чашею, граф всегда обращался к дамам и пропускал до последнего лакея всех вперед и подходил последний, по русскому обычаю кланялся на все четыре стороны и говорил: прошу великодушно простить, всем отходящим говорил шепотом: «Поздравляю с принятием святых тайн»; то же делал, вероятно, и Николай Дмитриевич, такой же глубокий христианин, как и граф. Граф первый начал делать разговление торжественным образом. Барятинский мне говорил: при этой дряни немецкой Будберг не всех звали и подавали котлеты, мороженое и всякую фр<анцузскую> дребедень, и половина присутствующих были эти щелкоперы французы. Теперь это празднуется у английского князя Орлова, зовут всех и все в чистом русском вкусе. У священника разговливаются только люди и кто не хочет ехать к послу. Вот что были Киселевы, эти два великие вместе смертные избранники Творца Небесного. Невольно слезы льются, когда я об них вспоминаю. Этого я ему не читала, конечно.

«Милый Кис, – подумала я, – скажите мне, были ли у вас искренние товарищи?»

– Как же, все Урусовы, исключая Александра.

– Я его знала, мы с Стефани прозвали его Ю, у него был странный выговор, он мне говорил: «Я беден, глуп и дурен, но я вас обожаю, выйдете ли вы за меня замуж, когда Пешка умрет, ведь он изменял вам и влюблен в княжну». – «Нет, не выйду, потому что вас люблю как Клему и Осю». Он всегда танцевал первый кадриль, и в конце была мазурка и котильон, и мы садились рядом с Стефани и князем Андреем Львовым. Она мне раз сказала: «Сашенька, уступи мне Ринку», он был белокурый, очень красивый и так молод, что у него был еще только пушок на щеках. – «Бери, Степка, ведь мне Львов только нравится». Бедный Александр Урусов мне сказал: «Я поеду на войну, пусть я там умру или меня убьют далеко от вас, но вы помолитесь за меня и пожалейте вашего бедного И. И.». Львов сделал предложение Стефани, она ему отказала, потому что Марья Федоровна не позволила ей идти за него; она тогда уже начала кокетничать с Василенькой Кутузовым; Львов мне сказал: «Вы не так бы поступили со мной, ах, зачем вы меня уступили ей». Он страдал грудью, его послали в Италию, и умер в Ливорно, его похоронили на том кладбище, где покоится Александра

Андреевна Воейкова, и на плите гравирован 1-й стих Евангелия от Иоанна: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога, веруйте в мя».

– Я совсем оправился, душа моя душенька Александра Дмитриевна – хотел сказать Осиповна; любимая моя сестра Милютина Александра, и я не вам, а ей сказал наверное: душа моя душенька. Не смотрите на меня глазами испуганной лани.

– Я совсем не испугана, я вас не боюсь и в доказательство этого скажу вам: душа моя душка Николинька.

– Послушайте, мадам, не сводите меня с ума вашим холодным кокетством.

– Если вы еще раз скажете мне, что я кокетка, я вас выгоню.

– Какое несчастье! Я утешусь с Дышкой.

– Ты врешь, как сивый мерин, vous serez malheureux comme les, pierres[288].

– А вы Сивка бурка, Вещая Каурка.

– Ну, перестаньте, Киселев, ведь это ужас, как мы врем.

– А вы играете шаракотом по шаракоту?

– Нет, я слишком мала ростом; я и играю всегда тупым концом, карамболи иногда делаю, а в лузу очень редко попадаю. Императрица прекрасно играет, она все делает прекрасно и грациозно, никто так не ездит верхом, как она, – ведь она стройна, как пальма, – на рысях и на галопе она почти поднимается с седла.

– А вы, я надеюсь, не увлекаетесь этой забавой, она довольно опасна.

– Теперь нет, но я ездила верхом с азартом и страстью; я все делаю со страстью, это моя беда.

– Со страстью, я это знаю, ибо вы так любите своих детей. Но можно ли со страстью любить удовольствие?

– Да, это так, что поделаешь. А вы ездите верхом?

– Нет, я никогда не садился верхом на лошадь, не потому, что боюсь, а просто не случилось; а вы должны прекрасно ездить. Кто давал вам уроки?

– Потоцкий; устроили карусель на лошадях, я сопровождала Стефани вместе с Качаловой, уродливой, бледной и покрытой прыщами. Стефани еще ослабила ее своей очень светлой

---

288 Вы будете глубоко несчастны.

зеленой шубой и повесила ей на шею розовую ленточку. Я сидела в ложе. Маленький манеж в Таврическом дворце. Потоцкий явился и сказал мне: «Надо ездить, без вас нет удовольствия, мы сделаем сюрприз императрице».

– Какое счастье, какое счастье, начнем сейчас же!

Тогда Потоцкий крикнул своим звучным голосом: «Илья, подавай сюда Сакена». Это старая лошадь, на которой всегда ездил маршал Сакен. Какое забавное у него лицо, очень маленькие глазки, волосы, тронутые белым, и две пряди, которые торчат по обеим сторонам. Что вы сидите, развеся уши?

– Нет, я думаю о Потоцком и все, что он говорил о вас Софье Стан<иславовне>.

– Вот привели Сакена, подставили лесенку, но граф сказал: «Станьте на мое колено, а потом скок, занесите правую ногу за раз». Я вскочила и он мне сказал: «У вас отличная амазонка», он показал, как поворачивать руку и держать уздцы, дал мне свой хлыст; хлыст дамы держат на балансе левой рукой. Стефани мне и Потоцкому: «Толстый дворник, как ты рад, и Сашенька также», после он велел ехать рысцой и бежал, держа лошадь; остальной урок докончил Шателен, на третий день я уже все знала, мне дали рыжую лошадь Юлию, рыжие – самые горячие лошади, но Юлька была старая, покойная, иногда спотыкалась, но никогда не брыкала. Импер<атрица> велела снять с меня мерку и мне сделали драдедамовое платье, она мне подарила фуражку с перьями. После этого начались серьезные репетиции. Потоцкий выбрал для меня очень живую лошадь. Он не мог быть моим кавалером, потому что находился посреди и командовал фигуры: были контрдансы, что было трудно, потом котильон, выбирали кавалеров, и один или два раза ездили небольшим галопом, сдержанный галоп труднее и для ездока и для лошади.

– Вы были, должно быть, обольстительны, такая маленькая и правит большой лошадью. Какой костюм был у вас?

– Атанде-с, атанде-с. У нас были кавалергардские мундиры, зеленое драдедамовое платье, погоны по сторонам и серебряные пуговицы, настоящая фуражка с белым верхом, а околушек красный. Императрица ездила на черной лошади, а вел. кн. Михаил на рыжей, у императора была своя черная лошадь, а у его дамы Татьяны Васильевны Васильчиковой рыжая,

и все так было: рыжая и вороная. Я ездила с принцем Фридрихом Вюртембергским, очень красивым мальчиком, ухаживавшим за мной, у него была рыжая лошадь, у меня вороная, она была забавная и издавала маленький крик «пи».

– Потому что она была счастлива, нося столь легкий груз.

– Вы понимаете, что я не спрашивала у своей лошади, что она думает о чести, мною ей оказываемой. За нами на известной дистанции держались наши кучера, чтобы удерживать коня и прикреплять платье большой серебряной булавкой или помочь вдеть ногу в стремя. На этот случай нам давали в шутку шпоры.

Галереи были полны народу, я галопировала с моим принцем перед Жуковским и сказала ему: «Жучка, каково?», он крикнул мне: «Каприз на лошади». Я пришла в ярость и кричала ему, проезжая: «Вы настоящий...». Приглашая Потоцкого, я всегда кричала ему «Пан Граббе!» Император сказал мне: «Зачем ты меня не выбираешь?» – «Вы такие большие, государь!» – «А Потоцкого выбираешь, ведь он своим брюхом тебя раздавит». Это вызвало такой смех, что лошади перепугались и фыркали. Вы тоже смеетесь!

– Мне смешно это «брюхом раздавит».

– Я знаю, вы думаете о грубых вещах.

– Слово даю, что нет, но если бы этот бедный Станислав на вас женился, то не знаю...

– Потоцкий не был грязной свиньей, ему это было не нужно.

– Что?

– Как вы смеете меня спрашивать, я больше не буду вам читать.

– Извините благодушно, право, не буду, не буду, прошу прощения на коленях. Маменька, погладьте по головке бедного Николиньку! Вы великолепны в гневе, совершенно Клитемнестра в Микенах.

– Ну, так вот, в перерыве между репетициями Потоцкий, чтобы меня видеть, придумал репетировать три раза у него, исполняя фигуры. Начали с позднего завтрака. Он привез из Вены себе большой механический орган, который исполнял двадцать вещей. Я сидела на царском месте между Потоцким и вел. кн. Михаилом, напротив все фрейлинство, а потом

уже вся дрянь. День таким образом прошел очень весело, а вечером – живые картины у г-жи Сенявиной.

– Пожалуйста, продолжайте про картины.

– Нет, надобно с чином, толком и расстановкой. Багади ты у меня.

– А что это такое?

– Это новый шеф всех кадетских и пажеских корпусов, он говорил всегда «Багади ты у меня. Дисциплина и субординация», а пажи говорил: «Скот, подлец и мерзавец». Вот так: Багади ты у меня. Дисциплина и субординация!

– Слушаюсь, Ваше превосходительство, а теперь чтение, я очень доволен вчерашним, вот ваш манускрипт.

В Кременчуге генерал Богуславский делал смотр, остался очень доволен; тут мы встретили Граббе, который теперь граф и очень отличный генерал, он прославился на Кавказе при Дарго, в ущельях и пропастях течет Терек. Воронцова чуть не взяли в плен в это время; спускали пушки на плечах наших храбрых и неутомимых солдатиков под выстрелами черкесов. Воронцов потерял крошечные часы, которые ему подарила княгиня, и очень жалел их; один солдатик, ничего не говоря товарищам, невзирая на все опасности, отправился их искать, нашел и отдал князю. Это совершенно женская деликатность чувств. Но вернемся к рассказу. Не доезжая до Хреновой, карета опрокинулась, братья ушиблись, а бедная Амалья Ивановна вышла вся в синяках. Тут мы остались три дня, а безногий поганец две недели за ремонтом вороных и пегих лошадей. Я после вычитала в записках Кокса в Англии. Этот Кокс был клерджиман и путешествовал с лордом Гербертом, т. е. Пемброком, дедом теперешнего дурака, Которого вы и я знаем. Кокс был в Варшаве, когда хотели убить несчастного Станислава в Вилашове. Вилашов – царское владение и принадлежит и по сей день дочери моего Потоцкого. Чесменский подарил чудную арабскую лошадь Красавчика Герберту. Англичане кичатся перед нашими питерскими невеждами своими кровными лошадьми, а они от нас получили благородную арабскую кровь; отклонение от темы. И Александр Пав<лович> выписывал лошадей из Англии, и Мятлев пресмешно рассказывает об этом. Нахлобучит шляпу до глаз, как Пальмерстон в палате общин:

«И государь Александр Пав<лович> велел Джаксон покупать лошадей и послать их прямо в Англию на корабле Нептун, Паттерсон или Космодамиан».

– Нужно мне познакомиться с этим Мятлевым.

– Конечно, я вам просто это предписываю, когда поедете к Павлу в Питер.

Усмань, жестокость Арнольди, женские костюмы в Усмани

– Что такое полиелей?

– Подождите, я потом вам скажу.

– Нет, сейчас.

– Это перед большими праздниками священник, перед которым всегда идет служка, благословляет хлеб и масло, это момент очень важный и очень торжественный.

– Мне кажется, что Верчинский не делает этого, впрочем, я никогда не хожу ко всенощной.

– Я видела зрелище захватывающее и столь же торжественное в Вышнем Волочке, остановившись там на три дня на обратном пути из Тихвина.

– Из Тихвина? А зачем вы туда ездили?

– У меня была тоска, я и поехала молиться у Тихвинской Божией Матери и получила большое утешение и облегчение и очень веселилась в Тихвине и потом в Грузине.

– Господи, что вы изъездили и везде вы Богу молились!

– Ведь у меня было только одно утешение и перед отъездом из Петерб<урга> я все ездила ко всем скорбящим, а в Бадене получила большое утешение и получу еще большее утешение, когда рожу благополучно.

– Какое же утешение вы получили в Бадене?

– Я нашла в вас большое сокровище, верного друга.

– Позвольте мне поцеловать ручку.

– Вот она, и так как вы скромны, то поцелую вас в щеку.

Мы покраснели оба до корней волос, его взгляд выражал восхитительное ожидание. Не знаю, что говорил мой взгляд, потому что он надолго задержал мою руку и молчал сосредоточенно.

– Я продолжу чтение.

– Да, но я вам не прощу Тихвин и Вышний Волочек.

– Это хорошо, – сказал Киселев, – это как английский home, неправда ли; есть прелестная песня, которая начинается так: «Home savait homme»[289].

– Что может быть лучше семейного круга в доме, соответствующем потребностям семьи, с красивым садом, где я посадила бы только розы, резеду, голубую и красную сирень, белые лилии. Никаких цветов без запаха, цветок без запаха подобен очень красивой женщине без сердца.

– А отец и мать, какими они должны быть в восхитительной картине семейной жизни, которую вы хотели бы создать? Ах, Александра Осиповна, какое у вас милое воображение!

– Родители, родители, постойте же, они должны быть красивы, как были папенька и маменька; это фон правдивой картины, какую я вам рисую. Дети всегда красивы, даже уродливые, у них эта неподражаемая и ангельская грация.

Когда я была фрейлиной и прогуливалась с моими товарками, мы любили ходить на Васильевский остров и на Фурштадтскую или Сергиевскую, мы выбирали маленькие одноэтажные дома с белыми занавесками и цветами на окнах и говорили: «Вот здесь обитает счастье». Дворец и величие нас утомляли.

– Вы были трогательные молодые девушки, и какое прекрасное воспитание дала вам императрица-мать, я эту имп<ератрицу> обожаю и буду ее поминать в молитве. Ведь я вам не сказал, что я только читаю Отче наш, часто останавливаюсь и думаю о каждом предложении, а потом поминаю живых и усопших и говорю: «Прости им прегрешения и даруй им жизнь вечную».

– Это очень хорошо, но есть еще длинная молитва чудная: «Господи, помилуй и сохрани покойного раба твоего имя рек и прости ему прегрешения его вольные и невольные, с праведными причти и со святыми упокой, и всели его в места злата, места прохладна, идеже несть болезни, ни печали, ни воздыхания. Даруй ему и нам оставление грехов и прегрешений и твоей блаженной жизни наслаждение. Ты бо еси жизнь и покой

[289] Человек знал свой дом.

усопшим рабом твоим и тебе воссылаем хвалу с твоим безначальным светом и животворящим твоим духом, и ныне и присно и во веки, веков аминь».

– Прочтите это, Киселев, это принесет вам добро, как и тем, кого больше нет. Спишите ее или я ее вам спишу.

– Спишите вы, все, что от вас, мне так драгоценно. От вас всякое даяние благо и всяк дар совершен есть. А ваш муж благочестив?

– Очень, он никогда не пропускает молитвы и закрывается у себя, и потом он часто читает заупокойные о своих родителях. Но я не знаю формы этих молитв, потому что нет молитвенников; я предлагала молиться вместе, ибо сказано: «иже соберутся во имя мое двое или трое, тамо я». Но он всегда опаздывает, всегда суетится и поэтому я молюсь одна. В сущности, я не могу жаловаться на мужа, он честный и преданный, но у него такие повороты ума, которые ранят и утомляют меня, и потом меня шокируют его манеры. Очень дурно, что я говорю вам все это, и в Петербурге я не говорила этого никому. Я не раз ссорилась с Софьей Карамзиной, когда она на него нападала. Г-жа Карамзина всегда меня поддерживала и говорила, что женщина, жалующаяся на своего мужа, уже ему неверна. Я не знаю, откуда у вас коварный талант вызывать меня на откровенности.

– Будьте уверены, мадам, что я скромный хранитель всего, что вы мне говорите, кроме того я, как Гоголь, вижу вещи вблизи, а вы мне сказали однажды, что все говорили Гоголю.

– Да, это правда.

– Но г-жа Карамзина должна быть восхитительная женщина!

– Г-жа Карамзина – женщина, воспитанная на евангелии.

Продолжение рассказа об Усмани. Обеды у Арнольди. Встречи детей с «Серафимом Серовским». Рассказы о нем Антония. Чтение романов Радклиф. Чтение в институте. Покушения Арнольди на Сашу. Пребывание детей у Недоброво

Представьте, что московский митрополит мне сказал точно то же, когда я ему советовала прочесть «Шинель» и смерть Акакия Акакиевича: «Поберегите свои слезы, еще много придется вам их пролить о своих и чужих грехах».

«Киселев, представьте себе, что я видела постель несчастного государя в Павловске; это была маленькая железная походная кровать, простыни были разорваны и окровавлены. Он был за ширмой в комнате, которая предшествовала спальне императрицы. Я спросила у Петрова, могу ли на нее посмотреть. "Скорее, чтобы ее величество не увидела, что я вам показал это зрелище". Я его спросила: "Кто был дежурный в эту страшную ночь?" – "Чернышев, он умер. Чернышев нам достался после кончины государыни Екатерины, этот самый Чернышев у нее был истопником. Если вам случится когда-нибудь прочесть неизданные мемуары Като, вы увидите, что он был ее любовником, и настолько, что неизвестно – он или Салтыков был отцом несчастного Павла. Есть всего 8 рукописей этих мемуаров, я читала рукопись Александра Тургенева. Император их все конфисковал, потому что это была прореха в их генеалогическом древе"».

– Прореха, это очень хорошо.

Братья Баратынские. Рассказ Вяземского о сестрах Левашовых, читавших романы (он им дал Ролленову историю)

– Я вам советую не читать ее, это изнурительная скука.

– К несчастью, мой гувернер заставил меня ее прочесть, но там есть интересное место, когда Александр Великий встречает так наз. Мелхиседека; это все, что я оттуда вынес.

– Я была уверена, что вы уловите только главные черты, как Пушкин.

– Вы оказываете мне слишком много чести, ставя меня на одну доску с Пушкиным; он гениально умен.

– Вы говорите об уме Пушкина точно то же, что Жуковский.

– Вот и я попал как кур во щи или как волос в салат.

Каменский, брат маршала, обосновался в Орле. У него был театр, составленный из его дворовых, он женился на одной из актрис и имел от нее много детей; их научили парлекать по-французски, и она говорила г-же Козаковой: «Ма шер, лизе Юлии Цезаре, это так ново и так интересно». Когда было очень холодно, она говорила: не забывайте теплые чулки..., вместо ombrelle она говорила nombril.

– О, это мне напоминает г-жу Белиссино, это единственная гостиная, которую я посещаю, так как там всегда бывают сюрпризы вроде г-жи Каменской. Вы познакомитесь с ней, потому что она очень любит иностранцев и особенно красивых женщин, она говорит о них: «Они как мед, привлекающий мужчин».

– О, это не так глупо.

– Но маркиза не глупа, она только говорит чепуху. Например, вместо стиплчез она говорит six petites chaises, вместо сендвич les cent suisses, вместо l'ombril она говорит le bonheur n'habite pas plus les nombrils dorés, но самое лучшее, что она когда-либо сказала – это насчет братьев-близнецов Нодайль, они так похожи, что никогда не знаешь, с кем из них говоришь. Кто-то сделал замечание об этом, это было при г-же Белиссино, и она сказала: «Да, особенно Исидор!»

– Это превосходно, я непременно познакомлюсь с этой любезной дамой, воплощенной чепухой. Но говоря «Исидор», она имела в виду, что он – более выраженный тип, и это не так глупо.

– У вас все толкуется хорошо и вместе благодушно, все в извинительном падеже.

– Знаете, Кисс, что извинительный падеж войдет в наш жаргон; а пока пойдем к горе, которую прославим Сашенькой Танке, вы поможете мне на нее подняться.

– Я вам все же не прощу Тихвина.

– Я вам расскажу об этом во время прогулки. Пошли, вставайте, увалень.

Я поехала в Тихвин на почтовых до Пеллы. Там обедала у Андрея и Александра Карамзиных, Аркадий с ними жил, оттуда в дрянной коляске добралась до места, в котором садятся на баржи, длинные, предлинные катера, тут начинается Мариинская система, начатая Петром и конченная Екатериной и графом Сиверсом; в карете я не могла ехать, потому что мостовая скверно проложена и скат к каналу так крут, что того и смотри, попадешь в воду. В барже было очень гадко, сели пьяные мужики, и блохи. Я часа два спустя и поехала в своей коляске с опущенными стеклами.

Дорога шла по бревнам, не знаешь, где ты; знайте, что эти бревна, уже исчезнувшие повсюду в России, были тонкими

и круглыми. По мере моего продвижения они поднимались, и я держалась. Так, чтобы не скользнуть в глубину. Таким способом я прибыла в Новую Ладогу, перед этим я проехала мимо Шлиссельбурга, который крестьяне называют Шлюшин. Император сказал однажды: «Сегодня генерал-губернатор представил мне список девушек, которые не могут более служить, и я порадовался, видя, что русских было, может быть, одна из десяти, а русских обвиняют в том, что они так развратны». Немецких и финских добродетельных особ целый полк, их ссылают в Шлиссельбургскую крепость, они там моют белье на арестантов и шьют им белье.

Sic transit gloria mundi[290] в этом мире.

– Вы прекрасно говорите по-латыни. В Новой Ладоге мне дали прекрасный обед, вода была еще хуже, и я сказала Михайле, очень глупому слуге: «Спроси вина». Мне принесли бутылку чего-то красно-черного, точно с сандалом, и вдобавок в бутылке был большой гвоздь; я сказала половому: «Какую ты гадость мне принес?» – «Нет, это самый лучший Лонгерон из Петербурга».

Я принялась смеяться, человек был уверен, что Лонгерон произрастает в Петербурге. Киселев, спросите в Париже самый лучший Лонгерон из Петербурга.

– Непременно, и я сразу скажу торговцу вином, что мне порекомендовал его половой из Ладоги.

– Всегда говорите Новая, потому что есть Старая Ладога.

Потом я пошла осматривать город и вдруг вижу огромного роста мужчину в белых штанах, в ботфортах и треуголке с черным пером и вижу, что он следует примеру Амоса Федоровича и в каждой лавке то съест изюмцу, то черносливу, «чтобы быть лениву».

Какая прекрасная рифма: чернослив и ленив, и это очень пользительно.

Это сочинил Жуковский на лотерее у наследника, где я выиграла ужасный малахитовый кувшин, который Шереметев не постыдился пожертвовать в пользу бедных. Вообще-то он не скуп, даже наоборот. Ладожское озеро великолепно, издали я видела Валдайский монастырь, там жил тогда схимник,

[290] Так проходит слава мира *(лат.)*

большой страдалец, он, подобно Серафиму и знаменитому Авелю, у которого Александр Пав<лович> провел целый час перед отъездом в Крым, предсказывал. Говорят, что Авель ему сказал, что он никогда не увидит Петерб<урга>. Александр у четырех рук остановил коляску, поднял руки, благословил город, в котором родился, где его лелеяла Бабка, где он любил, был счастлив и несчастлив; он заплакал и поскакал в свое любимое Царское Село, чтобы проститься с Карамзиным, обошел сад и парк, который его создание. Он любил этот гадкий Питер, а ведь, неправда ли, гадость?

– Помните ли вы стихи Пушкина: «город скучный, свод небес зелено-бледный». Это незаконнорожденный город.

– Нет, вы говорите то же, что Константин писал брату: «Нет, Иван, ты не должен оставаться в С. Петербурге, этот незаконный город, прижитый с Западной Европой». Так и видишь, как Константин Серг<еевич> стучит кулаком по столу, так что стекла дребезжат.

– Продолжайте Тихвин.

– Я принуждена была остаться три дня, шила какую-то дробужинку и поехала посмотреть то место, где соединяется Мариинская система с Вышневолоцкой. Тут огромная масса водного пространства, царствовала какая-то величественная тишина; мне сказали, что баржи не могут проходить, потому что все очень запущено. Я сказала это государю; он отвечал, что он это знает, расходы очень значительные, и притом не имеет гидравликов, подобных Сиверсу, но что их готовят в новом гидростроительном институте, им основанном, – а тебе спасибо, что напомнила.

Я отыскала женский монастырь. Игуменья была вдова Генриха Ридитера и тетка нашей институтской Ридки соленой, а казначея – купчиха Коробова. Они меня и Эмилию приглашали обедать у них, Лонгерона не было, но было преизрядное красное вино, вероятно портвейн, которым у нас приобщают. У них ткали ковры, и я один купила. Они мне сказали, что Акафист Божией матери читается только в субботу. В субботу я пошла ко всенощной; народу была гибель, но служили прегадко. Дьякон, читая Акафист, плевал и смотрел по сторонам; плечистый детина с какой-то шлюхой переглядывался. Это не поучительно, уверяю вас; я имела лукавое удовольствие донести

об этом Андрею Николаевичу Муравьеву. Он мне ответил: «Знаю все и жду только митрополита Филарета, чтобы все устроить в Тихвине». Самый большой образ Тихвинской Божией матери у Свербеевых в Москве. Я навела справки, узнала, что можно ехать в Царское по другой дороге, по песку местами, а инде и по бревенчатой мостовой. Ехали ночью, спать невозможно было, и утром рано мы были уже в Карелии, откуда вывозят красивую карельскую березу, я вам покажу, у меня есть табакерка оттуда; на станции Оскуй я пила чай у мужика и встретила Андрея Карамзина и какого-то морского офицера, совершенно как капитан Жевакин Гоголя и говорил те же самые вещи: «Знаете ли, как попостился два или три года, приедешь в порт и увидишь женский пол, тут сейчас и влюбишься, какой-нибудь этакой розовый бутончик, как вы, например, сударыня, приведший вас в восторг, этакой, такой, что мое почтение...».

Карамзин ехал, чтобы известить Николая Михай<ловича> о болезни Аркадия и что ему нельзя оставаться в Пелле, где нет хорошего доктора, кроме их полкового докторишки. Из Оскуя я приехала на станцию Кукуй, а оттуда поехала в Грузино. Меня удивила дорога, по обеим сторонам широкие канавы чистой воды, шоссе, обсаженное ветлами. Деревня в Грузине составляет каре; среди обильного (?) двора большой колодец. Меня подвели к прекрасно выстроенному дому, вышла высокая дебелая баба, красивая и здоровая. В избе четыре комнаты, спальня для детей, хозяйская, гостиная и кухня, и все дома на один покрой. Мне подали большой самовар, прекрасный белый хлеб домашний, сливки, масло, яйца. Я сказала хозяйке: «Как у вас хорошо, дай Бог, чтобы все мужики жили, как вы». – «Это, сударыня, все граф с Анастасьей завел». «Так зачем же вы убили Настасью и очернили так графа, что он никогда в эту деревню не ездит?» – «Дураки были, и вот какой грех на душу взяли, он хотел нам выстроить церковь, больно далеко отселе до Грузина».

Я пошла в его маленький домик, там мы встретили его слугу, Михайла ему сказал: «Эх, брат, да мы с тобой часто сиживали вместе на Салтыковском». – «И то, брат Михайла». – «То-то, то сперва мы ждали, и твой шел вперед к царю, а при Николае мы вперед, а вы опосля. Так уж бывает на свете». Михайла

любил повторять библейские слова: первые будут последние, а последние первыми, он служил тогда у Лариона Васильевича Васильчикова, который был председателем Государственного Совета после Аракчеева. Княгиня, очень набожная, ходила всякий <день> к обедне и давала людям Евангелие и толковала им, чего они не понимали. А Михайла ведь сделался монахом и жену бездетную тоже уговорил идти в монастырь. В Грузине я встретила предводителя дворянства Тыртова, которому граф поручил все хозяйство. Тыртов сам отворил дом. Часы, подаренные любимым государем, стояли на белом мраморном камине, стрелка остановлена навеки в час и минуту смерти государя. «Тут, сказал Тыртов, часто беседовал государь с графом. Я был взыскан милостями графа, и он меня представил блаженной памяти государю».

Ах, Киселев, по этому случаю мне нужно сказать вам, как старик Сологуб рассказывал, что Новосильцов после смерти императрицы-матери начинал все свои беседы со слов «Блаженной памяти императрица изволила мне сказать...», а потом напевал: «Ты не поверишь, ты не поверишь, как ты мила» – он пел очень модный в то время романс.

– Ну, хорошо, я нахожу это очень милым, очень честным, и вот я говорю вам: «Ты не поверишь, ты не поверишь, как ты мила, когда ты читаешь». Знаете, вы пишете так же, как рассказываете. По-моему, это слова Вяземского: ложь так укоренилась в нас, что даже рассказывая что-нибудь о себе самих, мы столько прибавляем, выдумываем, что в конце концов все разрастается, в то время как ядро было маленькое, как вишневая косточка; и что к концу рассказа мы все бываем уверены. Кроме вас, мадам, и я верю во все, что вы написали.

– Тем лучше, я очень довольна. Тыртов показал мне сады, огороды, угостил меня превосходным обедом и предложил мне персики и большую корзину яблок всех сортов. Я видела статую св. Андрея Первозванного, которого распяли крестом, вероятно у нас в России, потому что он из Фракии пришел в Россию, французы его зовут St. André de Thrace, что совсем неверно, потому что он родился у Тивериадского моря, следовательно в Каппадокии Кесарийской. Потом он повел меня в беседку над Волховым. Волхов – великолепная река, и тут покойный Александр сидел с своим угрюмым и мрачным другом,

за Волховом были засеянные поля и обработанные, как немецкие поля. Аракчеев был очень высок, худ, лицо некрасивое, но выразительное; оно выражало скорбь и уныние. В это время он печатал в Германии свои записки. Король Прусский их перехватил и, закупив все издание, сжег: один экземпляр у государя, другой у кого-то в Бельгии. Когда их напечатают, много интересного откроется.

– Госпожа Смирнова, я буду хвастать своими знаниями в посольстве, и они будут очень удивлены этими беспредельными знаниями.

– Да, удивите всю Европу великим постом.

– Перестаньте, Александра Осип<овна>, как и кто наобум вам гадает.

– Конечно, Вяземский. От Грузина, кажется, 25 верст до Чудова тоже по шоссе. В Чудове уже начинаются российские порядки, la maison de bon Dieu[291], как говорил Медем. Я сказала ямщикам, которые обсыпали мою коляску, кричали, говорили по-латыни, как говорит Мятлев, я им сказал: «Вы живете, как свиньи, а посмотрите, как живут в Грузине». Почесали затылки и сказали: «То графские, а мы государевы». – «Нетто государю приятно видеть вашу неурядицу?» Из Чудова Тосна, потом Колпино и Царское. Михаила, приехав, сказал мне: «Я чист, Александра Осиповна, а теперь дайте мне три денька погулять». Хорошо! Три дня он пил, а на четвертый пришел служить прекрасно. Вот вам и Тихвин.

– Ах, Киселев, знаете ли вы, что Леонидас де Бетюн дает у меня бал и взяла на себя известить гостей, думаю, что весь Баден ликует и ждет этого великого дня. Ну, посмотрим, давайте составим текст и приглашения. Лос Риос будет приглашен устно, как принадлежащий к интимному кругу. Голицын, этот злой маленький мальчик, Клеопатра, Анна Икскюль. Как же писать приглашения? Мадам Семянтковска просит г. такого-то сделать ей честь пожаловать к ней на вечер в 9 часов; будет, чем заполнить время до ужина. Постойте, это очень хорошо, Красноносому: Г. Герсдорфа просят прибыть вместе с его любовницей мадемуазель Шлиссеншлафен. Всем прочим,

[291] Божий дом.

маркизе де Лаге, г. Смирнову и К°. И Платонову, г. Меховому носу и т. д. и т. д. Вы, Киселев, возьмете на себя купить бумагу у Маркса. У «очень хорошенькой шляпки» есть только очень плохая синяя бумага. И вы напишете хорошим почерком, как будто в канцелярию царю.

– Непременно, я себе обещаю праздник на этом бале. Но когда же, через два дня! Я иду к Гауфу заказывать ужин или скорее прохладительные – лимонад и оранжад, конфеты, засахаренные сливы, бисквиты, шоколад, кофе с цикорием. А что касается принца, то принц Эмиль.

– Но вы забываете его брата со смирным адъютантом.

– Конечно, они будут мои гости; как княгиня Шенберг, которая, чтобы не потерять свой титул княгини, писала «княгиня Шенбург, урожденная и в замужестве Шонбург»; гравер ошибся и поставил на карточке «Mûrie Schoenburg». Она была некрасивая и старая, и ее звали Мюриэль де Шонбург.

– Это прелестно. Не забывайте Антонинов и великого Мадридского коррехидора.

– Конечно, нет. И всякому его чин и звание. Леонидас уже получила карточку из Давоса. Г. Дюваль, генеральный секретарь Центральной комиссии для проведения границы по Рейну между Францией и Германией. Он напоминает мне одну даму, которую я знала в Дрездене, фрау Балтузен.

Вернувшись от Гауфа, где сумма составила почти 100 фр., мы написали: Мадам Семянтковска просит мадам де Зеа Бермудес сделать ей и т. д. придти к ней на шоколад и передать это приглашение своему супругу графу Зеа Бермудес и испанскому посланнику, и г. барону Антонини, экспосланнику в Берлине и г. великому коррехидору, который посетит г-жу Смирнову со своей бриллиантовой булавкой, дополняющей его воинственную красоту, это жандармского вида. Г. Бакуру, экс-посланнику Франции в Америке, откуда он привез одобрение и расстроенный желудок, переваривающий только курицу и рис; вам будут предложены маленькие пирожки с рисом, качество которых Гауф гарантирует, этим все сказано. Его высочеству принцу Эмилю, которому Наполеон Великий, поручая ему кавалерию, изволил сказать: «храбрый король Вюртембергский». Принцу Георгу Гессен-Дармштадтскому – покорнейшая просьба привести своего адъютанта, умывающегося

оливковым маслом. Княгине Лобановой – надежда видеть ее с дочерьми, княжнами де Лаба.

– Ах, какие вы шалуны!

– Да это не я, это графиня Воронцова всегда их так зовет; говорят об этих дамах, что придут Сама и Сарасага.

– А хотите старого Кароли и старого человека из Гагенау?

– Нет, это будут последние на пиру Валтасара.

– Ну, Киселев, как вдруг на стене явится Мене, Фокил, Фарес, и я стану рожать.

– Так что ж, Эйландт будет принимать, а я держать колени, и стану поддерживать, и мы Смирнову сделаем пассаж без реприману, если родится мальчик и тотчас вскрикнет: «Папа и мама, дай...!»

– Какие глупости. Вас и в комнату не пустят, и так как великий Корехидор имеет это, он будет поддерживать колени и спину.

– Согласен, а я в дырочку буду смотреть, как вы сжимаете свой прекрасный ротик, этакий такой розовый бутончик и мучаетесь без крику и слез.

– Вы знаете Мюссе, по-моему это единственный французский поэт, и отчасти Мюрже (этот романс Мюссе был написан для императрицы Евгении). А кстати надо сказать, что Вяземский перевел стихи Мюссе, где речь как будто обо мне.

Это демон, это ангел,
Она желта, как апельсин,
Она жива, как птица.
Игрою смуглого румянца
Смотрите, как она нежна:
Она желтее померанца,
Живее ласточки она.

– Это прелестно, оба варианта равно хороши. Честное слово, вы часто и демон и ангел; но с этого времени вы будете моя ласточка, ведь в народе говорят же: моя ненаглядная ластовица.

– А теперь придумайте, как меня звать.

– Право, ничего не приберу, разве только моя желанная супруга.

– Это мне нравится, потому что это с благоговением и к супружескому сану; ведь супружество – сан, когда оно соблюдается во всей чистоте. Это святое.

– Это я сообщу своим парижским очам; она так прекрасна и величава, что я с ней беседую на славянском наречии.

Мы писали довольно близко друг к другу, его щека касалась моей, я вдыхала его чистое и нежное дыхание. Среди этого безумия мы покраснели от волнения. Чтобы прервать наше замешательство, я ему сказала: «Киселев, как вы чувствуете себя после барашка, которого нам подали с картофелем?»

– Мадам, вы безжалостны, почему вы постоянно обливаете меня ледяной водой? Я не в Грюнфенберге. Кажется, Вяземский написал вам больше стихов, чем другие?

– Да, он великий мастер английского флирта; флирт или кокетство очень хорошо превращается в любовь. Мы отсюда произвели глагол «флёртовать».

– И вы со мной флёртуете?

– Конечно, я только это и делаю.

– Я и за это благодарен донельзя.

– Вяземский находил мой голос очень волнующим и послал мне в Павловск стихи

И голос ее
Слаще Торкватовых октав,

больше ничего не знаю, а потом другие, такие:

Не для меня, так для кого же,
И платье красное при черной бахроме.

Вот история этого платья. Императрица подарила мне с барского плеча платье очень тонкое, цвета сомо, украшенное шелковыми лилиями. Так как всегда нужно было 36 тысяч туалетов, Мария Савельевна вечно придумывала что-нибудь новое; она отделала нежный цвет сомо ярко красным, а корсаж украсила черной бахромой. Она закончила свой труд за минуту до того, как мне нужно было спуститься, чтобы ожидать императрицу. Она не видела моего туалета, так как я была в шубе. Когда меня взяли ко двору, из-за траура мне сделали барашковую шубку, флёром подбитую. Увидев это, ее величество сказала мне: «Пойдите к Клюгель и скажите ей, чтобы вам и Эйлер сделали приличные шубы». Клюгель, которая очень любила меня и Александрину, смастерила нам светло-сиреневые шубки с красивыми воротниками из соболя еще светлее

и капюшонами, она велела подбить шубы флорентийской тафтой, потому что это лучше той, которую привозят мелочные торговцы из Гостиного двора. Таким образом, в экипаже это выглядело очень хорошо: императрица в шубе из черной лисы, крытой белым атласом, окаймленным соболем и фрейлины в светло-сиреневом. Вид был грациозный, когда мы катили по Невскому и вся конная официя становилась делать фронт. Она кланялась с разбором, а мы за ней сидели так, что наши поклонники нас не видели. – Когда я явилась в царской аванложе, сделался в публике востинквас.

– Что это такое растинквас?

– Подождите, глупыш, у вас терпения ни на грош.

И царь пришел в востиквас. Так как фрейлинский стул был ниже царских кресел, то государь приказал дать мне высокое кресло, но мои ножки болтались, и он приказал сделать табуретку. Прежде я лежала подбородком на подушку ложи, почти как будто сидела в ванне. Вяземский написал эти стихи, я их дала Катрин Мещерской, и они затерялись.

– Вяземский вряд ли был польщен таким пренебрежением.

– А мне что до этого; я пренебрегала столькими другими. Был некий Фомин, писавший каждый год кучу стихов к празднованию Нового года. Он приносил мне эти стихи, говоря: «Вам, сударыня, первой». Я ему давала 35 рублей. Он делал круг по городу, и на эти средства жил, несчастный бедняга. Нужда научит. Вяземский говорил мне: «Одного недостает, чтобы князь Шаликов вам написал дифирамбу». Этот бедный князь Шаликов (я не знаю, почему он носил этот титул) был так беден и ничтожен, что хаживал играть в дурачки с бутошником – не только для развлечения, но чтобы согреться. Я знала бутошника Синего моста, он мне стихов не пишет, но разговор его самый приятный, бутошники все знают. Когда моя собака Пичуринка убегала свататься с другими дворняжками, он ее отыскивал и посылал ее домой; он мне говорил: «Какая скверная потаскушка». В Ницце один человек хотел ее утопить, она была еще недельным щенком, у бедного маленького животного была уже веревка на шее и кирпич. Я ему сказала: «Отдайте мне эту собаку». – «Нет, – сказал он, – заплатите мне пять франков». Я ему их дала, и он привел мне собаку, всю грязную. Я вымыла ее в горячей воде и дала ей тепловатого

молока с кусочком белого хлеба. Она спала в маленькой корзинке под покрывалом, которое дети ей сделали, но она всегда мерзла и забиралась ко мне в кровать, тогда я ее пускала под одеяло.

– Пичуринка счастливее меня.

– Господин Киселев, если вы хотите говорить ужасные вещи, сохраните их для вашего грязного воображения.

– Прошу прощения, мадам. Я уже достаточно наказан этим обращением «господин», в первый раз вы меня так назвали. Прошу прощения и надеюсь, что никогда не заслужу этого противного слова «господин».

– То-то то, ты у меня Бога для, ты у меня дисциплина, субординация.

– Слушаюсь, ваше инославянство, так ли я захлебываюсь?

– Прекрасно, я чай и вы в актеры годитесь.

– О нет, поверьте, нет, перед парижскими глазами я никогда не играю комедии, но перед вами – да. Слышит ли это ласточка болтлива?

– Слышу, слышу, Соловей-разбойник. Собачку назвал мужик-злодей пиола, пиола, а по-русски ее произвели в Пичуринку. Она была девица легкого поведения, понесла с первой ночи, среди бела дня эта бесстыдница, и когда я подъезжала под Париж, разрешилась от бремени в моей комнате; все там справила сама. Я в первый раз видела, что собака мучается при родах, как и всякая тварь подверглась гневу Божию, когда Адам и Ева согрешили. Она не изволила кормить своих детей, и Кноль их всех утопил. Так как она не выжидала шестинедельного срока, опять зачала.

Я просила консьержку доверить ее святым монахам; консьержка увезла ее в отдаленную деревню близ Сен-Дени; вообразите, что она вернулась с куском веревки на шее. Тогда дети и весь дом решили, что эта достойная дама должна поехать украшать собою столицу царской империи. Она у дворника, ей теплее и приятнее, они вместе ночуют, вместе едят, и она похрапывает в его чулане у Синего моста и, вероятно, ходит к моему бутошнику. Вот вам история Пичуры, последний из ее роду был Конон, великолепный черный пудель, он взбесился и ушел невесть куда. Хорошие большие собаки всегда оставляют своих хозяев, когда чувствуют приближение бешенства.

– Какой ужас это бешенство и чем его объяснить?

– Делают большую ошибку, давая взбесившимся, не подумав, стакан: они боятся не воды, а всего, что жидкое. Бедный 12-летний мальчик, о котором я заботилась в Царском, будучи укушен бешеной собакой, пришел мне сказать: «Маменька, меня укусила бешеная собака». Я ему сказала: «Ну что ж, голубчик, поди к Ведринскому и скажи, чтобы тебе дали особую кровать; я тебе пошлю чаю и все, что ты хочешь». Я пригласила Ведринского, дала ему инструкции, и бедный ребенок умер очень покойно через 15 дней.

– Вы навестили его перед смертью?

– Слуга покорная, довольно навидалась я страданий с имп. Марией Федоровной, я не могу видеть болезни, печали, мои нервы этого не выносят.

– То есть ваша душа такая сердобольная и нежная; один я не заслуживаю вашего сочувствия.

– Вам хорошо известно, что если испытываешь к кому-либо чувство большее, чем простая дружба, такая, которая связывает меня с Бакуром или Голицыным, можно победить это отвращением, вышибить, как говорил мне отец Инглоса в Турине.

– Когда же вы были в Турине и в каком учреждении он был?

– Когда мы ездили в Италию во второй раз, исключительная прохлада на Мон-Сени вызвала у Софьи и Ольги воспаление во рту – потому что в Сузе нам пришлось завтракать на свежем воздухе; Суза находится уже на той стороне. Было очень жарко, жарче, чем в Турине. Прибегнув сперва к простым лекарствам, сахару и теплой воде, которыми пользуют белую кожу, мы вынуждены были пригласить лучшего в городе врача; нам сказали, что это синьор Баталья. Турин – город печальный, мрачный, регулярный, как Петербург, в картинной галерее нет ничего интересного; я не знала ни Тютчева, который был там, ни Богурского, ни Чичерина. Врач посоветовал мне посетить «Труды божественного Провидения» аббата Котоленга за городом. Я поехала туда и была тронута и восхищена.

– Вот уж можно сказать, что на рыбаке рыба; неправда ли, милейшая Александра Осиповна?

– Да, но позвольте мне рассказать вам, что это за аббат Котоленга. Была очень сильная холера, учреждали госпитали,

собирали провизию: однажды он нашел на улице холерного больного, страдавшего от страшных конвульсий при этой болезни. Он рассказывал мне, что через несколько дней одни умирали, другие излечивались; нужно было всех кормить; дверь его осаждали, ибо у него умирали меньше; он уговорил соседа предоставить ему несколько комнат, и когда холера кончилась, он решил посвятить себя страданиям людей и нашел в окрестностях Турина старый дом, который мог вместить пятьдесят человек. Потом купил другой дом, мало-помалу оказалось, что он содержит 500 человек и что с необходимыми расходами он был всегда в долгах. Но эти долги угодны Богу. Он длительное время был должен булочнику 20 000 франков; однажды, когда тот требовал их, доказывая, что ему нужно кормить многочисленную семью, Котоленга ответил ему как всегда: «“Труды божественного Провидения” позаботятся об этом». На следующий день булочник встретил его, приветливо на него посмотрел, говоря, что ему уплачено и что он может снова брать хлеб, а благодетель не хочет, чтобы его имя было известно. Вы представляете себе радость бедного аббата, я думаю, что он стал бы вприсядку плясать при всем честном народе. Тогда он сразу стал фордыбаком, поднял нос, и учреждение его содержало и поддерживало тысячу самых достойных лиц. Увечные, обесчещенные, эпилептики, дети, которых обучают. Есть очень скромная церковь среди этой группы домов без порядка и симметрии.

Сильвио Пеллерино, который был библиотекарем у маркизы де Бараль, сказал ей об этом, и она сейчас же дала миллион франков и в завещании оставила очень значительную сумму.

Я обзавелась в этом доме лекарством – настоящее сокровище, совершенно без запаха. Точно как Мариа Новелла во Флоренции, запах которой даже опьяняет. Если вы поедете в Италию, нужно вам увидеть все достопримечательности этой прекрасной страны.

– Когда я туда доберусь? Никогда, а мне бы хотелось «в чудную страну, где в темной листве цветут золотые апельсины», и видеть ее с вами и Гоголем, но не с Перовским.

– А почему не с милым Василием Алексеевичем?

– А потому, что у вас верно воротилось, то пятак, то гривенка.

– Ничуть, Перовский отдал свое чистое сердце графине Шуваловой и был в такой же связи с ней, как с Воейковой. Я Феклушку не люблю, но она не кутит и никогда не кутила – ни при Зубове, ни при Шувалове. Мне сдается, Николай Дмитриевич, что вы будете когда-нибудь послом в Риме.

– Вашими устами мед пить. Но не будет, не будет.

– Батюшка, мало ли что в свете бывает. При Екатерине был сенатор Жуков, глупейший человек, родня Рибопьеру. Андреевские ленты давались очень редко, было всего 12 кавалеров этого ордена; образовалась одна ваканция, кто-то отправился в Елисейские поля, и ему дали эту ленту. Он представился с своей драгоценной регалией. Его спросили: «Ну что государыня вам сказала?». – «Очень милостиво отнеслась и сказала: "Вот, Василий Иванович, только живи, до всего доживешь"».

Дверь открылась и вошел Бакур, говоря: «Друг мой Киселев, вы здесь просто прикреплены».

– Ничуть; мадам просила меня принести башмак, который она потеряла, все эти домашние туфли широки.

– Я вам не верю, вольно вам лгать и краснеть.

Мне Бакур сказал: «Мадам, я пришел поблагодарить вас за ваше любезное приглашение на бал, приведший весь Баден в движение; я не переношу жару бального зала, кроме того, у меня есть причина избегать мадемуазель де Бетюн, а на этом бале она способна заставить меня дрыгать ногами. Это невозможная девица».

– Господин де Бакур, я пошлю вам рисовые пирожки от Гауфа.

Мы говорили о Греции, как раз в его время Мериме и Ампер посетили эту классическую страну, которую Ампер так хорошо описал, потом о Бадене, где старый грешник Талейран проводил лето с прекрасной герцогиней Талейран, своей племянницей и любовницей; «совсем как наш Потемкин», – сказала я ему. – Ах, – сказал он мне, – это всего лишь мелкий грех. У нее тоже мелкие грехи.

Пискатори (?), заменивший вас в Греции, почему-то утверждал, что Греция – страна изгнания. Я знала еще кое-кого, изгнанного в Грецию, и обольстительную герцогиню, которая приедет в Баден повидать изгнанника. Как это мило, – те письма, которые посылает ваша соседка Жорж Санд.

– Не говорите мне об этом создании, которое оклеветало герцогиню.

– Клевета – это мило. Герцогиня не приедет этим летом в Баден, ибо она не покидает более своего дядю. Ему, боюсь, недолго жить. Он доверил мне переписку графа де ла Манш с венским двором, и я изучал ее весь день.

– Кстати, как ваш желудок?

– Я не переношу настойки Гугорта, он дает мне другое. Но мне нужно идти кататься с княгиней Ливен и кроме того я не хочу расстраивать моего маленького друга Киселева. Все любят этого славного Кисса, как вы его называете. Это любимец посольства, а когда он приходит в клуб, он забавляет все собрание. Берегитесь его, кто знает, может быть, однажды Кисс в ваших прелестных губках превратится в Кюсс.

– О, если бы я мог когда-нибудь этого счастья достичь!

– Киселев, вы начинаете становиться любезным, прежде всего вы – князь Чинхайгилидзев, а вовсе не прекрасный принц, а я, хотя и много сплю, не спящая красавица.

– Спасаюсь, спасаюсь, – сказал Бакур и исчез.

Когда мы остались одни, он настойчиво просил меня всегда называть его Николаем.

– Да, но вы никогда не осмелитесь называть меня Александриной. Позволяется время от времени Шашька.

– Поскольку вы говорили об искусстве, скажите мне, писали ли ваш хороший портрет?

– Да, думаю, что портрет, сделанный в Берлине, известным Реми, был удачен.

– Он у вас здесь?

– Да, конечно. Он без рамы, нужно порыться в сундуке; мой муж сам тщательно упаковал его с Лизой, нужны предосторожности; пойдем, она откроет ящик и вы развернете.

Он выкладывал вещи. «Николай, вы уроните все на землю!» Он вздрогнул, и всегда вздрагивал, как будто его тронули электрическим жезлом. Он сказал мне: «Но здесь есть сокровища, яйца, большие и совсем маленькие, с бутонами роз и чебрецом, и потом чудовищное стеклянное яйцо с розовыми и зелеными лучами».

– Это наши яйца, которые императрица посылала каждой; мы называли их чухонки, потому что они теряют юбки, как эти яйца, а мы делали девиц с яйцами.

– Как девиц с яйцами?

– Да, разбивали яйцо об стену железным крючком, закругляли кусочки и писали на них номера. Я была № 20. Часто в классе говорили: «20-й номер, вас зовут!» Стефани была № 140. Мочили кончик пальца и прикасались к впадине, если № падал с правильной стороны, ну, как играют в орел или решето, это значило, что № знал урок; для девиц имели бумажные боны и ставили девиц в угол.

– А их тоже наказывали «без передника»?

– Нет, это невозможно, но им говорили: «Вы плохая, я записываю вас в журнал». У Стефани были фарфоровые девицы и она мне говорила: «Я тебе, уж так и быть, подарю половину своих девиц».

– А это что? Подсвечник?

– Это имп<ератрица> мне подарила, это сделано на заводе у Лейхтенбергского; я терпеть не могу, когда подсвечник гуляет по столу, и она тоже; я ей сказала:

– Подождите, Шасенька, Николай нашел еще сокровища: ящик, полный тонкого фарфора. Это для малюток, не так ли?

– Конечно, мы принесем им эти сокровища, и перед ними побледнеют все игрушки от «очень хорошенькой шляпки».

– Альбом, где рамка с портретом имп. Александра, и потом другой с воспоминаниями вашей матери, крест Марьи Сав<ельевны>. Большой альбом, весь полный вашими тонкими украшениями, бисерные строчки, настоящий самовар, и еще портрет, рамка очень плохая. Этот портрет восхитителен, нужно повесить его в гостиной и сказать Смирнову, что вы распаковали его, боясь сырости. Я его вымою.

– Нет, попозже.

Вошли Клеопатра с Аникой и обе сказали нам: «Очень мило, кажется, что здесь семейство, муж и жена, занимающиеся своим старым тряпьем».

– Аника, вы всегда говорите вздор.

– Г-жа Смирнова, а что это за красный бандаж вы держите?

– Мне посоветовал его носить доктор нидерландской королевы, когда у меня был понос. Эверард – один из самых знаменитых врачей гомеопатов.

Киселев сказал мне: «Дайте мне этот бандаж, ведь вы им не пользуетесь; у меня такой же расстроенный желудок, как у Бакура».

Клеопатра сказала ему: «Как, и у вас понос?»

– Княгиня, я не откровенничал с вами на непристойные темы, и чтобы отомстить вам, скажу в Берне, что вы подвержены поносам.

Они пошли на террасу, а мы понесли яйца и чашки детям. Радость была необыкновенная; быстро, быстро одевались, чтобы понести свои сокровища к княгине Ливен и «очень хорошенькой шляпке»; по дороге остановились, чтобы показать их старому Беверлею.

Вечерами я обыкновенно ходила благословлять детей; однажды мой друг сказал мне: «Позвольте мне присоединить мои молитвы к вашим и благословить этих милых ангелочков». Конечно, вечером я ему сказала: «Пойдем благословлять детей».

– Меня это переносит в то радостное время, когда у меня и моих нежных парижских черных глаз будут дети, мы пойдем их благословлять. Неправда ли, моя нежная Шасенька?

– Николай, молчите – не будет, не будет никогда.

– Как ты сладко обмолвилась, моя желанная ласточка! Боже, в ящике есть еще том Гоголя и ноты!

– Да, я знаю, мы все просмотрим вдвоем. Есть берлинский чайный сервиз и китайский костюм, я, пожалуй, в него наряжусь.

– Да, ради Бога, и ленты с поясом!

Мы себе устраивали праздники, и никогда в жизни потом не было подобных праздников для сердец наших; Гоголь выражал это словами «именины сердца».

– И письма Гоголя есть!

– Знаю, все, все есть, и ящик с моими бриллиантами... это я держу только потому, что в них серебро, украденное у бедных. Есть очень хорошее Слово Евсевия Кесарийского перед императором Константином о ничтожестве злата и драгоценных камней; вам нужно прочесть труды св. Юстина из Цезареи,

Лактанция, который был учителем Константина Хлора, хорошенький попугай св. Евсевий говорил всегда только Отче наш.

– Как и я – до минуты, когда вы меня научили более глубоким и более торжественным образом. В старости, если бог даст мне долгую жизнь, чтобы любить и молиться, я забуду все, но никогда не забуду ваших уроков молитв.

– Слова «если Бог даст» напоминают мне имп<ератрицу>-мать, она по всякому поводу говорила: «Если Бог даст». Когда мы ездили по благотворительным делам, она, садясь в карету, говорила: «с Богом», комнатный паж говорил «с Богом», Фаддей Волков говорил кучеру «с Богом» и кучер форейтору, и так все ехали с царем небесным. Это странно, дорогой Николай, что у нас всегда все, даже все чувства связаны с Богом.

– Да, моя возлюбленная г-жа Смирнова, на земле есть только одно счастье – любить свою жену, своих друзей с Богом и с милостью Божией, со всем его милосердием – ибо его божественный сын знал все наши слабости и наши страдания.

– Мой милый друг, вы должны прочесть слово Филарета в св. пятницу в Успенском соборе при плащанице. Он начал так: «Слушатели, слова Богова уже нет, оно молчит»; и потом его слово о молчании: это вся история св. Девы и ее возвышенного молчания в минуту Благовещения.

– Какие превосходные вещи мы прочтем в Париже!

– Почему не здесь?

– Потому что в Париже, в этом вихре, в котором я участвую возможно мало, нужно всегда употреблять противоядие.

– Есть прекрасные вещи у Фенелона и Боссюэта; Массильон слишком медоточив, как и св. Франциск Сальский, этот уже просто из розовых конфект, Бурдалу – положительно крупнейший французский оратор, и Бодэн.

– Вы услышите в Париже Равиньякн, это иезуит.

– Ну, это скверно пахнет, впрочем я в Риме слышала аббата Лапласа в церкви иезуитов, он прекрасно делал различие между благотворительностью и филантропией и хорошо говорил об исповеди, так что мадемуазель Овербек мне призналась, что она жалеет о недостатке исповеди.

Да когда же это было? Два года спустя я взяла ее в дом, Оле было только 5-ть лет; мне ее рекомендовала мадам Болоньель, она осталась у нас 10-ть лет, а Надю не хотела воспитать.

– Но вы мне сказали с удовольствием, что хотите закрыть лавочку.

– Что ж вы хотите, я ведь живу под началом.

– Пойдем посмотрим, как дети купаются. А, да там идет веселие в Ойдове.

– Что такое веселие в Ойдове?

– Это прелестная мазурка, до безумия веселая, ее танцуют на пикниках. Не знаю, почему ее назвали «Веселие в Ойдове».

У детей, слова Киселева о печати смерти на личике Адины

– Теперь пойдем спать: в свою постель, вы в свою; это напоминает мне, что сказал Наполеон королю Саксонскому, когда он спасся из Вильны. Песня говорит так:

Au grand Duché de Pologne
Je limite mon appui léger.
Sile Russe vous le regne
C'est un malheur passagèr.
Adieu, je vous ai tout dit,
Je me remets dans ma voiture
Remettez vous dans votre lit[292].

Я устала, не буду читать вечерние молитвы, а только скажу: «Господи, прости мне мои грехи малые и великие. Спаси и сохрани всех служащих и милующих нас». Милующих я адресую моим двум Николаям, сами вообразите, какой из них драгоценнее для меня.

– О, я не узнаю этого даже за целое царство.

– Я молюсь только за Александрину, которая в Париже. Прощай, прощай, дорогой.

– Прощай, прощай, дорогая.

На завтра был канун бала. Утром в свой обычный час он пришел и просил меня продолжать журнал. Комната была полна людей.

---

[292] Я лишь слегка поддерживаю / Великое герцогство Польское. / Если русский царствует тут над вами, / Это несчастье преходяще. / Прощайте, я все вам сказал. / Я вновь сажусь в свой экипаж, / А вы возвратитесь в свою постель.

Продолжение рассказа о пребывании у Недоброво. Баратынский и Аврора Шернваль. Женитьба его на Энгельгардт

Баратынский женился на Энгельгардт, сестре Софьи Львовны Путята. Его жена некрасива, грязна, скучна и ревнива; он начал пить, что вызывало ужасные сцены. Пушкин высоко ценил его как поэта, то есть что у него была большая душа.

А теперь я буду читать.

– Нет, время идти в ванну, я после приготовлю ванну без бадемейстера и буду служить на задних лапках моей Богине Иосифовне, которая наверное есть чадо Иосифа Прекрасного. К несчастью, вы не жена жреца, и я никогда не оставлю у вас свой плащ. Я покажу кулак Великому корехидору, и вы сможете совершенно безопасно ходить; я буду бродить вокруг дома и предложу вам руку, когда вы захотите вернуться, не так ли?

– Да, да, я пойду с визитом к Муханчику.

– Вы посещаете Голицына, возможно и Платонова, а меня никогда.

– Я нанесу вам визит, прощальный визит перед вашим отъездом; что же касается Платонова, то я не собираюсь взбираться на лестницу, чтобы увидеть его гнусную харю. У него не рожа, потому что он недурен лицом, а у него именно харя.

– Да какая же разница между харей и рожей?

– Я сама не знаю, но мне кажется, что у него собственный запах, как у Петрушки, лакея Чичикова, или у Селифана, его кучера.

– Бедный Платонов!

– А вы еще жалеете его, как он мне надоедает, он ведь перебивает у вас лавочку.

Он отправился, по обычаю у моста махнул нам рукой, потому что дети были у меня или в своей комнате и махали ему игрушками и кричали: «Будь здоров, желаю тебе вернуться». После ванны и прогулки он попросил чаю, вот и подали чай, уже с самоваром; он был в восторге и говорил: «Вот мы в России, и моя желанная супружница, выпарившись в бане, готовит мне чай». Нашему чтению беспрестанно мешали. То один, то другой приходил, Клеопатра, Аника, княгиня Дивен, графиня

Нессельрод, Муханов, Скалой Петр Александрыч, Василий; от Платонова я избавилась! Он раз мне сказал:

– Киселев влюблен в вас, мадам, вы его поощряете.

– Господин Платонов, – ответила я ему, – мне неизвестно, влюблен ли в меня Киселев, но у него, по крайней мере, хватает деликатности не учить меня. И отныне прошу вас воздержаться от ваших визитов, вы мне скучны.

– Я возьму реванш после отъезда этого дурачка.

– Никогда вы его не возьмете, и после его отъезда я так же укажу вам на дверь, как и сегодня... Прощайте, мсье, вы можете, тем не менее, придти на бал.

– А теперь в путь-дорожку, – сказал мне Киселев. – Благодарю за урок Платонову, и мы опять в Васильевке.

Продолжение рассказа о пребывании у Недоброво. Отъезд в Усмань. Государев смотр. Поездка в Грамаклею на 6 месяцев.

Приехали двое Раевских с французом-гувернером и ужинали с нами. Француз не перекрестился перед ужином. Это уж не понравилось Бабушке: «Який скверный, и Богу не молится». «Спроси его, Верка, якой он веры». – «Маменька, он говорит, что он католик». – «Католик – одно что жидовин, немецкий как Майдановский из Белой Церкви». Подали манную кашу. Горшок не был обернут салфеткой. Гувернер сказал что-то.

– Що вин говорит?

Вера Ив<ановна> сказала: что горшок надо бы обвернуть салфеткой. Француз уже занес ложку в рот, как она велела Роману отнять кашу, отослала его на станцию, а Раевских оставила. Это были знаменитые герои войны 1812 года, а она им сказала: «А вы скажите своей маме, чтоб скверного хранцуза не держать у дома». Бабушка шторы называла шпиранты. Несмотря на это, ее знал Александр Пав<лович> и Николай Пав<лович>, и все ее уважали, у нее всегда обедали и по два часа заслушивались ее.

– А теперь, Николай, пойдем маршировать.

– Знаете ли, мой драгоценный друг, что вы очень сильно опираетесь на мою руку, а ваша походка день ото дня становится тяжелее; какое счастье, если вам удастся родить во время моего пребывания здесь, и это будет при мне. О, друг мой, дайте на вас поглядеть.

– Да, мой ангельский друг, близкий, очень близкий.

– Ближе, чем Гоголь и Самарин?

– Конечно; какие глупости вы говорите!

Мы встретили Лос Риоса, сказавшего мне: «Г-жа Семянтковска, вы разродитесь на рулетке и Киселев примет дитя».

– Лос Риос, в сущности, я не знаю, кто вы. Вы испанец, и habla Spagnol, но вы не хвастун.

– Киселев вам скажет, кто я.

Я спросила у него, кто такой Лос Риос.

– Лос Риос – человек очень замечательный, он – близкий друг Донозо Коржеца, занимательные труды которого я вам дам – книгу о Цезарях и много религиозных и философских трудов. Он сменил его на посту испанского посланника, он не поладил с Годоем, князем и в конце года покинул посольство. Новиа, которого вы увидите в Париже, оригинал, как и он; это самый уродливый и грязный человек на свете, а небрежность его туалета иногда просто обманывает. Новию сменил герцог де Фриас, сын которого Санладо (?) – любовник г-жи де Сен-При. Вы сможете поговорить с Лос Риосом на религиозные темы и всегда с удовольствием; но не касайтесь папы.

Мы сели на скамейку у входа в аллею и смотрели на идущее мимо нас пестрое общество.

– Ах, вот и Гоголь, – сказала я ему. – Николай Вас<ильевич>, сядьте с нами.

– Не могу, хожу, чтобы сходить.

– Мне кажется, что в нем ничего нет замечательного. И что это значит «хожу, чтобы сходить»?

– Это шутка Вяземского, принимавшего в Царском Киссингенские воды. Он считал Эмилию очень хорошенькой и бродил под моими окнами. «Князь, что вы таскаетесь под моими окнами?» – «Потому, что я воды пью», и тогда он послал мне такие два стиха:

Сейчас видно, что Поэт
И друг природы
Нет, я воды пью,
Так и хожу, чтобы сходить.

– Как вам не стыдно сквернословить?

– Но это вовсе не сквернословить.

– Ну, по меньшей мере, грязнословить. Маленькая богиня даже не догадывается, что нуждается в этом <дальше фраза нрзб>.

– Замолчите, пожалуйста.

– Вы хотите быть моей повивальной бабкой, так у вас будут полны руки этим.

– Это будет слиток золота.

– Я думаю, это тоже слиток золота, ибо это тоже роды; два запора открываются сразу, совсем как у мышки, повивальной бабкой которой я была в институте.

Мы там разговаривали с золотарями, они в лодке ездили по нашему резервуару; мы нарочно им делали на голову маленькую нужду; они кричали нам: «Барышни, и без вашего обливания скверно».

– Но какие дурные шалуньи вы были, и вы тоже.

– Крупеничка особенно; запах мешал мне забавляться с этими камергерами от горшка. Я разговаривала с Нужничкой; эта женщина слыла ведьмой, у нее был нож, она все скоблила. Нужник был местом отрады, там делились секретами, там пели

Ай да люди кандалы,
Давай, баба, киселя.

Однажды вечером, оживленнее, чем когда-либо, мы пели так громко, что инспектриса, прогуливавшаяся по задней аллее, пришла и поставила нас в рубашках на колени: «Вот вам кисель!». Из всего младшего дортуара молились только трое Хилковых – Вера, Дуза и Люба... Дуза была как будто глупенькая, Люба очень старательная, а Вера очень способная, но ленивая и ничему не училась. На фортепианах их учил M-r Равелен, их посещал Жакинька, их дядя.

Вошла Клеопатра, я ей сказала: «Подите вон! Вы говорите, что Киселев – мой любовник, грязная валашка, я ему читаю о наших шутках в институте».

– Знаете ли вы, Киска, что Жуковский очень любит шутить, он в ужасе от сальностей, и я тоже, вот Пушкин – любитель непристойностей.

– К несчастью, я это знаю и никогда не мог объяснить себе эту антитезу непристойного и возвышенного, так же, как я не понимаю, как вы и Жуковский можете говорить о грязных вещах. И вы еще смеетесь?

– Еще бы, когда я вспоминаю историю Жан-Поля Рихтера, которую он рассказывал, говоря: «Ведь это историческое происшествие». А вот эта история. Великий герцог Кобург-Готский пригласил Жан-Поля провести у него несколько дней. Он написал ему собственноручно очень милостивое письмо. После очень обильного обеда, не найдя никакой посуды и тщательно проискав во всех коридорах угол, где он мог бы облегчиться от тяжести, он вынул письмо великого герцога, воспользовался им, выбросил его за окно и преспокойно заснул. На другой день великий герцог пригласил его к утреннему завтраку на террасу, где он должен был восхищаться цветниками и статуями: «Самая красивая – Венера, которую я приобрел в Риме», и дальше – «Вы будете в восторге». Но, о ужас! Подходят к Венере – у нее на голове письмо великого герцога, и желтые ручьи текут по лицу богини. Герцог гневается на своих слуг, но надпись: «Г-ну Жан-Полю Рихтеру» его успокаивает. Вы представляете себе смущение бедного Жан-Поля! Читали ли вы его скучные рапсодии?

– Я пробовал, но никогда не мог понять его «Изола Белла».

– Жуковский сказал мне, что дом Рихтера полон канареек, может быть, ему канарейки диктовали?

– А вам, канареечка, кто диктует?

– Вы не знаете, это первый секретарь русского посольства в Париже, а зовут его Николай Дмитрии Киселев.

– Ага, я его мало знаю, а особенно удивляюсь, что он вам диктует. Происшествие с Жан-Полем имеет свои достоинства, потому что доказывает, какие комфорты в этой хваленой Германии.

– Плетнев всегда ему говорил: «Знаем, знаем, вы мне рассказывали тысячу раз эту гадость». Госпожа Карамзина заставила его выйти из-за стола за этот анекдот. Так как он родился под Новый год, то раз на Новый год был обед в его честь. Аркадий, разумеется, присутствовал на этом обеде, Полетика, Вяземский и г. Кушников со своими сестрами, кузиночками, как звали сестер Кушникова. Жуковского просто-напросто выслали в гостиную и посылали туда кушанье, но пирожного и шампанского не дали. Этот большой младенец серьезно рассердился, прочитав наставление г-же Карамзиной, он уехал. Полетика тоже упрекал г-жу Карамзину. Обеды в этом

гостеприимном доме были очень просты. Когда сыновья выросли, Андрей раз сказал, что красное вино плохое, его мать ему ответила: «Им довольствовался ваш отец, который у государя пил лучшие вина; он отказывал себе во всем для того, чтобы я имела на что купить полотна и сшить вам рубашки». Она поступила так же, как моя бабушка, и не дала Карамзину пудинга, который он очень любил. И кто знает, не упрекает ли она себя за причиненное ему этим огорчение? Ножики и вилки были железные, но Андрей Николаевич как-то разбогател, выиграл в карты и принес этот суприз в Катеринин день. Софья Ник<олаевна> – от первой жены Карамзина, Протасовой, вот откуда связь Жуковского с ними. У них Лука, еще протасовский крепостной, очень смешной. Он мне говорил, что после смерти жены Карамзин был так беден, что летом нанимал маленький домик в Марьиной роще. «Мы, говорит, Сонюшку посадим на коврик, покормим ее кашкой; она у нас прыгает, такая веселенькая». Он писал, чтобы жить, «Марфу Посадницу» да «Лизу – рассадницу», «Бедная Лиза» – если помните, «Остров Боргольм»? Теперь над этим смеются, но я нахожу, что «Письма путешественника» полны наивной и трогательной прелести, не правда ли?

– Я совершенно согласен с вами. Языков и я читали их в Дерпте, так как с ним была целая русская библиотека. Хорошее это было время. Я, кажется, первым читал прекрасные стихотворения Языкова. У него была в душе душа, как то выразился Гоголь; и у вас душа в душе, оттого вы моя душенька.

– Киселев, и у вас душа в душе, вот почему я вас так люблю, даже более Гоголя и других, я вас иначе люблю.

– За это можно «падам до ног», можно, милая Иосифовна?

– Вы знаете, что до своей женитьбы, лет 28, может быть, Карамзин был безумно влюблен в красивую вдову Обрезкову и писал ей страстные стихи, когда она вышла замуж за князя Степана Хилкова. Я видела ее уже пожилой. Высокая, полная, величественная, как королева, она прохаживалась по аллеям Царского; я помню лишь несколько строк:

Еще твой жаркий, страстный поцелуй
Горел на моих устах,
Когда другому уже...

– Бедный Карамзин, я бы сошел с ума, если бы мои чудные парижские глаза могли сыграть со мной такую штуку. Скажите мне, писали ли вы когда-нибудь стихи?

– Никогда, разве только такие, как имп. Екатерина:

Il fait le plus beau temps du monde
Pour se promener sur la terre et sur l'onde[293].

– Это, конечно, по-моему, лучшие стихи в мире.

– Еще бы, это примиряет меня с Екатериной. Потом она велела написать на могиле своей собаки:

Ci-git madame Anderson
Qui appartenait au docteur Rogerson[294].

Это смешно, но есть что-то величавое в простой надписи над главными воротами Софьина: «Орловым от беды избавлена Москва» и еще: «Петру первому Екатерина вторая». В этой простоте есть нечто возвышенное. Это она украсила Царское чудной колоннадой Камерона, этим совершенно античным мостом; ей мы обязаны духовой музыкой, множеством картин голландской школы; кажется, то ли Мальмсбери, то ли лорд Сент-Эленс уговорил ее купить галерею Гораса Уолполя. Она послала путешествовать Бортнянского и Березовского, гравера Берсенева. Не будь она императрицей, она наверное была бы автором романов, более значительных, чем романы Каролины Пихлер, Августа Лафонтена и Коцебу. Знаете ли вы всю эту бурду на розовой воде, истинную немецкую кухню?

– Нет, я избежал всего этого, как и Knoupe-Bibliothek, которая вам нравилась в Васильевке; я знал только Шиллера, Гете, Грильпарцера и, благодаря вам, узнаю Генриха Гейне. Не знаю, что выше: наша ли поэзия или немецкая или английская?

– Наша также высока, но не так богата, и трагиков у нас совсем нет.

– Это правда, я думаю, что в целом мире нет подобного Шекспиру и Гете в «Фаусте» и в других его трагедиях. Не надобно забыть Лессинга.

[293] Погода лучшая на свете / Для прогулок по земле и по воде.
[294] Здесь покоится мадам Андерсон, / Принадлежавшая доктору Роджерсону.

– Конечно, хотя я только видела, как Каратыгин коверкается, когда Эмилия Галотти выпила яд. Но я видела раз в Висбадене, как давали «Эгмонта». Знаменитая Зеебах играла роль Клерхен. Из Швальбаха мы поехали в Висбаден через великолепный ольховый лес. Вблизи от Швальбаха есть живописное местечко Адольфсек. Я встретила там школьного учителя, худого и изнеможенного, который рассказал мне свою печальную историю. Управляющий богатого герцога Нассауского давал ему 300 фр. в год на квартиру, одежду и стол. Скотина-герцог, кроме великолепных погребов, полных огромными бочками, такими же огромными, как знаменитая «Гейдельбергская винная бочка», получал миллион от продажи сельтерской воды. Учитель же пил дурной кофе, за обедом – брандахлыст и кусок их отвратительной колбасы, а перед сном стакан молока. Он целый день курил свой клостер, так как курение заглушает аппетит, что правда. Я ему подарила большой ящик табака, и так как к обеду нас было пятеро – с нами была г-жа Во – мы ее называли Каролиной Пихлер за ее сентиментальность – бедный школьный учитель сказал мне: «Я не могу понять, как можно жить без искусства; в Висбадене дают “Эгмонта”, если бы я мог достать билет, то пошел бы туда пешком. Лес красив, а еще прекраснее предстоящее удовольствие». Я ему ответила: «У меня ложа и вы поедете со мной. В пять часов мы встретимся у еврейского кладбища». Мы подождали четверть часа, бедный учитель не появился, и мы покатили к Висбадену.

Хорошим днем для бедного учителя было воскресенье, когда крестьяне хорошо едят, его приглашали вместе с пастухом, который бесплатно пас стадо овец. Вот тебе и сивилизация, и гуманность!

– Как мне нравится, что ваше сердце всегда умеет найти того, кого надо утешить.

– Это вовсе не моя заслуга, ведь Бог меня щедро одарил, я таровата, как Дмитрий Евсеевич, который посадил свое семейство на пищу св. Антония. Я не стану разоряться из принципа, а у нас в семье было: что мое, то твое, а что твое, то не мое.

– И это прекрасно, и прекрасно сказано; но как вам понравился «Эгмонт»?

– Ужасно, ужасть. Зеебах была особенно хороша, когда пела «Радость и горе в живом упоенье» с таким детским чувством и искренностью, что вся публика вздрогнула, когда она говорила: «Иди, Бранкенберг, домой! Знаешь ли ты мою родину?», балконы потряслись под тяжестью зрителей этих побасенок, как говорил Гоголь. Потом она выходит, когда она уже приняла яд. Звуки Бетговенской музыки отпевали предсмертные часы Эгмонта, на сцене Эгмонт восклицает: «Прекрасная, радостная привычка бытия, и с тобой я должен расстаться!». Потом, вы помните, Сильвия, т. е. Зеебах выходит Гением свободы (это по желанию самого Гете) и мы, среди оглушительного рукоплескания, сели в свою коляску. Ночь была лунная, дивная, в лесу ни шороха; кучер полусонный наш рассказал, что серны вывелись во время революции 30 г. «Глупцы, что им было нужно? Надо жить и давать жить другим», и рассказал, что тут творилось. – Однако, Киселев, Эгмонт, луна, школьный учитель – все это не причина для того, чтобы вы так близко ко мне подходили и обнимали меня.

– Тысячу раз прошу прощения, мадам, это чтение меня глубоко растрогало. Мойер со своей женой очень хорошо читал «Эгмонта» и обнимал свою Катеньку. Я вне себя от восхищения и забылся, тысячу раз простите.

А кстати, знаете ли вы стихи, кажется Шиллера, «О Сильвии», я их вспомню и прочту вам. Вы – портрет Сильвии, которую он описывает.

– А пока хотите ли, чтобы я продолжала чтение?

– Нет, так как я иду брать ванну, а затем приготовлю вашу.

– Я кончила свои семь ванн. Гейденрайх приехала, и Агриппина Мансурова сказала, что будет за мной ухаживать.

– Какое счастье, их заботы – драгоценная гарантия для меня.

Агриппина пришла вечером, и мы говорили о Берлине, принце Карле, герцоге Павле Мекленбургском, Антонини.

– Антонини здесь, у него ногти уже не желтые, так как он окончил лечение грязями в Франценсбаде. Потом говорили о Пурталесах.

– Они в Швейцарии – Альберт и Гильом. Рибопьеры наконец согласились на свадьбу Аглаи с Зенденом; они бедны, говорят, но счастливы, как мы с Александром.

– Богатство не приносит счастья, дорогая Агриппина.

– Моя бедная Александрина, я знаю, что вы несчастливы.

Она смотрела на Киселева, которого я ей представила. Она сказала мне, что Розочка Озерова поехала в Россию, чтобы познакомиться со своим свекром. Петр Ив<анович> покинул двор великого князя Михаила из-за дерзостей великой княгини. Имп<ератор> назначил им Дмитрия Васильевича Васильчикова, которого вы знаете, и г-жу Апраксину в качестве статс-дамы. Гордость этой старушки, такой почтенной, укротила великую княгиню, а особенно слова имп<ератора>, сказавшего своей невестке: «Ну, уж если Дмитрий Васильевич не понравится, набирайте себе сами, кого хотите. Мне надоели ваши вечные капризы и домашние дрязги, виноваты вы, а не брат Михаил».

Уходя, Агриппина сказала Киселеву: «Я очень рада, что приехала. Будьте покойны, я буду за ней хорошо ухаживать, ее муж не умеет ухаживать, он слишком беспокойный». А потом, наедине, она мне сказала: «Моя дорогая, он больше влюблен в вас, чем Каниц и Гильом Пурталес».

На другой день, ранее обыкновенного, он постучал у дверей моей спальни.

– Что вам нужно, Киселев?

– Выйдите, Бога ради, мне нужно сказать вам нечто очень важное.

– Сейчас, я кончаю свой туалет. И вышла с распущенными волосами.

– Боже мой, что за волосы! Но я пришел сказать вам, что вы ужасно неосторожны. Я, как всегда, остановился на мосту, и видел, как вы умывались, занавеска не была спущена; со своей стороны, я не жалуюсь, ибо я видел самое прекрасное на свете – девственную грудь.

– Прошу вас без подробностей, Киселев.

– Но уверены ли вы, что никто другой не проходил? Вы знаете, что могли бы сказать, будто вы сделали это с умыслом, чтобы меня завлечь. Ведь утверждают, что я в вас влюблен. Умоляю, вас, будьте осторожнее. Но где ваш муж?

– Не знаю, я не видела его сегодня утром. Я не думаю, что кто-нибудь прошел нынче утром, разве что старый Беверлей. Наверное Лиза была невнимательна. Отныне я сама буду спускать шторы. Спасибо и до свидания.

Я сгорела от стыда, стоя на пороге в белом пеньюаре. Лизе досталось, но так как вообще целомудрие не есть отличительная черта нашего народа, то Лиза спокойно отвечала: «экая беда!» – «Ты мерзавка, ты жалуешься, что тебя Орест бьет, а я нахожу, что он тебя не довольно бил: ведь я знаю, что ты с Сашкой делаешь гадости, пошла вон и позови сюда M-me Мисси». – «Ваша Миська будто лучше меня, она всякое утро бегает невесть куда». – «Врешь, дура, Миська не такая свинья, как ты, она ходит купаться с моим позволением. Пошла, и принеси ящик с бриллиантами, и все, что я выбрала из сундука».

Когда Киселев пришел, он мне сказал: «Вот вам Сильвия, я все припомнил и продиктую вам ее».

К Сильвии

Кто Сильвия? И чем она
Всех пастушков пленила?
Умна, прекрасна и нежна,
Велением богов дана
Ей чар любовных сила.

О слепоте своей скорбя,
Амур к ней приласкался:
«О как хочу узреть тебя!»
И вдруг прозрел он и, любя,
В ее глазах остался[295].

Я это вспомнил, когда видел сегодня утром самое восхитительное зрелище. Почему вы краснеете, ведь вы же знаете, что пред вами ваш самый верный друг. А ваш муж видит вас, когда вы совершаете ваш туалет?

– Если он случайно войдет, он выходит, это самый деликатный человек на свете; он иногда рассказывает вещи, которые не должен был бы рассказывать мне, вот и все.

– Я очень рад этому, и за него и за вас. Я всегда был о нем очень хорошего мнения, и если в канцелярии были товарищи, превосходившие его умом, то он истинно превосходил их по благородству чувств и верности; мы с ним уже сошлись, потому что были два москвича, и отцы наши были знакомы: его отец и мой играли в картишки вместе. Э, да тут я вижу сокровище. Но что вы скажете о «Сильвии»?

– Это прелестно, и музыка Шуберта, я постараюсь достать ее и буду пищать этот романс.

[295] Перевод В. Левика.

Рассказ Аники Икскюль о кораблекрушении. Рассказ Смирновой о том же

Вошла Агриппина Мансурова с Зиной, которая пошла к детям.

– Киселев, – сказала Клеопатра, – почему вы пожираете г-жу Смирнову с глазами, полными слез?

– Клеопатра, вы мне надоедаете глупыми шутками, подите к вашему Гектору, – сказал он.

– Этот негодяй уехал повидаться со своей кузиной, этой свинкой мадам д'Умольштейн. Она сентиментальная блондинка, а не крот, как вы и я.

– Госпожа Смирнова не крот, это вы безграничный крот, когда у вас нет ваших <нрзб>.

– А ваша Дельваль?

Киселев покраснел до корня волос и сказал: «Умоляю вас, княгиня!»

– Ага, испугался, дрянь!

– Кто такое Дельваль?

– Дрянная маленькая актриса – настоящая интриганка. Благодаря ему, потому что у нее двое детей.

Киселев все время повторял: «Помилосердствуйте, Клеопатра!»

– Но я же вам говорила, что у вас есть любовница, а вы не хотели признаться.

Тут уж он молчал и сказал: «Так возмутительно слышать, как вы говорите об этих неприличных вещах; сделаем лучше инвентарь ящика».

Вошла Агриппина, говоря, что между 70-ми и 14-м по Унтерденлинден необыкновенная радость.

Мы начали считать украшения. Белые бриллианты, великолепные серьги и ривьера звездой. Мы примерили ее на моих черных волосах.

– Очень красиво, – сказал Киселев, – а также серьги, вы никогда их не носите, я думал, что у вас уши не проткнуты.

– Наоборот, мне их проткнули в детстве; сначала каждое утро их протыкают иглой, очень тонкой, и более грубой ниткой. Маменька слегка слюнявила ухо и затем дергала ниткой в ту и другую сторону. Когда нитка сгнила, герцог Ришелье

подарил мне тоненькие золотые серьги: маленький змей, кусающий свой хвост, а потом уж их сменили сережки с сапфирчиком. Я сама себе казалась королевой, и мне надевали этот сапфирчик только по воскресеньям. Новые башмаки и серьги – это счастье для детей.

– Вот они, наконец, – сказал Киселев, – они лежали особенно и написано: «Драгоценная память мамы и герцога». Госпожа Мансурова, не правда ли, эта память сердца трогательна?

– Но, дорогой г. Киселев, когда сердце на месте, как же не быть памяти сердца?

– Агриппина, когда приезжает ваш муж?

– Он не едет сюда, он на маневрах в Калише.

Затем мы опять заговорили о Берлине, о г. Ностице, о свадьбе старика Ансийон с г-жой Веркиньоль, происходившей у графини Реде, о Генри Редерне, Радзивиллах, князьях, д'Ориола, Джорджине Берг, вышедшей замуж за Уилкинса, о Брюках и мадам де Ларош Ламбер, о Шлямбау и о маленьком Редере из первого пехотного полка и т. д. Агриппина увидела китайский костюм и сказала мне: «Вы хороши во всех ваших нарядах, но китайский костюм окончательно пленил сердца Гильома Пурталеса, когда он нес паланкин с Мюнстером, Каницем и толстым Редером».

Киселев громко захохотал: «Право, до слез смеюсь, когда об этих немцах говорю».

Агриппина сочла своим долгом вступиться за пруссаков, которых я тоже очень люблю. Только Киселев ненавидел все немецкое.

– Вам нужно было видеть ее в китайском костюме; чтобы доставить удовольствие доброму королю, два раза повторяли шествие.

– Мадам должна при свидетелях обещать мне, что наденет его в Париже на костюмированный бал. Я не езжу в этот развратный и легкомысленный свет, но поеду на этот бал, чтобы любоваться там мадам.

После ухода Клеопатры и Аники Агриппина, раскладывая мои вещи, сказала мне: «Дорогая моя, я удивлена, что вы видаетесь с такими женщинами, как княгиня Трубецкая и особенно ее кузина».

– Дорогая мадам Мансурова, Клеопатра прежде всего ваша кузина. Она была очень несчастна: она боготворила своего мужа, у нее был прелестный сын, который умер 15 лет. Вот вы совсем взволнованы.

– Ведь Зине пять лет, и ни я, ни Александр не пережили бы такого несчастья.

Киселев сказал ей: «Я думаю, что величайшее несчастье – смерть маленького существа, которое, умирая, не может ничего сказать, а только смотрит на вас, как будто прося защиты».

– У вас есть дети, г. Киселев?

– Нет, мадам, я не женат, хотя княгиня Трубецкая и обвиняет меня в том, что у меня есть любовница и двое детей. Но у меня нет ни любовницы, ни детей. Она хочет погубить меня в глазах света.

– Но что за разговоры для благовоспитанных людей! В Берлине мы о таких вещах не говорили.

– Да, я воображаю лицо фрау фон Массон и графини Ностиц; там только этот противный Хольцфельд. Кстати, что стало с Вальдкирхом?

– Он в Мюнхене и не возвращается в Берлин.

– Как он забавлял нас своим приплюснутым носом. Я думаю, что его побили на дуэли за то, что он не желал петь «Гаудеамус игитур».

Киселев сказал: «Странно, до какой степени Дерптский университет – копия немецких университетов. Мы пели “Гаудеамус”».

Агриппина ему сказала: «Поздравляю вас с тем, что вы учились в университете. Я вижу, какое это благо для молодых людей, которых нам поручают в Берлине; дорогая моя, я рекомендую вам маленького Попова, Киреевского и Джунковского». Потом она ушла.

– Киса, я очень люблю Агриппину, но дышу только, когда мы одни, мой душенька. А я, мой небесный ангел, хотела бы жить с тобой там, где раздавалась бы эта восхитительная музыка. Не знаю, когда сердце говорит, оно красноречиво и выдумывает нежданно слова, ему ангел подшептывает.

– Ах, неоцененная Саня, как вы выражаетесь хорошо; однако ведь вы Самарину сказали, что он Музыка.

– Никогда, я ему сказала, что я говорила Музыка человеку, которого я более всего на свете люблю; он печатал какую-то философскую статью о немецкой чепухе в «Беседе» и спросил, как подписаться; я ему сказала: «Я люблю музыку», он и подписал М. З. К. Хомяков ему писал Московской земли казак: «Терпи, казак, а атаманом не будешь. Берегись Смирновой, у нее голос чарующий и соблазнительный, как итальянская музыка».

– Как это верно, ваш голос поистине опасен. Теперь я утешаюсь, дорогая Александрина. Позвольте мне просить вас прийти ко мне на чай накануне моего отъезда, я буду спать там еще только один день. Это будет такое великое счастье, комната станет святилищем всех добродетелей, искренности, целомудрия, самого чистого и пленительного настроения. Обещайте прийти!

– Конечно, дорогой Николай, в этом нет ничего особенного, ибо я была у Бакура и Голицына. Но достаньте кресло, потому что я не могу сидеть на деревянных стульях.

– Моя кровать послужит вам шезлонгом.

– Ваша кровать? Вы с ума сошли, я могу спать на кровати только одного мужчины – моего мужа; нет, нет, тысячу раз нет! Попросите кресло у Клеопатры.

– Так как вы обещаете, я принесу кресло от Клеопатры. Спасибо, моя ангельская Сильвия.

Вошла г-жа Гейденрайх, сделав самый красивый из своих реверансов. Я сказала ей: «Это мой кузен, которого я очень люблю». Киселев ответил ей на очень хорошем немецком языке, выбирая свои комплименты; она отвечала ему тем же и сказала: «Вы должны пользоваться хиромантией. Мне нужно заказать еще несколько вещей».

Он сказал мне: «Она мне очень нравится. Какие вещи ей еще нужны?»

– Я думаю, надо распаковать то, что принято называть «подкладное судно».

– Чтобы доказать вам, что у меня нет ни любовницы, ни детей, уверяю вас, что ничего не знаю об этом виде этрусской вазы.

– Притворщик! Но это не преступление, и мне от этого ни жарко, ни холодно.

– Я не благодарю вас за это, я чувствую, что мои достоинства и недостатки вам равно безразличны.

– Бесстыдный негодяй, не вздыхайте. Вам очень хорошо известно, что моя дружба к вам превосходит обычную дружбу и есть чувство более нежное.

– Скажите, мое дорогое дитя – любовь.

– Пожалуй, да, с пылающим факелом.

– Это просто реприман и бульверсман. После обеда – за чтение, мне хочется скорее кончить эту тетрадь и дойти до любви к Степану Як. Зиновьеву.

– Но сегодня вечером бал. Не забудьте прийти в 8 часов, мы будем минуту одни. Приходите в сюртуке.

– Я не могу иначе, потому что не привез свой фрак. Какая жалость, что Танке уехали, их будет нехватать для полноты картины. Вы помните: «Сашенька, скажи же что-нибудь поумнее». Она говорила: «Здравствуй, эхо», и вот «О ты, пространством бесконечный!»

– Я почитаю вам немного.

– Прошу вас.

Переезд из Грамаклеи в Петербург

– Что за гадость кибитка, неправда ли?

– Я, слава Богу, не ездил в них, ведь это род сундука?

– Нет, это скорее баулы, есть окошко вверху, сидят на подушках, воняет ужасно кизяками, в ухабистых местах, да если есть притом колдобины, так тошнит ужасно. Однако, Киселев, пора обедать, но возьмите Гоголя и прочтите то, что я вам отметила, – бал у губернатора. На балу мы будем давать прозвища.

Вечером дом осветили ярко, как днем, и начали являться. Первая, конечно, Леонидас с г. Дювалем в белых панталонах, а жирная Леонидас в розовенькой платьице, очень коротком, а жирные ноги выплывали на очень узких башмаках цвета золоченой бронзы. Клеопатра набеленная, нарумяненная и насурмленная, в белом парижском платье с красным пером на голове, Аника в желтом креповом платье с голубым пером и вся обвешанная знаменитой бирюзой. Княгиня Лаба, за ними Сама, Сарасага и красивый Голер, приехавшие из Карлсруэ, наш банкир Мейер без супруги, но со своим комми, оба евреи.

Госпожа Гейденрайх вся в желтом, покрытая желтыми веснушками. Принц Эмиль в сюртуке и белом галстуке, за ним вошел его брат или двоюродный брат принц Георг Гессен-Дармштадтский с оливковым адъютантом, баденский франт, которого фамилию не помню. Барон Энте, ужасный мерзавец, камергер Баденской принцессы Стефани. Платонов стоял в углу. Графиня Нессельрод смотрела у окошка с Агриппиной Мансуровой и Мухановым; они помирали со смеху. Музыка была подлейшая. Последний явился Киселев, тоже в белом галстухе. Я сидела на диване, возле меня г-жа Зеа Бермудес в селадоновом муаре платье, башмаки того же цвета, и ножищи ее не доходили до пола; у нее лицо было как дуля, уже вверху, чем внизу, по обеим сторонам черные сосульки и марабу на голове. Зеа в долгополом гороховом сюртуке, Великий Корехидор, весь в черном с синей булавкой, стоял возле Платонова, и оба разили меня из своей засады ядовитыми стрелами Купидона. Киселев подошел и сказал: «Рядом с г-жой Зеа вы – просто счастье, но что у вас за смешное платье». – «Оно очень модно в Берлине, это фру-фру». – «Это уродливо». – «По крайней мере я хорошо причесана, так как это не мой берлинский парикмахер Дандорф, и я хорошо вымыта, потому что это не Томский, банщик из Берлина на Доротеештрассе».

– Что за идея, – не правда ли, мадам, – назвать улицу Доротеештрассе. Княгиня Ливен обидится.

– Совсем нет, ведь она там начала свою карьеру и, вероятно, давала рандеву в этой улице; нужно всегда искать происхождение вещей.

Заиграли полонез, в первой паре пошли г-жа Зеа с Георгом Дармштадтским, он был во фраке странного цвета, наваринского пламени с дымом, на жилете были вышиты огромные рельефные розы; белый атласный галстух и куча всяких брелок; за ней шла я, принц Эмилий с Аникой, за ними Киселев с Клеопатрой. Я сказала: «Киселев, я отвернусь от корехидора и Платонова».

– Конечно, это вам предписал Гугорт, а я приказал.

На бале он или Гейденрайх беспрестанно спрашивали о моем здоровье, он бегал в детскую, чтобы узнать, спят ли там, и раз сказал: «Дети спят, а Эйланд и Мина, как истинные патриоты, вальсируют».

В час подали ужин, пирамидой стояли тартины, ели стоя колбасу, пили несчетное количество стаканов оршаду, лимонаду, не знаю, сколько чаю, шоколаду и кофию, одним <словом>, кроме птичьего молока, были все рефришсманы. Киселев мне сказал: «Гоголь как будто видел ваш бал».

– Да, я уверена, что он под окнами, он здесь, кстати, он уже вообразил мадемуазель де Бетюн и сказал мне: «Какая это Бетюн, она целая Бетюнища». Это прелестно, она действительно Бетюнища. Теперь, я вам скажу, что г-жа Зеа, почтмейстерша, и капитан – исправник Георг Гессенский, Бетюн и Дюваль – губернаторская дочка и Чичиков, дама приятная во всех отношениях – Клеопатра, просто приятная дама – Аника, Грузинский князь Чипхайнидзев – мадридский корехидор. Перхуновской и Беребендовской, француз г. Трико, Бакур и я; говорю: «вот пошла писать губерния».

– Тогда вы Чичиков, потому что у вас сбежала деревня у Гоголя, и все души Чичиков же купил по пятаку за душу.

Но верно ведь, что «Мертвые души» – небывалая вещь?

– Небывалая!

Николай Мих<айлович> не появился на моем балу, я увидела его только за завтраком. Он спросил меня, почему я вынула портрет. Я сказала ему, что чулан сырой.

Киселев пришел чай пить с самоваром, и мой муж спросил у него, что он думает о портрете.

– Я нахожу, что он прилизанный.

– Да, он прилизанный, как вся немецкая живопись, но очень похож и очень красив; фон этого старого замка очень хорош и зеленая драпировка тоже.

– Ты был в Берлине?

– Был, препротивный город, карикатура Петерб<урга>, а Петерб<ург> – карикатура Брюсселя; то ли дело наша Москва.

– Да, брат, наша Москва лучше всех городов на свете, – и обнял Киселева. – Я рад, что Сашенька любит Москву лучше Пет<ербурга>, она говорит, что один Рим лучше Москвы.

Ударило 12-ть часов, и муж удрал на рулетку.

Киселев стал на колени перед портретом и сказал: «Это прилизано, да, это прилизано, но как бы я хотел лизнуть дорогое лицо на этом холсте. Какое самозабвение, какая прелесть,

это чистое дитя, кажется, говорит: “Я исполнила свой долг, меня не в чем упрекнуть”. Позвольте мне в Париже снять с него копию».

– С удовольствием, если это может быть вам приятно.

– Приятно? Это счастье для меня!

– Ладно. Давайте читать. В Петер<бурге> мы поселились в доме Галкина на углу Большой Морской и Невского прешпекта. Тотчас приехал дяденька Николай Ив<анович> и пошли расспросы о Цициановых; я часто оставалась по целым днем с гадкой, рябой и косой Аннушкой и смотрела из окошка, не было ни моськи, ни попугая, и мне грустно было по Одессе, Грамаклее и Амалье Ив<ановне>. Я заметила, что все девочки были в синих капотах и розовых шляпах, а у меня был красный мериносовый капот, и я конфузилась при мысли, что я буду парадировать в этом костюме по Невскому бульвару. Но в этот критический момент подсказали родные сестры Циргольц, двоюродные Арнольди. Они сказали, что на Невском у Чуркина есть новые серые и черные касторовые шляпы с перьями, и что слияние этих двух шляп с красным очень хорошо. Эти девицы Циргольцевы мне очень не понравились.

Братьев Арнольди сам отвез и поручил их своему товарищу Ваксмуту. Корпусное начальство было все иностранное. Начальник был замечательный, Иван Григорьевич Гогель, швейцарский выходец времен Петра I-го. Кажется, Гоголь описывал его во втором томе «Мертвых душ». Пажи его боялись и уважали и называли его Бука. Когда шалили и шумели, они шепотом говорили: «Господа, господа, Бука идет». Раз Николаю Скалону прислали 50 р. Ему представилось, что он Крез и просил позволения у Гогеля идти в театр; на что тот сказал: «Твои родители бедны, из последнего, может быть, послали тебе деньги на чай и сапоги, а ты в один вечер издержишь 5 рублей за стул. Надо с детства уметь умерять свои расходы и наклонности к пустякам. Я тебя не пущу в театр». Скалой очень огорчился, но все пажи согласились. Арнольди обещал Ваксмуту посылать ему 30 р. в месяц на братьев, но, конечно, надул его; я платила за них, когда еще была очень бедна, и занимала через гадкую Прасковью Михай<ловну> у наших мужиков и у ее друга купца Яшкина. Когда я уже была объявленной невестой к<нязя> Сергея Мих<айловича>, он мне присылал ежемесячно

3000 р., и тогда мы все разжились и Ваксмуту платили 100 р., всякому брату по 30 р. Арнольди писал какие-то трактаты о добродетели, покорности, и на всякой строчке был Бог; получая его длиннейшие эпистолии, мы говорили: «Кто получил Бог?». Другие офицеры в корпусе были Данзас, для французского языка Гюно и Клюге фон Клюгенау для немецкого, швейцарец Оде де Сион учил, кажется, фортификации. В Шв<ейцарии> по дороге к Мюн видны развалины замка Сион, вы, Киселев, можете легко туда ехать из Парижа.

– Никогда я туда не поеду, и что ж мне там видеть без вас, моя дорогая наставница, я все смотрю на ваш милый портрет; мне кажется, вы тогда были точно так же хороши и милы, как и теперь.

– Да, я очень мало переменилась, все говорят – потому что моя натура здоровая. <...> Пажи сочиняли, разумеется, стихи на своих учителей: «У Данзаса на носу черти режут колбасу», «У Сиона на плечах разместились при свечах». С учителем физики они делали всякие штуки, его звали Вольгемут, и был полон участия к их шалостям. Осип Осипыч стаскивал с него сапоги, а барон Боде сыпал ему на парик сор и бумажки или стаскивал его, и все ставилось на высокий шкап. Он так увлекался своим предметом, что ничего не замечал. По окончании урока Вольгемут спрашивал, где мои сапоги и парик, тогда радость достигала до nec plus ultra[296]. «Господа, господа, – кричали все, – Вольгемута качать и одевать!» и добрый старик смеялся и только угрожал, что скажет Буке. Один раз Бука застал их за этим веселием и посадил Осю и Боде в карцер на 24 часа на черный хлеб, соль и воду. Аркадя не принимал никакого участия в этой кутерьме, его звали в корпусе философом. Клема был уже камер-паж, и там учились уже серьезно. Боде был так глуп, что Клема после выпуска ему сказал у меня: «Боде, что ты читаешь? (Тогда вышел прескучный роман “Le dernier des Barons”.) Это твоя история, Боде, ты последний барон». – «Совсем нет, в Москве мой дядя управляет Дворцовым департаментом». – «Ну, так ты, вероятно, Боде – Барон, есть такая фамилия». – «А это может быть». Вы можете себе представить, как все рассмеялись.

---

[296] Крайних пределов *(лат.)*.

– А знаете ли, Александра Осип<овна>, что они точно Боде-Барон, у них процесс с английским парламентом, бумаги идут через наше посольство; Англия должна им заплатить огромную сумму в 100 миллионов фунтов, так что вся английская казна – банкрут, т. е. государство, оно предложило им 100 000 рублей, они, дураки, отказались и ничего не получат. Если бы мне дали эту сумму, я бы вам выстроил золотой дворец и запер бы его золотым камергерским ключом, которого я неминуемо получу, у нас уже такой порядок.

– Ах, это «неминуемо» напоминает мне, что граф Павел Дмитр<иевич> очень любил весьма умного чиновника Пальчикова, женатого на Пещуровой; он был недоволен, что ваш брат его тыкал. Он и Алексей Вла<димирович> Веневитинов вышли вместе. Граф ему сказал: «Не сегодня, а завтра вы будете сенатором». – «Это неизбежно, г. граф».

– Но мой брат еще не граф.

– Не всякое лыко в строку, ну, я ошиблась, но это еще неизбежно. Как ваш камергерский ключ. Но вы забыли, что в наших воздушных замках мы – скромные буржуа из Грамаклеи и Адамовки, всегда одни, окруженные только нашими детьми, заботящиеся о них и воспитывающие их, не прибегая к отвратительным гувернанткам.

– Это, действительно, глупо; я хотел вам сказать, что очень ревную, когда некая кокетка г-жа С. говорит хоть с Беверлеем, и что я желал бы посадить ее в золоченую клетку как райскую птичку или маленькую колибри.

– Что за глупости вы говорите, продолжаю. Да, нужно, чтобы утро мы посвящали дневнику, а послеобеденное время – Гоголю, которого вы будете мне читать.

– Это, правда, я забыл, что у нас здесь есть Гоголь, сегодня вечером и начнем.

У Цициановых в Петербурге

– Я зачахну, когда умрут мои парижские глазки.

– Будьте спокойны, они живучи, эти скверные черные глаза, those dark wistful eyes, сказал, кажется, поэт Cooper.

– Что значит wistful?

– Это значит проницательные и вместе томные, потому что dark значит темные, а не черные.

– Как это отражает выражение ваших глаз.

– Государь часто говорил мне: «Что ты на меня смотришь, что ты слушаешь?» Я: «Ничего, государь, так». – «Ты очень любопытна, на что тебе слушать депеши»; я помню, что он раз сказал графу: «Твой брат прекрасно пишет, у него очень ясный почерк».

– Государь вам говорил «ты»?

– Не всем, а кого любит. Ярцевой он говорил «вы» и «Любовь Васильевна», а этой противной вашей двоюродной дуре – «ты», с каким-то наслаждением. Государь принимал Канкрина всякий день и, с его необыкновенным даром всепонимания, он скоро постиг финансовую систему. Он очень смешно рассказывал, что Канкрин при докладе имел привычку пить из графина и плевать во все <стороны>. Государь и с мужчинами делал разницу, например, графу он говорил «ты», а Воронцову, которого он не любит, всегда «ваше сиятельство, вы говорили мне о посадке деревьев, я вам очень благодарен, etc, etc». Канкрину он тоже говорит «вы». Государь ничего не смыслит в финансах, а Канкрин, как вы знаете, великий финансист, и после войны он нас спас от банкротства, а совсем не Гурьев, вор и разбойник, который нажился и женился на нашей милой графине, которая вся в мать, Катерину Гагарину, а бабушка ее была известная своей христианской добродетелью последняя из роду князей Трахтаниотовых.

– Я не знал, что были князья Трахтаниотовы.

– Разумеется, бархатные книги никто не читал, кроме герольдмейстеров, но государь велел разыскивать все роды, и у кого отнять титул, а кому отдать утраченные. Были еще князья Патрикеевы, Хворостинины, Щетинины, последняя из их роду замужем за Плетневым, она была нищая (?). У этих Щетининых было маленькое имение возле моего Спасского; Лакьер, женатый на дочери Плетнева, издал книгу о русских родах и все гербы, но эти печати просто теперь вымышленные; у Вяземского, например, пушка, а на пушке птичка, но это не имеет смысла без пояснений. В этой книге видны вымершие роды. Вышла маленькая книга о дворянских родах, он говорит, что самые старинные Осинины, Березины, Ольхины, etc, etc, а потом Смирновы, Дурновы, Хитровы, Мудровы, etc, etc. Народ был прост и при крестном имени давал клички, от чего и пошли

фамилии. Самые старинные же Валуевы и Блудовы. Это напоминает мне, как Александр Тургенев упрекал Блудова у г-жи Карамзиной. Блудов – сама доброта и совсем незлопамятный, протянул Тургеневу руку, а тот ему сказал: «Я никогда не пожму руку, подписавшую смертный приговор моему брату». Вы можете представить себе общее смущение. Я присутствовала при этом. Г-жа Карамзина покраснела от негодования и сказала Тургеневу: «Г. Тургенев, граф Блудов – близкий друг моего мужа, и я не позволю оскорблять его в моем доме. Поэтому больше неприятных встреч не будет, слуга откроет, и если приходит граф, то г. Тургенев не будет принят, и наоборот». Когда бедный Блудов вышел со слезами на глазах, Тургенев сказал: «Перемените ему фамилию, а то просто гадко, от блуда происходит». Катерина Андреевна сказала ему: «Ваши шутки теперь весьма неуместны». Вы видаете Тургеневых?

– О нет, это невозможно, да я и не знаком с ними.

– Были еще князья Заборовские, а двоюродная бабушка Цициа<нова> – дочь последней из Заборовских и царевича Егория Вахтанговича Грузинского.

– Как мне знакомы все эти грузинские роды! Матушка рассказывала об них, и к нам ездил Дмитрий Евсеевич, и лицо его я помню.

– Посмотрите в альбом, увидите всю коллекцию.

– Он, точно он, я помню его, он с отцом ездил в Английский клуб и говорил: «А я, брат Дмитрий Ив<анович>, приехал за тобой», – говорил он, а матушка вздыхала.

– Приятно так жить, и все бы, кажется, хорошо, но гадкие картишки все портят; их выдумали поганые китайцы, в Венеции еще показывают их в музее. Несчастный сумасшедший французский король Карл VII играл в них целый день; а дураки русские, сумасшедшие без корон, не могут <без них> жить, свидетель князь Шаликов, который играет с будочником.

– Что делать, отец проигрывает на Руси, а сыновья лямку тянут, таков обычай в дорогой родине. Я, впрочем, не жалею ни гжельской фарфор, ни землю; Бог весть, что бы из меня вышло бы, если бы я был богат, содержал бы дорогую любовницу, а теперь Бог милует, я не знаю этих гадостей, и Господь послал мне неоцененную подругу, чистую сердцем и душой, и позвольте поцеловать ее ручку.

Продолжение рассказа о Цициановых. Жизнь в Петербурге до института, начало пребывания в институте, фамилии институток, страхи институток (понемашки)

– Вы были милые невинные шалуньи и порядочные трусихи!

– Я и теперь боюсь спать в темной комнате и проходить в коридорах. Во дворце мы с Стефани всегда бегом проходили через Георгиевскую залу.

– Отчего же именно Георгиевскую залу?

– Ведь в Георгиевской тронной, говорят, что перед смертью Анна Ив<ановна> себя видела на троне, а Бирона в Сибири.

– Я не знал, что ходит поверье об этой ужасной женщине.

– Да как же, точно так, как шведский король Карл 9-ый, настоящий изверг, видел себя на троне с окровавленной туфлей.

– И этого я не знал.

– Немудрено, ведь это только к слову говорится. Граф Пален в полночь всякие сутки видел всю ужасную сцену в Михайловском дворце.

Имп<ератрица> Мария Федоровна, что ни ночь, внезапно просыпалась, дрожа от страха, ее старая горничная, г-жа Кеннеди, спавшая в ее комнате, давала ей подкрашенные капли, и бедная имп<ератрица> засыпала до 6 часов утра, и первое, что она делала, проснувшись, – молилась у этой роковой кровати, которая и сейчас в Гатчине.

Граф Клингофстрём, финн, случайно утопил обожаемую женщину, и каждый день или, скорее, вечер он слышал журчание воды и тревожный крик той, которую любил. Он уже пожилым человеком женился на Краузе, дочери разорившегося банкира, служившей чтицей при этой противной Алёне, заставлявшей ее три или четыре часа стоять смирно, чтобы унизить ее. Вот уже мерзавка, ненавижу ее, и бедный Михаил Пав<лович> должен ее терпеть.

– Я уверен, что если бы вы причинили мне большое горе, то если я сразу не умер бы, то страдал смертельно и видел бы всю сцену.

– Какую сцену?

– То, что явно на балу.

– Это княгиня Ливен вам сказала.

– Конечно. Особенно красив англичанин.

– Что до меня, то я никогда не причиню вам ни большого, ни маленького горя, тысячекратно милый Кисс, я вас слишком люблю для этого.

– Что же вы хотите, моя голубка, я не могу противостоять этим ужасным предчувствиям.

– Зачем создавать себе горести заранее, будет еще время страдать. Сегодняшние радости так блистательны и прекрасны, дорогой Николай. Слова «блистательны и прекрасны» напоминают мне романс, который певал Виельгорский. Этот человек любил баркароллы.

Блеск лодки, на которой я плыву,
Красивей, чем все виденное до сих пор.
У самого прекрасного дня одно лишь солнце,
Чтобы осветить всю природу.
У красивейшей ночи – одна лишь луна.
У слепой любви один лишь факел,
Чтобы пылала вся природа.

– Спойте мне его.

– Я не знаю аккомпанемента, а то бы спела.

– Вы, слава Богу, не кривая, но эти слова, кажется, написаны для вас.

– Очень благодарна, синьор Комментарио.

– Почему Комментарио?

– Потому что вы все комментируете, и Жорж Комаровский тоже, Александрина Шевич называла его граф Комментарий. Когда мы были в Ревеле, Комаровский всегда предлагал эти жестокие умственные игры, где кто-то обязательно оказывается дураком; давали маленькие кусочки бумаги, писали вопросы, и нужно было карандашом на них отвечать. У Смирнова был талант к этим эпистолярным упражнениям, а писать было для него двойное удовольствие.

– А он действительно писака?

– Да, его письменный стол оборудован всеми римскими сувенирами, чернильницей, перьями, массой карандашей всех размеров и дестями бумаги, одним словом, всеми принадлежностями министра. Клементий говорил: «Пари держу, что я у Смирнова утащу все со стола, он ничего не заметит, лишь бы

ему оставить чернильницу, бумагу и перья». Штерич и я, мы всегда таскали карандаши и я постоянно попадала впросак.

– Невозможно! С вашим умом, таким живым и острым!

– Ну и что ж, это истинная правда, я всегда делаю и говорю вещи некстати. Но вернемся к Александрине Шевич, ее спросили: какую прогулку вы предпочитаете, верхом или пешком; она ответила: смотря по тому, о каком животном речь.

– Это прелестно, а вы что бы ответили?

– Глупо: верхом или пешком. Графиня Вьельгорская однажды вечером играла в такие игры в Петергофе у имп<ератрицы>. Ее спросили, сколько солдат у императора в армии; она ответила: «Сколько волос в бороде у султана».

Вот вам пример, доказывающий, что я не находчива. Жуковский, Перовский и я ужинали всегда за маленьким столом. Подавали сливы. Перовский мне сказал:

Charmante brune,
Accepte cette prune[297].

я сказала Жуковскому: «А мне что сказать?» Он ответил:

Charmant homme,
Accepte cette pomme[298].

Вот чем мы пробавлялись от скуки.

История о горе Монт-Роз, на которую никто не всходил.
Шутка Жуковского о сестрах Тизенгаузен.
Сватовство Смирнова. Пушкин о нем

Когда Смирнов на следующий день уехал в Москву, чтобы устроить свои дела, он даже не поцеловал мне руку, Перовский проезжал в дрожках и, скотина, даже не посмотрел на мои окошки. А Пушкин говорил: «То так, то пятак, то гривенка, а что если бы он теперь предложил бы свою руку с золотым наперстком?»

– Сейчас положила бы свою и на коленях бы его благодарила.

– И вы действительно отказали бы Смирнову?

---

[297] Прелестная брюнетка, / Примите эту сливу.
[298] Прелестный мужчина, / Примите это яблоко.

– Конечно. Перовский был очень красив, храбр, добр, у него тоже были две тысячи душ, он был бы великодушным покровителем моим братьям.

– Я предпочитаю вашего мужа, он не столь опасный соперник, как Перовский, которого вы так заманчиво рисуете.

– Еще бы, некоторый трепет влюбленных, который вызывало у меня его лицо, прошел незамеченным. Перовский был безумно влюблен в княгиню Софью Бобринскую. Он был в Берлине с государем, когда Жуковский сообщил ему роковое известие. Он был так потрясен, что отстрелил себе кончик пальца на правой руке; потом он утверждал, что это был несчастный случай на охоте; он сам мне рассказывал это в Риме.

– Признайтесь мне во всем о Перовском.

– Мне не в чем признаваться. Он приходил ко мне каждый день или я встречала его где-нибудь случайно. Мы часто ходили в окрестности Рима, он, прекрасный ботаник, рвал цветы и рассматривал их. Я вспоминаю, как мы однажды были в храме Дио Ридикуло и я ему сказала: «Василий Алексеевич, как птицы поют». – «Вот хорошо, вы так давно в Италии и не знаете, что в ней нет птиц, это кузнечики шумят». В этом храме была некогда церковь «Камо грядеши». Св. Петр хотел покинуть Рим, Господь его встретил и сказал ему: «Петр, камо грядеши?» Потом мы пошли к фонтану Эгерии, дети плескались в воде, потому что мы всегда брали их с собой; Перовский любит детей, как вы. Только один раз мы поехали в Тиволи или Фраскати; я не очень хорошо помню, но я сидела с Перовским в карете, дети были в другом экипаже, а Гоголь следовал за нами в коляске. Вдруг я почувствовала опасность.

– Как чувствуют опасность?

– Воцарилось молчание и опасный магнетизм. Я предложила ему пройтись, он воспротивился и обнял меня, я влепила ему пощечину, вышла из экипажа, а потом он пришел в себя, и мы приехали в Фраскати друзьями; вот моя история с Перовским.

– Ах, я могу вздохнуть свободно, – сказал мне Киселев, – я ревную вас к вашему прошлому. А ваш муж ревнив?

– Нет, он не знал Перовского, а я никогда ему ничего не рассказывала. Когда Перовскому сообщили о замужестве Софи Бобринской, его спросили: «А кто ее выдал замуж?». – «Мужики, – ответил Перовский, – 8000 душ». А я себя продала за 6000 душ для братьев. И в самом деле, Николай Мих<айлович> очень щедр для них. Особенно Аркадий его любит и уважает, и Карл. Клема очень подло себя ведет с ним: принимает его подарки, а сам смеется над ним; Ося никогда ничего не говорит дурного про него, но говорит, что дай ему миллион, он с ним не будет путешествовать, он так беспокоен в путешествии.

Г-жа Гейденрайх позвала меня, чтобы осмотреть, возвратясь, я сказала ему: «Гейденрайх говорит, что у меня еще впереди добрая неделя; поговорите с Медемом о продлении отпуска».

– Медем уже уехал в Карлсбад, меня заменяют Фелькензам и Лабинский. Но в Риме летом нет политических событий, так что я могу остаться еще на неделю. А теперь примусь хорошенько за Гоголя.

– А что вы делали коленопреклоненный перед этим портретом?

– Я преклонил колени перед моим идолом, целовал эти прекрасные глаза, розовый ротик, такую белую шею, эту хорошенькую белую щечку, эти мягкие волосы, ее руки, пухленькие и круглые, я расточал копии то, что не могу расточать оригиналу.

– У вас есть основания поступать так с копией, ибо вы никогда не сможете делать это с оригиналом.

– Вы думаете? Это не мешает мне надеяться.

– Это дозволяется.

Надежда не напрасно
Нас тешит иногда.
О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек.

– Ну, вот видите, вы сами подносите мне чашу утешения. А чьи это стихи?

– Не знаю, а будто Боголюбова. Новосильцев их цитировал, и он тоже говорил что-то о судах и вскрикивал, когда мы злословили: «О правосудие, это ты!» А в это время Виельгорский пел нам:

Хотите ли знать, что такое женщина?
Это истинный деспот душ.
Наденьте все это из тонких кружев и т. д.

или еще, говоря о любви:

Бедное дитя скучает и зевает,
Это супружеская любовь.
Это супружеская любовь.

Он пел еще:

У соседа женка била,
У соседа женка мила,
А у мене единого
Нет ни женки, ни хатынки.

– Вот я – этот сосед in «die Rose», а вы соседка дома Дургольц, вы соседка и жинка мила.

– Все-то вы врете, сосед милый хатынки жилой. Дургольца дом ведь Царская палата в сравнении с вашей «In die Rose».

– Точно так, сударыня, боярыня, дайте ручку. Вы думаете, я не знаю вашу присловку:

Прочь, прочь отсюда,
Любви недостойный.

– Он поет еще одну песню, как дворовый человек с балалайкой в руке поет у дверей дома:

Как дадут мне книги в руки,
Тогда выучу я Буки,
Полна бездна здесь химер.

– Далее не пойте, очень неприлично.

– Я далее не знаю, это все равно, как говорят, что неприлично петь дуэт г. и г-жи Дени, я ничего тут не вижу.

– Я не помню г. и г-жу Дени.

Это два хорошие актера, игравшие пьесу Море и Бра в Петербурге. Ну, император разрешил давать ее раз в неделю

в Малом театре. Когда занавес поднимается, старая супружеская пара играет для дам, они прекрасно одеты по моде, существовавшей до революции, и г. Дени поет козлиным голосом, подмигивая своей супруге. Это празднуют золотую свадьбу.

– Это действительно очень неприлично, дорогая г-жа Смирнова, не пойте это.

– Но я никогда это и не пою, только случайно сегодня. Императрица всегда возмущалась, когда императора забавляла эта вещь. Уверяю вас, что я нравственна и не ханжа, но я ровно ничего не вижу в этих двух последних куплетах. Нужно иметь совершенно развращенный ум, чтобы найти там что-то непристойное.

– У всех мужчин такой ум; женщины, подобные императрице и вам, не видят в этом ничего, но есть немало женщин, отлично понимающих эти стихи.

– Хотите ли теперь читать «Ревизора»?

– Конечно, только вы будете читать вопросы, а я ответы, а то вы устанете.

– Отлично, сядьте подле меня, я уверена, что вы будете хорошо читать. Вам предоставляется роль Хлестакова, самая трудная, как говорит Гоголь, ее в Петерб<урге> играет Сосницкий, великий драматик во всех родах, а в Москве Самарин. Он мне говорил, что всех лучше играл Бурденков на провинциальном театре, но я, конечно, не видела ни Кануса, ни Бурденкова. Мы ехали иногда на Калугу в Беляево, а иногда на Медынь, тут дорога лучше и пролегает на имение Гончарова Полотняный завод, место историческое.

Начали чтение и, разумеется, хохотали так, что я должна была выйти в другую комнату, и Киселев тоже пошел к себе, а то, говорит, случится беда. Продолжали чтение, сидели, разумеется, слишком близко, и я ему сказала:

«Киселев, если нам приходится быть так близко друг другу, то это не повод обнимать мою талию рукой».

– Но куда же вы хотите, чтобы я ее положил, я не могу положить ее ни на ваш самовар, ни на ногу, куда-нибудь надо же ее деть.

– Это правда.

– Роль Хлестакова мне очень идет, особенно когда он говорит: «Сударыня, как бы я желал быть этим платочком».

– Если не считать того, что я ненавижу платочки и с самого института никогда их не ношу. Мы кончили «Ревизор», а завтра вечером я вам прочту самую прелестную из его новелл, истинную идиллию «Старосветские помещики». Пойдем, благословим детей.

Мы делали это каждый вечер. Мне случалось читать ему иногда молитвы на сон грядущий, ему особенно нравилась молитва Василия Великого.

По окончании этой молитвы он меня спросил, читала ли я кому-нибудь вслух эти молитвы. Он во все время стоял на коленях, я взглянула на него, на ресницах дрожали капли росы благодатной, глаза были устремлены к образу Божией матери, которым меня благословила имп<ератрица>.

– Как я счастлив слышать, что вы читали эти молитвы только со мной и что мы оба исполняем слово нашего Господа «Идеже соберутся двое или трое, там и я». Вы знаете, что я люблю вас всеми силами моей души, что я безумно влюблен в вас и до сих пор, я не хочу избавиться от нечистых мечтаний, волнующих мой сон и тревожащих моего бедного слугу. Михайла ведь мой дядька, мне его выбрал Павел Дмитриевич из огромной дворни, а себе взял Мишку Калмычонка.

– Ах, калмычонок, у Михаила Павловича есть тоже калмычонок.

И вот он-то – тот господин, который любил Пашу Хилкову несчастной и платонической любовью.

– Пожалуйста, расскажите мне это; уже поздно, но у вас есть время кончить.

– Тем более, что это недолго. Он страстно любил Пашу и не осмелился когда бы то ни было ей об этом сказать. А кроме того, за ним и Пашей строго следила его мать. Дмитрий Хилков обожал Пашу, которая была его сводной сестрой, т. к. ее мать была Местмахер. Он должен был ехать в Карлсбад для серьезного лечения печени. В то время была мода сильно затягивать шарфы, так что печень почти разрезалась пополам. Так как ему было 24 или 25 лет, то он должен был отправиться вербовать этих немецких свиней, у себя дома не имеющих рубашки, а у нас задающих тон; все они таковы, исключая мою дорогую Александру Федоровну; потом она – пруссачка, дочь великого королевства, а не какая-нибудь Лите-Шаумбург Биксбург,

так что стыдно признаться порядочному человеку, что он – подданный такой этакой трущобы; Михаил Пав<лович> раз на балете сказал, когда бедная старшая Гагарина танцевала: «Что это, кто эта Цыгендрыкерша?»

– Цыгендрыкерша – это мило, надеюсь, что познакомлюсь с великим князем, когда поеду в Петербург.

– Это неизбежно, ибо он – близкий друг вашего брата; Алёна старается привлечь его внимание, а про него говорят, что он с ней даже занимается насчет клубнички.

– А Михаил Пав<лович> что об этом говорит?

– Он, ему все равно, кто бы ни был, Шлюшков или Зубатов, его· лакеи. Надо вам сказать, что у вел. князя новая пассия, Надина Свистунова. У нее обольстительное лицо и она глупее своей сестры Обрезковой, но доброе существо.

Паша была более чем красива, у нее было выражение бесконечной нежности, маленький вздернутый нос, придававший ей вид шаловливого ребенка, очень маленький рот, крупная вишня не могла бы пройти через эти тонкие губки. У нее был беззаботный вид, ее серые глазки были добры, как ваши. Все это вместе нравилось всем, и особенно бедному вел. князю, столь скромному. Говорят, что Паша великолепно танцевала контрдансы; вальсы ее братья ей запрещали.

Когда я вышла из института, имп<ератрица>-мать хотела поместить меня ко двору Михаила, вел. князь этого очень желал – но его милостивая супруга, чтоб ее кошки съели, нашла мое происхождение недостаточно высоким, она не знала, что Россеты ее знатнее. Сама из кухмистерского заведения, мать Цыгендрыкерша из Альтенбурга, а отец – оплеванный мерзавец, вы должны его знать в Париже.

– Точно, что оплеванный подлец, из посольства ему граф только посылал карточки. У него три побочные дочки, очень красивые, одна за Монтескье.

– Знаю, д’Андро очень дружен с Монтескье. Ведь Алёна их не признает; Илья Гавр<илович> Бибиков ее не терпит, как все адъютанты великого князя, кроме этого подлого Ростовцева, этого гадкого Лизогуба; он уже подъехал к наследнику и лижет его плечо.

– Однако надобно кончить роман Паши. В Павловском дворце есть огромная танцевальная, в которой висят Charles

Vernet и украшения и люстры все на греческий лад, как при Наполеоне Первом. За залой комнаты, в двух из них жила Кочетова, а в других Паша. Великий князь ждал в этой зале, чтобы доложили имп<ератрице>, что он приехал; Паша была дежурная и бежала по зале, вдруг остановилась, вспыхнула, и он встал, подошел к ней и сказал: «Княжна, я счастлив проститься с вами и пожелать вам всего возможного счастья на земле». И он вздохнул: «Представьте, дорогая г-жа Смирнова, когда я сказал ей, что уезжаю нынче вечером, она сказала мне: “Уже?!” Я думал, что умру от радости. Это слово “уже” доказывает мне ее любовь; если я проживу сто лет, то никогда не забуду этого слова и выражения ее нежного лица. Вечером я просил у матушки разрешения жениться на Паше, она мне отвечала: “Дитя мое, делай как хочешь, но перед тобой дурной пример Константина”. Вы знаете, как я люблю моего брата Константина, мне пришлось пожертвовать для него моей любовью к Паше, хотя я люблю ее больше всего на свете и буду любить до последнего вздоха. Я не знаю, обмануло ли меня единственное вырвавшееся у нее слово “уже”».

– Монсеньор, – сказала я ему, – могу вас уверить, что она страстно вас любит и очень страдала от стеснений, которые вам и ей пришлось переносить, – приезжать на бал после вас или до вас.

– Да, но я ее поджидал на лестнице и говорил ей: «Добрый вечер, княжна, надеюсь, что вы оправились», она, милая голубушка Паша, краснела и отвечала: «Монсеньор, я никогда не забуду молиться за ваше здоровье, мне это велит церковь». А что вы знаете о ней?

Мы спали в маленьком дортуаре за перегородкой; наша инспекторша Штатникова, Паша была с ней дружна, они были вместе в 7-м выпуске. Паша рассказывала ей все, и мы слышали, как она плакала навзрыд, и часто мы слышали «бедный великий князь», «а я безумно несчастная», «жестокость его матери».

Он поцеловал мне в первый раз руку. «Ах, Александра Осиповна, как вы меня утешили».

С этого времени он, как только мог, говорил со мной, и все одно и то же, никогда не мог отказаться от этих бесконечных повторений.

– Эта необходимость всегда говорить о своей великой любви то же, что для любящих Бога невозможность перестать молиться.

– Вы говорите точно то же, что сказал Вине, он говорит, что некоторые старухи постоянно слушают проповеди – не потому, что проповеди очень хороши, но потому, что любят предмет, о котором идет речь, т. е. Бога.

– Вы заставляете меня краснеть, сравнивая меня с Вине, я прочту его непременно.

– Прочтите все проповеди и особенно его курс литературы. Мне кажется, что я вам это уже говорила.

Я жду сюда, и скоро, великого князя; супруга Толстого уже здесь, он женат на некой Хитровой, очень добром создании, глуповатой, но менее, чем ее муж. Василий Шереметев тоже здесь, он очень красив, мил, но мало способный. Это брат той московской идиотки, которую император выдал замуж за графа Шереметева. Этот дурак порвал с Истоминой, а ему наследовал Чеглоков. Он женился, говорят, на этой вульгарной танцовщице, которая падала, как свинец, на пол, что не помешало Пушкину написать:

Стоит Истомина одна,
Она, одною ножкою вертя,
Летит, летит, как пух Эола,
О ножки, ножки, где вы ныне,
Где мнете вешние цветы.

Они их мнут на берегу Ладожского озера, на светлой, зеленой мураве у дурака Чеглокова. Чеглоковы в родстве с императорской фамилией через Гендриковых; знаменитая Чоглокова, доставлявшая огорчения Като, была Чеглокова. А вы видели Истомину?

– Нет, у меня всегда было глубочайшее отвращение к балету, а что до мужчин, то они смешны, когда делают пируэты.

– Но Тальони грациозна и изящна.

– Тальони это другое дело. Заметили ли вы, что она худа как щепка и у нее очень длинные руки. Кроме того, она одета очень скромно со своей тысячью юбок. Она в сущности некрасива, но так как она очень добродетельна, ее душа украшает ее лицо. Все длиннорукие женщины очень грациозны.

– Конечно, потому что я вам говорила, что не была грациозна, танцуя, и что г. Дидло называл меня «мой волчонок».

– Но вы никогда не танцевали в балете.

– Танцевала. В институте, не помню по какому случаю, мы исполняли балет, который назывался «Балет цветов». Я была анютиными глазками, Стефани – розой, и так другие цветы. Хорошенькая Натали Чичагова, вышедшая потом замуж за Дареста, была лилия (я видела ее в Ницце вместе с двумя ее братьями: красивым Платоном и смешным Пьером).

Мне сшили из кисейных тряпочек очень короткое платье, дали розовые чулочки, белые атласные черевички, маленькая Катеринка уж очень подросла, декольте было очень низко, а у меня была самая большая грудь из женской части дома. С этого-то дня нашли, что учителей слишком много, а соблазн слишком велик.

– Бога ради, пожалейте меня, я схожу с ума от этого рассказа. Я только что вспомнил, что видел вас во Французском театре, давали. «Китти, или Возвращение в Швейцарию», простую историю. Вы были в красной шляпке, очень мало декольтированы; все говорили: «Посмотрите, как Смирнова хороша»; у вас был рассеянный и скучающий вид.

– У меня всегда болит голова в театре, надеюсь, что в Париже этого не будет; кстати, нужно вам абонироваться на ложу у итальянцев, потому что там мы будем вместе, я приглашаю вас в свою ложу.

– Тысяча благодарностей, истинным счастьем будет слушать лучших, в мире певцов, хотя итальянскую музыку я не очень люблю. В ответ я приглашаю вас в свою ложу в Консерваторию.

– Но, дорогой Николай, вы так бедны. Я оплачу свою часть.

– Нет, потому что места оплачены, а четвертый отсутствует. Кроме того, я не так беден. У меня 12 тысяч франков в год, никаких расходов на жизнь, прекрасная квартира и стол с изысканным вином. Я пью всегда только лафит, самое чистое и здоровое вино; у меня в кармане всегда остаются 6000 франков. Туалеты, театры, удобства; мои туалеты, которые всегда безупречны, как вы видите, тонкое белье и превосходная стирка стоят мне от 5 до 6 тысяч фр. Остальное я откладываю на черный день.

– На черный день – вы хотите сказать – для вашей любовницы?

– Послушайте, если вы скажете мне еще хоть слово об этих гадостях, я взбешусь.

– Но вы уже покраснели. Моська, о моська!

– Это что еще?

– У Ланжерона была моська, его сердечная привязанность, занимавшая его больше, чем Одесса. Г-жа Траполи пришла к нему по делу, он был так рассеян, что взял ее за подбородок и сказал ей: «Моська, о моська». Когда имп<ератор> Александр приехал в Одессу, он однажды запер его в своей комнате и унес ключ. А Пушкин мне рассказывал, что однажды он пригласил все купечество на обед; он жаловался, что его жалованья ему недостаточно, и сказал: «Если мне его не повысят, мне не на что будет угощать вас котлетами». Г-жа Траполи вышла замуж за Морини, незаконного сына Кочубея, и очень зазнавалась, ее звали Виктория Францевна, а прозвали Победа Францевна.

– Это очень мило, я вас буду звать Победа Осиповна, вы всех побеждаете.

– Вот уж и пошел врать; гораздо лучше читать.

– Не забудьте, что мы обедаем у гр. Нессельроде, все, кроме Платонова, какой противный; не будет Долгоруких и вашей глупой кузины Радзивилл, я не знаю, будут ли Репнины.

– Нет, нет, все только свои. Читаем.

Дмитрий Евсеевич сидел у самой передней под окном и раскладывал пасьянс, а Сергей указывал ему, если он пропустил карту. Табак его был в бутылке, он высыпал необходимую порцию. Известно, что Дмитрий Ев<сеевич> был русский Мюнхгаузен, между прочими выдумками он рассказывал, что за ним бежала бешеная собака и укусила его в икру слегка. На другой день прибегает и говорит мне: «Ваше сиятельство, извольте выйти в уборную и посмотрите, что там творится. Вообразите, что мои фраки перебесились и так и скачут». Говорили о Паганини, он сказал: «Все вздор и пустяки городят, вот я слышал Роде, он играл в концерте, где 50 000 человек, у него струна лопнула, потом вторая, третья и четвертая, и он еще лучше играл, так, так на дереве». Это он рассказывал братьям, а мне еще лучше. Он был флигель-адъютантом

Потемкина, бывшего как бы мужем Екатерины; и папа тоже был флигель-адъютантом, это мы видели в его послужном списке, которого маменька спасла от скверновца Арнольди. Вот эти Арнольди точно дрянь и были макаронщиками, вероятно.

Так раз говорит он: «Я был фаворитом Потемкина, он мне говорит: “Цицианов, я хочу сделать сюрприз государыне, чтобы она всякое утро пила кофий с калачом, ты один горазд на все руки, подъезжай же с горячим калачом”. – “Готов, ваше сиятельство”. Вот я устроил ящик с конфоркой, калач уложил и помчался, шпага только ударяла по столбам все время: тра, тра, тра, и к завтраку представил собственноручно калач. Изволила благодарить и послала Потемкину шубу. Я приехал и говорю: “Ваше сиятельство, государыня в знак благодарности прислала вам соболью шубу, что ни на есть лучшую”. – “Вели же открыть сундук”. – “Не нужно, она у меня за пазухой”. Удивился князь, шуба полетела как пух и поймать ее нельзя было, так и не носил ее. Я тебе вот что еще скажу: когда Суворов жил у себя под Крестцами, он меня просил давать всякий день Марье Осиповне Нарышкиной, его свояченице, целковый. Она в Петергофе сидела под окошком, и я ей бросал целковый прямо в комнату, и этак семь недель сряду ни разу не дал промаху». – «Дедушка, это невозможно». – «Как невозможно? Когда я тебе говорю, это всегда правда».

Кроме того он говорил странности. Раз при мне он сказал: «То ли дело при Екатерине – все фрейлины были княжны или графини, а теперь всё прачки». – «Дедушка, я не прачка». – «Ты первая прачка и есть. Отец твой дослужился, а дед твой, может быть, был портной». Киселев не смейтесь так, и из предосторожности подите в мою комнату. Можете воспользоваться моим горшком.

– Пойду с удовольствием. Я заметил там что-то маленькое, это собственное?

– Конечно, я никогда не пользуюсь бумажками, вы знаете, что жесткие бумажки очень опасны; есть английская бумага, которую я вам советую употреблять.

– Довольно, довольно, вы любите говорить о таких вещах.

– Что делать, если мы – вместилище моральной и физической грязи? Иосиф, всегда в кого-нибудь влюбленный, сказал

мне, что ему достаточно вообразить свой нынешний кумир водрузившимся на горшок и тужащимся, чтобы проникнуться отвращением.

– А его кумир императрица?

– О ней он говорит, что она выше этой грубой нужды, потому что она богиня. Вы знаете, как красив Иосиф, но это лишь тень того, каким он был в детстве. Есть прелестный его портрет, который Лиза Нарышкина сделала карандашом и закончила накануне своего отъезда в Сибирь. У него соломенная шляпа, а в руке маленькая флейта с синей лентой. Я думаю, что он принадлежит Петру или Ивану Коновницыным. Его таскали по воскресеньям и праздникам из дома в дом, он любил только дом Николая Румянцева, где были дети, где его баловали и много ласкали, и давали ему деньги.

Румянцев каждое воскресенье давал маленькие балы, там всегда бывала эта противная Ярцева. Она бросилась на пол на спину. К счастью, рядом был ее кавалер, она притворилась мертвой, никто не поверил в ее обморок, никто ей не помог, мужчины ее поставили на ноги и я громче всех закричала: «Притворщица!» Эта гусыня поссорила меня со Стефани, она убедила ее, что в нее влюблен этот несчастный Лагрене, Mr Cochon из Царского, и что я распространила слух, будто Стефани неверна мужу. Бедная Стефани в это поверила, она уехала из Петербурга не простившись со мной; Ярцева, эта дочь конюха, делала все это из страха, как бы не влюбился в меня этот дурак Суворов. Я сказала о ней императрице, у которой, наконец, открылись глаза. Она нас позвала, горько ее упрекала в присутствии Апраксина. Я сказала: «Теперь, мадам, вы верите, наконец, во все то, что я вам говорила об этой противной товарке, которую все мы ненавидели». Вот и на моей улице был праздник.

– Как мило со стороны имп<ератрицы> входить так во все подробности вашего положения.

– Я полагаю, что она входит во все подробности жизни нас, божьих детей, не знавших ничего о делах мира. После Эрмитажа у нее всегда ужинали (но мне кажется, что я вам уже об этом читала).

– Ничего, ничего, мой дорогой попугайчик.

– Итак, мы должны были ходить ужинать к ней и вел. кн. Михаил тоже. Жуковский там никогда не бывал. Один раз он меня наивно спросил: «Что, как вы думаете, должен ли я обидеться или нет, потому что Юрьевича всегда зовут?». – «Конечно, нет, вы не сумеете сердиться, и вам гораздо веселее в Царском у меня с Пушкиным». – «Да, милая, я очень рад даже, что меня не зовут».

В этот вечер в Эрмитаже было событие: граф Морков внезапно скончался совсем рядом с императором. Старый Корсаков, его современник, упал там в обморок от страха. Отменили назначенные на этот день представления, за которыми должен был последовать ужин в Эрмитаже. Вечер должен был быть еще длиннее. Я помню, что у меня было белое платье, отделанное пучком розовых перьев и розовое же боа.

– Такой этакой розовый бутончик!

– Именно. Но вас туда не пускали. Шутки были частью этих зрелищ, общество самое избранное, только министры, некоторые сенаторы и чины двора. Софи и Екатерина, бывшие еще не замужем, всегда там бывали. Софи сказала мне: «Милая Сашенька, я хочу провести вечер у вас с Жуковским». – «Софи, и я бы не желала ничего лучшего, потому что на этих вечерах язык проглотишь». К нам присоединился великий князь, и я ему сказала: «Ваше высочество, приходите ко мне чай пить, на вечерах такая скука, что мочи нет».

– «Как же это сделать, импер<атрица> меня звала». – «А вот как: мы ее проводим до Арабской, а оттуда по Сенатской лестнице проберемся в наш коридор, и все выйдете по Комендантской».

Мы очень весело провели время в болтовне. Марья Сав<ельевна> подала чай, шутили, Жуковский и в<еликий> князь спорили о политике и в полночь разошлись. На следующий день я была дежурная. В карете имп<ератрица> молчала и, видно, была в дурном настроении. Я сказала ей: «Ваше величество нездоровы или дурно настроены?»

– Это вы привели меня в дурное настроение. Где вы провели вечер с Мишелем, Жуковским и Софи Карамзиной?

– Но откуда ваше величество это узнали?

– Из камер-фурьерского журнала.

– Это правда, я забыла, что он записывает все.

Другие варианты. Фрагменты

Из варианта 5

– Как вы хорошо говорите по-русски!

– Да, это очень удивляло Пушкина; довольно странно, что в Петерб<урге> удивляются, что русские дамы хорошо говорят по-русски. Государь со мной всегда говорит по-русски. Он первый заговорил в салоне императрицы по-русски. Александр Пав<лович> и его Лизета всегда говорили по-французски.

Лизета напомнила мне стихи Мятлева:

Кантор женится с Лизетом,
Колонисты поднялись,
Кто со скрипкой, кто с кларнетом,
И все вместе поплелись.

* * *

– Где вы были во время большого наводнения 1825 года?

– В Дерпте. Мы прочли ужасные подробности этого несчастья в «С.-Петербургских ведомостях».

– А я была в институте.

– Боялись ли вы наводнения?

– Боялись? Нет, мы очень хорошо знали, что в случае опасности императрица нашла бы средства нас спасти. Нам, маленьким девочкам, было прежде всего любопытно, потому что швейцар вошел в наше первое отделение и сказал нам: «Учители сегодня не будут, дрожки с трудом проехали, на Аничковом мосту вода с поларшина, у нас перед домом вода хлещет, а в Фонтанке вода поднялась до колец». Минуту спустя вошла начальница и объявила нам, чтобы мы забрали все наши тетради и что солдаты, которые носили у нас воду и дрова, займут наши классы, потому что вода затопила их подвалы.

Мы перебрались в дортуары, и тут уже не до учения было. Мы все прилепились к окнам и смотрели на Фонтанку. Вода неслась с неимоверной быстротой к Неве; она была какого-то свинцового цвета, по ней неслись дрожки с лошадьми и кучерами, кресты, будки, будочники со своими халабудами, куры, коровы, все неслось на верную погибель в Неву. Наконец

исчезла решетка и вода дошла до той красной полосы, которую вы, верно, видели. Вода начала сбывать после 12-ти часов только, и нам принесли наш обед в три часа. Наша кухня была на заднем дворе к Литейной, где гораздо грунт выше, мы обедали на наших спальных столах, все было холодно и гадко, так что решено было всем дать чай с булкой в 6 часов, а на ужин был вареный картофель в мундире, наше любимое кушанье, с горьким маслом. Утром Фонтанка как будто устыдилась своей прыти: так была смирна и низка, что почти можно было видеть ее дно, лежали бедные куры, крысы, мыши, кошки, собаки. Будочники всю эту гадость черпали кадками и жгли.

Родные в воскресенье рассказывали страшные подробности, которые вам известны. Пушкин по этому случаю написал свое лучшее произведение «Медный всадник».

* * *

Ваш брат женился на хорошенькой барышне Ушаковой, она жила на Пресне, там живет московский дурной тон, и Пушкин мне говорил, что эти барышни говорили такие вещи, что хоть святых вон выноси.

* * *

– Прошу не строить комплиментов, это дозволяется ферлакурам, курманерам или то, что мы с Стефани Радзивилл называли дворниками. Станислав Потоцкий за мной очень настойчиво ухаживал, а ухаживать мы называли «строить двор»[299]. Она меня спрашивала иногда: «Ты с кем танцуешь мазурку?» – «С толстым дворником». – «А я с Пешкой Львовым».

– Разве Львов был глуп?

– Нет, но он был очень молод, у него был на бороде только пушок; он был очень хорош, и мы прозвали его la pâte[300], а по-русски Пешка. Львов прежде влюблен в меня, но Стефани мне сказала: «Уступи мне Пешку и скажи ему, чтобы он мазурку танцевал со мной». Она ему вскружила совершенно голову и вышла бы замуж за него; он был очень беден, и гадкая старуха

---

[299] По-французски faire la cour значит ухаживать, а буквально – строить двор.
[300] Мармелад, паста.

княгиня Ливен сказала Стефани: «Радзивилл, не следует выходить замуж за человека бедного, как этот Львов или этот Кутузов, – надо выйти замуж за богатого». Бедный Львов простудился и впал в чахотку, его послали в Италию, он доехал до Ливорно и умер. Я была на кладбище, там есть греческий священник. На камне было написано: «Князь Андрей Львов, умер 24 лет». Там же похоронена Александра Андреевна Воейкова, которую так любил Василий Алексеевич Перовский, на ее камне написано: «Да не смущается сердце ваше». Это было ее любимое Евангелие, которое она всегда читала с Перовским.

* * *

Я проводила лето 48 года в Павловске. У меня были страшно расстроены нервы, а тут грянула холера, такая страшная, что умирало 1000 человек в день, и у меня была сухая холера, люди умирали в одну секунду. Что вы вздыхаете?

– Так, мне грустно.

– Меня лечила ясновидящая Андрея Ив<ановича> Пашкова, и по ее совету меня магнетизировал д-р Берг. Я долго колебалась и, наконец, решилась ехать в Павловск. Я послала человека искать квартиру, лучшие были взяты, остался дом полковника Шипова, человек мне сказал: дом безобразный. Я пригласила брата Карла ехать с женой и ребенком *со* мной и жить у меня. Ясновидящая посылала мне секретки по почте, и Берг ездил два раза в неделю. Брат познакомил меня с Абрамом Сергеевичем Норовым, жена его рожденная Панина, я ее знала по Калуге, Н<иколай> М<ихайлович> был там губернатором 6 лет. <...>

Я говорила Норову: «Ведь у вас комнаты не выметены». – «Да, это оттого, что Эпикур играет в бабки с форейтором». Эпикур был мальчишка – ведь все наши люди Эпикуры. У Норова бывали комические сцены, например, за обедом, в момент, когда слуга подносил ему блюдо, он говорил ему: «Извини меня, любезный друг, я тебя разругал, как собаку», целовал его и давал ему 5 или 10 рублей, а его жена говорила ему: «Абрамуш, ты всегда так: то разбранишь его напрасно, то извиняешься, оттого у нас нет никогда порядочных людей». Он почти все вечера проводил у нас, играя в ералаш: он, его жена, Гумалик и я. Он сердился ужасно и заикался более, чем обыкновенно:

«Я ей иду с туза, а она мне отвечает литераторами», бывали маленькие споры. Однажды вечером он хотел показать себя галантным по отношению к г-же Никитенко, жене цензора, шел дождь, он надел одну галошу и говорит слуге: «А где же другая?» – «Другая осталась под Бородином». <...>

Гумалик мне говорил, что Норов целый день нюхает табак. Когда наступает Страстная неделя, он свою табакерку дает под ключ Гумалику, страшно мучается, постоянно кладет руку в карман и сует ее к носу. Возвращаясь из дворца, он спешит похристосоваться с женой, ее родными и домашней челядью, а вместо пасхи и кулича Гумалик подает ему табакерку, и он в восторге готов так нанюхать нос табаком, что расчихается.

Вам необходимо прочесть его «Путешествие в Сицилию», ученые аглицкие путешественники и те его ценят; он собственными глазами убедился, что пророческие слова Иоанна Богослова в Апокалипсисе сбылись: не осталось камня на камне, все поросло тернием и волчцами. В Ефесе, где была славная Диана Ефесская – помните, когда апостол Павел проповедывал, асияне кричали: Велика Диана Ефесская! И что же осталось от этого города? Какой-то пруд, в котором кишат змеи самые ядовитые, и при захождении солнца они становятся дыбом, высовывая свой язык, и более дня там нельзя оставаться, потому что страшная лихорадка убивает через два или три дня. Кажется, Норов – единственный человек, который посетил эти места. Он был и в Египте и Нубии и оттуда вернулся. Это было у берберов; его человек растерял много его вещей, и когда он спрашивал, где они пропали, ответ был один: у берберов на повороте. Он пристрастился к египетским древностям и захотел, как англичане и французы, приобрести что-нибудь для нашего музея, и купил Изиду за шесть тысяч рублей. Когда он плыл со своей Изидой по Нилу, какая-то царица тех мест бросилась ее целовать со слезами. Перевозка этой Изиды до Одессы стоила ему 3000 фр., а из Одессы – еще 6000 р. Надобно вам сказать, что у Норова была давнишняя связь с вдовой адмирала Сенявина, она собиралась в обратный путь, а его послала в Калугу. Он поехал и влюбился в Варвару Егоровну Панину, дочь Меропы Семеновны, известной в Калуге своим характером: ее звали мать-командирша. Абрам

Сергеевич занялся устройством своей новой квартиры и забыл о существовании своей Изиды. Он жил у Пантелеймона в трех комнатах во втором или третьем этаже, и слышит раз утром, что ямщик погоняет и кричит: «Ну, ну!» Человек вбегает и говорит: «Абрам Сергеевич, наша Изида приехала, ее наверх не втащат, она пол продавит, ее на шестерике привезли из Одессы, вон и счет в 6000 р.» Он уже истратился на место и все домашнее устройство, своего у него мало было, за женой он почти ничего не взял, задумался – и прямо шасть к Волконскому.

– Вы даже простонародные выражения знаете.

– Да отчего же мне их не знать? У нас в институте были девицы из всех губерний и сословий, дворянки, а после наводнения императрица подбирала всех сирот бедных чиновников и разночинцев. В нашем Екатерининском их было 20, а прочих разместила по разным институтам, большую часть в Смольный монастырь, так как этот дом огромный. Этих сирот называли наводненские, они, бедненькие, все были вместе и очень грустили; их учили читать и писать, тех, кто поумнее, оставляли у нас, а других отдавали в Воспитательный дом, где их готовили кого в гувернантки, а кого в золотошвеи или в повивальные бабки.

– Какая благодетельная эта Мария Федоровна!

– Да, она только жила одними благодеяниями до конца своей жизни; я после вам расскажу все, что она делала, а теперь расскажу конец истории Изиды. У Волконского первые слова всегда – отказ. Когда Норов ему сказал, что считает необходимым приобрести это сокровище, тот ему ответил: «А кто вас просил покупать эту дрянь?» – «Ваше сиятельство, это не дрянь, англичане и французы мне завидовали, когда узнали, что я купил Изиду; я продаю ее вам за 6000 р. и теряю 9000 р., которые стоила перевозка». – «Хорошо, – сказал Волконский, – я доложу государю». Через три <недели> он получил 6000 р. Он очень обрадовался и написал в «Северной пчеле» подлеца Булгарина статейку об Изиде, которую, конечно, никто не читал, а Изиду поставили под лестницей в Академии художеств. Когда вы будете в Петербурге, посмотрите ее.

Из варианта 6

* * *

После моих вторых родов я была очень больна целых два года. Я родила двойней в два часа времени, мужа моего не было дома; утром повивальная бабка, весьма известная тогда Марья Ив<ановна> Горина, сказала ему, однако, что в ночь надобно ожидать моего разрешения и что она приедет с Василием Богдановичем Шольцем, первым акушером после знаменитого Шольца. Мы жили на Аптекарском острове, спальня наша – узкая комната в одно окно; между кроватью мужа и моею помещался только маленький столик. К счастью, в доме жила уже две недели другая повивальная бабка, Анна Степановна. Вечером я сидела с невесткой Софьей Михайловной Смирновой, приехал Вяземский, мы пили чай, и я наелась творога со сливками и черным хлебом. В 10 часов я сказала князю Петру Вяземскому, что иду спать. – «А я вам пророчу сегодня, что вы не уснете, и к завтрашнему дню подарите вашему мужу или двух девочек, или двух мальчиков».

Я пошла в спальню с невесткой и не успела раздеться, как без боли полились воды. Бабка тотчас меня положила, послала за ближайшим д<окторо>м, верхового к Шольцу, другого – к мужу, который по своей привычке играл в карты у Делико с Платоновым и возвращался обыкновенно под утро, часов в пять. У меня была уже нанята няня, англичанка Андерсон, и кормилица из Федоровского. Родились две девочки, в два часа времени все было кончено, но последствия были самые ужасные; у меня началось сильное кровотечение, поднялась рвота; надо мной стоял высокий худой старик, которого я не знала, щупал пульс и говорил; «Noch dreimal und es ist Ende mit ihr». Я сказала: «Ich bin noch jung und habe Kinder, ich will nicht sterben». Тогда принесли рейнвейн Cabinets 10 года; этот доктор был отец известного и почтенного д-ра Здекауэра, он смешал рейнвейн с шампанским и лимоном, питье было самое приятное, и это остановило рвоту и умерило кровотечение. Бедных моих девочек долго не убирали, наконец я сказала: «Die Kinder

sind noch nicht gegessen»[301]. Их унесли, открыли окно, вся комната была полна воды и крови, я была обложена льдом и внутрь клали куски льда, наконец к утру остановилось кровотечение, и в это время приехал мой благоверный. Честный и благородный старик Здекауэр ему сказал: «Mein Herr, ein guter Gatte bleibt by seiner Frau nicht nur den Abend, wo die Leute ihm gesagt hat, dass Sie die Unwohlsein hat, sondern eine Wehe. Es ist mir zum ersten Mahl gesehen dass ein Mann seine Frau so unbarmherzig behandelt»[302]. Я умоляла Здекауэра меня перенесть на сухую постель, но он сказал, что не прежде 9 часов утра, велел всем выйти и чтобы три дни никто не входил ко мне, кроме Шольца и Анны Степановны. Я была очень рада, потому что Н<иколай> М<ихайлович> курит, а я не могла выносить запаху пахитосок. В девять часов меня на простынях перенесли на сухую кровать, вынесли другую, вынесли стол, оставили один стул, окно было завешано черным сукном, но для воздуха оно было немного приподнято, и комнату освежили мокрым полотенцем с уксусом и одеколон. Но сна у меня не было, и мне давали лавровые капли и еще какое-то лекарство. К счастью, молока почти не было, и это, по крайней мере, меня не тревожило. На третий день miss Anderson принесла мне моих девочек; она сказала, что одна из них была так мала, что ей трудно было ее мыть в корыте; они уже были одеты по-английски, в длинных платьях. Я сшила все приданое своей рукой и была большая мастерица на рукоделье, потому что в Екатерининском институте, где я была воспитана под благодетельным примером поистине святой жизни импер<атрицы> Марии Фед<оровны>, нас всему учили, а главное учили никогда не быть праздными. «Лень, – говорила нам сама императрица, – мать всех пороков». Мой муж тоже пришел в 10 часов утра и с цыгаркой, но Анна Степановна требовала, чтобы он ее не брал, он ее бросил. Так как он не имел ни малейшего представления, как ухаживать за роженицей, потому что после моих первых

[301] Еще три раза, и с вами все будет кончено <...> Я еще молода, и у меня дети, я не хочу умирать. <...> Дети еще не ели *(нем.).*

[302] Милостивый государь, хороший супруг остается подле своей жены не только вечером, когда люди сказали ему, что она нездорова, но даже родит. Я впервые вижу такое бесчеловечное обращение мужа с женой *(нем.).*

родов обо мне заботилась его тетка Любовь Ив<ановна> Безобразова, ему пришла прекрасная мысль обедать в моей комнате. Шум тарелок, вольность, с которой слуга входил и выходил из комнаты, так подействовали на мою голову, что я ему сказала: «Николай, скажи мне, я родила кроликов или молочных поросят?» Он понял, что я в бреду, позвал Анну Степановну, та все поняла и побежала за Шольцем. Я еще услышала, как Анна Степановна говорила ему: «Я ведь говорила, сударь, что в комнате такой слабой больной нельзя обедать, вот теперь молоко бросилось в голову, вина не моя, если она умрет или помешается». Как я его возненавидела в эту минуту, а ведь очень добрый и благородный человек был он, но без нравственного воспитания и по натуре взбалмошный и в вечных ажитациях.

По моему мнению, все мужья – свиньи, сделав детей своим женам, они полагают, что сделали все, – все за исключением императора Николая, идеального мужа и отца. Этот великий человек находил возможности делать все, несмотря на свои многочисленные занятия как государя нашей обширной страны, где не было порядка. Граф Медем имел основание говорить, что Россия – божий дом.

Когда мой муж так напугал, я хотела выскочить из постели и Анна Степановна с моей девушкой с трудом меня держали. Не знаю, сколько дней я была в беспамятстве; я очнулась в гостиной, возле меня сидели братья Ося, Карлинька и Аркадя. Я спросила, что у меня на висках, кровь припеклась, везде была боль от горчичников, я все спрашивала, зачем. – «У тебя была сильная лихорадка». – «Отчего?» – «Ты испугалась стука ножей». – «Ах! Ах! Где я? Что со мной?» Опять всех выслали и еще неделю никого не пускали. Между тем детей возил их отец на Елагин остров, где имп<ератрица> проводила несколько недель. Она и в<еликая> княжна Ольга Николаевна были восприемницы – одну, самую маленькую, назвали Ольгой, а другую Александрой. У бедной Оли надобно было переменить двух кормилиц, одна была такая, что проклинала бедное дитя, потому что оно не спало от слабости. Это мне сказала Анна, кормилица Адинина, я в ту же минуту отослала ее, Анна кормила обеих три дня, а потом была Марина из Федоровского,

прекрасная и добрая, веселая женщина, которая ей пела песни и оставалась еще месяц, откормивши ее. После шести недель меня вывели в сад, и я сидела там по целым дням, там и обедала. Добрый Плетнев пришел ко мне в сад; он после сказал мне, что не узнал бы меня, если бы не знал, что я сижу в саду. Лицо было бледное, желтое, распухлое, и глаз почти не было видно.

Осенью мы поехали за границу <...> доктор Горн <...> велел ехать в Мариенбад, а оттуда для укрепления в Франценсбад <...>.

Зимой я опять занемогла нервами, все от печени, и опять поехала в Мариенбад и Франценсбад. Государь не позволял русским ездить в Париж, но сделал для меня исключение, потому что я хотела лечиться омеопатией у Ганнемана; он дал мне это изволение с условием не представляться Филиппу, да и мне самой не хотелось видеть этого мерзавца. Графиня нам советовала провести лето в Бадене; я была беременна третий раз. Мы потащились в двух экипажах, в большой четырехместной карете были две няньки и дети, сзади на козлах крепостная женщина Лиза, а на козлах возле кучера – крепостной мальчик лет 22, Сашка. Я с моим благоверным в коляске.

* * *

– Киса, дайте мне руку, пойдем по Лихтентальской аллее, мне кажется, что я вижу Гоголя. Я не буду вас знакомить, потому что он никогда не знакомится с новыми людьми. Посмотрим... Николай Васильич! Он не оборачивается, пойдем-ка, сядем на скамью напротив фонтана, к счастью, она не занята. <...>

Но вот и Гоголь. Николай В<асильич>, хороши же вы – в Бадене и даже своего длинного носа не показали.

– Я пью воды и не успел быть у вас, приехал только известиться о вашем здоровье, еду завтра в Эмс к Жуковскому – его жена познакомилась с нашими знакомыми муками, очень страдает, ей все кажется, что она тотчас умрет, держит часы в руках и говорит ему: «Еще пять минут, и я умру». Это истерзало бедного Жуковского; к счастью, подъехала ее приятельница графиня Фок, и это ее немало рассеяло. Потом еду к бедному Языкову в Ганау, он лечится у Коппа.

– Николай Вас<ильич>, вот Ник<олай> Дмитрия Киселев, он учился в Дерпте с Языковым и Языков ему первому читал свои стихи.

– Да, пожалуйста, Николай В<асильевич>, передайте ему мое истинное сожаление и дружбу, я воображаю, сколько прелестных стихотворений он написал.

– Да, его стихи «Землетрясение» – одно из лучших произведений нашей богатой поэзии. Пушкин от них в восторге. А затем прощайте, мне приятно было с вами познакомиться, я Языкову передам ваши дружеские слова. А знаете ли вы, что он делает в Hanau, у него кроме д-ра Коппа нет ни одной души знакомых, он сидит у окна и пишет историю проходящих, у него распределены роли всех греков и римлян и их любезных готов и фризов, и это у него выходит целый роман.

– И я попробую писать историю проходящих у своего окна, только у меня совсем нет творческого духа, а вот А<лександра> О<сиповна>, та мне рассказывает кое-что из своего детства, и так интересно, что я ее просил писать свой журнал.

– А затем прощайте, я сюда опять заверну в надежде поздравить вас с дочерью или сыном.

– Киселев, вы должны быть очень горды, Гоголь пожал вам руку, это доказывает, что вы заслуживаете его уважения.

– Но откуда он это знает? У меня на лице не написано, что я честный человек.

– Он большой физиономист и очень наблюдателен, он увидел, как скромен ваш тон и туалет, а вообще-то молодые дипломаты – легкомысленные люди, которые носят с бархатными жилетами и <нрзб> голубые галстуки, как этот дурак Жан Толстой, с такими высокими плечами и с видом пошлого воробья.

* * *

– Наши бани – страшное безобразие, мужчины и женщины моются вместе, наконец, полиция велела, чтобы было два отделения, а теперь говорят, что государь велел сделать большие бассейны; не знаю, видели ли вы в Царском большой бассейн, в котором проточная вода; он возле девушки с разбитым кувшином. Это очень хорошенькая маленькая статуя.

– Да, я был в Царском Селе только один раз и лишь это и видел. Я был слишком беден, чтобы нанять экипаж, и пришел туда пешком с Пушкиным, который такой же безумный

пешеход[303], как я. Не знаю, читали ли вы когда-нибудь «Галантные историйки» Тальмана де Рео?

– Конечно, и они доставили мне много удовольствия, особенно «Ответы г. Космю», и я знаю «Историю пехотного капитана». Именно Пушкин мне указал на них, так же как на сочинения Ривароля, Шамфора и «Сказки» Вольтера.

* * *

– Любите ли вы фуги в музыке?

– Очень.

– Я тоже. Лист сыграл их только в зале Филармонии и то по просьбе императрицы. Он думал, и не без основания, что наша публика их не оценит, наконец он сыграл одну. Вьельгорский, Одоевский и я, мы затаили дыхание, когда он начал престо, и говорили друг другу: «Сорвет» – но перевели дыхание, он вступил в нужный момент; мы одни аплодировали. Императрица подозвала его и поблагодарила; она попросила его спеть ей один романс из тех, что он играл ранее, он восхитительно с ней разговаривал.

Duster wer lieblos ist,
Du mir nicht wartete[304].

У Вьельгорского тоже нет голоса, но он прелестно произносит романс.

– Я знал Вьельгорского, я был его опекуном целый год в Париже; он издержался в разных клубах, наконец Матвей Юр<ьевич> прислал мне деньги на его содержание, я все платил в пансионе, где его поместил, но утром он всегда заходил, когда я пил чай, и со мной завтракал – он уж не смел более тратить 20 фр., которые ему отпускались на фиакры и мелкие расходы, и потом прибавлял: «Милый мой, ваш чай превосходен, особенно потому, что вам пришла добрая мысль привезти самовар».

* * *

– Киса, я знакома с вами всего три дня, а мне кажется, что целые века.

---

[303] В подлиннике: fou «Capitaine d'infanterie» – безумный пехотный капитан.
[304] Мрачен, кто не знает любви. / Ты не ждала меня *(нем.).*

– И у меня такое же чувство.

– Точно так же случилось у меня с Гоголем. Однажды я ему сказала: «Николай Василь<евич>, когда и как мы с вами познакомились?» – «Вот прекрасно, так вы не помните, так я не скажу вам, это значит, что мы были всегда знакомы». – «Вот теперь я помню: во-первых, я вас видела в Царском, вы мне попадались, когда я гуляла вокруг озера, вы оборачивались и шли назад, вы были закутаны в альмавиву». – «Совсем не в альмавиву, а просто в шинель». – «Ну, шинель, но я видела, что у вас белый нос и спросила, кто вы, – он мне сказал, что Гоголь – хохол, он писатель, а потом, кажется, Плетнев привел вас ко мне». – «Совсем нет, вы меня встретили у Аркадия Осиповича и сами пригласили меня быть у вас – а все-таки я и прежде был с вами знаком. Помните, как мы любили говорить о Малороссии, о галушках, варениках, коржиках и шуляках?»

* * *

– Что до меня, то я буду звать вас вашим именем Александрина – имя Сашенька я оставлю вашему мужу, я не люблю уменьшительных имен.

– И я тоже. Я сказала, не знаю когда, Гоголю: «Зачем вас, братец, зовут Николаша, а родные – Коля; вы Николай, и так как вы мой старший братец, я буду вас звать Николай Вас<ильевич>». Тогда он мне сказал: «Сестрица, мне кажется, что весна и лето нигде так не хороши, как именно здесь у нас в Васильевке». Мы лежали на траве возле речки, кажется эта речка Псел, он лежал задравши ноги и положив руки за голову. «Какая тишина, – сказал он, – кажется, что слышен стук времени, уходящего в вечность».

* * *

– А вот стихи Соболевского на Москву:

Везомый парой, а не паром,
Москву изъездил Мейендорф.

Это Александр, муж этой уродины Души, которую в Париже называли Султаншей.

– Султанша – это мило. Это вы дали ей это прозвище?

– Вовсе нет, это Гейне, немецкий поэт еврейского происхождения; это очень красивый мужчина, он находился в Пирмонте, когда я там лечилась. Там был клуб, куда допускали только аристократию. Герцог Мекленбургский, женатый на сестре императрицы, сказал ему, когда тот вошел в клуб: «Сударь, по какому праву вы вошли в этот клуб, созданный мною для моего интимного круга? Никогда евреев не допускали в какое-либо хорошее общество». Гейне ответил дерзостью, и мой муж счел себя обязанным броситься на него и вызвать его на дуэль. Гейне принял вызов, но некий г. Кнабельсдорф уладил дело, и трусливый, как все евреи, тот покинул Пирмонт. Гейне терпеть не мог «синий чулок», а так как госпожа де Сталь обладала монополией педантизма и всегда носила тюрбан, он прозвал ее султаншей от поэзии. Гейне был глубоко прав, потому что нет ничего комичнее на свете, чем ученая дама.

* * *

– Знаете ли вы, как мастерски вы рассказываете о Малороссии?

– Всегда хорошо рассказывают о том, что любят, тогда сердце диктует воображению.

– Но в России тоже так много красот, я вспоминаю, в какой восторг приводил меня Кремль, когда весной и летом, и даже зимой его освещало солнце.

– Конечно. Вид с кремлевских склонов на другую сторону Москвы – изумительной красоты. Я нахожу, что самый красивый город в мире – Рим, а потом Москва.

* * *

– В 54 году, после смерти императора Николая [e], когда он был уже в крепости, я надолго остановилась, чтобы смотреть на него. На нем был венец, похожий на архиепископскую митру. Я сделала Тютчеву знак подойти и сказала ему: «Вот последний великий царь русский, будут хорошие, но великого

не будет». Он сказал: «Мелхиседек – вспомните последние предсмертные стихи Баратынского:

Ты помнишь, что изрек
Седой Мелхиседек:
Рабом родится человек,
Рабом и умирает,

далее не помню. Тютчев принес их мне еще в рукописи.

В 50 году я видела императора в последний раз...

* * *

– <Норов> ужасный ферлакур, ему очень нравилась г-жа Никитенко, рожденная Любомирская, она со мной была в институте. Как галантный мужчина, он взялся ее перевезть на железную дорогу.

– Как, у нас есть уже железные дороги?

– Да, конечно, до Царского, и теперь делают в Москву, даже уже, кажется, дошли до половины. Посылали полковника Крафта и одного инженера в Америку. Когда пришлось проводить дорогу через новгородские болота, как ни старались, балки все выходили наружу. Тогда Клейнмихель донес, что есть непреодолимые препятствия. Государь рассердился и сказал: «Для меня нет непреодолимых препятствий!», взял бумагу и карандаш и нарисовал прямую линию. – «Государь, вы оставите Новгород на 60 верст в стороне». – «Это не беда – со временем осушат болота и пристроят эту линию». Дорогу строили американцы, очень дурно, и накрали страшно, они просто грабители и флибустьеры. Потом государь приступил к другой линии, Варшавской, тоже стратегической линии, но ее уже построили после его кончины, и строил французский инженер Колиньяк, который тоже накрал страшные деньги, сделал себе положением в Петербурге, кто бы принимал г. Колиньяка, сына сапожника.

– Как я вам благодарен за эти сведения об России, я совсем отстал от всего русского и теперь совсем очужбинился.

– С железными дорогами все изменилось, и не к лучшему. Мейер сказал мне, что он обедал у герцога де Брольи с Биссе, у которого была привычка подремать; говорили о железных

дорогах, Брольи сказал Биссе: «Мой милый, что вы думаете о железных дорогах?» – «Железные дороги это величайшая мировая революция».

Дмитрий Хилков сказал мне: «Моя дорогая, поспешно строят железные дороги, это необходимо, но это ускоряет деморализацию нашего народа. Фабрики и железные дороги – рассадники всех пороков. Стурдза был прав, говоря: нет такой хорошей и полезной вещи, которую человек не сумел бы обратить во зло».

* * *

– А почему ваш брат был в Сибири?

– Как артиллериста его послали инспектировать тамошние наши маленькие укрепления. Когда он уезжал, его здоровье было очень дурно, и это пребывание в Сибири в течение почти года принесло ему много добра. Так как в Сибири никогда не бывает ветров, там гораздо меньше чувствуется мороз. В Иркутске он нашел еще многих изгнанников 14-го (декабря) – Трубецких, Волконских, братьев Борисовых, Лунина, генерала Юшневского, служившего в корпусе вашего брата Павла, он был секундантом в несчастной дуэли вашего брата с Мордвиновым, убитым им.

– Как? Мой брат имел несчастье убить своего противника? Это меня ужасно огорчает.

– Я очень сожалею, что сказала вам об этом, мой бедный друг, вас поразило это открытие. Но что вы хотите, он не мог поступить иначе. Мордвинов, которого он очень любил, оказал ему неуважение перед всеми; пытались уладить дело, уговаривали Мордвинова извиниться. Этим занимался мой дядя Николай, очень преданный своему начальнику. По-моему, это этот злой гений Пестель требовал, чтобы Мордвинов дрался. Мой дядя сказал мне, что все возносили молитвы и пожелания о сохранении их командира, который не целился и убил своего противника, напротив, целившегося. Во всей армии было огромное волнение. Тогда-то император приказал его отозвать. Ради Бога, никогда не говорите с ним об этом деле. Его интимный друг Бутурлин сказал мне, что в годовщину этого

рокового дня он уединяется и всю предшествующую неделю печален и страдает, – а в этот день он причащается и видит всю сцену так живо, как если бы она повторилась.

– Ах, бедный, бедный Павел Дмитрия, у него на роду было написано быть печальным, он страстно любил вашу мать, которая не пожелала стать его женой, – уж это судьба Киселевых, одному любить мать, а другому дочь.

– Юшневский и Лунин провели 11 лет в Шлиссельбургской крепости, которую в простонародье называют Шлюшин. Комендант крепости был немец, вообще-то очень добрый человек; он приходил в камеру каждого и говорил им неизменно одно и то же поучение: «Молитесь Богу и благодарите государя, что он вам дарует счастье раскаяться». У них не было книг, и они смертельно скучали. Однажды Лунин в приступе отчаяния подошел к железной двери своего соседа, дверь открылась, и судите о радости, с которой он свиделся с Юшневским. В эту минуту вошел солдат с пищей, остановился, чтобы открыть дверь, и приложил палец к губам; они поняли, что нужно не открывать дверь до прохода коменданта. Когда за ними пришли, чтобы отправить их в Сибирь, они получили немного денег и хотели дать что-нибудь старому солдату, он отказался.

– Как это трогательно.

– Я рассказала это императору, который сказал: «Я велю отыскать этого солдата и назначу ему пенсию». Волконский сказал моему брату: «Я никогда в жизни не имел снов, но раз мне приснилась пара коней, и я сейчас себе сказал, что дело 14-го проиграно. В этот день я узнал, что граф Витт донес о нашем заговоре».

* * *

Граф Сухтелен очень любил хорошеньких женщин, они каждый вечер собирались у него; самая хорошенькая, но и самая глупая была девица. Брюс, которую он выдал замуж за своего адъютанта Лохерна. Брюс находился в Одессе при Воронцове, влюбился в мадам Лохерн, они были в связи. Лохерн ему сказал: «Я не желаю топтать мое имя в грязь и требую, чтобы вы на ней женились». Брюс начал выдвигать трудности,

Лохерн взял пистолет, приставил его к груди и тот согласился. Пушкин был тогда в Одессе и рассказал мне это.

* * *

– <Александр I> был тогда в платонической связи, думаю – с красавицей г-жей Кожуховой, рожденной княгиней Трубецкой, муж которой был губернатором в Курске и брал взятки в четыре руки – отчего и был отставлен, как только имп. Николай взошел на трон. Он всех и все подтянул. Во времена Александра была большая распущенность, все генералы, воевавшие с ним, были молоды, они страдали вместе с ним, победили: с ним и отсюда возникла большая фамильярность; ваш брат в особенности был баловнем имп. Александра.

На каком-то параде или маневрах генерал отвечал императору <Николаю>, не приложив руку к шляпе. Император закричал ему своим громким голосом: «Руку к шляпе, генерал! Руку к шляпе, генерал!» И так взглянул, что все приложили руку к шляпе. Да, наш Николинька как посмотрит, так душа в пятки уходит, а как прикрикнет, то колени от подлости подкашиваются и делается в коленках дрожь, как говаривал Пушкин, питавший истинную приязнь к императору. Он был ему многим обязан. Как только он взошел на престол, он вызвал Пушкина в Москву, обласкал его и посоветовал ему возвратиться к более умеренным политическим взглядам.

Обычно в марте Пушкиным овладевала ужасная тоска, он видался только с Плетневым, нашим учителем литературы, единственным уважаемым нами учителем, и все повторял: «Грустно, тоска». Плетнев, сын провинциального священника, имел слабость говорить: «А ведь гораздо честнее быть сыном попа, чем воришки-человека». Плетнев предлагал ему читать. Он отвечал: «Вот уже год, любезный друг, что я кроме Евангелия ничего не читаю».

– Бедный Пушкин, а я его знал таким веселым и беззаботным. Много ли стихов он вам написал?

– Нет, мой поэт – Вяземский, но писал почти всегда шуточные стихи. У меня есть альбом, я его вам покажу – мне его

подарила Софи Карамзина ко дню рождения или именин, не помню. Пушкин написал в этом альбоме:

Записки А. О. Смирновой

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный,
И как дитя была добра.
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

А я-то никогда не писала ни строчки до тех пор, пока вы не попросили меня писать воспоминания. Из этих стихов возникла моя репутация злючки – я думаю, вы убедились уже, что я вовсе не зла. Я никогда никому об этом не говорила.

– По-моему, Пушкин очень плохо закончил это прелестное стихотворение – ваш портрет. Но вы действительно очень остро высмеиваете то, что смешно, и в глазах других это может показаться злобным. Когда я повернул в великолепный двор дворца в Царском, Пушкин показал мне ваши комнаты в первом этаже и сказал мне: «Здесь я проводил веселые вечера у фрейлины Россет с Жуковским».

* * *

– А какой Катехизис вы учили?

– По правде говоря, не знаю, – он начинается так: «Катехизис есть краткое учение как веровать в Бога».

– Тогда это митрополита Платона. Катехизис разделяется на две части: на богослужение существенное и богослужение откровенное. Мы его долбили пять лет без всякого толкования у нашего помешанного попа Георгия, он был с Волкова кладбища, туда посылают самых плохих священников; панихиду отслужить на почтовых не трудно.

– Да как же императрица не позаботилась найти лучшего?

– А где было его взять? Екатерина удалила Платона в Москву. Тогда был обычай, чтобы в воскресенье митрополит в большой придворной церкви говорил проповедь. Катюша выходила со всем двором в большом наряде и все в кавалериях. Платон долго терпел ее распутную жизнь, но раз наговорил таких истин, что она рассердилась, услала его в Москву,

а петербургским митрополитом назначила Михаила, доброго старика, который нашел много проповедей на розовой водичке.

* * *

– Клементий, который очень забавен, говорит, что чиновники говорят «Превосходительство» с наслаждением, так что от подлости у них слюнки текут и выходит «Првосьвась». Как он меня смешил в Калуге! Он приехал из Киева – сменив по крайней мере 15 мест, он служил при Дмитрии Гавриловиче Бибикове, который был киевским генерал-губернатором. Император приказал в качестве предварительной меры делать инвентари.

– Что такое инвентари?

– Ах, Киса, какой вы бестолковый, – что такое инвентари! Они известны повсюду.

– Но почему вводили инвентари?

– Поляки гораздо худшие помещики, чем русские. Князь Яблоновский, с которым я познакомилась в Дрездене в 1849 г., сказал мне, что понимал бы, если бы Пугачевщина имела место в Галиции, потому что польские помещики делали повинности из всего. Например, в России издавна позволяли крестьянам собирать орехи, грибы, эти же не довольствовались работой, а требовали яйца, мед, холст.

* * *

– Дорогая графиня, теперь, когда мы среди своих, я расскажу вам историю любовников великой княгини Елены, которую я называю просто Аленка.

– Что вы, что вы, А<лександра> О<сиповна>, – вскричали мой муж, Киселев и Муханов.

– Да, и я все это сказала императору. Императрица и г-жа Фредерикс были ошеломлены, увидев на лице императора признаки растущего гнева, а когда я назвала последнего – Николай, ты удивишься, узнав, что это был наш кучер Илья.

– Что ты говоришь, что за ужас!

– Да, этот косолапый, дрянной трус Илья был ее последний и самый любимый любовник. Когда я сказала про Ильюшку,

то государь, который отроду не плевал, плюнул и сказал: «Мне хочется вырыть ее тело и послать его в Штутгарт». А я сказала государю: «Зачем тратить столько денег, пошлите ее в Schloss Lode, имение графа Буксгевдена». – «А что там?» – Там было неизвестное тело. Рибопьер мне сказал, что это тело первой жены имп. Павла Пет<ровича>. Она была гульливого десятка, спаивала несчастного государя опиумом и в той же постели делала гадости с Андреем Кирилловичем Разумовским. Екатерина это узнала и послала Разумовского посланником в Неаполь. Вигель рассказывает с злобной улыбкой, что этот Разумовский приходил в церковь к последнему выносу и когда ему это замечали, он отвечал: «Как же, ведь я всегда прихожу к “и со страхом”». – «Мерзавец, – сказал имп<ератор>, – бедный мой отец, ему нужно было все испытать на этом свете». – Государь, это еще не все. Подлый брадобрей Кутайсов открыл императору неверность его первой жены, она была красавица и умерла, не разродившись, Шольц вам может сказать, по какой причине, у них хранится протокол. Туда же и Елизавету Алексеевну.

– Что вы говорите, моя милая! Эта женщина, столь достойная, которая так горевала об императоре, которая написала те столь трогательные слова: «Наш ангел на небесах, а я оплакиваю его на земле».

– О, это фальшивое существо любило трескучие фразы. Она оставила том своих мемуаров своей старой фрейлине Валуевой. Та перед смертью позвала своего племянника Петра, которого вы знаете, по крайней мере с виду, и посоветовала ему сжечь эту книгу, не открывая ее, что он и исполнил честно. Имп<ератор> сказал мне: «Кто вам сказал, что у имп. Елизаветы был любовник? Моя жена?» – «Нет, ваше величество, я один раз спросила у императрицы, знает ли она это, она мне только сказала: “Я полагаю, что Елена была бы совсем другой, если бы имп. Елизавета не восстановила ее против матушки и против меня; не спрашивайте меня более, император не любит, когда говорят о семейных секретах”».

Она прежде всего была в связи с Чарторижским, от которого имела дочь, а потом с Охотниковым, я знаю это от г-жи Фредерикс. Лизетта жила довольно уединенно на Каменном острове в первом этаже, император вечером никогда не входил к ней. Однажды вечером в 11 часов она услышала его шаги,

Охотников выпрыгнул в окно так поспешно, что все себе сломал, он добрался до деревни Дюваль, которая принадлежала тогда отцу барона Фредерикса, и через три дня умер в ужасных страданиях – она даже не спросила о нем. Император Александр был безумно влюблен в княгиню Ауэрсперг, невинную победительницу его Лизетты, у которой был вид швейцарской гувернантки, этакого Вильгельма Телля.

– Как это мило, – сказали все.

– «Это еще не все, ваше величество, – сказала я императору, – этот бесчестный Кутайсов осмелился обвинить императрицу в связи с Сергеем Ильичом Мухановым, и в отместку имп<ератор> спал с прачкой в Павловске».

– <…> Но откуда вы взяли все эти подробности?

– Я взяла в качестве компаньонки к моей дочери мадемуазель Семевскую, которая воспитывалась в доме старухи Архаровой, она слышала все это у них в доме. Эта старая дева была очень забавна, один раз я ей сказала: «Анна Николаевна, зачем Аленка так суетится об освобождении крестьян?» – «Как зачем, после смерти государя осталась старая тетка на Михайловской площади, куда выйти из этого положения, вот и начала делать мерзости в Редакционном комитете со своим любимым Абазой».

* * *

– <Елена Павловна спрашивает Смирнову>: Вы хорошо знаете Самарина?

– Да, мадам.

– Как вы думаете, согласится ли он прочесть курс русской истории моим дочерям?

– Не знаю, мадам, но во всяком случае у вас есть превосходный учитель русской истории, Арсеньев, который давал уроки истории наследнику – до Петра Великого, а с Петра Великого – сам император читал этот курс своим сыновьям.

– О нет, Арсеньев не может мне подойти, мне нужен кто-нибудь с новым взглядом на это столь темное прошлое.

Все это были просто фразы, потому что она совершенно ничего не смыслит ни в истории, ни в русской литературе; она и граф Киселев уверяли графа Блудова, что в России не было

ни поэтов, ни мыслителей. Блудов пристыдил их и прочел им курс русской литературы с цитатами, его манера так педагогична. То, что старый Киселев не читал ни Державина, ни Ломоносова, ни Пушкина, объясняется очень просто: с 15 лет он был на полях сражений, потом командиром корпуса, потом министром, у него не было времени читать стихи; но она-то, почему она так невежественна?

Из варианта 7

* * *

– Аббат Николь основал лицей в Одессе, что было большим благодеянием для южных помещиков России, испытывавших большие трудности с воспитанием детей. Мой дядя Дмитрий Иванович и его кузен Сергей Кудашев учились в лицее, они жили у нас в дресолях, как говорили слуги. После польского восстания 1830 г. император Николай основал университет в Киеве, который назвали Владимирский университет. Виленский раскассировали, Мицкевича и еще некоторых профессоров уволили, а других перевели в Киев вместе со студентами. В Нежине был лицей, основанный Безбородкой, там воспитывался Гоголь, но профессора были самые плохие.

* * *

– Моя бабушка была княгиня Грузинская, двоюродная сестра Цициановым. Выходит, что вы и я, мы троюродные.

– Может быть. Видите ли, когда Грузия при Петре Великом добровольно подчинилась России, с царем Вахтангом приехало много родов княжеских и не княжеских. Самый старый род князей Орбелиани, они вышли из Китая 250 лет по Р. Х., пришли на Кавказ, где уже нашли христианские церкви и обратились в христианство. Второй за ними род Багратидов. Царь Давид был женат на знаменитой Тамаре, которая у них во святых, затем Амилахвари, их в России зовут Амиловаровы, потом Цици, по-русски Цициановы, Баратовы и Эрнстовы. Наехало столько князей с Вахтангом, что, когда они отличались, Петру нужно было что-то сказать, он закричал: «Эй ты, князь,

как тебя зовут?» – «Туркестанов». – «А тебя?» – «Манвелов». – «А тебя?» – «Кудашев». Они все и сделались князьями. А бабушка при мне говорила: «Какие Кудашевы князья, они у Цициановых на запятках стояли».

* * *

– Иосиф, которого мы зовем Ося, был так красив пажом, что его возили по домам напоказ; его портрет писала карандашом Елисавета Петровна Нарышкина и кончила за день до отъезда в Сибирь. Этот портрет должен быть в семье Коновницыных, Нарышкина была рожд<енная> гр<афиня> Коновницына.

* * *

<Вариант окончания рассказа о встрече с Гоголем в Бадене>

– Приходите к нам обедать.

– Не могу, я по совету Коппа пью молоко, до 10 стаканов в день, и должен много ходить. Я загляну к вам завтра утром.

– Я вас знаю, вы только обещаете и не придете.

– Я никогда бы не подумал, что это большой писатель, как вы о нем мне говорили, в выражении его лица ничто этого не показывает.

– Гоголь – человек очень благочестивый, он всегда занят движением своей духовной жизни. Он очень мало учился в молодости, теперь он изучает греческий, чтобы иметь возможность читать Евангелие по-гречески. Он себе задает уроки после молитвы, ходит по комнате и учит наизусть греческие слова.

* * *

<Вариант рассказа о «Ревизоре»>

– Гоголь очень беден, у него мать и две сестры, которым он помогает, как может, продавая свои сочинения. Он представил в дирекцию свою комедию. Дирекция нашла, что нападки на взяточников могут оскорбить великих мужей, у которых рыльце в пушку, и не решилась поставить ее на сцену. Михаил Юрьевич Вьельгорский это узнал от Жуковского и доложил государю. Государь приказал выдать ему 4000 р. асс. и сам приехал в театр в маленькую ложу в эполетах. Хохот был

постоянный, государь сам начинал аплодировать и более других смеялся. В первом ряду партера сидели тузы, ваш брат, двое Горчаковых, Владимир Федорович Адлерберг, Нессельрод, люди чистые и честные смеялись от души, остальной партер громко хохотал, но были такие, кто смеялся принужденно. Где прятался Гоголь, неизвестно. Его вызывали, но он не являлся. Сосницкий играл роль городничего и, говорят, хорошо. Я видела «Ревизора» в Москве, там Щепкин играл, друг Гоголя и тоже хохол. Они друг друга не знали. Ах, Киса, как жарко, пойдем сядем у фонтана.

Гоголь ходил почти всякий день в лавку Ферапонтова на Никольской, более для приятной беседы. Ферапонтов говорил каким-то вычурным языком. Там он встретил Щепкина и сказал ему: «Гей, чи живи, чи здорови вси родичи гарбузови? Михаил Петрович Щепкин? Николай Васильевич Гоголь» – и пожали друг другу руки.

* * *

– Слово сметана мне всегда напоминает, как Катрин Мещерская была в Лотошино и завоевала сердце шведского интенданта, который посвятил ей поэму «Паршивый Сапсана, или Любитель сметана». Киселев, если вы возьмете сметану, вы будете паршивый Сапсана.

– Какие гадости вы говорите, А<лександра> О<сиповна>.

– У нее страсть говорить гадости, она сто раз может слушать, когда Жуковский рассказывает сальные анекдоты.

– Неужели сентиментальный Жуковский их любит?

– Даже очень и всегда смеется, и я смеюсь. <...> Шведский поэт не ограничился поэмой. 17 сентября именины Веры, Надежды и Любови Гагариных, т. е. княгини Вяземской, Полуэктовой и княгини Четвертинской. Он поднес им стихи:

Желаю вам, кн<ягиня> Вера,
Побольше в ухи сера,
Княгиня Надежда
Побольше новая одежда

ей это приятно, она очень любит наряжаться,

А княгине Любови
Побольше кушать моркови.

Любовь замужем за Ладомирским, ей достался прекрасный перстень Екатерины, резной изумруд с портретом, который Като подарила Корсакову.

Из варианта 10

* * *

– Каким же образом, имение, жалованное вашему отцу, попало в руки вашему отчиму?

– Когда полковница была последний раз беременна, она помешалась. Раз она играла в бостон с Дмитрием Ив<ановичем> и уланским офицером Сухотиным, вдруг остановилась, как будто прислушиваясь к кому-то, потрясла карты и пошла в другую комнату, за ней пошел Арлондий, солдаты этого изверга так называют. Она скоро пришла и сказала: «Митя, мне как будто кто-то подшепнул: иди и пиши духовное завещание». Вообразите удивление дяди, когда он увидел, что этот мерзавец принудил ее сделать противозаконную вещь, имение было не ее, а детское. В духовной было сказано: капитал в 3 000 000 р., который в Херсонском приказе общественного призрения – сыновьям, а дочери – 10 пудов серебра и все остальные бриллианты; скловаж Неаполитанской королевы и бриллиантовый крест – ее крестнику Карлиньке. А у бедного Карла только письмо королевы ее собственной рукой.

Когда этот вор приехал после выпуска, чтобы меня взять, с милым намерением продолжать свои гадости, он схватил меня, посадил на свои мерзкие колени и хотел целовать, но я отбивалась. В эту минуту, к счастью, вошла Mlle Wallace и строго ему сказала: «Генерал, как вы позволяете себе такие вольности с мадемуазель Россет?» – «Это моя падчерица и я приехал взять ее». – «Мадемуазель, вероятно, будет взята ко двору, начальница получила приказ императрицы не принимать вас».

Тогда я ему сказала: «Иван Карлович, где мое серебро, мне 10 пудов серебра по духовному завещанию и бриллианты, которые в зеленом кожаном ящике, я помню даже ящик, в котором было серебро, он уже был внизу и ярусами лежало серебро – вы давали обеды на этом серебре в Усмани». – «Какое серебро и бриллианты? Две чайных ложки и три столовые,

из бриллиантов ничего не было, две подушки я тебе пришлю, пять рубашек и четыре поплиновых платья». – «Как вы смеете мне говорить ты, вы все знаете: все на свете можно, только осторожно. Так знайте же, что я пожалуюсь государю и вас отдадут под суд». А Mlle Wallace ему отворила дверь и сказала: «Идите отсюда, генерал, и не возвращайтесь».

* * *

– После моей свадьбы на первом же Аничковом императрица танцевала контрданс с моим мужем; он держал ее за руки, танцевал на кончиках пальцев, как будто хотел причинить ей головокружение; так как я была визави, то слышала, что он говорил только «да» и «нет», ваше величество; мне было стыдно за него. После контрданса императрица сказала мне: «Моя милая, почему я внушаю такой ужас вашему мужу? Ваш брат Иосиф, с которым я танцую, болтает и забавляет меня». Мне было так стыдно, что я ничего не ответила. Императрица больше никогда не танцевала с ним и даже не приглашает его на Аничковы.

– Что такое Аничковы?

– Киселев, как вы невежественны, Аничковы это рай на земле; есть много званых в царство божие, а в царстве царевом в Аничковом – лишь сто избранных персон.

* * *

– Вы знаете почерк Вяземского? С ним было происшествие на мосту Бетанкура на Каменном острове, его дрожки перевернулись, и он ушиб ногу; он написал мне, чтобы сообщить, что он пригвожден к шезлонгу и пишет хуже, чем всегда. И прибавил: «Вообще-то можно поверить, что я всегда пишу левой ногой».

«Это мило, – сказала графиня Нессельроде со своим громким смехом. – Княгиня Вера – моя кузина, и тем не менее я не бываю у них, не знаю, отчего я с ними не в таких добрых отношениях».

– Графиня, вы ничего не теряете. Вяземский слывет человеком очень любезного ума, но он ничего не говорит и протирает свои очки с рассеянным видом, а все, что говорит княгиня

Вера, неверно. Тютчев говорит, что она кажется ему плохим скрипачом, тянущим всегда одну и ту же фальшивую ноту.

– Вот и Тютчев – один из тех, кто всегда заставляет меня смеяться. Это правда, что Нессельроде заставил его покинуть дипломатию. Он был первым секретарем в Турине, посланник попросил отпуск на шесть недель, за это время у Тютчева умирает жена. Мсье оставляет архивы у фабриканта сыра и отправляется разъезжать от потрясения, чтобы найти вторую жену. Находит ее в Швейцарии и женится. Не получая известий из Турина, встревоженный Нессельроде велит написать начальнику канцелярии. Тот отвечает, что первый секретарь уехал, не доверив ему архивы. Вы хорошо понимаете, что нет возможности держать в министерстве подобного человека.

– Вы много теряете, дорогая графиня, ибо это человек очаровательный, полный неожиданностей и очень остроумный. Во время несчастной Крымской войны, в 54 году, когда мы терпели только поражения, он сказал: «Это война негодяев с кретинами»[305].

– Это мило, но мне не по душе такие остроты во время этой ужасной войны, стоившей жизни нашему дорогому императору Николаю.

* * *

– Все сочинения Гейне переведены на французский, вы должны их прочесть, они полны юмора, есть у него и вещи фантастические, я думаю, что это он написал историю Петера Шлемиля, который все время бродил за своей тенью.

– Я знаю историю про Петера Шлемиля, но я не знал, что это Гейне.

– Я могу ошибаться, Киселев, я не непогрешима как папа римский.

– Я прочту Гейне непременно. Киселев, она читает все и часто указывает мне книги.

– Кто-то сказал, что у женщины ум проистекает не из чтения, а из общения с выдающимися людьми. Князь Петр Мещерский говорит, что я не читаю и что книги, которые он мне

[305] Слова «gredins» (негодяи) и «crétins» (кретины) по-французски рифмуются.

доставляет, укладываются у меня. Зимой я не читаю, потому что вижусь с Вяземским, Пушкиным, Жуковским, Тютчевым, а вечера проходят в свете; но я читаю в деревне и читаю, записывая, и копирую отрывки, которые мне нравятся.

* * *

– По всей дороге от Петерб<урга> до Москвы есть этапные избы, в которых вместо окон железные решетки, и деревни обязаны кормить этих несчастных. Наш крестьянин так их называет и с охотой дает им хлеб и грош.

– Наш крестьянин святой человек.

Тютчев прекрасно определил его значение в стихах:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа, –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

– Как это прекрасно, я не знал, что у Тютчева такой замечательный талант.

– Позднее вышло в свет собрание стихотворений Тютчева. Он такое сложное существо: поэтическое, очень возвышенное воображение, глубокое благочестие или, точнее, чувство благочестия, а вместе с тем его нравы далеки от безупречных. У него пять детей от его первой жены, вдовы Петерсон, урожденной графини Балтузен, женщины очень странной, фантазерки, но полной обаяния и ума. От второй жены, графини Дернберг, урожденной Пфеффель, у него трое детей. Но он не занимается своим законным потомством и находится в связи с очень красивой молодой девушкой, мадемуазель Денисьевой, и имеет от нее детей. Мой брат видел его в церкви, когда он подносил детей к причастию.

Он целый день рыскает пехтурой или ездит на самом гадком ваньке – теперь гитары вывелись, опять пролетки, т. е. дрожки, в которых могут ехать двое рядом. Он в старом плаще, седые волосы развеваются во все стороны, видна большая лысина; голова его качается, и извощики говорят: «Вот барин извозился с утра». Это человек, более всего привыкший к свету,

его жена полна тонкого ума, как и его дочь Анна, я иногда провожу у нее вечера. Как только услышит мой голос, он входит и говорит: «Будьте тысячу раз благословенны, мне кажется, что я сейчас услышу новости». – «Тютчев, убирайтесь, я пришла поговорить с вашей женой, а вы заставляете меня рассказывать, что делается и говорится во дворце».

– Разве его так занимает двор?

– Нисколько, но он любит все знать. В сущности же он ничему не придает значения и живет в идеальном мире.

Он обожает свою мать. Ей 80 лет и она проводит свою жизнь в молитвах и чтении Библии. Каждый год летом они живут в Орловской губернии, в имении Овстуг. Тютька долго находится у матери, проводит дней восемь со своей семьей, где погибает от скуки, возвращается в Москву, а маломальское удовольствие получает, лишь живя в Петербурге. Его назначили цензором иностранных книг, что дает ему небольшие деньги и занятие, а когда он слишком уж соскучится, он едет в Париж или в Швейцарию. Ему все равно, лишь бы менять место и видеть другие места и слышать другие разговоры.

– Какая странная неугомонная натура!

– Это бывает с гениальными натурами, то же самое ведь с Пушкиным и Гоголем.

* * *

– Хомяков написал прекрасное стихотворение «Звезда», я его помню:

В час полночный близ потока <...>
Сердца дремлющая мгла.

– Это великолепно, я заведу себе записную книжку и спишу их.

– Я с Хомяковым познакомилась у Карамзиных в 1832 году. Он приехал в Петербург в уланском мундире, потому что была кампания против турок, и подал в отставку по желанию его матери, да и военная карьера совсем не была в его вкусе. Хомяков – христианский философ, он умный человек и пишет всемирную историю. Когда его друзья спрашивают: «Что, Алексей Степанович, на чем вы остановились?» – «На Семирамиде». Дело

в том, что никто не знает, что он пишет. Он написал три брошюры о разницах между Римской церковью и православной; они написаны по-французски и будут напечатаны в Лейпциге. Он написал и Катехизис. В Россию приезжал дьякон англиканской церкви Пальмер – он с ним вел переписку и с д-ром богословия Вильямсом и почти убедил их перейти в православие. Но дело не состоялось, и Пальмер перешел в римскую церковь.

* * *

– ...мой добрый ангел, луч с небес. Это, кажется, пели императору Александру по возвращении его из Парижа.

– Да, и это пели в Павловске в розовом павильоне. Эта беседка вся украшена розами, которые делали в институтах. В ней есть Эоловы арфы, и при ветре они издают жалобный звук. Тогда была мода на всякие романтические выдумки. Но там есть и деревянные горы, которые оставили во мне очень непоэтическое воспоминание. Царские дети и мы, фрейлины, бегали взад и вперед по этим горам. От солнца они высохли, я побежала в них, упала и съехала на своей бригадирше, панталоны разорвались, и я одну сторону ужасно занозила, все скрыла и прибежала домой. Показала ее Марье Савельевне, она тотчас вытащила сучья, сколько могла, послала к придворному аптекарю Хмелеву, он пришел с щипчиками и с Гулярдовой водой, и мне прикладывали компрессы. По несчастью, государь как-то это узнал, тотчас пришел ко мне и шутил, просил не сидеть боком и сказал, однако, чтобы я вечером не приходила к императрице в собрание. Я, однако, умудрилась так, что высидела слегка бочком. Вот какие у меня были тогда силы и нервы.

– Да и теперь я любуюсь вашими силами, у вас такая здоровая натура, вам нет нужды ходить и кашлять.

– Я думаю. Мой отец был девственником в 55 лет, а моя мать была кровь с молоком. Она выросла на воздухе и по несколько раз в день купалась в реке, а в Одессе она плавала и ныряла в море, вытаскивала какую-то серо-зеленую и розовую глину, ею терлась и нас терла, потом нас всех обмывали, а сушились мы на солнце; потом Марийка нас одевала, мы садились на белый камень и ловили бычков. Скачко навязывал

червячков и как, бывало, ни закинет удочку – бычок. Скачко их нанизывал на какую-то траву, и к ужину их жарили на сковороде.

* * *

– Я Гегеля не мог одолеть, я читал честного и добросовестного Шеллинга и Стефена.

– А я попробовала Канта – на первой странице меня одолела зевота. В Кенигсберге я видела дом зеленого цвета, точно как зеленый сыр, на нем написано: «Kant ist hier geboren»[306]. Я сказала себе, что из такого· уродливого дома могли выйти только скучнейшие вещи, и поставила Канта на самую верхнюю полочку. Клема, который все читает, тоже не мог прочесть эту чепуху «Der reine Herkunft». А reine Herkunft лучше всех определила моя приятельница Александра Петровна Дурново. Ей было 25 лет, и она не была замужем, отец ее убедил выйти замуж за Петра Павловича Дурново; он глуп и урод, она и вышла за него, чтобы успокоить отца. Когда приехала княгиня Софья Григорьевна из-за границы, она не могла примириться с мыслью, что Алина, которая знает по-латыни, по-гречески, училась у Раупаха, вошла в семью идиотов и выносит это с христианским смирением, сохраняя даже свою оригинальную веселость. Я раз приехала к ней и нашла ее не в духе. «Алина, что с вами?» – «Моя милая, мой мать не дает мне покоя и всякий день упрекает меня за мой брак и за то, как я выношу скуку дома Дурново. Она прислала мне сегодня утром три записки, чтобы убедить меня поехать с ней путешествовать, и в последней она спрашивает, что такое философия. Я ей только что ответила, что истинная философия состоит в том, чтобы принимать вещи такими, какие они есть, а не такими, каких бы хотелось, и объявила ей, что коза должна пастись там, где привязана» <...>

---

[306] Здесь родился Кант. <...> Чистый разум *(нем.).*

Ах да, где бишь мы остановились? Вяземский всегда смеется над моей привычкой говорить бишь и потом: «Я-де вам скажу, что ономнясь» (т. е. намедни). И представьте себе, что Катков в «Московских ведомостях» говорит «я-де», а часто и «они-де» и все насмехаются над этими двумя причастиями.

– Верно в Петербурге? смеются, а у нас обороты самые постыдные, так и видно, что переводят с французского.

* * *

– <Бабушка> давно была вдова, послала старшего сына Александра· и дочь Веру в Москву к брату Дмитрию Евсеевичу Цицианову и продиктовала ему письмо краткого содержания: «Ты, братец, богат, а я бедна, мне здесь негде воспитывать детей. Пусть Алексаша и Верочка у тебя; учатся, Алексашу определи в службу, а Верочку пришли ко мне, когда она выучится». У дедушки были, конечно, лучшие учителя, не он этим занимался, а его жена Варвара Егоровна, побочная дочь грузинского царевича Егора Александровича и княгини Заборовской. Она получила европейское образование. Ее любил знаменитый князь Михаил Цицианов герой Кавказа, и она его любила; в то время не очень обращали внимание на любовь. Не могу понять, почему царевич предпочел Дмитрия Евсеевича. Князь Михаил поехал на Кавказ, где и был вероломно убит. Под его руководством вышли два знаменитые вождя – Котляревский и Михаил Семенович Воронцов, который кончил свое поприще наместником Кавказа. При взятии Ленкорана надобно было перетянуть пушки через глубокой овраг, инженерное искусство было в детстве – что, вы думаете, сделал Котляревский? Он обратился к солдатам: «Ребята, нам нужно перевезти пушки на ту сторону, лошади попадают в овраг и с ними пушки, надо их перенести на руках, что ли?» – «Нет, ваше высокоблагородие, мы поляжем лучше, а другие пусть везут их сверху по живому мосту».

– Что за ужас, неужели это сделали?

– Сделали. Конечно, некоторые были жертвой, а других только помяли и взяли Ленкоран. Этим примером наша история благодарна графу Владимиру Сологубу, которому, вероятно, рассказал этот случай граф Воронцов, закадычный друг

Котляревского. Котляревский был весь изрублен, был страдалец, поселился в Крыму, где и умер. Говорят, что там есть его памятник.

* * *

<Из рассказов Д. Е. Цицианова>

Екатерина очень обрадовалась и говорит мне: «Батюшка князь, сделай одолжение, отвези соболью шубу Потемкину, его именины скоро, а он подарушечки любит» – «Прикажите, ваше величество, ее уложить». – «Да вот она». Вижу пакет как большое письмо. Тотчас в сани и на тройке скачу в Москву, приехал как раз к обедне. Говорят, князь в церкви. Как кончилась обедня, я подхожу к нему и говорю: «Ее величество изволила прислать вам соболью шубу», я в большой карман, открываю пакет, шуба летает по церкви и повисла на паникадиле, насилу ее поймали.

– И это все?

– О нет, было бы слишком долго рассказывать вам все его выдумки. Один раз он мне рассказал, что Потемкин посылал его всякий вечер из Москвы в Петергоф, заметьте это: а утром я проезжаю мимо Марьи Осиповны Нарышкиной, она сидела у окна, и я бросал целковый в окно и говорил: «Молись за князя». – «Неужели, дядюшка, вы никогда не давали промаха?» – «Никогда». Потом однажды он входит к своей жене, в гостиной были люди, и говорит ей: «Княгиня, представь себе, что со мной случилось вчера: я шел, как всегда, с палкой, за мной бежала бешеная собака и хотела меня схватить за икры (он всегда носил короткие панталоны и черные шелковые чулки), она оторвала кусок фрака, я ее треснул по голове, она околела. Сегодня бежит ко мне Сергей и говорит: “Ваше сиятельство, извольте выйти в уборную”. Все мои фраки, штаны прыгают во все стороны, взбесились, я велел их сжечь».

– Хотелось бы знать, как такие вещи приходят в голову, какое воображение надо иметь.

– Но кроме того он был большой чудак. Когда воздвигли Александровскую колонну, он сказал одному из моих братьев: «Какую глупую статую поставили – ангела с крыльями; надобно

представить Александра в полной форме и держит Наполеошку за волосы, а он только ножками дрыгает».

Громкий хохот последовал за этой тирадой.

– В день 14-го он причинил смертельное беспокойство. Один из заговорщиков, Оболенский, пришел к нему завтракать и сказал, что император будет схвачен, провозглашена конституция, словом, все их преступные глупости. Вообразите, что сказал это старый безумец: «Я сам буду рад. Ну что это, после Александра выбрали этого мальчишку Николая. Пойду с вами бунтовать». Он держался на расстоянии и приблизился к карете митрополита Серафима, сказал ему: «А ты что тут делаешь, старый дурак? Видишь, что народ тебя не слушает, убирайся домой». Он вернулся домой только в 7 часов вечера, говоря: «Все видел, на народ стреляли, значит Николай не трухнул и будет хорошо царствовать».

* * *

– Расскажите мне, кто ухаживал за вами в Петербурге, я уверен, что· имя им – легион.

– До замужества?

– Да, и после.

– До – это был прежде всего кавалергардский офицер Андрей Николаевич Арапов, он был адъютант, у него были синие глаза, нежные и веселые, он не бывал в свете, он только под окошком и на подъездах и разъездах у театров меня преследовал своими вздохами. Императрица поехала весной на Елагин, дворец очень мал, так что я жила в городе и утром после завтрака ездила в экипаже на острова. Едва я въезжала на мост, как мой поклонник галопом на тройке в дрожках оказывался рядом с моим экипажем, я опускала занавеску с его стороны, через секунду он был уже с другой стороны, и эта комедия продолжалась, пока я не приезжала на Елагин, тут он летел в Новую деревню, где стояли кавалергарды, ведь это полк ее величества.

– Чем же все это кончилось?

– Ничем. Арапов вышел в отставку и в Москве женился, не знаю на ком. Он очень богатый саратовский помещик, и в Москве давал балы у старого Пимена; жена его была очень

большого росту и ее звали «Колокольня старого Пимена». Еще мне строил куры другой кавалергард, Григорий Петрово-Соловово, богатый тамбовский помещик. Он по корпусу был товарищ братьев, он был долговязый, нелепый господин; во время катанья на Елагином острове, еще когда я жила у имп. Марии Федоровны, Ласунский заметил, что Соловов все ехал рядом верхом с нашей лошадкой и сказал мне: «Матушка, я заметил, что этот тряпичный купидон в тебя втюрился, неужто ты пойдешь за него замуж?» – «Будьте покойны, Павел Михайлыч, я тряпичных купидонов терпеть не могу».

– Я хочу теперь, чтобы вы мне сказали, кто ухаживал за вами после вашего замужества.

– <!...> Одоевский, муж той, что вы прозвали Чернозем. Он не ухаживал за мной, но я играла с ним на фортепиано по пять часов подряд; мой муж храпел полчаса после обеда, а потом спасался бегством от моей музыки, как от кошачьего концерта; княгиня была так ревнива, что оставалась слушать нас; я ей говорила: «Княгиня, советую вам ехать домой, нас с Одоевским хоть в одну ванну посади, ничего не будет» <...>

Мы с Одоевским ставим для проформы метроном, друг на дружку поглядим и дуем без остановки. То треплем старичка Гайдна, то Бетговена, Генделя, Онсло, но итальянскую дребедень не играем. У Одоевского есть орган, который он называет Себастьяном в честь Иоганна Себастьяна Баха, на нем только играется Бах. Сам Одоевский превращается в немецкого профессора музыки, даже обижается, если кто слово скажет. Было надобно слушать с благоговением. Тут всегда был Глинка, которого мы звали синьор Глинини, мадемуазель Лигль, девица Чемодурова, у которой огромный сопрано, ее сам Глинка учил петь. Она пела особенно хорошо Opfer-Lied Бетговена.

– Я не знал, что Бетговен писал религиозную музыку.

– Отец Бетговена был голландский банкир Банского епископа Этельтур, и у него, конечно, была своя капелла. Маленький Бетговен 7 лет уже поступил в певчие и начал свою музыкальную карьеру религиозными мотетами, а потом написал три мессы, одна, третья, особенно хороша. <...>

– Скажите мне, кто еще ухаживал за вами в Петербурге после вашего замужества.

– Вы – всегда выспрашивающая кошечка. Два брата Карамзины <...> потом красавец Платон Чихачев, образцовый молодой человек. Он без акцента говорит на 12 языках и сказал мне, что после славянского и греческого лучший перевод Евангелия – на испанский. Это серьезный и ученый человек, большой друг Алины Дурново. Его брат Петр не так умен, как он, но тоже очень учен; это большой путешественник, он сопровождал сэра Родерика Мурчисона, английского геолога, в Сибирь, с г. Вермейлем и русским по фамилии Кокшаров. Им сопутствовал также известный натуралист профессор Миттендорф. Он очень далеко заехал в глубь Сибири, остался один, не знаю, где. Холод был исключительный, какого никогда не было в Сибири; Миттендорфа нашли почти замерзшим, он от этого был настолько измучен, что сказал необыкновенные слова, будто он был в бокале, полном винного духа! Он пел во все горло: «Ubi bene, ibi patria»[307]. Его спасли от этого пагубного шага.

– Откуда вы все это знаете?

– Мой брат Аркадий был командирован в Сибирь в 1835 г., чтобы инспектировать маленькие крепости, и письма его очень интересны. Он доехал до Май-Магона. Это первый пограничный китайский город. Там началась наша первая меновая торговля чаем с китайцами, мы им посылали ситцы, кумач и <нрзб>ты, не знаю, помните ли вы чашки, размалеванные золотыми и красными цветами, их покупает народ за бесценок, это тоже из Китая; но теперь китайцы объявили, что хотят торговать на серебро, это весьма накладно, и наш чай удорожал.

– И кто еще ухаживал за вами в Петербурге?

– Кто что, а он все свое, этот несносный Киска. Чтобы покончить с этим, скажу вам, что самый серьезный был Юрий Федорович Самарин, корифей славян. Я вернулась из Парижа, Аполлина Веневитинова пригласила меня на обед, чтобы познакомить с Тютчевым, и Самарин был на обеде. У меня было очень закрытое платье черного шелка, весьма простое, воротник и манжеты полотняные; это был совершенно новый туалет. После обеда Самарин сказал мне: «Почему вы носите столь аскетический туалет, мадам?» – «Очень просто, потому что это

[307] Где хорошо, там родина *(лат.)*·

модно в Париже, откуда я только что приехала». – «Вяземский утверждает, что этот туалет – траур сердца». – «Это верно, я имела несчастье потерять ребенка двух лет и трех месяцев и, чтобы рассеяться, съездила в Италию».

Воспоминания и волнение охватили меня, и я встала, чтобы уйти. Он попросил разрешения прийти меня повидать. «Конечно, – сказала я, – я всегда буду рада вас видеть». Мой муж взял ложу авансцены в середине вместе с Ростопчиными. Это был салон, там пили чай, ели мороженое, входили и выходили. Кресла моего мужа и Ростопчина были в первом ряду, Самарин ненавидел музыку, но приходил в ложу на час, чтобы поболтать со мной. Дидо была там со своим возлюбленным Альбедингеном, она выходила из себя, бросая букеты Рубини и кричала ему: «Вы – божество!». Я скучала, мне так надоедало, что я говорила Самарину: «Который час, Юрий Фед<орович>?» – «Половина одиннадцатого только». – «Мне так это все надоело и гадко, что я еду домой. Хотите ли чай пить у меня?» <...>

Я сказала верному Афанасию подать чай, я сидела на одном из красных кресел, которые были в моем кабинете, а он поместился напротив на· маленькой софе. Он молчал, молчание начинало становиться стеснительным, надвигалась туча, т. е. объяснение – я прервала молчание, сказав ему: «Юрий Федорович, отчего вы молчите!» – «Мадам, вы очень хорошо знаете, что я могу сказать лишь одно – что я вас люблю и до безумия; влюблен в вас».

Он страстно любил свою кузину, красивую, хорошенькую Катрин: Оболенскую, которую ее отец выдал замуж за графа Валерьяна Зубова, одного из этих, грубого человека, сделавшего ее такой несчастной, что она умерла с горя. Вся семья называла его Юша, а она звала только Жорж, Бог видит, что у меня не было никакого чувства к Самарину, но когда он это сказал, это, может быть, польстило моему самолюбию, и чтобы доставить ему удовольствие, я ему сказала: «Жорж, пойдемте в мою комнату, я устала и мне нужно растянуться». Он сел на землю рядом и благодарил меня за то, что я назвала его Жорж. Я сказала ему: «Вы очень некрасивы, но ваш лоб чист» и поцеловала его в лоб. Очень взволнованный, он поцеловал мне обе руки, говоря

мне: «Они более добры, чем красивы, эти две ручки; ваша доброта и простота – одно из ваших главных очарований». <...>

– Продолжайте лучше об Самарине, чем же кончилось это первое свидание?

– Он спросил меня, правда ли, что мой муж уехал играть во время моих родов, зная, что следует этого ожидать. Я сказала, что это правда, но что я нисколько на него не в обиде, что, в сущности, не могу жаловаться на своего мужа, что у него есть слабости, но есть и большие достоинства, что я его уважаю и очень недовольна Софи Карамзиной, позволившей себе при людях обсуждать наши отношения, что я пожаловалась г-же Карамзиной, сделавшей серьезное внушение Софи, но эта бедная Сонюшка неисправима.

– Почему вы называете ее бедная Сонюшка?

– Потому что она и зимой и летом ходит в черных атласных изношенных башмаках; ей очень мало дают на туалет, потому что Карамзины живут только пенсией в 50 000 р. асс. У Карамзина не было никакого состояния, он женился на Протасовой и взял за ней 500 душ в Орловской губернии, село Бортное. После первых родов она умерла, и Карамзин не трогал доходов дочери. У них есть старый крепостной человек Лука, это в полной мере член семьи, так Лука мне рассказывал: «После смерти жены Николай Мих<айлович> нанял домик в Марьиной роще и поручил Сонюшку Илье и мне, он тогда писал “Марфу Посадницу” и “Лизу Рассадницу”, тоже издавали мы журнал “Мои безделки”, этим мы и жили, накормим Сонюшку кашкой, катаем ее в тележке, она у нас прыгает, такая веселенькая. Как, бывало, приедет Николай Михайлович, не нарадуется».

До своей второй женитьбы у Карамзина был жаркий роман, он был страстно влюблен в красавицу Обрезкову, которая вышла замуж за князя Степана Хилкова и которую я знала в Царском, когда он командовал гвардейскими гусарами. Карамзин, узнав, что она ему неверна, почти сошел с ума от горя и написал ей стихи, которые начинались так:

Еще твой последний жаркий поцелуй
Горел на моих устах...

<...> Скажите мне, вы всегда называли Самарина просто по имени?

– Только один раз; после этого вечера, взорвавшегося нежностью, наши отношения были просто дружескими, я с ним часто ссорилась, потому что он позволял себе судить императора на основании ложных слухов. Он был обер-секретарь Сената, и поэтому я почти никогда не видала его по утрам, а вечером он приходил не всегда; время от времени он должен был бывать в свете, его отец требовал, чтобы он посещал графа Панина, в надежде, что он женится на одной из уродливых дочерей этого потентата, кривотонка, как его называли Абрам Сергеич Норов и семейство Нессельроде; по Гагариным они были родственники; во вторник он никогда не пропускал бильярд у Михаила Юрьевича Вьельгорского. Он очень хорошо играл на шарокате шаротером, как говорит Шишков. <...>

Вот что я забыла вам сказать – что Самарин принес мне красную книжечку с золотым обрезом и попросил меня вести для него маленький дневник того, что я услышу при дворе. Славяне были в немилости и хотели знать, что о них говорят.

* * *

– Батюшков мало писал, но все, что писал, исполнено чувства и грации. Недолго пришлось ему писать: он сумасшедший и живет в каком-то бесцветном состоянии в Вологде у сестры своей Шепелевой. Его посетил его меньшой брат, товарищ брата моего Аркадия по артиллерии, Помпей Николаевич. Сумасшедший ему сказал: «Какую гадость поставили на гробнице Тассо». – «Отчего, на камне вырезаны просто слова: Здесь лежит прах Торквато Тассо». – «Что ты врешь!» и взвился на него: «Они написали:

Фуй, на свете как мне грустно,
Мой Кристин далек ушел.
Щеки красны, зубы белы
Совершенно бела кроль!»

– Боже, что за ужас лишиться разума!

– Да уж выше этого несчастья ничего нет на свете: сделаться предметом отвращения для тех, для кого вы всех дороже. Как все неизлечимые сумасшедшие, Батюшков растолстел, спит и ест прекрасно и не страдает. Сестра за ним ходит

как нянька, он сидит у окна, смотрит вдаль, ничем не радуется и ничем не огорчается. Он ведет растительное существование, вот и все.

* * *

Пушкин написал стихи, которых вы, может быть, не знаете:

Дар напрасный,
Дар случайный,
Жизнь, зачем ты нам дана?

Митрополит Филарет узнал о них и ответил ему: «Не случайный, не напрасный» и т. д. Это прекрасные стихи, но они не были напечатаны, это мой брат Лев Арнольди мне их привел; ему достаточно один раз прочесть стихи, чтобы повторить их без ошибки. У меня совершенно нет этой способности. Ответ Пушкина Филарету великолепен; у меня нет с собой его сочинений, я понадеялась на свою память.

* * *

Гоголь мне говорил, что роль Хлестакова самая трудная и что ее лучше всего играл в Калуге Бурдин. Щепкин играет тоже в другой комедии Гоголя «Женитьба» и в комедии, в которой тетка оставляет племяннику свое состояние, но кто-<то> делает подложное духовное завещание, и она оставляет ему старые подушки и стаметовую юбку, и он все говорит: «Ну, я вас спрашиваю, на что мне стаметовая юбка, а подписано Обмокни, тогда как ее звали Авдотья, черт знает, что такое, надо тут тягать по судам». В Москве Щепкин играет всегда городничего, а Самарин – довольно изрядный Хлестаков. Щепкин тоже играет Фамусова, а Самарин прекрасно Чацкого. Щепкин – великий художник и всего лучше играет «Игроков» Гоголя. Это драма, почти как у Аристофана. Публика слушает со вниманием, молчит, не аплодирует, и все молча выходят с каким-то тяжелым чувством. Щепкин мне говорил: «И это всегда так, потому что слишком живо затронуты самые потайные струны души. Мне самому тяжела эта роль».

– Вот это имена, а Гоголю это было совершенно натурально. У него в родстве Боб и Чечевица, Пищи-Муха, Миклуха-Маклай, а в «Тарасе Бульбе» есть воевода Кисель, ваш предок, а так как вы мало энергичны, вы истый Кисель; есть Голопупенко, Белокопытенко, а в России есть Гнилосыров и Серопупов.

– Вот вы это выдумали, чтобы иметь удовольствие говорить гадости.

– Совсем не выдумала. Пушкин с Мятлевым пишут чепуху под названием «Поминки»:

Дай, попьем, помянем
Трех Матрен, Луку с Петром

а потом продолжение:

Михаила Михалыча Сперанского
И арзамасского почт-директора Ермоланского,
Князя Вяземского Петра,
Почти пьяного с утра,
Да Апраксина Степана,
Большого болвана.

Представьте себе, милый мой, что он слаб на ноги, уродлив, как смертный грех, и при этом глуп, но он человек с хорошим состоянием. Ваш знакомый Пушкин очень сердился, что Софи вышла за него. Но это случилось, и он имеет четырех детей, один уродливей другого, есть две дочки, безобразные, и совсем маленькие, их зовут шестерка и семерка, и они тоже подванивают.

– Гораздо лучше говорить о Грамаклее, чем об вони и вонючках.

– Я прибавлю только, что эти господа не могли сыскать рифмы к Юсупов, но однажды входит торжествующий Мятлев, говоря ему:. «Нашел!

Князя Бориса Юсупова
И полковника Серопупова».

Это в «Инвалиде» о приезжающих и отъезжающих. Гоголь всегда читает эти имена, так, в «Мертвых душах» и в «Городничем» нет ни одного выдуманного имени, все настоящие фамилии. Я узнала, что Онегин тоже подлинное имя.

Из варианта 11

* * *

– Кто такой Плетнев?

– Плетнев – мой учитель русской словесности и новейшей истории, он друг Пушкина, Пушкин без его одобрения ничего не печатает. Жена Плетнева, рыжая Степанида, так ревнива, что Пушкин адресует письма Плетневу в наш Екатерининский институт. Плетнев был любимцем императрицы Марьи Федоровны, он давал уроки только в институте и получал 1000 р. асс.

<...> – Но оставим это, вы должны мне рассказать еще что-нибудь о Плетневе.

– Хорошо, бедный Плетнев имел от рыжей Степаниды дочь, которую он обожает. 1000 р. едва хватает, чтобы жить в двух комнатах с грудным ребенком. Степанида заявила, что не может согласиться, чтобы ее девственная грудь потеряла форму, взяли кормилицу, это превысило расходы и исчерпало ресурсы Плетнева, он заболел, это было в момент экзаменов. Императрица дала ему 5000 р. асс., он поехал в Олту, поселился почти даром у бедного священника, родственника рыжей Степаниды, лечился холодной водой – лечение, введенное Присницем; это лечение было известно в языческой древности, я думаю, Цезарь так лечился в Галлии.

* * *

– Петербург – город зубоскальства. Граф Фикельмон, австрийский посланник, говорил мне, что это самый злобный город в мире.

– Кому вы это говорите! Я об этом кое-что знаю! Особенно они высмеивают москвичей. Скоты, Москва ведь Россия, а Питер что? Константин Аксаков очень хорошо определил П<етер>бург, он написал своему брату Ивану в П<етер>бург: «Ненавистен мне Петербург, это незаконнорожденный город, прижитый с Западной Европой».

– Это мило. Но кто такой Аксаков?

– Аксаков это корифей славян, как и Хомяков.

– Но кто это славяне?

– Славяне – это общество, которое желало бы, чтобы Россия оставила свою западную одежду и цивилизацию, т. е. это накладное просвещение. Но вы понимаете, что сейчас это невозможно. Я думаю, однако, что это произойдет прежде 50 лет. Когда Иван Аксаков получил это письмо, его на 8 дней заперли в III Отделение.

– Я не знаю, что это за учреждение. Благотворительное?

– Это как раз благотворительное учреждение. Утверждают, что там есть люк и что в нем поколотили графиню Лаваль, потому что она спрятала своего зятя Трубецкого, чтобы дать ему сбежать в Австрию с помощью другого ее зятя, графа Лебцельтерна. Вы представляете себе хорошенькое зрелище с вдовствующей брандармой, как говорит Гоголь.

* * *

<О французском языке> Один князь Дмитрий Евсеевич Цицианов его не уважает, он говорит, что это вертопрашный язык. «Только, – говорит он, – наши барыни любят болтать всякий вздор по-фр<анцузски>. Скажи им по-французски les pantalons, так и растают, а скажи им штаны, кричат: какой ужас, чуть в обморок не падают».

* * *

– Представьте себе, Киселев, что есть блины гречневые, потом с рублеными яйцами внутри, потом крупичатые блины со снетками, потом крупичатые розовые.

– О розовых я и понятия не имею, как их делают розовыми?

– С свеклой. Пушкин съедал их 30 и после каждого блина – глоток воды и не испытывал ни малейшей тяжести в желудке.

* * *

– Это напоминает мне хорошенький анекдот об императрице Екатерине, который рассказал мне Пушкин. Отец графа Нессельроде был прелестный и умный человек, но, как многие старики, и я из молодых, имел обыкновение издавать дурной

запах. Императрица сказала ему однажды: «Милый Нессельроде, уходите, но подальше» – потому что он, чувствуя, что нескромная буря приближается, покидал игру, но возвращался слишком рано.

* * *

– Тогда я сделал долгую прогулку с Пушкиным вокруг озера, а потом мы прошли в комнаты, где вы жили в первом этаже, и Пушкин сказал мне: «Здесь я проводил самые приятные вечера у фрейлинки Россет, как ее называли придворные лакеи. Сперва я с женой катались в парных дрожках, которые называли ботиками, я сидел на перекладине и пел им песню, божусь тебе – не моего сочинения:

Царь наш – немец русский.
Царствует он где же?
Всякий день в манеже.
Школы все казармы,
Судьи все жандармы,
А Закревский баба,
Управляет в Або,
А другая баба – начальником штаба.

И эти стихи не мои:

Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

– Сумасшедшие, разве такая махина, как Россия, может жить без самодержавия?

– Кисс, Пушкин жил тогда в доме Китаева, придворного камер-фурьера. В столовой красный диван, обитый бархатом, два кресла и шесть стульев, овальный стол и ломберный накрывали для обеда. Хотя летом у нас был придворный обед довольно хороший, мы обедали все вместе, это уж были порядки Волконского, министра двора, вы знаете нравы времен Репнина короче, однако я любила обедать у Пушкина, а обед составляли щи или зеленый суп с крутыми яйцами (я велю сделать вам завтра этот суп), рубленые большие котлеты со шпинатом или щавелем, а на десерт – варенье с белым крыжовником.

Из варианта 12

* * *

– В 1844 году я провела зиму в Ницце в очень приятном обществе. Гоголь там был, Вьельгорский, бедная Софья Михайловна Сологуб жила со старухой-свекровью. Я жила рядом с ними, Гоголь через день обедал у меня и так как он любил равиоли, то я их всегда заказывала своей кухарке. Она в кухне пела: «Мсье Того, мсье Флого, равиоли, ревиоли». В марте месяце я отправилась в Париж.

* * *

– Мои братья, Вяземский и Тургенев его <Пушкина> не покидали до последнего вздоха, страдания были ужасные, но он терпел, сколько мог, просил жену выйти в другую комнату, но она осталась при нем. Он благословил детей, которых нежно любил, и сказал жене: «Я знаю, что ты была мне верна». Еще до его кончины государь прислал ему сказать, чтобы он не беспокоился насчет его семьи. Назначил пенсию в 25 000 Наталье Ник<олаевне>, мальчиков записал в Пажеский и приказал напечатать сочинения, которые разошлись в огромном количестве. Фиником, который очень любил и уважал Пушкина, собрал весь дипломатический корпус, который шел пешком до церкви. Народу было много, и все со слезами провожали великого поэта. Его похоронили, кажется, в Тригорском.

* * *

– Пушкин говорил, что стихи Мятлева помогают очень хорошо заметить нашу кукольную комедию Петра Ив<ановича> Укусова и прямо в ад. Вот эти стихи. Крестьяне пришли к барыне и говорят, мы убрали хлеб.

C'est très joli. Comment vous portez vous?[308]

[308] Это очень хорошо. Как поживаете?

А хорош ли урожай у вас?
Очення хорош: от колоса до колоса
Не слышно девичьего голоса,
А от Канева до Киева целый час езды.
Значит, у вас урожай хорош?
Очення хорош, сударыня.
А что вы из него сделали?
Сварили брагу.
А пьяна ли эта брага?
Очення пьяна, так что если
Вашей милости ее поднести.
То вашей милости со двора не сойти.
Мы – человек русский, не немецкий,
Подносим вам тотчас первой.

<...> Пушкин говорил, что вместо Петра Ив<ановича> Укусова и прямо в ад надобно заменить: Господа сенаторы и пр.

Продолжение

Баден, 22 июля 1836

Николай, мой возлюбленный, ты уехал. Мне кажется, что солнце не светит более в Бадене, что розы поблекли. Те последние, которые ты принес мне, увяли, несмотря на заботу о них. Зачем у меня хватило жестокости заставить тебя уехать? Более всего я наказала себя: тебя по крайней мере могло рассеять путешествие, а я пригвождена к месту моим положением. Мы откровенно посвятили бы Гейденрайх в наши отношения, и ты мог бы поддерживать мою поясницу и спину. Вот куда завела меня моя жестокость. А ты, отчего ты, вместо того чтобы сорвать мой поцелуй, не попросил меня о нем; разве ты не чувствовал, что я была бы счастлива даровать тебе его?

Сегодня утром я нашла у себя в передней старика—капеллана; проходя, я спросила его, давно ли он торчит на Сашкином стуле. – «Полчаса. Ваш муж выиграл вчера на рулетке, дайте мне сколько-нибудь». – «Mein bester Freund, ich bekomme nichts von dem, was er gewinnt, und Abends wieder wird er es verlieren, ich kann Ihnen 10 Gulden». – «Che fare[309]. Спасибо за это. Есть тут некий г. Русс, он выиграл 40 000 фр., я оставался у него в передней 3 часа, он, наконец, вышел и дал мне 1000 фр. И подумайте, что <...> он покупает ботинки в Париже и прогуливается по <...> – и брыкнул ногой, как коза».

Вечером я поехала в «Фаворит», фрейлен Жозефины там не было, детям очень хотелось увидеть снова «das goldene Zimmer»[310]; тогда со всех сторон звали фрейлейн Жозефину, а в немецких устах это звучало «фрелин Жомефина». А мною, напротив, овладела ужасная печаль. Кресло у окна было пусто, это он, мой возлюбленный Николай, сидел раньше на нем. Я пригласила Клеопатру и Анику пообедать со мной, и даже мохнатый нос, у которого со времени отъезда моего Киса вид петуха на насесте. Какой глупец!

Приехала княгиня Гацфильд, истощив бедного Васю Чихачева, она овладела г. Гербертом, братом лорда Пемброка. Говорят,

---

[309] Мой лучший друг, я ничего из этого не получаю, а вечером он опять все это потеряет, я могу дать вам 10 гульденов *(нем.)*. – Что делать *(ит.)*.

[310] золотую комнату *(нем.)*.

что он очень красив, но я видела его только издали вместе с нею; никто ее не видел. Верно ли, что они счастливы, эти женщины, так скоро уступающие мужчине, которого любят; не думаю. Сердце и душа здесь ни при чем; это лишь удовлетворение страсти, плотской и грубой. Я уверена, что Николай меня любит, он знает, что я люблю его еще в тысячу раз больше, но он никогда не будет моим любовником, он поклялся мне в этом: ни за что на свете он не пожелал бы сделать меня преемницей маленькой актрисы из театра Водевиль. Нет, когда-нибудь он женится на мне, может быть, через двадцать лет, когда я потеряю и свою красоту и свою свежесть. Он любит во мне прежде всего мою душу, а кроме того – общность вкусов.

Я легла спать в 9 часов. Я прочла несколько вечерних молитв и помолилась о здоровье тела и духа дорогого отсутствующего. Эта молитва всегда при мне. Знает ли он <...>, я падаю от усталости.

23 июля. Пробуждение мое печально, несмотря на хорошую погоду. На маленьком мосту никого нет, он пустынен. Дети, привыкшие играть с ним по утрам, спрашивают: «Lola, wo ist Kilivoff?»[311]. Адини говорит: «Wer ist Kisseleff, er hat mir so schöne Geschichten erzählt über die Sternen. Nicht wahr, Mama?» – «Ja, da bleibt noch nach die Fürstin Liewen, und die schöne Wasser – Pumpe und Sie wird ihnen Geschichten erzählen». – «Nein, Lola, Sie erzählt nicht, Sie spielt nur»[312].

Днем пришла княгиня Ливен взять меня с собой покататься; мы остановились у дверей Бакура, он приказал сказать, что занят своим туалетом. Она не хотела ему верить, тогда он показался в окне с бритвой в руках и намыленной щекой; он условился, что она вернется за ним. Лос Риос крикнул нам: «Только вы, княгиня, как вы <...>». От монастыря Урсулинок мы вернулись захватить Бакура и поехали со стороны Оосса.

Я обедала вдвоем с черным-красным, мадам де Лаге, Долгоруким, который, верно, выиграл. – «Тем лучше». – «Я думаю, что через месяц после родов ты сможешь выехать». – «Конечно,

---

311 Лола, где Киселев? *(нем.).*

312 Кто такой Киселев, он рассказывал мне такие хорошие истории о звездах. Правда, мама? – Да, а теперь еще остается княгиня Ливен и хорошенький водяной насос, и она расскажет вам истории. – Нет, Лола, она не рассказывает, она только играет *(нем.).*

Гейденрайх так говорит. А потом она считает, что через три недели я смогу принимать воды в Мариенбаде». – «Тем лучше», – и захрапел на диване.

Эта дура Радзивилл собирается давать вечера; как все англичанки, миссис Сент-Джон стелется перед ней и предоставила ей не знаю какой номер <...> Лорд Сен-Верьен. Бедная женщина, она все это делает, чтобы обеспечить себе кусок хлеба на старость и покровительство своим сыновьям; я ее очень люблю. Лев Сологуб ухаживает за ней; он заботится о Тэде и Чарлзе, которые весь день барахтаются в <...>.

Любимый, помнишь ли ты один лунный вечер, маленькая Мури журчала у нас под окном; это было в тот день, когда я почти сказала, что люблю тебя, и просила положить руку на мой самовар, чтобы ощутить· движение маленького существа? Конечно, ты помнишь это. Не записано ли все это в книге Королей, как говорит книга Хроник? Ты увез тетради наших воспоминаний, столь нежных и редких, что они вечно будут запечатлены в наших сердцах.

Вечером я печально присела на скамейку старого Беверлея, чтобы подышать воздухом, как вдруг увидела, что показался добрый Платонов, он шествовал с известным своим видом, я скорее ретировалась. Какая смелость, он вошел в гостиную, но я пошла к детям; он взошел на маленький мост, какая дерзость, я скорее повернулась спиной. После ванны и молитвы с детьми я легла спать, изнемогая от усталости. Ребенок спокойнее. После хорошей ночи я встала с помощью Гейденрайх и Мины. Лиза ни на что не годится, и я хотела бы как можно скорее от нее освободиться.

Я посидела с Гейденрайх на скамеечке напротив дома du Pont; Фальк возился в своем саду; возвращаясь, я встретила еще старого священника. Он собирает хорошие пожертвования у входа на рулетку, он говорит, что это его пост: выигравшие игроки так довольны, что охотно· жертвуют. «Und ihr Mann hat heute gewonnen, und gab mir 25 Gulden. Ach, Schade, dass der gute junge Herr ist weg; das ist wohl eine Modelle von jungen Herrn, er spielt nicht trinkt nicht und lauff nicht nach den Frauen. Er ist arm, hat mir doch jede Woche 5 Franken gegeben für den Armen, „dass muss keiner wissen“, – hat er mir gesagt. Der gute junge Herr lebt in dieser Babylon Paris und bleibt rein und gut».

– Ja, heber Herr Probst, ich kenne Ihn gut, man hat hier gesagt, er wäre mein Liebhaber, es ist eine abscheuliche Infamie. Wir haben des Morgens und des Abends Zusammen gebetet, er hat mit den Kinderchen gespielt. Beten Sie für ihn und für mich. Und jetzt erzählen Sie mir etwas über die Geschichten im Badischen? Ueber Stephanie und ihre Kindern.

– Ach, Gott, es ist eine schreckliche und unbegreifliche Geschichte. Das erste Kind war munter und lustig zu Bette gegangen, <...> einen Rauschen und hat eine weisse Gestalt; diese Gestalt hatte <...>: und küsste das Kind am Munde und des Morgens lieg das Kind todt. So ging es auch mit dem zweiten. Mit dem dritten ging es anders; die <...> schliet fast, die weisse Gestalt nahm das Kind in ihr Arm <...>; er war immer in den Strassen sprach wenig und wenn man ihm fragte nach seinen Name, antwortete er nicht. Niemand wusste, wo er schlief er war immer gut gekleidet. Der Herr, der sich erschossen hat, wusste alles. Kennt auch die Geschichte[313].

В Венеции в 1856 г. я познакомилась со старым князем Валлерштейном, рассказавшим мне, что Гаспар Гаузер был поручен немецкому полковнику, который доставил его в Мюнхен; он жил в чем-то вроде ниши, ничего не ел, ни с кем не говорил и все бродил за городом по большой дороге. Однажды утром его нашли убитым в его нише. Так как Валлерштейн был министром внутренних дел в это время, он прибыл вместе

---

313 И ваш муж сегодня выиграл и дал мне 25 гульденов. Ах, как жаль, что уехал добрый молодой человек; это поистине образец молодого господина, он не играет, не пьет, не бегает за женщинами. Он беден, но каждую неделю давал мне 5 франков на бедных, «этого никто не должен знать», – сказал он мне. Добрый молодой человек живет в Париже, в этом Вавилоне, и остается чистым и хорошим *(нем.)*.

– Да, дорогой господин пробст, я хорошо его знаю; здесь говорили, что он – мой любовник. Это бесстыдная клевета. Мы вместе молились утром и вечером, он играл с детьми. Помолитесь за него и за меня. А теперь расскажите мне баденские истории. О Стефании и ее детях.

Ах, боже мой, это ужасная и непостижимая история. Первый ребенок бодрым и веселым лег в постель <...> пьяного и явилась белая фигура; эта фигура взяла и поцеловала дитя в рот, а утром оно лежало мертвым. Так же было и со вторым. С третьим было иначе; нянька крепко спала, белая фигура взяла дитя на руки <...>. Он всегда был на улице, говорил мало, а когда его спрашивали о его имени, он не отвечал. Никто не знал, где он спит, он всегда был хорошо одет. Человек, который его открыл, знал все. Знал также и историю *(нем.)*.

с властями, чтобы констатировать кончину этого несчастного, которого похоронили под именем Каспара Гаузера. Валлерштейн не сомневался, что это был сын несчастной принцессы Стефании.

Я пригласила старика обедать, чтобы воспрепятствовать тет-а-тету с красным-черным, paire-impaire et passé, но он никогда не обедает не у себя. Я люблю этого старика, я предложила ему кофе с бутербродом, и мы втроем – с Гейденрайх и с ним проболтали до обеда. Старик рассказал мне любопытные вещи о баденском дворе, между прочим: «den Alexander haben wirklich geliebt, er <...> uns, denn die Elisabeth ist eine wahre <...>, so auch ihre Schwester im Badischen, und die Schlechtste ist die Amalia, die ist eine wahre, wie soll ich sagen...», мы покатились со смеху. Тогда Гейденрайх сняла шляпу перед Дармштадтским двором. Гейденрайх решилась доставить удовольствие детям и обедает с нами. Sie auch, mein viel geliebter Nicolas, bedauert, dass du fort bist, я все ей поведала, она мне ответила: «Eine reine Liebe ist keine Sünde, das Herz ist frei und bleibt es so wenn auch die Hand einem andern gehört». Я бросилась целовать ее со слезами и рассказала ей о нашей любви. Она утешила меня, сказав мне: «Sie wissen noch nicht was der liebe Gott hat in seinem gütigen Wahrsachen für ihre Gnaden in seiner Hander halt, vielleicht stierbt ihrer Mann früher und Sie werden ihn heiraten». – «Aber wenn?» – «Ja, dass weisst der liebe Gott allein, vielleicht in zwanzig Jahren». – «O, nein, ich fühle dass es eindazukommen wird». Тогда она мне привела стихи, которые я выучила в институте с Меллин: «Drum wenn dein Herz in Thränen beregnet, versorge nicht»[314].

Он вернулся к обеду, был очень вежлив с Гейденрайх; после обеда – известный тебе и возмущавший тебя храп и расстегнутые панталоны. Гейденрайх посмотрела на меня, как ты; она

---

[314] «Александра действительно полюбили; он клялся, нам, что Елизавета – настоящая <...>, как и ее баденская сестра, а хуже всех Амалия, которая настоящая... как я должен это сказать? <...> Она тоже сожалеет, мой горячо любимый Николай, что ты далеко <...> Чистая любовь – не грех, сердце свободно и остается таким, если рука и принадлежит другому <...> Вы еще не знаете, что Господь в своем милосердии держит в руках для вашего блага; может быть, ваш муж умрет раньше, и вы выйдете за него замуж». – Но когда? – Да, это знает один Бог, может быть через двадцать лет. – О нет, я чувствую, что к этому идет <...> И если твое сердце залито слезами, не заботься *(нем.).*

пожала плечами. Проснувшись, он потянулся, не застегивая свои грязные штаны, пошел за деньгами и, к счастью, исчез, не взглянув на детей. Она сказала мне: «So hätte ihm eingemacht!» – «Ganz gewiss nicht»[315].

Гугорт пришел на минуту с Клеопатрой, Клеопатра сказала, что не понимает, как я могла так глупо отослать тебя из Бадена, когда ты, мой возлюбленный Николай, мог бы остаться еще восемь дней. Восемь дней! Это целая вечность счастья для любящих сердец! Я сказала ей со слезами, что не знаю, какой злой гений толкнул меня на этот дурной поступок, которым более всех наказана, конечно, твоя верная Александрина.

– Вы снова попадетесь в Париже, дорогая.

– Конечно, Клеопатрица, я буду видеть его каждый день и почти целый день – то у себя, то у вас; это последнее слово, которое я дала этому ангелу. Вы знаете, он рассказал мне свою связь с бедной Каролиной, очень краснея, – меня заставило его так любить, Клеопатра, именно то, Что он целомудрен и чист, как девушка.

– А я, – сказала Клеопатра, – люблю мужчин, которые бросаются в атаку.

– Что в этих людях, Клеопатра? Разве Б<акур> не причинял вам, и очень часто, много огорчений? Трубецкой не брал вас штурмом, и однако вы не можете утешиться, потеряв его.

– Нет, он сделал мне предложение через мою кузину Статиньяно, и целых шесть месяцев мы любили друг друга, как вы и бедный Кисс. Он поцеловал мне руку только за день до обручения, а я потеряла его так скоро, и мое бедное дитя, моего красавчика Сережу, бюст которого я заказала.

Бедная Клеопатра залилась слезами. Вошла Агриппина и застала нас плачущими. «Что случилось, господи, – обе в слезах?»

Я сказала ей, в чем дело. Тронутая, она поцеловала Клеопатру, говоря: «Дорогая кузина, никто более меня не сочувствует вашему горю, Зине 5 лет, и я думаю, что муж и я умерли бы от горя, если бы она умерла».

[315] Я бы его замариновала! – Совершенно не уверена.

– Дорогая г-жа Мансурова, – сказала Клеопатра, – к несчастью, от горя не умирают, как вы видите; я пытаюсь рассеяться в вихре света, но в глубине души горюю, и это выдает меня.

Пришла Леонидас, и заговорили о светских делах.

6 часов. После обеда я еще покаталась с княгиней Ливен к Ооссу и сказала ей: «Я чувствую, княгиня, что это моя последняя прогулка».

– О, уже, – сказала мне эта неблагодарная старуха.

– Но после родов я к вашим услугам!

Вернувшись, я сказала Гейденрайх, что чувствую, верно ночь пройдет в приготовлениях. Она приготовила мою постель, поставив ее посередине комнаты, хорошо проветрила комнату, открыла все окна в гостиной и комнате за детской. Гугорт приказал, чтобы никто не ходил по мосту и не ездил в экипаже по дороге. Около 11 часов начались первые боли в спине (не беспокойся, мой любимый Николай), они были очень легкие. В полночь пришла Агриппина и Фифи заглянул в гостиную; в четыре часа после трех хороших схваток появилась девчурка (ах, отчего ты не здесь, чтобы поцеловать нового пришельца).

Муж узнал обо всем этом только в 10 часов утра, он спал в гостиной и даже не вошел в мою комнату, дверь которой была открыта. Дело в том, что он, как мне сказала Клеопатра, уже более недели назад обзавелся новой любовницей. Благослови его Бог или, скорее, унеси его дьявол и не приноси назад. Он будет жить точно мой грязный хвост, как говорят французские крестьяне.

Историю 9 дней ты знаешь от Голицына. На 10-й день я была в гостиной, украшенной розами в вазах от «очень хорошенькой шляпки». Беверлей, старик из <Тегенау> и жена слепого тоже принесли цветы и двух кроликов для детей.

На 3-й день они пришли повидать сестру и, совсем не ревнуя, сказали ей: «Du wirst mit uns spielen, Kilivoff und ich», «Kisseleff, – sagte Adiny, – wird dir schöne Geschichten erzählen über die Sternen»[316].

---

[316] Ты будешь с нами играть, с Киливовым и мной. – Киселев, – сказала Адини, – расскажет тебе прекрасные истории о звездах *(нем.).*

Я принимала только Анику, Клеопатру и княгиню Ливен; и представь себе дерзость Платонова: он хотел войти без доклада, а Сашка ему сказал: «Не велено вас принимать» (как я ненавижу, когда крепостных называют этими уменьшительными. Павел также зовет своего Михайлу Мишка, а еще чаще – Калмычонок).

26

27 <Записей нет>

28

29. Принялись болтать с Агриппиной о Берлине: дети... наша Зина... эти мальчики необыкновенные, они как няньки защищают младших от нападений <...>, забияки. Агриппина сказала мне, что мадам Пурталес была очень удивлена моими жалобами на ее сыновей. «Возможно ли, – сказала она ей, – чтобы она не заметила, что Альберт по уши в нее влюблен?». Ну, мой Николай, мне нет дела ни до кого, ты поистине единственное существо, так глубоко проникшее в мое сердце, и ты так завладел им, что до моего последнего вздоха оно будет тосковать только о тебе.

30. Ничего нового, все время одна мысль – болезненное воспоминание об отсутствии того, кого люблю более всего на свете, больше чем детей – этим, я полагаю, все сказано, мой ангел-хранитель. Ты прочтешь этот дневник, обещанный мной тебе, когда я покину Париж.

4 недели прошли, я очистилась, и сегодня утром, 21 июля, взяла первую ванну. Софи через 8 дней после рождения держали над купелью Теодор Голицын и Клеопатра, священник приехал из Штутгарта, я не видела его, чтобы поблагодарить, или, скорее, видела одну секунду.

Был завтрак, которому отдал честь и храпун; говорят, что кухарка и Гауф были увенчаны лаврами за кулинарное искусство и сервировку.

Я выпила мой первый стакан мариенбадской воды и, как левретка, бегала рысью по Лихтентальской аллее с Гоголем. Вечером он нам прочел 5 первых глав «Мертвых душ». Как не хватало тебя, мой любимый Николай, а вместо тебя был меховой нос. Я села в твое кресло, остальная компания разместилась на стульях Дурхольц и которые всего лишь

дерево[317]. Платонов, у которого за спиной была подушка, меховая, как его нос, не чувствовал, должно быть, себя на школьной скамье. Тут были Лев Сологуб, Андрей Карамзин, которого ты увидишь в Париже, я тебя с ним познакомлю, это другое дело, чем этот противный Володька, которого брат ненавидит и презирает; этот мальчик – гуляка и злюка. Сологуб напомнил мне стихи Мятлева о хохлах, вот они:

Адам роди Авеля,
Авель роди Эноха,
Энох роди Молоха,
Молох роди Зоровавля.
От Зоровавля... и неизвестно до Безбородки.
Безбородко роди Кочубея,
Роди Гамаля, роди Сологуба Гамаль роди Врочико,
Сологуб роди Лизогуба,
Роди Вронченко, роди Марченко,
Марченко роди Наталью Васильевну Шереметеву,
Наталья Васильевна Шереметева роди Жумку,
Жумка хоша и не кокетка,
Но модница и <...>.

Нравится ли тебе это, ты прочтешь когда-нибудь этот дневник, когда будешь хороший и умный. Ты понимаешь, что я хочу сказать: «Ты ведь штука, душенька моя, сердечко Саши украл, и прошу тебя его ей не отдавать».

Я забываю тебе сказать, что когда Гоголь читал, хозяин дома осторожно сбежал на рулетку, так как это было после обеда, где большую роль играл картофель, а повар Изабеллы Гагариной сделал суп из капусты и Пухову кашу. Это слово понравилось бы тебе, и когда мы поженимся и будем бедны, я тебе своими руками приготовлю эту кашу; она действительно полита малиновым вареньем и сдобрена ванилью. Герцог Роган здесь, и в душе моих собеседников роковым образом пробудился вкус к высшей аристократии; понятно, что споры о чепухе вывели меня в конце концов из себя, я взяла сторону Рогана, который глуп, но обладает здравым смыслом и логикой. Тогда <...>

---

317 Игра слов: durch Holz – через дерево, фамилия квартирной хозяйки Дурхольц.

как петух перед дождем. Роган, наконец, перестал приходить и сказал мне откровенно, что эти дискуссии ему надоели.

Хочешь ли ты знать мой день: встав как обычно, я пошла в Лихтентальскую аллею прогулять мою мариенбадскую воду; я поймала, как обычно, Гоголя в огромном скандале с Сергеем Гагариным, который говорил, что он – дурного тона, мы повстречали меховой нос, нацепивший белые панталоны и темно-зеленый жакет, украшенный золотыми пуговицами, и с таким фанфаронским видом, что можно помереть со смеху; он проводит свою жизнь у Дышек и катается с ними в карете; эта дура – в розовом, всегда выставляет свою руку с пинцетом и курит на свежем воздухе. С прогулки я пошла к Софи, которая еще спит в 10 часов, расположившись на земле, на матрасе; как только я вхожу, Михалина ее будит; она встает, надевает чулки и потом рубашку, которую не меняет и спит в денной, взмах гребенкой, черный капот, моет руки в воде, и готова; в ожидании этого слышно: «Лукаш, сбегай за сметанкой, Сальватор, приготовь кофейный сервиз». Нужно отдать ей справедливость: тарелка чистая, вода ледяная и Софи превосходно варит кофе.

После этой еды я осмотрительно удаляюсь – к счастью, вода не слишком действует. Видишь, я вовсе с тобой не кокетничаю, потому что могу говорить о действии вод. Это потому, что я уже смотрю на тебя как на своего маленького и любимого мужа и прошу тебя верить, что это не воздушные замки, волей-неволей ты со мной обвенчаешься. Потом я возвращаюсь и ничего не делаю, брожу в поисках мест, где проходила твоя маленькая нога, и готова поцеловать это милое место в спальне. Скажу тебе, что мои нервы довольно расстроены, особенно вечером, странные вещи творятся у меня в голове. Кстати об этом: скажу тебе, что в привычках Смирнова перемена, он все потерял и по утрам ходит играть к красноносому с Икскюлем, а сегодня вечером он составляет ему компанию в столовой, а впридачу Платонов. Ты представляешь себе, мой любимый, что я вижу, как входят сюда три монстра, я бегу в свою комнату, чтобы думать о тебе, молиться за тебя и посылать тебе всю мою нежность; они пропадают в моем сердце, но я уверена, что мы думаем и чувствуем одно и то же.

Сегодня утром он мне сказал, что написал Николаю <...> Воейкову, чтобы тот выслал ему 25 тысяч франков, что он еще немного поиграет и затем надеется приехать в Париж с 15 тысячами фр. Ты понимаешь, что это только любезные слова. Я ничего не сказала и рада, что избавилась от него.

Эти дни ожидают вел. кн. Михаила, у него ушки на макушке, ибо, надо тебе сказать, что Софи не говорит более со мною о тебе, я ее разочаровала, сказав, что не нуждаюсь уже в ее доме и что буду видеться с тобой в Париже так же, как в Бадене. Мы свои делишки будем втихомолку делать.

У нас уже 20 июля. Я сгораю от нетерпения, но деньги еще не прибыли; он по утрам делает расчеты, почесывает в затылке: они все играют на мелок, а на рулетку надобно нести золото. Кроме того, его расстраивает другое: говорят, есть три очень красивых создания, но самую красивую заграбастал Павел Демидов – не знаю, помнишь ли ты этого бледного и злого плута. Ну так вот, Смирнов эту отбивает, и они уже не раз ссорились, и по вечерам играют также у Демидова, тоже на мелок. Наш русский свет здесь начинает заменяться другими людьми. Помнишь ли ты Кобылиных и их узелки, которые вызывали у тебя такой смех; и все же это Москва, и ты находил, что помимо смешного в этом есть что-то трогательное. Верно, у твоей няни были узелки и узелочки для Николиных игрушек. Да, мой любимый, ничто не сравнится с памятью сердца. Для тебя это – колени твоей возлюбленной матушки, для меня – Грамаклея, Бабуся и Амалья Ив<ановна>, Дюк и папа, дорогой хутор и Батист, к которому убежал Клементий, когда приехал хромой черт. Ты полюбил их всех, потому что любил меня. Сколько раз нас предавали.

25 августа. Софи Радзивилл пригласила меня на вечер для избранных; воображаю жестокую скуку, которая будет там царить, я вытащила газовое платье с желтыми и белыми розами и кистями красной смородины по белому; в восемь часов я сидела в кресле напротив твоего, как вдруг открывается дверь и является меховой нос с очень уверенным видом и усаживается. Я работала над кошельком, который начала в Берлине от нечего делать; это появление, которому прибавили храбрости вечерние планы, внушило ему следующую дерзость:

– Для кого этот кошелек, мадам?

– Ни для кого, мсье.

– Подарите его мне.

– Конечно, нет. Он предназначен для кого-то, вам незнакомого; я начала его в Берлине, где у меня много знакомых.

– Дайте его мне, мне, который тебя любит!

– Я знаю, мсье, что вы безумец (поэтому-то вас принимают четвертым в вист), что вы можете позволить себе объясняться мне в любви и обращаться на ты, – и в возмущении я швырнула кошелек в спальню; так как я видела, что он бросает свои глупые взгляды на мои плечи и руки, я пошла за мантильей, и, чтобы выйти из замешательства, оставила его на месте, а сама села за пианино.

Он сейчас же уселся на стул рядом и сказал мне: «Вы играете арию из “Сомнамбулы”, чтобы доставить мне удовольствие?»

– Нисколько, я вовсе не забочусь о ваших удовольствиях и прошу вас отказаться от ваших визитов, они мне смертельно надоедают, я предпочитаю разговаривать со старым Беверлеем.

– Это все тот маленький парижский фат!

– Фат или нет, мсье, я расскажу моему мужу об этом разговоре сегодня вечером.

Я вышла, не дожидаясь ответа этого дурака, захлопнула дверь перед его носом, и отправилась к твоей глупой кузине, чтобы успокоиться.

Я не хожу больше к Клеопатре, потому что он всегда торчит на своем балконе, изображая смертельное отчаяние. Ах, какая скотина! Нет ничего более возмутительного, чем мужчина, преследующий вас взглядом грубого вожделения. В твоих глазах никогда не было вожделения, это был вид скорее мечтательный, нежный и ласкающий, говоривший мне, что ты никогда не потребуешь ничего, что не могла бы дать честная женщина тому, кого любит – т. е. признание в этом чувстве. Никто не властен над своим сердцем; мое, как и твое, тосковало о своей мечте; мы встретились случайно.

Когда я почувствовала последнее движение ребенка, которого ждала, наши глаза встретились, и мы оба слегка покраснели. И чтобы скрыть свое замешательство, я сказала:

«Как жарко, дорогая княгиня». Когда я принесла детей, и ты взял Оли из моих рук, мы снова еще больше покраснели.

После обеда у Клеопатры я приходила сюда часто, мы держались за руки, к счастью, никто этого не видел, а мы оба пылали. Ты убегал в «Розу», чтобы скрыть свое смущение. Бедный Николай, если бы я знала, что ты страдаешь, вместо того, чтобы твоя <Саша> доставляла тебе благо, я избегала бы этого расстройства; к счастью, молитва утешит твои тревоги. Боже, как я тебя люблю.

10 августа. Наконец 25 тысяч франков прибыли, и Воейков написал, что в этом году один Богданов даст 190 рублей, принимая во внимание запасы этого превосходного интенданта Герасима. Ты представляешь себе радость Смирнова, все спустит в карты и на любовниц.

Он вошел сияющий: «Дорогая моя, я рад, что получил эти деньги; особенно потому, что если ехать сразу, не будет риска путешествовать с детьми слишком поздно; больше всего я тревожусь о Софи, путешествие в октябре или ноябре может быть роковым для шестинедельного ребенка. Прикажи как можно скорее укладываться». Вообрази мою радость. Я наконец буду в Париже еще в хорошую погоду и смогу увидеть окрестности, столь красивые, по твоим словам, и ты всегда будешь приходить сопровождать меня.

13 августа. Экипажи у дверей, позади карета, пришли привязывать ванну Софи, завернутую в вощеный холст; все чисто, даже элегантно, никаких узелков и веревочек, как у Кобылиных, и Сашка не подпоясан кушаком. Дети прыгают от радости, говоря: «Палис, Киливов». Адини говорит: «Париж, Киселев, schöne Sternen»[318] Вдруг я замечаю насмешливое лицо Сергея Гагарина, который говорит мне: «Отложите попечение; вчера с <...> Долгоруким все просадил на рулетке». Представляешь мое смущение и особенно мою печаль. Гагарин мне говорит: «Вы им лучше не говорите и экипажи у дверей, а я велю на почте отказать лошадей, а то немцы еще назначат штраф». – «Будьте покойны, князь, я никогда им не говорила и привыкла к подобным удовольствиям».

---

[318] прекрасные звезды *(нем.).*

Он вошел, не знаю, в каком желчном настроении, и сказал мне: «Что это за выставка экипажей?»

– Но ты сказал мне, что получил деньги и должен уехать как можно скорей и что нужно поскорее укладываться.

– Я передумал, Гугорт хочет, чтобы я принял курс de petit lait.

– Это из-за боли в спине?

– Да, он говорит, что это renaussement, вызванное усиленным <...>

– Хорошо, но, быть может, мы сможем уехать через три недели?

– Конечно, курс очень легкий.

Не было ни духу, ни слуху его petit lait, игра на мелок у мехового носа возобновилась, а вечерами тоже у него. Так как я пригрозила Платонову, что скажу мужу о его последних атаках, он уехал в Париж, не преминув сказать мне, что будет часто писать, на что я ответила: «Никогда, мсье, даже не в табельные дни». И вот я сижу здесь, совершенно одна, княгиня Дивен уехала, Лос Риос тоже, а завтра ждут из Франкфурта вел. князя Михаила. Изабелла Гагарина ездит верхом, и я утром езжу с ней на Тюкшен; она так мала, что это меня не утомляет; к счастью, моя амазонка была на дне сундука, черная амазонка и шляпа с пером. Изабелла ездит в шляпе салопницы. Гагарин так скуп, что дает ей на туалеты всего 3000 руб. в год; но у нее 2000 крестьян на Волыни, так что это ей все равно. Но она ревнива, как тигрица, и я буду так ревновать тебя, знай это, мошенник, а он точно мой любезный муж, всегда проказы с любовницами.

Когда она открывает его грешок, она проводит день в постели, и однажды вечером Софи пошла со мной к ней, говоря, мне: «Бедная Жаба имела бурную сцену с Сергеем, пойдем утешить и развлечь ее немножко».

30 августа. О, Николай, мой единственный друг, мой любимый, какой скандал! Он шел играть к Демидову, почти в дверях встретил девицу, которую жаждет, она начала громко кричать, а этот скот вздул ее. Я глубоко спала, а утром нашла его постель пустой, он спал на софе. На третий раз, когда я вошла, он проснулся и сказал мне, что у него так болит спина, что он должен спать на боку. Я предложила позвать Гугорта, он не хотел, однако я послала за ним; к сожалению, он уехал в горы

с Фрикеном; он, казалось, так страдал, что я предложила ему поставить компрессы с холодной водой, он был очень раздражен и сказал мне, чтобы я оставила его в покое. Я вышла через детскую и ушла к Клеопатре. Она уже знала от Платонова, что произошло. Здесь Платонов вел себя превосходно: это он вырвал ее у этого грубияна, который убил бы ее, и вместе с Львом Радзивиллом доставил его домой. Он хотел, чтобы я ничего не знала, поэтому я остереглась с ним об этом говорить. Конечно, дело шло о смертельной дуэли.

Гугорт пригласил полицейского из Карлсруэ; Радзивилл, Платонов и он пошли говорить этому негодяю, что нужно драться или написать письмо с извинением; он ломался и кончил тем, что написал под их диктовку самое униженное и рабское письмо, у него был вид умоляющего о прощении, как мне сказала Клеопатра. В то же время полицейский предписал ему от имени великого герцога Баденского покинуть его владения. И его выпроводили из Бадена со стыдом и срамом с полицейским <...>; трех красавиц задержали на некоторое время. Гоголь уехал в <...>, так что я смертельно скучаю; он очень доволен, он там встретит моего брата Аркадия.

4 сентября. Вел. князь прибыл, и я побежала его встречать, мы были рады увидеть друг друга как два бедных придворных нищих. Я сказала ему, что Надина <...> и что он найдет ее красивее, чем всегда, а потом я рассказала ему о наших с тобой делах, мой добрый ангел, мой обожаемый Киссинька; он очень доволен, что я тебя люблю, и сказал мне: «Брат Павла Дмитриевича, конечно, честный молодой человек, как и старший. Когда я с ним познакомлюсь в Петерб<урге>, буду говорить с ним об вас, дорогая моя А. О., вы знаете, как я вас люблю, с вами одной я говорил о Паше; она замужем, она счастлива, и в эту минуту мое сердце отдано Надине; вы довольно меня знаете, чтобы быть уверенной, что я никогда не перейду границы дозволенного, мне достаточно видеть ее время от времени у нее в доме, в присутствии мужа или без него; она его очень любит, а он этого вовсе не заслуживает; я встречаю ее нежный взгляд, говорящий о том, что она мне признательна».

– Ах, монсеньор, вы говорите совершенно как Киселев, он – близкий друг Смирнова, и никогда не сказал мне ни слова, которое могло бы заставить меня угадать <его чувство>, и однако

мы оба чувствуем, что между нами более, чем любовь, я обожаю его и готова была бы ради него покинуть то, что считала самым дорогим на свете, моих детей. О да, если бы он пожелал этого даже сегодня, я сделала бы все, чтобы стать его женой и жить в бедности, в одной комнате в Париже.

– Я понимаю это, я знаю, что вы не можете любить своего мужа, хотя он храбрый и достойный человек, но у сердца свой выбор.

Я глубоко вздохнула, бедный в в<еликий> к<нязь> тоже. С этого дня мы с в<еликим> к<нязем> совершали вместе наши утренние прогулки, и почти всегда к Гран Шато, где такой изысканный <вид>. Я рассказала ему историю, которую ты слышал, и он заставил меня ее повторить. О, мой <...> Мы всегда встречали Бакура, который говорил в<еликому> к<нязю>: «Монсеньор, вы утешаете г-жу С<мирнову> после отъезда моего друга».

– Мы утешаем друг друга, мсье, и у кого же нет в этом мире своей маленькой кровоточащей раны.

– Монсеньор, – сказала я ему, – уверяю вас, что рана г. Бакура не нуждается в словесных снадобьях; он встретит в Париже даму, которую очень любит и которая платит ему той же монетой.

– Мадам, это всего лишь дружба.

Часто мы шли маленькой дорожкой, чтобы не встречать его; он об своем, а я об своем горе. Да, душа моя, у меня накопится столько горя, что не оберешься, но главное будет, что я тебя переживу, мой милый чистый ангел.

Гагарин пришел ко мне под окно и сказал мне: «Вообразите, что ваш муж не хочет просить 25 тысяч фр. у Симона Мейера, и вы заперты здесь до зимы. Все покидают Баден; вы должны попросить эти деньги у Мейера без его ведома; я знаю, что не будет никаких трудностей, и Киселев говорит, что <...>.

Он вошел однажды утром в суетливом расположении, и я ему сказала: «Сегодня утром приходил Мейер и сказал мне, что если ты хочешь, он даст тебе 25 тысяч фр. и пусть Воейков ему вышлет деньги». Очень обрадовался и 15-го мы уже ночевали в Карлсруэ.

Гоголь вернулся. Няньки, слуги и трое малюток были в большом экипаже, Гоголь, он и я – в открытой карете; в дороге

я купила корзину мушмулы. Как в Карлсруэ С..> скверный <...> я не знаю. Я спала в одной комнате, а Гоголь со Смирновым в другой. Мушмула причинила вред Гоголю. Ночью, несмотря на его крепкий сон и храп, Смирнов услышал страшный шум в комнате, он зажег огонь и увидел бедного Ник<олая> В<асильевича>, вытиравшего пол своей простыней, с графином в руке. Он понял, что несчастный искал место в коридоре, что он наполнил свой горшок и выбросил его за окно вместе с содержимым. Какая находка для тряпичников, а с остальным можно поздравить пол. Он был так смущен, что выехал до нас, приказав мне сказать, что он собирается присоединиться к Жуковскому в Дюссельдорфе.

Платонов тоже исчез, слава Богу; я печально качу по местам, которые вздумал выбрать муж; ночевали в М<...>; утром я была внезапно разбужена ужасным криком; это был курьер <...>. Я не знаю, почему и как мы остались в <...> отель de Russie у Лари, где он купил Мозельвейн и другие рейнские вина; ты любил <...>, которое пил весь Баден, но, кажется, тебе не давали, потому что его в Неметчине не продают. В Франкфурте у Икскюля не было и су; он спал в комнате мужа, а Аника в моей, моя кровать была сзади ее, и я видела ее косу, свисавшую с подушкой et son bois de lit. Каждое утро разговор начинался со слов: «Аника, о чем вы думаете? » – «Но как всегда об этой свинье Икскюле, я не знаю, кто хуже: он или его кузен Александр, который <...>. Когда я это обнаружила, я рассказала всем, и в отместку он сказал, что я украла материю в английском магазине; зачем мне красть, когда у меня кредит на 10000. Он хочет, чтобы я продала мои <...>, я не продам, и если он лопнет от бешенства, тем лучше для меня».

– Я тоже вашего мнения.

– Теперь он хочет ехать в Б<...>, чтобы продать мое имущество; знаете, моя дорогая, я продала бриллиантовую брошь и серьги и хочу сделать себе выходное платье из атласа стального серого цвета, отделанное соболем, который у меня есть; он об этом не знает.

Я забыла сказать, что на Рейне мужу повезло, он встретил двух страстных игроков в вист, один – князь Левенстон, а другой <...>, брат того, что в Берлине, который всегда прогуливается по середине улицы. Они играли по маленькой, и молчание

прерывалось только спорами между этими представителями Германии. Левенстон утверждал, что правительство значит больше, чем К<...> де Ви<...>; конечно, не могли прийти ни к какому заключению. На лестнице во всю длину расстелено красное сукно; я подумала, что это для какого-то королевского величества; ничего подобного, это для лорда <...> и его семьи. Роскошь англичан потрясающая, они возят с собой своих лошадей и затейливые экипажи. Отец <...> и две дочери и сын тоже. Мсье <...>, которого я встречала у Убриль, очень приятен; я сказала ему о княгине Ливен, он сказал мне <...>.

В<еликий> князь провел несколько дней в Франкфурте. Чайный стол семьи Убриль – наилучший семейный стол из всех возможных. Отец, как ты знаешь, заменил <...> на этом наблюдательном посту, весьма важном для германских дел; именно здесь находится знаменитый Зунд, связывающий между собой микроскопические части этой большой империи, что помогает избежать малых войн <государей?>.

Я рассказываю тебе все, что знаю, потому что, мой дорогой и любимый Николай, я предсказываю тебе блестящую будущность и хочу, чтобы ты все знал заранее. Нужно ведь, чтобы та, которую ты любишь и которая любит тебя больше, чем это возможно для тебя, тоже помогала тебе немного. Убриль – человек очень простой и замечательной тонкости ума; его жена – истинная мать семейства, она – дочь генерала Хермана, того, что воевал в Италии с Суворовым и которого так недостойно обманул австриец <...>. Его старшая дочь замужем за этим <...> Марченко, у которого от матери, последней из Шуйских, большое состояние. Вторая дочь, Мари – розовый бутон, маленькая, светленькая; это она готовит чай, и Вяземский посвятил ей очень хорошенькие стихи. Моя любимица – <...>, младшая. В этом юном лице что-то столь серьезное, столь глубокое, что спрашиваешь себя, какому свету принадлежат ее мысли – этому или тому, куда уйдет этой зимой моя маленькая Адина. Помнишь ли ты наши слезы в Бадене? О, сколько слез мы пролили и сколько их я еще пролью. Полагаю, что нет нужды говорить тебе, что я каждый день хожу ко входу в отель, чтобы узнать, нет ли нескольких строк от тебя. Княгиня Росси здесь, она поет, как соловей, я слышала уже ее в Петербурге; она замечательно красива. Росси – блондин, он <...> Туринского

двора; он носит парик; его дети играют с моими. Они дали большой вечер; вся франкфуртская пресса была там; там был <...> Богемии, его жена, женщина мало привлекательная, полная претензий, <...> и, не заметив порога у двери, растянулась во всю длину. Все мужчины поспешили помочь ей подняться; принесли одеколон; но мадам, по-видимому, не в диковинку падать, или она уж очень гранд-дама, но факт тот, что она нисколько не была смущена. <...> с черными волосами, весьма привлекателен и зовется Chat <...>, т. е. по-славянски котик; он страстно любит музыку и сказал мне, что играет с женой в 4 руки и умеет вышивать по канве.

Ну, хорошо, решено, что в Париже я буду играть на фортепиано для· тебя, мой милый, который так любит музыку, и что я привезу тебе либо·подушку, либо ковер для молитвы; это будет еще лучше. На этом вечере Росси спела вариации Роде, столь трудные для скрипки. Я ее слушала уже у Жюльеты, ей аккомпанировал Лист, она просила меня послать ему <...> и <...> в 1000 фр., я сказала: «с удовольствием» и хотела это сделать при встрече. На этом вечере она спела также «Соловей» Алябьева, который я не терплю так же, как <...> Бетховена.

Остаток дня я бродила с Аникой; купила символику Крютцера для Полетики; ты сможешь прочесть ее в Париже на досуге после обеда, когда нет театра. А тут ты знай свою службу, сидя за <...> и любуясь бородавкой на левой лопатке. Это не поэтично, но имеет значение, которое тебе по вкусу. Ты тихося, но дьявол не дремлет; я имела доказательства этого накануне твоего отъезда.

1 ноября. Наконец я узнала твой дорогой почерк и сделала дьявольский трюк: оно адресовано мне, я не открыла его и нераспечатанное отдала мужу. Он нетерпеливо велел мне его открыть; вот эта записка:

«Мадам, будьте добры сказать вашему мужу, что надобно поторопиться с отъездом, ибо в Шампани дороги очень дурны; нужно послать вперед человека, чтобы вам были приготовлены смены почтовых лошадей и кучеры. Прошу вас любезно известить меня о дне вашего прибытия, чтобы я обеспечил вам место в каком-нибудь отеле; много путешествующих, и вы рискуете провести ночь в ваших экипажах, как это случилось в прошлом году *с* княгиней Лаваль.

Ваш покорный и преданный слуга *Н. Киселев*».

«Мы выедем 4-го, – сказал он мне, – так как я обещал <...> и Павлу Демидову сопровождать их в Висбаден. Я напишу тебе, если что-нибудь меня задержит».

– Очень хорошо, – сказала я ему, а сама умирала от страха, чтобы он не потерял на рулетке 15 000 фр., которые, как он меня уверял, предназначены для первых расходов в Париже. Накануне его приезда я была уже в постели, когда Мина отдала мне письмо. Я поспешно его распечатала: «Мсье, условились о 2000 фр. на мои прихоти, квартиру, экипаж, все содержание и ложи во все театры, куда мне вздумается пойти. Будьте уверены в моей верности, прошу вас мне верить. Е. Е.».

– Тем лучше, – подумала я, – от убытка и скуки Бог избавил. Я запечатала письмо тем же образом и положила его на часы.

Он вернулся очень веселый между 3 и 7 часами и сказал мне, что выиграл 3000 фр. Он заказал лошадей, и Сарг дал нам курьера гигантского роста в фантастическом костюме комического персонажа. Кляча, которую он оседлал, как у Дон Кихота, огромные сапоги, штаны из лосиной кожи, красная куртка и что-то вроде пальто, украшенное серебряными пуговицами, толстые карманные часы и шляпа почтальона; все это· радовало детей, когда он начинал кричать: «Лошадка, лошадка!» Переезд в Париж занял у нас больше восьми дней; всю дорогу нам сопутствовал мелкий дождик; слово drissling лучше всего выражает этот монотонный <...>, внушающий в конце концов душераздирающую печаль. Не знаю, на какой станции мы спали в комнате, столь зараженной, что я бросила покрывало с моей постели на землю, чтобы не видеть пол, покрытый плевками. Дети плакали, потому что дым в их комнате резал глаза; мне пришлось открыть окно и спать у них на чем-то вроде кушетки, и я спала так себе. Муж спал и храпел в грязной комнате под грязными одеялами. Утром, после ужасного кофе и яиц, мы выехали в Нанси.

Это очень красивый, смеющийся город; это родина Бакура, который происходит из очень хорошей семьи, хотя мадемаузель <...> с презрением говорит о его матери: «провинциальное дворянство». Я купила много вышивок и модных рубашек, обычные хлопчатобумажные чулки и карпетки для мужа, очень красивые вышитые платья для трех малюток, и вот я уже запаслась всем нужным, по крайней мере в этом

отношении, и мне меньше придется ходить в магазины в Париже, где я буду посвящать свое время моему любимому Николаю. Если ты думаешь, что я дам тебе прочесть этот дневник, то ты ошибаешься, Соловей-разбойник, хорошенького понемногу.

Мы очень хорошо переночевали в Нанси, на следующий день бродили по городу и после обеда выехали с тем, чтобы ночевать, не знаю где, – а потом, наконец, в Париже; я помню только отдых в Мюнихе <?>, где родился Боссюэт, потом <...> и, наконец, лес Бонди; дорога вымощена ужасно, хуже, чем римские дороги в Шампани, и ни одного деревца; но все же только 10 верст до Парижа, куда мы приехали все в тот же дождь в 9 часов. В Бонди мой муж нашел записку Киселева, где говорилось: «ул. Сен-Руа, отель того же названия, я не мог найти ничего лучшего».

Я была так счастлива оказаться наконец здесь, что ни дым, ни шум колес не помешали мне спать; в 8 часов я была на ногах, вымылась с головы до ног, так как только в Нанси имела возможность это сделать, надела берлинское маленькое платье цвета лазури и черные ботинки, в которых мои ноги плясали; кроме этого и нужного детям я ничего не распаковала. Я припала с малютками к окну и в полдень с бьющимся сердцем увидела, что он звонит у нашей двери; я побежала сама открывать; он вошел, вытирая ноги, и остановился с изумленным и восхищенным видом. Когда мы вошли в темную и закрытую гостиную, он сказал мне: «Позволено ли то, что вы называете комплиментами?» – «Конечно, сегодня все дозволено, и вот моя рука, поцелуйте ее, а я вас расцелую по русскому обычаю в обе щеки». Он попеременно краснел и бледнел.

– Какая грация, какая легкость, вы совсем новы для меня; талия нимфы, сильфиды. Где муж?

– Полагаю, у любовницы!

И я рассказала ему всю историю.

– Мой бедный Смирнов очень меня огорчает, как впасть в такое грубое ожесточение! Вы очень легко это принимаете, знаете ли, что это ведет его к разорению и, что еще хуже, к разрушению его здоровья.

– Что же вы хотели бы, чтобы я делала. Я молчу и скрываю от всех свои страдания. Разорение меня не пугает, потому что я

в детстве и ранней юности знала почти нищету. Я не раз упрекала себя в том, что подчинилась имп<ератрице>, я была бы более счастлива в Запасном дворце, где живут престарелые дворцовые девы.

– Но я не имел бы счастья вас встретить.

– Поверьте мне, дорогой Киселев, если таковы были чаяния господни, чтобы вы со мной встретились, вы повстречали бы меня в Тавриде, где я провела лето во время коронации; я уверена, что вы прогуливались в этом прекрасном саду.

– Конечно, в воскресенье, так как это было далеко от моего жилища, и я знал, что там хорошенькие фрейлины, но разве я осмелился бы к вам приблизиться?

– А как же красавец Несвицкий из Преображенского полка, которого Стефани называла Н<...>, делал мне знаки из своей кордегардии, чтобы сказать мне, что он меня любит. На прогулке это легче всего, нагибаются, чтобы сорвать ромашку, или сталкиваются, говорят «извините», а потом пишут маленькие записочки и оставляют их в большой оранжерее. Был ты, или вы (он пожал мне руку, за это «ты») в этой оранжерее? Я ходила туда каждый день, мне нравился терпкий запах апельсинов.

– Я тоже. Но пойдем к детям.

И мы принялись бегать, он с Адиной на руках, а я с Олей, сближаться и снова расходиться; это вызывало смех и радость детей и у нас тоже. Няни пришли, взяли детей. Был полдень, и мы пошли посмотреть, как они едят на коленях у своих нянек. Я сказала Киссу: «Надобно вам заказать три детских тележки, потому что Софи уже делает честь обеду, она ест яйцо; Тереза начала такой режим с 6 недель, а так как она чувствует себя очень хорошо, я позволила ей так делать».

– Не хотите ли пойти посмотреть квартиру, я прикажу подать фиакр, а сам сяду на козлы под зонтиком <...>.

– Откуда вы вытащили это «неисчерпаемая госпожа Смирнова»?

– Откуда? Я был в Баварии и слышал это собственными ушами.

– Я не пойду смотреть квартиру, нужно оставить ему удовольствие устраиваться; он ведь уверен, что он все лучше устраивает, чем я.

Он вернулся, и Киселев указал ему № 21 по улице Монблан, князь Голицын дает там весьма блестящие вечера.

– А что, близко от клуба? Да, я, любезный друг, тебя еще не поцеловал.

– В двух шагах. Да где ты был?

– Прошелся по бульвару, заглянул в лавку редкостей; я хочу купить здесь разные вещи.

– Пойдем вместе на квартиру или лучше возьмем фиакр; а сегодня вечером вы все можете переселиться; я хозяину сказал вчера натопить все комнаты и приготовить к завтрашнему дню завтрак и обед, пока вы не найдете кухарку.

Они отправились, а у меня в душе такой праздник, что, несмотря на<...> слабость, мне кажется, что все облито солнечными лучами.

Н. М. пришел и говорит: «Ну, хорошо, моя дорогая, у тебя не будет забот с кухней, вы будете на пансионе у швейцарца, но только это гораздо дороже – 7000 фр. в месяц».

– Но это огромная сумма, мы лучше сделали бы, имея нашу баденскую кухарку; у нас всегда были люди к обеду, а расход никогда не был более 2000 фр.

– Ничего подобного, я знаю, что получил 50 000 фр. и все они остались в Бадене.

– Да, на рулетке, я думаю!

– А еще расходы на Гейденрайх, Гугорта и твои покупки.

– Я купила на 800 фр.

– Но я решил и не будем более об этом говорить. Сегодня вечером мы едем ночевать там и там будем пить чай; я заказал молоко для детей, ты распределишь комнаты наверху. Я пойду погулять, а потом нанести визит послу.

Только он вышел в 8 часов, вошел мой милый. Он спросил меня, можно ли осмелиться еще раз поцеловать мою руку, мы уселись в гостиной, еще пустой, напротив друг друга, любя и обожая молчаливо и вздыхая.

– Ах! Какой счастливый человек этот Смирнов!

– Да! А надобно спросить его благоверную, счастлива ли она. Пассивно – да, а иначе – положительно несчастлива. Но что делать, милый друг, так тому и быть. Аминь.

– Вы – большой философ, милый друг.

– Не будем более об этом говорить; постараемся оба сделать пребывание в Париже терпимым, потому что с ним терпимое – это уже благодать божия. Чтобы до дуэли не доходило. Представьте себе, что в Берлине он играл с французским посланником Брессоном и сумел вывести его из терпения. Это Рибопьер уладил дело. Этот несчастный Брессон женился на мадемуазель де С<...>, она умерла родами, произведя мальчика идиота, которого он поместил в дом, где воспитывают таких несчастных (годы спустя я узнала, что Брессон перерезал себе горло, как наш бедный друг Мишель Лаб<...> в Гейдельберге, когда ему объявили, что он слепнет).

Мы сидели напротив друг друга, как в Бадене, наши глаза встречались, мы краснели и отводили выдававшие нас глаза.

– Какой одинокой себя чувствуешь в комнате, где все тебе чуждо. Чтобы я привыкла к квартире, где нет моего прошлого, мне надобен свой письменный стол. А вы – вы вернулись в свою семью, в посольство.

– Конечно, это действительно мое семейство. Пален так добр ко мне, а другие, как вам известно, мои близкие друзья, эти милые немцы.

– Где Александр Медем?

– Он вновь уехал на восток; я уверен, что вы полюбите Поля, у него золотое сердце под холодной внешностью.

– Николай, пойдем наверх, **я** хочу посмотреть, как Няньки все устроили.

В мгновенье ока мы поднялись на эти несколько ступенек.

– Вы ловки, как кошечка.

– Еще бы, я привыкла взбираться по комендантской лестнице, 96 ступеней, всякий день два и три раза, отдых был только в Царском, а в Гатчине и в Петербурге опять на чердаках.

Знаете ли, Кисс, что Париж показался мне очень уродливым?

– Но он и уродлив, кроме Тюильри, бульваров и посольства на углу Елисейских полей.

– Ну ладно, как мы будем встречаться?

– Я выхожу от себя, т. е. из канцелярии, в 2 часа, вы выходите от себя в тот же час; надобно поставить ваши часы по моим, и я вас встречаю на нижней улице де Ремиар (крепостной?), мы идем, я даю вам руку – не принято позволять женщине идти одной; если вам нужны чепцы или другие покупки, это

на улице Сен-Вивьен, я пока иду в клуб, это на углу улицы <...> и Итальянского бульвара, потом к вам присоединяюсь и провожаю вас домой.

– Capisce, caro Signor[319], это более, чем прекрасно, и так каждый день, а клуб для мужа?

– Через 8 дней он там будет, но с той разницей, что вместо полудня он станет там бывать в 2 часа; он может там обедать, это будет лучше, чем в этом пансионе, я вам это предсказываю.

– Это мне совершенно все равно, лишь бы у нас был хороший суп, курица с рисом и десерт. Не хлебом единым живет человек, а у меня есть хлеб духовный.

– И у меня тоже, слава Богу, я его подобрал в Бадене и как за то благодарю Бога всякий вечер и всякое утро.

– И я тоже нашла этот хлеб в Бадене и так рада, что в Париже им буду кормиться всякий день, неправда ли, Киса?

– Еще бы, я только боюсь, что приестся.

– Какие глупости вы говорите, это чтобы подразнить меня. О нет, это невозможно, мой милый Николай; не надобно этих пошлостей. Мы уверены в себе, ну, скажите просто: «да».

– Да, ангельский друг, и тысячу раз да, если это нужно.

Эта беседа была на площадке. Я вошла, наконец, в гостиную, довольно большую, с какой-то печью, направо была комната подлиннее, где разместили три детские кроватки, постели Терезы и Эйландт; рядом маленькая комната, где спала Дикинсон, потому что Адини почти никогда не просыпалась ночью. Их уже укладывали спать, потому что могли только протереть их губкой, не было достаточно воды. Софи спала уже, посасывая свой палец.

– Тереза, Sie sich <...>

– Ja! Macht aber gar nichts; bald wird Sie es aufhören.

Старшие сказали: «Schlafe wohl, Kilivoff, und du auch, Mama»[320].

– Вы видите, милый друг, они никогда не спрашивают об отце.

---

[319] Поняла, дорогой господин *(ит.).*

[320] Она <…> – Да! Но не делайте ничего, она скоро проснется. Спокойной ночи, Киливов, и тебе, мама *(нем.).*

Налево от входа моя спальня; ах, какая гадость, желтый перкаль, украшенный красным; мне кажется, что везде пыль в складках.

– Могу вас уверить, что нет: я сам был, когда чистили дом с помощью Михайлы.

– Еще один ужас, альков, но я прикажу отдернуть занавес. Какие свиньи эти французы, когда спишь, нужен воздух. Одно хорошо, что его кровать далеко от моей, и потом эта дыра, которая зовется туалетный кабинет. Нет трюмо, это все равно, я хорошо без него обхожусь.

– Спустимся теперь, надеюсь, что уже освещено. Да!

Я открыла фортепиано, взяла несколько аккордов и гамму.

– Ах, как скоро эти маленькие ручки пробежали по белым клавишам.

– Я, пожалуй, прокачу вас по черным и сделаю гибкий аккорд Генделя.

– Прелесть, просто прелесть, и особенно этот аккорд. Я не знал, что· это так называется.

– Я полагаю, что ни Гайдн, ни Бетховен никогда не пользовались этим аккордом; это Гендель и Бахи, авторы религиозной музыки, которую они изобрели; это основной аккорд, заключающий любое предшествующее ему сочинение. Иногда это танец, вроде Романцы, которую <...> так хорошо играет. Кисса, скажите Каролине Дельваль, чтобы она давала вам уроки фортепиано. Почему вы краснеете?

– Но я не вижусь более с Каролиной Дельваль.

– Это очень дурно. Вы обещали мне в Бадене, что постепенно отучите ее от счастья вас видеть.

– Она вполне утешилась, не тревожьтесь за нее. Я сказал ей, что если она найдет кого-нибудь себе по душе, то может выйти замуж, а я буду продолжать платить ей 6 тысяч франков в год.

– В добрый час, я рада за нее, это делает вам честь.

– Да, ваш Киса – честный человек.

– А клавиры – просто фортопляски, нельзя ли нанять большой?

– Можно, но где его поставить? В столовой дует из дверей передней, гостиная мала, а затем кабинет Смирнова, где дверь

в сад. Э, да я вижу, что он выложил здесь бумаги, тетради и целый канцелярский снаряд, а туалетный стол прибран, одеколон и духи.

– Но я думаю, что он будет принимать тут свою красавицу?

– Неужели вы думаете, что это возможно, такой недостаток уважения?

– Та, та, та, будто это уже не случалось! Это мне совершенно безразлично. Сад мне очень нравится, я там буду с детьми рыться. Уже около 11 часов. Прощайте, Кисса, я пойду сперва почищусь, потом наскоро помолюсь и буду спать, а завтра вечером мы по-старому будем читать вечерние молитвы вместе.

– Ах, какое счастье, ангел мой; значит, милый Баден повторится.

Пожал мою руку и ушел. Я стала у окна, и со двора он еще махнул рукой, точно как в Бадене, с моста. Та же поэзия для души, но не та же поэтическая обстановка.

15. Я очень хорошо спала, в 8 часов была уже готова и играла с детьми в их комнате; не знаю, в котором часу вернулся мой муж, потому что Сашка два раза будил его в 10 часов; наконец, я услышала, что он спускается, и пошла скорее открыть окно в спальне, а через несколько минут была в столовой, чтобы приготовить чай. Он вышел, зевая и потягиваясь, и сказал мне: «Когда, Киселев думает, я смогу вступить в клуб?»

– Он сказал мне, что записал тебя сразу же по возвращении из Бадена, и что с сегодняшнего дня ты можешь ходить как гость, он возьмет тебя с собой, и ты можешь быть уверен, что вступишь туда, потому что клуб основан русскими.

– Тем лучше, – сказал он, украшая свое блюдце окурками сигарет, – так как у меня нет серьезных дел, надобно убивать свое время в клубе.

– Конечно; как и вы все вообще, когда у меня нет моего письменного стола и моего фортепиано, я не знаю, что делать. Клеопатра еще не приехала, так что у меня нет никаких знакомых в Париже. Признаюсь тебе, что этот столь хваленый Париж мне не нравится.

– Мне тоже; но я надеюсь в конце апреля уехать в Баден, а потом возвратиться в Россию.

– Я буду очень довольна, два года на чужбине тяготят меня и делается тоска.

– Яков Толстой, которого я очень люблю, уже 7 лет в Париже и не понимает, как можно жить вне Парижа.

– А Григорий Толстой уже 20 лет. Я уверена, что у него есть любовница, а, может быть, и семья, как у Киселева.

– Как у Киселева? Неужели он открывал тебе свои тайны?

– Что за мысль! Это Аника и Клеопатра в Бадене все время говорили о любовниках и любовницах, Киселев покраснел и смутился; тогда Клеопатра после его ухода сказала мне, что у него двое детей от актрисы из театра «Водевиль». Агриппина вывела его из затруднения, сказав: «Но, господи, в Берлине не более добродетельны, но мы никогда не говорили о таких вещах». Не говори ничего Киселеву.

– Киселев совершенно прав, что не говорит о столь интимных вещах. Что какое кому дело до этого, и женщины с тактом никогда не знают, водятся ли за их мужьями грешки; во всяком случае, они правы, делая вид, что ничего не знают.

– Я вчера видела в лавке на рю де ла Пэ трое красивых часов рококо. Мне сказали, что можно найти очень дешевую старую бронзу на Болоте и их можно позолотить. Болото в старое время было модным кварталом.

– Ах, какая скука, иду потаскаться, зайду в посольство, нет ли новостей?

В полдень я поехала с детьми в экипаже на Елисейские поля; экипажи, запряженные козами, привели их в восторг; в час дня я велела консьержу посольства сказать Киселеву, что я рядом. Не было еще 2 часов, когда он выбежал радостный и сказал мне: «Право, в Бадене только этого недоставало для детей; надо сказать это Гугорту. Какие вы милые, А. О., что подумали послать за мной».

– Но я думаю, что помешала вам завтракать?

– Нисколько, я пью бульон с яйцом и полстакана вина, иногда бисквит или апельсин. Это я только в Бадене объедался у вас зеленым супом, жареной говядиной с жареным картофелем и огурцом; это, как выразился какой-то прусский офицер, суперфик и манюперб[321].

---

[321] Искаженные *фр.* слова superbe и magnifique (прекрасно, великолепно).

– Киселев, вы еще любите Rittersporn[322]; жаль, что наша баденская кухарка не умела делать cantalonen; это очень вкусно и это «дрезденский деликатес». А потом – не говорят «офицер», тетка Ярцевой, камер-юнгфера, всегда вязала крючком каскетки артиллеристам и говорила, что ее брат – «антирелийской анцифер».

– Кажется, что у вас на чердаке было довольно демократично.

– Совершенная смесь французского с нижегородским; но скажите же, где взять яйца; мне нужна пара яиц для первого завтрака в 8 часов.

– Их надо брать на английской ферме, и я вам их доставлю, я сам беру их по рекомендации<...>, сливки тоже ваш муж там берет.

– Он тоже любит сдобные булочки, которые берут из лавочки, такая гадость, что ужас. Есть ли что-нибудь здесь, чтобы заменить булочки?

– Велите брать бриоши, они хороши, когда теплые. А что у вас на второй завтрак?

– Чай с бисквитами, все, как в Бадене, но там я все пожирала, а теперь ем мало, мой аппетит исчез.

– Как и мой.

– Кисс, я говорю вам, что мы созданы друг для друга; я думаю, что бифштекса толщиной в вашу ладонь нам хватило бы на двоих, а 10 000 фр. в год было бы для нас вполне достаточно. У меня мысль, что мы сможем осуществить прекрасный план ехать в Адамовку, а там, вдвоем, нам никого не надобно будет.

– Ах, мой ангел, как благодарить вас за такую<...>; разве здесь, в этих теперь точно Елисейских полях, которые освящены вашим присутствием, стать на колени?

– На колени только перед Творцом и св. Троицей.

После обеда он явился в 8 ½; я сидела наверху; Лиза с Миной выложили все мои берлинские наряды; я сидела посреди комнаты, когда он вошел.

– Что это за выставка вуалей?

---

[322] Шпорник, дельфиниум *(нем.).*

– Это чтобы разделить их между нянями и Миной, а для себя; я сохраняю костюмы и два платья, которые я буду носить на прогулку.

– Эйландт, Дикинсон и Мина, nehmen Sie alle diese alten Kleidern für sich.

– Mina, jetzt die Hauben und die Hüten[323].

– Кисс, вот чепчики от <...>

– Примерьте их, пожалуйста, они должны вам необыкновенно идти.

– Я их всегда ношу по утрам, вы можете видеть меня в них днем и вечером, когда я буду заниматься музыкой для этого плутишки, который зовется мой милый Николай. Не находите ли вы, что это старье· отдает мещанским духом?

– Откроют окна.

– Eylandt, machen Sie die Thür zu und lassen sie die Fenstern auf[324]. А вот сокровища детей, здесь bay-bay Каница и маленький ящик, такой же, как у Алекс<андра> Ив<ановича>, с стеклянными собачками. Это, как и волшебный фонарь, показываются очень редко, а я говорю: «Вот андер манер, другой кавалер», а про старушку: «Вот старуха Ккикбуш». По-английски говорят так:

Old mother Hubbaw
Went <...> to the cuplan etc.

– Послушайте, мадам, это вовсе не мещанский дух, я теперь понимаю, что это такое – это как будто шкаф, где хранятся разные старые вещи.

– Это верно, Кисс, вы можете тоже выбрать какой-нибудь хлам и; подарить его Михайле; он пошлет это в деревню и там это произведет большой эффект. Es kommt ja nur die Bedeutung[325], как говорили в Берлине.

– Поскольку вы позволяете мне выбирать и присваивать себе за счет моего лакея, я выбираю платье фру-фру, в которомъ вы были на балу у вас в Бадене; а для меня вы пожалуете

---

[323] возьмите себе все эти старые платья. Мина, теперь чепцы и шляпы *(нем.)*.
[324] Эйландт, закройте двери и откройте окна *(нем.)*.
[325] Это имеет только там значение *(нем.)*.

счастье сохранить на память ваш китайский костюм и греческий; но не забудьте, что вы пообещали: мне счастье увидеть вас в этих костюмах.

– С удовольствием, мы выберем день, когда не будет оперы, и тогда я дам представление такое, что будет светопреставление для некоторого очень мне известного и милого гражданчика.

– Наверное?

– Наверное, а вот рука вам в залог.

И положила одну руку в его руку, а другую на его плечо, и взглянула ему в лицо. Он вскочил в большом смущении и вскрикнул:

– Бога ради, пощадите меня, как вы любите играть с огнем, вас он не зажигает, а меня совершенно сжигает!

– Простите, милый друг, я в отчаянии, что причинила вам такое волнение; я никогда не позволю себе более такую фамильярность; я так же вела себя с Жуковским, и это никогда его не тревожило.

– Ему было 50 лет, а кроме того – почем вы знаете?

– Пойдемте, Николай, помогите мне перенести ноты и все наши мелочи в гостиную и поставить письменный стол. Мы устроим по-своему, а завтра вы с Н. М. развесите картины.

Мы тут провозились до 11-ти часов.

– А где же муж?

– В Малом театре с Яковом Толстым, так он мне сказал, и с этим скучным стариком Нарышкиным, какой противный.

– Ну, об нем не стоит и жалеть, отживший пошлую жизнь человек. Я жалею Толстого, он – человек необыкновенного ума, но ум выше нравственности; ведь он с боку припека при посольстве и пишет очень дельные стишки, замечания о политическом и нравственном положении Франции, которые посылают государю.

– А мне так жаль Григория Хилкова, князь Дмитрий не раз говорил мне об нем. По его последним письмам угадывается желание вернуться в Россию и там умереть, сложить кости в могилу предков.

– Знаете ли вы, что я не могу налюбоваться вашим русским языком; как это хорошо? *Сложить кости в могилу предков.* Надеюсь, что вы держите обещанные в Бадене и пишете ваши записки.

– Конечно, но я сама вам прочту то, что написано, а тетрадь отдам вам за два дня до моего и вашего отъезда в Питер, а моего в Италию, куда Н. М. не поедет, потому что России нужна его служба.

– Вот вы смеетесь, а я нахожу, что его служба точно нужна России, честнее и благороднее я не знаю никого.

– Я и не смеюсь, только по домашней финансовой части он очень плох.

– Что делать, никто не совершенен, и вы тоже, моя любезнейшая дама.

– Конечно, но в моих глазах вы, Николай, настолько совершенны, как можно быть в этом мире. Такой молодой, бедный, вы вынесли все, без упрека, без ропота, и довольны службой, данной вам Богом в его святой премудрости. Вы обязаны этим молитвам вашей святой матушки, на ее коленях вы почерпнули уроки ее мудрости и смирения.

Он залился слезами, бросился на колени передо мной и сказал мне: «Александрина, благословите меня и обещайте мне быть всегда моим ангелом-хранителем ».

– Клянусь вам в этом, Николай; вы старше меня, но вы моложе и чище сердцем, чем я; меня уязвляла тысяча вещей; все, что во мне лучшего, что кроется в глубине моего сердца – ваше на всю жизнь. Оплачем вместе наших родителей, вы – вашу матушку, а я – папу и бабушку, потому что со времени ее брака с Арнольди маменька осталась для меня полковница Арнольди. Мне было 15 лет, когда она умерла в Вознесенске, и я не пролила ни одной слезы. Я доверила это Стефани, которая мне сказала, что это ужасно, но что с ней будет то же, когда ее мать умрет. Когда Кобле сказал мне, что моя бабушка и все мои тетки умерли, я держалась хорошо, но вечером в постели я плакала и рыдала. Именно в этот день разбился надвое стакан с водой, неизвестно отчего.

Он сидел на маленькой кушетке на некотором расстоянии от меня и плакал, и я тоже. Чтобы не волновать его, я сделала знак креста над его головой и тихо сказала ему: «Христос с тобой, мой добрый и верный друг, я твоя всегда и ныне, и присно, и во веки веков». Он встал и сказал мне: «Боже мой, Боже мой, как эти благотворные слезы меня освежили, я чувствую, что я совсем другой, полон надежды и энергии».

– Слава Богу, друг мой. А я забыла вам сказать, что я привезла для Михайлы самый немецкой вязаный шарф, красный с зеленым, и два чепца из белого перкаля, отделанные валансьенским кружевом, которые я купила в Нанси.

– А мне же что?

– Карпетки из шотландской шерсти, я сказала, что это для мужа, но это для вас, и я сама их пометила, а кроме того, я привезла вам другой подарок, который доставит вам еще больше удовольствия.

– Что же это может быть?

– А если вы так <любопытны>, я спрошу у вас, любите ли вы аррасские сердечки, которые продают на каждом углу и которые я нахожу очень хорошими, это как наши пряники.

– О, ангел мой, я воображаю, что вы принесли мне сердце, которое я украл у вас в Бадене.

– В добрый час; я в восторге, что вы его сохранили. Мы об этом: еще поговорим, пойдем побродим немного по бульварам, но дальше бульвара Итальянцев – как ужасны эти пассажи, какая инфекция.

– Это ужасно. Но вот и время вашего второго чая; не хотите ли зайти в кондитерскую?

– С удовольствием, я чувствую, что голодна. Кстати, у вас есть деньги?

– Да, на случай нужды всегда есть франк в кармане.

– То есть на случай, если на пути встретится нищий.

– Да, но этим господам я подаю только сантимы.

– Вы правы. Г. де Местр, сын Жозефа де Местра, генерал-губернатор в Ницце, где масса нищих, говорил мне, что для них у него медные су; добрая княгиня В<...> поймала его на слове и отправилась с ним гулять с мошной как у Ивана Калиты.

– По несчастью, я не могу быть Калитой, из моего жалованья не раздаришься.

– А мы, Кисынька, будем пополам делиться нищими.

– Очень и очень рад и благодарен; есть, что называется, стыдливые бедняки; они не протягивают руку, но их гораздо более жалко, чем уличных нищих. Вот им недурно бы уделить и старого платья и белья, если у вас найдется. Их дети бедствуют в грязных чердаках. Об этих бедняках заботятся сестры св. Венсана де Поль, с их помощью я всегда могу найти семью,

положение которой мы сможем облегчить, выплачивая ей пособие; если вы даете 25 фр., я дам 10, за эту цену они могут получить в предместье хорошее жилье и похлебку.

– Это прекрасно, вот мы и договорились. Мой муж так щедр, что если я скажу ему об этом, он возьмет на себя другую семью, и в этой стране, где мы чужестранцы, благодарные сердца будут молиться за нас. Мы назовем лишь наши личные имена, так, что эти несчастные не узнают, от кого и откуда пришло к ним улучшение их участи.

– Вот, моя нежная и добрая Сильвия (ибо вы поистине как шекспировская Сильвия): ist Sie schön und gut dazu[326]. Если бы вы не были так восхитительно добры, одна лишь ваша красота никогда не пленила бы меня. Но вы лакомка: как можно съесть за один присест целый пирожок.

– Он такой вкусный и напоминает сдобнушки, которые делали у Троицы у тетки Цициановой; она делала еще другое грузинское блюдо под названием лобье; это очень большие бобы на поджаренном белом хлебе, и бобы эти сверху запечены.

– Но ничто не сравнится с парпарой Клеопатры. Вы знаете, мне нужно сделать визит княгине Ливен, но только утром: в платьях с Доротеенштрассе нельзя вечером являться. Она живет в отеле de Ia Terasse на ул. Риволи, неправда ли?

– Да, а знаете ли вы, который час?

– Нет, а какой?

– Должно быть 5 часов, и я думаю, что пойдет дождь.

– Велика беда, я не растаю, а потом мы вернемся, как Поль и Виргиния, под вашим зонтиком. Это будет очень мило и грациозно, оба маленькие, миленькие, веселые и довольные. Так ли?

– Еще бы!

– Киселев, вы знаете, что превратились в настоящего фордыбака, так в себе уверенного.

– А кто придает мне этот вид? Одно создание без имени, которое и есть все лучшее в этом мире. Вот как я мщу за ваши насмешки.

– Ну, хорошо, вот мы у входа в жилище этого существа, которое, по вашим словам, вы любите больше всего на свете. Я вижу мужа, не говорите ему ничего о нищих.

---

[326] она хороша и притом добра *(нем.).*

– А вот и вы! Киселев, я развешиваю картины, которые привез из Берлина и купил за 100 фр., этот прелестный Дежарден. Неправда ли, хорошо? Помоги, брат, – куда повесить Дежардена?

– Конечно, к левой стенке от клавикорд, а твой портрет с другой стороны, а над клавикордами портрет А<лександры> О<сиповны>, на который падает свет.

– Сашенька, вели подать чай.

– Сашка!

– Что прикажете?

– Поставь самовар и подай гвозди, у меня там в уборной и молоток есть, и веревки.

Я приготовила чай, мой муж был в восторге от бриошей; не кончив в салоне, он ушел неизвестно куда.

Мой Николай выпил полчашки чаю, мы велели привести детей, которые были очарованы Тюильри: «Мама, Киливов, тюлили тле золи», «Мама, Киселев, Тюлери тре жоли, ach so schön und so viele hübsche Lieder-, sie spielen aus den Ballen (?).

– Sie müssen auch ihre Ballen mitnehmen.

– Wirst du, Eylandt?

Мы с ними поиграли и показали им картины и портреты.

«Das ist Mama und das ist Mama, aber wo ist Kilivoff?»

– Ja, wo ist Kisseleff?

– Kisseleff ist nur mein Freund und liebt kleine Kinder.

– Hat er auch Kinder?

– Nein, er ist nicht geheirathet.

– Kilivoff, heirathe schnell und wir werden mit deinen Kindern spielen.

– Ach, ich bin arm, darum kann ich nicht eine Frau haben.

– Mama, ist das wahr, – sagte Adini.

– Ja, es ist wahr. Ich war arm und Papa war reich, hat mich geheirathet, sonst könnten wir nicht schöne Kleider kauten und Spielsachen. Jetzt aber geht ihr oben[327].

---

[327] Ах, так красиво и так много красивых песен; они играют в мячики.
– Вы должны тоже брать с собой мячи.
– Ты возьмешь, Эйландт <...> Это мама и это мама, а где же Киливов?
– Да, где Киливов?
– Киселев – просто мой друг и любит маленьких детей.
– А у него тоже есть дети?
– Нет, он не женат.

– Как Адини всегда рассудительно все делает, тотчас к вам обратилась за положительным ответом.

– Киса, скажите мне, ваши два мальчугана, они умны? Не краснейте же больше, ведь вы мне признались во всем.

– Да, но когда вы говорите мне об этом и напоминаете мне эту вину, меня как будто ударяют в сердце.

– Хорошо, я не буду больше об этом говорить, если вам это неприятно; скажите только, похожи ли они на вас?

– Как две капли воды.

– Ах! Как я хотела бы их видеть; они должны быть как вы, когда вас звали <...> и ваша сестра <...>

Он вынул часы и простился со мной очень серьезно и холодно.

– Киселев, что за война? Вы вернетесь в 8 часов?

– Не знаю. Я должен к 8 часам идти в клуб с вашим мужем. Его там очень ценят, он играет, не выигрывая, и платит тотчас же.

– Тогда, во всяком случае, я жду вас до 9 часов.

– Надеюсь, мадам.

Мой бедный Николай, какая трогательная черта эта неспокойная совесть, поистине ангельская. Когда я сравниваю с отсутствием стеснения у Смирнова. Он говорил, что обожает меня, а два с половиной года спустя – вот он вырядился с официальной любовницей.

Но притом как глупо с моей стороны сравнивать эти две натуры: одну, такую возвышенную, и другую, столь вульгарную и материальную. Я принесла вниз образ, которым благословила меня императрица, расстелила маленький ковер, зажгла на столике из дикой вишни две свечи и считала долгие минуты до 6 ½ часов, когда мы пообедаем, дети и я, т. к. муж обедал в посольстве.

Наконец, в 8 ½ он вошел.

– Дорогая, тысячу раз дорогая Александрина, простите мне этот недостаток этикета, обещайте мне, что никогда не будут

– Киливов, женись скорее, и мы будем играть с твоими детьми.
– Ах, я беден и не могу поэтому иметь жену.
– Мама, это правда? – сказала Адини.
– Да, это правда. Я была бедна, а папа был богат и женился на мне, а то мы не могли бы покупать красивые платья и игрушки. А теперь идите наверх *(нем.).*

говорить со мной с моей связи и об этих двух несчастных незаконнорожденных малютках; *я* надеюсь со временем их узаконить, пройдя через простую формальность католического брака с их матерью, и тогда я обрету душевный покой.

– Мой дорогой, мой бедный Николай, я обещаю вам это, а если когда-нибудь мы поженимся и я сойду в могилу раньше вас, я сделаю все, что мне позволит мое личное состояние, т. е. имени Т<...>. Это справедливо?

– Да, но к несчастью, это лишь воздушные замки.

– Это неважно, пока они доставляют нам удовольствие и тешат нас. Люди, любящие друг друга, подобны Адини и Оли, которые видят вас через минуту уже женатым и с двумя маленькими дочками, с которыми они будут играть в Тюильри. Я нашла очень красивое Анданте Бетховена, хотите ли, я вам его сыграю? Мне дала его моя учительница музыки. Бедная девушка, до замужества ее звали мадемуазель <...> принесла мне эту жертву. Бетховен давал ей уроки фортепиано и le doigté[328] карандашом его. Она была мне так благодарна, потому что, выйдя замуж, я пригласила ее на обед с Жуковским, а потом подарила ей популярные швейцарские романы Иеремии Готхельфа. Советую вам их прочесть.

– Отметьте мне это в моей записной книжке, я уверен, что не потеряю ее, ваш дорогой почерк будет как талисман.

– Ах, Киселев, знаете ли вы прелестный романс под названием «Талисман»: Там, где море вечно плещет...

Я не знаю, чьи это слова. Музыка, думаю, Яковлева.

– Вы знакомы с Яковлевым? Это мой друг.

– Знакома? Нет, но я слышала его у старой Серафины Стерич, мой кузен Евгений сам был очень хороший пианист, Глинка <...> Голицын <...> и милый старый Шматков, сын лакея вел. княгини Елены; а также этот тупица Иванов, у которого прекрасный тенор, пел вместе с ними отрывки. Это были поистине очень приятные утра, заимствованные от утр г-жи Сенявиной – моды, привезенной ею из Парижа.

– Вы получите здесь такие же удовольствия. Говорят, что это заканчивается смешным: спущенные шторы, полусвет, чтобы скрыть вуалью утомленные и обесчещенные лица.

[328] постановка пальцев.

– У г-жи Сенявиной это было обычным. Она велела Кириллу Алек. Нарышкину прийти пешком и войти забрызганным грязью. «Я был очень смущен, кузина, потому что я всегда езжу в экипаже, но я постарался выпачкать ноги у вашей двери, чтобы это совершенно соответствовало парижским обычаям. Это нам, русским, пристало, как корове седло». – «Кузен, прошу вас, не пользуйтесь этими грубыми выражениями».

В тот же день эта смешная личность написала Вяземскому очень <…> записочку, кончавшуюся так: «Надеюсь, что сегодня вечером вы причалите к моей всегда гостеприимной суповой миске; у меня есть последний номер “Revue des deux mondes”».

– Это восхитительно и должно было привести Вяземского в восторг.

– Я была больна в этот момент и не могла причалить со своим зонтиком к ее суповой миске.

– Больна чем?

– Как всегда, печень и нервы! Вяземский прислал мне записку, он жил через две двери от меня, но он не смог воздержаться от рифмы:

Как жаль, что расклеилась клетка,
В которой ici-bas тоскует колибри.

– Это действительно красиво, ваше сердце испытывает тоску пустоты.

– Кто вам сказал, что оно пусто? Этим летом в Бадене оно было слишком полно, но сердце требует еще большего.

– Вы восхищаете меня и обольщаете меня радостью.

– На конверте он написал:

Моей соседке, с Венерой однодомке,
Та царствует на дне морском,
А эта царит на Морской...

Что-то не совсем так, помогите мне составить стихи.

– Я не могу. Знаете ли вы, что уже 10 ½.

– Хорошо, пойдем прочесть вечерние молитвы. Вот тетрадочка, куда я их переписала для вас вместе с молитвой по усопшим. А вот 9 псалмов, переписанных Гоголем, их вы выучите наизусть, а я буду вас экзаменовать, как он: чуть

запнешься – в угол, с приказанием выучить так, как дьячки. Михайла должен только учить псалмы наизусть.

Я прочла ему половину вечерних молитв, а он остальные; я видела, что несколько слезинок скатилось на землю. Когда молитва кончилась, он сказал мне: «Я морально насытился, какую пищу вы мне даете».

Я взяла образ, благословила его им и отдала ему. Он не сопротивлялся более своей радости, обнял меня и прижал к сердцу: «Ангел мой, моя обожаемая Александрина, как благодарить вас за все это счастье и духовную радость! Простите мне это невольное движение». Мы стали на колени и еще раз, в слезах, благодарили Бога.

– А если ваш муж заметит исчезновение образа?

– Он-то? Заметить что-либо, кроме картины, карт и любовницы! Никогда, к тому же у меня в сундуке есть другой образ. Да, это как будто моя дорогая Алекс<андра> Фед<оровна> благословляла нашу привязанность, вот почему я вам его дала.

– Спасибо, благодарю вас тысячу раз; это дорогое доказательство вашей дружбы никогда меня не покинет, и когда я умру, его положат мне на грудь. Увы, я могу вам дать только совсем маленькие четки из Иерусалима, зернышко амбры и маленький перламутровый крестик; кто-то подарил его матушке, и перед смертью она мне сказала: «Николенька, вот все мое богатство, всегда молись этому крестику». У Михайлы есть маленький образ, и это составляет украшение моей скромной спальни; он всегда стоит за мной. Я хотел было приказать ему убрать его в сторону; он ответил: «Нет, Ник<олай> Дмит<рич>, так следует».

Но мы оба были довольны тем, как кончали вечера, нам еще принадлежавшие, а утром он начинал свои молитвы в 8 часов, а я – свои в тот же час, так что духовная связь не прерывалась.

16. День более светлый. После обеда я отослала детей на Елисейские поля и вышла от себя около 2 часов; я шла по rue basse des Remparts, когда услышала его голос, говоривший мне: «Погодите, госпожа маркиза де Теванн». – Кто? – Вы, как маркиза де Теванн, которая ждет полчаса, чтобы кто-нибудь подал ей руку для перехода через улицу.

– Послушайте, Киселев, нужно, чтобы вы дали мне сегодня адреса моих поставщиков.

– Я записал вам все это в свою книжку и продиктую вам сегодня вечером. Перчатки у Прево, рю де ла Пэ; барышни в магазине очень хорошенькие, они привлекают всех, и эти несчастные девушки, без сомнения, становятся жертвами какого-нибудь старого и богатого развратника.

– Какой ужас, в Петербурге разврата этого рода не видно.

– Но Париж, как говорит де Местр, великая вавилонская блудница.

– Один англичанин сказал: Париж – strumpet, т. е. публичная женщина. Ну, а дальше про поставщиков?

– Мадам Бодран для шляп и причесок, <...> для обуви, Пальмир для платьев.

– Мне нужно начать это турне с завтрашнего дня. Ах, Киселев, вы не видели, какая гадость наш зеленый рыдван, точно разрезанный арбуз, а слуга, у которого великолепный вид, в светящемся сюртуке странного цвета. Возможно ли, чтобы во всем Париже нельзя было найти что-нибудь более пристойное.

– Но я думаю, что, в сущности, вы не собираетесь ослеплять парижан вашим экипажем.

– Нет, конечно, но мне неприятно, что мой экипаж здесь безобразнее того, что был у меня в Берлине. Он, правда, принадлежал посольству, а помещение нанял и построил дом Иван Озеров. У нас был очень хороший француз-повар, который каждый день между вторым завтраком и обедом ездил верхом на прогулку в Тиргартен; когда кухонная девушка впервые увидела его гарцующим на лошади, она как безумная прибежала ко мне, говоря: «Liebe gnädige Frau, kommen sie zum Fenster, sehen Sie was da geschiet, unser Koch reitet zu Pferde!»[329].

Может статься, что наш шеф позволит также развлечься верховой ездой. Вы будете ездить?

– Ни за что на свете, к тому же – с кем? Это было бы приятно не вами, а с ним или с берейтором – слуга покорная. Кроме того, *я* езжу только летом.

– Я очень рад, ибо это могло бы дать мне каждый день два счастливых часа.

– Мне тоже, Кисенька.

---

[329] Дорогая уважаемая госпожа, подойдите к окну, посмотрите, что творится, наш повар скачет на коне *(нем.).*

Он пожал мне руку и мы взглянули друг на друга.

– Я забыл вам сказать, что Клеопатра приезжает послезавтра, Беарн приготовил ей очень хорошенькую квартиру на рю д'Агрессион. Это очень близко от посольства, я подумывал о ней, но она достаточно поместительна только для одного человека. Хотите ли завтра начать играть в 4 руки, я рекомендую вам мадам Лада, получившую первую премию консерватории.

– Конечно, она должна принести все, что может найти, Бетховена, я куплю; потому что абонементы мне надоедают.

– Тетрадь стоит 5 фр., это вас не разорит.

– Разумеется, это даром, но если она будет приходить каждое утро, это составит 150 фр. в месяц, и он закричит а pas <...> как петух. Я предпочитаю два или три раза в неделю по два часа. Что вы об этом думаете, дорогой Николай?

– Совершенно с вами согласен, часа почти достаточно, чтобы сыграть одну из больших симфоний Бетховена, 9-ую, например.

– Я знаю только en Ut[330], первую, кажется. Киселев, проведите меня на рю Вивьен, мне надо купить утренние чепчики.

– Теперь пойдем одинаковым шагом, обопритесь без страха на мою руку, с вами ничего не может случиться.

– Как хорошо, очень удобно; одна я никогда не смогла бы так перейти улицу.

– Ради Бога, умоляю вас этого не делать, вы потеряете голову и можете попасть под омнибус.

– Представьте себе, милый друг, какое несчастье было у нас перед нашим приездом в Висбаден. Вы знаете, что немецкие кучера любят показывать свою ловкость, чтобы завоевать сердце <...> или <...>. В момент, когда мы въезжали в маленькое селение, эти дураки пускаются в галоп; это был час, когда маленькие дети 3–4 лет едят свой ужин прямо на улице. Мы слышим страшные крики: «Стойте, стойте!». Ничего подобного, эти несчастные останавливаются только у постоялого двора; и эти чудовища сами нам говорят: «Es ist ja gerechte ein Kind ist unter den... gefallen, das geschiet ja off»[331]. Мой муж сейчас же побежал искать ребенка, его ножка посинела и распухла, крики были

---

[330] В c-<moll>.

[331] Это наверное ребенок попал под колеса. Это часто случается *(нем.)*.

пронзительные. Мать и соседи плакали, не зная, что делать; он сейчас же намочил тряпку в холодной воде и забинтовал бедную ножку, а потом сказал женщине, что, как только приедет в Висбаден, пришлет врача, и что она в ожидании этого должна менять компрессы; он дал ей несколько флоринов. Вернувшись на станцию, он приказал новым кучерам везти нас в Висбаден как можно скорее, обещав двойную плату; они ответили с этой возмутительной немецкой жестокостью: «Wir gehen den gewöhnlichen <...>; ich muss für meine Pferde sorgen»[332]. Вы можете представить себе бешенство моего мужа, на этот раз вполне законное. Приехав в отель «Роза», он побежал к врачу; к счастью, это был немец из наших прибалтийских губерний, сердцем преданный русским. Он взял инструменты, лекарства и все, что надо, и минуту спустя уже скакал на коне. Сделав это, мы легли спать, немного успокоившись. На следующий день он пошел к главному местному деятелю, принес жалобу на двух кучеров, требуя наказания. Он не заплатил даже им, а отдал эти деньги прохожему бедняку. Это заставило нас остаться лишний день в Висбадене, чтобы дождаться ответа врача. Какое чудо, ножка была зажата между двумя панелями, так, что кость не была повреждена; так как она меняла компрессы, ребенок задремал, у него не было лихорадки, а доктор оставил немного <...>, чтобы освежить дитя. Вот как мое счастье было отложено более, чем на двое суток, потому что лишь через три дня мы приехали в Баден, где я увидела друга, которого люблю всеми силами моей души. Что вы говорите, Киселев?

– Я говорю, мадам Смирнова, что я очень горд вашей дружбой. Вот мы и у входа в магазин.

Я примерила три чепчика одного и того же фасона и разных цветов – голубой, розовый и соломенного цвета, очень милые. «Мадам, вы поставите их на рю Монблан № 21, мадам Смирновой, запишите имя, потому что русские имена всегда искажают». – «Очень хорошо, мадам, да мы знаем мсье, и я смогу обратиться к нему. Мсье так добр, что рекомендовал нас, так как мы поставляем...».

– Пойдемте, мадам.

---

[332] Мы поедем с обычной <скоростью>: я должен заботиться о своих лошадях *(нем.)*.

– Киселев, отчего вы волнуетесь?

– У меня есть на это причины, и очень настойчиво прошу вас не спрашивать меня о них.

– Воображаю. И я выпустила его руку. – Прикажите подать фиакр и я одна вернусь домой.

Я не могу страдать от умалчивания. Как только нет полного доверия, моя дружба исчезает.

– Так как вы хотите во что бы то ни стало причинить мне боль, я скажу вам, что заказывал здесь дешево туалеты, вы знаете для кого.

– В добрый час.

– Дайте мне вашу руку и я нежно ее пожму, – ответил он с <...>.

– Что касается дешевых шляп, которые она мне предлагала, я их не хочу. У меня будут две от Бодрана, одна обычная, а другая – более элегантная для визитов. Я решила, что Пальмир сделает мне три утренних платья, три обеденных и три бальных; этого мне хватит; и еще одно платье черного бархата. Этого довольно?

– Вполне. Француженки ограничиваются тремя платьями на все; они переносят бальные украшения с одного платья на другое. Цветами Пальмир вас снабдит.

– Я в восторге от этого. Самое противное на свете, это модные магазины. Они напоминают мне запах у мадам Юга в Петербурге, смесь остатков пищи со старыми вещами. Однажды в ее магазине у меня произошел очень интересный случай. Молодая особа прошла через комнату ровным шагом и как тень скрылась в задней лавке. Я спрашиваю, кто это. Это, – говорит мне старуха Юга, – молодая особа, которую я пригласила из Парижа в качестве продавщицы; но вот уже месяц, как она ничего не делает и только вздыхает по Парижу; я плачу ей гораздо лучше. Врач, которого я пригласила, не понимает, почему она не ест и не спит, ибо ее язык и пульс не показывают никакой болезни.

– Мадам Юга, – сказала я ей, – я знаю, что, приехав сюда, она больна тоской по родине. Молодая девушка вошла таким же медленным шагом и почти погруженная в мрачность. Я ей сказала: «Мадемуазель, хотите ли вернуться во Францию, нет ничего легче. Есть дилижанс, отправляющийся каждую неделю, мадам Юга даст вам шубу и заплатит за место; кондуктор

передаст вас на границе кондуктору французского дилижанса, и через три недели вы будете в Париже и увидите солнце». Она покраснела, взглянула недоверчиво на нас обеих. Мадам Юга сказала ей: «Дорогое дитя, сегодня четверг, в понедельник у вас будет все, что надо, и вы уедете».

– И этот дилижанс, который увозил вашего бедного друга, верите ли вы, что он уезжал, и сердце его не сжималось и не болело тоской о Бадене?

– Киселев, никогда не напоминайте мне эту ужасную сцену в Бадене, это так раздирает мне сердце, как будто я совершила нечто очень злое.

Он посмотрел на меня *с* несказанной нежностью. Чтобы оправиться от смущения, вызванного моими словами – исповедью моего сердца, я сказала ему: «Знаете, мы должны разнообразить наши занятия и развлечения, кончая, однако, если возможно, вечерней молитвой».

– Согласен, моя добрейшая Сильвия.

Ist sil schön und gut dazu[333].

– Ну, ладно, один день я буду играть на фортепиано с 3 ½ до 5, а вечером мы будем читать Гоголя и перелистывать мои альбомы. Очень многое мне нужно еще вам рассказать.

– Ваш план очарователен.

– Я хотела бы, чтобы мы вдвоем попробовали сыграть «Ревизор». Вы будете читать городничего, а я – Хлестаков; кроме того вы будете Осип, так как вы хорошо копируете Михайлу.

– Понятно.

– Но потом надо, чтобы иногда приходил Федор Голицын, он может вообразить, что наши тет-а-теты менее невинны, чем они есть на самом деле.

– Очень хорошо, при нем не надо стесняться, я могу называть вас Сашка, потому что ваш муж мне это позволил, а вы будете меня называть Николай, а для смеху Николенька. Неправда ли?

– Ах ты <...> – и провела рукой по его лицу. Он прижал ладонь к своим губам и не знал, как меня благодарить.

---

333 Она хороша и добра притом *(нем.)*.

– Я принимаю это как<...> и <...> «Die Rose». Мои нервы были так расстроены.

– Зачем же вы не сказали мне этого.

– Оставим это и не будем больше об этом говорить, сейчас я чувствую себя очень хорошо.

– Какая досада, Киселев, Бодран и Пальмир сказали мне прийти еще раз. Пальмир спросил меня, какой корсет я хотела, с выставки или простой; я сказала ему, что никогда не носила никакого и просила его сделать большую прокладку в корсаже. Какой ужас носить еще этот китовый ус.

– Я с вами согласен, но здесь есть монополия на вещи и желание <...>. Позвольте мне не вальсировать.

– Вы можете быть уверены, что мне всегда было бы смешно вальсировать с французом <...>, который скакал, как козел. Д'<...> решался на это только в контрадансах.

– А знаете, я встретил Платонова, он со мной не поздоровался, за что я ему признателен; он оставил карточку в посольстве, Пален сейчас же приказал доставить ему свою, а на обед его никогда не пригласят. В вознаграждение, чтобы сделать вам приятное, я поставил в список русских имя Андрея Карамзина.

– Спасибо, вы увидите, что это прелестный юноша.

– Скажите мне, прошу вас, с каких пор ваш муж взял обыкновение оставлять вас одну на целые часы?

– С каких пор? Я думаю, что уже через 15 дней после свадьбы; я не жалуюсь на это, он один из самых неинтересных компаньонов. По такому своему характеру он никогда никого не приглашал провести у нас вечер, одним словом, чтобы сделался салон. Однажды пришел Валентин <...>; конечно, начался спор, Валентин сказал ему: «Вы рассуждаете как дикарь», он это проглотил. Меня это оскорбило, и я сказала себе, что лучше никого не видеть. Уже тогда, когда мы делали свадебные визиты, он желал пролезть к лицам, которых совсем не знал, а я знала очень мало. Я кончила тем, что прекратила это, и многие лица не послали свою карточку. Этот недостаток такта ранил и оскорблял меня.

– Странная манера любить жену.

– Ну, мой милый Киселев, если бы я рассказала вам подробности моего существования, вы изменили бы мнение

о Смирнове. Он постоянно заставляет меня краснеть; это только булавочные уколы, но можно предпочесть им удары кулаком.

Он пожал плечами.

– Верьте мне, только благодаря моему молчанию у этого человека есть положение, и Бог видит, что я серьезно понимаю свой долг в супружеской жизни. Никогда не забуду первый наш завтрак в его кабинете: в момент, когда я меньше всего этого ожидала, входит его отвратительный кузен, Жан Воейков, ужасный шепелявый фатишка; он отпускал самые грязные шуточки: «Сто-с, брат Николай, надеюсь, сто ты отлицался ночью, а вы, кузина, довольны?». Смирнов смеялся этим прелестным фразам, а я вышла, не допив чашку кофе и в спальне меня вырвало. Я говорила себе: «Ну, вот и удовольствие, наверное я беременна».

Я слышала, как два любезных кузена зубоскалили. И сказать себе, что каждую ночь надо дважды проходить через эту невыразимую грязь. Утром, едва проснувшись, и лба не перекрестив. Ах, что за мерзость!

– Да, точно мерзость, и мне очень жаль вас, а что касается до Н. М., я уже вам в Бадене сказал мое мнение о его чувстве к вам.

– Он путает чувственность с моралью. И потом, в Петербурге он был совершенно неизвестен; он появился в салоне матери Александра Долгорукого. Его мать давала для своей дочери Надины маленькие вечера, то, что называется танцульки, было модно приглашать фрейлин, тогда можно было не сомневаться, что будут самые модные кавалеры.

– Я думаю! Если все они были так красивы и утонченны, как вы!

– Но слушайте. Смирнов приехал из Флоренции, это было после Пасхи, на нем были белые панталоны – как вам это нравится? (Я нахожу, что это ужасно, они похожи на кальсоны). И зеленая суконная куртка с золотыми пуговицами.

– Ужасно. Вы встретите в Булонском лесу старого маркиза де л’Эгль в таком костюме. Англичане насмехаются над ним.

– Он танцевал с пылом, так скоро и как будто говорил: «Так танцуют в цивилизованных странах». Родольф Кантакузен был моим кавалером в котильоне. Тот все подскакивал. Родольф, которому это надоело, сказал ему очень учтиво: «Прошу

прощения, сударь, я не смогу использовать преимущество танцевать с мадемуазель, если вы выбираете ее в каждой новой фигуре». Это он выдумывал новые фигуры. А он и сказал Родольфу: «Не вам решать, сударь, устала мадемуазель или нет». – «Ну, сударь, мне очень надоело, что меня выбирает незнакомый. Что до князя Кантакузена, это друг детства». А тот мне говорит: «Какой петух, он смешон со своей розой в бутоньерке. Вы видели, что кривая старуха уже строит ему глазки, говорят, что он из Москвы и очень богат». – «Но кто он?» – «Он секретарь посольства во Флоренции, его имя – Смирнов». – «Какое простое имя!» – «Вы ошибаетесь, дорогая А. О., он из хорошей семьи, столь же хорошей, как наша». – «Какое неуместное смирение, вы сами говорили мне, что 600 лет назад были Б<...> К<антакузены>».

А у Смирновых все были лежебоки, а воюет только, и некстати, мой благоверный, на всех <...>.

– Неужели постоянно воюет?

– Постоянно; после моих первых родов меня послали в Берлин, чтобы посоветоваться с великим хирургом по имени Тифенбах, он первым делал операции женщинам в моем положении; вы должны были заметить, что я не могу молиться стоя. В Берлине у него не было времени для ссор, оттуда нас послали в Пирмонт, очень скучное место, и там дошло до дуэли, но <...> устроил.

– Где это Пирмонт?

– Близ Ганновера и <...> и Пьер де Вальдек. Но, Кисс, я болтаю как сорока; к счастью, я не знаю, не надоедает ли это вам иногда.

– Как вы можете думать, что вас касающееся может когда-нибудь мне наскучить. А как же вы ехали в эту затерянную дыру Пирмонт?

– Сперва я поехала в Веймар, чтобы представиться вел. княгине Марье Павловне, которую видела в Павловске. Веймар – странный город, герцогский замок огромен, а у остальных домов такой вид, будто их взяли ко двору – включая дом Гете, напоминающий по цвету зеленый сыр с травками; я знаю, что в детстве Амалья Ивановна клала нам маленькие кусочки на тартинки; я думаю, что, по ее мнению, это было слишком дорого, сыр был еще деликатесом, может быть, в <...> его нельзя

было найти и сыр заменяли редькой. Как я хотела бы поесть редьки с конопляным маслом!

– Боже мой, что за вкусы, прелестный ротик раскрывается для такой самой простецкой вещи; русские крестьяне из-за нее не чувствуют запаха розы.

– Я была тогда беременна.

– Надеюсь, что сейчас этого нет.

– Боже меня сохрани, по крайней мере на два года; Гейденрайх и Шольц этого потребовали, а то, в самом деле, что я за корова.

– Нет, вы очаровательная маленькая телка, чистая, как райская птичка, наконец, вы – Сильвия.

– Кисса, знаете, что Мятлев написал нечто очень милое о мирской сходке.

Мужик
За ушами Ст
И спокойно.

Как вдруг один мужик сказал старосте: «Послушайте, староста, по маму ты должен быть <...>.

Киселев так и покатился со смеху.

– Знаете ли, – сказал он мне, – Платонов делает <...>, он как староста.

– Я в этом уверена; знаете, в Риме я сообщила Гоголю русскую пословицу, от которой он пришел в восторг и сказал мне: «За эту пословицу спасибо, я ее таки вложу где-нибудь в II томе “Мертвых душ”».

Вот эта пословица:

Удалось <...>

Говорили как раз о довольно удачном портрете, который написал дурак Орлов. Этот самый Орлов сказал а <...>: «Вот ваша правда. <...>, я ваш портрет непременно хорошо напишу, вроде Веласкеса, <...> пот выступает на лбу.

– Ну, А<лександра> О<сиповна>, не знаю, где вы набрались таких пословиц и речей, только, конечно, не в золотой гостиной императрицы.

– Да, там все российское исключено, государь со мной всегда говорит по-русски, и с мужчинами тоже, но государыня

с трудом говорит по-русски, она говорит, но не может болтать. Имп. Мария Феодоровна гораздо хуже еще говорила. Ведь это одна Екатерина все повернула <...> фр<анцузски> и с вертопрашным языком являлась в Петерб<ургское> вертопрашество.

Я была дежурная в Петергофе, погода была прекрасна; покатавшись немного, императрица остановилась в Монплезир; ей подали письменный стол, положили подушку на земную лавочку и другую подушку под ноги; перед ней бил фонтан. Казак стоял за кустами, немного в стороне стояли ее <...> дрожки, и затем унтер-офицерский караул. Милейшая в в<еликая> княжна Александра Ник<олаевна> бегала к взморью, бросала камушки, и на клочке бумаги карандашом диктовала мне письмо к В. А. Перовскому – «Черненькая, пишите!: “Я еду <...>, это Перовский, я это чувствую”. Черненькая, вы любите Перовского?» – «Да». – «Адини!».

– Ее звали Адини, это ее имя вы взяли для старшей из ваших двойняшек?

– Ну да. Их привезли во дворец, Оли была так мала, что имп<ератрица> боялась, как бы великая княжна Ольга ее не уронила; это она давала им имена; крестные отцы были, по-моему, император и наследник-цесаревич; у меня тогда был бред и я ничего не помню.

– Надо сознаться, что вступление в супружескую жизнь не было для вас благоприятно.

– Конечно, и во всех отношениях она для меня дурно пахнет; если бы не дети, я имела бы полное право разъехаться с моим супругом.

– Напишите еще: я жду.

– Ждите... Приходите поскорей, потому что «без вас мне скучно, я зеваю».

– Александра Ник<олаевна>, вам, кажется пора ехать домой. Я возвращаюсь на террасу и нахожу имп<ератрицу> пишущей еще свой дневник в маленький квадратный альбом, таких было четыре в плоском деревянном ящичке; каждый альбом содержит год, очень мелким почерком.

Я сорвала розу и сказала довольно громко:

Фонтан любви, фонтан живой,
Я в дар принес тебе две розы,

Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

– Черненькая, как это красиво, откуда это?

– Это Пушкин в поэме «Бахчисарайский фонтан».

– Но в какой стране это происходит? В шестнадцать лет я знала еще Шиллера наизусть. Это прелестно, этот немолчный говор. Напишите мне эти 4 стиха в мой дневник.

И я написала так же мелко, как она; тогда она мне и сказала, что ее почерк рассчитан так, чтобы не выйти за пределы года; что она писала свой дневник с девятилетнего возраста, под наблюдением либо своей матушки, либо своей гувернантки, мадемуазель Вильдермет, прекрасной женщины из Берна.

– Хорошо, мой маленький зяблик, я закажу 4 книжечки, такие, как у имп<ератрицы>, и вы запишете туда подробности наших разговоров.

– Ничего подобного, вы ничего не будете заказывать, потому что это стоит очень дорого. А так как мы <...>, я буду писать на обычной бумаге и, как говорит Саша, синей бумаги <...>, может на нужное дело понадобится.

– Опять охота мешать с розами и розовыми устами всякую гадость. Однако 10 ½.

– Сейчас, я постою сначала.

И прочла половину вечерних молитв, а он продолжал с таким детским и вместе глубоким чувством, что я была тронута почти до слез. Любимая молитва его была – Иоанна Златоуста. Он мысленно и душевно переносился за 32 года, когда, стоя на коленях возле матери, он повторял их за ней. О, если бы все родители понимали чудотворную силу молитвы в семье и с челядью, тогда роковой приговор Спасителя: «враги мои – домашние мои» утратил бы силу. «Я эти размышления вам скажу, любезный друг Киселев».

– Да, это совершенная правда, и вы не можете себе представить, как это глубоко.

Мы еще поговорили, потом друг друга благословили, и он ушел, взглянул еще наверх, я стояла у открытого окна.

17 novembre. Как только проснулась, я получила записку Клеопатры, объявлявшей мне, что она накануне приехала и просит меня прийти с ней повидаться, как только я смогу.

Выпив чаю и съев мои два великолепных и необыкновенно больших яйца (мне их принес Михайла), после того, как муж напился чаю с удовольствием – из-за бриошей, которые он, однако, нашел не такими хорошими, как булочки из лавочки, я сказала ему о приезде Клеопатры. Его первым словом был вопрос, в Париже ли также Икскюль.

– Нет, вы же знаете, что они поехали в <...>, Аника сказала мне, что эта свинья хотела продать ее имущество. Но если вам слишком скучно по вечерам, вам может составить компанию Платонов с Голицыным или Нарышкиным, только бы мне не приходилось готовить чай для этого надоевшего прилипалы; представьте себе, что в Бадене он осмелился прийти однажды вечером без доклада и начал с того, что сказал мне: «Теперь, когда этот парижский фат, Киселев, компрометировавший вас...» – «г. Платонов, прошу вас выйти отсюда, и берегитесь, я вынуждена буду пожаловаться мужу на ваши дерзости». Тогда он начал хвастаться какими-то услугами, которые он вам оказал. – «Я думаю, мсье, что если кто-нибудь оказал вам услугу, то это мой муж: вы бы не снесли головы после ваших злоключений с княгиней Белосельской, и это в нашем доме вам выказали такую дружбу, а вы употребили ее во зло, преследуя меня своими смешными домогательствами».

– Какую же службу этот дурак полагает, мне оказал?

– Вы понимаете, что мне все равно; может быть он дал вам взаймы тысячу франков, которые вы проиграли на рулетке.

– И опять он лжет, я у него никогда ничего не просил. Но откуда вы знаете, что он в Париже?

– Мне подали его карточку, я сказала Фредерику, что если он еще придет, он всегда должен ему говорить одно и то же: ни вас, ни меня никогда нет дома.

– Я думаю, что вы очень хорошо сделаете, чтобы игнорировать все эти глупости, если пошлете ему свою карточку, не загнув угол.

– Полностью и раз навсегда моя дверь для него закрыта.

– Слава Богу!

– Я вас предупреждаю, что не обедаю дома; я иду обедать в ресторан с Яковом Толстым и Нарышкиным, они хотят угостить меня тонким обедом.

Едва он вышел, пришла Клеопатра, очень довольная своей квартирой и Беарном.

– Ну, а Киса?

– А что Киса, я его вижу каждый день, как в Бадене.

– И он ничего не говорит?

– Ничего. Нужно ли ему говорить, он хорошо знает, к чему это поведет.

– Ни к чему больше. Вот эти русские дамы: вместо того, чтобы все позволить, они предпочитают изнурять тех, кого любят.

– Клеопатра, уверяю вас, я не понимаю, о чем вы говорите.

– Моя милая, в вашем возрасте смешно не понимать, почему он волнуется, краснеет и бледнеет и почему он так похудел в Бадене.

Клеопатра сказала мне на ухо то, что можно только сказать на ухо.

– Милая Клеопатра, почему вы не сказали мне этого в Бадене. И кто вам это сказал?

– Беарн и Фифи.

– Могу вас уверить, что теперь он очень хорошо выглядит и сказал мне, что прекрасно себя чувствует.

– Будьте внимательны, моя дорогая, и если он волнуется и краснеет, скажите ему, что нужно избегать свиданий с вами. А лучше всего, поверьте, моя милая, возьмите его в любовники, и если вы забеременеете, мы найдем средство скрыть это от этой свиньи Смирнова.

– Да вы с ума сошли, Клеопатра. Как вы хотите, чтобы я говорила с ним о таких постыдных предметах. А что до любовника – это невозможно, совершенно невозможно. Спросите сами у него, Клеопатра, когда у него бывают такие приступы, и тогда я сумею исключить повторение случаев, которые могут повредить его здоровью.

Один из моих братьев был очень серьезно болен, представьте, что он не мог без страданий видеть даже меня, сестру. Тогда муж сказал мне, в чем дело, и я туда не входила. Ему давали беладонну и делали холодные ванны. Скажите это Киселеву.

– Охотно исполню это. Вы знаете, дорогая, что я не люблю оперу, но в маленькие театры мы ходим вместе. Смирнов

привозит туда свою любовницу в бенуар, абонированный в разных театрах. Но он не смог достать ничего в <...>, как французы называют театр Буфф.

– Что за выражение, так говорили в старые времена до революции. Как ваши дела с Беарном?

– Все то же. Каждый раз, приходя, он говорит, что пушки заклепаны, а через минуту вздыхает, говоря: «Ах, Боже мой, если бы башни Нотр Дам были не так высоки!» Он предлагает мне идти ко двору Луи Филиппа, а сам говорит, что это мужик. Он идет туда только потому, что заинтересован в жалованье за свое место в Гессене.

– На вашем месте, дорогая, я заставила бы его на себе жениться. 40 000 фр. ренты с Бойкой (?) не пустяки для бедного француза; они такие жадные.

– Моя милая, останавливает только религия, эта гадкая религия. Он хочет, чтобы я ее изменила, а я говорю: ни за что на свете; что это такое – причащаться запечатанным хлебом!

– Клеопатра, не думаете ли вы, что лучше было бы два или три дня не видеться с Кисом.

– Погодите, моя дорогая, нужно мне сперва с ним повидаться, а потом я скажу вам, что он думает.

– Он придет сегодня вечером, и я буду играть на фортепиано, так что мы будем далеко друг от друга. Я скажу ему, что вы хотите с ним о чем-то поговорить.

– Очень хорошо. А вы, моя дорогая, вы ничего не испытываете, когда он касается вашей руки.

– Абсолютно ничего; конечно, для меня большое удовольствие опираться на руку человека, которого люблю всем сердцем; но это и все. Иногда мне кажется, что это найденный мною брат, но которого я люблю иначе, чем брата. Тут есть неуловимый нюанс.

– Дорогой друг, вы любите его настоящей любовью. Вот то, в чем вы боитесь признаться себе, а особенно ему. Когда я сравниваю Киселева с вашим мужем, я хорошо сознаю, как тот должен быть вам противен.

– Не говорите этого, Клеопатра, Киса очень дружен со Смирновым и глубоко уважает его.

– Я полагаю, что это не мешает ему похитить сердце его жены. Если бы у вас было немного мужества, вы были бы его в час, когда он придет.

– Клеопатра, ужасно то, что вы говорите. Вести такую гнусную жизнь с двумя. А Киселев сказал мне: ни за что на свете он не согласился бы на компромисс со своей совестью.

– Все это фразы, и наступит минута, когда ни он, ни вы не сможете более скрывать ваши чувства. А вот он идет.

– Пожалуйста, никаких намеков на то, что вы мне сказали. Я уйду, потому что чувствую, что покраснею и буду смущаться, когда он войдет.

Я оставалась около четверти часа наверху с детьми, когда услышала голос Киселева в гостиной.

– А, здравствуйте, это вы? Видели вы Клеопатру?

– Да, – сказал он мне очень спокойным голосом. – Я поднялся, Клеопатра ушла, а я подумал, что вы наверное у детей. Честное слово, если бы я был вашим мужем, я бы ревновал вас из-за вашей страстной привязанности к вашим малюткам.

– Но вы, который любите всех чужих детей, вы наверное будете так же страстно любить детей вашей жены. Представим себе даже, что это буду я, что, впрочем, невозможно...

– Почему невозможно? Скорее мало вероятно, эта мысль менее мучительна; невозможно – это смертный приговор.

– Пусть маловероятно, и я вам предсказываю, что вы будете ревновать к любви вашего ребенка и предпочитать меня ему.

– Вы говорите как пророчица, и я начинаю вас бояться.

– Что за идея! Кстати о любви к детям: я забыла вам сказать, что я нанесла визит княгине Ливен; я нашла ее в маленькой гостиной, в платье черного бархата и тюлевом белом чепчике, оборки которого окружали лицо, чтобы скрыть следы непоправимой утраты; она вышивает по канве, ее работа напомнила мне знаменитую розу синелью на шелку, которую делала покойная императрица-мать – это был поистине труд Пенелопы, потому что она всегда ошибалась, отвлекаясь мемуарами Св. Елены, которые ей читали вслух.

– Я думаю, что вы не нашли у княгини ни одной книги.

– Это правда, не может быть ничего более пустого, чем ее гостиная, что-то нежилое. Может быть, она держит любимые книги у себя в спальне.

– Вы слишком добры. У нее нет любимых книг, она никогда ничего не читает и не читала. Она осрамилась в прошлом году, на обеде у мадам <...>, самой близкой приятельницы <...>, у которой там салон.

– Что значит, «у которой там салон»?

– Это чисто французская глупость. Каждый имеет свою, и у этой своей плутуют, когда обсуждают великую болтовню обеих палат.

– Я не езжу никогда ни к этим «своим», ни к плутам; представьте себе потрясенную Лизбет, если бы я бросил им, приняв вид Юпитера, гремя как император Николай: «Ваш Луи Филипп – похититель короны, ничтожество, достойный сын Равенства, и кровь <мучеников> падет на его проклятое потомство». Одним словом, что сказали бы о такой выходке?

– В русском посольстве были бы втихомолку восхищены, но вам бы указали покинуть эти прелестные места.

– Ну что же, уеду с радостью.

– В этом я уверен, вам всего приятнее оставить бедного Киселева.

– Это неправда. А иногда кажется, что лучше было бы не сближаться мне с ним. Он когда-нибудь да отравит мою жизнь.

– Напротив, вы мою жизнь отравите, в этом я уверен.

– Старушка надвое сказала. Я не знаю, помните ли вы, что Фон Визин, возвращаясь в Россию, провел ночь у одной старушки и сделал следующее забавное замечание: старушка предобрая, но личико преизмятое. Вдруг вы меня встретите где-нибудь после 25-летнего отсутствия и получите то же впечатление (старушка предобрая, но личико преизмятое).

– Это не помешает любить помятую старушенцию, а впечатление хранить про себя.

– Это, конечно, так, французская учтивость прежде всего. Что до меня, я по мужицкому русскому вот что бы сказала: ах, матушка, какие вы стали старенькие, а я все-таки вас люблю, как в Бадене у Дургольца.

– Я уверен, что это подумаю, но не скажу, что вы старенькие, потому что в глазах истинной дружбы не стареются. Вы не позволяете мне говорить «любовь», «сердце», как говорит <...>, столь правдивые в этом случае. Любовь не знает морщин.

– А в какой стране мы встретимся? Какая вам нравится более всех – кроме России, понятно?

– Больше всего я хотел бы видеть Швейцарию. Уже описание ее, сделанное Карамзиным в его наивных письмах, всегда вызывало у меня охоту туда поехать.

– Швейцария очень красива, смеющаяся и изящная, и вместе величественная; ее горы, покрытые вечным снегом, могут с еще большим основанием сказать прекрасным долинам Гельвеции, что сорок веков восхищаются ими, чем самые высокие пирамиды.

– Какой быстрый ум у вас, позволяющий вам мешать так смешное с возвышенным, снежными вершинами Швейцарии.

– Это потому, что Швейцария напомнила мне братьев Пурталес. А в Берлине я часто вспоминала маленький водевиль, глупо сентиментальный, где возвращаются в Швейцарию и <...> поет:

Счастливые обитатели
Прекрасных долин Гельвеции,
Жилище счастья
И простоты.

Я говорила Агриппине и Пурталесам.

– Пурталесы вам по сердцу, я это вижу и их ненавижу.

– Но я вам уже рассказала мои дела с Гийомом.

– Да, а все-таки неприятно; но я слышу в детской плач.

– Это Олю не могут уложить спать.

Я пошла в детскую: «Gehe ins Bett und bleibe ruhig, die Schwester wollen schlafen»[334].

Выйдя оттуда, я нашла его у двери спальной и побежала вниз. Он очень сконфузился.

– Который час, Киселев?

– Должно быть, половина четвертого.

– Сегодня я не буду ходить.

– Почему? Что за каприз? Ходить вам предписано врачами.

– Почему? С каких пор вы стали главным парижским инквизитором?

– Таким любопытным меня делает моя преданность вам.

---

[334] Иди в кровать и лежи спокойно, сестры хотят спать *(нем.)*.

– Мадам Лада придет в 3 часа, и я посмотрю, что она мне принесет. Не хотите ли сходить на полчаса в ваш клуб и вернуться на концерт в 4 руки на моем котле, потому что другого нет; хоть бы это был по крайней мере <...>, но это лишь Плейель. В Петербурге у меня был очень хороший Wisch, это facteur из наших губерний; он сделал очень красивый орган для Одоевского, который тот окрестил великим именем Себастианон по Иоганну Себастьяну Баху, и играл на этом инструменте только Баха.

– До свидания, я иду в клуб и прибегу для первого же отрывка из Бетховена; пожалуйста, не начинайте без меня.

– Нет, нет, будьте спокойны.

Я расспросила мою маленькую курляндку Лада; оказывается, что она – приятельница Каролины Дельваль, они вместе были в консерватории. Она все мне рассказала о нем, и все это делает ему очень большую честь.

Я перелистала ноты и отложила в сторону все французское и просила ее доставить мне ключ du caveau et le cris de Paris.

Он пришел, запыхавшись и немного взволнованный. Г-жа Лада его никогда не видела и, казалось, удивилась, увидев элегантного дипломата вместо добряка, удивившего своей честностью по отношению к бедной девушке, которую он соблазнил в 16 лет; это она мне сказала после урока.

Я выбрала септет Бетховена, который много играла с Одоевским. Она играла левую руку и педали, потому что ловчее меня.

– Не находите ли вы, – сказал он мадам Лада, – что мадам превосходно модулирует; могу я просить вас повторить адажио?

– С удовольствием, я его очень люблю. Это одна из прекраснейших вещей Бетховена. Кисинька, при ней можно говорить по-русски.

– Конечно, но она, может быть, из этих слов наплетет целую историю.

– И то правда. Если Голицын любит слушать музыку, он мог бы приходить.

– Голицыну она не нужна, зато Мишель <...> был бы вам очень признателен.

– Тогда приводите его, я знаю его брата Камилла и еще другого, имя которого я забыла. Он – поэт и пишет поэму под названием Empi <...>, который бросается в <...> визави. Я сделала бы то же, потому что от высоты у меня головокружение.

Между тем мадам Лада удалилась, и так как было 5 часов, он ушел. Я обедала с мужем, который заметно скучал вдвоем со мной, спросил меня, когда он окончательно станет членом клуба, и предложил мне пойти в маленький театр.

– Но, мой милый, у меня нет подходящего головного убора, платье-то безразлично, его не видно в ложах маленького театра.

– Тогда я пойду один посмотреть Д<..> в <...>. Говорят, что она прекрасна и Ашар тоже.

– И Киселев так говорит.

– Да где он пропадает, я что-то давно его не вижу.

– Но он был сегодня утром, когда я играла в 4 руки с мадам Лада. Вечера он проводит у французских знакомых. У него их очень много, и некоторые, по его словам, очень приятные. Я оставила твою карточку у княгини Ливен.

– Тем лучше. У меня нет никакой охоты скучать у нее, особенно вечером. Господа из посольства говорят, что язык проглотишь от скуки.

– Я могу объявить тебе еще об одной скуке: Дальмары здесь, а их салон – самый модный; если он такой же, как в Берлине, я не буду туда часто ездить. Старик Дальмар совсем ослеп и не играет более в вист.

– О, тогда я завезу свою карточку, а затем прощайте, г. барон. До свидания. Пригласи Киселева к обеду.

– Это идея, будет хороший обед, а у нас такая дрянь.

– Почему дрянь, обед всегда очень хорош: вкусный суп, курица с рисом и десерт.

– Ну, очень хорошо, я ему скажу.

В 8 ½ тот, кого ожидали, вошел со своим нежным и веселым видом. Ах, этот взгляд хорошо выражает чувства; я уверена, что мой взгляд ему отвечает, потому что он садится и смотрит на меня, прежде чем сказать «добрый вечер» или «здравствуйте».

– Послушайте, – сказал он мне, – вы говорили мне о Швейцарии, я хотел бы подробнее узнать об этой прекрасной стране.

– Охотно. Мне кажется, что вы возвели меня в ранг болтуньи.

– Вы были бы болтуньей, если бы все, что вы говорите, не было бы новым для меня, не говорилось бы таким очаровательным и изящным образом и ваш голос не звучал бы так восхитительно.

– Перестаньте говорить мне комплименты, вы внушаете мне смешное тщеславие. Кончится тем, что я воображу себя совершенством, хотя я далеко не такова.

– Всегда слишком совершенны для меня. Но все же, какие самые красивые виды в Швейцарии, или, по крайней мере, те, что произвели на вас самое большое впечатление?

– Как вам сказать... Прежде всего меня поразили не самые ужасные и грандиозные, а напротив, простые и сельские. Ибо долина напоминала мне то, что я знала, любила и обожала в Грамаклее и Адамовке. Там не было голубых озер, но было синее небо, отражавшееся в Водяной и Тилигуле. Маленький порт Уши мне особенно понравился; это маленькая, очень привлекательная бухта. Богатый англичанин-благотворитель построил там маленький дом по плану своего дома в Англии, в нем были тут большие окна, оранжерея, полная экзотических растений, и вольера. Его видели сидящим под чем-то вроде маркизы в удобном кресле, с книгой в руках, и я говорила себе: вот, кто хорошо проводит последние прекрасные вечера своей старости. Я хотела бы кончить так свои дни в Грамаклее или, лучше, в Адамовке. Вы видите, что наши баденские планы хорошо гармонируют с этим пейзажем.

– Дай Бог нам окончить так годы нашей старости.

– Ах, Николай, не будем думать о старости, попробуем радоваться настоящему. У меня такая удивительная способность, что я всегда вижу, как вы меня покинули, или же как я пережила вас на 10 лет, десять смертельных лет сердечного одиночества.

– Я не могу этого допустить – разве только Богу угодно будет, чтобы я ушел из этого мира прежде вас. Но это было бы слишком жестоко. Мне кажется, что до сей поры ни вы, ни я еще не заслужили его гнева.

– Моя бедная бабушка была без сомнения святой женщиной, а сколько лет она прожила после моего деда. Но не станем говорить о будущем, я чувствую, что слезы наворачиваются на мои глаза.

Мы несколько минут оставались в задумчивости. Я была так погружена в себя, что вздрогнула, когда он мне сказал:

– Александрина, и величественная!.. Боже мой, как вы способны настолько погрузиться в себя, что вздрогнули, когда я к вам обратился! Где вы были – в Швейцарии, Бадене, Париже?

– Мысль так быстра, что она в мгновение ока облетает весь мир, она ласкает одно место за другим, останавливается на секунду, и всегда возвращается в дорогие места детства, в хутор под Одессой, Адамовку и Грамаклею. Тогда является папа и бабушка, мои дяди, тетки и герцог, сопутствуемый Батистом, и мои братья с Амальей Ив<ановной>, Николай, не плачьте, я вижу, что ваши глаза полны слез.

– Да, как я вам завидую, у вас столько любимых. А у меня после смерти матушки оставался только брат Павел и мой верный Михайла. А потом Господь в своем милосердии послал мне вас, чтобы заполнить ужасную душевную пустоту. И все еще я не осмеливаюсь сказать вам о том, как велика моя привязанность, я должен называть ее не истинным ее именем, вы это запрещаете.

Опять молчание, которое я прервала:

– Я обежала мысленно всю Швейцарию, вернувшись к озеру Комо. После Неаполя краски такие бледные, единственный действительно прекрасный вид это, в глубине озера. Я встретила там Перовского и Х<аныкова>, Яшку, как мы его зовем. Оттуда я поехала до озера Лугано, синей, лазурной безделушки, окруженной очень красивыми виллами, построенными Т<…>, Базетти, Р<….> Мадерн, бедными остатками великой армии, составившими себе состояние в России плохими мраморными статуэтками, итальянскими пирогами, мороженым и шоколадом. Тем не менее это очень привлекательно украшает красивые <...> темно-зеленые. Озеро переходят по деревянному мосту. Есть уже отель на английский лад, с полным комфортом. Первое, что я сделала, это пошла в библиотеку отеля, где есть только новейшие английские романы. Я купила один, в котором описываются мистерии.

– Мистерии? Что это такое?

– Мистерии, это представление страстей господних. Говорят, что мистерии Об<...> исполняются уже 250 лет, каждые

10 лет. Все это происходит на свежем воздухе, и это так захватывает, что 8000 зрителей плачут горькими слезами.

– Но кто же актеры, и не кажется ли вам, что это профанация?

– Не знаю. Но с этой точки зрения умывание ног в великий четверг тоже профанация, ведь там передается беседа Иисуса Христа с учениками. А между тем очень трогательно видеть этого старого Папу <...> свою поясницу и <....> начал им умывать ноги. Мне никогда не удавалось видеть эту церемонию в Казанском соборе или в Москве.

Актеры – это крестьяне, они женятся между собой и никто из них ни идеален, ни передразнивает. Это самое нравственное население в мире, и они готовятся к своим ролям в течение 10 лет. Говорят, что костюмы воспроизводят одежду евреев в те времена.

Тетрадь с музыкой под ключом у капеллана совсем маленькой церкви; автора никто не знает, но впечатление, говорят, трогательное и величественное. Подождите 10 лет, вы сможете пойти туда, если вам случится быть в этих местах.

– Через 10 лет я, может быть, буду мертв и похоронен.

– Может быть, для меня?

– Это невозможно.

– Все возможно в этом худшем из миров... Я хотела сказать что-то, но замолчу.

– Но говорите же! Может быть вы вернетесь к своей старой привычке засыпать на минуту?

– Всегда возвращаются к своей первой любви. Может статься, что я лишь развлечение, способ провести время.

– Послушайте, мадам, вы не имеете права так обижать меня. Право, было бы лучше, если бы я перестал докучать вам своими посещениями. Но, пожалуйста, так как уже больше 10 часов, прочтите мне вечерние молитвы: может быть эти слова, полные такого милосердия, внушат вам больше доверия к вашему бедному Николаю.

– О да, я этого хочу. Пойду поищу книгу и подсвечник. Я не могу страдать <...> и этого прощания в полумраке.

Я нашла его облокотившимся на камин и погруженным в думы, казалось, мучительные.

– Николай, я готова. О чем вы думаете?

– О вас! Мне кажется, что вы играете моим сердцем, и это меня печалит.

– Я неспособна играть никем, вы достаточно знакомы со мной, дорогой друг, чтобы знать, что я прежде всего откровенна и правдива.

– Конечно, вы доказали мне это в Бадене, но часто вы <...>

– Начните вы вечерние молитвы, а я окончу, а потом мы помолимся о наших дорогих покойниках и о живых, чтобы Бог дал им сон мирный и безгрешный.

После этого он сел еще на маленькую кушетку, а я на другой конец, подальше от угасающего камина. Мы молчали с чувством нежного покоя.

– Добрый вечер, дорогой Николай, почивайте с миром.

– Да, я надеюсь хорошо спать, эта молитва успокоила бурю, которую вы так жестоко разбудили.

– Хорошо, я не причиню вам более боли напоминанием о прошлом, вызывающем у вас неприятное чувство, и я сдержу слово. Ну, поцелуйте мне руку, а я вас в лоб, это можно.

Его милое лицо стало серьезным, это делало его столь полным очарования. Мы сидели по обе стороны камина, огонь угасал, потрескивая. Все это выглядело гостеприимным очагом. Он вздыхал и я тоже, наши руки сплелись, мы слушали этот шум молчания.

– Расскажите еще что-нибудь о Швейцарии. Мне кажется, что все там дышит истинно мягким покоем.

– Нет, дорогой друг, нужно спокойно идти в постель, и если не спать, то хоть делать вид, что спишь, чтобы избежать глупых разговоров о Д<олгоруких?>.

– До свидания, до завтра, в 2 часа.

– Христос с вами, добрый друг мой.

– И с вами да будет крестная сила, моя молодая наставница и благодетельница. Сколько сокровищ вы накопили в моей душе.

Он еще у двери поцеловал мне руку, а я пошла в детскую. Там, слава Богу, все было тихо и погружено в сон; одна старуха Дикинсон дремала над своей библией.

17. За завтраком мой муж рассказывал мне о своих впечатлениях от театра. Он сказал, что сделает турне по ним и скажет мне, что должно будет привлечь мое внимание. Остальные

все вообще хороши. Нужно пойти во Французский театр посмотреть Муру и мадемуазель Марс, в 35 лет играющую роль молодой женщины. Она еще так хороша в 35 лет, что ей дали бы 25, ее голос неслыханной свежести. Потом нужно видеть Леонтину Фэ.

В 11 часов я пошла к Пальмиру мерить платья, это заняло у меня более часа – три корсажа и длина юбки. Оттуда я пошла к Бодран, где мерила две шляпы – барежевый красный тюрбан с золотыми и турецкими (?) украшениями, другую из красного бархата с пером и два или три чепчика. Вернувшись к 2 часам, я нашла дюжину башмаков из белого атласа, три пары полуботинок и шесть пар из черного атласа – и все это составило мне меньший расход, чем обувь у мадам Брено, которая всегда говорит о царствовании короля Иеронима Вестфальского и заставляет вас платить за пару полуботинок с позолоченной кожей 25 франков, уверяя вас, что императрица платит 30 франков. Ужасная мошенница! У меня есть уже перчатки.

Каково было мое удивление, когда мне доложили о Жозефине Т<...>; она приехала выполнять поручения князя Пьера и скоро уезжает в Петербург. Она часто видается с семейством <...>, я вспомнила, что госпожа <...> урожденная Бороздина, очень красивая молодая особа, которую я встречала у моей тетушки Лорер. Но я не возобновила знакомство с ней, так как мой муж незнаком с господином <...>. Говорят, что это откупщики. С Жозефиной мы много говорили об Алине, о Жиле, о Тортю, о Видьер, Грегуар, который производит фурор своим голосом. Придворные слуги не оплачиваются; я помню, что Куракин показал мне однажды список приглашенных на музыкальный вечер: господин Львов со скрипицей, а князь Гр. Пет. с нотами. Львов играет восхитительно, а его жена, Абаза, очень хорошо поет, но всегда «Wanderer» и «Ave Maria, Stella» Шуберта, так что уже тошнит. Вел. княгиня Елена, у которой нет слуха, стала вдруг меломанкой, и Львов аранжировал «Stabat Mater» Перголезе для оркестра, а известно, что эта вещь была написана великим композитором только для аккомпанемента 4 скрипок. Тем не менее, я слушала с большим удовольствием эту трогательную музыку, так полно выражающую страдания Марии, когда она видит своего сына и своего бога на кресте.

Около 3 часов мне доложили: «г. Киселев». Я представила его Жозефине, сказав ему, что она – подруга Алины Дурново. Когда Жозефина через четверть часа ушла, он сказал:

– Я задыхаюсь, не видя вас на улице Basse de remparts, я вообразил, что вы заболели, много гриппа, и в этом году, говорят, очень опасного. Я побежал к Клеопатре, ее не было дома. Тогда я решился постучать в вашу дверь, и Фредерик доложил мне, что у вас дама с визитом.

– Милый Николай, не беспокойтесь о моем здоровье; у меня железная грудь и я не боюсь гриппа; единственный мой враг – нервы, но, слава Богу, после Бадена приступы стали меньше. Клин клином выбивают, и это вы вылечили меня этим летом. Я говорила вам, какие ужасные они были – и не будем более говорить об этом. Кто старое помянет, тому глаз вон. Я не расположена сегодня выходить.

– На сегодня я вас помилую, так как погода не довольно хороша, и я вооружился зонтиком и ботами на двойной подметке.

– Я раскопала еще русские романсы, и среди них романс Глинки:

Только узнал я тебя,
Как трепетом впервые
Сердце забилось во мне.

Это так просто, а перед вторым куплетом есть прелестное изменение тона. Хотите, я вам его спою?

– Еще бы, ваш голос так нежен, верен и проникает прямо мне в сердце. Мне кажется, что эти стихи хорошо выражают то, что я испытывал, когда княгиня Юлия представила меня вашей грациозной особе. «Пойте, пойте, моя красавица!» – знаете ли вы эти стихи Мюссе?

Я спела ему один раз, но он попросил меня повторить его.

– Я не устаю его слушать, отныне вы всегда будете мне его петь перед вечерней молитвой, неправда ли?

– Да <...>, потому что папа и герцог желали, чтобы я была вежлива с русскими слугами. Я желала бы, чтобы мне объяснили тайну славянского языка?

– С этим вопросом вы должны были обратиться к ученому Самарину.

– Когда я его видела в последний раз, вечером, у него пальцы были выпачканы черным, и он сказал мне, что занимается <...> пути России.

– Насколько русские, остающиеся на родине, счастливее тех, кто, подобно мне, прикован к ярму иностранных дел и к этому пустому дипломатическому корпусу, главное дело которого – хорошо пообедать и особенно угостить хорошим обедом других. Пален всегда в дурном расположении духа, когда должен обедать в городе.

– Это я хорошо знаю, он предпочитает eine gute Kartoffelsalade тому, что старик Сологуб называет «подленький винегрет»; я же, как и он, нахожу его прекрасным.

– Auch ich bin in Arkadien geboren и в <...> я с удовольствием ем смесь русской и немецкой кухни.

– Lieben Sie auch Karbonade mit Honig gegessen? Мишель В<...> говорит, что по четвергам вся Рига ест это с наслаждением, это просто телячья котлета с медом.

– Охотно верю, что это едят, и весь <Дерпт> облизывал пальцы, кроме Языкова, меня и нескольких других, русских тоже, медицинских студентов.

– В Берлине по четвергам все едят eine gebratene Gans mit sauer Kohl, это очень вкусно. Они тоже очень любят gerauchter Gans[335], у нас это называют палатки. Есть еще превосходная вещь в Новгороде, это копченые сиги, которых ловят в Волхове. Весною пятница посвящена Tettaner Rhübe со щукой, и все приправлено пряниками. Вы смеетесь, я понимаю. Это что-то отвратительное, и конечный результат таков же, как от действия ревеня, это приятно. Le Tettaner Rübe поистине деликатес, это белая репа, длинная и очень сладкая, тогда как обычную репу надо вымачивать в сахарной воде. Эти свиньи французы ничего не умеют. У нас и брюкву, и репу умеют так готовить, что слюнки текут.

– Однако, милая С<ашенька>, какие вы жадненькие.

---

[335] хороший картофельный салат <...> – Я тоже родился в Аркадии <...> – Любите ли вы есть также карбонат с медом? <...> жареного гуся с кислой капустой <...> копченого гуся *(нем.)*.

– Право, на словах; вы могли заметить, что аппетит у меня краткий, я не могу есть много за один раз, но мне нужно часто утолять голод. Беременности не в счет, потому что тогда ешь за двоих.

– Вы должны были заметить, что и я ем мало; к несчастью, и сплю мало.

– Но если вы спите мало или плохо, испробуйте очень простое средство, которым моя приятельница, человек очень искушенный в нервных болезнях, пользовалась с большим успехом, чем любыми наркотиками.

– Дайте мне, пожалуйста, рецепт.

– Возьмите два листка лимонного дерева, положите их <...> в стакан свежей воды на 24 часа и потом, ложась спать, выпейте полстакана, а если этой дозы недостаточно – то и остаток, и вы увидите, что это очень успокаивает.

– Спасибо, доктор медицины, – в эту степень я вас возвел в Бадене.

– Да, мы об этом довольно говорили в Бадене.

– Я возвращаюсь к кухне, так как вы знаете, что в наших воздушных замках вы должны будете готовить мне небольшой обед из трех блюд.

– Разумеется, что я помню всю нашу баденскую болтовню. Я записала все это в книжку в форме аррасских сердечек и засахаренных зерен, несколько тайных слез о невероятности осуществления наших прекрасных химерических планов.

– Не говорите мне этого, это делает меня слишком несчастливым.

– Знаете ли, милый друг, что мои великие дела, связанные с туалетами, закончены у Пальмира и Бодран; уже доставили мои башмаки и полуботинки. Может быть, я вам уже это говорила?

– Да, но я сгораю от нетерпения увидеть платья от Пальмиры и головные уборы от Бодран; бьюсь об заклад, что эта последняя восхищается вами, примеряя шляпы. В Париже нет красивых женщин, кроме герцогини д’Истриа, самой красивой и замечательной женщины элегантного света.

– Бодран очень забавна: она останавливается, прикладывает палец к щеке, зовет девиц из магазина, поворачивает туда

и сюда мою голову, а потом какие-то тонкости. Там зеркала со всех сторон, я открыла, что в профиль я немного *уткой,* что направляет мой взгляд как бы вниз.

– Вот вы и кокетничаете, и все-таки не добьетесь никакого комплимента от вашего покорнейшего слуги.

– Вы скажете мне так, как не знаю какой предсказатель говорил Людовику XIV: «Государь, я не делаю вам комплиментов, я не нашел их для вас в евангелии».

– Это Массийон, я думаю.

– Вовсе нет, если не ошибаюсь, это какой-то янсенист.

– Может быть. Факт тот, что теперь во Франции нет больше янсенистов. Паскалей и Арну сменили болтуны, изрекающие только банальности. Кроме Лакордера и иезуита Равиньона, которого я не хожу слушать. Между нами говоря, и у них много общих мест.

– Я в этом не сомневаюсь. Что до Лакордера, то это одержимый Филарет; слово выдает, не входя в детали, он чрезмерно стыдлив, и в некоторых проповедях, напечатанных в фельетонах Débats, есть вещи возмутительные. И даже Вяземский, этот великий защитник западной цивилизации, должен был согласиться, что многие из его проповедей о нравах с трудом можно читать.

– Я читал это и совершенно вашего мнения. Вы видите, что эта отвратительная римская церковь извращает все лучшие стремления души.

– Кстати об этом: графиня Нессельроде дала мне письмо к этой перебежчице г-же Свечиной. Я думаю, что я соскучусь до смерти.

– Наверное. Посланник ездит туда раз в шесть недель вместе с мадам; они остаются там четверть часа, она преклоняет колена с ними, а они с ней еще в тысячу раз больше.

– Воображаю, что она приказывает опрыскивать ладаном после профанации протестантами этой обители римской чистоты. Какая бессмыслица, т. е. сделать из провинциальной церкви всеобщую религию. Хомяков был прав, говоря: нет ничего, что бы не соблазнила римская церковь.

– Вы лично знакомы с Хомяковым?

– Наверное я говорила вам, что он даже написал очень хорошенькие стихи для меня. Я знаю только первую строку:

От роз ее название.

Далее не знаю. А потом он передумал и сказал: но при слове Русь сердце ее не забьется. Вы знаете, как это неверно.

– А теперь, милый друг, признайтесь мне откровенно, возможно ли, чтобы вам не льстили все эти свидетельства уважения в прозе и стихах?

– Откровенно говоря, нет. Я ничего не делала, чтобы вызвать их, и принимала их без благодарности. Это, может быть, очень дурно, но факт таков. Поэты и версификаторы, – потому что Вяземский скорее составитель стихов, чем поэт, его можно сравнить с Буало или Шампиньоном, ему просто нужно говорить откровенно то, что он думает и чувствует. В этом нет ничего, что бы льстило. Я была очень польщена, когда Филарет снизошел обсудить со мной кое-что с той трезвостью в деталях и бесконечной тонкостью, которые ему свойственны.

– Я понимаю это, потому что у вас ум весьма серьезный вместе с той беззаботной веселостью духа, которая вам присуща.

– А Бог знает, мой милый Николай, какая печаль в глубине моей души, и особенно в этом свете, когда я вижу эту пеструю толпу, увлекаемую речами, в которых нет ни начала, ни конца.

– Муханов, говоря о Филарете, сказал, что он – князь церкви. Кто-то сообщил эти слова митрополиту, и он был возмущен ими.

– «“Князь церкви”, что за вздор, пусть себя так называет римский папа, а мы все – недостойные служители алтаря». Он говорил мне это с энтузиазмом, если можно так выразиться, потому что у него энтузиазм только к Богу, Иисусу Христу и из всех святых – к св. Сергию. Он написал жизнеописание св. Сергия, который заговорил во чреве своей матери.

– Св. Сергий, Троица – это напоминает мне особенную преданность моей матушки к этому монастырю; она всегда брала меня туда с собой. Как называется место, где пьют чай?

– Мытищи, там, говорят, вода особенно хороша для чая; бьюсь об заклад, что она привозила сайки и калачи, а сливки там очень хороши. Это как раз на половине дороги.

– А потом матушка покупала мне красные ящики, которые входят друг в друга, и еще колокольчики и церкви.

– Николай, а еще там продают маленькие зеркальца в рамке из блестящей красной бумаги с посеребренными украшениями. Это очень нравится детям. Я привезла оттуда целую коллекцию для моих малюток.

– А моя матушка привозила много просвир и маленькую для меня; она мне говорила: «Николинька, ты маленький, и просвирка тебе маленькая, но и то вынуты части за папу, маму, дедушку, бабушку, Павлушу и за тебя. А вот эта большая за твоего старшего брата, моего Алексашу, и тогда моя бедная матушка обливалась слезами».

– Милый друг, мы теперь слишком взволнованы, чтобы продолжать в этом духе.

– Да, я всегда волнуюсь, думая об этой жестокой утрате, но это к моему благу, когда я вижу, что вы понимаете и разделяете мое волнение. С кем я мог когда-либо говорить так свободно о моей матери, как с вами? Я не боюсь вам наскучить.

– Конечно, нет, я также часто думаю о папе и бабушке. Она была еще жива, когда я уехала из России, но я не получала никаких известий о ней; дядя Дмитрий никогда не пишет, и я даже перестала ему писать; зато я время от времени пишу Николаю Ив<ановичу> в Сибирь.

– А это дозволено?

– Конечно, но письмо должно быть распечатано. Я не могла ему посылать деньги, но послала ему фонарь, о котором он меня просил <...> фонарь, чтобы ходить вечером к Нарышкиным и другим друзьям, немного белья и бандаж, потому что у него грыжа.

– Знал ли об этом император?

– Конечно. Он знал от Бенкендорфа, что я писала; но не знаю, почему он меня спросил, пишу ли я своему дяде в Сибирь. Я ответила: «Да, но не часто», а имп<ератор> сказал мне: «Вы хорошо делаете, никогда не надо забывать родных и друзей, когда они в несчастье и печали».

– У меня тоже есть кузен Норов, который был замешан в истории 14 декабря. Где вы были тогда?

– В институте, а мои братья – в Пажеском корпусе. Окна нашего класса выходили в сад, а потом шла Литейная

и Мариинский госпиталь, так что мы ничего не слышали. Сашка пошла, как обычно, в лавочку за всякой дрянью и, вернувшись оттуда, сказала нам, что в городе бунт, пушки стреляли и много народа убито. Посреди пряников, леденцов, фунтового хлеба слышно было, как девицы говорили: «Надеюсь, что мой брат не бунтовал». Это были Га<лямина>, Лермонтова, брат которой был офицером Измайловского полка. <...> тоже беспокоилась, так как ее брат служил в Генеральном штабе и приносил ей стихи Рылеева, которые она сейчас же спрятала, не знаю куда. Я-то не беспокоилась, потому что мои все были в Пажеском корпусе.

Сашка нам сказала также, что у нас утром должен был быть гренадерский полк, но что его сменили. Мы с Стефани, одна за другой, пошли в маленький дортуар, открыли форточку и крикнули часовому: «Служивый, зачем сменили караул?» Ответ был неудовлетворительный: «Что вам за дело, барышни, ложились бы спать». А вы, Киселев, где были вы?

– В Петербурге, я собирался идти в канцелярию, и из первых рядов мог видеть это ужасное столкновение. Я видел, как император вышел из дворца в сопровождении нескольких генералов и дворцовой охраны, оставшейся у дверей. Имп<ератор> был великолепен и казался спокойным.

– Я представляю себе. Тогда впервые так проявилась его личность. В высшем обществе его очень обвиняли; эта армия придворных никогда ничего другого не делает; как я всех их презираю.

Только в конце февраля мы покинули институт, и в марте меня взяли во дворец, не помню числа; я всегда сбиваюсь в датах – кроме тех, что запечатлелись в моем сердце. Киселев, помните ли вы такие?

– Увы! Они записаны и в моем сердце, и в книге молитв, переписанных вашей хорошенькой ручкой; такие маленькие, мягкие и миленькие, особенно когда они летают по клавишам; а при сей верной оказии... Господи, сейчас 5 часов, прощайте, приходить ли в 8 часов?

– Как вы смеете это спрашивать, за это вам надобно уши выдрать.

– А за это становятся на колени и просят позволения поцеловать ножки. Бегу в клуб, сегодня идет баллотировка.

– Приходите скорее, пожалуйста; я дрожу, что не будет <...>, он уже жаловался на меня г. Эстергази.

За обедом я заметила, что хозяин дома беспокоен, в дурном расположении духа. Он сказал мне: «Я был в клубе почти до 5 часов. Выходя, я встретил бежавшего туда Киселева, который помахал мне рукой. Он приходил сюда?»

– Конечно. Он оставался около четверти часа, так как ему надобно было еще что-то сделать в канцелярии, и сказал мне, что торопится туда точно к 5 часам для баллотировки. Он сказал, что вернется вечером и проводит тебя туда уже как члена, так же как Л<...> и Голицына.

После обеда он закурил, захрапел, а потом начал мерить комнату взволнованными шагами, все время вытаскивая часы: «Как долго тянется время, когда ожидаешь».

– Так как я никогда ничего не ожидаю, то не замечаю продолжительности часов.

– Где «Journal des Débats»?

– Наверное на твоем письменном столе, я сказала. Фредерику, чтобы он всегда клал его туда, как и «Journal de Frankfort».

Он принялся читать всю эту болтовню, высказываясь о Тьере, Од<иллоне> Б<арро>, Ла<....> и всей <....>, и все вышли скоты и свиньи – «неправда ли, Сашенька?»

– Конечно. Но меня удивляет, как ты можешь читать всю эту рапсодию от доски до доски.

– Однако половина девятого, а Киселева не видать.

– Он обедает в 7 часов, а так как там часто люди, он не может сейчас же убежать.

– Нет, я лучше пойду в посольство и там узнаю все.

– Нечего узнавать, потому что Киселев тебе сказал, что это верно.

– <...> я пойду в какой-нибудь театрик, это меня развлечет и позабавит.

Через 20 минут они вернулись, споря. Киселев его успокаивал, говоря, что держал баллотировочный ящик, угрожал, что все русские покинут основанный ими клуб, а М <...> взялся дать хороший урок этому маленькому негодяю Морису Эстергази. Муж успокоился и потом пошел будто бы в театр, пошептав что-то на ухо Киселеву, который пожал плечами. Тогда он сказал: «Ну что, брат, ведь ты сам по вечеркам <...>, а <...>».

Было 10 часов, когда этот любезный компаньон ушел.

– Наконец, – сказал мне Киселев. – Я пришел в клуб как раз вовремя, чтобы вмешаться; но что же вы хотите, он успел уже отпустить дурные шуточки Эстергази, вроде тех намеков, которые сделал мне. И потом, как можно так мало церемониться со своей женой, это меня оскорбляет за вас.

– А я в восторге, потому что это избавляет меня и от его общества и от еще более ужасной его близости.

– Сейчас это преимущество, но вообще я предвижу для вас, милый друг, только страдания.

– Я ничего не могу сделать, и мой удел только молчать и переносить. Говорят, что я отличаюсь от большинства замужних женщин. Представьте, что я могла бы стать ревнивой, и зачем? Вы знаете по вашему собственному опыту, что сцены ревностью приводят лишь к отвращению. До сих пор он не сделал ничего явным. Кстати, о ревности: мой брат Лев рассказывал моей тетке Цициановой, что одна дама, ревновавшая своего мужа, всегда блуждала по лесу в деревне. Моя тетушка, очень забавная, ответила ему: «Милый мой, если бы все жены, мужья которых были им неверны, прогуливались в лесах, скоро там было бы больше женщин, чем деревьев». Неправда ли, это мило?

– Мило, я всем это буду рассказывать, и скажут: какой Киселев умный и приятный.

Дополнения

1. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ А. О. СМИРНОВОЙ

1

Старуха Загряжская говорила великому князю Михаилу Павловичу: «Не хочу умереть скоропостижно. Придешь на небо угорелая и впопыхах; а мне нужно сделать Господу Богу три вопроса: кто были Лжедимитрии, кто Железная маска и шевалье д’Еон – мужчина или женщина? Говорят также, что Людовик XVII увезен из Тампля и его спасли; мне и об этом надо спросить».

– Так вы уверены, что попадете на небо? – ответил великий князь.

Старуха обиделась и с резкостью отвечала: «А вы думаете, я родилась на то, чтобы торчать в прихожей Чистилища?»

Она еще старой закваски: большая вольтерианка, хотя и бывает в церкви.

2

Провела у меня вечер старая фрейлина Марии Федоровны Кочетова, и мы говорили про старину. Л., вспоминая, как хоронили императрицу Екатерину, сказал Кочетовой: «На лице у сына заметно было более гнева, чем печали». «Он на всех глядел свысока. Императрица Мария искренно плакала, и все мы также. Какая это была добрая женщина Екатерина! Вы знаете только про ее ум, до про ее слабости, а мы знали ее сердце». Императрица-мать, т. е. Марья Федоровна, отзывалась Кочетовой в этом же роде[336].

3

Государь сказал Пушкину: «Мне бы хотелось, чтобы король Нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме». – Пушкин ответил: «Государь, в таком случае я попрошу

---

[336] Не знаю наверно, кто Л. – Лопухин или Ласунской. Ласунской был при Марье Ф<едоровне> (очень стар), Лопухин также был стар, он был канцлер при Александре Павловиче *(примеч. О. Н. Смирновой)*.

Ваше Величество назначить меня в дворники». Государь рассмеялся и сказал: «Я согласен, а покамест назначаю тебя его историком и даю позволение работать в тайных архивах».

4

Вчера была в Смольном у старухи Нелидовой. Она умна и весьма рассудительна. Говоря об императоре Павле, она сказала мне, что он положительно был болен, что вспышки гнева у него бывали страшные, но очень краткие, и что надобно было только не смущаться, чтобы он успокоился, – и что она именно так и поступала: «Моя милая, я глядела на него свысока и прямо в глаза, и он начинал извиняться». У нее есть записочки имп<ератрицы>-матери: «Милая Нелидова! Побывайте у меня. Ветрено. Государь возбужден, и вы мне нужны»[337].

5

Кочетова мне рассказала, что миссис Кеннеди[338] ей сказывала, что она запиралась ночью с императрицей и спала у нее в комнате, потому что император взял привычку, когда у него бывала бессонница, будить ее невзначай, отчего у нее делалось сердцебиение. Он заставлял ее слушать, как он читает ей монологи из Расина и Вольтера. Бедная императрица засыпала, а он начинал гневаться. Жили в Михайловском дворце[339], апартаменты императора в одном конце, императрицы в другом. Наконец Кеннеди решилась не впускать его, Павел стучался, она ему отвечала: «Мы спим». Тогда он ей кричал: «Так вы спящие красавицы!», уходил, наконец, и шел стучаться в двери m-me К.[340], камерфрау, у которой хранились бриллианты, и кричал ей: «Бриллианты украдены!» или «Во дворце пожар!» К., несколько раз поверив, потом перестала ему отпирать, и он стал ходить к часовым и разговаривать с ними. Он страшно мучился от бессонницы. Императрица иногда нарочно вставала

---

[337] Это когда Нелидова жила на покое в Смольном *(примеч. О. Н. Смирновой)*.
[338] 1-я камерфрау, шотландка Мэри Кеннеди; мать моя ее еще застала во дворце *(примеч. О. Н. Смирновой)*.
[339] Возле Летнего сада *(примеч. О. Н. Смирновой)*.
[340] Я не помню имени, оно неразборчиво написано, похоже на Клюгель.

и прохаживалась с ним иной раз всю ночь, пока он не начинал успокаиваться. В день убийства они спали, к ним постучались вечером, и произошла ужасная сцена.

Великая княгиня Анна[341] разрешилась мертвым младенцем за 8 дней до этого, и император, гневавшийся на своих старших сыновей, посадил их с этого времени под арест, объявив, что они выйдут лишь тогда, когда поправится великая княгиня. Императрица также была под домашним арестом и не выходила. Эти неудачные роды очень огорчили императора, и он продолжал гневаться, он *хотел внука*! Обе молодые четы жили вместе в Аничковом дворце и не принимали никого, и Кеннеди и К<люгель?> ходили туда тайком, чтобы узнать, как чувствует себя великая княгиня Анна.

Когда постучались, Кеннеди подумала, что это император, и крикнула: «Мы спим!» Постучались еще раз, громче, и раздался удар металла в дверь, разбудивший императрицу. Шум повторился, и ее величество вскричала: «Это стучит часовой, должно быть, во дворце пожар». Кеннеди подала ей пенюар и обула ее, имп<ератрица> ей сказала: «Надо предупредить К<люгель?>[342] и пойти к императору», и она велела открыть дверь. Часовой остановил ее, заградив дверь штыком, преградил ей путь и сказал: «Берегитесь, ваше величество». Дюжина заговорщиков была перед дверью, и солдат думал, что они пришли убить имп<ератрицу>, ибо у них был такой возбужденный вид; один из них (Панин) сейчас же объявил ей, что император мертв, ей стало дурно, один из офицеров (Яшвиль) бросился за водой, часовой встал между нею и заговорщиками. В тот момент, когда граф (Пален) подал стакан миссис Кеннеди,

---

341 Жена Константина Павловича.

342 Вы постарайтесь узнать, кто у М<арии> Ф<едоровны> был при бриллиантах, в записной книжке имя очень неразборчиво написано и тут же пятно, а после только первая буква имени. Кеннеди имя я знала, потому что моя нянька, шотландка, была ее внучка, и мать всегда говорила, что имя это – то же самое, как имя самой верной служанки Марии Стюарт, Мэри Кеннеди. К – Клюгель, или это другое имя. Кеннеди я разобрала, потому что помню имя, а та фамилия очень незнакомая, и я забыла. Эти записки я не читала с 1866 года, получила их из Лондона в конце 85 года только, и они очень отсырели и многое очень неразборчиво, в пятнах, и чернила побелели даже; многие имена я с трудом разгадывала, а про иные, напр. Л., не знаю хорошо.

поддерживавшей императрицу, часовой отодвинул графа рукою, схватил и сам опустошил стакан (он *его выпил!)* и вскричал: «Вы убили нашего императора, вы способны отравить и императрицу!» Этот солдат еще жив[343] и живет в Монмартре[344], императрица ему назначила пожизненную пенсию, и когда я сопровождала ее к инвалидам в Павловск, она с ним всегда разговаривала и он сопровождал ее во время прогулки к ветеранам. Она сказала мне однажды: «Я очень обязана этому человеку»[345].

6

Мадам К. рассказывала воспоминания о ночи 13 марта: «Я услышала шаги и голоса, встала, подумала о бриллиантах, сложила футляры в несгораемый шкаф, потом вышла из кабинета; я не чувствовала дыма, пошла к служебной лестнице, на которой встретила истопника, он был полуодет, я спросила его, где огонь, он отвечал мне: “Какой огонь? Меня разбудили криком, что император выбросился в окно и убился!” Я подумала, что этот человек пьян, поднялась, дверь в комнату имп<ератрицы> была открыта, комната пуста. Тогда я испугалась. Я побежала к апартаментам императора на другой конец дворца, потому что часовой крикнул мне: “Он умер!” Перед дверью императора были офицеры, все безоружные, очень бледные, я подумала, что они арестованы, так как это часто случалось! Даже ночью! Один из них сказал мне: “Император скончался от апоплексического удара”. Мысль о том, что его

---

[343] 1828 г.

[344] В Павловске Монмартр, где инвалиды 12, 13, 14, 15 г. жили.

[345] Вот в каком роде записки. Ежели вам это нравится, то я перепишу еще очень много о П<авле> П<етровиче>, о том, как объявили А<лександра> П<авловича> и пр., капризы Павла, роль Бенигсена – он один его убил, подкупленный Англией, как Бенигсен запер дверь и не впустил имп. М<арию> Ф<едоровну> до приезда А<лександра> П<авловича> и К<онстантина> П<авловича> с Е<лизаветой> Ал<ексеевной>. Разговоры Н<иколая> П<авловича> с Пушкиным. Холера 1831 г., рассказ кучера, когда царь ездил на Сенную усмирять бунт.
Вот еще рассказ камер-фрау М<арии> Ф<едоровны>, у которой хранились бриллианты – ежели вы ее имя узнаете, напишите мне это для моих записок; я уже три дня работаю над этим. Скажите, разве я не любезна к вам?

убили, нам не приходила в голову, все думали о пожаре, это была навязчивая идея императора – немудрено, что и нам передался его страх пожара. В Аничковом тоже думали, что начался пожар. Незадолго до этого императору приснилось ночью, что подожгли и что младшие дети, жившие в Зимнем дворце, задохлись в дыму. Он встал и сам пошел в 4 часа утра к детям и в Аничков, всех перепугал. Потом уверяли, что это и было причиной несчастных родов великой княгини Анны».

Заговорщики были все взяты, Бенигсен тоже (кроме Палена и Панина). Кочетова сказала мне, что Михайловский дворец роковой! Когда его строили, один из каменщиков повесился, тело упало на другого рабочего и мертвый убил живого.

Врач установил, что император был убит ударом в висок, который разбил висок. Постель была вся в крови, другой удар пришелся между глаз (ему сломали переносицу). Он не был задушен, это шло только со стороны убийцы Бенигсена, принимавшего предосторожности и проявившего жестокость[346].

2. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК «ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕТСТВЕ И МОЛОДОСТИ»

Когда мне случалось рассказывать что-нибудь из моих воспоминаний, мне всегда говорили: «Пишите ваши записки». Рассказывать и писать – две вещи совсем разные; под перо не так скоро ложатся мысль и слово. Однако в 49-м году, после продолжительной нервной болезни, когда началось возрождение, я начала писать по просьбе Юрия Федоровича Самарина. Тогда представилось мне мое детство, как самое приятное время моей пестрой и бесплодной жизни. Это детство не имело ничего общего с последующей жизнью, и потому легче было писать, как эпизод.

На станции Водяное, которое так значится на карте Новороссийского края, жила моя бабушка Екатерина Евсеевна Лорер (урожденная княжна Цицианова). Она давно была вдовой, определила сыновей на службу, а дочерей повыдала замуж, кроме меньшой, Веры Ивановны. Тогда эта деревушка называлась Грамаклея; и речка, которая там протекает,

[346] Это я передаю вкратце, оно гораздо подробнее еще.

тоже называлась Грамаклея. За домом был ключ, которым пользовалась вся деревня. Через этот ключ переезжали в брод по большой дороге в Одессу. Это случалось нечасто, а именно, когда к бабушке приезжала Елизавета Сергеевна Шклоревич (рожд<енная> княжна Баратова), или мы отправлялись к ней в Баратовку.

Странно, что судьба меня никогда не заносила в родной край, который и теперь мил сердцу моему. «О, память сердца, ты милей рассудка памяти печальной!» А между тем, я провела самую кочующую жизнь, и редко доводилось пожить два года на одном месте.

Не могу себе представить, какие перемены произошли в том краю, и сохранил ли он ту прелесть, которая сохранилась в моей памяти. В самых красивых местах за границей мне всегда мерещилась Грамаклея, и казалось, что всего приятнее в этой бедной деревушке. Я уверена, что настроение души, склад ума, наклонности, еще не сложившиеся в привычки, зависят от первых детских впечатлений. Я никогда не любила сад, а любила поле, не любила салон, а любила приютную комнатку, где незатейливо говорят, что думают, т. е. что попало. Дитя любит более всего свободу: ему не нравится условное; как бы ни был красив, хорошо устроен и украшен сад, ребенка тянет за решетку, в поле, на простор, где природа сама убирает поля в незатейливый, но вечно разнообразный наряд. В Грамаклее, разумеется, не имели понятия о том, что такое сад (1816 год), и деревня даже не пользовалась теми условиями, которые составляют сад. К большой дороге стоял господский дом, каменный, в один этаж, выкрашенный желтой краской и крытый железом под черной краской; перед домом был палисадник, в котором росли повилика и заячья капуста (valeriana). Рядом с домом был сарай, крытый в старновку. На этот сарай прилетали вечером журавли, при самом захождении солнца, самец поднимал одну красную лапку и трещал несколько минут своим красным же носом. «Журавли Богу молятся, – говорили дети и люди, – пора ужинать». Против дома была станция, т. е. белая хата, тщательно вымазанная, тоже крытая в старновку, а за этим виделась только гладь да даль. «Тут, – говорили, – дорога в Соколы; а вот эта, что перед домом, на Николаев, в Одессу».

Одесса была столицей, центром, в котором сосредоточивались все условия просвещения, благодаря дюку Ришелье, туда ездили на закупку провизии и всяких затей. Одним словом, Одесса значила очень многое.

Если бы Гоголь стал описывать Грамаклею, не знаю, что бы он мог сказать о ней особого, разве только то, что у въезда в деревушку был ключ самой холодной иココребристой воды, да что речка, которая протекала около сада, была темная, глубокая и катилась так медленно меж тростника, что казалась неподвижной. В ней раз утонул человек; об нем рассказывали много и все страшное: то видели круги на воде, когда он выплывал греться на солнце; а ночью он выплывал и зазывал к себе запоздалых косарей или девок. Сад был, ежели можно так назвать место, где росли кусты и кукуруза, вдоль по этой речке. Самое замечательное в Грамаклее, конечно, была ничем не возмущаемая тишина, которая в ней царствовала; особенно, когда в деревушке замолкал лай собак и водворялась синяя, как бархат, теплая ночь. Звезды зажигались вдруг с незаметной быстротой. Окна были открыты настежь; воздух неподвижный, казалось, входил в домик, по деревне стлался легкий и душистый запах, вероятно, от топлива бурьяном; крестьяне ужинали, и все погружалось в сон. Бабушка садилась за стол, перекрестясь. Возле нее старичок Карл Иванович, потом мы с нашей няней Амалией Ивановной. Тетушка Вера Ивановна всегда запаздывала, в белом коленкоровом платьице, в буклях и подвергалась не совсем благосклонным замечаниям бабушки о столичном воспитании.

У дедушки Дмитрия Евсеевича Цицианова она получила европейское образование, говорила по-французски, рисовала, играла на forte-piano, которое бабушка называла porto-franco, смешивая эти два слова, которые решительно ничего не представляли ее понятиям: сфера ее мышления ограничивалась заботой по полевому хозяйству и домашним порядкам, воспоминаниями о Грузии, о знатности ее происхождения, о знакомствах с русской знатью; и говорила с особой важностью о старой Кочубейше. Вера Ивановна очень любила рисовать à la sepia с гравюр Рафаэлевых Мадонн и берегла это, как сокровища. Бабушку же раздражало все, что ей казалось чуждым русской жизни. Она, кажется, была в полном смысле русский

консерватор, враг чуждых приемов и обычаев. Она не любила иностранные языки и, когда, бывало, Амалия Ивановна засадит нас за немецкие слова, она говорила: «На что это детей мучить? Вот я – так весь свой век прожила без этих языков, а за немцем была замужем. Хороший был человек ваш покойный дед. Он был вице-губернатором в Херсоне, где все его уважали, но только не умел наживаться и оставил меня с детьми в бедности. Ну, Господь помог: дочерей пристроила, а сыновья на службе. Катя за Вороновским живет в Пондике, а Лиза за Каховым, живет под Соколами в Каховке. А Надя была за Осип Ивановичем Россет. Умный и хороший человек и у дюка (Ришелье) правая рука и не хотел наживаться; а землю он получил в награду и назвал деревню Адамовкой, бо он первый там поселился. Тоже у него была земля Куяльники. Уж не знаю, куда они девались, он, кажется, их продал и купил дом в Одессе и хутор. А теперь все пойдет даром потому, что Надя вышла замуж за Арнольди».

Такие разговоры мы часто слыхали, и тут бабушка замолкала надолго. Потом, как будто опомнившись, начинала пересчитывать сыновей: «Вот Александр в уланах, на Корсаковой. У нее большое имение под Петербургом, но она все по-французски, и все пишут из-за границы, что там лучше, чем у нас. А по-моему, жили бы у себя в Гарнях! Чего им там недостает? Николай теперь в гвардии, а Митю я жду домой. Женился он в Курске, когда был в Ордынском кирасирском полку, на княжне Волконской; оно бы хорошо, но совсем бедная, воспитывалась в Екатерининском институте, и, верно, все пустякам, все по-французски».

Иногда Амалия Ив<ановна>, как представительница западного образования, считала себе обязанностью промолвить словечко в пользу западного воспитания. Но бабушка, всегда ласковая к ней, не обращала внимания и продолжала порицать все иностранное. Добрая Амалия Ив<ановна> была идеал иностранок, которые приезжали тогда в Россию и за весьма дешевую цену передавали иногда скудные познания; но вознаграждали недостаток примером истинных, скромных добродетелей, любви и преданности к детям и дому, который их принимал гостеприимно и радушно. Когда бабушка выезжала на так называемых поповских дрожках, тогда приказчик Босый

надевал чоботы и длинный синий сюртук, ехал на рыжей худой лошади, ехал рядом с дрожками и указывал, где жито, где баштаны. Иногда меня сажали рядом с бабушкой, без шляпки, без перчаток, без пелеринки. Когда солнце меня слишком припечет, то я подползала под фартук и возвращалась предовольная. Жизнь была незатейливая, как видно, слава богу!

Когда приезжали на почту важные господа, генералы или петербургская знать, их просили отужинать, даже переночевать в доме. Один раз ночевала какая-то графиня с девочкой, у которой была такая кукла, что я до сих пор ее помню. У куклы были серые злые глаза; кукла эта как будто с презрением смотрела на нас. Девочку я немного помню, так что легко может быть, что серые и злые глаза были не у куклы, а у девочки. Утром подъехала большая четвероместная карета, графиня уселась с девочкой и служанкой, и экипаж скоро исчез.

Я так увлеклась Грамаклеей, что забыла сказать, что я прежде жила в Одессе, где родилась, и где отец мой был инспектором карантина: место весьма важное, особенно от сношений с Константинополем, где была чума. Чуму я помню. До нас доходили только вести, когда отец приходил из карантина. Письма, провизия окуривались уксусом. Герцог Ришелье обходил город. Ежедневно останавливался под окном нашего низенького дома, был озабочен и грустен. Число умерших возрастало; телеги, на которые бросали трупы чумных, проезжали мимо нашего дома. Колодники в засмоленных платьях везли эти страшные дроги. Сидя у окна, мы слыхали шум цепей и считали число этого ужасного экипажа.

В 1814 году, скоро после чумы, произошла важная и грустная перемена в нашем доме. Вследствие забот и ответственности по карантину отец мой сделался жертвой чумы. Дом был тесен и, во избежание детского шума, нас отвезли к Домбровским, где был сад, много детей, и мы играли, шумели беззаботно, не подозревая, что в эти минуты судьба наша решалась на всю жизнь. Дела наши были запутаны (на Руси это обычно). Так как маменька не могла совсем посвятить себя нашему воспитанию, то и решилась взять гувернантку по рекомендации генерала Форстера.

В то время стекались в Одессу иностранцы со всех стран, вытесненные или революцией, или войнами Наполеона, так что население было самое пестрое. Герцога так уважали и любили, он был так достоин любви и доверия, так полон благих желаний к вверенному ему краю! Добрый, ласковый, честный, прекрасной наружности, он носил печать аристократии дореволюционной Франции; в нем не было искры того, что выражается словом courtisan; он служил императору и России, сохраняя всю независимость своего характера, всегда говорил правду и выражал благодарность за данное ему покровительство в страшное и бедственное время его скитальчества по свету, не скрывая, что живет и дышит лишь одним желанием возвратиться в любимое отечество.

Отец мой умер, а герцог оставил Одессу после восстановления Бурбонов в лице Людовика XVIII. Перед отъездом он еще дал прощальный вечер в своем саду. Маменька взяла меня с братом Иосифом и с Амалией Ивановной. Помню, что ночь была теплая и темная. В беседке мы нашли двух дам и дюка. Прощальный праздник был невеселый: все расставались с истинным и глубоким сожалением с создателем Новороссийского края. Маменька еще оставалась, а нас отправили на хутор. По дороге были расставлены смоляные бочки. От треска и пылающего огня лошади испугались и понесли. Амалия Ивановна опустила все окна и вскрикивала: «Ach, mein Gott, mein Gott!»[347], а нам нравилась эта скорая езда. Дом был под крутым спуском. Однако, все обошлось как нельзя лучше, и наши кони подвезли нас благополучно к крыльцу. Яким и Гапка, его супруга, совершенно трезвые, очутились у дверец, при чем Яким, осмотрев карету, не упустил случая сказать несколько приятных слов кучеру.

Герцог был моим крестным отцом, а тетушка Екатерина Ивановна Вороновская – матерью. Меньшого брата моего, Александра, крестила неаполитанская королева Каролина. Она искала убежища в России и должна была подвергнуться карантину, что исполнено было со всеми возможными удобствами и присмотром, достойным ее несчастного и высокого звания.

---

[347] Ах, Боже мой, Боже мой *(нем.)*.

Отец мой, как инспектор карантина, был в беспрестанных сношениях с королевой и ее штатом. Матушка в это время родила; королева сама предложила быть крестной матерью и тем выразила аттенцию отцу моему с условием, что брата назовут Карлом. Ее место заменила г-жа де-Рибас, жена генуэзского матроса, который у нас дослужился до чина адмирала. Помню этот день. Де-Рибас была в розовом атласном платье, и тюник весь кружевной. Королева написала собственноручное письмо и прислала брату брильянтовый крест, а маменьке то, что называли тогда склаважем, т. е. цепочки, связанные вензелевым шифром из крупных брильянтов. Я помню лицо королевы; нас возили к ней в карантин. Она была невысокого роста, в зеленом бархатном платье, нарумяненная, покрыта брильянтами, и возле нее стояли две нарядные дамы.

Хутор наш считался лучшим. Отец мой сам сажал, прививал деревья, даже развел виноградники и посадил тополь. Помощником его был садовник Baptiste, выписанный также добрым дюком; он после был директором ботанического сада при графе Ланжероне, что доказывает, что грунт Одессы хорош. Но, конечно, не без труда и большой поливки были эти результаты. В саду росли дикая спаржа и сморчки. Мы утром ходили собирать спаржу и сморчки в сопровождении Приськи. Эта Приська была странная девочка; всегда босая, в пестрядевом платье; волосы совсем желтые, и глаза у нее были желтые, и зрачок как у кошки. Она ела пасклен, вертела руками стебелек и приговаривала: «Свиньям горько, а нам солодко». Она не боялась змей, и раз одна обвилась об ногу брата Аркадия, то Приська одним махом ее отбросила далеко. Маменька занималась делами по имению и процессами. Слово «процесс» и теперь звучит в моих ушах: так часто оно повторялось вокруг меня, и не только в нашем доме. Маменька ездила в деревню, гостила у бабушки, в Пондике у Вороновских, в Каховке у Каховых под Соколами (ныне Вознесенск), иногда в Киев на Контракты, а мы оставались с Амалией Ив<ановной> в Одессе, а летом на хуторе. Дом был маленький, в один этаж, с палисадником и большим двором.

Амалия Ив<ановна> была швейцарка с Констанцского озера; ее рекомендовал генерал Форстер, друг нашего семейства,

когда маменька овдовела. Эта почтенная старушка осталась в доме даже после кончины матушки, точно так же любила детей второго брака матери и умерла в Киеве, в доме отчима Арнольди. В ней была такая пропасть высоких добродетелей, с такой простотой, что ни она, ни другие не подозревали, что это точно высокие добродетели. Ей самой и всем казалось, что она не заслуживает особого внимания и благодарности. Амалия Ив<ановна> была все в доме: и нянька, и учительница, и ключница, и друг маменьки, и вторая мать нам, даже доктор. Ее глаз и присмотр были везде. Она любила чистоту и порядок. В пять часов она уже просыпалась, тотчас надевала корсет и кофточку, юбку и тотчас отправлялась в буфет, где выдавала провизию повару и буфетчику. Потом поднимала нас, и мы повторяли за ней «Vater unser»[348]. Тотчас после завтрака, т. е. молока с булкой, а Амалье Ив<ановне> приносили кофий со сливками, мы отправлялись в сад, где собирали цветы, дикую спаржу, сморчки и подбирали яблоки и груши. Эти прогулки доставляли нам истинную радость наших дней; они повторялись вечером, до ужина. В Одессе было так невыносимо жарко, что в 10 часов закрывали ставни, поливали пол водою; я вязала, но никогда не могла дойти до дорожки, и мы лежа дремали. В час подавали обед. Повар был очень хороший, из Москвы. Отец его купил со всем семейством у господина Высоцкого; но он пил запоем, потому-то маменька его лечила черными каплями. Иногда этот артист Дмитрий нас оставлял без обеда. Тогда посылали за Артемием Макаровичем Худобашевым; он являлся, угрожал Дмитрию полицией, тюрьмой, и этот на несколько времени приходил в повиновение.

3. КОПИЯ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА ИОСИФА ИВАНОВА СЫНА РОССЕТИ

Коллежский советник и орденов св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени, св. Георгия 4-го класса и св. Анны 2-й степени кавалер Иосиф Иванов сын Россети, одесского портового карантина инспектор, 53 лет, швейцарской нации.

[348] Отче наш.

В службу вступил мичманом 29 марта 1788 года. В сем чине был у исправления дел флагманских при принце Насау; потом командиром на яхте. Лейтенантом произведен 7 июня 1788 года. Августа 12-го того же года взят был штаба князя Потемкина Таврического флигель-адъютантом и определен в бомбардирский катер № 8 командиром. А октября 27-го поступил паки к его светлости для обгербования флота неприятельского и для дальнейших сигналов, а потом командиром на судне «Паландре» капитан-лейтенантом 12-го февраля 1792 года. Декабря 6-го дня 1788 за штурм под Очаковым получил орден св. Владимира 4-й степени, а в 1791 году, по особому засвидетельствованию покойного графа Суворова-Рымникского, за ревность в службе, оказанную во время прошедшей Турецкой войны, особенно при штурме Измаила, удостоен орденом св. Георгия 4-го класса, а по заключении мира возвратился в свою гавань. В 1793 году был командирован на фрегат «Лансон» адмирала Мордвинова и в том же году был командирован на фрегат «Поспешный» командиром. В 1797 году был аттестован как добропорядочный офицер, достойным в повышении чина от генерал-майора Матвеева; сентября 16-го того ж года просился в отставку в Швейцарию на родину и октября 23-го отставлен от службы. В настоящую должность определен по именному высочайшему указу с чином надворного советника 12 декабря 1802 года. По именному его императорского величества указу за отличное усердие к службе пожалован коллежским советником 26-го января 1804 года. По высочайшему же его императорского величества повелению, в 1805 году состоявшемуся, в награждение отличной службы получил одновременно 1000 рублей, а в феврале месяце 1807 года пожалован орденом св. Анны 2-й степени, за отличное исполнение порученностей в отправлении в 1805 и 1806 годах в Корфу войск и провианта.

В апреле месяце 1813 г. представлен по начальству о выслуге им при карантине десяти лет для испрошения назначенной по уставу за то награды. Того ж декабря 11 дня волею божию умер.

В походах и сражениях был, именно: будучи командиром на яхте, июня 7-го в сражении с неприятельскою флотилией; 17 вторично с неприятельским парусным флотом;

18 под Киксбергом и Аджалыком в жестоком сражении и потоплении великого числа неприятельских кораблей и фрегатов и прочих судов. Июня 1-го при жестоком бомбардировании под Очаковым и был в разные числа в бомбардированиях, а декабря 6-го при штурме Очакова, за что был награжден орденом св. Владимира. Декабря 9-го определен для поднятия потопших под городом неприятельских судов.

1789-го года, бывши командиром на судне «Паландре», был в походе под Аккерманом под командою генерал-майора Де-Рибаса. 1790-го года с флотилиею на Дунае и находился при взятии Тульчи и Исакчи штурмом, где особливо рекомендован от покойного графа Суворова-Рымникского и получил орден св. Георгия 4-го класса. 1791 год был под Бободаем, Браиловым и Мачиным, а затем по заключении мира возвратился в свои гавани.

В отставке был в 1797 году без награждения чином. Во владении крепостных душ не имеет. Женат, имеет детей: дочь Александру 6 лет, сыновей Клементия 5-ти, Иосифа 4-х, Аркадия 3-х и Карла одного года.

Содержание

Александра Осиповна Смирнова-Россет

Баденский роман

16+

Ответственный редактор *А. Иванова*
Верстальщик *А. Сычева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334–72–11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д.16